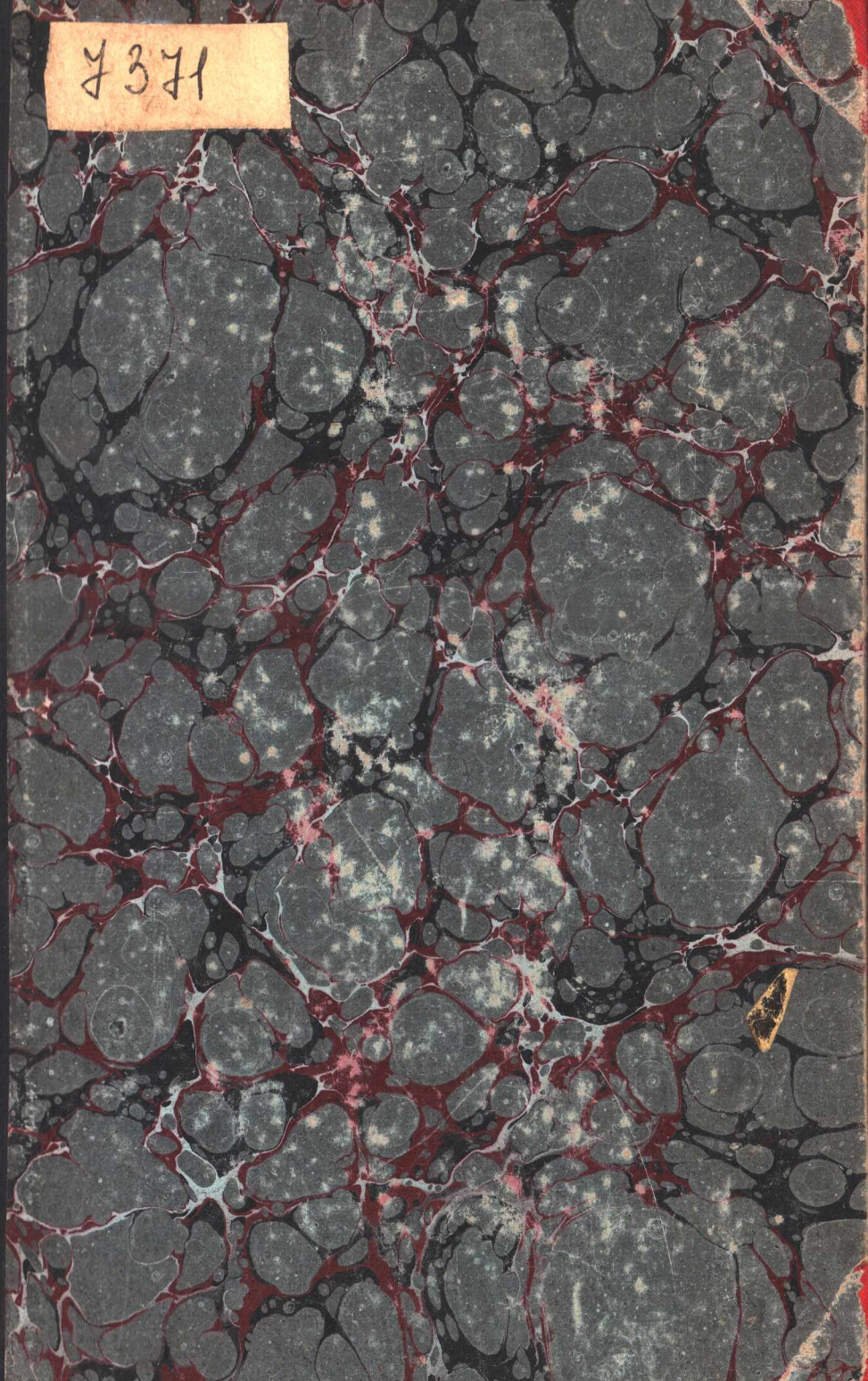

7371

120

Умо.
Бедар. над.
№431

Джемс Селли.

ОЧЕРКИ

ПО ПСИХОЛОГИИ ДѢТСТВА.

Переводъ съ англійскаго Александра Громбаха.

Учен. Ком. Мин. Народ. Просв. въ 1-мъ изд. рекомендована для при-
обретения въ фундамент. библиотеки средн. учебн. завед. мужск. и женск.

7371

X

* = 4 НОЯ 1941

ЦѢНА 2 РУБ.

Уч. б. 10726

14/690

3-е издание К. Тихомирова.
Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Захарыина.
1909.

49372

НБ ПНУС

7371

МОСКВА,

Типо-лит. „Русского Товарищества печатн. и издат. дѣла“.

Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.

Телефоны: 18-35 и 53-95.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настояшіе очерки не представляют собою законченнаго изслѣдованія по психологіи ребенка; они касаются только немногихъ сторонъ дѣтской души, которыя привлекли мое вниманіе и возбуждали во мнѣ особенный интересъ. Въ этомъ сочиненіи я старался соединить необходимую степень точности съ такимъ способомъ изложенія, который могъ бы заинтересовать не только людей, изучающихъ психологію, но и читателей изъ другихъ круговъ, особенно изъ среды родителей и молодыхъ учителей.

Часть этихъ очерковъ уже была напечатана въ другихъ мѣстахъ. Первая глава (Введеніе) была помѣщена въ *Fortnightly Review*, ноябрь, 1895. Сущность II—VIII главъ была изложена въ нью-йоркскомъ *Popular Science Monthly*.

Какъ и всѣ новѣйшіе изслѣдователи психологіи ребенка, я многимъ обязанъ пионерамъ въ этой области, въ особенности профессору В. Прейру. Кромѣ нихъ я хотѣлъ бы выразить свою благодарность доктору Postgate, члену Trinity College въ Кэмбриджѣ, за любезный просмотръ главы о дѣтской рѣчи и за многочисленныя цѣн-

ныя указанія, генералу Pitt-Rivers'у и г. Balfour'у, состоящему при оксфордскомъ музеѣ, за любезное содѣйствіе, оказанное мнѣ при изученіи рисунковъ дикарей, и г. Cooke'у за сообщеніе многочисленныхъ фактовъ и указаній, относящихся къ приемамъ дѣтскаго рисованія. Наконецъ, я хотѣлъ бы выразить свою горячую признательность тѣмъ родителямъ, которые прислали мнѣ замѣтки о духовномъ развитіи своихъ дѣтей. Нѣкоторымъ изъ этихъ сборниковъ, гдѣ наблюденія записаны съ изумительной тщательностью, я особенно обязанъ, такъ какъ безъ нихъ я, вѣроятно, не написалъ бы своей книги.

Д. С.

Гамштедъ. Ноябрь. 1895.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ человѣкъ, подлѣ него находится и ребенокъ, и можно было бы съ полной увѣренностью ожидать, что съ того самаго времени, когда человѣкъ сталъ чутокъ и воспримчивъ къ красотѣ вообще, онъ долженъ былъ почувствовать обаяніе ребенка. Помимо часто приводимаго разсказа о прощаніи Гектора, помимо другихъ описаній дѣтской прелести, встрѣчающихся въ древней литературѣ, у насъ есть еще нѣкоторые доказательства того, что культъ дѣтей возникъ вовсе не въ новѣйшее время; такъ, напримѣръ, Леландъ записалъ со словъ одной старой индианки прелестный разсказъ о томъ, какъ богъ-герой Глоскапъ, побѣдивъ всѣхъ своихъ враговъ, сдѣлалъ неосторожную попытку подчинить себѣ одного ребенка, по имени Вазисъ, обладавшаго большимъ могуществомъ, и какъ онъ былъ наказанъ за свою опрометчивость ¹⁾.

Однако, есть достаточно оснований полагать, что болѣе тонкая прелесть и болѣе глубокое значеніе дѣтскаго возраста были подмѣчены лишь въ сравнительно недавнее время. Мы научились теперь правильно цѣнить первое дѣтство, подобно тому, какъ научились въ самыхъ мелкихъ чертахъ природы видѣть стороны одного великаго цѣлаго. Это замѣчаніе относится, разумѣется, преимущественно къ болѣе сильному полу: въ мужчинѣ есть много чисто-мальчишескаго презрѣнія ко всему маленькому, и потребовались цѣлые вѣка воспитательнаго вліянія со стороны болѣе свѣдущей въ этой области женщины для того, чтобы онъ научился замѣчать прелесть, присущую дѣтству.

¹⁾ Приведено у *Miss Shinn, Overland Monthly*, январь 1894.

Однимъ изъ первыхъ мужчинъ, оцѣнившихъ по достоинству этотъ привлекательный предметъ, былъ Руссо. Онъ учинилъ короткую расправу надъ теологическимъ догматомъ, будто дитя рождается на свѣтъ нравственно испорченнымъ и можетъ быть исправлено лишь при помощи чуда. Его лозунгъ о возвращеніи къ природѣ включалъ въ себя и возвратъ къ состоянію ребенка, который выходитъ чистымъ и незапятнаннымъ людскою грязью изъ рукъ своего Творца. Уловить хотя бы слабое сіяніе этой первоначальной красоты, прежде чѣмъ она будетъ искажена грубымъ прикосновеніемъ людей, — это ужъ чего нибудь да стоитъ, и потому Руссо учить насъ почтительно сидѣть у ногъ дѣтей, — наблюдать и учиться.

Мы, нынѣшніе люди, научились искать духовнаго освѣженія у чистыхъ источниковъ природы, а потому и дитя заняло у насъ высокое мѣсто среди всего прекраснаго. Въ самомъ дѣлѣ, можно почти утверждать, что прелесть дѣтства открыта современнымъ поэтомъ. Уордсуортъ наклонялся надъ колыбелью, чтобы уловить „призрачные отблески“ „пережитаго блаженства“. Блэкъ, Р. Л. Стивнсонъ и другіе пытались выразить словами грезы ребенка и причудливые плоды его фантазіи: Диккенсъ и Викторъ Гюго показали намъ нѣкоторыя изъ нѣжныхъ, дрожащихъ струнъ его сердца; Свинбернъ немногими штрихами обрисовалъ всю божественную прелесть „дѣтскихъ продѣлокъ и проказъ“. Словомъ, современная литература есть памятникъ нашей любви къ дѣтямъ и нашего преклоненія передъ ними.

Но, удивляясь дѣтству, мы удивляемся не только чистой, незапятнанной природѣ. Эстетическая сторона дѣтства, которая такъ могущественно влечетъ насъ къ нему и побуждаетъ замѣчать слова ребенка и его поступки, имѣетъ очень сложный характеръ, какъ и все, что занимаетъ современный умъ. Среди источниковъ дѣтской прелести мы можемъ выдѣлить, на примѣръ, полную ясность, счастливую беззаботность дѣтскаго ума. Голосъ міровой скорби уже проникъ въ современной жизни въ большинство областей, но будемъ на-

дѣяться, что онъ не проникъ еще въ заколдованную сферу дѣтскаго опыта. Дѣтство имѣетъ, безъ сомнѣнія, свою печальную сторону:

„Заброшенное къ скалистому берегу страданій, оно путемъ боли учится познавать всякій источникъ боли“,

ибо небрежность и жестокость могутъ внести много страданія въ прекрасные первые годы. Но истинно-дѣтскій инстинктъ, позволяющій ребенку быть веселымъ въ мирѣ, созданномъ имъ самимъ, инстинктъ, который Викторъ Гюго такъ изумительно-художественно сохраняетъ живымъ и теплымъ въ груди почти умирающаго съ голоду, истязуемаго ребенка Козетты,—этотъ инстинктъ обезпечиваетъ дѣтству своеобразное блаженство. Истинное, не притупившееся дитя природы счастливо и беззаботно; ему совершенно неизвѣстны горести разочарованія. Когда мы, съ сердцемъ, искушеннымъ различными испытаніями, заглядываемъ въ область его фантастическихъ удовольствій, намъ кажется, что мы въ дѣйствительности перенеслись обратно въ золотой вѣкъ. Вместе съ Амиелемъ мы говоримъ: „Le peu de paradis que nous apercevons encore sur la terre est dû à sa présence“ ¹⁾. Но являющаяся въ то же мгновеніе мысль о мимолетности этихъ иллюзій дѣтства, о грядущихъ буряхъ и невзгодахъ, придаетъ этому зрѣлищу серьезный оттѣнокъ, и мы чувствуемъ то, что чувствовалъ Гейне, когда онъ писалъ:

Ich schau' dich an, und Wehmuth
Schleicht mir in's Herz hinein ²⁾.

Съ этимъ ласковымъ, полусострадательнымъ удивленіемъ смѣшиваются другія, очень мало похожія на него чувства. Мы, нынѣшніе люди, склонны облегчать себѣ душевное

1) Той частицей рай, которую мы замѣчаемъ еще на землѣ, мы обязаны его присутствію.

2) Я гляжу на тебя, и въ мое сердце закрадывается грусть.

напряженіе, связанное съ чувствомъ уваженія и жалости, переходя отъ нихъ внезапно къ безотчетной веселости. Дитя, требуя нашего удивленія и нашей жалости, въ то же время сильно возбуждаетъ нашу способность подмѣчать смѣшныя стороны въ вещахъ. И дѣйствительно, трудно сказать, когда ребенокъ бываетъ забавнѣе—тогда ли, когда въ своемъ спокойствіи онъ гордо отвергаетъ наиболѣе цѣнимые нами взгляды, наши представленія объ истинномъ и ложномъ, о настоящемъ назначеніи вещей и т. д., или тогда, когда онъ старается превзойти насъ на свой собственный манеръ и считаетъ себя такимъ же опытнымъ и свѣдущимъ въ условностяхъ жизни, какъ и мы сами. Это вѣчно новая игра комическихъ чертъ въ мышленіи и въ поступкахъ ребенка составляетъ одинъ изъ глубочайшихъ источниковъ наслажденія для современнаго друга дѣтей.

Вмѣстѣ съ ростомъ поэтическаго, или основаннаго на чувствѣ, интереса къ дѣтямъ возникъ и новый, совершенно иной родъ интереса. Нашъ вѣкъ—вѣкъ науки, и наука бросила и на дѣтство свой пытливый взглядъ. Мы хотимъ знать, что происходитъ въ теченіе этихъ первыхъ двухъ или трехъ лѣтъ человѣческой жизни, опредѣляющихъ все будущее, какія именно ступени проходить это маленькое безформенное существо, выростая и складываясь какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. И теперь мы можемъ уже говорить о тщательномъ, методическомъ изученіи дѣтской природы, начало которому положено людьми опытными въ научномъ наблюденіи. Этотъ рядъ изслѣдованій, начатый медиками, на примѣръ, нѣмецкимъ врачомъ Сигизмундомъ, въ связи съ ихъ спеціальными цѣлями, былъ затѣмъ продолженъ нѣкоторыми отцами и другими лицами, близко стоящими къ дѣтямъ; изъ нихъ достаточно назвать имена Дарвина и Прейера ¹⁾.

---

¹⁾ Подробный указатель литературы этого предмета приложенъ къ концу книги.

Это стремление познакомиться съ существомъ ребенка, стремление, о которомъ свидѣлствуютъ также и многочисленныя, недавно опубликованныя воспоминанія дѣтства, есть слѣдствіе многосторонняго интереса, который, намъ кажется, достоинъ подробнаго анализа.

Самый очевидный источникъ интереса къ дѣйствіямъ ребенка заключается въ ихъ примитивности. У колыбели мы наблюдаемъ самое начало существованія и видимъ первыя попытки проникнуть въ жизнь. Наша современная наука держится прежде всего историческаго и генетическаго метода; она восходитъ къ началамъ явленія, чтобы поднять позднѣйшія, болѣе сложныя фазы его, какъ слѣдствіе этихъ началъ. Та же любознательность, которая заставляетъ геолога возвращаться къ первымъ стадіямъ образованія планеты, а біолога отыскивать древнѣйшія формы жизни, стала побуждать и изслѣдователей человѣка къ попыткамъ раскрыть, путемъ тщательнаго изученія дѣтства, тотъ процессъ, посредствомъ котораго человѣческая жизнь пріобрѣтаетъ свои характеристическія формы.

Присутствіе имени Дарвина среди тѣхъ, кто считалъ ребенка достойнымъ изученія, указываетъ на тѣсную связь этого предмета съ естественной исторіей. Каково бы ни было отношеніе между человѣкомъ, въ періодъ полнаго его расцвѣта, и природой, однако несомнѣнно, что въ своемъ скромномъ первоначальномъ состояніи онъ всецѣло слитъ съ нею и она даетъ ему все его содержаніе. Низшія изъ человѣческихъ расъ стоятъ, какъ всѣмъ извѣстно, очень близко къ животному міру. Это же можно сказать и относительно дѣтей цивилизованныхъ расъ. Ихъ жизнь имѣетъ чисто внѣшній характеръ; вся она на виду и составляетъ часть той картины, которую даетъ намъ природа; разумъ и воля, эти благородныя преимущества человѣка, едва замѣтны; ощущенія, желанія, инстинктъ—этими животными функціями исчерпывается, повидимому, все содержаніе перваго года человѣческой жизни.

Въ глазахъ эволюціониста дитя находится въ еще болѣе близкомъ родствѣ съ природой. Въ послѣдовательныхъ сту-

пеняхъ эмбріональнаго развитія онъ видитъ постепенное развертываніе формъ человѣческаго тѣла изъ отдаленныхъ типическихъ формъ животнаго міра. И даже послѣ рожденія онъ находитъ новыя доказательства этой генеалогической связи между „царемъ“ природы и между ниже его стоящими видами. Какъ важень, на примѣръ, установленный недавно однимъ врачомъ, Луи Робинзономъ, фактъ, что новорожденный ребенокъ способенъ, точно такъ же, какъ и обезьяна, повиснуть всей своей тяжестью, ухватившись за тонкій горизонтальный пруть 1).

Но и въ качествѣ естественно-историческаго объекта дитя имѣетъ въ глазахъ біолога своеобразныя черты. Хотя оно обладаетъ животнымъ инстинктомъ, но обладаетъ имъ въ очень незначительныхъ размѣрахъ. Самая поразительная черта новорожденного отпрыска человѣческаго рода, это—его неподготовленность къ жизни. Въ сравненіи съ дѣтенышами другихъ животныхъ онъ слабъ и ни къ чему не способенъ. Онъ не въ состояніи ни пользоваться своими членами, ни различать разстояніе между предметами, какъ это можетъ дѣлать новорожденный цыпленокъ или теленокъ. Намъ говорятъ, что его мозговые центры находятся еще въ жалкомъ неразвитомъ состояніи, что они даже не уложены еще вполне прочно въ своей костяной оболочкѣ. И дѣйствительно, дитя вполне походитъ на общественное зданіе, которому предстояло быть открытымъ въ опредѣленный срокъ, и которое, когда наступилъ назначенный день, оказывается въ обидномъ состояніи незаконченности.

Фактъ особенной беспомощности ребенка непосредственно послѣ рожденія и продолжительности того періода, когда онъ нуждается въ помощи со стороны родителей или другихъ людей,—періода, который, вѣроятно, имѣетъ тенденцію увеличиваться по мѣрѣ того, какъ цивилизація идетъ впередъ,—этотъ фактъ имѣетъ большое біологическое и соціологическое

---

1) The Nineteenth Century (1891 г.). Ср. нѣсколько странную и не особенно значительную статью S. S. Buckmann'a „Babies and Monkeys“ (Дѣти и обезьяны) въ томъ же журналѣ (1894 г.),

значеніе. Прежде всего, онъ предполагаетъ въ родителяхъ преимущественно въ матери, высокое развитіе инстинктовъ, побуждающихъ защищать и кормить свое дитя,—ибо что сдѣлалось бы съ нашей расой, если бы маленькое, беспомощное существо не встрѣчало этихъ инстинктовъ? Вполнѣ вѣроятно также, что это состояніе слабости, на которое природа обрекаетъ ребенка. въ свою очередь, оказало, какъ заключали Спенсеръ и другіе, вліяніе на социальныя чувства расы въ томъ смыслѣ, что способствовало развитію въ насъ состраданія ко всему слабому и беспомощному.

Но это еще не все. Существованіе ребенка, съ его большими и непреклонными требованіями, играло огромную роль въ развитіи социальныхъ обычаевъ. Этнологическія изслѣдованія показываютъ, что человѣческія общины много занимались вопросомъ о дѣтствѣ и воздали его высокой святости должное почтеніе, окруживъ его цѣлою сѣтью охранительныхъ и благодѣтельныхъ обычаевъ ¹⁾.

Мы сказали, кажется, достаточно для того, чтобы выяснять, какое большое значеніе имѣетъ дѣтство для современнаго ученаго. И едва ли мы впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что оно сдѣлалось однимъ изъ наиболѣе краснорѣчивыхъ явленій въ природѣ, повѣствующимъ, въ одно и то же время какъ о нашемъ родствѣ съ животнымъ міромъ, такъ и о тѣхъ силахъ, благодаря которымъ наша раса мало-по-малу заняла такое высокое положеніе въ этомъ мірѣ; и такимъ-то образомъ дитя стало центромъ живого интереса не только для вѣчной поклонницы дѣтства—матери, не только для поэта, парящаго въ области таинственнаго, но и для серьезнаго человѣка науки.

Тѣмъ не менѣе дитя не открываетъ всего своего значенія тому, что подходитъ къ нему только въ роли естествоиспытателя. Физическій организмъ, которымъ какъ будто исчерпывается все существо ребенка и который какъ будто ничѣмъ

---

¹⁾ См., напримѣръ, произведенія *H. Ploss'a*: *Das Kind in Brauch und Sitte* и *Das kleine Kind*.

не выше чисто-растительнаго существа, — этотъ организмъ носить въ себѣ зародышъ человѣческаго сознанія, и это сознаніе начинаетъ развиваться и принимать истинно человѣческую форму съ перваго момента. И вотъ является новый источникъ интереса. Для психолога, занимающагося тѣми неосязуемыми, неуловимыми, мимолетными явлениями, которыя мы называемъ „состояніями сознанія“, первые годы человѣческаго существованія представляютъ величайшій интересъ, и онъ имѣетъ научное право собственности на нихъ. Наибольшую цѣнность въ первыхъ неловкихъ попыткахъ жить по человѣчески имѣетъ дѣятельность ума — первыя произвольныя дѣйствія, обусловленныя узнаваніемъ, первые случаи сознательнаго ожиданія, первыя проявленія чувства симпатіи и антипатіи, а также опредѣленныхъ, устойчивыхъ наклонностей.

Безъ сомнѣнія, эти первыя, нащупывающія движенія человѣческаго ума въ достаточной степени грубы, примитивны, неопредѣленны; но они имѣютъ для психолога величайшую цѣнность именно потому, что они — первыя. Если только, разсуждаетъ психологъ, мнѣ удастся проникнуть въ это сознаніе ребенка, такъ, чтобы понимать, что въ немъ происходитъ, я буду въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи для того, чтобы разобраться и въ сложномъ сознаніи зрѣлаго человѣка. Возможно, какъ мы скоро увидимъ, что душа ребенка не такъ абсолютно проста, не такъ совершенно примитивна, какъ кажется на первый взглядъ. Но она — простѣйшій доступный для насъ типъ человѣческаго сознанія. Исслѣдователь этого сознанія не можетъ принять за точку отправленія какой-нибудь извѣстный образецъ ума животныхъ уже по той простой причинѣ, что послѣдній, хотя и содержитъ много элементовъ человѣческаго ума, но проявляетъ ихъ въ совершенно несходной, своеобразной формѣ.

Во время этого генетическаго восхожденія отъ сложной умственной жизни человѣка къ ея первоначальнымъ элементамъ, заключеннымъ въ дѣтскомъ сознаніи, возникаетъ рядъ чрезвычайно интересныхъ вопросовъ. Большое значеніе имѣ-

еть, несмотря на свою почтенную давность, вопросъ о точномъ соотношеніи между высшими формами разума и чувства и элементарными фактами жизненнаго опыта. Должны ли мы разсматривать всё наши идеи, даже идею Бога, какъ продукты разума, которые онъ создаетъ на основаніи своего опыта, какъ полагалъ Локкъ, или у насъ съ самаго начала имѣются извѣстныя „врожденные идеи?“ Локкъ полагалъ, что можетъ разрѣшить этотъ вопросъ, наблюдая дѣтей. Нынѣ, когда главный философскій интересъ сосредоточенъ уже не на времени перваго проявленія „врожденных“ возрѣній, а на ихъ самобытности и самопроизвольности, этотъ методъ— обращеніе къ уму ребенка — можетъ показаться не такимъ многообѣщающимъ. Однако, если онъ и имѣетъ меньшее философское значеніе, чѣмъ полагали раньше, то психологическое значеніе его все-таки очень велико. Есть вопросы— на примѣръ, вопросъ о томъ, какимъ образомъ мы начинаемъ видѣть предметы на извѣстномъ разстояніи отъ себя,—къ которымъ мы удобнѣе всего можемъ подойти, изучая движенія ребенка. Точно такъ же я полагаю, что ростъ нравственнаго чувства, — того чувства уваженія къ долгу, которое столь краснорѣчиво выражено Кантомъ, можетъ быть понято только съ помощью тщательнѣйшихъ наблюденій надъ психической дѣятельностью въ теченіе первыхъ лѣтъ.

Но существуетъ и другой, въ извѣстномъ смыслѣ болѣе глубокой источникъ психологическаго интереса, который побуждаетъ изучать развитіе дѣтскаго ума и совершающіеся въ немъ процессы. Выше было указано, что въ ребенкѣ для біолога-эволюціониста проявляется родство между человѣкомъ и міромъ низшихъ существъ. Эта же эволюціонная точка зрѣнія даетъ психологу возможность связать развитіе дѣтскаго ума съ тѣмъ, что ему предшествовало, — съ умственнымъ развитіемъ расы. Разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, послѣдовательныя фазы умственнаго развитія ребенка являются краткимъ повтореніемъ наиболѣе важныхъ этаповъ медленнаго прогрессивнаго движенія вида. Послѣдовательные періоды, въ теченіе которыхъ господствуютъ сперва ощущенія

и желанія, затѣмъ слѣпо удивляющаяся и суевѣрная фантазія, и наконецъ болѣе спокойное наблюденіе и болѣе правильное размышленіе,—эти ступени обозначаютъ тотъ путь, которымъ идетъ развитіе душевной жизни какъ у дитяти, такъ и у расы.

При такихъ условіяхъ первые годы жизни, когда дитя не умѣетъ еще правильно пользоваться рѣчью, когда въ немъ царятъ нестройныя фантастическія представленія и оно внезапно подвергается припадкамъ гнѣва и страха, когда все его вниманіе постоянно поглощено настоящимъ моментомъ,—эти годы приобрѣтаютъ новый, историческій интересъ. Они показываютъ намъ, хотя, правда, какъ бы въ уменьшительномъ и кривомъ зеркалѣ, то состояніе, въ которомъ, вѣроятно, находился первобытный человѣкъ. По словамъ Д. Леббока и другихъ антропологовъ, близкое сходство между низшими изъ человѣческихъ расъ и ребенкомъ обнаруживается во многихъ чертахъ ихъ умственного и нравственного склада. На эти сходныя черты не разъ будетъ указано въ предлагаемыхъ очеркахъ.

Но изученіе дѣтства съ этой точки зрѣнія представляетъ не только историческій интересъ. Будучи живымъ памятникомъ расы и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, ключемъ къ ея исторіи, дитя въ то же время есть и ея продуктъ. Несмотря на модное теперь увлеченіе теоріей Вейсмана, нѣкоторые эволюціонисты все же держатся того взгляда, что въ рано обнаруживающихся наклонностяхъ ребенка мы можемъ распознать признаки наслѣдственно-переданныхъ свойствъ, являющихся продуктами опыта и дѣятельности предковъ. Такъ, первыя проявленія гнѣва у ребенка представляютъ собою отголосокъ дѣйствій отдаленныхъ предковъ, жизнь и смерть которыхъ была связана съ борьбой. Склонность къ повиновенію, которая не менѣе характерна для ребенка, чѣмъ склонность къ неповиновенію, можетъ подобнымъ же образомъ быть рассматриваема, какъ унаслѣдованный зачатокъ — плодъ долговременной дѣятельности обобществленныхъ предковъ. Эта мысль — что ростомъ своего ума и своихъ нравственныхъ

задатковъ личность обязана не самой себѣ, а своимъ предкамъ—представляетъ особенный интересъ. Прогрессъ чело-вѣчества получаетъ въ нашихъ глазахъ новый смыслъ, разъ мы принимаемъ, что сумерки дѣтскаго разума вовсе не явля-ются состояніемъ первоначальнаго мрака, что, наоборотъ, умъ ребенка съ перваго же мгновенія содержитъ слабый свѣтъ, отраженный на него предшествовавшимъ умственнымъ развитіемъ расы; это—не возвратъ къ тому состоянію, съ котораго началось развитіе расы—къ низшему виду нако-пленія опыта, а, наоборотъ, начало нѣкоторой высшей фор-мы, и повышеніе здѣсь дается ребенку въ награду за усилія предковъ. При изученіи различныхъ сторонъ духовной жизни ребенка именно психологическое наблюденіе покажетъ, сви-дѣтельствуютъ ли какіе-нибудь признаки о такой наслѣд-ственной передачѣ.

Сказаннымъ въ достаточной мѣрѣ очерчивается тотъ серьез-ный и многосторонній научный интересъ, который представ-ляютъ факты душевной жизни ребенка. Намъ остается еще только коснуться третьяго главнаго вида интереса, представ-ляемаго дѣтствомъ,—интереса практическаго или педагоги-ческаго. Современное общество, сдѣлавшее ребенка, съ одной стороны, предметомъ эстетическаго созерцанія, съ другой—объектомъ научнаго наблюденія, въ то же время очень оза-бочено вопросомъ объ его воспитаніи. То, что раньше было дѣломъ инстинкта и производилось на основаніи практиче-скихъ правилъ, принимаемыхъ на вѣру, то теперь стало предметомъ глубокихъ и сложныхъ разсужденій. Матери—я разумѣю истинныхъ матерей—чувствуютъ, что имъ необхо-димо основательное знакомство съ этимъ маленькимъ безсло-веснымъ существомъ, которое онѣ призваны вывести на без-опасный путь къ зрѣлости. И профессиональные учителя, въ особенности молодые, только начинающіе свою педагоги-ческую дѣятельность,—дѣятельность, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является самой трудной и самой почтенной,—также пришли къ тому убѣжденію, что ясное пониманіе дѣт-ской натуры должно предшествовать всякой попыткѣ благо-

творно повліять на эту натуру. Такимъ образомъ, въ изслѣдованіи дѣтства учитель пришелъ на помощь естествоиспытателю и психологу. За содѣйствіемъ же онъ обратился преимущественно къ послѣднему, чтобы лучше ознакомиться съ природными наклонностями и господствующими свойствами несложившейся еще дѣтской души, на которую онъ долженъ опредѣленнымъ образомъ воздѣйствовать. Кроме того, можно ожидать, что все увеличивающійся педагогическій интересъ къ самостоятельной дѣятельности дѣтскаго ума вызоветъ потребность въ *статистикѣ* дѣтства, т.-е. въ тщательно составленныхъ наблюденіяхъ относительно такихъ пунктовъ, какъ, на примѣръ, вопросы дѣтей, ихъ первыя размышленія о природѣ, проявленія ихъ чувствительности и нечувствительности.

Пробужденіе въ современныхъ умахъ этого жгучаго и разносторонняго интереса къ дѣтству привело уже и должно еще дальше повести къ наблюденію всего, что совершается въ ребенкѣ. Такое наблюденіе имѣетъ, разумѣется, очень различную цѣнность въ зависимости отъ того, сводится ли оно къ подмѣчанію комическихъ или иныхъ сторонъ дѣтской природы, привлекательныхъ съ эстетической точки зрѣнія, или же его цѣлью является научное пониманіе этой природы. Милые, трогательные рассказы о дѣтяхъ могутъ увеличивать, но могутъ и не увеличивать нашего знакомства съ своеобразнымъ механизмомъ дѣтской души. Между улыбкой, вызванной дѣтскими проказами, и пониманіемъ законовъ дѣтскаго разума не существуетъ необходимой связи. Въ сущности, веселое настроеніе, если оно слишкомъ сильно, почти навѣрное уничтожитъ въ данный моментъ желаніе понимать.

Для того, чтобы способствовать нашему пониманію, чтобы быть пригоднымъ для науки, наблюденіе само должно быть научно. Иными словами, оно должно быть направляемо предварительными познаніями, должно имѣть въ виду только то, что существенно въ данномъ явленіи и въ его обстановкѣ или условіяхъ; въ то же время оно должно быть совершенно точное. Если кто нибудь полагаетъ, что такое наблюденіе —

легкая задача, пусть онъ самъ попытается ее выполнить и затѣмъ пусть сравнить результаты своихъ наблюденій съ тѣмъ, что сумѣли открыть Дарвинъ или Прейеръ.

Насколько трудна эта задача, можно убѣдиться даже по внѣшней, физической сторонѣ явленій, подлежащихъ нашему наблюденію. Попросите какуюнибудь мать, не имѣющую навыка въ наблюденіи, замѣтить первое появленіе того сложнаго движенія лица, которое мы называемъ улыбкой, и вы увидите, какой результатъ у васъ, вѣроятно, получится. Явленіе духовной жизни ребенка, даже съ ея физической, видимой стороны, такъ нѣжны и неуловимы, что только тонкое и живое наблюденіе можетъ съ ними справиться. Но наблюденія надъ дѣтьми никогда не сводятся къ тому, чтобы только смотрѣть. Даже улыбка должна быть истолкована, какъ улыбка, лишь посредствомъ умозаключенія. Многіе невнимательные наблюдатели сказали бы, что дитя улыбается въ первые дни отъ полноты счастья, между тѣмъ какъ существуетъ другое и болѣе простое объясненіе этого движенія. Точно такъ же необходимо очень тонкое сужденіе для того, чтобы сказать, произнесъ ли ребенокъ только случайно членораздѣльный звукъ или онъ подражаетъ услышанному звуку. Достаточно посмотреть нѣкоторыя лучшія сочиненія изъ этой области, чтобы убѣдиться, какъ трудно быть увѣреннымъ въ правильномъ истолкованіи этихъ раннихъ и сравнительно простыхъ проявленій духовной жизни ¹⁾.

Дѣло становится еще гораздо труднѣе, когда мы пытаемся набросить свой научный арканъ на увертливый умъ ребенка четырехъ или шести лѣтъ и стараемся уловить точный

¹⁾ Этихъ трудностей страннымъ образомъ не замѣтилъ, какъ мнѣ кажется, М. Вальдвинъ въ своемъ недавнемъ отзывѣ о психологii ребенка (*Mental Development in the Child and the Race*, гл. II). Въ этомъ оптимистическомъ сочиненіи нѣтъ ни малѣйшаго указанія на трудную работу истолкованія. Объ изученіи дѣтства здѣсь говорится, какъ о совершенно простомъ видѣ наблюденія, который требуетъ, въ лучшемъ случаѣ, пополненія посредствомъ немногихъ опытовъ и который, можно прибавить, долженъ опираться на твердо установленную теорію.

493

смысль его быстро смѣняющихся движеній. Ребенокъ въ этомъ возрастѣ, безъ сомнѣнія, открытъ для глазъ, которые смотрятъ на него съ любовью, и его душа гораздо болѣе доступна, чѣмъ душа безсловесной собаки, которая можетъ обнаруживать только наиболѣе сильныя свои психическія движенія. Но и въ душу ребенка совсѣмъ не такъ легко проникнуть, какъ часто полагаютъ. Его все приводитъ въ смущеніе: онъ чувствуетъ, что не умѣетъ пользоваться нашимъ труднымъ языкомъ; онъ скоро замѣчаетъ, что его мысли несходны съ нашими, что онѣ часто вызываютъ нашъ смѣхъ. И какъ тщательно скрываетъ дитя обыкновенно отъ нашихъ взоровъ свой неимовѣрный страхъ, физическій и нравственный! По большей части мы узнаемъ о томъ, что приобрѣтено путемъ опыта въ раннемъ дѣтствѣ, если только вообще узнаемъ, лишь спустя нѣсколько годовъ, и то при помощи такого неудовлетворительнаго орудія, какъ память зрѣлаго человека,—неудовлетворительнаго даже тогда, когда это—память Гёте, Жоржъ Зандъ или Р. Л. Стивнсона ¹⁾).

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда есть на лицо полная откровенность, когда маленькій человекъ своими „почему“ и „я думаю“, которые онъ сопровождаетъ самыми краснорѣчивыми взглядами, старается, какъ только можетъ, показать намъ, что происходитъ въ его душѣ,—даже и тогда насъ обыкновенно не хватаетъ на то, чтобы понять его. Мысль ребенка идетъ своими собственными тропинками—путями, которые, по прекрасному выраженію Р. Киплинга, „незнакомы тѣмъ, кто уже оставилъ дѣтство позади“. Неясныя дѣтскія рѣчи, какъ на примѣръ, вопросъ ребенка: „Почему я не кто нибудь другой?“ еще не разъ встрѣтятся намъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

При такихъ условіяхъ разговоры о „научномъ“ изслѣдованіи дѣтской души могутъ показаться дерзостью; и, откровенно

---

¹⁾ Въ наши дни, когда издается столько воспоминаній о дѣтствѣ, чрезвычайно пріятно встрѣтить такое произведеніе, какъ книга Джемса Пейна (Pain, Gleams, of Memory), въ которой авторъ честно признается что его раннія воспоминанія почти равны нулю.

говоря, я готовъ признаться, что, несмотря на нѣкоторыя недавно опубликованныя и полныя надежды предсказанія относительно будущихъ результатовъ психологіи дѣтства, мы, по моему мнѣнію, еще далеки отъ истинно-научнаго отношенія къ ней. Наши такъ называемыя теоріи духовной дѣятельности дѣтей часто были ничѣмъ инымъ, какъ слишкомъ поспѣшными обобщеніями, сдѣланными на основаніи недостаточныхъ наблюденій. Дѣти, вѣроятно, гораздо болѣе отличаются другъ отъ друга общимъ характеромъ своихъ мыслей и чувствованій, чѣмъ предполагаютъ наши теоріи. Но объ этомъ мы вскорѣ будемъ говорить болѣе подробно. Даже встрѣчая общую и сравнительно рѣзко замѣтную черту, мы все-таки далеки отъ полного пониманія ея. Я, по крайней мѣрѣ, думаю, что игра дѣтей, относительно которой уже писали такъ много и такъ увѣренно, понимается лишь очень несовершенно. Является ли она серьезнымъ дѣломъ, или скорѣе полусознательнымъ актерствомъ, чѣмъ полусознательнымъ дѣйствіемъ, или же она ни то, ни другое, или и то, и другое попеременно? Я полагаю, дерзко бы было тотъ, кто рѣшился бы сплеча отвѣтить на эти вопросы.

При такомъ положеніи дѣла полезно, казалось бы, подождать. Возможно, что понемногу мы найдемъ новые методы, которые помогутъ намъ проникнуть въ дѣтское сознаніе. Говорятъ, что нѣкоторые больные въ извѣстномъ періодѣ гипноза, снова переживаютъ и чувствуютъ то, что было испытано ими въ дѣтствѣ. Съ нѣкоторыми людьми это же происходитъ въ сновидѣніяхъ,—по крайней мѣрѣ имъ такъ кажется. Я знаю одного молодого человѣка, въ которомъ очень живо воскресаютъ воспоминанія, относящіяся къ третьему году его жизни, когда ему хочется спать, и особенно, когда онъ простуженъ. Эти факты наводятъ на мысль, что еслибы намъ было лучше извѣстенъ характеръ мозговой дѣятельности, то мы могли бы возстановлять опредѣленную совокупность условій, при которыхъ непременно всплывали бы мысли и чувства дѣтства.

Но наше дѣло не такъ безнадежно, чтобы надо было отложить изслѣдованіе дѣтской души до тѣхъ поръ, пока наука проникнетъ во всѣ тайны мозга. Мы можемъ уже и теперь узнать кое-что относительно этой души, и при томъ очень важное. Естествоиспытатель обсуждаетъ дѣйствія низшихъ животныхъ, съ увѣренностью приписывая имъ въ однихъ случаяхъ разумный замыселъ, въ другихъ — зачатки тщеславія и даже нравственнаго чутья; и было бы несправедливо, еслибы намъ запретили изучать маленькихъ человѣчковъ, принадлежащихъ къ нашей же расѣ и въ тысячу разъ болѣе доступныхъ для наблюденія. Въ этой области уже выполнены дѣйствительно полезныя работы, и за нихъ слѣдуетъ быть благодарными. Но въ то же время мнѣ кажется въ высшей степени важнымъ сознавать, что это только начало; что дитя, изслѣдованное въ настоящее время въ главныхъ чертахъ, все-таки изслѣдовано только на половину; что если мы хотимъ проникнуть въ его внутреннюю жизнь, въ его причудливыя представленія, въ его серьезныя размышленія о таинственной природѣ вещей, въ его манеру реагировать на пестрыя явленія жизни, то мы должны поднять наше дѣло — собираніе наблюденій и ихъ истолкованіе — на гораздо большую высоту.

Но для того, чтобы достигнуть успѣховъ въ этомъ дѣлѣ, намъ необходимы спеціальныя, пригодныя для него работники. Всякій, кому хоть немного извѣстно, на какое грубое непониманіе дѣтей способны многіе изъ такъ называемыхъ интеллигентныхъ взрослыхъ, согласится со мною, если я скажу, что здѣсь абсолютно необходимъ извѣстный даръ проницательности. Если кто нибудь спроситъ меня, въ чемъ заключаются свойства хорошаго наблюдателя дѣтей, то я, пожалуй, для краткости отвѣчу: „въ способности угадывать, вытекающей изъ любви къ дѣтямъ и усовершенствованной путемъ научной подготовки“. Разсмотримъ, что слѣдуетъ подъ этимъ понимать.

Что человѣкъ, наблюдающій дѣтей, долженъ умѣть угадывать, долженъ быть какъ бы ясновидцемъ, читающимъ ихъ

сокровенныя мысли, — это кажется мнѣ совершенно очевиднымъ. Присмотритесь къ нѣсколькимъ людямъ, которые неожиданно для себя попадаютъ въ помѣщеніе, гдѣ находится маленькій ребенокъ, и вы скоро сѣумѣете отличить этихъ ясновидцевъ, которые именно потому, что въ нихъ самихъ есть нѣчто родственное ребенку, тотчасъ окажутся способными и обходиться съ нимъ. Весьма вѣроятно, что женщины обязаны своимъ признаннымъ превосходствомъ въ знаніи дѣтской натуры болѣе высокому дару симпатической проникаемости. Эта способность, далеко не имѣющая чисто интеллектуальнаго характера, въ значительной степени есть продуктъ особаго нравственнаго склада, и человѣку, который обладаетъ такимъ складомъ, всё маленькія существа, и больше всего дѣти, всегда пріятны и родственны. Это — нѣчто въ родѣ вторичнаго или пріобрѣтеннаго инстинкта, — пониманіе безъ размышленія, какъ плодъ долгаго опыта. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, любящій дѣтей, ищетъ предмета своей любви и никогда не бываетъ такъ счастливъ, какъ въ тѣ минуты, когда онъ находится вмѣстѣ съ дѣтьми и дѣлитъ съ ними ихъ думы и забавы; и благодаря такому именно привычному общенію создается инстинктъ или чутье, при помощи котораго человѣкъ тотчасъ же безошибочно понимаетъ значеніе всего, что проявляется въ ребенкѣ.

Въ этомъ чутьѣ или въ способности къ тонкому духовному общенію есть одинъ составной элементъ, настолько важный, что онъ заслуживаетъ отдѣльнаго упоминанія. Я имѣю въ виду живое воспоминаніе о собственномъ дѣтствѣ. Какъ я уже выше замѣтилъ, я не вѣрю въ точность и достовѣрность нашихъ воспоминаній, когда мы въ болѣе зрѣломъ возрастѣ воспроизводимъ то, что съ нами случилось въ дѣтствѣ. Всякій разъ, когда мы хотимъ воскресить то, что было испытано нами раньше, мы убѣждаемся, насколько наше болѣе позднее „я“ мѣшаетъ намъ ясно представить себѣ и понять наше болѣе раннее „я“; и это искажающее вліяніе бываетъ наиболѣе сильно тогда, когда мы пытаемся вернуться къ нашему дѣтству. Но хотя наши воспоминанія о дѣтствѣ и недоста-

точно точны для того, чтобы давать факты, однако по своей отчетливости они все же могут удовлетворять другой цѣли— истолкованію наблюдений, которыя мы собираемъ надъ окружающими насъ дѣтьми. Говорятъ, и совершенно справедливо, что для того, чтобы читать въ душѣ ребенка, мы должны обладать воображеніемъ, а такъ какъ всякое воображеніе заключается только въ мысленномъ возстановленіи личнаго опыта, то отсюда слѣдуетъ, что искусный разгадчикъ дѣтскихъ характеровъ долженъ прежде всего сохранить связь съ чувствами и мыслями своего собственнаго дѣтства. И это именно мы находимъ въ дѣйствительности. Только женщина, которая осталась молода душою, т. е. въ значительной степени сохранила свѣжесть и непосредственность ума, юношескую жизнерадостность и экспансивность,—только такая женщина бываетъ жива и весела и нигдѣ не чувствуетъ себя лучше, чѣмъ въ кругу рѣзвыхъ дѣтей. И, наоборотъ, можно быть почти увѣреннымъ, что женщина, сохранившая живыя воспоминанія о своихъ дѣтскихъ мысляхъ и чувствахъ, будетъ испытывать влеченіе къ обществу дѣтей. Едва ли нужно напоминать кому нибудь, кто читалъ автобіографіи Гете и Жоржъ Зандъ, что первый до старости обладалъ способностью живо откликаться на юношеское веселье и что Жоржъ Зандъ, уже будучи старой, никогда не бывала такъ весела, какъ въ тѣ минуты, когда вокругъ нея собиралась молодежь ¹⁾.

Но какъ ни цѣненъ этотъ даръ симпатической проницательности, онъ все-таки не приведетъ, разумѣется, къ тѣмъ методическимъ, точнымъ наблюденіямъ, которыхъ требуетъ наука. Отсюда вытекаетъ необходимость второго качества—психологической подготовки. Подъ нею понимаются тѣ спеціальныя познанія, которыя даются изученіемъ основъ науки, ея спеціальныхъ вопросовъ и приуроченныхъ къ нимъ мето-

---

¹⁾ Уже послѣ того, какъ были написаны эти строки, госпожа *Burnett*, авторъ книги *Little Lord Fauntleroy*, показала намъ, какія ясныя воспоминанія она сохранила о томъ, что испытала въ очень раннемъ дѣтствѣ.

довъ, а также и то особое искусство, которое достигается путемъ методическаго приложенія на практикѣ этихъ познаній къ дѣйствительному наблюденію и истолкованію всѣхъ проявленій душевной жизни. Такъ, женщина, желающая успѣшно наблюдать душевную дѣятельность трехлѣтняго ребенка, должна имѣть достаточное знакомство съ общимъ теченіемъ умственной жизни, чтобы знать, чего слѣдуетъ ожидать, и какъ слѣдуетъ истолковывать подмѣченные явленія. Дѣйствительно тонкое и плодотворное наблюденіе есть результатъ обширныхъ познаній, и всякій, кто хочетъ научнымъ образомъ произвести наблюденіе даже надъ низшей фазой умственной жизни ребенка, долженъ напередъ быть знакомъ съ этой жизнью въ ея цѣломъ, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку психологія уже теперь можетъ описать ея характерныя черты и опредѣлить условія ея дѣятельности.

Здѣсь, естественно, возникаетъ вопросъ: „кто долженъ заниматься этой новой отраслью научнаго наблюденія?“ или, чтобы начать съ первой ступени ея: „кто долженъ вести точную и методическую записъ душевныхъ движеній ребенка?“ Способность или дарованіе, это, очевидно, еще не все, что здѣсь необходимо; съ дарованіемъ должны соединиться благоприятныя условія для того, чтобы можно было дѣйствительно начать работу.

Мы уже указали, что пионерами, открывшими эту новую область экспериментальнаго изслѣдованія, были медики. Значеніе этого факта довольно ясно. Врачъ не только имѣетъ склонность къ научному наблюденію, онъ пользуется и исключительнымъ положеніемъ въ дѣтской. Естественные охранители ребенка, мать и няня, снимаютъ съ него ту опалу, въ которой у нихъ находятся всѣ мужчины. За исключеніемъ его ни одному мужчинѣ, даже родному отцу, не разрѣшается слишкомъ близко соприкасаться съ этой божественной тайной, съ этимъ средоточіемъ всѣхъ прелестей и всякаго блаженства—съ ребенкомъ.

Остановимся на мгновеніе на томъ естественномъ предразсудкѣ, съ которымъ приходится сталкиваться изслѣдова-

телямъ психологіи ребенка. Ихъ изслѣдованіе не сводится къ одному только пассивному наблюденію того, что обнаруживается само собою; оно требуетъ и значительныхъ опытовъ, т.-е. попытокъ вызвать реакцію посредствомъ соответственныхъ раздраженій. Даже попытка посмотрѣть, сомкнетъ ли новорожденное дитя свои пальчики вокругъ вашего пальца, если вы приложите его къ ихъ ладонной поверхности, — даже такая попытка, вѣроятно, покажется благонамѣренной нянѣ кощунствомъ. Предложеніе испытать чувство вкуса у этого маленькаго существа, опуская на его языкъ капли различныхъ растворовъ, напримѣръ, кислаго, сладкаго и т. д., или попытка вызвать движенія глазъ направо или налево, почти навѣрное покажутся профанаціей святыни дѣтства, если не прямо опасностью для маленькаго божества. Что же касается опыта доктора Робинзона, который заставилъ только что прибывшаго гостя повиснуть всей своей драгоценной тяжестью, ухватившись за пруть, то можно быть почти увѣреннымъ что при нынѣшнемъ складѣ женщинъ никому, кромѣ врача, и во снѣ не могла привидѣться такая дерзкая затѣя.

Нѣтъ сомнѣнія, что поклоненія ребенку, сантиментальное обоготвореніе всего дѣтскаго въ высшей степени неблагоприятно для совершенно спокойнаго и безпристрастнаго научнаго наблюденія. Поэтому отъ обыкновенной, средней матери едва ли можно ожидать чего нибудь большаго, чѣмъ только терпимости къ этому вторженію опыта въ священное убѣжище дѣтской. Даже въ наши дни, когда такъ быстро измѣняется то, что обыкновенно считаютъ неизмѣнными признаками половъ, можно отважиться на предсказаніе, что женщина, даже получившая научную подготовку, едва ли будетъ склонна, когда сдѣлается матерью, съ самаго начала отдаться сложной и трудной работѣ — составленію точной научной записи различныхъ видовъ дѣтской чувствительности, зрительной, слуховой и т. д., и ея измѣненій изо дня въ день.

Такимъ образомъ, менѣе нѣжному мужчинѣ приходится взять на себя значительную часть первой экспериментальной

работы по изслѣдованію дѣтской природы. И если отцы будутъ надлежащимъ образомъ готовить себя къ этому, то имъ, вѣроятно, понемногу будетъ дано разрѣшеніе производить изслѣдованія, — разумѣется, только не такія, которыя сопряжены съ явной опасностью для благополучія маленькаго существа.

Въ то же время ясно, что полный рядъ наблюденій едва ли можетъ быть произведенъ однимъ только мужчиной. Попытаться составить тщательныя и методическія замѣтки о ходѣ духовнаго развитія, это — дѣло матери или какой-нибудь другой женщины, которая, пользуясь свободнымъ доступомъ въ дѣтскую, имѣетъ частые случаи для продолжительныхъ наблюденій. Отсюда становится очевиднымъ, какъ важно принять мать или ея замѣстительницу въ сотрудницы или, по крайней мѣрѣ, въ помощницы. При такихъ условіяхъ отецъ будетъ стараться, на примѣръ, опредѣлить въ точности время и порядокъ появленія различныхъ членораздѣльныхъ звуковъ, а это — большое дѣло пассивнаго наблюденія, нежели активнаго опыта; и онъ будетъ почти вынужденъ обратиться за помощью къ кому-нибудь, кто пользуется тѣмъ значительнымъ преимуществомъ, что проводитъ большую часть каждаго дня вблизи ребенка ¹⁾.

Когда маленькое существо подрастаетъ и его нервная система становится болѣе крѣпкой и устойчивой, тогда можно, безъ ущерба для него, пойти дальше по пути изслѣдованія. На этой высшей ступени наблюденіе будетъ уже не такъ

---

¹⁾ Большое преимущество, которымъ пользуются женщины-наблюдательницы духовной жизни дѣтей сравнительно со своими соперниками-мужчинами, ясно видно изъ нѣкоторыхъ новыхъ изслѣдованій о дѣтствѣ, написанныхъ американскими женщинами. Я хотѣлъ бы обратить вниманіе въ особенности на изслѣдованіе госпожи *M. W. Shinn*, *Notes on the Development of a Child* (здѣсь наблюденія произведены надъ племянницей автора), гдѣ подробныя и тщательныя записи (напр., о распознаваніи дѣтми цвѣтовъ и о зрительномъ ознакомленіи съ пространствомъ) указываютъ на обиліе удобныхъ для наблюденія случаевъ, которые легче выпадаютъ на долю женщинъ.

просто и потребуеть больше специальныхъ познаній по психологiи. Сравнительно легкая вещь сказать, вызываетъ ли неожиданное приближеніе какого-нибудь предмета къ глазамъ ребенка, въ возрастѣ около недѣли, рефлексъ, извѣстный подъ именемъ миганія; гораздо труднѣе опредѣлить, какимъ именно простымъ формамъ или цвѣтамъ отдаеть предпочтеніе двѣнадцатимѣсячный ребенокъ.

Вопросъ о ходѣ развитія цвѣтовыхъ ощущеній у дѣтей кажется на первый взглядъ довольно простымъ. Можно подумать, что каждая мать въ состояніи сказать, какіе цвѣта ея ребенокъ прежде всего узнаеть и называетъ, когда онъ ихъ видитъ, или отыскиваетъ, когда ихъ называетъ кто-нибудь другой. Но этотъ вопросъ на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не такъ простъ, какъ кажется. Нѣмецкій изслѣдователь, профессоръ Прейеръ въ Берлинѣ, методически производилъ опыты надъ своимъ двухлѣтнимъ мальчикомъ, чтобы узнать, въ какомъ порядкѣ онъ будетъ различать цвѣта. Сначала были показаны два цвѣта, красный и зеленый, и каждому изъ нихъ было дано его названіе; затѣмъ ребенку предлагались вопросы: „какой цвѣтъ красный?“ „какой зеленый?“ Далѣе прибавлялись другіе цвѣта и опыты повторялись. Согласно этимъ опытамъ, данный ребенокъ раньше всего началъ ясно различать желтый цвѣтъ. Однако результаты, добытые Прейеромъ, не были подтверждены другими изслѣдователями, напримѣръ, А. Бинэ, который держался сходнаго метода въ своихъ работахъ. Такъ, по Бинэ, не желтый, а синій цвѣтъ одерживаетъ побѣду въ борьбѣ за предпочтительное узнаваніе со стороны ребенка.

Быть можетъ, кто нибудь спросить, чѣмъ объясняется этотъ фактъ? Тѣмъ ли, что дѣти такъ сильно отличаются другъ отъ друга по ходу развитія своихъ цвѣтовыхъ ощущеній, или какой-нибудь ошибкой, допущенной въ методѣ изслѣдованія? Недавно было указано, что противъ такого рода опытовъ, въ которыхъ распознаваніе цвѣтовъ проверяется при помощи ихъ названій, можно сдѣлать слѣдующее возраженіе: возможно, что дитя легче запоминаеть одно сло-

во, напримѣръ, „красный“, нежели другое, какъ напримѣръ „зеленый“, а это облегчаетъ узнаваніе перваго цвѣта. Если, такимъ образомъ, при узнаваніи цвѣта оказываетъ извѣстную помощь память о его названіи, то мы должны освободиться отъ этого мѣшающаго звукового элемента. Соответственные новые экспериментальные методы были испробованы во Франціи и въ Америкѣ. Такъ, профессоръ Бальдвинъ изслѣдуетъ нашъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: онъ помѣщаетъ два различно окрашенныхъ предмета противъ обѣихъ рукъ ребенка и замѣчаетъ, который изъ нихъ схваченъ правой или лѣвой рукой, и который оставленъ безъ вниманія. Бальдвинъ свелъ въ таблицы результаты небольшого ряда такихъ простыхъ опытовъ, и онъ поддерживаетъ заключеніе Бинэ противъ заключеній Прейера, утверждая, что первымъ дитя отличаетъ и узнаетъ синій цвѣтъ ¹⁾. Однако, легко замѣтить, что и этотъ методъ имѣетъ свои недостатки. Прежде всего, очевидно, что этимъ способомъ непосредственно изслѣдуется не различеніе цвѣтовъ, а пристрастіе или интересъ къ извѣстнымъ цвѣтамъ; а такой интересъ хотя и заключаетъ въ себѣ, безъ сомнѣнія, извѣстную степень различенія, но все-таки не долженъ быть отождествляемъ съ послѣднимъ. И даже для изслѣдованія вопроса о томъ, чему ребенокъ отдаетъ предпочтеніе, этотъ методъ, весьма вѣроятно, окажется непригоднымъ. Такъ, если мы предположимъ, что оба цвѣта неодинаковой яркости, то ребенокъ скорѣе схватитъ одинъ предметъ нежели другой, не потому, что узнаетъ опредѣленный цвѣтъ, но потому что данный предметъ ярче. Далѣе, если одинъ цвѣтъ чаще встрѣчается въ началѣ опыта, когда дитя свѣжо и дѣятельно, между тѣмъ какъ другой чаще приходится на конецъ опыта, когда дитя утомлено и недѣятельно, то въ результатѣ первому будетъ, очевидно, приписана слишкомъ большая цѣнность. Сходнымъ же образомъ, если одинъ цвѣтъ будетъ показываемъ черезъ большіе промежутки времени, нежели

---

¹⁾ *M. Baldwin. Mental Development in the Child and the Race, гл. III.*

другой, то онъ будетъ обладать большей притягательной силой, благодаря своей большей новизнѣ.

Этимъ сказано достаточно для того, чтобы показать, съ какимъ тонкимъ вопросомъ намъ приходится здѣсь имѣть дѣло. И если люди науки все еще заняты изысканіями, какъ наилучшимъ образомъ приступить къ этому вопросу, то вмѣшательство дилетантовъ можетъ показаться совершенно безцѣльнымъ.

Я намѣренно выбралъ особенно сложный и тонкій вопросъ, чтобы показать, какъ велико значеніе подготовки, дѣлающей духовное око наблюдателя искуснымъ въ анализѣ изслѣдуемаго явленія и позволяющей ему схватить это явленіе во всей совокупности его условій. Но въ дѣло наблюденія духовной жизни ребенка входитъ много и такихъ работъ, которыя не требуютъ большого технического навыка и могутъ быть выполнены всякимъ интеллигентнымъ наблюдателемъ, подготовленнымъ къ этой цѣли небольшимъ количествомъ свѣдѣній по психологіи. Укажу въ особенности на богатую и въ высшей степени интересную область изслѣдованія, открывающуюся тогда, когда дитя начинаетъ говорить. На произвольно произносимыхъ ребенкомъ звукахъ, на первыхъ причудливо употребляемыхъ имъ словахъ мы можемъ лучше всего наблюдать инстинктивныя наклонности его ума. Дѣтская рѣчь всегда цѣнна для психолога; и что касается меня, то я былъ бы радъ всѣмъ свѣдѣніямъ о потѣшныхъ выраженіяхъ дѣтей, какія только мнѣ удалось бы собрать.

Такимъ образомъ, здѣсь, повидимому, есть мѣсто и для сравнительно простаго наблюденія, не требующаго особеннаго искусства. Но было бы ошибочно полагать, что даже въ этой отрасли наблюденія надъ дѣтьми достаточно одной только обыкновенной смысленности. Начать съ того, что всѣ мы склонны — пока благодаря спеціальной подготовкѣ не научимся обуздывать эту склонность — видѣть въ дѣтяхъ слишкомъ многое изъ нашихъ собственныхъ, болѣе зрѣлыхъ

чувствъ и мыслей. Какъ замѣчаетъ G. Droz ¹⁾, „nous sommes dupes de nous-mêmes lorsque nous observons ces chers bambins“ ²⁾.

Далѣе, есть еще одинъ едва уловимый источникъ заблуждений, связанный съ самой постановкой производимаго изслѣдованія; его можетъ обойти только тщательно подготовленный наблюдатель дѣтей. Ребенокъ умѣетъ очень быстро замѣтить, что за нимъ наблюдаютъ; и какъ только онъ подозрѣваетъ, что вы особенно интересуетесь его рѣчами, ему сейчасъ же хочется произвести впечатлѣнiе. Такое желанiе сказать нѣчто поражающее, удивительное, уменьшать, очевидно, цѣнность его словъ.

Но, повторяю, слова, которыя такъ легко пересказать, имѣютъ свою исторiю, и наблюдатель, нѣсколько знакомый съ психологiей, будетъ искать фактовъ, — т.-е. событiй, пережитыхъ ребенкомъ, мыслей, внушенныхъ ему рѣчами другихъ, — которыя пролили бы свѣтъ на эти слова. Совершенно простыхъ фактовъ въ дѣйствительности не существуетъ, и причиной, почему нѣкоторые факты кажутся простыми, служить то обстоятельство, что наблюдатель не включаетъ въ свое изслѣдованiе всѣхъ соотношенiй наблюдаемаго имъ явленiя. Неопытный изслѣдователь обыкновенно даетъ части, отрывки фактовъ, не имѣющiе своего естественнаго характера. Цѣнность психологической подготовки заключается именно въ томъ, что она приучаетъ человѣка такъ же ревниво заботиться о цѣлости фактовъ, какъ хозяйка заботится о цѣлости своей посуды. И дѣйствительно, только тогда, когда весь фактъ находится передъ нами въ ясно обозначенныхъ очертанiяхъ, мы можемъ приступить къ изслѣдованiю его значенiя. Такимъ образомъ, хотя человѣкъ, несвѣдущiй въ психологiи, и можетъ помочь намъ въ области отыскиванiя фактовъ, однако онъ никогда не можетъ выполнить того рода

1) G. Droz. L'Enfant, стр. 142.

2) Мы проводимъ сами себя, когда наблюдаемъ на этихъ дорогихъ малютокъ.

болѣ сложныхъ и точныхъ наблюденій, которыя мы удостоиваемъ названія научныхъ ¹⁾).

Можно поэтому заключить, что женщины сдѣлаются цѣнными работниками въ этой новой области изслѣдованія, если только онѣ приобретутъ дѣйствительно научный интересъ къ дѣтству и основательную научную подготовку. Я считаю сомнительнымъ, чтобы этого достигло значительное число женщинъ, потому что дѣйствующая на чувства или эстетическая привлекательность ребенка можетъ оказаться серьезнымъ препятствіемъ для спокойнаго изслѣдованія его по существу, какъ научнаго объекта. Естественная радость матери при всякомъ новомъ проявленіи дѣтской мудрости или храбрости способна затемнять для нея весьма посредственное значеніе поступковъ ребенка, какое они имѣютъ съ научной точки зрѣнія. Но эта же чрезвычайная любовь къ дѣтямъ можетъ, какъ я уже сказалъ, послужить пѣннымъ побудительнымъ средствомъ для ихъ изученія, если только къ ней будетъ присоединена научная осторожность. Въ Англіи и въ Америкѣ есть уже значительное число женщинъ, получившихъ болѣе или менѣе серьезную подготовку по психологіи, и можно, кажется, не впадая въ преувеличеніе, надѣяться, что не въ далекомъ будущемъ у насъ явится множество матерей и тетокъ, ревностно занятыхъ наблюденіемъ и записываніемъ движеній дѣтской души.

Я предположилъ здѣсь, что намъ необходимы тщательныя изслѣдованія относительно отдѣльныхъ дѣтей, какими мы ихъ видимъ въ дѣтской. И я думаю, что такіе отчеты объ отдѣльныхъ дѣтяхъ, составленные по образцу монографіи Прейера, для насъ въ высшей степени необходимы. Мы имѣемъ обыкновеніе слишкомъ поверхностно говорить объ отвлеченномъ понятіи „дита“, какъ будто всѣ дѣти созданы на одинъ образецъ, и этотъ образецъ намъ вполне извѣстенъ.

---

¹⁾ Съ тѣхъ поръ, какъ я написалъ эти строки, мое мнѣніе еще болѣе укрѣпилось благодаря книгѣ о дѣтскихъ разговорахъ, составленныхъ студентками одного американскаго учительскаго института. (Thoughts

Но матери, по крайней мѣрѣ, знаютъ, что это не такъ. Между дѣтьми въ одной и той же семьѣ можно замѣтить очень большія различія (въ сравнительно ограниченной области дѣтскихъ чертъ), напримѣръ въ отношеніи положительности ума, или богатства воображенія, или любознательности. Далѣе, природа, какъ извѣстно, не терпящая однообразія, позаботилась сдѣлать нѣкоторыхъ дѣтей рѣшительно лишенными воображенія, тогда какъ можно, вѣроятно, считать истиной, что большинство дѣтей въ извѣстномъ возрастѣ очень падки на удовольствія, доставляемые фантазіей. Намъ необходимо имѣть гораздо больше свѣдѣній объ этихъ различіяхъ; и лучше всего поможетъ намъ здѣсь большое число тщательныхъ записей о развитіи дѣтей не только разнаго пола и съ различными характерами, но и взятыхъ изъ различныхъ социальныхъ слоевъ и національностей. Имѣя такое собраніе монографій, мы будемъ находиться въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи для того, чтобы заполнить опредѣленными и характерными штрихами туманный контуръ нашего отвлеченнаго представленія о дѣтствѣ.

Въ то же время я охотно допускаю, что и другіе виды наблюденія возможны и въ своемъ родѣ полезны, напримѣръ, наблюденія надъ старшими дѣтьми, которыя переходятъ въ фазу совмѣстной, школьной жизни. Здѣсь можетъ начаться нѣчто въ родѣ коллективнаго или статистическаго изслѣдованія, напримѣръ по вопросу о томъ, чѣмъ заняты дѣтскіе умы, объ ихъ невѣдѣніи или неправильномъ пониманіи обыкновенныхъ вещей. Нѣкоторая часть такого изслѣдованія духовной жизни дѣтей школьнаго возраста можетъ быть очень успѣшно выполнена интеллигентнымъ учителемъ.

and Reasonings of Children, classified by H. W. Brown, Teacher of Psychology in State Normal School, Worcester, Mass, with introduction by E. H. Russel, Principal; перепечатано изъ Pedagogical Seminary). Многія изъ приведенныхъ тамъ странныхъ рѣчей теряютъ значительную часть своего психологическаго интереса вслѣдствіе нашего полнаго невѣдѣнія относительно домашней обстановки ребенка, относительно его общества, его школы и его воспитанія.

Такъ, очень цѣнны были бы тщательныя записи относительно успѣховъ дѣтей, составленныя по заранее установленнымъ образцамъ; онѣ дали бы намъ сборники примѣровъ умственной дѣятельности дѣтей въ различномъ возрастѣ. Болѣе частными изслѣдованіями, имѣющими чисто экспериментальный характеръ, могли бы заняться специалисты, и этому уже положено начало относительно быстроты воспріятій у дѣтей, т.-е. относительно вопросовъ о количествѣ цифръ или бессмысленныхъ слоговъ, которые ребенокъ можетъ воспроизвести, если онѣ слышалъ ихъ одинъ разъ; сюда же принадлежатъ изслѣдованія о томъ, какъ вліяетъ утомленіе на умственные процессы, какъ вліяетъ число повтореній на увѣренность воспроизведенія, изслѣдованія музыкальной чувствительности и т. д.

Однако, какъ ни цѣнно, безъ сомнѣнія, подобное статистическое изслѣдованіе, оно все-таки не замѣнитъ тщательнаго методическаго изученія отдѣльнаго ребенка. Въ послѣднемъ же, мнѣ кажется, мы именно теперь больше всего нуждаемся. Такъ какъ учителю изъ практическихъ соображеній необходимо тщательное изученіе единичныхъ дѣтей, то онѣ могъ бы сослужить въ этомъ дѣлѣ хорошую службу. Въ наши дни, когда такъ распространено литературное сотрудничество, для учительницы дѣтскаго сада было бы не-безполезно вести совмѣстно съ матерью записи духовной жизни ребенка. Будучи хорошо составлена, такая записка имѣла бы величайшую цѣнность. При этомъ сотрудничество матери кажется мнѣ совершенно необходимымъ, такъ какъ даже въ томъ случаѣ, когда между учительницей и ея питомцемъ существуетъ общеніе и внѣ школы, свѣдѣнія первой все-таки никогда не могутъ охватывать всего того, что знаетъ мать.

II.

Возрастъ, когда господствуетъ воображеніе.

Почему мы приписываемъ дѣтямъ богатое воображеніе.

Одна изъ многихъ чертъ, которыя кажутся намъ несомнѣнными въ дѣтской натурѣ, это — богатство воображенія. Всѣ мы знаемъ, что дѣтство — періодъ грезъ, когда незнакомый еще міръ разукрашивается живыми красками воображенія; это — жизнь, полная игры и счастливыхъ заблужденій. И точно такъ же одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ „дѣтства человѣчества“ является потребность создавать миры, въ силу которой люди обиліемъ фантазіи стараются прикрыть скудность знаній.

Но даже и здѣсь мы, можемъ быть, довольствовались шаткимъ обобщеніемъ вмѣсто тщательнаго наблюденія и анализа фактовъ. Прежде всего, игра дѣтскаго воображенія, вѣроятно, гораздо менѣе однообразна, чѣмъ часто полагаютъ. Повидимому, существуютъ вдумчивыя дѣти, которыя не умѣютъ легко переноситься на высоты блестящей фантазіи. Рескинъ недавно сообщилъ намъ, что въ дѣтствѣ онъ былъ неспособенъ играть какую-нибудь роль и пересказать сказку, но что онъ никогда не видѣлъ ребенка, „у котораго жажда наглядныхъ фактовъ была бы такъ сильна и въ то же время такъ методична“ ¹⁾. Мы можемъ принять эти слова Рескина за доказательство того, что онъ не проводилъ своего времени въ праздныхъ мечтаніяхъ, но, что, долго и сосредоточенно наблю-

---

¹⁾ *J. Ruskin. Praeterita*, стр. 76.

дая такія явленія, какъ теченіе воды, и т. п., положилъ основаніе тому тонкому знакомству съ явленіями природы, которое всюду просвѣчиваетъ въ его произведеніяхъ. Однако позволительно сомнѣваться, чтобы писатель, у котораго мы находимъ не только такой прекрасный и изящный стиль, но и истинно-поэтическіе замыслы, могъ быть въ дѣтствѣ во *всѣхъ отношеніяхъ* лишень воображенія.

Быть можетъ, истина заключается въ парадоксальномъ утвержденіи, что бѣльшая часть дѣтей является вдумчивыми наблюдателями *и въ то же время* мечтателями, которые переходятъ изъ одной роли въ другую, смотря по настроенію и съ такой легкостью, которой взрослые могли бы сильно позавидовать. Мои собственныя наблюденія показываютъ, что усиленная творческая дѣятельность фантазіи, увлеченіе баснями и сказками часто характеризуетъ только одинъ періодъ дѣтства. Мы склонны соединять очень различныя степени опыта и природныхъ дарованій въ одномъ отвлеченномъ понятіи „дита“. Маленькій человекъ трехъ съ половиною лѣтъ, посвящающій бѣльшую часть своего времени попыткамъ осуществить всевозможные милые, причудливые или страшные вымыслы, касающіеся животныхъ, фей и т. д., совсѣмъ не похожъ на мальчика шести или семи лѣтъ, умъ котораго старается понять устройство и ходъ машинъ, въ томъ числѣ и этой большой машины—міра.

Насколько я могу судить по свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ родителей и другихъ лицъ, наблюдающихъ дѣтей, огромное большинство мальчиковъ и дѣвочекъ одинаковымъ образомъ переживаютъ періодъ господства фантазіи. Ребенокъ, не чувствующій потребности въ игрѣ и не интересующійся чудесами сказочной страны, навѣрное показался бы намъ страннымъ и ненормальнымъ. Но если даже допустить, что этотъ взглядъ правиленъ, то все-таки останется вопросъ, работаетъ ли воображеніе одинаковымъ образомъ у всѣхъ дѣтей. Наука начинаетъ теперь помогать намъ понять различія дѣтскаго воображенія. Прежде всего она показываетъ намъ, что вся жизнь воображенія у ребенка можетъ получить свое-

образную окраску, благодаря особенной живости какого нибудь опредѣленнаго рода представлений, что одно дитя въ своемъ воображеніи можетъ жить въ мірѣ красокъ, другое— въ мірѣ звуковъ, третье— въ мірѣ движеній. Легко замѣтить, что для дѣтей, болѣе живыхъ и подвижныхъ отъ природы, главный интересъ сказки и игры заключается въ обилии движенія и физической дѣятельности. Въ воображеніи мальчика Робинзонъ Крузо, вѣроятно, является преимущественно ходякомъ и работникомъ ¹⁾).

Рядомъ съ этимъ различіемъ основныхъ элементовъ воображенія существуютъ и другія, обусловленные темпераментомъ, общимъ характеромъ чувствованій и преобладающимъ направленіемъ эмоцій. Воображеніе тѣсно связано съ жизнью чувства и принимаетъ столько же направленій, сколько и послѣдняя. Отсюда— общеизвѣстный фактъ, что воображеніе нѣкоторыхъ дѣтей занято преимущественно мрачными и страшными образами, религіозными и т. п., между тѣмъ какъ у другихъ оно выбираетъ предметы свѣтлые и веселые; что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно имѣетъ поэтическій характеръ, въ другихъ же больше приближается къ научному или практичному типу.

Мы сказали, кажется, достаточно для того, чтобы показать, что богатство воображенія не можетъ считаться фактомъ, существованіе котораго установлено одинаково для всѣхъ дѣтей. Оно— въ высшей степени измѣнчивое дарованіе, требующее спеціальнаго изученія въ каждомъ отдѣльномъ ребенкѣ.

Но даже, оставивъ въ сторонѣ этотъ фактъ измѣнчивости, можно, я думаю, сказать, что мы еще далеки отъ точнаго пониманія того, какъ работаетъ въ дѣтихъ воображеніе. Мы свободно говоримъ, наприимѣръ, объ ихъ играхъ, объ ихъ во-

---

¹⁾ О склонности дѣтей къ зрительнымъ, слуховымъ, моторнымъ представленіямъ и т. д. см. Кейра, Воображеніе и память (Русскій перев. 2-е изд. Спб. 1898). Ср. статью W. H. Burnham, Individual Differences in the Imagination of Children въ Pedagogical Seminary, II, 2.

ображаемыхъ роляхъ и иллюзіяхъ; но что мы въ дѣйствительности знаемъ объ ихъ душевномъ состояніи въ то время, когда они разыгрываютъ какую-нибудь небольшую сцену изъ домашней жизни или изображаютъ сраженіе? Я знаю, что у насъ есть много тонкихъ наблюденій изъ этой области. Тщательные наблюдатели дѣтства и люди, сохранившіе свои собственные дѣтскія воспоминанія, какъ Руссо, Песталоцци, Жанъ Поль, госпожа Неккеръ, Жоржъ Зандъ, Р. Л. Стивнсонъ, даютъ намъ много цѣнныхъ свѣдѣній; но я полагаю, что намъ необходимо гораздо болѣе обширное и точное изученіе дѣятельности и рѣчи дѣтей для того, чтобы мы могли быть увѣрены, что проникли въ ихъ духовную сферу, и знаемъ тѣ чувства, которыя они испытываютъ, когда заявляютъ, что входятъ въ темный лѣсъ, гдѣ живетъ волкъ, или что разговариваютъ со своими божествами, съ феями.

Я сказала, кажется, достаточно для подкрѣпленія своихъ доводовъ о необходимости новыхъ наблюденій и пересмотра скороспѣлыхъ теорій на основаніи этихъ наблюденій. Намъ нечего возражать и противъ новаго изслѣдованія того, что составляетъ, можетъ быть, самую восхитительную сторону жизни ребенка. Наталкиваясь на какой-нибудь смѣшной дѣтскій поступокъ или на милый отрывокъ трогательнаго монолога, я, право, часто удивляюсь тому, какъ матери рѣшаются упустить хотя одну каплю этого свѣжаго, веселящаго напитка, который ежедневно течетъ изъ ключа дѣтской фантазіи.

Но дѣтское воображеніе заслуживаетъ дальнѣйшаго изученія не только въ силу присущей ему прелести. То, что мы, просвѣщенные люди, называемъ фантазіей, усиленно работаетъ въ раннемъ возрастѣ у человѣка, какъ и у расы, при первыхъ неловкихъ попыткахъ, направленныхъ къ разумнѣйшимъ вещей. Мышленіе ребенка, какъ и первоначальное мышленіе народа, всецѣло занято мѣрами; сильное воображеніе ведетъ на помочахъ разумъ, еще не твердо стоящій на собственныхъ ногахъ, и указываетъ, какой путь ему слѣдуетъ избрать. И въ области нравственной жизни мы видимъ,

какъ легко реализующая сила юнаго воображенія можетъ сдѣлать его жертвой обмана и даже сомообмана, какъ легко она можетъ привести къ результатамъ, очень сходнымъ съ чѣмъ-то въ родѣ сознательной лжи. Съ другой стороны, тщательно прослѣдивъ различные виды дѣятельности воображенія, мы увидимъ, въ какой степени нравственное воспитаніе, внушающее дѣтскому воображенію склонность къ честной и похвальной дѣятельности, можетъ повліять на эту несложившуюся еще и податливую волю, направляя ее къ исполненію долга.

Переработка предметовъ воображеніемъ.

Игру дѣтскаго воображенія мы встрѣчаемъ уже въ области ощущеній: дитя фантазируетъ, видя вещи, прикасаясь къ нимъ, двигаясь между ними. Это утвержденіе можетъ вначалѣ показаться парадоксомъ, но на самомъ дѣлѣ въ немъ нѣтъ ничего парадоксальнаго. Мысль, будто ощущенія и воображеніе совершенно независимы другъ отъ друга, — отброшенное психологическое заблужденіе: нѣтъ сомнѣнія, какъ говорили уже древніе, что фантазія слѣдуетъ за ощущеніями и является ихъ продуктомъ: вѣдь мы, когда бодрствуемъ и когда спимъ, снова переживаемъ въ воображеніи то, что видѣли и слышали въ дѣйствительномъ мірѣ. Но въ то же время не менѣе вѣрно, что воображеніе принимаетъ активное участіе въ созиданіи того, что мы называемъ чувственными воспріятіями. Мы читаемъ зрительные символы, на примѣръ, свѣтлое или цвѣтное пятно, одинъ разъ какъ камень, въ другой разъ — какъ лужу, именно потому, что воображеніе даетъ намъ извлеченное изъ прошедшаго опыта объясненіе, — сумму качествъ, образующихъ твердую, плотную массу или мягкую, податливую жидкость.

Фантастическое истолкованіе вещей ребенкомъ, на примѣръ, когда онъ называетъ мерцающую звѣзду мигающимъ глазомъ или капли росы на травѣ — слезами, по существу не отличается отъ того, что дѣлаемъ мы всѣ. Воображеніе ребенка только ведетъ его гораздо дальше. Такъ, онъ можетъ при-

писать камню, который онъ видитъ, нѣчто въ родѣ каменной души и говорить, что камню надобно его мѣсто.

Такое одухотворяющее воззрѣніе на вещи сходно, какъ намъ извѣстно, съ воззрѣніемъ первобытныхъ людей и заключается въ себѣ какую-то грубую поэтизацію природы. Объ этой склонности свидѣтельствуютъ обильныя метафоры, которыя играютъ такую большую роль въ дѣтскихъ рѣчахъ. Всѣ наблюдатели ребенка знаютъ, что онъ имѣетъ обыкновеніе описывать то, что видитъ или слышитъ, посредствомъ сравненій съ чѣмъ нибудь, что ему уже раньше было извѣстно. Нѣкоторые психологи называютъ это, по моему мнѣнію нѣсколько тяжеловѣсно, апперцепціей. Напримѣръ, маленькій мальчикъ, двухъ лѣтъ и пяти мѣсяцевъ, смотря на молоточки рояля, на которомъ играла его мать, воскликнулъ: „Вотъ совочка!“ Его глазъ тотчасъ уловилъ сходство между войлочнымъ кружкомъ молоточка, раздѣленнымъ деревянною палочкой, и лицомъ совы, которое раздѣлено ея клювомъ. Подобнымъ же образомъ мальчикъ К. называлъ дрожащую стрѣлку компаса „птицей“ за ея форму, нѣсколько напоминающую птицу, и за ея колебательное движеніе. Уподобляя что нибудь новое и странное тому, что знакомо, дѣти часто пользуются очень милыми образами; такъ, напримѣръ, дитя, видя на травѣ росу, говоритъ: „травка плачетъ“; иногда звѣзды описываются, какъ „искры отъ звѣзды Бога“, а бабочки, какъ „летающіе цвѣточки“ ¹⁾. Другіе примѣры этой образности дѣтскихъ представленій мы встрѣтимъ ниже.

Въ этой игрѣ воображенія, основанной на чувственныхъ воспріятіяхъ, значительное мѣсто занимаетъ сильный одухотворяющій или олицетворяющій элементъ. Иными словами, дитя видитъ нѣчто живое и одаренное сознаниемъ въ томъ, что мы разсматриваемъ, какъ мертвое и бездушное. Такъ, оно приписываетъ вѣтру, когда онъ ночью воетъ или свищетъ, не только тѣло, но и душу. Даже самыя малообщающія вещи не ускользаютъ отъ этого теплаго, оживляющаго прикосно-

¹⁾ W. H. Burnham, указ. соч., стр. 212 и сл.

венія дѣтской фантазіи. Ребенокъ и изъ буквы сдѣлаетъ нѣчто въ родѣ личности. Такъ, одинъ малышъ, одного года и восьми мѣсяцевъ, почувствовалъ особенную любовь къ буквѣ *W* и обращался къ ней со словами: „Мое милое, старое *W*“. Другой мальчикъ, на четвертомъ году, рисуя букву *L*, нечаянно скользнулъ перомъ такъ, что горизонтальная черта образовала уголъ — . Ребенокъ тотчасъ же замѣтилъ сходство съ сидящей человѣческой фигурой и сказалъ: „А, онъ сидитъ“. Онъ же какъ-то написалъ наоборотъ букву *F*, а затѣмъ, приставивъ слѣва правильную форму (получилось *FЧ*) воскликнулъ: „Они разговариваютъ!“

Иногда это надѣленіе вещей чувствами приводитъ къ страннымъ проявленіямъ симпатіи. Госпожа Ingelow пишетъ о себѣ: Будучи двухлѣтнимъ ребенкомъ и въ теченіе всего слѣдующаго года „я имѣла обыкновеніе приписывать разумъ— въ тѣхъ же размѣрахъ и того же рода, какимъ я сама обладала—не только всѣмъ живымъ существамъ, но даже камнямъ и искусственнымъ продуктамъ. Я чувствовала, какъ скучно должно быть камешкамъ постоянно лежать на дорогѣ и видѣть только то, что ихъ окружаетъ. Когда я ходила гулять съ маленькой корзинкой для собиранія цвѣтовъ, я иногда поднимала нѣсколько камешковъ и уносила ихъ, чтобы доставить имъ нѣкоторое разнообразіе; затѣмъ въ самомъ дальнемъ мѣстѣ прогулки я выбрасывала ихъ, не сомнѣваясь, что имъ будетъ пріятно увидѣть что нибудь новое“ ¹⁾.

Это далеко не единичный примѣръ страннаго проявленія у дѣтей состраданія къ тому, что мы считаемъ мертвой природой. Жизнь растений, повидимому, часто пробуждаетъ въ дѣтяхъ различныя чувства. Вотъ отрывокъ изъ одного родительскаго дневника: „Восьмилѣтняя дѣвочка принесла своей матери нѣсколько листьевъ, опавшихъ осенью. „Какъ это мило, Ф!“—сказала мать. Дѣвочка отвѣтила: „Да, мама, я

---

¹⁾ См. ея статью *The History of an Infancy* въ *Longman's Magazin* февраль 1890.

знала, что ты полюбишь этихъ бѣдняжекъ; я не могла видѣть, какъ они умираютъ на землѣ“. Нѣсколько дней спустя, ее нашли стоящей у окна; она смотрѣла въ садъ и горько плакала о множествѣ падающихъ листьевъ“.

Мнѣ незачѣмъ останавливаться на продуктахъ этого одухотворяющаго и олицетворяющаго инстинкта, такъ какъ намъ придется снова заняться ими при изслѣдованіи дѣтскихъ представленій о природѣ. Достаточно сказать, что этотъ инстинктъ удивительно дѣятеленъ и многообъемлющъ, и что онъ образуетъ одну изъ главныхъ областей, гдѣ проявляется дѣтская фантазія.

Чѣмъ же объясняется тотъ фактъ, что дитя по аналогіи распространяетъ различные образы на такіе предметы, съ которыми эти образы, на нашъ взглядъ, совершенно несходны? Не возникаетъ ли у ребенка настолько живая иллюзія, что предметы представляются ему на самомъ дѣлѣ преобразованными? Дѣйствительно ли ребенокъ считаетъ и даже *видитъ* въ данный моментъ, что вѣко — это нѣкотораго рода занавѣсъ, образъ котораго смѣшивается съ тѣмъ, что находится передъ глазами, и вноситъ измѣненія въ реальный міръ? Разсматриваются ли камешки, дѣйствительно, какъ живыя существа, осужденныя неподвижно лежать на одномъ и томъ же мѣстѣ? Разумѣется, трудно это утверждать, но я полагаю, что можно все-таки дать болѣе или менѣе правдоподобный отвѣтъ на эти вопросы. При подобномъ фантастическомъ взглядѣ на вещи дитя только наполовину наблюдаетъ то, что находится передъ его глазами; его вниманіе сосредотчивается на выбранномъ одномъ или двухъ признакахъ, которые въ видимомъ предметѣ представляютъ для него наибольшій интересъ, будетъ ли это форма, какъ въ сравненіи молоточка рояли съ совой, или дѣйствіе, какъ *паденіе* листьевъ; остальное дополняется ассимилирующимъ воображеніемъ, которое присоединяетъ къ зрительному воспріятію образъ сходнаго предмета. Такимъ путемъ предметы могутъ подернуться дымкой, преобразованные благодаря волшебному прикосновенію живой фантазіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что иллюзія при этомъ достигаетъ очень различной степени. Въ серьезномъ настроеніи и тогда, когда ребенокъ дѣйствительно изслѣдуетъ предметъ, онъ не будетъ смѣшивать того, что видитъ, съ плодами своего воображенія; въ этомъ случаѣ пришедшее въ голову сравненіе различается отъ того, что находится передъ глазами, и примѣняется для объясненія послѣдняго; такъ, мальчикъ К., глядя на тяжело дышавшую собаку, сказалъ: „Этотъ вау-вау похожъ на пуфъ-пуфъ“. Съ другой стороны, когда другой маленькій мальчикъ трехъ лѣтъ и девяти мѣсяцевъ, видя падающіе листья, воскликнулъ: „Смотри, мама, листья летаютъ, какъ птички и маленькія бабочки“,—трудно было не предположить, что воображеніе ребенка на мгновеніе передѣлало то, что онъ видѣлъ, въ эти милые образы. И можно полагать, что при той незначительной силѣ мышленія и контролирующаго вліянія воли, которою обладаетъ ребенокъ, такая удоболяющая дѣятельность воображенія всегда стремится достигнуть степени моментальной иллюзіи. Есть также, какъ мы увидимъ ниже, много доказательствъ свидѣтельствующихъ о томъ, насколько серьезно дѣти вначалѣ вѣрятъ, что крайней мѣрѣ большая часть вещей надѣлена жизнью и испытываетъ различныя чувства.

Есть еще другой способъ, которымъ продукты воображенія могутъ соединяться съ объектами ощущеній и преобразовывать ихъ; это— процессъ, который обыкновенно называютъ ассоціаціей. Рескинъ рассказываетъ, что для него въ дѣтствѣ названіе „крокодилъ“ такъ тѣсно соединялось съ представленіемъ о самомъ животномъ, что длинный рядъ буквъ получалъ нѣкоторое сходство съ длиннымъ туловищемъ этого животнаго. Тотъ же писатель говоритъ о какомъ-то докторѣ Грантѣ, который лѣчилъ его въ дѣтствѣ. „Это имя“, прибавляетъ онъ, „всегда связывается въ моемъ умѣ съ какимъ-то коричневымъ порошкомъ — ревеня или чего-то въ этомъ родѣ, — имѣвшимъ ѣдкій вкусъ и похожимъ на песокъ... Это имя всегда звучитъ для меня, какъ дробь, — гр-р-р“.

Большая часть из нас может, вѣроятно, припомнить подобные же случаи, когда цвѣта или звуки, сами по себѣ безразличные, получали для насъ, благодаря аналогіи или ассоціаціи, рѣшительно отталкивающій характеръ. Интересно знать, какъ далеко заходить этотъ преобразовательный процессъ у дѣтей, обладающихъ сильнымъ воображеніемъ. Есть основаніе утверждать, что онъ можетъ идти очень далеко, особенно въ томъ случаѣ, когда нѣтъ на лицо сильнаго чувства, которое закрѣпляло бы сопоставляемые элементы. Чувство, при помощи котораго ребенокъ подмѣчаетъ сходство, обыкновенно очень тонко и остро, а знакомство съ дѣйствительными отношеніями вещей еще не дошло до того, чтобы сдерживать склонность къ такому свободному, не знающему мѣры уподобленію. До тѣхъ поръ, пока качества вещей и соотношенія между ними не узнаны въ такой степени, чтобы они могли представлять интересъ сами по себѣ, они могутъ быть интересны только благодаря искусному комбинированію ихъ дѣтской фантазіей. То же самое можно сказать и относительно сравниваемыхъ качествъ. Рѣзкій звукъ, грубый шумъ не можетъ однимъ лишь своимъ дѣйствіемъ на органъ слуха быть такъ непріятенъ ребенку, какъ намъ. Наоборотъ уху ребенка звуки будутъ пріятны или непріятны въ силу множества неизвѣстныхъ намъ причинъ именно потому, что живая, сильная фантазія, соединяя свою жизнь съ жизнью ощущеній, придаетъ впечатлѣніямъ, воспринимаемымъ при помощи послѣднихъ, большую часть ихъ смысла и ихъ вліянія.

Есть и еще одна новая область изслѣдованія, гдѣ удивительнымъ образомъ проявляется то волшебное вліяніе, которое дѣтское воображеніе оказываетъ на чувственные воспріятія. Извѣстно, что нѣкоторые люди имѣютъ привычку „окрашивать“ звуки, которые они слышатъ, представляя себѣ, напримѣръ, что извѣстный гласный звукъ или музыкальный тонъ имѣетъ свой опредѣленный цвѣтъ, который они могутъ точно указать. Источники этого такъ называемаго „цвѣтнаго слуха“ всегда лежатъ въ смутно припоминаемомъ

дѣтскомъ возрастѣ. Въ настоящее время начали подвергать изслѣдованію дѣтей въ этомъ отношеніи, и оказалось, что многіе изъ нихъ обладаютъ этой способностью. Такъ при изслѣдованіи, произведенномъ въ Бостонѣ относительно духовной жизни дѣтей школьнаго возраста, найдено, что 21 изъ 53, т.-е. около 40 процентовъ, представляли себѣ звуки извѣстныхъ инструментовъ цвѣтными¹⁾. Опредѣленный цвѣтъ, какъ и степень его яркости, приписываемые какому нибудь инструменту, оставались неизмѣнными у одного и того же ребенка, но сильно отличались у различныхъ дѣтей; такъ, одинъ ребенокъ „видитъ“ звукъ флейты блѣднымъ или яркимъ, въ то время какъ другой представляетъ его себѣ темнымъ²⁾. Въ высшей степени вѣроятно, что здѣсь играютъ роль и аналогія, и ассоціація³⁾. Какъ указалъ мнѣ недавно одинъ изъ моихъ корреспондентовъ, примѣръ Локка объ аналогіи между ярко-краснымъ цвѣтомъ и звукомъ трубы, можетъ легко быть объясненъ, по крайней мѣрѣ отчасти, ассоціаціей этого звука съ красными мундирами.

Могу прибавить, что я разъ нечаянно подслушалъ, какъ одна маленькая дѣвочка шести лѣтъ разговаривала сама съ собой о числахъ: „два, это—черное число“, „сорокъ, это — бѣлое число“. Я разспросилъ ее и нашелъ, что каждая цифра имѣла для нея свой особый цвѣтъ: такъ одинъ былъ бѣлымъ, два чернымъ, три бѣлымъ, четыре чернымъ, пять розовымъ и т. д. Девять было крапчатымъ и чернымъ, одиннадцать темнозеленымъ; это показываетъ, что нѣкоторыя цифры казались болѣе отчетливыми, нежели другія. Спустя ровно три года я снова разспросилъ эту дѣвочку и нашелъ, что она все еще „видитъ“ цифры, но уже не совсѣмъ такъ,

---

1) См. статью *G. Stanley Hall*, *The Contents of Childrens Minds*, *Princeton Review*, *New Series* 1883. Ср. сочиненіе того же автора *The Contents of Children's Minds on entering School*, 1893.

2) Тамъ же, стр. 265.

3) Это хорошо выяснено женеvскимъ профессоромъ *Fornoy* въ его книгѣ *Des Phénomènes de Synopsie (Audition colorée)*, гл. II.

какъ раньше. Одинъ и два были бѣлымъ и чернымъ, а пять—розовымъ, какъ и раньше, но три теперь было сѣрымъ, четыре—краснымъ, девять потеряло свой цвѣтъ, а одиннадцать довольно страннымъ образомъ стало изъ темно-зеленаго свѣтложелтымъ. Это заставляетъ думать, что въ раннемъ возрастѣ новый опытъ и новыя ассоціаціи могутъ измѣнять окраску и оттѣнокъ звуковъ. Во всякомъ случаѣ, „цвѣтной слухъ“ дѣтей заслуживаетъ вниманія, какъ наиболѣе поразительный примѣръ общей склонности къ наложению живыхъ образовъ на чувственныя воспріятія. Есть, кажется, основаніе предположить, что „цвѣтной слухъ“ и другія родственныя ему явленія, какъ окрашивание чиселъ, дней недѣли и т. д., производимое въ извѣстной системѣ, слѣдуетъ разсматривать, если они обнаруживаются въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, какъ остатки ранней дѣятельности мозга, выражавшейся въ работѣ воображенія. Этотъ фактъ въ связи съ извѣстной всѣмъ живостью представленій при „цвѣтномъ слухѣ“—живостью, которая иногда приближается къ живости чувственныхъ воспріятій,—подкрѣпляетъ, какъ мнѣ кажется, высказанный здѣсь взглядъ, что воображеніе ребенка способно измѣнять для него чувственный міръ при помощи такихъ средствъ, за которыми намъ, съ нашими болѣе зрѣлыми и менѣе гибкими умами, трудно услѣдить.

Я ограничился здѣсь только тѣмъ, что я назвалъ *игрой* воображенія, т.-е. магическимъ превращеніемъ вещей благодаря живости и безудержному творчеству дѣтской фантазіи. Какой силы, какой яркости и какого преобладанія можетъ достигнуть подобная переработка воспріятій воображеніемъ, это видно по тѣмъ случаямъ, когда благодаря сильному чувству, въ особенности страху, способность къ реализаціи впечатлѣній получаетъ ненормальную напряженность. Но этотъ вопросъ намъ удобнѣе будетъ разсмотрѣть ниже.

Разумѣется, это преобразование окружающей дѣйствительности сдерживается въ серьезные моменты и при сношеніяхъ со старшими, болѣе положительными людьми. Однако, существуетъ другая область дѣтской жизни, гдѣ дитя не

знаетъ никакихъ преградъ, гдѣ стремленіе разукрашивать жалкую дѣйствительность тѣмъ, что свѣтло и весело, идетъ всецѣло своими собственными путями. Эта область—игра.

Воображеніе и игра.

При такой постановкѣ вопроса интересъ, представляемый игрой ребенка, заключается въ томъ, что въ ней видимымъ образомъ обнаруживаются плоды его сокровенной фантазіи. Въ своемъ творчествѣ фантазія можетъ исходить изъ окружающей дѣйствительности; ребенокъ видитъ, напримѣръ, песокъ, камешки и раковины и говоритъ: „давайте играть въ лавочку“. Но дѣйствительность—это только побочное условіе. Источникъ игры заключается въ стремленіи осуществить привлекательную мысль: отсюда, какъ мы ниже увидимъ, близкое родство игры съ искусствомъ вообще. Какое нибудь представленіе является господствующей силой, оно въ данное время—настоящая *idée fixe*, и все должно приспособиться къ нему. Такъ какъ представленіе должно быть какъ-нибудь выражено внѣшнимъ образомъ, то оно сталкивается съ окружающей дѣйствительностью. И здѣсь ребенокъ находится въ своей сферѣ. Полъ тотчасъ же раздѣляется на двѣ враждебныхъ страны, край дивана обращается въ коня, въ карету, въ корабль или еще во что нибудь, смотря по тому, чего требуетъ игра.

Эта сильная и обширная дѣятельность фантазіи въ забавахъ дѣтей объясняется глубоко заложенымъ въ нихъ стремленіемъ къ игрѣ, желаніемъ быть чѣмъ нибудь, играть какую-нибудь роль. Изображая Робинзона Крузо или какого-нибудь другого героя, ребенокъ-искатель приключеній выходитъ за предѣлы своего настоящаго я и за предѣлы своего повседневнаго міра. Разыгрывая свою роль, онъ въ своемъ воображеніи измѣняетъ все окружающее, и оно получаетъ тотъ видъ и смыслъ, который въ данный моментъ требуется этой ролью. Это очень мило иллюстрируется одной изъ дѣтскихъ пѣсень Стивнсона „Страна одѣяла“, въ которой болное дитя описываетъ различныя превращенія сцены-постели:

„Иногда я по цѣлымъ часамъ наблюдалъ, какъ мои оловянные солдатики въ своихъ разноцвѣтныхъ мундирахъ маршируютъ по холмамъ простыни.

„А то я посылалъ отряды своихъ кораблей качаться въ волнахъ одѣяла, или собиралъ всѣ свои домики и деревья и по всей постели выстраивалъ города“.

Кто можетъ сказать, сколькимъ различнымъ превращеніямъ для самыхъ удивительныхъ цѣлей изобрѣтательный дѣтскій умъ подвергалъ въ игрѣ такой глупый и, казалось бы, ничего не говорящій предметъ, какъ спинка дивана?

Стремленіе играть какую-нибудь роль мы встрѣчаемъ очень рано, и оно возникаетъ изъ инстинкта подражанія. Если подъ рукой есть чашка, то ребенокъ будетъ притворяться, что пьетъ изъ нея ¹⁾. Точно такъ же двухлѣтній мальчикъ станетъ совать трубку отца себѣ въ ротъ или, если онъ остороженъ, держать ее около рта, притворяясь что курить. Маленькій мальчикъ, которому еще не было двухъ лѣтъ, провелъ однажды всю послѣобѣденную часть дождливаго дня, „раскрашивая“ мебель сухимъ концомъ кусочка веревки. Въ такихъ случаяхъ игра, очевидно, можетъ возникнуть изъ мысли, на которую натолкнулъ ребенка видъ какого-нибудь предмета. Нѣтъ нужды полагать, что въ такого рода игрѣ, представляющей простое подражаніе, дѣти сознательно разыгрываютъ какую-нибудь роль. Говорить объ игрѣ, какъ о вполне сознательномъ процессѣ подражанія, ²⁾ значитъ безусловно не понимать ея сущности. Ребенокъ является однимъ существомъ, когда онъ дѣйствительно играетъ, и дру-

---

1) Это питье изъ пустой чашки, какъ указываетъ Прейеръ, можетъ, разумѣется, вначалѣ происходить вслѣдствіе недостаточнаго различенія воспріятій.

2) Комперэ идетъ, кажется, слишкомъ далеко въ этомъ направленіи говоря объ игрѣ ребенка съ куклой, какъ о милой игрѣ въ материнство (Умственное и нравственное развитіе ребенка, русск. пер., Сиб. 1896, стр. 201).

гимъ, когда ему хочется удивить или позабавить васъ. Достаточно, мнѣ кажется, сказать, что во время игры онъ поглощенъ какой-нибудь мыслью и осуществляетъ ее при помощи видимаго дѣйствія. Ваше вниманіе, вашъ смѣхъ можетъ ввести въ игру новый элементъ удовольствія, потому что, какъ всѣмъ извѣстно, дѣти умѣютъ быть маленькими актерами въ полномъ смыслѣ слова и умѣютъ мѣтить на то, чтобы произвести впечатлѣніе. Но ребенокъ такъ же мало нуждается въ вашемъ лестномъ вниманіи, какъ кошка, когда она, въ полномъ смыслѣ слова фантазируя и притворяясь, играетъ пойманной мышью, осторожно пряча ее, напримѣръ, подъ какой-нибудь котель въ чуланѣ и забавляясь своей полувоображаемой потерей. И ваше вмѣшательство, вѣроятно, разрушитъ или, по крайней мѣрѣ, уменьшитъ очарованіе игры ребенка, хотя бы только благодаря вашей неспособности уловить его мысль и подняться—что имѣетъ такое же важное значеніе—на высоту его собственнаго воодушевленія и его вѣры въ дѣйствительность вымысла. Можно, пожалуй, сказать, что инстинктъ игры бываетъ наиболѣе силенъ тогда, когда ребенокъ одинъ или, по крайней мѣрѣ, когда онъ поглощенъ самимъ собою; потому что, какъ ни пріятна совмѣстная игра, когда всѣ играющіе находятся въ согласіи, она подвержена нарушеніямъ вслѣдствіе недостатка взаимнаго пониманія и вслѣдствіе необходимости объясненій, на половину разрушающихъ иллюзію ¹⁾.

Сущность дѣтской игры заключается въ исполненіи какой-нибудь роли и въ томъ, чтобы создать какое-нибудь новое положеніе. Такимъ образомъ, она, какъ мы ниже увидимъ, родственна драматическому дѣйствію, только „игра“ ребенка, подобно „прозѣ“ monsieur Jurdain'a, есть бессознательное искусство. Стремленіе быть чѣмънибудь, морякомъ, солдатомъ, путешественникомъ по неизвѣстнымъ странамъ

---

1) Хорошее описаніе охлаждающаго дѣйствія, которое вызывается недостаткомъ воодушевленія у играющихъ, см. у Толстого, Дѣтство, Отрочество и Юность, часть I, гл. VIII.

и т. д., поглощает ребенка совершенно и заставляет его забыть свою действительную обстановку и свое действительное я. Его мечты, его уединенное и явно разсѣянное блужданіе по комнатамъ, когда онъ бормочетъ про себя какія-то таинственныя слова,—во всемъ этомъ проявляется его желаніе играть какую-то роль. Въ этихъ фантастическихъ превращеніяхъ ребенокъ иногда становится даже не человѣкомъ, напримѣръ, когда онъ щиплетъ состоящіе изъ „хлѣба съ масломъ“ листья кустовъ и воображаетъ, что онъ — лошадь¹⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что такой выходъ за предѣлы своего обыкновеннаго я и присвоеніе себѣ жизни другого существа свойственны только играющему ребенку; кошка или собака, хотя и онѣ способны, какъ показалъ Дарвинъ и другіе, до нѣкоторой степени притворяться во время игры,—всегда остаются въ предѣлахъ своего обычнаго я.

Такое превращеніе собственнаго я распространяется и за предѣлы той области, которую мы привыкли называть игрой. Одинъ маленькій мальчикъ трехъ съ половиной лѣтъ, очень любившій играть въ угольщика, хотѣлъ оставаться въ своей роли въ теченіе всего дня, и въ особые дни, предназначенные для этого занятія, не только не позволялъ называть себя какимъ-нибудь менѣе почетнымъ именемъ, но даже въ своей молитвѣ просилъ о томъ, чтобы сдѣлаться хорошимъ угольщикомъ (вмѣсто обычнаго „хорошимъ мальчикомъ“). Въ другіе дни этотъ ребенокъ жилъ жизнью реполова, солдата и т. д. и бывалъ очень огорченъ, если мать случайно перекутывала его роли. Маленькая дѣвочка всего одного года и десяти мѣсяцевъ, требовала, чтобы ее, когда она лежала въ постелькѣ, называли придуманнымъ ею именемъ Изабелла, но она не хотѣла, чтобы ее называли этимъ именемъ ни въ какое другое время. Ей, вѣроятно, казалось, что она становится кѣмъ-то другимъ, когда ложится въ постель и отдается сладкимъ усыпляющимъ грезамъ.

---

¹⁾ *Fry, The Uninitiated, стр. 10.*

Когда ребенок, слѣдуя этому влеченію, разыгрываетъ какую нибудь роль, тогда дѣйствительная внѣшняя обстановка можетъ имѣть для него поразительно ничтожное значеніе. Иногда она почти совсѣмъ не подходитъ къ изображаемой сценѣ, и тогда ребенокъ разыгрываетъ свои дѣйствія въ совершенно воображаемой обстановкѣ. Такія простыя игры, какъ хожденіе на рынокъ для покупки воображаемыхъ яблокъ, начинаются въ очень раннемъ возрастѣ; одна мать увѣряла меня, что всѣ ея дѣти играли такъ на второмъ году, когда они еще не умѣли говорить. Другая мать пишетъ о своемъ мальчикѣ двухъ съ половиной лѣтъ: „онъ забавляется вымышленными вещами; онъ приноситъ изъ угла воображаемый пряникъ, срѣбаетъ воображаемую траву или даетъ сраженіе, командуя воображаемыми солдатами“. Это напоминаетъ намъ стихъ Стивнсона:

„Онъ держитъ сторону французовъ, когда ты играешь своими оловянными солдатиками, и онъ никогда не можетъ побѣдить“.

Стремленіе придумывать воображаемую обстановку и особенно создавать себѣ миѣическихъ товарищей очень часто наблюдается у одинокихъ и одаренныхъ богатой фантазіей дѣтей. Одна знакомая дама, нѣмка, рассказывала мнѣ, что въ дѣтствѣ, будучи совершенно одинока, она сочинила себѣ нѣчто въ родѣ *второго я*, другую дѣвочку, нѣсколько старше ея самой, которую она почему-то—почему, это она забыла—называла „Крофа“. Изъ нея она сдѣлала свою постоянную подругу и отъ нея получала всѣ свои новыя мысли. Маленькая героиня В. Кантона нянчила невидимую „маленькую дѣвочку“, изображение которой она, кажется, умѣла представлять себѣ въ пространствѣ ¹⁾. Придумываніе воображаемыхъ людей наполняетъ значительную часть дѣтской жизни. Быть можетъ, при достаточной силѣ дѣтской фантазіи въ этой уединенной игрѣ заключается, какъ уже было указано, больше сладкой иллюзіи, большее приближеніе къ живой дѣй-

1) The Invisible Playmate. стр. 33 и сл.

ствительности, чѣмъ въ игрѣ съ неподатливыми реальными товарищами, мѣсто которыхъ здѣсь занимаютъ товарищи воображаемые, вполнѣ повинующіеся волѣ играющаго ребенка. Но такое чисто-воображаемое дѣйствіе, не получающее никакой поддержки отъ реального міра, пожалуй, едва ли есть „игра“ въ полномъ смыслѣ; это, скорѣе, активная форма мечтаній или грезъ ¹⁾.

Въ значительной части этихъ воображаемыхъ дѣйствій все, чего ребенокъ требуетъ отъ реальной обстановки, заключается въ пераменѣ мѣста или сцены. Приведу слѣдующій милый примѣръ такого простого типа воображаемой игры. Дитя, двадцати мѣсяцевъ, привыкшее встрѣчать въ Jardin du Luxembourg одну бонну съ ребенкомъ, вдругъ уходитъ изъ общей комнаты, довольно хорошо произнося слова! „Люксембургъ“, „бонна“ и „ребенокъ“. Оно идетъ въ сосѣднюю комнату, притворяется, что говорить обоимъ своимъ знакомымъ по саду „здравствуйте“, а затѣмъ возвращается и просто рассказываетъ, что онъ сейчасъ сдѣлалъ ²⁾. Здѣсь простого ухода въ смежную комнату было достаточно для того, чтобы обезпечить требуемую реализацію встрѣчи въ саду. Уходъ въ сосѣднюю комнату даетъ намъ нѣкоторое объясненіе: несомнѣнно, ребенокъ первоначально воображалъ при этомъ, что гуляетъ; но я полагаю, что здѣсь участвовалъ и другой мотивъ. Дѣти любятъ разыгрывать свои маленькія воображаемые роли въ нѣскольکو уединенномъ мѣ-

---

1) Я совершенно не понимаю, что имѣеть въ виду профессоръ Бальдвинъ, когда онъ говоритъ, что одинокій ребенокъ лишень фантазін (указ. соч. стр. 358). Подчеркивая значеніе подражанія и внѣшнихъ вліяній, этотъ писатель, кажется, не замѣтилъ того довольно яснаго факта, что дѣятельность дѣтскаго воображенія, въ ея болѣе интенсивныхъ и энергическихъ формахъ, есть отдѣленіе отъ чувственнаго міра, и что одинокія дѣти, какъ показываетъ не одна автобіографія и какъ свидѣтельствуютъ замѣтки матерей, обладаютъ особенно сильнымъ воображеніемъ именно вслѣдствіе отсутствія для нихъ привлекательной дѣятельности въ реальномъ мірѣ.

2) *E. Egger*, приведено у *Компэре* (указ. соч. стр. 106).

тѣмъ, вдали отъ наблюдающихъ глазъ, гдѣ ихъ фантазія не страдаетъ отъ вмѣшательства матери, няни или другихъ лицъ дѣйствительной среды. Какъ часто страшная, волнующая игра производилась въ какомъ нибудь углу, особенно если онъ былъ темень или, еще лучше, огороженъ. Очарованіе скрытыхъ мѣстечекъ, напримѣръ, за оконными занавѣсами или подъ столомъ съ свѣшивающимися концами скатерти— это очарованіе, вѣроятно, свѣжо въ памяти всякаго, кто можетъ припомнить свое дѣтство.

Шагъ впередъ къ болѣе реалистическому роду игры, гдѣ, какъ въ современномъ театрѣ, воображеніе получаетъ поддержку со стороны сильныхъ сценическихъ эффектовъ, сдѣланъ тогда, когда устроена сцена, когда стулья и диванъ обращены въ корабли, въ кареты, въ желѣзнодорожный поѣздъ и т. д.

Но сцена, въ концѣ-концовъ, имѣетъ лишь очень второстепенное значеніе въ игрѣ. Кромѣ самого себя въ своей новой роли, ребенокъ, гордо наслаждающійся сознаніемъ, что онъ—генераль или учительница, но не удовлетворяющійся чистыми созданіями своей фантазіи, требуетъ какого нибудь подобія живыхъ товарищей. Въ каждой игрѣ онъ желаетъ имѣть кого нибудь, хотя бы только въ качествѣ слушателя тѣхъ рѣчей, которыя онъ произноситъ въ своей новой роли; и если онъ не поднимается до разговоровъ съ невидимымъ слушателемъ, то онъ будетъ говорить съ такими ничего не обѣщающими вещами, какъ губка въ ваннѣ, или угольная лопатка, или какая нибудь подпорка въ саду и т. д. Въ болѣе активной игрѣ, гдѣ нужно что нибудь дѣлать, онъ обыкновенно желаетъ имѣть настоящаго товарища и помощника—человѣка или животное. И здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ, что составляетъ, можетъ быть, самую интересную черту дѣтской игры,—съ превращеніемъ самыхъ ничтожныхъ и малообщающихся вещей въ настояція живыя существа. Я уже указалъ на спинку дивана. Сколько сильныхъ неутомимыхъ животныхъ, отъ терпѣливаго осла до дикой степной лошади!

создало живое воображеніе мальчика изъ этой тяжеловѣсной на видъ спинки.

Введеніе этихъ одушевленныхъ формъ показываетъ, повидимому, какъ велика способность ребенка къ реализаціи своихъ представленій. Рескинъ говоритъ гдѣ-то о „совершенствѣ дѣтскаго воображенія, о способности сдѣлать что угодно изъ ничего“. „Ребенокъ, прибавляетъ онъ, не дѣлаетъ своимъ любимцемъ механическую мышь, бѣгущую по полу... Ребенокъ влюбляется въ неподвижную вещь, въ некрасивую,— нѣтъ, даже въ такую, которая въ нашихъ глазахъ не имѣетъ никакого смысла. *Потребность върнуть* предшествуетъ *потребности любить*“.

Эти слова Рескина приводятъ насъ къ тому фокусу, въ которомъ, кажется, собираются всѣ лучи дѣтской фантазіи,— къ превращенію игрушекъ.

Что дѣти создаютъ изъ своихъ игрушечныхъ лошадокъ, собачекъ и т. д. живыя существа—этотъ фактъ извѣстенъ всякому наблюдателю дѣтей. Для безхитростныхъ, не знакомыхъ съ сомнѣніемъ, глазъ ребенокъ, который сидитъ на своемъ грубо вырѣзанномъ „но-но“ и лупитъ его по безчувственнымъ бокамъ съ чисто мальчишеской радостью, выглядитъ такъ, какъ будто онъ дѣйствительно испытываетъ удовольствіе отъ настоящей верховой ѣзды, какъ будто онъ совершенно захваченъ представленіемъ, что неуклюжая фигура, очень мало похожая на живое существо, есть настоящая лошадь.

О живости этого воображенія, обращающаго призракъ въ нѣчто реальное, свидѣлствуетъ крайняя бѣдность и невзрачность игрушекъ, которыми, однако, ихъ владѣльцы вполне удовлетворяются. Одинъ нѣмецкій писатель даетъ слѣдующее милое описаніе дѣтской игры.

„Вотъ сидитъ маленькій прелестный человѣчекъ трехлѣтъ за своимъ столикомъ, уже цѣлый часъ погруженный въ фантастическую игру ракушками. Онъ обладаетъ тремя такъ называемыми змѣиными головками,—одной большой и двумя маленькими; онѣ означаютъ для него двухъ телятъ и

корову. Маленькій хозяинъ набралъ въ оловянную чашечку лепестки разныхъ цвѣтовъ, и они служатъ кормомъ для его многочисленнаго и прекраснаго скота... Послѣ того, какъ эта игра продолжалась нѣкоторое время, чашечка съ кормомъ превращается въ очень тяжелый возъ сѣна, и маленькія раковины тащатъ вдругъ въ качествѣ маленькихъ лошадокъ эту страшную тяжесть“ 1).

Кукла занимаетъ въ этомъ фантастическомъ царствѣ игры самое высшее мѣсто. Она похожа на человѣка и удовлетворяетъ болѣе высокимъ инстинктамъ и чувствамъ. Какъ выразился одинъ французскій поэтъ, маленькая дѣвочка

Rève le nom de mère en berçant sa poupée 2).

Недавно я встрѣтилъ гдѣ-то мнѣніе, что кукла служить игрушкой только для дѣвочекъ; однако, и мальчики— правда предпочитающіе обыкновенно резиновыхъ лошадокъ и другихъ животныхъ, —нерѣдко также переживаютъ періодъ любви къ кукламъ, которымъ они тогда едва ли менѣе преданы, чѣмъ дѣвочки. Разнообразіе ролей, приписываемыхъ куклѣ, безконечно, какъ безконечно число ролей ракушекъ въ послѣдней, описанной нами игрѣ. Кукла—главный товарищъ въ томъ „уединеніи вдвоемъ“, которое дѣти, какъ и взрослые, такъ сильно любятъ. Госпожа Бернетъ рассказываетъ, какъ она, сидя въ креслѣ въ гостиной и держа на рукахъ свою куклу, представляла себѣ, что плыветъ по заколдованному морю къ заколдованнымъ островамъ и встрѣчаетъ всевозможныя страшныя приключенія. Въ другое время, когда она желала изображать предводителя индѣйскаго племени, кукла съ такою же готовностью принимала на себя роль индіанки.

Ребенокъ, любящій куклу, въ общемъ обращается съ нею очень человѣчно, хотя ему и случается, какъ напоминаетъ намъ Жоржъ Зандъ, въ минуты гнѣва даже побить ее. Маленькій мальчикъ двухъ съ половиною лѣтъ какъ-то обра-

1) Goltz, Buch der Kindheit, стр. 4,5.

2) Грезить о материнствѣ, убаюкивая свою куклу.

тился къ своей матери со словами: „дай-ка мнѣ всѣ мои книжки съ картинками, я хочу показать ихъ куклѣ; я не знаю, какая ей больше всѣхъ понравится“. Затѣмъ онъ сталъ показывать каждую книжку, заглядывая при этомъ куклѣ въ лицо, чтобы узнать ея мнѣніе. Онъ сдѣлалъ видъ, что она выбрала одну книжку, и тогда сталъ вполне серьезно показывать ей всѣ картинки, приговаривая: „смотри сюда, кукла“, и старательно объясняя каждую изъ нихъ.

На куклѣ мы видимъ отношеніе ребенка ко всѣмъ игрушкамъ вообще, его стремленіе принять ихъ въ самый тѣсный и теплый кружокъ личныхъ друзей, сдѣлать изъ нихъ живыя части самого себя. Ниже мы увидимъ, что на языкѣ дѣтей личность рано отождествляется съ тѣмъ, что къ ней принадлежитъ. Для трехлѣтняго малыша „меня“ и „мое“ означаетъ одно или почти одно и то же. Это стремленіе соединить куклу съ своимъ я, надѣлять ее своимъ сознаніемъ и своими чувствами проявляется очень страннымъ образомъ. У взрослого ребенка, Лауры Бриджменъ, оно выражалось въ томъ, что она надѣвала своей куклѣ на глаза такую же повязку, какую носила сама. Точно также одна шестилѣтняя дѣвочка, выздоравливая отъ кори, усердно занималась тѣмъ, что разрисовывала всѣхъ своихъ куколъ ярко-красными пятнами. Кукла должна продѣлывать все то же и быть всѣмъ тѣмъ, что и я,—такъ, повидимому, рассуждаетъ дитя относительно предмета своей горячей привязанности. Это чувство единенія усиливается благодаря тому, что ребенокъ чувствуетъ себя единственнымъ обладателемъ куклы; онъ убѣжденъ, что только онъ одинъ знаетъ ее, можетъ слышать ея плачь и т. д. ¹⁾ Это же чувство близости и тѣсной связи обнаруживается и въ требованіи ребенка, чтобы другіе обращались съ его куклой такъ же вѣжливо, какъ и съ нимъ самимъ. Дѣти часто ожидаютъ, чтобы мать или няня, прощаясь съ ними на ночь, поцѣловала также и ихъ любимцевъ и пожелала и имъ спокойной ночи.

---

¹⁾ Ср. *Perez. L'Art et la Poésie chez l'Enfant*, стр. 28.

Не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ самое ясное доказательство иллюзіи, сопровождающей игру. Живое воображеніе надѣляетъ неподвижный деревянный предметъ тепломъ жизни и любви. Какую большую роль играетъ при этомъ алхимикъ-фантазія,—это извѣстно всякому, кто при-смотрѣлся къ дѣтскимъ игрушкамъ. Любовь и приверженность ребенка, кажется, часто увеличивается тогда, когда первоначальныя обманчивыя прелести, какъ яркій цвѣтъ щекъ и губъ, красивая форма носа, изящное платье,—поблекнуть, и когда восхитительная игрушка, раньше приковывавшая жадные взоры многихъ ребятишекъ къ окну магазина, обратится просто въ куклу. Постоянство ребенка по отношенію къ своей куклѣ, когда она уже лишилась внѣшней красоты и заняла самое низкое мѣсто въ кукольномъ обществѣ, является одной изъ самыхъ привлекательныхъ и забавныхъ сторонъ дѣтской жизни.

А какіе грубые, ничего не говорящіе предметы приобрѣтаютъ любовь дѣтей, становясь ихъ игрушками! Госпожа Бернетъ передаетъ, что она какъ-то видѣла на одной грязной лондонской улицѣ испачканнаго мальчугана, который сидѣлъ на лѣсенкѣ и нѣжно обнималъ маленькій пучекъ сѣна, перевязанный веревочкой. Здѣсь, безъ сомнѣнія, потребность любить немногимъ отстала отъ потребности вѣрить, если только вообще отстала сколько нибудь.

Понимаетъ ли кто нибудь изъ насъ, какъ слѣдуетъ, это суевѣрное отношеніе къ кукламъ? Писатели, обладавшіе ясной и обширной памятью, пытались вернуть насъ къ дѣтству и на мгновеніе возстановить въ насъ всю ту безмятежную вѣру, то полное удовлетвореніе любви, которыми опредѣляется отношеніе дитяти къ куклѣ. Но, пожалуй, даже гениальное воображеніе Жоржъ Зандъ едва ли въ состояніи выполнить эту задачу—воскресить погребенныхъ товарищей нашего ранняго дѣтства и заставить ихъ снова ожить передъ нашими глазами. Въ самомъ дѣлѣ, иллюзіи, вызываемыя игрушками, исчезаютъ однѣ изъ первыхъ. Мнѣ кажется, что немного есть такихъ сантиментальныхъ дѣвочекъ,

которыя, достигнувъ извѣстнаго возраста и развитія, считали бы долгомъ спасти своихъ куколъ отъ общаго крушенія, составляющаго въ это время участь всѣхъ игрушекъ. Но я полагаю, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда любимыя куклы сохраняются, въ нихъ больше цѣнится внѣшняя красота—миловидное лицо, волосы и, главное, изящное платье—нежели внутреннее содержаніе, то, что можно назвать душой куклы, что одухотворяетъ ее въ глазахъ ребенка и придаетъ ей ея истинную красоту и цѣнность.

Но если мы не въ состояніи проникнуть въ сущность этого суевѣрнаго отношенія къ кукламъ, то мы можемъ изслѣдовать его съ внѣшней стороны и провести нѣкоторыя полезныя для нашей цѣли сравненія между нимъ и другими извѣстными формами наивнаго легковѣрія. При этомъ мы встрѣчаемся съ тѣмъ любопытнымъ фактомъ, что кукла существуетъ не только у ребенка, но и у первобытнаго чловека. По словамъ Д. Леббока ¹⁾, дикари любятъ такія игрушки, какъ куклы, коробочки и т. д. Тотъ же писатель замѣчаетъ, что „кукла, это—помѣсь дитяти и фетиша, въ которой обнаруживаются противоположныя характеры ея родителей“. Быть можетъ, въ непостоянствѣ отношеній къ куклѣ, которое описываетъ Жоржъ Зандъ, проявляется поочередное преобладаніе каждой изъ этихъ сторонъ—ребенка и фетиша. Но, какъ замѣчаетъ дальше Леббокъ, эта помѣсь совершенно непонятна взрослымъ людямъ, и потому скромность какъ будто требуетъ, чтобы мы преклонились здѣсь передъ одной изъ тайнъ природы.

Ф. Гальтонъ навелъ меня на мысль, что можно было бы произвести полезное изслѣдованіе соотношенія между любовью ребенка къ кукламъ или другимъ игрушкамъ и живостью его воображенія, обнаруживаемой какъ нибудь иначе, напримѣръ въ пристрастіи къ сказкамъ или въ мечтахъ. На основаніи тѣхъ изслѣдованій, которыя и произвелъ по этому вопросу, я склоненъ думать, что такое соотношеніе существуетъ.

¹⁾ *Леббокъ*, Начало цивилизаціи (Русскій пер., 2-е изд., Сиб. 1896) стр. 359.

Одна дама, очень опытная учительница дѣтскаго сада, передаетъ мнѣ, что дѣти, играющіе грубыми нескладными предметами, охотно надѣляющія жизнью мячикъ и т. д., обнаруживаютъ совершенно особаго рода фантазію въ тѣхъ играхъ, которыя приняты въ дѣтскомъ саду. Вотъ одинъ изъ примѣровъ, которые она приводитъ:

„П. Мк. Л., дѣвочка, которую я наблюдала въ возрастѣ отъ трехъ съ половиною до пяти лѣтъ, обладала очень живымъ воображеніемъ, какъ показывала сила ея иллюзій въ игрѣ. Мягкій резиновый мячикъ былъ для нея, по внушенію учительницы, ребенкомъ, и на него она расточала всю свою нѣжность: она цѣловала его, кормила, умывала его, лицо, закрывала его въ свой передникъ и т. д. Игра такъ сильно поглощала ее, что другія окружавшія ее дѣти, одаренныя менѣе богатымъ воображеніемъ, оставляли свою собственную игру съ куклами и съ интересомъ слѣдили за ней. Невнимательная и неугомонная во время уроковъ, она неподвижно, съ широко раскрытыми глазами сидѣла всякій разъ, когда рассказывали какую-нибудь исторію, и всегда дослушивала ее до конца“.

Дѣти дѣлаютъ иногда своими малютками младшихъ братьевъ и сестеръ и тогда заботливо оказываютъ имъ всѣ тѣ трогательныя услуги, которыя другія дѣти обыкновенно выполняютъ по отношенію къ своимъ кукламъ ¹⁾. Этотъ фактъ приводитъ насъ къ другому, тѣсно связанному съ нимъ вопросу. Предпочитаютъ ли дѣти съ богатымъ воображеніемъ при этой игрѣ въ няни неподвижную, безобразную куклу живому ребенку? Каково въ дѣтской игрѣ дѣйствительное отношеніе между игрушечнымъ товарищемъ, куклой или резиновой собачкой, и живымъ компаньономъ? Съ другой стороны, ребенокъ при случаѣ станетъ играть и съ воображаемой куклой ²⁾. Каково же соотношеніе между этой склон-

¹⁾ *Бальдингъ* приводитъ прелестный примѣръ этого рода (въ указ. соч., стр. 362).

²⁾ Примѣръ у *Paola Lombroso*, *Psicologia del Bambino*, стр. 126.

ностью и двумя другими видами любви къ куклѣ? Эти вопросы заслуживаютъ тщательнаго изслѣдованія.

Одухотвореніе куклы или игрушечнаго животнаго есть результатъ стремленія къ игрѣ, а послѣднее, какъ мы видѣли, заключается въ желаніи выполнить что-нибудь, реализовать внѣшнимъ образомъ какое-нибудь представленіе. Ребенокъ поглощенъ своей мыслью и ея внѣшнимъ выраженіемъ, и это, какъ при гипнозѣ, складывается для него тѣ несообразности сцены и дѣйствія, которыя замѣтилъ бы всякій спокойный наблюдатель. Идея игры дѣйствуетъ преобразующимъ образомъ посредствомъ процесса, аналогичнаго съ такъ называемымъ самовнушеніемъ.

Какой полноты можетъ достигнуть иллюзія въ игрѣ,— въ этомъ можно убѣдиться по многимъ даннымъ. Мы видимъ это и въ настойчивомъ требованіи дѣтей (на которое мы уже указали), чтобы на время все перенеслось изъ повседневнаго міра въ другой, созданный ихъ фантазіей. „Когда Феликсу было около четырехъ лѣтъ“ пишетъ Эггеръ о своихъ мальчикахъ, „онъ какъ-то игралъ въ кучера, а Эмиль какъ разъ въ это время вернулся домой. Заявляя о приходѣ брата, Феликсъ не сказалъ: „Эмиль пришелъ“, а сказалъ: „братъ кучера пришелъ“¹⁾.

Какъ мы видѣли выше, способность ребенка всецѣло погрузиться въ міръ игры проявляется въ его настойчивомъ требованіи, чтобы другіе, напримѣръ, мать, признавали его новымъ лицомъ. Маленькій сынъ Песталоцци трехъ съ половиной лѣтъ какъ-то игралъ въ мясники; когда его мать назвала его обыкновеннымъ уменьшительнымъ именемъ „Jacobli“, онъ тотчасъ же отвѣтилъ: „Нѣтъ, нѣтъ, ты должна теперь звать меня мясникомъ“²⁾. О другомъ случаѣ такого рода сообщила мнѣ одна мать. Четырехлѣтняя дѣвочка играла со своей младшей сестрой въ „лавочку“. „Старшая дѣвочка какъ разъ была лавочникомъ, когда я во-

1) Приведено у *Компэре*, въ указ. соч., стр. 107.

2) *De Guimp*, *Life of Pestalozzi*, стр. 41.

шла въ комнату. Я поцѣловала ее, а она вдругъ горько расплакалась, такъ что я рѣшительно не могла понять, въ чемъ дѣло. Наконецъ, она сквозь слезы проговорила: „мама, ты вѣдь никогда не цѣлуешь лавочника!“ Своимъ поцѣлуемъ я совершенно разрушила ея иллюзію.

О томъ, какъ сильна у дѣтей способность реализовать въ игрѣ съ помощью фантазіи свои представленія, можно судить по тщательности, съ которой они заботятся при всякомъ воспроизведеніи о близости къ оригиналу,—будетъ ли это сцена, подмѣченная ими въ обыденной жизни, или слышанный рассказъ. Какъ намъ передавали, тотъ самый мальчикъ, который показывалъ куклѣ свои книжки съ картинками, любилъ, когда ему было два года и восемь мѣсяцевъ, представлять себѣ, что онъ — Присть, кучеръ своей бабушки. „Онъ правилъ своей игрушечной лошадкой съ кресла, какъ съ козелъ кареты, и ежеминутно слѣзаль, чтобы „выпустить дамъ“ или „сходить за покупкой“. При этомъ онъ настолько вошелъ въ свою роль, что требовалъ, чтобы ему держали вожжи, пока онъ сходить и т. д.“. То же самое мы видимъ, когда разыгрывается какая-нибудь сказка. Полное наслажденіе реализаціей зависитъ отъ точности воспроизведенія, отъ соответствія между опредѣленнымъ представленіемъ дѣтскаго ума и его внѣшнимъ выраженіемъ.

Слѣдующій рассказъ служитъ другого рода доказательствомъ, и очень милымъ, той реализаціи представленій, которая достигается при помощи игры. Двѣ дѣвочки — сестры какъ-то предложили другъ другу: „Давай играть въ сестеръ“. Это можетъ, конечно, показаться не вдумчивому человѣку безмысленнымъ; но развѣ на самомъ дѣлѣ это не краснорѣчиво? Меня эти слова наводятъ на мысль, что дѣвочки не чувствовали себя настоящими сестрами, не наслаждались всей прелестью близкихъ отношеній, какъ имъ бы хотѣлось; а можетъ быть между ними произошла ссора и наступило нѣкоторое дѣтское охлажденіе. И онѣ чувствовали, что средство, съ помощью котораго имъ удалось бы болѣе живо сознать, чѣмъ онѣ были или чѣмъ должны быть другъ для друга, заклю-

чается въ игрѣ, въ разыгрываніи такой сцены, во время которой онѣ могли бы сблизиться на почвѣ теплаго, сочувственнаго товарищества.

Но можно еще и другимъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, болѣе убѣдительнымъ способомъ доказать дѣйствительность иллюзіи въ игрѣ. Дитя сталкивается съ невѣрующимъ взрослымъ, который спрашиваетъ его о томъ, какъ плачетъ кукла и т. д. Одна маленькая дѣвочка одного года и девяти мѣсяцевъ быстро перемѣнила предметъ разговора, когда мать спросила у нея, какъ ея кукла (потерявшая обѣ руки) ѣсть безъ рукъ. Она, очевидно, не любила, чтобы въ ея счастливый міръ игры вносились какія-нибудь затрудненія. Но настоящая непоколебимая вѣра проявляется позднѣе, когда ребенокъ начинаетъ понимать скептическіе вопросы другихъ и видеть, что они смѣются надъ его игрой и его грезами. Такая жестокая насмѣшка можетъ глубоко поразить его. Я слыхалъ о дѣтяхъ, которыя начинали плакать, если какой-нибудь чужой человекъ неожиданно входилъ въ дѣтскую въ то время, когда они увлечены игрой, и безъ сочувствія, критически глядѣлъ на нихъ.

Результатомъ, игры можетъ быть не только такая кратковременная живая реализація представленій воображеніемъ, но и нѣкоторая постоянная слабая иллюзія. Благодаря тому, что игрушка много разъ одухотворяется воображеніемъ, она въ концѣ концовъ становится постояннымъ товарищемъ и любимцемъ ребенка; такимъ товарищемъ иногда является лошадка; въ одномъ изъ сообщенныхъ мнѣ случаевъ это былъ смѣшной игрушечный левъ, но чаще всего эту роль исполняетъ человѣческое подобіе—кукла. Съ такимъ предметомъ связывается множество счастливыхъ ассоціацій, которыя придаютъ ему постоянную жизненность и опредѣленный характеръ. Одна мать какъ-то спросила своего сына, которому было два съ половиной года, о его куклѣ,—мальчикъ она или дѣвочка? Ребенокъ вначалѣ отвѣтилъ: „мальчикъ“, но тотчасъ же поправился и прибавилъ: „я думаю, что она—младенецъ“. Здѣсь мы видимъ, какъ вопросъ вызвалъ про-

вѣрку внутренняго убѣжденія, видимъ короткое размышленіе и, какъ результатъ его, ясное выраженіе увѣренности, что кукла занимаетъ опредѣленное мѣсто въ настоящей человѣческой семьѣ.

Въ слѣдующемъ разсказѣ мы видимъ еще болѣе стойкое выраженіе твердой вѣры въ игрушку, вызванное скептическимъ отношеніемъ другихъ. Одна моя корреспондентка пишетъ: „Когда Л. минуло ровно два года, онъ сталъ говорить о своей любимой деревянной лошаdkѣ (Васькѣ), какъ о настоящемъ живомъ существѣ. Онъ обыкновенно говорилъ: „Ваську не плотникъ сдѣлалъ, и онъ не изъ дерева, а изъ кожи и костей; его Богъ сдѣлалъ“. Если кто-нибудь, говоря о лошаdkѣ, какъ о чемъ-то неодушевленномъ, употреблялъ выраженіе *оно*, то ребенокъ моментально раздражался и съ негодованіемъ кричалъ: „Нельзя говорить *оно*, надо говорить *онъ!*“ Въ его представленіи лошадка обладала всеми добродѣтелями, и странно было видѣть, какое вліяніе имѣлъ на него этотъ продуктъ его собственнаго воображенія. Если Л. особенно упорно не хотѣлъ сдѣлать чего-нибудь, то матери стоило только сказать: „Васька хочетъ, чтобы ты это сдѣлалъ“, и ребенокъ тотчасъ же безропотно подчинялся.

Подобное же преобразование чувственнаго міра посредствомъ воображенія мы встрѣчаемъ и въ другой области дѣтской дѣятельности, близко примыкающей къ области игры. Я имѣю въ виду картины и художественныя произведенія вообще. Если у взрослыхъ картина или драматическое представленіе вызываетъ половинную иллюзію, состояніе, похожее на сонъ или экстазъ, то у ребенка, имѣющаго гораздо меньше знаній, иллюзія можетъ сдѣлаться болѣе полной. Ребенку картина кажется чѣмъ-то въ родѣ игрушки. Дитя восьми или девяти мѣсяцевъ будетъ разговаривать съ картиной, какъ съ живымъ существомъ; и нѣкоторая склонность сдѣлать изъ рисунка фетишъ остается еще въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Но намъ удобнѣе будетъ рассмотреть отношеніе ребенка къ нарисованнымъ изображеніямъ въ связи съ его склонностями къ искусству вообще.

Я думаю, что преобразование вещей воображеніемъ, въ особенности надѣленіе бездушныхъ предметовъ жизнью, составляетъ часть всякой дѣтской забавы. Гдѣ источникъ вѣчной прелести обруча и неизмѣнной любви къ нему? Не вытекаетъ ли въ этомъ случаѣ интересъ изъ того обстоятельства, что ребенокъ управляетъ движущимся предметомъ, который своими капризными движеніями какъ-будто обнаруживаетъ собственную волю? По моему мнѣнію, ребенокъ, гоня обручъ, едва ли меньше работаетъ воображеніемъ, чѣмъ тогда, когда онъ сидитъ верхомъ на деревянной лошаdkѣ и бьетъ ее по бокамъ. Кто изъ людей, помнящихъ свои раннія впечатлѣнія, станетъ сомнѣваться, что именно игрой воображенія обусловлено удовольствіе, доставляемое пусканіемъ змѣя, наблюденіями за тѣмъ, какъ онъ бросается то вправо, то влѣво, какъ грозитъ опрокинуться и упасть на землю, и достигающее, кажется, высшей степени, когда по бичевкѣ отправляется бумажный „гонецъ“ къ этому маленькому предмету, который, словно птица, находится такъ ужасно далеко въ голубомъ небѣ? Это же можно сказать о пусканіи лодочекъ и о другихъ забавахъ ранняго дѣтства.

Я коснулся здѣсь только той стороны дѣтскихъ игръ, въ которой работаетъ воображеніе и достигается лишь половинная иллюзія. Однако, слѣдуетъ помнить, что игра представляетъ собою нѣчто гораздо большее и что въ ней отражается гораздо бoльшая часть дѣтской души. Собственно игра, въ отличіе отъ простыхъ грезъ, есть дѣйствіе, и именно — подражаніе; и у отдѣльныхъ дѣтей мы видимъ замѣтныя различія въ энергіи этой дѣятельности, въ живости воспроизведенія и въ близости къ послужившимъ образцомъ поступкамъ настоящей няни, настоящаго кучера и т. д. Иными словами, здѣсь надо принимать въ расчетъ наблюденія ребенка надъ другими. Далѣе, хотя общественная среда, обиліе удобныхъ для подражанія случаевъ и являются очень важными обстоятельствами, однако они не имѣютъ рѣшающаго значенія. Мы видимъ у дѣтей въ ихъ играхъ, основанныхъ на подражаніи, замѣчательную разборчивость, — зачатокъ ра-

но обнаруживающейся дифференціаціи интересовъ въ зависимости отъ пола и индивидуальности. Слѣдуетъ прибавить, что дитя, имѣющее мало случаевъ для наблюденія, можетъ отъ сказокъ получить достаточно матеріала для своихъ игръ. Но игра никогда не заключается въ одномъ лишь подражаніи, которымъ она ограничивается развѣ только у глухихъ и тупыхъ дѣтей. Она—блестящее открытіе, въ которое могутъ вылиться всѣ способности дѣтскаго ума. Отношеніемъ между игрой и искусствомъ мы займемся ниже.

Свободное созданіе фантастическихъ образовъ.

Въ игрѣ и въ родственныхъ ей формахъ дѣятельности воображенія, которыя мы только что разсмотрѣли, насъ занимала воображаемая реализація въ ея связи съ чувственными воспріятіями. И здѣсь, надо замѣтить, существуетъ извѣстнаго рода взаимодѣйствіе между ощущеніями и воображеніемъ. Съ одной стороны, какъ мы видѣли, воображеніе, помѣщаетъ, такъ сказать, разноцвѣтную среду между глазомъ и разсматриваемымъ предметомъ, такъ что послѣдній измѣняется и становится красивѣе. Съ другой стороны при тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя обыкновенно называютъ игрой, воображеніе получаетъ очень цѣнную поддержку отъ ощущений. Остовъ куклы, не имѣющей ни малѣйшаго сходства съ тѣмъ, во что обращаетъ его фантазія ребенка, все же есть нѣчто осязательное, и онъ оказываетъ поддержку, даетъ матеріальное стремленію къ реализаціи.

Это обстоятельство—что воображеніе получаетъ поддержку со стороны ощущений—пріучаетъ ребенка создавать фантастическіе образы и назначать имъ опредѣленное мѣсто жительства во внѣшнемъ мірѣ. Такимъ путемъ представленіе, воплощаясь въ реальномъ тѣлесномъ мірѣ, получаетъ извѣстную прочность и устойчивость.

Такое введеніе образовъ въ систему реального міра можетъ, какъ и игра, быть обусловлено двумя различными причинами. Съ одной стороны, внѣшній міръ, познаваемый лишь

очень смутно, возбуждает удивленіе, любопытство и желаніе наполнить пустое мѣсто по крайней мѣрѣ подобіемъ знанія. Здѣсь удаленность производит удивительное очарованіе. Далекую цѣпь холмовъ, едва видную изъ того дома, гдѣ живетъ ребенокъ, его щедрая фантазія множество разъ надѣляла всевозможными чудесными пейзажами и населяла всевозможными необыкновенными существами. Недостижимое небо — а его дитя, лежа часто на спинѣ, разсматриваетъ гораздо больше, чѣмъ мы — съ его непостижимымъ, необъятнымъ голубымъ просторомъ, эта страна облаковъ, гдѣ горятъ звѣзды и ходитъ измѣнчивая луна, — вотъ что занимаетъ дѣтскую душу, и свѣтлая фантазія ребенка совершенно самостоятельно наполняетъ этотъ огромный верхній міръ соотвѣтственными образами.

Если предметы, видимые наполовину, заставляютъ воображеніе усиленно работать, то такое же дѣйствіе въ еще большей степени оказываетъ на него то, что совершенно скрыто отъ взоровъ. Чары, которыми опутываетъ юную душу таинственность пещеръ, темныхъ лѣсовъ и т. д., знакомы всякому. Эта склонность проявляется, напримѣръ, въ томъ, что мальчикъ К. населилъ темный лѣсъ „черными звѣрями“, волками.

„Фантазіи всѣхъ дѣтей почти безъ исключенія“, пишетъ одинъ уже цитированный нами нѣмецкій авторъ, „присуще представленіе о совершенно новомъ, неизвѣстномъ мірѣ, который находится за видимымъ горизонтомъ, за лѣсами, озерами, горами и всѣми предметами, до которыхъ еще достигаютъ наши взоры. Такъ, въ дѣтствѣ, когда мы въ амбарѣ играли въ прятки (или вообще хозяйничали тамъ), мнѣ всегда казалось, что за каждой связкой соломы, особенно въ одномъ углу, можетъ находиться и навѣрное находится что-то ужасное. Однако у меня не было пустого любопытства и охоты произвести опытъ, перевернувъ какую-нибудь связку. Это былъ только вымыселъ и хотя я на половину сознавалъ это, онъ все-таки былъ настолько живъ, что овладѣвалъ мною, какъ нѣчто реальное“. Дальше этотъ ав-

торъ описываетъ, какъ его воображеніе всегда было занято вопросами о томъ, что находится за длинною полосою лѣса, которая охватывала большую часть его дѣтскаго кругозора ¹⁾).

Эта дѣятельность воображенія, населяющаго отдаленныя и скрытыя мѣста внѣшняго міра, подвергается очень разнообразнымъ стимулирующимъ вліяніямъ со стороны чувства. Мы знаемъ, что всякое живое представленіе сопровождается какой-нибудь эмоціей, и это съ особенной увѣренностью можно сказать относительно фантастическихъ дѣтскихъ представлений. Въ невидимомъ, скрытомъ содержатся неизвѣстныя возможности, быть можетъ, что-нибудь страшное, ужасное, что заставляеть боязливое маленькое существо содрогаться заранѣе отъ одного представленія,—или, можетъ быть, тамъ находится нѣчто изумительно и неожиданно прекрасное. Какъ далеко дѣтское любопытство отъ разумной любознательности,—это видно изъ замѣчанія Гольца, что ребенокъ никогда не дѣлаетъ нечестивой попытки изслѣдовать тайну.

Такое же удачное сочетаніе фантастическихъ представлений и неполныхъ воспріятій возникаетъ и тогда, когда дитя, слѣдуя своему влеченію, воплощаетъ свои живые и устойчивые образы въ различныхъ видимыхъ предметахъ. Это влеченіе, какъ мы видѣли, обнаруживается во всѣхъ играхъ, а въ нѣкоторыхъ оно проявляется въ самомъ чистомъ видѣ. Однако оно охватываетъ гораздо большую область, нежели та, которую принято считать игрой. Приведенный нами выше фактъ, что мальчикъ К. нассидилъ волками какой-то лѣсъ, до извѣстной степени объясняется тѣмъ, что маленькій воспримчивый мозгъ былъ въ это время особенно занятъ мыслями о волкѣ. Диккенсъ и другіе рассказали намъ, какъ они въ дѣтствѣ переносили въ дѣйствительный міръ живые образы, заимствованные изъ сказокъ. Встрѣчая подходящіе предметы, ребенокъ, вполне естественно, связываетъ съ ними свои фантастическіе образы. Такъ Диккенсъ пишетъ: „Всякій ручеекъ по сосѣдству, всякій камень въ церкви, вся-

---

1) *Goltz, Das Buch der Kindheit, стр. 276.*

кій клочокъ земли на кладбищѣ былъ какъ-нибудь связанъ въ моемъ воображеніи съ этими книгами (*Roderic Random, Tom Jones, Gil Blas* и т. д.) и изображалъ собою какое-нибудь мѣсто, получившее извѣстность благодаря имъ. Я видѣлъ Тома Пипера, взбравшагося на колокольню; я наблюдалъ за Стрѣпомъ, когда онъ, съ ранцемъ на плечахъ, останавливался отдохнуть у калитки¹⁾.

Связывая свои фантастическія образы съ опредѣленными предметами, ребенокъ въ то же время населяетъ ими и отдаленныя части пространства, которыя онъ лишь смутно себѣ представляетъ. Въ такія темныя и непроходимыя области изгоняются, какъ и можно было ожидать, сверхъестественныя существа: феи, разные духи и т. д. Быть можетъ стоило бы труда составить сравнительную дѣтскую мифологію, хотя бы только для того, чтобы посмотрѣть, въ какія разнообразныя мѣста, на землѣ и во вселенной, дѣтскій умъ способенъ помѣщать эти сказочныя существа. Бѣдныя феи, кажется, бываютъ иногда принуждены искать себѣ убѣжища въ самыхъ неподходящихъ мѣстахъ. Мальчикъ А. выбралъ для нихъ стѣну своей спальни, — мѣсто едва ли почетное, хотя оно и имѣетъ то достоинство, что находится въ сферѣ его молитвы. Дитя, менѣе склонное извлекать практическую выгоду изъ высшихъ существъ, помѣститъ ихъ въ какія-нибудь болѣе отдаленныя мѣста, — въ большой лѣсъ, въ глубокую пещеру, на отдаленную гору или высоко въ небо, надъ птицами. Но мы еще займемся ниже различными системами дѣтской мифологіи.

Воображеніе и сказочная страна.

Мы можемъ теперь перейти въ область болѣе свободнаго творчества фантазіи, гдѣ ребенокъ, не воплощая созданныхъ имъ образовъ во внѣшнемъ, чувственномъ мірѣ, все же въ такой степени надѣляетъ ихъ жизнью и реальностью, что способенъ даже разговаривать съ невидимыми товарищами.

---

¹⁾ Приведено у *Forster Life of Charles Dickens*, гл. 1.

Міръ сказокъ, въ отличіе отъ міра игры, ясно показываетъ эту своеобразную работу воображенія.

Доступъ въ страну сказокъ возможенъ для ребенка лишь тогда, когда ключъ языка уже находится въ его рукѣ. Сказка, это—словесное воспроизведеніе какой-нибудь сцены или какого-нибудь дѣйствія, и потому процессъ реализаціи при помощи воображенія зависитъ здѣсь отъ того, въ какой степени слова связаны съ представленіями, насколько сильный толчокъ даютъ они воображенію. Но слово не обладаетъ для ребенка той особенной силой, какую имѣютъ чувственные воспріятія, полученныя отъ раздражательныхъ образовъ, на-примѣръ, отъ картинъ. Игрушка или картинка, всегда имѣющая нѣкоторый, хотя бы и грубый, внѣшній видъ и сходство съ какимъ-либо предметомъ, вызываетъ въ ребенкѣ извѣстное представленіе съ такой интенсивностью, какой не можетъ вызвать словесный символъ. Но мы легко можемъ слишкомъ низко оцѣнить то дѣйствіе, которое оказываютъ слова на дѣтскую душу; эта душа гораздо больше чутка и воспріимчива, чѣмъ мы обыкновенно полагаемъ. Возгласъ въ родѣ „вау-вау“ или „городовой“, обращенный къ ребенку, можетъ вызвать въ его душѣ живой образъ, приближающійся къ полному чувственному воспріятію. Мы можемъ понять то обаяніе, которое производитъ на дѣтей сказка, только помня, что для ихъ юныхъ душъ, быстро создающихъ образы и не умѣющихъ отвлеченно мыслить, слова являются не мертвыми символами мысли, но истинно-живыми и, можетъ быть, „крылатыми“, какъ говорили древніе греки.

Пожалуй, не легко дать полное объясненіе этого могучаго вліянія, оказываемаго словами на дѣтскую душу. Есть нѣкоторое основаніе утверждать, что для уха маленькаго ребенка произнесенное слово обладаетъ, какъ звукъ, такую же непосредственной объективной реальностью, какую онъ приписываетъ всѣмъ чувственнымъ воспріятіямъ, такъ что произнесенное названіе предмета для него въ нѣкоторомъ смыслѣ есть то же, что и наличность этого предмета. Во всякомъ случаѣ, слова въ качествѣ чувственныхъ воспріятій сильно

возбуждаютъ дѣятельность дѣтскаго воображенія, вызывая особенно живыя представленія о названныхъ предметахъ. Этому, вѣроятно, способствуетъ возникающее въ ребенкѣ чувство уваженія къ словамъ другого, какъ къ авторитетнымъ сужденіямъ.

Благодаря этому стремленію создавать изъ словъ живые образы, ребенокъ гораздо чаще, чѣмъ мы предполагаемъ, внимательно слушаетъ то, что говорятъ другіе. Какъ часто мать бываетъ поражена забавнымъ вопросомъ своего ребенка о чемъ-нибудь, что въ его присутствіи было сказано прислугѣ, или гостю, или работнику, и что по ея мнѣнію—мнѣнію взрослого человѣка—не могло представлять для него ни малѣйшаго интереса. Такимъ образомъ, слова скоро получаютъ большую силу въ полной удивленія жизни ребенка. Они падаютъ, какъ летучія растенница, на плодородную почву мозга и распускаются въ удивительные фантастическіе цвѣты. Но объ этомъ мы скоро будемъ говорить подробнѣе.

Это глубокое и продолжительное дѣйствіе словъ ни въ чемъ не обнаруживается такъ ясно, какъ въ очарованіи, которое производитъ сказка. Мы, взрослые, увѣряемъ себя, будто читаемъ различныя исторіи; если бы дитя могло знать, что мы называемъ чтеніемъ, оно посмѣялось бы надъ нимъ. Съ какой ловкостью распутываетъ эта маленькая голова нашъ языкъ, часто довольно странный и непонятный, сводя его при помощи какого-то таинственнаго дѣтскаго искусства на одно только то, что просто и реально. Одна мать, читая своему шестилѣтнему сыну какое-то стихотвореніе, осмѣлилась сказать: „Я боюсь, что ты не поймешь этого, мой милый мальчикъ“, за что и получила отъ своего маленькаго господина слѣдующую надлежащую отвѣдь: „Нѣтъ, я очень хорошо пойму все, если только ты не станешь мнѣ объяснять“. Ребенокъ не любитъ объясненія, потому что оно прерываетъ свободное творчество его фантазіи, въ которомъ заключается вся прелесть, потому что оно грубо разрушаетъ чары иллюзіи; оно отклоняетъ вниманіе отъ тѣхъ образовъ, которые дитя видитъ въ кристаллахъ слова,

и направляетъ его на самыя кристаллы, холодныя и лишеныя жизни.

А какія свѣтлыя видѣнія созерцаетъ ребенокъ въ этихъ кристаллахъ! Съ какой отчетливостью однѣ картины смѣняются въ нихъ другими! Какъ замираетъ сердце въ ожиданіи слѣдующаго, неизвѣстнаго и еще неразличимаго оборота, который сейчасъ приметъ рассказываемая исторія! Пожалуй, никто лучше Теккерея не описалъ этого увлеченія сказочной страной, этого состоянія, когда духъ, какъ во снѣ или въ грезахъ, совершенно уходитъ изъ чувственнаго міра и уносится въ какой-то внутренней міръ фантазіи. Въ одномъ изъ своихъ прелестныхъ *Roundabout Papers* онъ пишетъ о томъ, что испытывалъ въ раннемъ дѣтствѣ: „Тсс! Я ни разу не дочиталъ до конца свою первую книгу *Scottish Chiefs*. Я не могъ. Я взволнованно, мелькомъ пробѣжалъ нѣсколько послѣднихъ страницъ... О, восхитительные романы, соперничающіе въ глазахъ мальчика-подростка по сладости съ малиновымъ пирогомъ! Забуду ли я, какъ одинъ разъ вечеромъ (когда насъ, младшихъ мальчиковъ, услали спать) я замѣшкался у своего ящика, чтобы еще немного почитать своего дорогаго Вальтеръ Скота, — и какъ на мою голову вдругъ упалъ словарь дежурнаго!“

Когда подумаешь о глубокомъ наслажденіи, получаемомъ отъ этихъ первыхъ экскурсій въ сказочную страну, то начинаешь почти завидовать тѣмъ счастливымъ мальчикамъ, которыхъ молодой Диккенсъ очаровывалъ своими рассказами.

О силѣ этого наслажденія можно судить по той жадности, которую оно вызываетъ. Кто можетъ противостоять ребенку, когда онъ жадно требуетъ сказки? Эдгардъ Кинэ рассказываетъ въ своей *Histoire de mes idées*, какъ въ дѣтствѣ къ нему ходилъ обучавшій его старый капраль. Этотъ капраль былъ когда-то взятъ въ плѣнъ испанцами и помещенъ на неприступномъ островѣ. Эдгаръ любилъ слушать страшныя рассказы о приключеніяхъ стараго солдата, и какъ только послѣдній оканчивалъ свое повѣствованіе, мальчикъ съ жадностью восклицалъ: „Расскажи еще разы!“ Объ этой же чертѣ дѣт-

скаго характера свидѣтельствуеъ и тотъ извѣстный фактъ, что Гейне, будучи мальчикомъ, упивался въ Дюссельдорфѣ разсказами барабанщика о подвигахъ Наполеона.

Благодаря способности ребенка замѣнять слова совершенными зрительными образами, устный разсказъ становится передачей дѣйствительнаго факта, истинной исторіей. Интенсивное наслажденіе, которое связано съ этимъ процессомъ реализаціи разсказываемаго въ воображеніи, заставляетъ дѣтей строго слѣдить за точностью повторяемаго разсказа. Когда мальчику К. повторяли какой-нибудь разсказъ, онъ обыкновенно замѣчалъ даже самое ничтожное отступленіе отъ первоначальной редакціи. И горе той матери, которая измѣнитъ какую-нибудь подробность, разсказывая одну изъ безчисленныхъ дѣтскихъ сказокъ. Одна моя знакомая, повторяя сказку „Котъ въ сапогахъ“, нечаянно сказала, что котъ, надѣвая сапоги, сѣлъ на стулъ (вмѣсто „на ящикъ“), — и на нее тотчасъ же посыпался цѣлый градъ „нѣтъ!“ Эта же дама передавала мнѣ, что, разсказывая во второй разъ сказку о „Красавицѣ и Звѣрѣ“ и описывая, какъ сильно вздыхалъ звѣрь, она забыла послѣ словъ „такъ что посуда на столѣ задрожала“ прибавить „и свѣчи чуть-чуть не погасли“; строгій слушатель сразу остановилъ разсказчицу и дополнилъ эту интересную подробность. Точность, съ которою дѣти запоминаютъ сказки, есть продуктъ полной реализаціи всѣхъ мелочей. Въ только что приведенномъ случаѣ реальности сказки противорѣчила замѣна ящика глупымъ, полнымъ условности стуломъ и опущеніе поразительной подробности относительно свѣчей.

Счастливымъ возрастомъ дѣтства, когда новый и чудесный міръ, цѣликомъ созданный волшебною силой живого воображенія, соперничаетъ по яркости, отчетливости подробностей и даже по прочности съ непосредственно видимымъ міромъ, на который глядятъ наши тѣлесныя очи, — счастливый до тѣхъ поръ, пока размысленіе не начало проводить рѣзкую пограничную черту между исторической дѣйствительностью и вымысломъ.

Реализация въ воображеніи продолжается и тогда, когда сказка уже прочитана или прослушана; это доказывается требованіемъ дѣтей, чтобы пересказъ былъ точенъ. Сказка внесла нѣчто новое въ скрытый внутренній міръ ребенка, она прибавила еще одну пріятную область, въ которой онъ можетъ переживать блаженные минуты. Что въ дѣтской душѣ запечатлѣваются лица и сцены, изображенныя въ сказкѣ, объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ уже отмѣченное нами стремленіе ребенка исполнить въ игрѣ роль того или другого героя. У многихъ дѣтей всякій рассказъ, пріятно поразившій воображеніе, повидимому, реализуется въ формѣ полныхъ зрительныхъ образовъ. Напримѣръ, прослушавъ рассказъ о томъ, какъ четыре человека шли по рельсамъ на встрѣчу поѣзду, чтобы остановить его прежде чѣмъ онъ подойдетъ къ горящему мосту, пятилѣтній ребенокъ сталъ тотчасъ же изображать это событіе съ помощью своего игрушечнаго поѣзда. Здѣсь мы видимъ, какъ рассказъ, возбуждѣнный въ умѣ ребенка живые образы, сдѣлался однимъ изъ главныхъ побужденій къ игрѣ и получилъ преобладающее вліяніе въ ея области. Точно такъ же образы, возникшіе подъ вліяніемъ сказки, могутъ надолго соединиться, какъ было у Диккенса, съ опредѣленными мѣстами и предметами.

Къ этимъ живымъ образамъ, созданнымъ благодаря слышаннымъ рассказамъ, ребенокъ вскорѣ начинаетъ присоединять придуманныхъ имъ самимъ лицъ: людей, высшихъ духовъ или низшія существа. Болѣе высокія формы этого творчества относятся, собственно, къ отдѣлу дѣтскаго искусства и должны быть разсмотрѣны въ другой главѣ. Здѣсь мы только слегка коснемся ихъ, чтобы показать, какой способностью къ реализаціи обладаетъ дѣтское воображеніе.

Такіе вымыслы обнаруживаются спорадически въ случайныхъ мечтахъ ребенка, которыя могутъ быть вызваны какимъ-нибудь чувственнымъ воспріятіемъ. Маленькій мальчикъ трехъ съ половиной лѣтъ увидѣлъ какого-то человека, который плелся, прихрамывая на большую ногу; ребенокъ тотчасъ воскликнулъ: „Посмотри на этого бѣднаго старика, ма-

ма, онъ ушибъ себѣ ногу“. Затѣмъ онъ продолжалъ, отдаваясь, какъ постоянно въ это время, своимъ мечтамъ: „Онъ сѣдился на очень большую лошадь и упалъ на большой, большой камень, и онъ ушибъ свою бѣдную ногу и долженъ былъ достать себѣ толстую палку. Мы должны поправить это“. Послѣ нѣкотораго размышленія онъ прибавилъ: „Мама, пойдн и поцѣлуй это мѣсто, и посыпь его порошкомъ, чтобы оно зажило, какъ ты дѣлаешь со мной“. Неоспоримая серьезность ребенка, порывъ состраданія юной души и трогательная вѣра въ дѣйствительность средства, примѣняемаго въ дѣтской, — все указываетъ на живую реализацію этого импровизированнаго разсказа. Данный ребенокъ обладалъ сверхъ того особенно нѣжнымъ сердцемъ и потому, быть можетъ, легче поддавался такому трогательному самообману. Другой маленькій мальчикъ, которому было нѣсколько больше двухъ лѣтъ, услыхавъ жужжаніе у окна, сказалъ: „Мама, пчелка проситъ кусочекъ сахару“; затѣмъ, строго покачавъ головой, онъ прибавилъ: „Ты скоро получишь веснушки отъ него, пчелка“.

Такимъ простымъ образомъ дитя, на основаніи какого-нибудь мимолетнаго впечатлѣнія, создаетъ маленькій міеъ, черпая изъ своей богатой и причудливой фантазіи неожиданныя украшенія для самыхъ обыкновенныхъ событій повседневной жизни.

Отчасти благодаря увлеченію чудесами сказки и благодаря ихъ полной реализаціи, отчасти вслѣдствіе свободной игры творческой фантазіи душа ребенка попадаетъ подъ власть болѣе или менѣе устойчивыхъ міеовъ. Принцы, принцессы, карлики и гномы, взятые изъ сказокъ, виновники рождественскихъ чудесъ, Святой Николай и Рождественскій Дѣдъ, — всѣ они точно такъ же, какъ и существа, созданныя воображеніемъ ребенка по образцамъ, извѣстнымъ ему изъ сказокъ, живутъ подобно настоящимъ людямъ и могутъ являться въ сновидѣніяхъ, въ темнотѣ, въ минуты особенной мечтательности, когда впечатлѣнія отъ чувственныхъ предметовъ ослаблены, и они вносятъ въ жизнь ребенка то золотой солнеч-

ный лучъ, то темную страшную тѣнь, реальнѣйшую изъ всего реального.

Дѣтская вѣра въ миры часто бываетъ замѣчательно прочна. Одинъ отецъ былъ очень удивленъ, узнавъ, что его мальчикъ, которому было уже пять лѣтъ и десять мѣсяцевъ, продолжаетъ наивно вѣрить въ реальность Рождественскаго Дѣда. Было Рождество, и отецъ, чтобы испытать легковѣріе ребенка, положилъ свой карманный ножъ въ тотъ чулокъ, который Дѣдъ долженъ былъ наполнить. Мальчикъ, который очень хорошо зналъ ножъ своего отца, нисколько не подозрѣвалъ, что ножъ, найденный имъ въ чулкѣ, былъ положенъ туда человѣческой рукой; наоборотъ, онъ былъ очень радъ, что Святой Николай послалъ ему такой же ножъ, какой былъ у его отца. Когда отецъ сказалъ ему, что потерялъ свой ножъ, который и сталъ искать въ присутствіи ребенка, послѣдній спросилъ, не укралъ ли Рождественскій Дѣдъ этотъ ножъ; такимъ образомъ онъ показалъ, какъ поразило его сходство полученнаго имъ ножа съ отцовскимъ, хотя онъ ни минуты не хотѣлъ сомнѣваться въ томъ, что ножъ присланъ ему таинственной личностью. Можно подумать, что это былъ особенно глупый ребенокъ. Но, наоборотъ, онъ по уму стоялъ выше всякаго средняго ребенка. Для доказательства скажу, что въ предшествующее Рождество, т.-е. когда ему еще не было пяти лѣтъ, онъ оказался единственнымъ изъ тридцати дѣтей, который узналъ своего дядю, необыкновенно удачно наряженнаго Рождественскимъ Дѣдомъ. Когда отецъ спросилъ у него, почему онъ думаетъ, что это дядя, онъ вначалѣ отвѣтилъ, что не знаетъ, а затѣмъ, подумавъ минуту, сказалъ: „Я не знаю, кто бы это могъ быть другой“; изслѣдуя свое мнѣніе, онъ, очевидно, пользовался методомъ исключенія.

Многіе скажутъ, разумѣется, что я выбралъ здѣсь выдающіеся случаи дѣтскаго воображенія. Охотно соглашаюсь съ этимъ. Очевидно, что лучшіе примѣры какого-нибудь свойства дѣтской души могутъ дать тѣ дѣти, у которыхъ это свойство наиболѣе рѣзко выражено. Но я сильно подозрѣваю, что среднія и даже глупыя дѣти обыкновенно скрываютъ въ себѣ

немало такихъ суевѣрныхъ взглядовъ. „Одно изъ величайшихъ наслажденій дѣтства“, говоритъ Оливеръ Вендель Хольмсъ въ своемъ *The Poet of the Breakfast Table*, „заключается въ тѣхъ тайнахъ, которыя оно скрываетъ отъ скептицизма старшихъ и изъ которыхъ создаетъ свою собственную маленькую миѳологию“.

До сихъ поръ я разсматривалъ миѳы дѣтей, какъ продуктъ чистой фантазіи, какъ продуктъ того импульса, который побуждаетъ ребенка воплощать въ живыхъ образахъ то, что лежитъ внѣ сферы чувственного міра и надъ нею. Однако, ниже мы увидимъ, что эти миѳы въ дѣйствительности представляютъ собою нѣчто гораздо больше. Какъ и миѳы первобытныхъ людей, они содержатъ настоящій зародышъ мысли.

Воспоминанія Жоржъ Зандъ ясно показываютъ намъ, какъ наряду съ дѣятельностью фантазіи, создающей живые образы сверхъестественныхъ существъ, идетъ работа мысли, какъ дѣлаются полунаучныя попытки связать миѳъ съ фактами и обычными явленіями знакомаго міра. Этимъ вторженіемъ дѣтской мысли въ страну чудесъ, этими первыми неумѣлыми попытками согласовать одни вѣрованія съ другими и найти точки соприкосновенія между любимымъ миѳомъ и настоящимъ міромъ часто бываютъ обусловлены, какъ мы ниже увидимъ, многія изъ самыхъ привлекательныхъ и характерныхъ чертъ дѣтской миѳологии.

Наблюденія надъ дѣтьми приводятъ насъ къ тому выводу, что они, по сравненію съ взрослыми, обладаютъ живымъ и сильнымъ воображеніемъ, дѣятельность котораго вызываетъ поразительно яркую реализацію того, что лежитъ внѣ области чувствъ. Для ребенка, какъ и для первобытнаго чловека, созданія фантазіи не менѣе реальны, чѣмъ тѣ предметы, о которыхъ свидѣтельствуютъ ощущенія.

Этотъ выводъ, по моему мнѣнію, въ значительной степени подтверждается всѣмъ, что мы знаемъ объ условіяхъ дѣятельности мозга у дѣтей и о многочисленныхъ нарушеніяхъ, которымъ она подвержена. Относительно этой дѣятельности мозга

слѣдуетъ помнить, что въ теченіе первыхъ лѣтъ высшіе центры, лежащіе въ мозговой корѣ и участвующіе въ координирующихъ и регулирующихъ процессахъ мысли и воли, лишь очень несовершенно развиты. Поэтому центры, завѣдующіе воображеніемъ,—а они, если и не тождественны съ тѣмъ, что принято называть чувствилищемъ или мѣстомъ чувствованій, то находятся въ тѣснѣйшей связи съ нимъ,—у дѣтей не контролируются и не сдерживаются дѣятельностью высшихъ центровъ такъ, какъ у насъ. Контролируя при помощи воли теченіе своихъ мыслей, мы можемъ посредствомъ разсужденій отогнать отъ себя какое-нибудь созданіе фантазіи и вообще уберечься отъ заблужденій. У маленькихъ же дѣтей всѣ представленія, которыя подъ вліяніемъ сильнаго интереса получаютъ ясную и законченную форму, могутъ сдѣлаться устойчивыми и неестественно живыми. По предположенію нѣсколькихъ новыхъ авторовъ, писавшихъ о дѣтствѣ и воспитаніи, мозгъ ребенка въ нѣкоторой степени обладаетъ той воспріимчивостью къ сильнымъ внушеннымъ иллюзіямъ, которая составляетъ характерное свойство мозга загипнотизированнаго человѣка. Дикари, обнаруживающіе живостью своего воображенія и его господствующей ролью такое близкое сходство съ дѣтьми, по состоянію своего мозга, вѣроятно, гораздо больше походятъ на ребенка, чѣмъ на взрослого цивилизованнаго человѣка.

Благодаря неестественной живости образовъ, создаваемыхъ не вполне развитымъ мозгомъ, дѣти, какъ извѣстно, подвергаются и такимъ иллюзіямъ, которыя дурно дѣйствуютъ на нихъ. Всѣмъ достаточно знакомо вліяніе дурныхъ сновъ и сильныхъ чувствованій, особенно страха, которыя развиваютъ въ чуткихъ и нѣжныхъ дѣтяхъ вѣру во все призрачное; объ этомъ вліяніи мы будемъ говорить ниже. Нѣкоторые родители такъ близко принимаютъ къ сердцу опасности, сопряженныя съ подобнымъ разстройствомъ, что самое лучшее средство противъ нихъ видятъ въ томъ, чтобы совершенно не допускать своихъ дѣтей въ царство фантазіи. Но это средство, несомнѣнно, ошибочно. Прежде всего, дѣти, обладаю-

щія сильнымъ воображеніемъ, навѣрное будутъ отдаваться своимъ мечтамъ, какъ дѣлали дѣвочки Бронте даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на лицо нѣтъ никакого вымысла и когда жадный дѣтскій умъ набрасывается на сухую газету. Дитя не должно быть совершенно лишено сказокъ, но ему слѣдуетъ передавать сказки свѣтлыя и веселыя, въ которыхъ все страшное играетъ лишь подчиненную роль. Нѣжныхъ дѣтей слѣдуетъ, по моему мнѣнію, особенно оберегать отъ многого такого, что для болѣе зрѣлаго возраста является классическимъ, на примѣръ, отъ нѣкоторыхъ „страшныхъ“ сказокъ братьевъ Гриммъ; однако есть, безъ сомнѣнія, и дѣти съ достаточно крѣпкими нервами, которыя могутъ испытывать наслажденіе, содрогаясь отъ рассказываемыхъ ужасовъ. Что касается до затемненія въ ребенкѣ чувства истины вслѣдствіе увлеченія сказкой, то это зло кажется мнѣ очень сомнительнымъ, и оно, если только вообще существуетъ, лишь незначительно и временно. Но я надѣюсь коснуться этой стороны вопроса въ слѣдующей главѣ.

III.

Разсвѣтъ разума.

Процессъ мышленія.

Было бы въ высшей степени несправедливо разсматривать душу ребенка, только какъ убѣжище для созданій фантазіи, и думать, что она всецѣло поддается чарамъ своихъ свѣтлыхъ образовъ. Одною изъ тѣхъ чертъ, которыя достойны уваженія въ дѣтяхъ, является ихъ способность соединять со столь большой живостью и силой воображенія вполне серьезный и трезвый взглядъ на дѣйствительный міръ.

Здѣсь мнѣ хотѣлось бы внести поправку въ обычное представленіе, будто дѣти бываютъ одарены *либо* воображеніемъ, *либо* наблюдательностью по отношенію къ окружающему, но не тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Я не сомнѣваюсь, что существуетъ много дѣтей, которыя обнаруживаютъ рѣзко выраженное преобладаніе одной или другой наклонности; есть дѣти фантазирующія, мечтательныя, и есть дѣти трезвыя, которыя упорно видятъ въ вещахъ только реальныя свойства. При этомъ я почти не сомнѣваюсь, что въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ обнаруживаетъ обѣ наклонности, каждая изъ нихъ преобладаетъ обыкновенно на разныхъ ступеняхъ развитія; многіе мальчики, на примѣръ, переживаютъ періодъ мечтательности и затѣмъ становятся почти до глупости практичными. Я желаю только показать здѣсь, что обѣ наклонности существуютъ вмѣстѣ въ одномъ и томъ же ребенкѣ, и при этомъ, какъ увѣряютъ меня многіе родители, каждая изъ нихъ

можетъ отличаться большою интенсивностью; дѣйствительно умныя дѣти, мальчики точно также, какъ и дѣвочки, будучи безпристрастными и проникающими изслѣдователями устройства настоящаго міра, въ то же время съ жаромъ занимаются созиданіемъ другого, болѣе прекраснаго.

Объ эти наклонности зависятъ отъ двухъ различныхъ состояній духа, изъ которыхъ каждое можетъ господствовать въ теченіе цѣлыхъ дней, хотя часто они смѣняются съ поражающей быстротой. Серьезное, трезвое настроеніе особенно легко переходитъ въ игру фантазіи, какъ бы для отдыха отъ умственнаго напряженія; такъ, напримѣръ, маленькій ученый, погруженный въ непостижимую науку букваря, внезапно переходитъ къ какой-нибудь фантастической выдумкѣ, на которую натолкнулъ его „смѣшной“ видъ отдѣльнаго слова или буквы.

Дитя не только наблюдаетъ, но и начинаетъ обдумывать то, что наблюдаетъ; оно прилагаетъ всѣ силы, чтобы понять тѣ удивительныя явленія, которыя встрѣчаетъ его взоръ. И это дѣлаетъ его отношеніе къ вещамъ серьезнымъ, глубоко и изумительно серьезнымъ. Это до такой степени вѣрно, что если бы мнѣ предложили изобразить ребенка въ его типическомъ душевномъ состояніи, то я, вѣроятно, нарисовалъ бы выпрямленную фигуру маленькаго мальчика, который широко раскрытыми глазами глядитъ на какое-нибудь новое чудо или слушаетъ, какъ мать рассказываетъ ему что-нибудь новое объ окружающемъ мірѣ. Поэтому можно простить Бретъ Гарту небольшое преувеличеніе, когда онъ говоритъ: „Всякій, кто съ любовью изучалъ это маленькое существо, согласится, мнѣ кажется, что преобладающимъ выраженіемъ его является *серьезность*, а не *рѣзвость*“ ¹⁾. Обратимся теперь къ этой серьезной сторонѣ дѣтскаго разума.

Здѣсь я опять скажу, что предпочитаю наблюдать явленія въ ихъ наиболѣе ясныхъ и полныхъ формахъ,—иными словами, что предпочитаю изучать серьезный умъ ребенка

---

1) *Bret Harte, Works, т. III, стр. 396.*

на самыхъ умныхъ дѣтяхъ или, по крайней мѣрѣ, на такихъ, умъ которыхъ наиболѣе дѣятеленъ. Это не значитъ, что мы будемъ искать скороспѣлой мудрости и фатоватой развязности. Наоборотъ, такъ какъ мы хотимъ изслѣдовать именно дѣтскій умъ, то мы должны, насколько возможно, избѣгать всякой встрѣчи съ „геніальными“ дѣтьми. Подъ послѣдними я понимаю несчастныхъ дѣтей, у которыхъ прекрасный дѣтскій складъ ума исковерканъ руками тѣхъ, чьи лучшіе родительскіе инстинкты заглушены хвастливымъ пристрастіемъ ко всему показному. Намъ особенно важно прослѣдить, какъ распускаются сами собой цвѣты разума подъ теплыми лучами истинной материнской любви, подслушать довѣрчивый лепетъ ребенка, сообщающаго свои мысли вѣчно внимательному и вѣчно терпѣливому уху матери.

Для того, чтобы вполнѣ понять серьезную работу дѣтскаго ума, мы должны начать съ изученія его первыхъ наблюдений. Но по этому интересному вопросу мнѣ придется ограничиться лишь немногими замѣчаніями.

Много уже было написано о томъ, какъ внимательно и сосредоточенно дѣти разсматриваютъ окружающіе предметы. Однако почти невозможно сказать, что именно видятъ на самомъ дѣлѣ девятимѣсячный ребенокъ, когда онъ уставится своими широко раскрытыми глазами на какой-нибудь новый предметъ. Достоверно, кажется, только то, что ребенку приходится учиться видѣть предметы, и весьма вѣроятно, что онъ употребляетъ чрезмѣрно долгое, съ нашей точки зрѣнія, время для того, чтобы вполнѣ разсмотрѣть ихъ.

Когда дитя подросло и можетъ дать отчетъ въ томъ, что оно замѣчаетъ, тогда мы находимъ, что его наблюденія часто бываютъ поразительно точны въ нѣкоторыхъ направленіяхъ, но что самыя направленія въ высшей степени немногочисленны и ограничены узкими предѣлами немногихъ особенно привлекательныхъ чертъ. Такъ, цвѣтъ какой-нибудь вещи иногда производитъ на ребенка настолько сильное впечатлѣніе, что онъ почти не замѣчаетъ ея формы. Маленькая дѣвочка восемнадцати мѣсяцевъ, знавшая агнать и называв-

шая ихъ „бэ-бэ“, какъ-то увидѣла на полѣ среди нѣсколькихъ бѣлыхъ ягнятъ двухъ черныхъ и воскликнула: „А, собачки, собачки!“ Сходство цвѣта, напоминавшее черную собаку, пересилило сходство между формой черныхъ ягнятъ и формой остальныхъ, находящихся рядомъ. Въ предѣлахъ воспріятія формы мы также можемъ подмѣтить склонность къ одностороннимъ наблюденіямъ, которыя содержатъ въ себѣ нѣкоторыя свойства абстракціи. Для ребенка К. заостренная голова служила главной отличительной чертой собаки, и онъ узнавалъ ее въ кусочкѣ бисквита. Дальнѣйшіе примѣры такого отвлеченнаго наблюденія мы встрѣтимъ, когда будемъ разсматривать рисунки дѣтей.

Эта же односторонность наблюденій очень ясно обнаруживается во многихъ изъ тѣхъ дѣтскихъ уподобленій и воспріятій, о которыхъ мы уже говорили. Причина, по которой ребенку такъ легко создавать фантастическую аналогію къ какому-нибудь чувственному предмету, заключается въ томъ, что его умъ еще не смущенъ всей сложностью этого предмета. Онъ ухватывается за какую-нибудь выдающуюся черту, особенно привлекательную или представляющую наибольшій интересъ, и на ея крыльяхъ перелетаетъ къ чему-нибудь, съ чѣмъ она, на нашъ взглядъ, имѣетъ лишь очень отдаленное сходство.

Такое выдѣленіе или отбираніе ребенкомъ отдѣльныхъ чертъ при наблюденіи является въ извѣстной степени недостаткомъ, но въ то же время имъ обусловлено и нѣкоторое превосходство ребенка. Точно такое же отбираніе характеризуетъ и наблюденія поэта, который всецѣло поглощенъ тѣмъ, что имѣетъ цѣнность для него. Такъ, одною изъ выдающихся особенностей вѣка несомнѣнно является то, что оно открывается и закрывается подобно занавѣсу; и благодаря этому сходству съ таинственной завѣсой, которая устраняетъ дневной свѣтъ, оно получаетъ исключительный интересъ. Здѣсь, какъ мы ниже увидимъ болѣе подробно, мы имѣемъ истинный зачатокъ умственной дѣятельности, заключающійся въ настоящемъ процессѣ дѣтскаго наблюденія

и узнаванія. Ибо мышленіе, строго говоря, есть лишь болѣе методическій процессъ, направленный къ тому, чтобы привести одинъ конкретный предметъ въ соотношеніе съ другими.

Но наблюденія дѣтей не долго остаются на этой высотѣ и не долго отличаются такой большой разборчивостью. Подъ давленіемъ практическихъ потребностей они начинаютъ опускаться до нашего обычнаго уровня. Ребенку приходится различать предметы и называть ихъ такъ, какъ ихъ называютъ другіе. Напримѣръ, ягненка или собаку онъ долженъ различать по извѣстной *суммѣ* признаковъ, среди которыхъ особенно интересная подробность—цвѣтъ—занимаетъ лишь совершенно подчиненное мѣсто. Далѣе, ему приходится различать отдѣльныя вещи хотя бы для одного того, чтобы провести границу между тѣмъ, что „мое“ и что „не мое“. Мальчикъ долженъ быстро узнавать свою мать, свою чашку, свою шляпу, и эта необходимость заставляетъ его вниманіе сразу останавливаться на нѣсколькихъ признакахъ. Такъ, мать не всегда можно узнать по ея росту,—напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда она сидитъ, или только по ея волосамъ,—напримѣръ, если на ней надѣта шляпа, и потому трудный вопросъ о томъ, какъ узнать ее, принуждаетъ ребенка замѣчать нѣсколько различныхъ признаковъ, изъ которыхъ нѣкоторые при всякихъ условіяхъ окажутся пригодными.

Когда же глазъ уже началъ замѣчать различія, тогда онъ дѣлаетъ быстрые успѣхи, особенно въ томъ случаѣ, если развитіе исключительнаго интереса къ какой нибудь группѣ предметовъ вызываетъ привычку къ сосредоточенности. Такъ, маленькіе мальчики, захваченные „желѣзнодорожными интересами“, умѣютъ очень тонко подмѣчать различія между однимъ паровозомъ и другимъ и т. д. Одинъ мальчикъ двухъ лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ, проѣхавшій изъ Дублина въ Коркъ, а затѣмъ далѣе, по другой желѣзной дорогѣ, спросилъ у своей матери, замѣтила ли она разницу въ устройствѣ рельсъ на обѣихъ линіяхъ. Разумѣется, она ничего не замѣтила, но впоследствии она удостовѣрилась, что суще-

ствовала, дѣйствительно, небольшая разница, которую уловилъ проницательный взоръ ребенка.

Какъ тонко дѣти въ своихъ наблюденіяхъ умѣютъ подмѣчать различія, объ этомъ свидѣтельствуетъ ихъ способность узнавать предметы на маленькихъ рисункахъ и фотографическихъ изображеніяхъ; это мы видимъ, напримѣръ, когда двухлѣтній ребенокъ находитъ портретъ своего отца въ грушѣ, снятой на визитной карточкѣ. Но этой стороной способности дѣтей узнавать предметы мы займемся ниже.

Тонкое и быстрое узнаваніе, подобное только что описанному, указываетъ не только на проницательность въ наблюденіи выдающихся и характерныхъ признаковъ, но и на нѣкоторую болѣе высокую способность, именно — на способность сразу схватить цѣлую группу такихъ признаковъ. Дѣйствительно, наблюденія дѣтей часто бываютъ поразительно полны и точны, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они производятся тщательно и методически, напримѣръ, подъ вліяніемъ сильнаго интереса. Джонъ Рескинъ былъ далеко не единственнымъ мальчикомъ, способнымъ по цѣлымъ часамъ смотрѣть, напримѣръ, на текущую воду и замѣчать всѣ ея измѣнчивыя черты. Одна мать пишетъ мнѣ, что ея мальчикъ получилъ, когда ему было три съ половиной года, книгу съ картинками, озаглавленную „Желѣзнодорожный поѣздъ“; въ теченіе недѣли онъ разсматривалъ ее почти безъ перерыва, держа ее у себя даже во время ѣды. „И къ концу этой недѣли онъ зналъ самыя ничтожныя мелочи въ каждой картинкѣ“. Отдаваясь отъ времени до времени такому всепоглощающему наблюденію, ребенокъ, одаренный природнымъ умомъ, иногда удивительно приближается къ тому высшему роду наблюденій, точныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обширныхъ, который нѣсколько иными путями приводитъ къ научнымъ открытіямъ и художественному воспроизведенію. Многіе родители, замѣчая такую исключительную пытливость въ своихъ дѣтяхъ, отдаются безумнымъ мечтамъ о будущемъ величіи. Но осуществленіе этихъ грезъ, увы! часто ограничивается извѣстной ступенью умственнаго развитія и обыкно-

венно кончается тогда, когда наступаетъ періодъ пристрастія къ книгамъ и когда дитя на цѣлые часы погружается въ свои любимыя сказки. И во всякомъ случаѣ многообщающій зародышъ долженъ обладать необычайной жизненностью, если онъ не поддается всѣмъ усиліямъ нашей школьной системы, направленнымъ къ тому, чтобы выхолотить въ духовномъ саду все, что даетъ такъ мало прибыли, какъ наблюдательность.

Въ число условій, необходимыхъ для дѣтскаго мышленія, мы должны включить рядомъ съ этой дѣятельностью, съ наблюденіемъ, еще и живое запоминаніе замѣченнаго. Всякій, кто много разговаривалъ съ маленькими дѣтьми, навѣрное былъ пораженъ силой ихъ памяти, ихъ способностью припоминать послѣ значительныхъ промежутковъ времени мельчайшія черты какого нибудь предмета или ничтожныя событія, которыя едва ли были замѣчены другими и которыя, если даже и были тогда замѣчены, успѣли давно изгладиться изъ памяти. Можно собрать множество разсказовъ о такой удивительной памяти. Одной маленькой дѣвочкѣ, всего девяти мѣсяцевъ, на прогулкѣ какъ-то показали ягнать въ полѣ, у забора. Спусти три педѣли, когда ее вынесли на ту же дорогу, она, приближаясь къ этому забору, поразила свою мать восклицаніемъ: „Бээ-бээ!“ Позднѣе дѣти припоминаютъ различныя вещи черезъ гораздо большіе промежутки времени. Маленькій мальчикъ двухъ лѣтъ и десяти мѣсяцевъ, прѣхавшій во второй разъ въ Италію послѣ четырехъ или пяти мѣсяцевъ отсутствія, помнилъ въ мельчайшихъ подробностяхъ, какъ рѣжутъ виноградъ, какъ готовится вино и т. д.

Постепенное накопленіе въ памяти запаса такихъ образовъ есть необходимое условіе для разсужденія и размышленія. Именно потому, что дитя, вспоминая какой нибудь предметъ, какъ бы видитъ его, и обратно, видя его, вспоминаетъ, оно становится вдумчивымъ, разспрашиваетъ о смыслѣ и причинѣ различныхъ вещей или смѣло рѣшается дать собственное объясненіе. И подобно тому, какъ въ душѣ ребенка должно запечатлѣться много образовъ различныхъ пред-

метовъ, прежде чѣмъ онъ начнетъ размышлять и попытается понять міръ, точно такъ же ему необходимо собрать образы послѣдовательныхъ сценъ и событій своей жизни и обратиться въ нихъ, прежде чѣмъ въ немъ возникнетъ самосознаніе, и онъ станетъ размышлять о своемъ собственномъ непонятномъ существованіи.

Единственное добавочное условіе, необходимое для этихъ первоначальныхъ размышленій, это — дѣятельность воображенія, которую мы уже разсмотрѣли, поскольку она выражается въ играхъ и удовольствіяхъ. Мы знаемъ теперь, что изобрѣтательная фантазія ребенка, въ изобиліи расточающая сладкія иллюзіи, въ то же время оказываетъ цѣнное содѣйствіе и трезвой работѣ мысли. Именно благодаря живости и подвижности своего ума, который далеко выходитъ изъ тѣсныхъ предѣловъ дѣйствительности и строить фантастическія предположенія относительно скрытаго вдали, ребенокъ начинаетъ *мыслить*, т.-е. рассуждать о причинахъ вещей. Въ исторіи личности, какъ и въ исторіи расы, мысль, даже отвлеченная научная мысль, возникаетъ изъ свободной игры воображенія. Многъ въ одно и то же время является картиннымъ созданіемъ фантазіи и грубой попыткой къ объясненію. Дѣйствительно, въ этомъ первоначальномъ мышленіи такъ много свѣтлыхъ картинныхъ образовъ, что мы, съ нашимъ научно дисциплинированнымъ умомъ, легко можемъ проглядѣть заключенныя въ немъ серьезныя мысли. Однако, тщательное изслѣдованіе показываетъ намъ, что въ немъ уже содержатся существенныя черты настоящей мысли, стремленіе понять вещи и привести беспорядочную множественность въ стройную систему

Нѣтъ надежды, чтобы намъ удалось ясно прослѣдить ходъ этого первоначальнаго дѣтскаго мышленія. Самое раннее отношеніе пробуждающагося ума къ той беспорядочной массѣ новинокъ, которая для насъ составляетъ міръ, вѣроятно, не поддается описанію; а затѣмъ, когда ребенокъ доходитъ до употребленія словъ и можетъ, хотя бы отрывочно, сообщать свои мысли, картина міра уже потеряла для него

часть своей первоначальной непостижимости, — организующая работа опыта уже началась. Но если мы не можем рассчитывать, что нам удастся прослѣдить первое изумленіе ребенка, то мы можем все-таки уловить отблески позднѣйшаго удивленія, возникающаго тогда, когда обученіе дополняетъ ощущенія и когда начинаютъ складываться представленія объ огромномъ неизвѣстномъ, заключенномъ во времени и въ пространствѣ, объ измѣнчивости вещей и о тайнѣ всѣхъ тайнъ — о началѣ вещей. Изученіе этихъ дѣтскихъ мыслей въ томъ видѣ, какъ онѣ стремятся выразиться на нашемъ тяжеловѣсномъ языкѣ, вполне вознаградитъ насъ за нашъ трудъ. При этомъ мы только должны всегда быть на сторожѣ, чтобы не вычитать слишкомъ многого въ подобныхъ дѣтскихъ выраженіяхъ и не забывать, что первыя попытки ребенка пользоваться словами легко могутъ ввести насъ въ заблужденіе.

Мыслителемъ ребенокъ прежде всего является въ области практики. Въ развитіи расы мыслительныя способности были впервые вызваны къ дѣятельности возбужденіемъ инстинктивныхъ желаній и инстинктивнаго сопротивленія. Человѣкъ сталъ размышлять о связи вещей для того, чтобы добыть себѣ пищу и оградить себя отъ холода и другихъ бѣдствій. То же самое происходитъ и съ ребенкомъ. Еще прежде чѣмъ онъ начинаетъ говорить, мы часто можемъ наблюдать, какъ онъ быстро придумываетъ какой нибудь новый практическій приемъ, едва только представляется случай къ этому; такъ, на примѣръ, онъ схватываетъ палку или другой подходящій предметъ, чтобы достать укатившуюся отъ него игрушку, или цѣпляется за наше платье и тащитъ стулъ, показывая такимъ образомъ, что намъ слѣдуетъ остаться и забавлять его дальше. Наблюденія надъ дѣтьми въ первые мѣсяцы ихъ жизни въ изобиліи свидѣтельствуютъ о такомъ пробужденіи практическаго разума.

Однако, какъ ни трогательны часто бываютъ подобные подвиги, въ нихъ едва ли можно увидѣть отличительные признаки человѣческой мысли. Кошка, не подражая ничему

примѣру, съумѣетъ по-своему прелестнымъ движеніемъ выразить какую нибудь просьбу, дотянувшись до вашей руки и слегка ударяя по ней.

Первое несомнѣнное указаніе на человѣческія мыслительныя способности, вѣроятно, можно найти въ сравненіи ребенка съ различными предметами. Когда дитя намѣренно и разумно повертываетъ голову отъ изображенія матери въ зеркалѣ или отъ ея портрета къ ней самой, тогда, повидимому, мы наблюдаемъ робкое начало того процесса, который въ болѣе выработанномъ видѣ, и есть человѣческое пониманіе.

Такого рода сравненіе составляетъ, кажется, значительную часть умственной дѣятельности маленькихъ дѣтей. Такъ, въ глубокомъ, сосредоточенномъ вниманіи, съ которымъ ребенокъ разсматриваетъ картинки и о которомъ мы уже говорили выше, обыкновенно выражается тщательное сравненіе различныхъ формъ между собой или, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сравненіе того, что разсматривается въ данный моментъ, съ сохранившимся въ памяти образомъ оригинала. У нѣкоторыхъ дѣтей сравненіе посредствомъ измѣренія становится даже извѣстнаго рода страстью; они любятъ измѣрять величину однихъ предметовъ другими и т. д. Умное дитя найдетъ способъ даже для *косвеннаго* сравненія, т.-е. для измѣренія двухъ вещей посредствомъ третьей. Такъ, одинъ пятилѣтній мальчикъ, очень любившій собакъ, имѣлъ обыкновеніе на прогулкѣ измѣрять ихъ высоту своимъ туловищемъ. Возвратившись домой, онъ сравнивалъ ихъ высоту съ высотой сидѣнія или спинки стула; въ концѣ-концовъ онъ спросилъ аршинъ и перевелъ все на вершки.

Такое сравненіе предметомъ и есть дѣйствительное пониманіе или уразумѣніе, въ отличіе отъ простаго воспріятія ихъ, какъ отдѣльныхъ конкретныхъ объектовъ. Дитя стремится все усвоить, оно старается въ знакомой области найти что нибудь, съ чѣмъ можно привести въ связь новую и непонятную вещь, и потому оно всегда во всемъ ищетъ сходства. Можно поэтому сказать, что въ такомъ, построенномъ на аналогіи и полупоэтическомъ взглядѣ на вещи, въ сведе-

ни предметовъ посредствомъ метафоръ на ихъ первообразы—напримѣръ, когда звѣзду называютъ глазомъ или вѣко за навѣсомъ,—заключены въ одно и то же время зачатки поэзіи и науки.

Такое сравниваніе, производимое въ цѣляхъ пониманія, приводитъ къ тому, что психологи называютъ классификаціей или обобщеніемъ; благодаря ему много сходныхъ предметовъ собираются и удерживаются въ умѣ при помощи одного общаго имени. Можно сказать, что ребенокъ становится настоящимъ мыслителемъ съ той минуты, когда онъ начинаетъ разумно употреблять имена, называя каждую вещь соответственнымъ именемъ и помѣщая ее, такимъ образомъ, въ надлежащую группу.

Эта способность дѣтей къ обобщеніямъ представляетъ большой интересъ, и надъ ней уже произведены тщательныя наблюденія. Но намъ будетъ удобнѣе разсмотрѣть ее въ другой главѣ, въ которой мы специально займемся дѣтскимъ словоупотребленіемъ.

Дитя начинаетъ сопоставлять предметы между собой соответственно тѣмъ сходнымъ свойствамъ, которыми ему удастся открыть въ нихъ, и этимъ способомъ оно подмѣчаетъ связь между вещами. Ребенокъ открываетъ свойства лошади и паровоза; онъ знаетъ, когда отецъ уходитъ изъ дому и когда возвращается; онъ замѣчаетъ, въ какое время заходитъ солнце что происходитъ во время дождя и послѣ него и т. д. Иными словами, онъ оцѣнюю доходитъ до представленія о связи, о правильности, которую мы называемъ единообразіемъ или закономѣрностью. Теперь мы говоримъ, что ребенокъ мыслить уже не слѣпо и автоматически, подобно собакамъ, но сознательно. Мы не думаемъ о томъ, какую трудную работу пришлось совершить маленькому мозгу, прежде чѣмъ онъ дошелъ даже до такого смутнаго представленія о законмѣрности. Правда, въ нѣкоторыхъ вещахъ правильность до того очевидна, что ее почти не можетъ проглядѣть даже самый глупый ребенокъ. Связь между накрываніемъ стола и вѣдой, это—по крайней мѣрѣ въ благоустроенномъ домѣ—

такой фактъ, который даже разумъ собаки или кошки вполне способенъ уловить. Но когда ребенку надо разобраться въ томъ, на примѣръ, почему его лицо становится грязнымъ, почему у него болитъ голова, почему чужіе приглашаютъ его на дѣтскія игры, тогда дѣло уже не такъ просто.

Дѣйствительно, въ мірѣ ребенка такъ много кажущейся безсвязности и причудливаго безпорядка, что трудно сказать, какимъ образомъ онъ когда нибудь научился бы понимать и рассуждать, еслибы въ немъ не было заложено живое и неугасимое стремленіе связывать и упрощать. Въ этомъ отчасти заключается трагизмъ дѣтства. Оно приноситъ съ собою наивную увѣренность, что въ мірѣ все правильно и стройно, — и сталкивается, увы! съ непроходимой, безпорядочной путаницей. Какъ странно слушать маленькаго мыслителя, когда онъ, не моргнувъ бровью, начинаетъ предлагать какую нибудь прекрасную по своей простотѣ теорію мірового порядка. Одинъ десятилѣтній мальчикъ-американецъ, у котораго былъ сердитый учитель маленькаго роста и другой, высокій и добрый, встрѣтилъ новаго учителя слѣдующими словами: „Я боюсь, что вы будете злымъ учителемъ“. „Почему, развѣ я сердитый?“ „Нѣтъ, отвѣтилъ мальчикъ, но вы такой маленькій“. Это мы называемъ поспѣшнымъ обобщеніемъ; мы могли бы такъ же правильно назвать это природеннымъ апріорнымъ возрѣніемъ ребенка на вещи.

Съ этимъ стремленіемъ проникнуть въ закономерность вещей и формулировать ее неразрывно связана склонность подводить всякое новое явленіе подъ какое нибудь общее правило. При этомъ маленькій мыслитель легко можетъ впасть въ ошибку потому, что онъ неправильно понимаетъ значеніе и объемъ правила. Это мы видимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ распространяетъ законы человѣческаго опыта на міръ животныхъ. Правила, сообщенныя другими и лишь смутно понятія, въ особенности нравственныя и религіозныя истины, вызываютъ такого рода неправильное примѣненіе. Вустерскій сборникъ *Thoughts and Reasonings of Children* („Мысли и разсужденія дѣтой“) даетъ нѣсколько замѣчательныхъ при-

мѣровъ такого примѣненія. Судя по этимъ примѣрамъ, американскія дѣти умѣютъ, повидимому, ловко ссылаться на Св. Писаніе; но при этомъ у нихъ, кажется, не совсѣмъ отсутствуетъ, желаніе хвастнуть и, можетъ быть, даже вызывать смѣхъ. Но если оставить въ сторонѣ вліяніе подобныхъ мотивовъ, то все же довольно ясно, что дитя обладаетъ удивительной способностью вычитывать въ словахъ другого свои собственныя мысли и, такимъ образомъ, давать этимъ словамъ новый оборотъ, который можетъ привести въ замѣшательство ихъ автора, если онъ недостаточно сообразителенъ. Вотъ случай такого рода. Тетка Р-а сказала: „Ты такой безпкойный ребенокъ, Р., что я не могу дольше держать тебя“. Р. отвѣтилъ: „Возложи свое бремя на Господа, тетя К., и Онъ поддержитъ тебя“. При этомъ ребенку, какъ намъ говорятъ, было всего четыре года. Онъ, вѣроятно, видѣлъ въ наставленіи Св. Писанія совѣтъ, какъ освободиться отъ чего нибудь непріятнаго, и съ удивительно безпристрастной дѣтской логичностью тотчасъ же примѣнилъ этотъ совѣтъ къ себѣ. Другіе примѣры такого невѣрнаго примѣненія правилъ мы встрѣтимъ ниже, когда мы займемся отношеніемъ между мыслью и рѣчью дѣтей.

Періодъ вопросовъ.

Первыя усиленныя попытки ребенка понять окружающее начинаютъ приблизительно около конца третьяго года, и достойно вниманія то обстоятельство, что онѣ совпадаютъ съ наступленіемъ періода вопросовъ. Первый вопросъ былъ заданъ мальчикомъ Прейера на двадцать восьмомъ мѣсяцѣ, дѣвочкой Поллока на двадцать третьемъ. Но періодъ настоящей любознательности, когда одинъ вопросъ слѣдуетъ за другимъ съ поразительной быстротой и настойчивостью, — этотъ періодъ, повидимому, начинается съ четвертаго года.

По обычной теоріи, которую особенно любятъ невѣжественныя няньки и матери, ребенокъ умышленно надоѣдаетъ своими вопросами. Дитя дошло до употребленія словъ и,

„непослушное“, какъ настоящее дитя, оно начинаетъ терзать ими уши окружающихъ. Однако, есть уже признаки, указывающіе на измѣненіе этого взгляда. Тотъ фактъ, что вопросы непосредственно слѣдуютъ за стремленіемъ размышлять, можетъ подсказать намъ, что они находятся въ связи съ муками, которыя дѣтскому уму приходится испытать при первомъ столкновеніи съ жестокимъ и обманчивымъ міромъ. Вопросъ, это — продуктъ невѣдѣнія, сочетавшагося съ вѣрой въ безграничныя познанія взрослыхъ. Въ немъ выражается попытка дополнить тѣ отрывочныя, неудовлетворяющія свѣдѣнія, которыя маленькій вопрошатель самъ сумѣлъ собрать посредствомъ наблюдений, или которыя онъ извлекъ изъ чьихъ нибудь словъ, лишь на половину имъ понятыхъ. Вопросъ, это — результатъ духовной жажды, потребности въ духовной пищѣ. Но онъ — далеко не одно только выраженіе потребности. Подобно тому какъ ясно выраженное требованіе пищи показываетъ, что ребенокъ знаетъ, что такое пища, и увѣренъ въ возможности получить ее, точно такъ же вопросъ показываетъ, что ребенокъ, знаетъ, что ему нужно, и знаетъ куда слѣдуетъ за этимъ обратиться. Вопросы простѣйшаго рода, напримѣръ, „Какой это цвѣтокъ?“ „Какое это насекомое?“ показываютъ, что дитя дошло посредствомъ полусознательнаго размышленія и разсужденія до той истины, что предметы имѣютъ свои свойства, свои отличительныя признаки, свои названія. Дѣйствительно, многіе вопросы, какъ напримѣръ „Имѣетъ ли луна крылья?“ „Куда уходятъ всѣ дни?“ обнаруживаютъ настоящую работу дѣтской мысли и имѣютъ высокую цѣнность, какъ выраженія этой мысли.

Разспросы могутъ идти въ очень различныхъ направленіяхъ. Значительная часть вопросовъ, которые ребенокъ предлагаетъ долготерпѣливой матери, вызвана жадной полужительныхъ знаній ¹⁾. Типическимъ вопросомъ этого рода служить вопросъ „что?“. При этомъ побудительной причи-

---

¹⁾ Первый вопросъ, поставленный мальчикомъ Прейера, былъ „Гдѣ мама?“ *Preyer, Die Seele des Kindes*, стр. 419.

ной является желаніе узнать какой нибудь новый фактъ, который можно было бы привести въ связь съ другимъ, уже извѣстнымъ, чтобы такимъ образомъ дополнить послѣдній. „Сколько лѣтъ барбосу?“ „Гдѣ барбось родился?“ „Кто былъ его отецъ?“ „Какъ зовутъ эту собаку?“ „Какія у васъ были волосы, когда вы были маленькой дѣвочкой?“ Вотъ образчики тѣхъ вопросовъ, при помощи которыхъ спрашивающій ребенокъ пытается создать изъ отдѣльныхъ вещей связанное цѣлое, чтобы въ своемъ воображеніи видѣть каждую изъ нихъ на надлежащемъ мѣстѣ и въ надлежащемъ соединеніи съ другими. А какъ жадно и настойчиво задаютъ эти маленькіе человѣчки свои вопросы, часто какъ будто перескакивая безъ всякой связи съ одного предмета на другой, но извлекая изъ каждаго отвѣта какой нибудь новый матеріалъ для своихъ представленій о вещахъ. Одинъ мальчикъ трехъ лѣтъ и девяти мѣсяцевъ засыпалъ свою мать слѣдующими вопросами: „Что ѣдятъ лягушки, и мыши, и птички, и бабочки? и что онѣ дѣлаютъ? и какъ ихъ зовутъ? Какъ называются всѣ ихъ дома? Какъ онѣ называютъ свои улицы и площади?“ и т. д., и т. д.

Такіе вопросы легко могутъ показаться глупыми, потому что они, какъ въ только что приведенномъ случаѣ, обусловлены причудливой дѣтской фантазіей. Благодаря своему антропоморфическому взгляду на міръ, ребенокъ приписываетъ и животнымъ привычки людей.

Замѣчательно въ этихъ вопросахъ, цѣль которыхъ—собираніе фактовъ, то значеніе, которое ребенокъ придаетъ названіямъ предметовъ. Компейрѣ показалъ, что вопросъ: „Что это такое?“ часто означаетъ: „Какъ это называется?“ По смутной дѣтской теоріи каждый предметъ, повидимому, имѣетъ свое личное имя. Маленькій мальчикъ, о которомъ мы только что говорили, объяснилъ своей матери, что, по его мнѣнію, каждая лягушка, мышь, птичка и бабочка имѣетъ такъ же, какъ и онъ, свое собственное имя, данное ей ея матерью. Быть можетъ, онъ хотѣлъ этимъ только выразить дѣтскую мысль, что каждая вещь имѣетъ свое первоначальное и неизмѣнное имя.

Другой видъ дѣтскихъ вопросовъ относится къ смыслу и къ причинѣ вещей. Здѣсь типической формой является вопросъ „почему“. Первый такой вопросъ былъ предложенъ мальчикомъ Прейера, когда ему было два года и сорокъ три недѣли. Но нѣсколько позднѣе эта форма становится преобладающею. Всякому, кто пытался обучать маленькаго ребенка трехъ или чѣтырехъ лѣтъ, знакомъ, конечно, долгій, рѣзкій и плаксивый тонъ этого вопроса. Эта форма естественно развивается изъ предыдущей, потому что объяснить, „что такое данный предметъ?“ т.-е. показать его соотношенія,—это значитъ объяснить его причины, его происхожденіе, употребленіе и назначеніе.

Въ дѣтскихъ рѣчахъ нѣтъ, быть можетъ, ничего, что въ такой мѣрѣ заслуживало бы истолкованія и что такъ трудно было бы истолковать, какъ это маленькое, простое на видъ „почему?“

Мы, можетъ быть, и сами употребляемъ слово „почему“ и соответствующее ему „потому что“ въ не совсѣмъ ясномъ смыслѣ; а первое употребленіе словъ ребенкомъ въ значительной степени основано на подражаніи. Почти съ полной увѣренностью можно только утверждать, что даже въ самомъ попугаеобразномъ и надоѣдливомъ повтореніи вопросовъ „почему?“ и равнозначущаго „для чего?“ ребенокъ обнаруживаетъ смутное сознаніе той истины, что вещь можно понять, что она имѣетъ свои причины, что вопросъ заключается только въ томъ, возможно ли ихъ отыскать.

Говоря объ этомъ безжалостномъ „почему?“, попытаемся понять состояніе дѣтской души, которая встрѣчаетъ столько страннаго и несуразнаго, которая ежедневно сталкивается въ своихъ наблюденіяхъ и въ рѣчахъ другихъ съ новыми, непонятными явленіями. Удивительныя вещи, не входящія въ знакомый, маленькій міръ ребенка, напримѣръ, огромная область странныхъ и непонятныхъ явленій животнаго міра, пробуждаютъ въ немъ инстинктивное стремленіе овладѣть ими и ихъ усвоить. Маленькій мыслитель долженъ по крайней мѣрѣ попытаться привести новую загадочную вещь въ

такое отношеніе къ своему знакомому міру, которое онъ могъ бы понять. А что можетъ быть естественнѣе, чѣмъ обратиться за разрѣшеніемъ трудной задачи къ мудрости взрослыхъ? Основной смыслъ, который слово „почему“ имѣетъ въ дѣтскомъ словарѣ, заключается въ необходимости связать новое со старымъ, освѣтить темное и непонятное отраженнымъ свѣтомъ того, что уже извѣстно. И любознательность ребенка часто на время удовлетворяется, если ему въ знакомой области указываютъ нѣчто аналогичное новому факту, еще не помѣщенному ни въ какой разрядъ. Такъ, если онъ хочетъ понять, почему у кошечки есть мѣхъ, то онъ успокаивается, когда ему говорятъ, что это—кошечкины волосы.

Когда на вопросъ „почему?“ приходится уже давать общее объясненіе, то это только означаетъ, что ребенокъ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи, ибо умѣнье подводить частный случай подъ общее правило свидѣтельствуешь о болѣе совершенной и систематической ассимиляціи. Но мы знаемъ, что дѣти придаютъ большой вѣсъ тому, что раньше случалось, всему обычному, составляющему общее правило. Въ ихъ этикѣ та вещь, которая обыкновенно разрѣшается, въ силу этого становится хорошей; точно такъ же можно сказать, что въ ихъ логикѣ та истина, что какое нибудь явленіе постоянно совершается, служитъ объясненіемъ, почему оно совершилось въ данномъ частномъ случаѣ. Поэтому и многострадальная няня не заслуживаетъ, пожалуй, такого упрека въ пользованіи женской логикой, какой ей иногда дѣлають, когда на вопросъ: „Почему мостовая тверда?“ она отвѣчаетъ: „Потому что мостовая всегда тверда“ ¹⁾. Въ дѣйствительности вопросы ребенка, его исканіе объясненія вызваны, какъ уже было указано, желаніемъ связать явленія между собой, привести ихъ въ порядокъ. А это значитъ, что онъ чувствуетъ потребность въ общемъ правилѣ, подъ которое онъ могъ бы подвести частный, еще изолированный фактъ

¹⁾ Ср. нѣкоторыя остроумныя замѣчанія у *Venn*, *Empirical Logic*, стр. 494.

Вопросъ „почему?“ и другіе однородные съ нимъ вопросы съ самаго начала связаны съ идеей причинности; они направлены на то неизвѣстное, что вызвало къ существованію новую непонятную вещь и сдѣлало ее тѣмъ, чѣмъ она является въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, вопросы о происхожденіи вещей, о томъ, какъ онѣ производятся или создаются, играютъ у дѣтей чрезвычайно важную роль. Ничто не представляетъ для ребенка бѣльшаго интереса, чѣмъ производство вещей. Сколько часовъ проводитъ онъ въ размышленіяхъ о томъ, какъ создаются камни, звѣзды, птички, дѣти. Этотъ живой интересъ къ производству является въ значительной степени интересомъ практическимъ. Одно изъ величайшихъ наслажденій для ребенка,—это умѣть самому сдѣлать какую нибудь вещь, и такое желаніе работать—а оно, вѣроятно, вначалѣ совершенно безгранично и скорѣе пристало какому нибудь богу, чѣмъ маленькому человѣчку трехъ лѣтъ—естественно приводитъ къ разспросамъ о способѣ производства. Однако, уже очень рано къ практическому инстинкту примѣшивается настоящій умозрительный интересъ. Если философія, какъ говорили древніе, заключается въ знаніи причинъ, то дѣти являются въ полномъ смыслѣ маленькими философами. Нахожденіе причинъ, это—заключенный процессъ ассимиляціи, подведенія частнаго случая подъ общее правило или законъ.

Всѣ эти разспросы о происхожденіи и о способахъ производства основаны на миломъ предположеніи, что всѣ вещи сдѣланы руками—такъ, какъ сдѣланы разныя хозяйственные принадлежности. Міръ, это—какой-то большой домъ, гдѣ все сдѣлано кѣмъ нибудь или, по крайней мѣрѣ, откуда нибудь принесено. Такое примѣненіе антропоморфическаго представленія о производствѣ вещей вытекаетъ изъ общаго закона дѣтскаго мышленія, по которому неизвѣстное ассимилируется съ извѣстнымъ. Единственная форма происхожденія, дѣйствительно и непосредственно знакомая начинающему мыслителю, это—производство вещей. Онъ самъ производитъ довольно многое, включая сюда прорѣхи въ платьѣ, пятна на

скатерти и т. д.—произведенія, которыя, благодаря старшимъ, основательно запечатлѣваются въ его памяти. Кромѣ того, онъ съ величайшимъ интересомъ слѣдитъ, какъ другіе дѣлаютъ что нибудь, будетъ ли это пуддингъ, платье, домъ или стогъ сѣна. И, спрашивая, кто дѣлаетъ животныхъ, дѣтей, вѣтеръ, облака и т. д., онъ только примѣняетъ въ качествѣ нормы или общаго правила знакомый ему видъ причинности. Такой же характеръ имѣютъ всѣ вопросы „откуда?“, напримѣръ, когда ребенокъ спрашиваетъ, покупаются ли дѣти въ лавкѣ.

Вопросъ „почему?“ получаетъ болѣе тѣсный смыслъ, когда ребенку становится яснымъ понятіе цѣли. Тогда изслѣдованіе направляется уже на заключительный фактъ, на то, что философы называютъ конечной причиной или основаніемъ. Если, напримѣръ, дитя спрашиваетъ: „Почему вѣтеръ дуетъ?“, то оно хочетъ этимъ сказать: „Для чего вѣтеръ дуетъ?“ или „Какая польза отъ того, что вѣтеръ дуетъ?“.

То представленіе, которое лежитъ въ основѣ вопроса „почему?“ въ его обычной формѣ, заслуживаетъ, чтобы мы немного остановились на немъ. Взглядъ ребенка на причинность вытекаетъ, какъ и прочія его представленія, изъ наиболѣе знакомыхъ ему опытовъ. Дитя скоро замѣчаетъ, что его собственныя дѣйствія зависятъ отъ желанія достигнуть или избѣжать чего нибудь, что, выражаясь техническими терминами, представленіе о результатѣ дѣйствія предшествуетъ дѣйствию и опредѣляетъ его.

Недавно я встрѣтилъ очень ранній и, по моему мнѣнію, замѣчательный примѣръ дѣтскаго мышленія этого рода. Одна дѣвочка, о которой мы уже говорили,—мы будемъ называть ее М.—вышла какъ-то, когда ей былъ одинъ годъ и одиннадцать мѣсяцевъ, въ вѣтряный день гулять со своей матерью. Вначалѣ она радовалась сильному бушующему вѣтру, но затѣмъ утомилась и сказала: „Вѣтеръ треплетъ мамыны волосы, а Бабба (ея собственное имя) причесываетъ мамыны волосы, поэтому вѣтеръ не будетъ больше дуть“. Спустя три недѣли этотъ ребенокъ, побывши подъ дождемъ

обратился къ своей матери со словами: „Мама, вытри ручки у Баббы и дождь больше не будет идти“. Что означает это удивительное переѣщеніе причины и дѣйствія? Я склоненъ думать, что эта маленькая необыкновенно умная дѣвочка переносила на явленія природы формы своего собственнаго опыта. Когда ея туалетъ приходитъ въ безпорядокъ и мать или няня причесываютъ ея волосы или умываютъ ея ручки, то дѣлаютъ онѣ это для того, чтобы она не была больше неряшливой. Дитя разсматриваетъ вѣтеръ и дождь, какъ непослушныхъ дѣтей, которыхъ можно побудить вести себя какъ слѣдуетъ, уничтоживъ результаты ихъ шалостей. Иными словами, обоихъ надо удержать отъ повторенія дурныхъ поступковъ, ясно показавъ имъ, что кто нибудь недоволенъ этими поступками или запрещаетъ ихъ. Здѣсь мы, кажется, совершенно ясно видимъ, какъ въ природу переносятся человѣческія цѣли и та мысль, что дѣйствіе опредѣляется его конечнымъ результатомъ; здѣсь передъ нами извѣстная форма антропоморфизма, которая проходитъ черезъ все примитивное мышленіе. **!**

Изъ этого, повидимому, слѣдуетъ, что въ умственномъ развитіи ребенка есть такой періодъ, когда на вопросы въ родѣ слѣдующихъ: „Почему листья падаютъ?“ „Почему громъ производитъ такой сильный шумъ?“ можно наиболѣе удовлетворительно отвѣтить какимъ нибудь поэтическимъ вымысломъ, сказавъ, напримѣръ, что листья уже стары и имъ надоѣло висѣть на деревьяхъ, что громъ-великанъ сердится и потому шумитъ. Быть можетъ, позволительно иногда пускаться въ ходъ подобные вымыслы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится отвѣчать на безконечные вопросы о животныхъ и объ ихъ дѣйствіяхъ, т.-е. о такой области бытія, о которой, кстати сказать, даже самые мудрые изъ насъ знаютъ чрезвычайно мало. Но этотъ пріемъ сопряженъ съ извѣстнымъ рискомъ, такъ какъ необдуманная сказка, выданная за отвѣтъ, можетъ натолкнуться на безжалостную дѣтскую логику.

Мы можемъ замѣтить и еще одну черту въ дѣтскихъ вопросахъ этого рода. Дѣти полагаютъ обыкновенно, что вещи

не только поступают вообще такъ же, какъ мы, что ихъ дѣйствія опредѣляются какой-нибудь цѣлью, или что онѣ выполняютъ какое-нибудь полезное назначеніе и имѣютъ, какъ мы говоримъ, свой *rason d'être*,—они думаютъ, что въ своихъ цѣляхъ вещи имѣютъ въ виду именно насъ, людей. Вѣтеръ и дождь начинался и прекращался, по теоріи нашей маленькой дѣвочки, именно для того, чтобы досадить „мамѣ“ и „Бабѣ“, или же не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Одинъ маленькій мальчикъ двухъ лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ сидѣлъ какъ-то на полу въ дурномъ расположеніи духа; взглянувъ вверхъ, онъ увидѣлъ, какъ свѣтитъ солнце, и сказалъ сердито: „Солнце, не смотри на Женю“, а затѣмъ прибавилъ болѣе просящимъ тономъ: „Пожалуйста, солнце, не смотри на бѣднаго Женю“ ¹⁾. Когда мальчикъ К. въ первый разъ увидѣлъ море, онъ предположилъ, что оно такъ шумитъ именно для того, чтобы причинить непріятность его маленькимъ ушамъ. Такой взглядъ мы можемъ назвать антропоцентрическимъ; сущность его заключается въ томъ, что центромъ, къ которому относятся всѣ явленія природы, мишенью, на которую направлены всѣ ея процессы, служитъ человѣкъ. Эта склонность къ антропоцентрическимъ воззрѣніямъ ребенокъ также раздѣляетъ съ некультурнымъ человѣкомъ. Первобытные люди считаютъ, что вѣтеръ, дождь, громъ посылаются какимъ-нибудь разгнѣваннымъ духомъ, и къ такому же взгляду на эти явленія природы склонны даже нѣкоторые почтенные англійскіе фермеры. Благодаря общему оптимизму и несомнѣнной практичности, составляющимъ отличительныя черты дѣтскаго характера, эти антропоцентрическія воззрѣнія у дѣтей обыкновенно ослабляются и переходятъ въ вопросы о *назначеніи* вещей. Одинъ мальчикъ, о которомъ мы уже говорили, какъ-то спросилъ у своей матери (ему было тогда около четырехъ лѣтъ): „Что дѣлаютъ пчелы?“ Онъ пояснилъ свой вопросъ, прибавивъ: „Какую пользу онѣ приносятъ?“ Когда ему сказали, что онѣ дѣла-

1) См. замѣтку *E. M. Stevens'a* въ *Mind*, XI, стр. 150.

ють медь, онъ довольно удачно замѣтилъ съ своей точки зрѣнія, т.-е. съ точки зрѣнія цѣли: „Значить, онъ приносятъ его намъ для ѣды?“ Этотъ ловкій мальчуганъ скоро справился бы со многими изъ тѣхъ доводовъ, которыми богословы-оптимисты послѣдняго столѣтія обыкновенно „доказывали“, какъ удивительно Творецъ приспособилъ природу къ потребностямъ человѣка.

Частое повтореніе этого рода „почему?“ заставляетъ думать, что въ размышленіяхъ дѣтей господствуетъ идея цѣли и пользы. Въ этомъ можно убѣдиться и другимъ путемъ. А. Бинэ нашель, разспрашивая дѣтей, что ихъ мысли о вещахъ въ значительной степени сосредоточиваются на представленіи пользы. Напримѣръ, когда у одного ребенка спросили, что такое шляпа, онъ отвѣтилъ: „Чтобы надѣвать на голову“. Г. Е. Краць прислалъ мнѣ нѣсколько отвѣтовъ, которые были даны пятилѣтними дѣтьми при поступленіи въ начальную школу и которые также освѣщаютъ занимающій насъ вопросъ. Такъ, на вопросъ: „Что такое дерево?“ дѣти отвѣчали: „Чтобы дѣлать вѣтеръ“, „Чтобы сидѣть подъ нимъ“ и т. д.

Понемногу это представленіе объ опредѣленномъ назначеніи и пользѣ того или другого предмета отступаетъ на задній планъ, и ребенокъ начинаетъ больше интересоваться производствомъ или происхожденіемъ вещей. Онъ желаетъ знать, кто дѣлаетъ деревья, птичекъ, звѣзды и т. д. Хотя здѣсь и признается такъ называемая дѣйствующая причина, въ отличіе отъ конечной, однако антропоморфизмъ сохраняется въ представленіи, будто всѣ вещи производятся кѣмъ-нибудь въ родѣ плотника. Ниже мы увидимъ, что дѣти обыкновенно смотрятъ на божество, какъ на существо, которое дѣлаетъ вещи.

Всѣ эти безудержные вопросы о пользѣ и происхожденіи вещей вытекаютъ не только изъ невѣдѣнія и любопытства, но и изъ болѣе глубокаго мотива; они вызываются чувствомъ недоумѣнія, таинственности или противорѣчія. Не всегда бываетъ легко различить эти два рода вопросовъ; но во мно-

гихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, ихъ форма и постановка показываютъ намъ, что ихъ предлагаетъ смущенный и временно сбитый съ толку умъ. Пока вопросы задаются съ живостью, до тѣхъ поръ мы можемъ заключать, что дитя еще вѣритъ въ возможность знанія и не извѣдало всей глубины духовнаго отчаянiя. Гораздо трагичнѣе, чѣмъ самый печальный вопросъ, бываетъ безмолвiе, — когда вопросы умолкли благодаря уtratѣ вѣры.

Легко понять, что дѣтей должно приводить въ недоумѣнiе очень многое изъ того, что они видятъ и слышатъ. Кажущiяся исключенiя изъ правила не смущаютъ взрослого чело-вѣка именно потому, что они, *повторяясь*, какъ бы составляютъ, въ свою очередь, новое правило. Напримѣръ, взрослый чело-вѣкъ, даже совершенно незнакомый съ гидростати-кой, не могъ бы придти въ недоумѣнiе по поводу того во-проса, который смущалъ мальчика К.: „почему въ водѣ не дѣлается яма, когда я опускаю въ нее руку?“ Точно такъ же, не имѣя никакого представленiя о физиологiи жи-вотныхъ, взрослый чело-вѣкъ все-таки не станеть удивляться тому, что рыба дышетъ подъ водой, между тѣмъ какъ эта тайна поражаетъ ребенка, въ первый разъ замѣчающаго ее. Маленькiй мальчикъ, о которомъ мы только что упоминали, задалъ своей матери, среди другихъ безчисленныхъ вопро-совъ о животныхъ, и такой вопросъ: „Могутъ ли онѣ (рыбы) дышать подъ водой своимъ ртомъ?“

Въ своихъ собственныхъ изслѣдованiяхъ и въ словахъ старшихъ ребенокъ часто встрѣчаетъ такiя вещи, которыя приводятъ его въ подобное недоумѣнiе. Тотъ же мальчикъ очень много занимался моремъ и вопросомъ о томъ, куда оно уходитъ. Онъ выражалъ желанiе снять ботинки и пойти въ море, чтобы посмотрѣть, куда уходятъ корабли, и былъ очень пораженъ, когда узналъ, что море дальше становится все глубже и глубже, и что онъ утонулъ бы, если бы взду-малъ прогуляться по немъ. Прежде всего онъ отрицалъ па-радоксальное утвержденiе (исполненiе котораго онъ видѣлъ въ это же время), будто море во время прилива идетъ

вверхъ; онъ твердилъ: „оно не поднимается, мама, оно не поднимается, а то вѣдь оно могло бы подняться выше нашихъ головъ?“ Когда ему сказали, что это все-таки правда, онъ сталъ благоразумно пытаться приспособить свой умъ къ этому удивительному открытію. Мальчикъ К. очень интересовался вопросомъ о движущейся массѣ воды и хотѣлъ знать, покрываетъ ли она половину земли. Вѣроятно, въ обоихъ этихъ случаяхъ мысль о подъемѣ воды заключала въ себѣ что-то страшное, наводящее ужасъ.

Весьма вѣроятно, что маленькому ребенку исчезновеніе какого-нибудь предмета также кажется загадкой, и эта загадка продолжаетъ занимать его умъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. О недоумѣніи, которое вызывается ею, свидѣтельствуетъ вопросъ нашего маленькаго друга, спрашивавшаго при видѣ огромнаго отступающаго моря: „Куда море плыветъ?“ Ребенокъ, повидимому, въ состояніи понять перемѣщеніе не особенно большого предмета изъ одной части пространства въ другую, но въ его представленіи пространство, вѣроятно, недостаточно обширно для того, чтобы онъ умѣлъ наглядно представить себѣ, какимъ образомъ огромная полоса воды можетъ переходить изъ видимой области въ невидимую. Дѣтскій вопросъ „Куда уходитъ весь вѣтеръ?“ вытекаетъ, повидимому, изъ подобной же неспособности вообразить огромное невидимое пространство.

Кромѣ этого непонятнаго исчезновенія большихъ предметовъ на душу ребенка дѣйствуетъ поражающимъ и угнетающимъ образомъ еще величина и безконечное число существующихъ вещей, которыя онъ видитъ и слышитъ вокругъ себя. Неспособность воспринять всѣ новые факты вызываетъ какое-то недовольство ихъ обиліемъ. „Мама“, спрашивалъ одинъ четырехлѣтній мальчикъ, „почему существуетъ такъ много вещей на свѣтѣ, если никто не знаетъ всѣхъ этихъ вещей?“ Нельзя съ увѣренностью сказать, что хотѣлъ этимъ выразить ребенокъ. Можетъ быть, онъ хотѣлъ только протестовать противъ производства такого непостижимаго множества вещей. Иногда дѣти, кажется, руководствуются въ

своихъ разспросахъ именно этимъ мотивомъ; такъ, напри-
мѣръ, одна маленькая дѣвочка трехъ лѣтъ и семи мѣсяцевъ
спрашивала: „Мама, почему есть еще дни, почему? и почему
мы не перестаемъ ѣсть и пить?“ Эти вопросы вызваны, по-
видимому, тѣмъ, что тягостна просто самая многочислен-
ность, безконечная смѣна дней и обѣдовъ. Но возможно, что
вопросы о множествѣ никому неизвѣстныхъ вещей внушены
болѣе серьезной трудностью, смутнымъ предчувствіемъ Бер-
клеева идеализма, по которому вещи могутъ существовать
только въ качествѣ объектовъ познанія. Это предположеніе
можетъ многимъ показаться натянутымъ, но я нашелъ въ
дѣтяхъ и другія черты, свидѣтельствующія, какъ мнѣ ка-
жется о такой склонности. Одна дѣвочка шести съ поло-
виной лѣтъ разговаривала со своимъ отцомъ о сотвореніи
міра. Онъ объяснилъ ей трудность созданія вещей изъ ни-
чего, показавъ, что мы только придаемъ матеріалу новую
форму, когда производимъ что-нибудь. Она подумала и за-
тѣмъ сказала: „Можетъ быть, міръ—только фантазія“. И
здѣсь нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, какая мысль скры-
та въ этихъ словахъ ребенка. Но они явственно напомина-
ютъ мечтательное состояніе идеалиста,—состояніе, когда мы
какъ будто видимъ, какое прочное зданіе дѣйствительности
расплывается въ призрачное видѣніе.

Вопросъ о происхожденіи вещей кажется, какъ извѣстно,
дѣтскому уму въ высшей степени загадочнымъ. Особенной
тайной окружено, разумѣется, начало всякой жизни. „Есть
такъ много вещей“, замѣтилъ маленькій зоологъ, о которомъ
я упоминалъ нѣсколько выше, „который я хотѣлъ бы знать,
и которыхъ, какъ ты говоришь, мама, никто не знаетъ. Я
хотѣлъ бы знать, кто сдѣлалъ Бога, и я хотѣлъ бы знать,
имѣетъ ли киська яйца, которыя помогаютъ ей дѣлать ма-
ленькихъ котеночковъ“. Узнавъ, что кошка не несетъ яицъ,
онъ замѣтилъ: „Да, тогда я думаю, что Богъ долженъ былъ
помогать ей, если она не имѣетъ котеночковъ въ яйцахъ,
чтобы высиживать ихъ“. Другой мальчикъ пяти лѣтъ доду-
мался до непонятнаго взаимоотношенія между происхожде-

нѣмъ курицы и яйца, и спросилъ у своей матери: „Когда нѣтъ яйца, тогда откуда приходитъ курица? И я думаю, когда не было яйца, откуда пришла курица?“ Подобнымъ же образомъ ребенокъ ломаетъ голову надъ вопросомъ о томъ, какъ былъ вскормленъ первый ребенокъ; этотъ вопросъ одна маленькая дѣвочка четырехъ съ половиною лѣтъ выражала въ такой формѣ: „Когда всѣ люди были маленькими дѣтьми, кто могъ тогда быть ихъ кормилицей, если всѣ они были маленькими дѣтьми?“ Начало человѣческой жизни остается, какъ извѣстно, для юнаго изслѣдователя вѣчной загадкой.

Многіе изъ этихъ вопросовъ имѣютъ метафизическій характеръ, такъ какъ они выходятъ за предѣлы повседневной жизни и науки. Дитя является метафизикомъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ метафизиками были первые мыслители: его вопросы относятся къ сокровеннѣйшей сущности вещей и къ ихъ абсолютному началу, напримѣръ, когда оно спрашиваетъ: „Кто сдѣлалъ Бога?“ или „Что было раньше Бога?“¹⁾ Ребенокъ не имѣетъ представленія о границахъ человѣческаго познанія. Если его мать говоритъ, что она не знаетъ чего-нибудь, то онъ все-таки убѣжденъ, что кто-нибудь это знаетъ, напримѣръ, докторъ или священникъ, или, можетъ быть, даже городской; въ замѣчательныя познанія городскихъ одна маленькая дѣвочка твердо вѣрила съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла, что ея отецъ разъ обратился за справкой къ одному изъ этихъ величественныхъ чиновниковъ.

Странными и совершенно непонятными кажутся иногда нѣкоторые изъ этихъ дѣтскихъ вопросовъ. Одна девятилѣтняя дѣвочка - американка возобновила прервавшійся на нѣкоторое время разговоръ вопросомъ: „Почему я не думаю сказать что-нибудь?“ Въ пьесѣ, поставленной недавно въ одномъ изъ лондонскихъ театровъ, главный комизмъ одной роли заключается въ томъ, что человѣкъ совершенно такимъ же образомъ проситъ другихъ сказать ему, какъ онъ

---

¹⁾ Примѣры см. у *Компэре*, въ указ. соч. и у *P. Lombroso*, *Psicologia del Bambino*, стр. 47 и сл.

дошелъ до своихъ собственныхъ побужденій. Другая трехлѣтняя американка какъ-то перестала играть, оставила свою маленькую сестрицу, которую звали Эдна Белла, и, отыскавъ свою мать, спросила: „Мама, почему Эдна Белла не я, и почему я не Эдна Белла?“¹⁾ Авторъ, приводящій этотъ рассказъ, прибавляетъ, что эта дѣвочка не была дочерью какого-нибудь профессора метафизики, но принадлежала къ семьѣ простаго фермера-практика. Нельзя съ полной увѣренностью сказать, каковъ смыслъ этого вопроса. Весьма возможно, что онъ явился результатомъ новаго шага въ развитіи самосознанія, болѣе отчетливаго представленія о своемъ „я“ въ отличіе отъ другихъ. Гораздо болѣе явный метафизическій характеръ носитъ вопросъ, заданный мальчикомъ этихъ же лѣтъ и свидѣтельствующій о размышленіи по поводу самыхъ тонкихъ вопросовъ: „Если я взошелъ на лѣстницу, можетъ ли Богъ сдѣлать, чтобы я не взошелъ на нее?“ Это хорошій образчикъ того рода вопросовъ, которые, по словамъ Эразма,²⁾ много обсуждались богословами, и типической формой которыхъ служить вопросъ: „Можетъ ли Богъ сдѣлать что-нибудь совершившееся несовершившимся?“

У многихъ дѣтей, сталкивающихся съ тайнами божества и сатаны, въ этихъ разспросахъ часто воспроизводится ходъ богословскихъ умозрѣній. Такъ легко узнать проблему о необходимости зла въ томъ вопросѣ, который одинъ восьмилѣтній мальчикъ-американецъ задалъ священнику, посѣтившему его семью: „Батюшка“, спросилъ онъ, „почему Богъ не убиваетъ дьявола? Тогда не было бы больше зла на свѣтѣ?“

Разумѣется, не всѣ разспросы дѣтей принимаютъ такое возвышенное направленіе. Рядомъ со склонностью доходить въ своихъ вопросахъ до недосягаемаго начала вещей мы замѣчаемъ у дѣтей и болѣе умѣренный и научный родъ изслѣдованія естественныхъ процессовъ, которые поддаются наблюденію и объясненію. Нѣкоторые вопросы, къ которымъ невниматель-

1) Взято изъ статьи *Miss Schinn, Some Comments on Babies*, въ *Overland Monthly*, январь 1894.

2) *Froude, Letters of Erasmus. Lect VII.*

ный слушатель отнесся съ пренебреженіемъ, какъ къ простымъ грѣзамъ имѣютъ настоящую научную цѣнность; они показываютъ, что маленькій изслѣдователь пытается разрѣшить какую-нибудь проблему дѣйствительности. Таковъ на примѣръ, вопросъ, поставленный однимъ маленькимъ мальчикомъ трехъ лѣтъ и девяти мѣсяцевъ: „Почему мы не видимъ двѣ вещи нашими двумя глазами?“—вопросъ, который, какъ извѣстно, занималъ и болѣе взрослыхъ психологовъ.

Когда вопросы ребенка приняли это болѣе опредѣленное научное направленіе, тогда мы можемъ замѣтить, что непреклонное „почему“ начинаетъ играть второстепенную роль, а на первый планъ выступаетъ болѣе скромное „какъ?“ Зачатокъ этого рода изслѣдованій можно найти въ нѣкоторыхъ дѣтскихъ вопросахъ относительно роста. „Какимъ образомъ“, спрашивалъ нашъ маленькій зоологъ, „цвѣты вырастаютъ, когда мы сажаемъ ихъ, и какимъ образомъ мальчики изъ маленькихъ становятся такими большими какъ я? Я выросъ теперь, пока я ѣлъ свой ужинъ? Посмотри-ка!“ — и онъ всталъ, чтобы лучше показать весь свой ростъ. Интересъ къ процессамъ, совершающимся въ вещахъ, еще яснѣе проявляется въ теченіе пятого и шестого года. Одна маленькая дѣвочка четырехъ лѣтъ и семи мѣсяцевъ желала, на примѣръ, знать, что приводитъ поѣздъ въ движеніе, и какимъ образомъ мы двигаемъ наши глаза. Безпрерывныя изслѣдованія мальчика Кларка Максуелля относительно „хода“ или „особеннаго хода“ различныхъ вещей или болѣе ясно свидѣтельствуютъ объ этой рано возникающей склонности, побуждающей ребенка направлять свои изслѣдованія на болѣе доступные вопросы, которыми ограничивается и сама наука.

Всѣ эти разнообразныя изслѣдованія съ конца третьяго года обыкновенно идутъ рядомъ, при чемъ періодъ жгучаго интереса къ животнымъ или къ другимъ объектамъ естественной исторіи смѣняется періодомъ теологическихъ изслѣдованій, а послѣднія въ свою очередь вытѣсняются не менѣе страстнымъ интересомъ къ производству часовъ, паровозовъ и т. д. Но въ этой смѣнѣ разнообразныхъ вопросовъ мы все же мо-

жемъ различить нѣчто въ родѣ закона умственнаго развитія. Вопросы, какъ самое непосредственное выраженіе любознательности ребенка, являются тогда, когда у него развились опредѣленные группы представленій и когда возникли тѣ интересы, которые способствовали созданію этихъ представленій. Такъ, я считаю общимъ правиломъ, что вопросы объ устройствѣ вещей или ихъ механизмѣ возникаютъ позднѣе, чѣмъ вопросы о животныхъ; именно потому, что интересъ къ зоологіи (разумѣется, въ очень грубой формѣ) предшествуетъ интересу къ механикѣ. Кромѣ того, область, охватываемая этими ранними вопросами, увеличивается по мѣрѣ того, какъ растутъ умственные способности, особенно способность къ созданію болѣе сложныхъ дѣтскихъ представленій. Такъ, разспросы объ абсолютномъ началѣ, о происхожденіи міра и даже самого Бога указываютъ, что умъ ребенка уже болѣе широко охватываетъ отношеніе между различными періодами времени и лучше понимаетъ процессы образованія вещей.

Мы разсмотрѣли здѣсь область дѣтскихъ вопросовъ и могли убѣдиться, что изслѣдовать ее совсѣмъ не легкое дѣло. Самый страстный поклонникъ дѣтей долженъ, мнѣ кажется, признать, что ихъ вопросы имѣютъ очень различную цѣнность. Часто можно замѣтить, что ребенокъ предлагаетъ свои „почему?“ сонно и какъ бы механически, безъ дѣйствительнаго стремленія къ знанію и принимаетъ всякое подобіе отвѣта, не пытаясь даже вложить въ него какой нибудь смыслъ. Значительная часть особенно назойливыхъ дѣтскихъ вопросовъ, предлагаемыхъ, повидимому, равнодушно и безъ опредѣленной цѣли, носить, кажется, такой формальный и безжизненный характеръ; въ этихъ вопросахъ выражается не здоровая умственная дѣятельность, а только общее духовное недовольство и раздражительность. Я подозреваю, что въ извѣстнаго рода дѣтскихъ вопросахъ мы, въ сущности, имѣемъ дѣло съ явно ненормальнымъ душевнымъ состояніемъ, аналогичнымъ той маніи вопросовъ, или страсти до всего допытываться и докапываться—нѣмцы называютъ ее

Grübelnsucht,— которая является при определенной формѣ психическаго разстройства и побуждаетъ больного задавать вопросы въ родѣ слѣдующихъ: „Почему я стою тамъ, гдѣ я стою?“ „Почему стекло есть стекло и стулъ есть стулъ?“ Къ такимъ вопросамъ не слѣдуетъ, очевидно, относиться слишкомъ серьезно. Быть можетъ, мы иногда придаемъ слишкомъ большое значеніе вопросу ребенка, прилагая всѣ усилія, чтобы уловить его смыслъ и отвѣтить на него, между тѣмъ какъ было бы разумнѣе видѣть въ немъ признакъ болѣзненной раздражительности, которую слѣдуетъ какъ можно скорѣе устранить шумной игрой или какимъ нибудь другимъ здоровымъ развлеченіемъ ¹⁾.

Однако, если мы признаемъ, что вопросы дѣтей иногда необходимо устранять такимъ благодѣтельнымъ способомъ, то этимъ мы нисколько не говоримъ, что къ ихъ вопросамъ слѣдуетъ всегда относиться съ мягкой презрительностью. Дѣти льстятъ намъ, приписывая намъ обширныя познанія, и простая благовоспитанность должна бы заставить насъ относиться къ ихъ вопросамъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ. И если кое-когда они донимаютъ насъ рядомъ необдуманыхъ, легкомысленныхъ вопросовъ, то сколько разъ случается имъ терпѣть, и при томъ несправедливо, что ихъ вполне серьезные вопросы грубо оставляются безъ отвѣта? Въ дѣйствительности, для того, чтобы понимать дѣтскіе вопросы и чтобы отвѣчать на нихъ, требуется значительное искусство; для того и другого необходимы обширныя и основательныя познанія и способность живо, симпатически вникать въ душу спрашивающаго ребенка. Лишь немногіе изъ насъ обладаютъ тѣми умственными и нравственными качествами, которые одни дѣлаютъ человѣка способнымъ къ правильному обращенію съ дѣтьми. Одна изъ трагикомическихъ чертъ человѣческой жизни заключается въ томъ, что маленькому изслѣдователю, съ удивленіемъ взирающему на новый для него міръ, приходится иногда находить перваго руководителя въ нянькѣ

¹⁾ Ср. *Perez, L'Education dés le Berceau*, стр. 45 и сл.

или даже въ матери, для которой большинство его вопросовъ являются только нарушеніемъ того сладкаго состоянія дѣтства, въ которомъ она предпочитаетъ проводить все свое время. Невозможно сказать, сколько драгоценной умственной дѣятельности было задержано, сколько надеждъ и сколько мужества было уничтожено такого рода обращеніемъ. Но, къ счастью, склонность къ вопросамъ не легко искоренить, и ребенокъ, подвергавшійся вначалѣ такому постоянному пренебреженію, можетъ еще оказаться достаточно счастливымъ и встрѣтить, пока въ немъ живъ еще духъ изслѣдованія, человѣка, который имѣетъ нѣкоторыя познанія и который настолько добръ и терпѣливъ, чтобы въ отвѣтъ на обращеніе ребенка дѣлиться съ нимъ своими познаніями.

IV.

Продукты дѣтской мысли.

Мысли ребенка о природѣ.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какъ работаетъ дѣтскій умъ, когда онъ сталкивается лицомъ къ лицу съ чѣмъ нибудь незнакомымъ. Теперь разсмотримъ нѣкоторые наиболѣе интересные продукты этой умственной дѣятельности, признаваемые за характерныя дѣтскія представленія. Что дѣти, размышляя о своихъ зрительныхъ и иныхъ впечатлѣнiяхъ, а также о словахъ другихъ, создаютъ себѣ собственныя представленія о природѣ, о смерти и т. д.—въ этомъ, я думаю, не можетъ быть сомнѣнiя. Какъ уже было указано выше, ихъ склонность къ этому до нѣкоторой степени обнаруживается въ ихъ вопросахъ. Теперь намъ предстоитъ изучить ее болѣе полно въ дѣтской рѣчи вообще. Представленiя, создавшiяся указаннымъ путемъ, окажутся, вѣроятно, у различныхъ дѣтей болѣе или менѣе различными, но при всемъ своемъ разнообразiи они сохраняютъ нѣкоторыя общiя черты.

Кромѣ того, въ этихъ представленiяхъ, какъ и въ представленiяхъ первобытныхъ людей, мы замѣтимъ грубую попытку къ созданiю связной системы. Но отъ этихъ представленiй не слѣдуетъ, разумѣется, ожидать слишкомъ многого. Первые мысли человѣка о природѣ и о сверхъестественномъ нисколько не походили на разработанное, логически стройное цѣлое; но въ нихъ мы можемъ замѣтить общiя формы

познаванія, общія, всюду сохраняющіяся направленія мышленія. Это же можно сказать и о мышленіи дѣтей, которое имѣетъ болѣе или менѣе самобытный характеръ. Строгое критическое изслѣдованіе, конечно, откроетъ въ немъ много большихъ пробѣловъ и неразрѣшенныхъ противорѣчій. Такъ, напримѣръ, дѣти, какъ и некультурныя племена, вначалѣ устанавливають лишь очень слабую связь между областью сверхъестественнаго и видимымъ міромъ,—да и ту лишь въ лучшемъ случаѣ. Это же мы видимъ и въ усиліяхъ, которыя отдѣльный ребенокъ, смотря по размѣрамъ своихъ умственныхъ способностей, прилагаетъ къ тому, чтобы координировать свои представленія; бѣдный, угнетенный дѣтскій умъ часто прилагаетъ всѣ старанія, чтобы привести въ нѣкоторую связь ту массу безсвязныхъ міровъ, среди которой онъ оказывается совершенно сбитымъ съ толку, частью благодаря пестротѣ своихъ личныхъ впечатлѣній, непримѣръ, впечатлѣній отъ смѣны сна и бодрствованія, частью благодаря тѣмъ случайнымъ, разнообразнымъ наставленіямъ миеологическаго, историческаго, богословскаго характера и т. д., которыми мы неблагоприятно загромождаемъ его.

Мы уже замѣтили, говоря о дѣятельности дѣтскаго воображенія, что первыя познанія ребенка, какъ и ихъ прототицъ—народныя сказанія, въ значительной степени являются продуктомъ наивной живой фантазіи. Опредѣляя взаимныя отношенія вещей и ихъ причины, ребенокъ еще не пользуется отвлеченными понятіями. Онъ не говоритъ объ „отношеніи“ вообще, но описываетъ то частное отношеніе, которое онъ желаетъ выразить, съ помощью какого-нибудь образнаго выраженія; напримѣръ, луну и звѣзду онъ сопоставляетъ, какъ мать и ея ребенка. Онъ не говоритъ объ отвлеченной силѣ, но беретъ какую нибудь конкретную форму дѣятельности, объясняя, напримѣръ, вѣтеръ тѣмъ, что гдѣ-то кто нибудь машетъ большимъ вѣеромъ. Эти первыя грубыя попытки ребенка понять міръ носятъ въ очень значительной степени миеологическій характеръ: онѣ начинаются съ со-

зданія конкретных и очень образныхъ представлений о феяхъ, о великанахъ и объ ихъ дѣлахъ.

Элементъ мысли впервые появляется тогда, когда реальное начинаетъ признаваться, какъ таковое, и когда продукты юной фантазіи примѣняются для того, чтобы понять и объяснить это реальное. И здѣсь мы видимъ, какъ эта начальная дѣтская мысль отдѣляется отъ чистой фантазіи, хотя въ ней и продолжаютъ господствовать яркіе образы. Фантазія не знаетъ никакихъ задержекъ и стремится только къ тѣмъ наслажденіямъ, которыя доставляются ей свободными движеніями, похожими на игру; мысль же, это—главнымъ образомъ, ясное представленіе о существующемъ и пониманіе его. Разница между фантазіей и мыслью будетъ вполне ясна, если мы сравнимъ духовное состояніе ребенка, когда онъ отдается своимъ мечтамъ и отъ времени до времени посмѣивается, показывая этимъ, что самъ вполне сознаетъ бессмысленность своихъ рѣчей,—съ тѣмъ состояніемъ его, когда онъ будучи въ самомъ серьезномъ настроеніи, призываетъ свою фантазію на помощь для того, чтобы объяснить себѣ какойнибудь непонятный фактъ.

Въ какомъ возрастѣ дѣятельность дѣтскаго воображенія распадается на эти двѣ формы, на игру и на мысль,—это, мнѣ кажется, не особенно легко опредѣлить. Многія дѣти принимаютъ вначалѣ все, что имъ говорятъ, за неоспоримую истину. Я подозреваю, что для большинства изъ нихъ въ возрастѣ трехъ-четырехъ лѣтъ сказочная страна, если они вообще представляютъ себѣ ее, не менѣе реальна, чѣмъ видимый міръ. Несходство ея обитателей—фей, драконовъ и т. д., съ жителями чувственного міра не смущаетъ ребенка, такъ какъ оба міра еще не сопоставляются и не связываются въ его умѣ. Лишь позднѣе, когда желаніе понимать получаетъ такую же и даже большую силу, чѣмъ склонность къ созданію блестящихъ и поражающихъ образовъ, и когда, въ силу этого, критическая мысль обращается на сказки няни и открываетъ ихъ несоотвѣтствіе съ повседневными впечатлѣніями, лишь тогда впервые проводится ясная грань между

дѣйствительнымъ и воображаемымъ, между тѣмъ, что существуетъ и можетъ быть подтверждено ощущеніями и картинами, которыя только нарисованы фантазіей.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній о томъ, какъ работаетъ мысль дѣтей, рассмотримъ, какого рода представленія они создаютъ себѣ о различныхъ предметахъ.

Уже въ дѣтскихъ представленіяхъ объ объектахъ естествознанія, какъ было замѣчено выше, сказывается вліяніе нѣкоторыхъ преобладающихъ наклонностей. Главное мѣсто среди послѣднихъ занимаетъ наклонность считать вещи, удаленныя въ пространствѣ или во времени и потому недоступныя для наблюденія, сходными съ тѣмъ, что близко и уже знакомо. Рядомъ съ этой наклонностью, или, вѣрнѣе, какъ ея отдѣльная вѣтвь, идетъ уже разсмотрѣнное нами стремленіе одухотворять природу, представлять себѣ вещи въ видѣ личностей и, такимъ образомъ, приравнивать ихъ дѣйствія къ дѣйствіямъ самого ребенка, а также объяснять происхожденіе вещей тѣмъ, что всѣ они сдѣланы кѣмъ-нибудь и предназначены для какой-нибудь цѣли. Такъ какъ въ то самое время, когда эти наклонности еще преобладаютъ, дитя уже начинаетъ, благодаря своимъ собственнымъ наблюденіямъ и наставленіямъ другихъ, вникать въ вопросъ „какъ“, т.-е. въ устройство вещей, то мы находимъ, что въ его представленіи о мірѣ удивительнымъ образомъ перемѣшаны научныя и мифологическія элементы. Такъ, мальчикъ К. пытался представить себѣ божественное сотвореніе человѣка, какъ нѣкоторый механическій процессъ, въ которомъ можно ясно различить послѣдовательныя стадіи: созданіе каменнаго, желѣзнаго и затѣмъ настоящаго человѣка. Во многихъ случаяхъ мы можемъ видѣть, какъ недостаточность механическаго объясненія дополняется какимъ-нибудь мифомъ о природѣ. Напримѣръ, громъ и другія странныя и непонятныя явленія объясняются непосредственнымъ вмѣшательствомъ какого-нибудь сверхъестественнаго дѣятельнаго начала; точно такъ же объясняютъ себѣ эти явленія дикари и даже многіе изъ такъ называе-

мыхъ образованныхъ мужчинъ и женщинъ. Богословскія представленія, внушаемыя дѣтямъ, обыкновенно переходять въ представленіе о своенравномъ и необычайно искусномъ творцѣ, который не только создалъ міровую машину, но и измѣняетъ ея ходъ всякій разъ, когда вздумаетъ. Съ этимъ представленіемъ о сверхъестественномъ дѣятелѣ обыкновенно бываетъ связано представленіе о какомъ нибудь естественномъ процессѣ, который служитъ посредствующимъ звеномъ; такъ, напримѣръ, дѣти иногда думаютъ, что громъ вызванъ шагами Бога, тяжело ступающаго по полу неба. Противорѣчія при этомъ не рѣдки, такъ какъ иногда несомнѣнно научное стремленіе понять механической процессъ смѣняется склонностью къ созданію мифовъ; такъ, дитя одинъ разъ предполагаетъ, что вѣтеръ вызванъ большимъ вѣромъ, а въ другой разъ, напримѣръ ночью, когда вѣтеръ завываетъ, оно надѣляетъ его жизнью и чувствомъ.

Я не пытаюсь здѣсь методически изложить мысли дѣтей о природѣ. Я полагаю, что необходимо собрать гораздо большій матеріалъ для того, чтобы такое изложеніе стало возможнымъ. Я же удовольствуюсь тѣмъ, что приведу немногіе образчики дѣтскихъ представленій, поскольку мои собственные изслѣдованія пролили на нихъ нѣкоторый свѣтъ.

Что касается до строенія или субстанціи вещей, то дѣти, мнѣ кажется, склонны думать, что все, доступное ихъ взору, обладаетъ силою сопротивленія, присущею твердому матеріальному веществу.

Вначалѣ, т.-е. послѣ того какъ ребенокъ накопилъ достаточный опытъ относительно видимыхъ и осязаемыхъ свойствъ вещей и когда онъ замѣтилъ, что тѣ и другія обыкновенно существуютъ вмѣстѣ, онъ полагаетъ, что все видимое въ то же время и осязаемо или вещественно. Такъ, онъ пытается схватить тѣнь, или солнечный лучъ, играющій на стѣнѣ, или нарисованную фигуру. Эта склонность принимать зрительныя впечатлѣнія за предметы проявляется иногда въ очень милыхъ формахъ; напримѣръ, маленькая дѣвочка М., когда ей былъ одинъ годъ и одиннад-

цать мѣсяцевъ, „собирала солнечный свѣтъ своими ручками и клала его себѣ на лицо“. Она же, мѣсяцемъ раньше, выражала желаніе вымыть черный дымъ. Это была та самая дѣвочка, которая пыталась укротить вѣтеръ тѣмъ, что причесывала волосы своей матери; и она доказала, что вѣрить въ вещественность вѣтра, попросивъ мать поднять ее повыше, такъ, чтобы она могла видѣть вѣтеръ. Слѣдуетъ замѣтить, что послѣдняя просьба, это—умозаключение отъ чувства прикосновенія и сопротивленія къ возможности увидѣть ¹⁾. Совершенно вѣрно было замѣчено, что вѣтеръ сохранять для всѣхъ насъ нѣкоторую субстанціальность, даже спустя много времени послѣ того, какъ тѣнь мы начинаемъ считать типическимъ образцомъ всего призрачнаго; это показываетъ, что въ основѣ нашего понятія о матеріальномъ веществѣ лежитъ вызываемое чѣмъ нибудь чувство сопротивленія. Что старшія дѣти считаютъ вѣтеръ живымъ существомъ, это, кажется, доказывается ихъ готовностью въ играхъ вступать въ борьбу съ нимъ; а что они принимаютъ вѣтеръ за конкретный предметъ даже тогда, когда они не очень мечтательно настроены, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій рассказъ, взятый нами изъ Вустерскаго сборника. Одна девятилѣтняя дѣвочка долго глядѣла въ окно и наблюдала, какъ вѣтеръ гонитъ снѣгъ въ опредѣленномъ направленіи, къ городу Мильбури; затѣмъ она сказала: „Я хотѣла бы жить тамъ, въ Мильбури“. Когда ее спросили, почему,—она отвѣтила: „Тамъ должно быть очень много вѣтра, онъ весь дуетъ туда“.

Какъ показываетъ этотъ рассказъ, дѣти особенно интересуются движеніемъ вещей. Движеніе, это—самое ясное и наиболѣе выразительное проявленіе жизни. Поэтому всякое самопроизвольное на видъ движеніе принимается дѣтьми, какъ и первобытными людьми, за признакъ жизни, за ре-

1) Ср. стихи Стивнсона о вѣтрѣ:

„Я чувствовалъ твои толчки, я слышалъ твои стопы,
Но тебя самого увидѣть я все-таки не могъ“.

A Child's Garden of Verse, XXV.

зультатъ какого нибудь импульса, сходнаго съ ихъ собственными влеченіями. Именно поэтому движеніе падающихъ листьевъ, текущей воды, летящихъ перьевъ и т. д. особенно настойчиво вызываетъ мысль о жизни. Частое олицетвореніе вѣтра поэтами показываетъ, что приписываемая ему жизненность въ значительной степени обусловлена его какъ-будто безпричинными движеніями. Когда нѣсколькимъ дѣтямъ въ младшемъ отдѣленіи одной лондонской школы предложили указать, какіе живые предметы находятся въ комнатѣ, они тотчасъ же назвали дымъ и огонь. Большіе предметы, приводимые въ движеніе внутреннимъ механизмомъ, о которомъ ребенокъ ничего не знаетъ,—особенно машины, разумѣется, надѣляются жизнью. Одна тринадцатимѣсячная дѣвочка предлагала пряникъ вагону городской желѣзной дороги, а авторъ книги *The Invisible Playmate* („Невидимый товарищъ“) рассказываетъ, что его маленькая дѣвочка хотѣла погладить „милую голову“ локомотива. Другой ребенокъ спрашивалъ, жива ли паровая машина. Подобнымъ же образомъ дикари, видя въ первый разъ движущійся пароходъ, принимаютъ его за большое животное. Страхъ собаки, которая видитъ какой нибудь необычайный предметъ, движущійся какъ-будто самъ собою, на примѣръ зонтикъ, влекомый вѣтромъ по землѣ,—такой страхъ, повидимому, заключаетъ въ себѣ зачатокъ этой же склонности истолковывать самостоятельное движеніе, какъ признакъ жизни ¹⁾).

Благодаря своей склонности приписывать жизнь движущимся предметамъ, ребенокъ можетъ не замѣтить, что движеніе вызвано какою нибудь внѣшней силой, даже если эта сила исходитъ отъ него самого. Такъ, мальчикъ К. замѣтилъ, что подушка, на которой онъ сидитъ, скользитъ подъ нимъ (въ слѣдствіе его собственнаго раскачиванія изъ стороны въ сторону), и онъ объявилъ ее живою. Сходнымъ образомъ дѣти приписываютъ жизнь движущимся игрушкамъ, какъ мы уже указывали выше. На примѣръ, сестра К—а, когда ей

---

¹⁾ См. *P. Lombroso*, указ. соч., стр. 26 и сл.

было пять лѣтъ, разъ перестала гонять свой обручъ и, обратившись къ матери, воскликнула: „Мама, этотъ обручъ, я думаю, долженъ быть живой; онъ такой умный и всегда катится туда, куда я хочу“. Другая маленькая дѣвочка двухъ съ четвертью лѣтъ, держа въ рукѣ веревочку, къ которой былъ привязанъ мячъ, вертѣла ее вначалѣ механически, а затѣмъ замѣтила движеніе мяча и сказала про себя: „Какой смѣшной мячъ!“ Хотя въ обоихъ этихъ случаяхъ движеніе было вызвано непосредственно самимъ ребенкомъ, однако несомнѣнно, что онъ въ первомъ случаѣ, а, повидимому, также и во второмъ приписывалось движущемуся предмету.

Звуки, издаваемые какъ будто самопроизвольно, обыкновенно служатъ, наряду съ движеніемъ, поводомъ для того, чтобы приписать жизнь бездушнымъ предметамъ. Развѣ движеніе и звукъ голоса не являются главными средствами для выраженія влеченій самого ребенка? Когда дѣвочкѣ М. было ровно два года, ея мать разъ попросила у нея поцѣлуй и получила милый отвѣтъ: „Поцѣлуй ушли“. Разумѣется, возможно, что это былъ только дѣтскій оборотъ рѣчи, но тотъ фактъ, что эта же дѣвочка желала видѣть „стукъ“, показываетъ, что она была склонна приписывать звукамъ реальность и жизнь. Шумъ вѣтра очень способствуетъ вѣрѣ въ его жизненность. Одинъ маленькій мальчикъ увѣрялъ своего учителя, что вѣтеръ—живой, такъ какъ онъ ночью слышалъ его свистъ. Если огню приписывается жизнь, то этому, вѣроятно, способствуетъ его шипѣнье и трескъ. Склонность надѣлять сознательной жизнью паровозъ, такъ мало похожій на органическое существо, вѣроятно, поддерживается тѣмъ, что ребенокъ знаетъ, какъ онъ пытитъ и свиститъ. Когда Пьеръ Лоти въ дѣтствѣ впервые увидѣлъ море, онъ принялъ его за живое чудовище, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе его движенія и шума. О значеніи звука, похожаго на человѣчскій голосъ, ясно свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что эхо олицетворяется какъ ребенкомъ, такъ и некультурнымъ человѣкомъ; замѣчательный примѣръ такого олицетворенія мы находимъ въ воспоминаніяхъ Жоржъ Зандъ.

Съ этимъ стремленіемъ приписывать жизнь тѣмъ предметамъ, которые для взрослыхъ являются бездушными, тѣсно связана склонность представлять себѣ, что эти предметы растутъ. Объ этомъ свидѣтельствуесть замѣчаніе мальчика К., что его палка современемъ станетъ больше. Съ другой стороны, въ Вустерскомъ сборникѣ мы находимъ замѣчательный рассказъ объ одномъ трехлѣтнемъ мальчикѣ-американцѣ, который взобрался на высокую телѣгу и на вопросъ: „Какъ ты слѣзешь отсюда?“ отвѣтилъ: „Я могу остаться, пока она станетъ маленькой, и тогда я самъ слѣзу“. Какъ мы скоро увидимъ, дѣти иногда считаютъ, что люди, дѣлаясь старыми, становятся меньше. Такимъ образомъ, мы въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ видимъ, кажется, распространеніе на всѣ вещи того представленія, которое первоначально создалось благодаря наблюденіямъ надъ человѣческой жизнью.

Представленія дѣтей о природѣ носятъ антропоморфическій характеръ не только потому, что отражаютъ жизнь самихъ дѣтей, но и потому, что онѣ составлены по аналогіи съ результатами человѣческихъ дѣйствій. Совсѣмъ маленькія дѣти часто распространяютъ представленія о сломанномъ и починенномъ на всѣ вещи вообще. О всякомъ предметѣ, который сталъ меньше на видъ, лишившись какой нибудь своей части, они говорятъ, что онъ „сломанъ“. Одинъ трехлѣтній мальчикъ увидѣлъ луну, часть которой была закрыта облакомъ, и замѣтилъ: „Луна сломана“. Другой маленькій мальчикъ называлъ всѣ цѣлыя вещи починенными. Слѣдуетъ однако, замѣтить, что изъ такого, построеннаго на аналогіи, словоупотребленія мы не можемъ съ увѣренностью заключать, будто дѣти ясно представляютъ себѣ всѣ вещи, какъ подвергающіяся поломкѣ и починкѣ; въ словарѣ ребенка эти выраженія означаютъ скорѣе видимые результаты, нежели тѣ процессы, которыми эти результаты создаются.

Что ребенокъ размышляетъ объ особенностяхъ своей собственной жизни, это становится болѣе очевиднымъ тогда, когда онъ начинаетъ обдумывать механическіе процессы, потому что ихъ онъ неизмѣнно представляетъ себѣ по аналогіи съ

собственными дѣйствіями. Мы уже рассмотрѣли эту склонность, когда занимались вопросами дѣтей, но она еще яснѣе обнаруживается въ нѣкоторыхъ изъ ихъ представленій. Самые любопытные примѣры этого рода я встрѣтилъ среди раннихъ теоретическихъ разсужденій о причинѣ вѣтра. Одинъ ребенокъ, спрошенный Г. Кратцомъ, заявилъ, что назначеніе дерева — вызвать вѣтеръ. Одинъ изъ моихъ учениковъ ясно помнитъ, что въ дѣтствѣ онъ объяснялъ себѣ ночной вѣтеръ раскачиваніемъ двухъ большихъ вязовъ, которые стояли передъ домомъ, неподалеку отъ оконъ его спальни. Такое перемѣщеніе дѣйствительной причины и слѣдствія покажется бессмысленнымъ, если мы не примемъ во вниманіе, что ребенокъ неизбѣжно смотритъ на движеніе сквозь призму своихъ собственныхъ дѣйствій. Онъ приводитъ въ движеніе разные предметы, напримѣръ воду, двигая своими членами; мы вызываемъ движеніе воздуха, размахивая вѣеромъ; поэтому ребенку кажется вполне естественнымъ, что движеніе вѣтра должно быть вызвано давленіемъ какого нибудь движущагося предмета, а въ деревѣ онъ дѣйствительно видитъ движущійся предметъ.

До сихъ поръ я разсматривалъ, главнымъ образомъ, представленія дѣтей о близкихъ и доступныхъ предметахъ. По этому же образцу, какъ уже было замѣчено, обыкновенно бываютъ составлены и представленія о томъ, что удалено и недостижимо. Однако здѣсь познанія дѣтей въ значительной степени зависятъ отъ свѣдѣній, сообщенныхъ другими, и здѣсь дѣтскій умъ долженъ поэтому сдерживать свои наивные порывы, какъ умѣть, въ границахъ не вполне понятныхъ словъ.

Едва ли надо сказать читателю, что представленія дѣтей о разстояніи по необходимости бываютъ очень несовершенны до перваго большого путешествія. Дѣти склонны помѣщать, какъ можно ближе, всѣ отдаленные предметы, которые они видятъ, напримѣръ солнце, луну, звѣзды и тѣ мѣста на земномъ шарѣ, о которыхъ они слышатъ. Эта склонность приближать предметы обнаруживается, напримѣръ, въ томъ, что ребенокъ

протянутой рукой пытается достать луну; она выражается далѣе въ стремленіи помѣщать небо и небесныя тѣла непосредственно за самымъ отдаленнымъ видимымъ земнымъ предметомъ; ребенокъ думаетъ, напримѣръ, что небесныя тѣла находятся какъ-разъ надъ вершиной колокольни, или что ихъ можно достигнуть, связавъ вмѣстѣ нѣсколько лѣстницъ, что заходящее солнце проходитъ близко позади цѣпи холмовъ и т. д. Такъ какъ звѣзды гораздо меньше на видъ, чѣмъ солнце и луна, то дѣти, кажется, считаютъ ихъ болѣе удаленными. Точно такъ же, слыша о какой нибудь далекой мѣстности, напримѣръ объ Индіи, ребенокъ помѣщаетъ ее непосредственно за самымъ отдаленнымъ пунктомъ, который ему извѣстенъ, напримѣръ за какимъ нибудь предметомъ города, куда онъ разъ совершилъ долгое, долгое путешествіе. Всякій, кто посѣтилъ спустя много лѣтъ тѣ мѣста, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, знаетъ, какъ различны у взрослога и у ребенка единицы для измѣренія величины и разстоянія. Для маленькихъ ножекъ, при помощи которыхъ пока производились лишь незначительныя перемѣщенія, верста является чѣмъ-то огромнымъ; кромѣ того, не сложившійся еще мозгъ не въ состояніи удовлетворительно складывать единицы мѣры, чтобъ представлять себѣ сотни и тысячи верстъ.

Дитя, повидимому, представляетъ себѣ землю, какъ плоскій кругъ, а небо, какъ опрокинутую надъ нимъ чашку. Сестра К-а, глядя на небо, обыкновенно воображала, что находится внутри голубого шара. Иными словами, ребенокъ считаетъ небо тѣмъ, чѣмъ оно ему кажется. Сходнымъ образомъ К. принимала солнце за большой дискъ, который можно положить на шарообразную землю, чтобы сдѣлать изъ него „качалку“. Когда старшіе вносятъ поправку въ эту „реалистическую философію природы“, дѣти начинаютъ на свой ладъ передѣлывать ихъ слова, придавая имъ удобопонятную форму. Такъ, они начинаютъ размышлять о другой сторонѣ земного шара, при чемъ, какъ напоминаетъ Бэрри, обыкновенно воображаютъ, что могутъ познакомиться съ нею, глядя въ колодезь. Когда религіозныя наставленія вводятъ ихъ въ новую

небесную область, они обыкновенно помѣщаютъ ее непосредственно надъ небеснымъ сводомъ, который, по ихъ мнѣнію, образуетъ ея полъ. Настоящую работу мысли обнаруживаютъ ихъ усилія связать въ одно стройное цѣлое тѣ различныя свѣдѣнія о небесной области, которыя они получаютъ посредствомъ собственныхъ наблюдений и изъ наставлений другихъ. Такъ, небо они обыкновенно представляютъ себѣ *тонкимъ*, и это представленіе, вѣроятно, создается для того, чтобы объяснить просвѣчиваніе луны и звѣздъ. Звѣзды, какъ извѣстно, обыкновенно принимаются ребенкомъ за дырочки въ небѣ, черезъ которыя свѣтъ проходитъ съ той стороны. Одинъ ребенокъ остроумно воспользовался этимъ представленіемъ о томъ, что небо тонко, чтобы объяснить видъ луны, когда одна сторона ея освѣщена ярко, а другая слабо; онъ предположилъ, что луна еще только на-половину прошла сквозь не совсѣмъ прозрачный небесный полъ. Другія дѣти объясняли уменьшеніе луны тѣмъ, что часть ея застряла или зацѣпилась въ небѣ.

Движеніе солнца и другихъ небесныхъ тѣлъ точно такъ же объясняется при помощи представлений о движеніи знакомыхъ земныхъ предметовъ. Такъ, бостонскія дѣти, держась полу-миѳологическаго, полу-механическаго объясненія, считали, что солнце катится, что оно летаетъ, что на него дуютъ (какъ на мыльный пузырь или баллонъ?) и т. д. При этомъ сюда можетъ вкратѣ антропоцентрическая форма объясненія, въ основѣ которой все еще лежитъ понятіе цѣли; мы видимъ ее, на примѣръ, въ прелестныхъ словахъ одного изъ бостонскихъ дѣтей, что полная луна приходитъ тогда, когда люди забыли зажечь лампы. Далѣе, въ эту область объясненій входятъ и богословскія представленія, на примѣръ, когда исчезновеніе солнца приписывается тому, что Богъ потащилъ его вверхъ, туда, гдѣ мы не можемъ его видѣть, или что Богъ взялъ его на небо и уложилъ его въ постельку и т. д. Эти представленія не соответствуютъ, разумѣется, представленіямъ деревенскаго ребенка, который имѣетъ болѣе широкій кругозоръ. Такой ребенокъ обнаруживаетъ больше зна-

комства съ природой, говоря, на примѣръ, что солнце послѣ захода лежитъ подъ деревьями, гдѣ ангелы охраняютъ его.

Громъ и молнія — явленія, которыя производятъ такое сильное впечатлѣніе — даютъ ребенку, какъ и первобытному человѣку, поводъ къ созданію нѣкоторыхъ прелестныхъ мифовъ. Мы уже замѣтили, что американскія дѣти умѣютъ объяснять эти сверхъестественныя явленія различными механическими процессами; они говорятъ, что громъ вызывается стопами Бога, или Его тяжелыми шагами по полу неба (ср. древнее скандинавское сказаніе, будто громъ вызывается катящеюся колесницею Тора), или стукомъ Его молотка, или тѣмъ, что Онъ ссыпаетъ уголь. Эти представленія показываютъ, какъ наивно дѣтскій умъ очеловѣчиваетъ божество, дѣлая изъ него почтеннаго горожанина, владѣющаго домомъ съ погребомъ для угля. Подобнымъ же образомъ молнія приписывается тому, что Богъ быстро зажигаетъ газъ или сразу зажигаетъ множество спичекъ, или пользуется какимъ нибудь другимъ знакомымъ человѣческимъ приемомъ, чтобы вдругъ получить яркій свѣтъ. Точно такъ же Богъ пускаетъ дождь изъ крана, или изъ колодца при помощи рукава, или, лучше, пропускаетъ его сквозь сито или сквозь ковшъ съ дырочками ¹⁾. Подобнымъ же образомъ одна дѣвочка пяти съ половиной лѣтъ, чтобы объяснить сильный вѣтеръ, говорила, что сегодня, въ день своего рожденія, Богъ получилъ въ подарокъ трубу.

Въ объясненіяхъ этихъ таинственныхъ явленій мы всюду находимъ доказательства склонности ребенка къ антропоцентрическимъ взглядамъ, по которымъ все, что совершается въ мірѣ, направлено на насъ, бѣдныхъ смертныхъ. Маленькая дѣвочка, о которой говоритъ В. Кантонъ, думала, что „вѣтеръ, и дождь, и луна приходятъ во время своей прогулки, чтобы посмотреть *на нее*, и цвѣты просыпаются съ этимъ же похвальнымъ намѣреніемъ“ ²⁾. Испуганный громомъ,

¹⁾ См. уже указанную нами статью *The Contents of Children's Mind.*

²⁾ *The Invisible Playmate*, стр. 27, 28.

ребенокъ думаетъ, что все совершается только для того, чтобы мучить его. Одинъ изъ самыхъ забавныхъ примѣровъ приложенія этой идеи я встрѣтилъ въ Вустерскомъ сборникѣ. Двое дѣтей, Д. и К., изъ которыхъ одному десять, а другому пять лѣтъ, живутъ въ маленькомъ американскомъ городѣ. Д., прочитавшій что-то о землетрясеніи, обращается къ своей матери со словами: „Ахъ, какъ это страшно, мама! Какъ ты думаешь, будетъ у насъ когда-нибудь землетрясеніе?“ Тутъ К., со свойственной маленькимъ дѣтямъ склонностью поправлять старшихъ, вмѣшивается въ разговоръ и отвѣчаетъ: „О, нѣтъ, Д., въ такихъ маленькихъ городахъ не устраиваютъ землетрясеній“. Въ этомъ прелестномъ дѣтскомъ замѣчаніи есть много непонятнаго. Мнѣ кажется, что маленькій, пятилѣтній мальчикъ смотритъ на землетрясеніе, какъ на какое-то представленіе, при чемъ Богъ, вѣроятно, является странствующимъ артистомъ, который согласенъ показывать свои страшные фокусы только тамъ, гдѣ есть достаточно публики.

Наконецъ, эта же склонность понять новое и странное путемъ уподобленія его тому, что уже знакомо, обнаруживается, насколько я могу судить, и въ первыхъ представленіяхъ ребенка о тѣхъ непонятныхъ подобіяхъ видимыхъ предметовъ, которыя вызываются субъективными ощущеніями. Яркія видѣнія или „зрительные слѣды“, вызванные смотрѣніемъ на солнце, инстинктивно объективируются ребенкомъ, т.-е. разсматриваются, какъ предметы, находящіеся внѣ организма. Приведемъ болѣе или менѣе полный рассказъ о мысляхъ ребенка относительно этихъ субъективныхъ оптическихъ явленій. Одинъ пятилѣтній мальчикъ (это былъ нашъ маленькій зоологъ), будучи не совсѣмъ здоровъ, „все время воображалъ, что видитъ ангеловъ, и утверждалъ, что они вовсе не бѣлы, что это—ошибка; по его словамъ, они были маленькими разноцвѣтными существами, свѣтлыми и хорошенькими, которыя входили въ корзину съ его игрушками и забавлялись ими“. Здѣсь мы видимъ не одно только объективированіе, но и созданіе мифа. Годъ спустя эти видѣнія

возобновились у ребенка. „Онъ стоялъ у окна въ Б., задумчиво глядѣлъ въ морской туманъ и вдругъ сказалъ: „Помнишь, мама, я говорилъ тебѣ, что видѣлъ ангеловъ? Теперь я знаю, что это были не ангелы, хотя я тогда такъ думалъ. Я ихъ часто видѣлъ въ послѣднее время и вижу ихъ теперь; это яркія звѣзды, маленькія, яркія, движущіяся звѣзды. Я вижу ихъ въ туманѣ передъ этимъ деревомъ. Я вижу ихъ чаще всего въ туманные дни... Можетъ быть, я скоро начну думать, что это что-то въ моихъ собственныхъ глазахъ“. Здѣсь мы видимъ продолжительную и тщательную попытку дѣтскаго ума вложить какой-нибудь смыслъ въ тѣ „летающія пятна“, которыя знакомы многимъ изъ насъ, хотя мы почти ни на мгновеніе не останавливаемъ на нихъ своего вниманія.

Что думаютъ дѣти вначалѣ о своихъ сновидѣніяхъ? По этому вопросу мнѣ удалось собрать лишь немного данныхъ. Несомнѣннымъ кажется только то, что безхитроственному дѣтскому уму воспроизводимыя во снѣ обыкновенныя чувственные воспріятія кажутся настоящими вещами, существующими въ дѣйствительномъ мірѣ. Эта черта дѣтской мысли прежде всего обнаруживается въ предположеніи, что сонное видѣніе въ дѣйствительности находится въ спальной комнатѣ. Одинъ пятилѣтній мальчикъ, ученикъ лондонской начальной школы, какъ-то сказалъ своему учителю: „Учитель, я разъ видѣлъ ночью старую женщину около моей постели“. Маленькая дѣвочка изъ той же школы рассказала своей матери, что видѣла ночью похороны, и на вопросъ: „гдѣ?“ мило отвѣтила: Я видѣла ихъ на моей подушкѣ“. Одинъ знакомый мнѣ маленькій мальчикъ разъ попросилъ свою мать не укладывать его на ночь въ извѣстной комнатѣ, „потому что въ этой комнатѣ такъ много сновъ“. Когда ребенокъ, такимъ образомъ, овеществляетъ сновидѣніе и помѣщаетъ его въ дѣйствительномъ мірѣ, тогда въ немъ только отражается раннее мышленіе расы, которое исходитъ изъ того предположенія, что чело-вѣкъ или животное, являющееся въ сновидѣніи, есть нѣчто вещественно-реальное, что въ дѣйствительности приближается къ спящему.

Изъ изслѣдованій Тайлора мы знаемъ, что первобытный человѣкъ объясняетъ сновидѣнія теоріей душъ или „двойниковъ“ (анимизмъ). Дѣти не часто оказываются такими тонкими мыслителями. Они обыкновенно переходятъ отъ первой ступени, на которой все воспринимаемое посредствомъ ощущеній принимается за предметъ, къ отождествленію міра снова съ другимъ невидимымъ міромъ—сказочнымъ міромъ фей. Почти не можетъ быть сомнѣнія, что надѣленный воображеніемъ ребенокъ твердо вѣритъ въ существованіе этого невидимаго міра и отдѣляетъ его отъ видимаго, хотя иногда и отводитъ ему опредѣленное мѣсто въ послѣднемъ (такъ, К. помѣщала духовъ въ стѣнѣ спальни). Чтобы войти въ этотъ міръ, такой ребенокъ отстраняетъ отъ себя дѣйствительность, напримѣръ, тѣмъ, что плотно закрываетъ глаза и „думаетъ“. Для такого ребенка сновидѣнія находятся въ невидимомъ мірѣ. Лечь спать—вотъ въ чемъ онъ видитъ самый вѣрный путь къ этой области. Измѣнчивую окраску его сновидѣній—то свѣтлыхъ и ослѣпляющихъ своей красотой, то мрачныхъ и страшныхъ—можно объяснить, сопоставивъ ее съ раздѣленіемъ обитателей сказочнаго міра на принцевъ, добрыхъ фей и т. д. съ одной стороны, и на злыхъ великановъ, вѣдьмъ и т. д. съ другой.

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ характернымъ представленіямъ дѣтей о живыхъ существахъ, въ особенности о людяхъ и обыкновенныхъ домашнихъ животныхъ. Наиболее интересными мнѣ кажутся здѣсь представленія о ростѣ и рожденіи.

Я уже упоминалъ, что ростъ, это—одна изъ самыхъ завлекательныхъ загадокъ для ребенка. Руководствуясь, безъ сомнѣнія, словами другихъ, дитя замѣчаетъ, что предметы вообще становятся больше благодаря тому, что къ нимъ прибавляется что-нибудь извнѣ; и я думаю, что первоначальное представленіе о ростѣ есть именно представленіе о такомъ прибавленіи. Такъ, растенія растутъ, т.-е. увеличиваются, благодаря дождю. Дѣти легко доходятъ до той мысли, что ростъ или увеличеніе животныхъ происходитъ отъ ѣды,

и пріемъ, къ которому, какъ извѣстно, прибѣгаютъ родители и няни для того, чтобы заставить ребенка съѣсть не особенно привлекательную пищу, состоитъ въ увѣреніи, что отъ нея онъ станетъ больше. Мысль, что мы растемъ благодаря солнцу, — ее часто внушаютъ родители, которые могутъ и сами не знать, что ростъ лѣтомъ происходитъ быстрѣе, нежели зимой,—эта мысль, вѣроятно, истолковывается посредствомъ аналогіи съ процессомъ вливанія какого-нибудь вещества въ тѣло.

Производя свои изслѣдованія въ этой области дѣтской мысли, я совершенно неожиданно наткнулся на странное представленіе, будто къ концу жизни происходитъ обратный процессъ—процессъ уменьшенія. Согласно этому представленію, старые люди снова становятся меньше. Первый примѣръ этого рода я нашелъ въ Вустерскомъ сборникѣ. Одна маленькая дѣвочка трехъ лѣтъ какъ-то сказала своей матери: „Когда я буду большой дѣвочкой, а ты будешь маленькой дѣвочкой, тогда я буду бить тебя такъ, какъ ты бьешь меня теперь“. Вначалѣ можно, пожалуй, подумать, что ребенокъ слышалъ занимательный рассказъ Энстеса „Vice Versa“. Но это предположеніе кажется слишкомъ невѣроятнымъ; и впоследствии я нашелъ, что далеко не одна эта дѣвочка имѣетъ подобное представленіе. Одинъ знакомый мнѣ мальчикъ, когда ему было около трехъ съ половиной лѣтъ, часто говорилъ своей матери вполне серьезно: „Когда я буду большимъ, а ты будешь маленькой, тогда я буду носить тебя, одѣвать и укладывать спать“.

Случайно упомянувъ объ этомъ фактѣ на одномъ собраніи матерей и учителей, я тотчасъ же получилъ новыя доказательства этой наклонности дѣтскаго мышленія. Одна моя знакомая совершенно ясно помнила, что въ дѣтствѣ тетка общала ей нѣкоторыя драгоценности, вѣроятно украшенія, которыя она должна была получить, когда подрастетъ, и что сама она тотчасъ же общала отдать въ обмѣнъ на нихъ всѣ свои куклы, такъ какъ къ тому времени тетка, по ея мнѣнію, будетъ маленькой дѣвочкой. Другой подобный слу-

чай касался маленькой дѣвочки трехъ съ половиной лѣтъ; когда ея старшій братъ и сестра говорили съ ней о томъ, какъ она станетъ большой, она отвѣчала: „Что вы будете дѣлать, когда сдѣлаетесь маленькими?“ Третій случай относился къ ребенку, который спрашивалъ объ одной знакомой старой дамѣ: „Когда она начнетъ становиться маленькой?“ Другіе подобныя примѣры были сообщены мнѣ впоследствии нѣкоторыми родителями и учителями младшихъ классовъ. Такъ, одна дама пишетъ, что ея четырехлѣтняя кузина, которой она читала что-то объ одной старой женщинѣ, спросила: „Когда люди становятся совсѣмъ старыми, они дѣлаются опять маленькими дѣтьми?“

Что означаетъ эта странная мысль объ уменьшеніи въ старости? Какое причудливое, капризное движеніе дѣтскаго ума привело его къ ней? Я не нахожу подобной мысли въ раннихъ народныхъ сказаніяхъ, и это заставляетъ думать, что дѣти доходятъ до нея, по крайней мѣрѣ отчасти, подъ вліяніемъ словъ старшихъ. Ребенокъ замѣчаетъ, конечно, что старые люди становятся скорбленными и маленькими, а нарисованныя въ сборникахъ сказокъ маленькія старыя женщины еще усиливаютъ его склонность представлять себѣ старыхъ людей уменьшающимися. Но я не могу повѣрить, чтобы одного этого было достаточно для возникновенія подобнаго представленія у столькихъ дѣтей.

Въ словахъ, которыя дѣти слышатъ отъ насъ, несомнѣнно есть много такого, что способно вызвать въ ихъ умахъ представленіе объ уменьшеніи старыхъ людей до размѣровъ ребенка. Многіе дѣти навѣрное слышали когда-нибудь, какъ старшіе говорятъ, что старые слабые люди впадаютъ въ дѣтство; слѣдуетъ замѣтить, что даже слово „глухой“, сказанное относительно стараго человѣка, можетъ навести ребенка на мысль о возвратѣ къ дѣтству; ибо настоящее безхитрое дитя ни во что такъ не вѣритъ, какъ во всезнаніе взрослыхъ, которое оно противопоставляетъ своему собственному невѣдѣнію. Вѣра мальчика К. въ сверхъесте-

ственные математическія способности Голаваа можетъ служить примѣромъ того соотношенія, которое въ дѣтскомъ умѣ существуетъ между ростомъ и умственными способностями ¹⁾).

Мнѣ кажется, однако, что есть и еще одинъ источникъ, изъ котораго вытекаетъ этотъ характерный продуктъ дѣтской мысли и который въ еще большей степени обусловленъ способностью дѣтей философствовать. Мы уже видѣли, что дитя не въ состояніи понять абсолютнаго начала вещей, и мы увидимъ скоро, что оно, равнымъ образомъ, не можетъ повѣрить и въ абсолютный конецъ. Оно знаетъ, что мы начинаемъ свою земную жизнь въ качествѣ младенцевъ. Но младенцы должны происходить изъ чего-нибудь, и мы, когда умираемъ, должны перейти во что-нибудь. Что же можетъ быть естественнѣе, чѣмъ представленіе о ритмической смѣнѣ періодовъ существованія, въ которой младенцы становятся взрослыми, а взрослые снова дѣлаются младенцами, и такимъ образомъ поддерживается существованіе человѣческаго рода? Развѣ это объясненіе кажется слишкомъ натянутымъ? Оно покажется мнѣ натянутымъ, если мы вспомнимъ, что сами внушаемъ этимъ маленькимъ неутомимымъ умамъ, будто люди въ видѣ младенцевъ приносятся на землю ангелами на рукахъ и послѣ своей смерти уносятся обратно также на рукахъ ангеловъ. А такъ какъ величина ангеловъ неизмѣнна—объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ изображенія,—то отсюда слѣдуетъ, что старые люди, по крайней мѣрѣ послѣ смерти, должны уменьшаться до размѣровъ ребенка; и дитя, не признающее въ своей философіи никакихъ чудесъ или внезапныхъ переменъ, естественно предполагаетъ, что это уменьшеніе про-

---

¹⁾ Слѣдующій рассказъ Перезъ показываетъ, что этимъ еще не дано достаточное объясненіе. Его племянникъ, которому было нѣсколько больше четырехъ лѣтъ, равъ сказалъ ему, встрѣтивъ маленькаго старичка: „Когда я буду маленькимъ старымъ человѣкомъ, тогда ты будешь молодымъ?“ (*Perez. L'enfant de trois à sept ans*, стр. 219).

исходить постепенно, на манеръ увяданія цвѣтовъ или чего-нибудь въ этомъ родѣ ¹⁾).

Я склоненъ поэтому думать, что мысль объ уменьшеніи старыхъ людей является однимъ изъ самыхъ интересныхъ и убѣдительныхъ примѣровъ дѣтскаго философствованія и доказательствомъ склонности дѣтей размышлять о видѣнномъ и слышанномъ для того, чтобы привести весь этотъ матеріаль въ нѣкоторый порядокъ. Но въ этой области необходимы еще дальнѣйшія наблюденія. Приходить ли эта мысль въ голову только вдумчивымъ, умнымъ отъ природы дѣтямъ? Нельзя ли получить объясненіе отъ самого ребенка, прежде чѣмъ онъ, выростая, совершенно позабудетъ о ней? ²⁾).

Происхожденіе младенцевъ и молодыхъ животныхъ даетъ, какъ мы видѣли, дѣтямъ много пищи для размышленій. Здѣсь маленькому мыслителю рѣдко удается создать собственную теорію. Его щекотливые вопросы постоянно приходится отклонять, и приемы, къ которымъ прибѣгаютъ для этого няня и мать, безконечно разнообразны и по истинѣ изумительны. Всякая выдумка считается достаточно хорошей для этой цѣли. Обыкновенно здѣсь ссылаются, какъ мы замѣтили выше, на божественную причину и говорятъ ребенку, что младенцы посланы съ неба и принесены ангелами на рукахъ. Сказки съ ихъ причудливыми вымыслами—напримѣръ, „мальчикъ съ пальчикъ“, вырастающій у Андерсена изъ цвѣтка, — даютъ готовые мысли, и такимъ образомъ о младенцахъ возникаетъ множество дѣтскихъ пред-

---

1) Быть можетъ, наша манера, шутя, называть дѣтей стариками и старушками, также поддерживаетъ въ нихъ мысль будто они — старые люди, снова сдѣлавшіеся маленькими.

2) Эггеръ приводитъ замѣчаніе одной маленькой дѣвочки: „Я буду носить Эмиля (ея старшій братъ), когда онъ станетъ маленькимъ“. Эггеръ полагаетъ, что это замѣчаніе, можетъ быть объясняется только смѣшеніемъ сослагательнаго наклоненія съ будущимъ временемъ. Но съ самой мыслью объ уменьшеніи старыхъ людей нельзя раздѣлаться такъ просто (см. *Пэре*. Первые три года жизни ребенка, русскій пер., С.-Петербургъ, 1879).

ставлений, изъ которыхъ можно видѣть, что главныя мысли въ этой области доставляются другими, хотя изрѣдка намъ удается уловить и отблески мысли самого ребенка. Такъ, по словамъ Стэнли Голля, бостонскія дѣти говорятъ, что Богъ дѣлаеть младенцевъ на небѣ и спускаеть ихъ внизъ женщинамъ и врачамъ, которые должны ихъ ловить, или что Онъ приноситъ ихъ внизъ по деревянной лѣстницѣ, которую затѣмъ снова втаскиваетъ наверхъ, или что мама, няня или докторъ идутъ наверхъ и приносятъ младенцевъ въ шарахъ, наполненныхъ воздухомъ. Нѣкоторые дѣти говорятъ, что младенцы растутъ въ капустѣ или что Богъ кладеть ихъ въ воду, можетъ быть, въ водосточную трубу: здѣсь докторъ находитъ ихъ и отдаеть больнымъ людямъ, которые желаютъ имѣть младенцевъ. Это—прелестныя образчики дѣтской фантази, въ которыхъ видно примѣненіе сказокъ и библейскихъ сказаній, на примѣръ сказанія о лѣстницѣ Іакова и легенды о Моисеѣ, помѣщенномъ въ тростникѣ, при чемъ послѣднюю гений ребенка мастерски дополнилъ новой чертою—темной, таинственной, полной чудесъ водосточной трубой. Несмотря на всѣ традиціонныя представленія, которыя обыкновенно внушаются другими объ этомъ предметѣ, мы находимъ, что ребенокъ иногда самостоятельно продумываетъ его во всемъ его объемѣ. Мальчикъ К. совсѣмъ не единственный извѣстный мнѣ ребенокъ, который считаетъ, что дѣти покупаются въ лавкѣ. Мнѣ передавали, что другой маленькій мальчикъ разъ по-дѣтски нескладно спросилъ у своей матери: „Мама, откуда Томми (его собственное имя) пришелъ?“, а затѣмъ, избавляя ее отъ необходимости отвѣтить на его вопросъ, такъ же по-дѣтски самъ замѣтилъ къ полному своему удовлетворенію: „Мама купила Томми въ лавкѣ“. Другой ребенокъ, увидѣвъ въ москательной лавкѣ объявленіе „Семейства снабжаются всѣмъ необходимымъ“, попросилъ свою мать купить ему младенца. Это, повидимому, подлинная дѣтская мысль. Для воображенія ребенка лавка является истинной страной чудесъ и драгоценностей, и дѣтскому уму кажется поэтому вполне понятнымъ, что младенцевъ можно

достать въ ней точно такъ же, какъ куклы и разныя другія сокровища.

Эти представленія, частью сообщенныя другими, частью созданныя собственными силами, переносятся затѣмъ и на происхожденіе животныхъ. Такъ, одинъ маленькій мальчикъ предполагалъ, какъ мы видѣли, что Богъ помогаетъ кошкѣ получать „маленькихъ котеночковъ“, потому что она не имѣетъ котятъ въ яйцахъ, которыя были бы даны ей для высиживанія.

Психологическія представленія.

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ характернымъ представленіямъ дѣтей о вѣчной загадкѣ—о собственномъ „я“. Какъ показалъ нашъ анализъ мыслей ребенка о происхожденіи, ростѣ и заключительномъ уменьшеніи живыхъ существъ, значительная часть его наиболѣе серьезныхъ размышленій посвящена вопросамъ, касающимся его самого.

Время пробужденія первой мысли о себѣ, первыхъ слабыхъ проблесковъ самосознанія, вѣроятно, значительно разнится у различныхъ дѣтей въ зависимости отъ быстроты ихъ умственного развитія и отъ окружающихъ условій. Можно предположить, что развитіе той маленькой дѣвочки, которой было суждено впоследствии сдѣлаться извѣстной подъ именемъ Жоржъ Зандъ, было исключительнымъ; и тотъ случай въ ея дѣтствѣ, который, по ея словамъ, впервые пробудилъ въ ней самосознаніе, былъ, конечно, также исключительнымъ¹⁾. Вѣроятно, существуетъ много здоровыхъ и глухихъ дѣтей, которыя незнакомы съ тяжелыми сторонами жизни, которымъ въ общемъ позволяютъ дѣлать все, что вздумается, и у которыхъ самосознаніе развито лишь немногимъ болѣе, чѣмъ у молодого откормленнаго поросенка.

---

1) На третьемъ году она до крови расшибла голову объ уголь камня и этотъ ударъ, по ея словамъ, „пробудилъ въ ея душѣ чувство жизни“.

Прим. перев.

Самое раннее представлѣніе о своемъ „я“ ребенокъ получаетъ, повидимому, изслѣдуя собственное тѣло при помощи зрѣнія и осязанія. За однимъ ребенкомъ наблюдали, какъ онъ на четвертомъ и пятомъ мѣсяцѣ внимательно изучалъ свои пальцы, и такое изученіе продолжается въ теченіе второго года, иногда даже въ началѣ третьяго ¹⁾. Дѣти, повидимому, очень рано замѣчаютъ, что отъ прикосновенія рукой къ какой нибудь части своего тѣла они получаютъ иное ощущеніе, чѣмъ тогда, когда онѣ схватываютъ посторонній предметъ. Хватая, ударяя, кусая самихъ себя, а также подвергаясь различнымъ, часто въ высшей степени неприятнымъ, дѣйствіямъ, которыя няня или другія лица производятъ на поверхности ихъ тѣла, они, вѣроятно, въ теченіе перваго года доходятъ до той мысли, что ихъ тѣло есть нѣчто отличное отъ всѣхъ остальныхъ предметовъ, что оно есть „я“, т.-е. живое вмѣстилище боли и удовольствія. Благодаря возрастающей способности двигать членами, особенно когда наступаетъ время ползанія, тѣло получаетъ очень важное значеніе въ качествѣ того, чѣмъ можно двигать и движеніями чего можно вызвать интересныя и поразительныя перемѣны въ окружающемъ, напримѣръ, стучать или производить другого рода шумъ.

Первое представлѣніе ребенка о своемъ тѣлесномъ „я“ вѣроятно, не отличается отчетливостью. Само собою разумѣется, что голова и лицо, въ качествѣ *видимыхъ* предметовъ, вначалѣ неизвѣстны. Верхнія конечности привлекаютъ особенное вниманіе глазъ своими движеніями въ полѣ зрѣнія. Какъ извѣстно, дѣти очень рано начинаютъ разсматривать свои руки. Нижнія же конечности подвергаются затѣмъ изслѣдованію и испытанію при помощи рукъ.

Есть, однако нѣкоторыя основанія полагать, что, несмотря на эти преимущества, члены тѣла являются менѣе существенной составной частью тѣлеснаго „я“, чѣмъ самое тудо-

---

¹⁾ Факты см. у Preyer, Die Seele des Kindes, гл. XXII; Tracy, The Psychology of Childhood, стр. 47.

вище. Одинъ ребенокъ, какъ замѣтили его близкіе, на второмъ году кусалъ свой собственный палець до тѣхъ поръ пока не началъ кричать отъ боли. Онъ едва ли могъ знать, что палець есть часть его чувствующаго тѣла. По словамъ Прейера, одинъ девятнадцатимѣсячный мальчикъ, когда его просили дать ногу, схватывалъ ее обѣими руками и пытался такимъ образомъ подать ее. Легкость, съ которой ребенокъ отказывается отъ себя или готовъ считать свои члены чѣмъ то постороннимъ, видна изъ слѣдующаго разсказа, приведеннаго въ Вустерскомъ сборникѣ. Одинъ ребенокъ трехъ съ половиною лѣтъ сказалъ, увидѣвъ на своихъ ногахъ новые чулки, отличавшіеся по цвѣту отъ старыхъ: „Мама, это не мои ноги это не тѣ ноги, которыя были у меня утромъ“. Эта готовность отдѣлять свои члены отъ себя еще яснѣе сказывается въ жалобахъ мальчика К., что его ноги мѣшаютъ ему удобно улечься въ постелькѣ. Здѣсь ноги, повидимому, принимаются на-половину за постороннія тѣла; объ этой же склонности принимать свои члены за отдѣльныя живыя существа свидѣтельствуется и любимое развлеченіе Лауры Бриджмэнъ, которая неправильно читала какое нибудь слово одной рукой, а затѣмъ била ее другою ¹⁾).

Однако, можно спросить, почему ребенокъ придаетъ наибольшее значеніе именно туловищу, а не конечностямъ, которыя постоянно привлекаютъ его вниманіе своими движеніями и представляютъ такой глубокой интересъ еще и въ качествѣ дѣйствующихъ частей тѣла? Главная причина, мнѣ кажется, заключается въ томъ, что ребенокъ рано научается связывать съ туловищемъ регулярныя и наиболѣе сильно запечатлѣвающіяся ощущенія пріятнаго и непріятнаго, какъ голодь, жажда, боль въ желудкѣ и соотвѣтствующіе виды облегченія. Мы знаемъ, что „чувство жизни“ составляетъ у взрослога чувственную основу самосознанія, и потому можно предположить, что въ теченіе первыхъ лѣтъ жизни, когда

---

¹⁾ Лаура Бриджмэнъ—извѣстная слѣпая и глухонѣмая дѣвушка. Она читала, ощупывая пальцами выпуклыя буквы.

это чувство занимает въ самосознаніи такое важное мѣсто, оно играетъ и главную роль при выработкѣ представленія объ ощущающемъ или чувствующемъ тѣлѣ. Позднѣ видѣ искалѣченныхъ людей и животныхъ укрѣпляетъ ту мысль, что туловище есть истинное вмѣстилище жизни и существенная часть тѣла. Кромѣ того, эта мысль поддерживается и обычнымъ словоупотребленіемъ, въ которомъ „тѣло“ отождествляется съ „туловищемъ“.

Ребенокъ много размышляетъ объ этомъ занимательномъ тѣлѣ-туловищѣ, о томъ, что находится внутри его, и о томъ, какъ оно работаетъ. Онъ долженъ какъ нибудь понять слова другихъ о строеніи костей, о дѣятельности желудка и т. д. Было бы очень интересно узнать подлинныя представленія ребенка объ анатоміи и физиологіи. Вустерскій сборникъ показываетъ намъ, какія забавныя представленія можетъ имѣть ребенокъ объ устройствѣ собственнаго тѣла. Такъ, одна маленькая дѣвочка, въ возрастѣ отъ пяти до шести лѣтъ, думала, что сонъ на нее нагоняютъ маленькіе волоски, которые растутъ на вѣкахъ.

На дальнѣйшей ступени развитія, безъ сомнѣнія тогда, когда у ребенка складывается уже представленіе о сознательномъ, мыслящемъ „я“, голова становится главной частью также и тѣлеснаго „я“. Въ процессѣ развитія понятія „я“ у расы мы точно такъ же находимъ, что душу гораздо раньше помѣщали въ туловищѣ, чѣмъ въ головѣ. Но дѣти вполне способны и самостоятельно дойти, по крайней мѣрѣ отчасти, до той мысли, что обиталищемъ души служить голова. Однако, эта мысль еще не скоро достигаетъ ясности, какъ показываютъ нѣкоторыя выраженія дѣтей, на примѣръ, заявленіе одной четырехлѣтней дѣвочки, что ея кукла ничего не понимаетъ *глазами*. Даже тогда, когда ребенокъ узнаетъ отъ другихъ, что мы мыслимъ мозгомъ, онъ продолжаетъ считать, что во время разговора наши мысли переходятъ въ ротъ.

Большой интересъ представляютъ вначалѣ, когда еще только складывается понятіе о собственномъ „я“, опыты

съ зеркаломъ. Было бы неразумно ожидать, что ребенокъ въ первый разъ помѣщенный передъ зеркаломъ, узнаетъ въ немъ свое лицо. Онъ уже на десятой недѣлѣ будетъ улыбаться своему изображенію, хотя эта улыбка, вѣроятно, выражаетъ только удовольствіе отъ созерцанія свѣтлаго предмета. Если отецъ или няня держитъ ребенка, приблизительно шести мѣсяцевъ, на рукахъ передъ зеркаломъ, то онъ тотчасъ покажетъ, что узнаетъ ихъ, поворачивая голову къ ихъ настоящему лицу, между тѣмъ какъ собственнаго лица онъ не узнаетъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ, повидимому, принимаетъ свое изображеніе за реальный предметъ, и иногда улыбается ему, какъ чужому, и даже цѣлуетъ его: одна маленькая дѣвочка пятнадцати мѣсяцевъ предлагала своему изображенію различныя вещи и при этомъ говорила „на“. Во многихъ случаяхъ любопытство побуждаетъ къ попыткамъ схватить отраженіе въ зеркалѣ рукой, или повернуть зеркало, или просунуть руку за него, чтобы узнать, что на самомъ дѣлѣ находится тамъ. Это очень напоминаетъ поведеніе обезьянъ передъ зеркаломъ, описанное Дарвиномъ и другими. Понемногу ребенокъ привыкаетъ къ своему изображенію; онъ начинаетъ замѣчать извѣстное сходство между своимъ тѣлеснымъ „я“ и его отраженіемъ, напримѣръ въ движеніи руки при указываніи; далѣе онъ дѣлаетъ какъ бы выводъ по аналогіи изъ удвоенія другихъ предметовъ въ зеркаломъ и, такимъ образомъ, доходитъ до той мысли, что въ зеркалѣ находится его собственное изображеніе. У мальчика Прейера на шестидесятой недѣлѣ имя матери ассоціировалось съ ея изображеніемъ, и когда его спрашивали, гдѣ мама, онъ указывалъ на послѣднее. На двадцать первомъ мѣсяцѣ онъ дѣлалъ то же самое и съ собственнымъ изображеніемъ¹⁾.

Всѣмъ извѣстно, что ребенокъ принимаетъ тѣнь за реальный предметъ и обыкновенно пытается схватить ее. Нѣкоторые дѣти пугаются своей собственной и чужой тѣни, какъ

¹⁾ Очень подробное описаніе опытовъ съ зеркаломъ у *Preyer Die Seele des Kindes*, стр. 459 и сл.

чего то страшнаго, когда замѣчаютъ ее на стѣнѣ. Но съ теченіемъ времени ребенокъ начинаетъ считать и это странное явленіе естественнымъ и объясняетъ его солнечнымъ свѣтомъ.

Намъ говорятъ, что отраженіе и тѣнь, наравнѣ со сновидѣніями, играли въ раннемъ мышленіи расы очень важную роль при развитіи анимистическихъ взглядовъ, согласно которымъ каждый предметъ имѣетъ двойную природу и двойное существованіе. Являются ли и у дѣтей подобныя представленія? Изъ автобіографіи Жоржъ Зандъ мы можемъ видѣть, какъ умная дѣвочка, размышляя о поразившемъ ее явленіи эхо, создаетъ подобнаго рода теорію двойнаго существованія; а мальчикъ Гартли Кольриджъ, какъ извѣстно, различалъ среди „Гартліевъ“ одного нарисованнаго Гартли и одного Гартли—тѣнь. Примѣръ мальчика К. показываетъ, что фотографированіе представляется ребенку превращеніемъ, или даже удвоеніемъ его самого. Впрочемъ, въ этой области намъ необходимо собрать еще гораздо больше свѣдѣній.

Преобладающая роль, которую тѣлесный, образный элементъ играетъ въ первоначальномъ представленіи ребенка о своемъ „я“, сказывается въ наклонности признавать тождественность какой нибудь личности только въ томъ случаѣ, если ея тѣлесная форма осталась неизмѣнной. Кудрявый шестилѣтній ребенокъ отказывается вѣрить, что онъ есть то самое безволосое дитя, портретъ котораго мать показываетъ ему. Какимъ отличнымъ отъ себя, какимъ новымъ существомъ чувствуетъ себя ребенокъ въ воскресенье утромъ, когда онъ по-праздничному умытъ, одѣтъ и почищенъ! Внѣшній видъ играетъ очень большую роль въ удовлетвореніи самосознанія большинства людей, а для ребенка онъ составляетъ почти все.

Съ теченіемъ времени начинаетъ смутно распознаваться и сознательное „я“, которое думаетъ, чувствуетъ и желаетъ. Я полагаю, что дѣйствительный шагъ впередъ къ этому истинному самосознанію опредѣляется усвоеніемъ трудныхъ формъ языка „я“, „меня“, „мой“, и умѣньемъ употреблять ихъ. Но объ этомъ мы будемъ говорить въ другой главѣ.

Иногда пониманіе, что существуетъ скрытое „я“, отличное отъ тѣлеснаго, является какъ внезапное открытіе; такъ было, на примѣръ, у маленькой Жоржъ Зандъ. Такое быстрое пробужденіе самосознанія можетъ составить чрезвычайно важный и памятный моментъ въ жизни ребенка.

Одинъ отецъ прислалъ мнѣ слѣдующія замѣтки о развитіи самосознанія у его ребенка. „Моя трехлѣтняя дѣвочка тщательно различаетъ свое тѣло отъ себя самой. Лежа въ постели, она разъ закрыла глаза и сказала: „Мама, теперь ты не можешь меня видѣть“. Мать отвѣчала: „Ахъ ты, кошечка, я то тебя могу видѣть, а ты меня — нѣтъ“. На это дѣвочка возразила: „Да, я знаю, ты можешь видѣть *мое тѣло*, но не можешь видѣть *меня*“. Этотъ ребенокъ былъ въ это же время очень озабоченъ вопросомъ о реальности своего существованія. Какъ то, играя своими куклами, она спросила у матери: „Мама, я — настоящая, или я только кажусь, какъ мои куклы?“ Очевидно, что и здѣсь также подчеркивалось нѣчто не тѣлесное, что одухотворяетъ тѣло, а не вложено въ него только какъ часть нѣкотораго механизма. Два года спустя, эта дѣвочка обнаружила способность еще болѣе тонко различать видимое „я“ отъ невидимаго. Ея братъ какъ-то спросилъ у нея, чѣмъ кормятъ медвѣдей въ Зоологическомъ саду. Она живо отвѣтила: „Мертвыми младенцами или чѣмънибудь въ этомъ родѣ“. Здѣсь мать вмѣшалась и сказала: „Какъ, Ф., неужели ты думаешь, что матери отдадутъ своихъ мертвыхъ младенцевъ звѣрямъ?“ „Почему же нѣтъ, мама?“ отвѣтила дѣвочка, „Вѣдь это только ихъ тѣла. Мнѣ было бы ничего, если бы ты отдала мое тѣло“. Это презрѣніе къ тѣлу служить превосходнымъ примѣромъ того, какъ ребенокъ, овладѣвъ какойнибудь мыслью, логически проводитъ ее до самыхъ крайнихъ выводовъ. Замѣтимъ кстати, что это была та самая дѣвочка, которая въ это же время жалѣла о бѣдныхъ осеннихъ листьяхъ, умиравшихъ на землѣ; отсюда можно заключить, что она умъ былъ въ то время занять сознательной стороною существованія.

Тайна собственного существованія была, вѣроятно, загадкой для многихъ вдумчивыхъ дѣтей. Одна дама, известная писательница, прислала мнѣ слѣдующія воспоминанія о своихъ дѣтскихъ мысляхъ по этому поводу. „Существованіе другихъ людей казалось мнѣ естественнымъ; но „я“—вотъ что казалось мнѣ такимъ непонятнымъ. Что я въ состояніи замѣчать другихъ людей, думать о нихъ, побуждать ихъ къ различнымъ дѣйствіямъ,—это казалось мнѣ въ порядкѣ вещей, но способность дѣйствовать самой, чувствовать, двигать самое себя подъ наблюденіемъ какого то внутренняго „я“, безпрестанно меня поражала“.

Разумѣется, трудно сказать, насколько ясны мысли ребенка объ этомъ внутреннемъ „я“. Мнѣ кажется болѣе или менѣе вѣроятнымъ, что дѣти, если отбросить значительныя индивидуальныя различія ихъ умственныхъ способностей, въ общемъ склонны, какъ и некультурныя племена, материализовать его, смутно представляя его себѣ какъ слабое, похожее на тѣнь, подобіе видимаго „я“. Этотъ вопросъ осложняется въ дѣтскомъ сознаніи еще религіозными наставленіями, въ которыхъ такую важную роль играетъ понятіе безсмертной души.

Какъ показываютъ только что приведенныя воспоминанія, въ этихъ дѣтскихъ мысляхъ о внутреннемъ „я“ важное мѣсто занимаетъ вопросъ о томъ, какъ оно дѣйствуетъ на тѣло. Среди безчисленныхъ вопросовъ, смущавшихъ неугомоннаго маленькаго вопрошателя, на котораго мы уже много разъ указывали, были и слѣдующіе: „Какимъ образомъ мои мысли переходятъ изъ моего мозга въ мой ротъ, и какимъ образомъ мой духъ заставляетъ мои ноги ходить?“ Когда сестрѣ К-а было четыре года и десять мѣсяцевъ, она хотѣла знать, какимъ образомъ мы можемъ двигать руками и держать ихъ спокойно, когда хотимъ, а занавѣска можетъ двигаться только тогда, когда кто нибудь ее трогаетъ. Первые попытки разрѣшить эту загадку носятъ, разумѣется, материалистическій характеръ, какъ показываетъ прелестное

замѣчаніе нашего маленькаго вопрошателя, что мысли перемѣщаются въ тѣлѣ. Впрочемъ, я замѣчаю, что этотъ родъ матеріализма продолжаетъ жить и во взрослыхъ, даже въ студентахъ - психологахъ, которые очень любятъ говорить объ ощущеніяхъ, переходящихъ въ мозгъ по нервамъ.

Очень любопытны первыя мысли ребенка о своемъ прежнемъ „я“. Вначалѣ у него, повидимому, нѣтъ полнаго представленія о торжественности прежней и настоящей личности, представленія, которымъ такъ дорожатъ философы. Наоборотъ, между прежнимъ и настоящимъ „я“ иногда предполагается даже различіе пола, какъ показываетъ странное выраженіе мальчика К.: „когда я былъ маленькой дѣвочкой“. Это выраженіе, я думаю, свидѣтельствуетъ о томъ, какую важную роль внѣшній обликъ играетъ въ понятіи „я“; мальчика К., вѣроятно, фотографировали, когда онъ былъ совсемъ маленькимъ, и онъ, безъ сомнѣнія, считалъ дѣвочкой ту особу, которая была изображена на карточкѣ въ платьицѣ. Это подтверждается и тѣмъ фактомъ, что другой мальчикъ, приблизительно трехъ съ половиной лѣтъ, спрашивалъ у своей матери: „Когда я былъ маленькимъ, я былъ дѣвочкой?“; а тотъ ребенокъ, котораго я называлъ нашимъ зоологомъ, имѣлъ обыкновеніе говорить: „Когда я былъ маленькой дѣвочкой“. Но одни лишь платьица еще не объясняютъ намъ всѣхъ представленій ребенка о своемъ прежнемъ „я“. Тотъ же маленькій зоологъ опредѣлялъ давно-давно прошедшее время словами: „Когда я былъ большимъ человѣкомъ“. Что это означаетъ? Разбирая странную мысль объ уменьшеніи старыхъ людей, я высказалъ предположеніе, что ребенокъ представляетъ себѣ человѣческое существованіе, какъ рядъ превращеній младенца во взрослога и обратно,—и здѣсь мы находимъ новое ясное доказательство моей мысли. Ибо хотя мы и называемъ часто дѣтей „старичками“, однако, этимъ мы вѣдь не внушаемъ имъ, что они—взрослые люди, или были такими.

Еще большую трудность, чѣмъ мысль о своемъ отдаленномъ прошломъ, представляютъ для ребенка попытки понять,

что было до его рожденія. Начало его жизни, эта истинная тайна рожденія, околдовываетъ умъ ребенка и держать его въ плѣну. Это показываютъ вопросы мальчика К.: „Гдѣ я былъ сто лѣтъ тому назадъ? Гдѣ я былъ прежде, чѣмъ родился?“ Отвѣтъ на эти вопросы остается тайной для всѣхъ насъ, только мы съ теченіемъ времени оставляемъ ее въ сторонѣ. Ребенка же эта загадка мучаетъ, возбуждая въ его умѣ множество жгучихъ вопросовъ.

Интересно наблюдать различное отношеніе дѣтей къ этой тайнѣ. Маленькій человѣкъ, привыкшій быть любимцемъ другихъ, центромъ ихъ мыслей и дѣйствій, разумѣется, пораженъ тѣмъ пробѣломъ, который существовалъ въ семейной обстановкѣ до его появленія. Одна дама какъ-то разсказывала своей трехлѣтней дѣвочкѣ Г. объ одномъ своемъ поступкѣ, который она совершила въ дѣтствѣ. Г. захотѣла узнать, какова была ея роль при этомъ, и когда мать отвѣтила ей: „О, тебя тогда еще вовсе не было здѣсь“, дѣвочка была очень поражена и сказала: „Что же ты дѣлала безъ Г.? Ты плакала и просила каждый день, чтобы она пришла?“ Узнавъ, что и это предположеніе не вѣрно, она совершенно не могла представить себѣ, какъ ея мать была въ состояніи жить безъ нея. Здѣсь мы видимъ проявленіе прелестнаго дѣтскаго эгоизма, но мы видимъ здѣсь и нѣчто большее, именно—смутное выраженіе объединяющаго, дополняющаго дѣйствія любви. Говорятъ, что влюбленные обыкновенно одинаково думаютъ о томъ времени, которое предшествовало ихъ встрѣчѣ и сближенію. И той маленькой дѣвочкѣ, съ ея сильнымъ чувствомъ человѣческой привязанности, мысль о дѣйствительной жизни безъ того, что придаетъ этой жизни тепло и радость, казалось противорѣчіемъ.

Напротивъ, инымъ дѣтямъ, болѣе предрасположеннымъ къ метафизикѣ, особенно загадочнымъ кажется прежнее существованіе внѣшняго міра. Всѣхъ насъ смущали мысли о землѣ и небѣ, о людяхъ, которые жили до нашего появленія на свѣтъ и будутъ жить послѣ того, какъ мы перестанемъ существовать; но и къ этой загадкѣ мы всѣ, за исключе-

ніемъ развѣ только философовъ, просто привыкаемъ. На нѣкоторыхъ дѣтей это явное противорѣчіе производитъ очень глубокое впечатлѣніе. Жанна Инджело въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свое недоумѣніе по поводу этого вопроса: „Я усиленно размышляла о томъ, правда ли, будто дѣйствительно существовало и жило что-нибудь, прежде чѣмъ я была здѣсь, чтобы видѣть это... Я могла представить себѣ, что было время, когда я была совсѣмъ маленькой, такой маленькой, какъ самый ничтожный камешекъ на дорогѣ; но что меня вовсе не существовало, — этому мнѣ было слишкомъ трудно повѣрить“. Одинъ пятилѣтній мальчикъ, который вообще имѣлъ склонность говорить „умныя“ вещи, выразилъ ту же мысль, когда одна знакомая дама вздумала исправить тотъ взглядъ, который она предполагала у него. Она спросила: „Однако, М., земля все-таки вертѣлась, прежде чѣмъ ты появился на ней?“ М. тотчасъ же отвѣтилъ: „Нѣтъ, она не вертѣлась, она начала вертѣться только пять лѣтъ тому назадъ“. Девять человекъ изъ десяти предположатъ, пожалуй, что это былъ только ловкій діалектической приѣмъ, уклоненіе отъ неудобнаго вопроса посредствомъ отрицанія признаннаго факта; но я склоненъ думать, что здѣсь было нѣчто большее, что удачный умыселъ госты случайно обнаружилъ скрытую дѣтскую мысль; дѣло въ томъ, что ребенокъ — отъ природы послѣдователь Берклеевой философіи, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что реальность самихъ вещей въ его глазахъ совпадаетъ съ ихъ реальностью для его чувственныхъ воспріятій. Міръ, существовавшій раньше, чѣмъ ребенокъ жилъ и могъ его видѣть, — такой міръ представляется дѣтскому уму нелѣпостью.

Иногда дитя пускаетъ въ ходъ богословскія представленія, чтобы выйти изъ этого затрудненія: особенно пригоднымъ для этой цѣли оказывается тогда мнѣ о младенцахъ, приносимыхъ на землю съ неба. Живой дѣтскій умъ видитъ въ этой прелестной мысли удобный способъ продолжить свое прежнее существованіе. Тотъ же ребенокъ, котораго такъ

занимало, что его мать дѣлала безъ него, проходя разъ съ матерью мимо одного уличнаго насоса, вдругъ остановился и совершенно серьезно замѣтилъ: „На небѣ, съ котораго я пришелъ, нѣтъ насосовъ“. Онъ, очевидно, сдѣлалъ всѣ логическіе выводы изъ разсказа о младенцахъ, присылаемыхъ Богомъ.

Дѣти имѣютъ, повидимому, очень смутныя представленія о времени. Ихъ умъ вначалѣ, разумѣется, не можетъ подняться до отвлеченнаго понятія „времени“, или его продолжительности, или его равномерныхъ частей, каковы, напримѣръ, дни. Дѣти говорятъ о дняхъ, какъ о какихъ-то предметахъ. Такъ изъ рѣчей мальчика К. мы видимъ, что слова „сегодня“, „вчера“ и „завтра“, довольно туманно употребляемыя для выраженія настоящаго, прошедшаго и будущаго, означаютъ нѣчто въ родѣ движущихся предметовъ. Одна четырехлѣтняя дѣвочка спрашивала: „Куда ушло вчера?“ и „Откуда придетъ завтра?“ Мальчикъ К. спрашивалъ, какъ мы видѣли, подобно другимъ дѣтямъ, куда уходятъ всѣ дни. Конечно, это, можетъ быть, только фигуральныя выраженія, такъ какъ ребенокъ не умѣетъ иначе описать чередованіе вчерашняго и сегодняшняго, сегодняшняго и завтрашняго дня; но мнѣ кажется, что эти выраженія служатъ образцами, въ которыхъ проявляется склонность дѣтей къ конкретному, къ сведенію нашихъ отвлеченныхъ понятій на живые реальные образы ¹⁾.

Слѣдуетъ также замѣтить, что дѣти не имѣютъ представлений, соотвѣтствующихъ нашимъ единицамъ времени. Какъ для пространства, такъ и для времени у нихъ иная мѣра, нежели у насъ; одинъ часъ, напримѣръ, первое утро въ школѣ, можетъ ребенку показаться вѣчностью. Повидимому, дни, мѣсяцы и годы летятъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ

---

¹⁾ Одинъ ребенокъ, о которомъ сообщаетъ П. Ломброзо (въ указ. соч., стр. 49), считалъ годъ какимъ-то круглымъ предметомъ; на этомъ предметѣ помѣщаются различные праздники, и онъ, вращаясь, приносить ихъ въ надлежащемъ порядкѣ.

старше мы становимся. Съ другой стороны, благодаря неспособности представлять себѣ время въ большомъ масштабѣ, ребенокъ обыкновенно и здѣсь, какъ въ сужденіяхъ относительно пространства, помѣщаетъ прошлое слишкомъ близко къ настоящему. Матери и молодые учителя были бы очень удивлены, если бы знали, какъ дѣти понимаютъ ихъ первые уроки исторіи, начинающіеся обычной фразой: „Много лѣтъ тому назадъ“, или какимъ-нибудь подобнымъ выраженіемъ. Одинъ шестилѣтній ребенокъ, переѣзжая Красное море, попросилъ, чтобы ему показали фараона и его войско. Эта просьба высказана какъ бы подъ влияніемъ живой, вставшей въ воображеніи картины, которая и во взросломъ человѣкѣ можетъ вызвать ожиданіе, что онъ увидитъ ее сейчасъ въ данномъ мѣстѣ. Слѣдующій рассказъ объ одномъ мальчикѣ пяти съ половиной лѣтъ, присланный мнѣ его теткой, ясно показываетъ какія представленія ребенокъ имѣетъ объ историческомъ прошломъ. „Г. началъ учить англійскую исторію, которую ему читали вслухъ, и только что покончилъ съ римлянами, какъ онъ говорилъ. Однажды онъ замѣтилъ на моей часовой цѣпочкѣ медальонъ и попросилъ, чтобы я его открыла. Въ этомъ медальонѣ находились волосы двухъ давно умершихъ дѣтей, о которыхъ Г. сталъ разспрашивать. Я сказала ему, что они умерли еще до того, какъ я родилась. „А отецъ зналъ ихъ?“ спросилъ мальчикъ. „Нѣтъ, они умерли прежде, чѣмъ и онъ родился“. „Тогда кто же зналъ ихъ, и когда они жили?“ изумился ребенокъ и затѣмъ, когда я нѣсколько замаялась, придумывая какое-нибудь достаточно понятное объясненіе, онъ серьезно спросилъ: „Можетъ быть, это было во времена римлянъ?“ Эта странная на первый взглядъ историческая перспектива на самомъ дѣлѣ вполне естественна. Ребенку надо было помѣстить гдѣ-нибудь существованіе названныхъ дѣтей, а это онъ могъ сдѣлать только гадательно, относя ихъ существованіе къ отдаленному времени, о которомъ онъ слышалъ, и которое, вѣроятно, обнимало все, что случалось до его жизни и жизни его окружающихъ.

Богословскія представленія.

Теперь мы можем перейти къ другой группѣ дѣтскихъ представленій, о которыхъ мы уже упоминали и предметомъ которыхъ служить смерть и то, что съ нею связано, именно — Богъ и небо. Въ этой области мы находимъ странный наборъ мыслей, пестрота котораго зависитъ отъ различія источниковъ дѣтскихъ познаній; такими источниками служатъ, съ одной стороны, наблюденія самого ребенка надъ видимымъ міромъ, съ другой — религіозныя поученія. Насколько мы можемъ судить, основной дѣятельностью дѣтскаго ума является попытка соединить разрозненные и какъ будто противорѣчащія другъ другу представленія въ какое-нибудь подобіе связанной системы.

Какъ начало жизни, такъ и ея конецъ, смерть, является вѣчной загадкой для ребенка. Объ этомъ почти во всякой автобіографіи свидѣтельствуютъ воспоминанія дѣтства. Какъ показываетъ примѣръ мальчика К., эта тайна производитъ особенно сильное впечатлѣніе и особенно часто возвращается въ сознаніе, благодаря связанному съ нею чувству страха. Одна маленькая дѣвочка трехъ съ половиной лѣтъ просила свою мать положить ей на голову большой камень, такъ какъ, по ея словамъ, она не хочетъ умереть. Когда мать спросила, какимъ образомъ камень предохранитъ ее отъ смерти, онъ съ чисто дѣтской логичностью отвѣтила: „Если ты положишь мнѣ на голову большой камень, то я не буду расти, а люди, которые вырастаютъ, становятся старыми и потомъ умираютъ“.

Безхитростный ребенокъ, повидимому, представляетъ себѣ смерть, какъ извѣстное неподвижное состояніе, когда въ тѣлѣ уже нѣтъ дыханія, и оно неспособно больше чувствовать и думать. Это представленіе вызывается видомъ мертвыхъ животныхъ; несмотря на всѣ старанія отъ этого зрѣлища удастся уберечь лишь немногихъ дѣтей.

Вначалѣ смерть, кажется, разсматривается, какъ временное состояніе, подобное сну, который она дѣйствительно такъ

напоминаетъ. Одинъ маленькій мальчикъ двухъ съ половиною лѣтъ, услышавъ отъ своей матери о смерти одной знакомой дамы, тотчасъ же спросилъ: „А она еще будетъ мертва, когда мы вернемся въ Лондонъ?“

Благодаря знакомству съ похоронами, эти представленія о смерти получаютъ новый, устрашающій характеръ. Ребенокъ начинаетъ усиленно размышлять о могилѣ. Инстинктивная склонность переносить представленіе о жизни и чувствительности на погребенное тѣло сказывается, напримѣръ, въ страхѣ мальчика К., что ему засыплютъ глаза землею. Объ этой же склонности свидѣтельствуетъ и слѣдующій рассказъ, заимствованный нами изъ Вустерскаго сборника. „Нѣсколько дней тому назадъ Г. (ему четыре года и четыре мѣсяца) пришелъ ко мнѣ и сказалъ: „Знаешь, діакона В. похоронили въ Графтонъ?“ — „Да, знаю“. — „Я думаю, что это самое лучшее. Его дѣти тамъ похоронены, и они не знали бы, что онъ умеръ, если бы его похоронили здѣсь“. Здѣсь всѣ мысли о небѣ забыты благодаря всепоглощающему интересу къ участи тѣла.

Создаютъ ли дѣти, предоставленные самимъ себѣ, какуюнибудь теорію другой жизни, въ которой душа отдѣлена отъ мертваго покинутого тѣла? Трудно, разумѣется, отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ относительно будущаго всѣ дѣти получаютъ отъ другихъ хотя какіянибудь свѣдѣнія религіознаго характера. Одну изъ мыслей, наиболѣе приближающихся къ продуктамъ самостоятельнаго дѣтскаго творчества, я встрѣтилъ въ сочиненіи о бостонскихъ дѣтяхъ. „Многія дѣти (пишетъ профессоръ Стэнли Голль) помѣщаютъ все хорошее и имъ не вполне извѣстное въ деревнѣ; около дюжины дѣтей безъ колебаній утверждали, что хорошіе люди послѣ смерти уходятъ въ деревню—даже отсюда, изъ Бостона“. Изъ указанія на хорошихъ людей видно, что дѣти пытаются здѣсь придать конкретную опредѣленность тому, что они слышали отъ другихъ. Эти дѣти, вѣроятно, не получали особенно систематическаго религіознаго образованія. Они, можетъ быть, случайно слышали, что хорошіе люди

послѣ смерти уходить въ какое-то пріятное мѣсто. Дѣти за-
поминаютъ многія изъ рѣчей своихъ болѣе свѣдующихъ то-
варищей, которыя они лишь на-половину понимаютъ. Во
всякомъ случаѣ интересно замѣтить, что свое небо они по-
мѣщаютъ въ деревнѣ, въ той прекрасной области, гдѣ про-
израстаетъ все великолѣпное. При этомъ невольно вспоми-
наешь тѣ блаженные поля, въ которыхъ, по представленію
индѣйцевъ, охотится ихъ умершій предводитель. Любопытно
было бы изслѣдовать, какъ эти бостонскія дѣти согласо-
вываютъ свою вѣру въ переселеніе мертвыхъ въ деревню съ
погребеніемъ тѣла въ городѣ.

Тѣмъ дѣтямъ, которыя кое-когда получаютъ отрывочныя
свѣдѣнія о догматахъ религіи, приходится какимъ нибудь об-
разомъ усвоить мысль о переселеніи на небо и связать ее съ
представленіемъ о погребеніи. Трудно сказать, какъ въ этомъ
случаѣ поступаетъ дѣтскій умъ. Вѣроятно, существуетъ много
поверхностныхъ и глупыхъ дѣтей, которыхъ не смущаетъ
никакое противорѣчіе. Какъ показываетъ замѣчаніе американ-
скаго ребенка относительно діакона, дѣтскій умъ можетъ ко-
лебаться между естественнымъ представленіемъ, что человѣкъ
продолжаетъ жить, въ извѣстномъ смыслѣ, подъ землею, и
навязанной извнѣ мыслью, что онъ переходитъ на небо. Не-
сомнѣнно, однако, что болѣе вдумчивый ребенокъ попытается
какъ нибудь примирить эти два представленія. Мальчикъ К.
вначалѣ старался найти такое примиреніе, предположивъ,
что людей, которые переходятъ на небо (т.-е. хорошихъ),
вовсе не хоронятъ; затѣмъ онъ отодвинулъ переходъ на небо
дальше и считалъ, что настоящій переходъ тѣло совершаетъ
черезъ могилу. Встрѣчаются и другіе приемы, къ кото-
рымъ дѣти прибѣгаютъ, чтобы внести связь въ свои воз-
зрѣнія. Такъ, одна пятилѣтняя дѣвочка думала, что на небо
переходитъ только *голова*. Она, очевидно, такъ понимала слова
другихъ о томъ, что „тѣло“ погребено. Это предположеніе
подтверждается другимъ рассказомъ о мальчикѣ четырехъ съ
половиною лѣтъ, который спрашивалъ, какую часть его ногъ
надо будетъ отрѣзать, когда его будутъ хоронить. Ноги

это — „не тѣло“. Но мысль, что голова переходитъ на небо, имѣетъ еще и другой болѣе глубокой смыслъ. Можно почти съ увѣренностью сказать, что она выражаетъ локализацию души въ вершинѣ тѣла, и весьма возможно, что эту мысль поддерживаютъ рисунки, на которыхъ изображены летающія головки ангеловъ. Иногда въ этомъ процессѣ дѣтскаго мышленія отражается ранняя человѣческая мысль, на примѣръ, когда шестилѣтній мальчикъ говоритъ, что Богъ взялъ дыханіе на небо (ср. представленія, лежащія въ основѣ понятій spiritus и тубѣра).

Какъ именно совершается, по представленіямъ дѣтей, переходъ на небо, — этого я не могу съ увѣренностью сказать. Вѣроятно, имъ помогаетъ въ этомъ случаѣ легенда о младенцахъ, приносимыхъ ангелами по воздуху. Какъ мы видѣли, дѣти склонны думать, что умершіе люди становятся снова такими маленькими, какъ младенцы, такъ что ангелы могутъ унести ихъ на рукахъ.

Мы знаемъ, что дѣтскій умъ дѣлаетъ самые крайніе логическіе выводы изъ той мысли, что люди переходятъ на небо. Животныя, умирая, также переходятъ въ другое мѣсто. Одинъ мальчикъ трехъ лѣтъ и девяти мѣсяцевъ спрашивалъ, переходятъ ли птицы, насекомыя и т. д. на небо, туда же, куда переселяются умершіе люди? Однако и здѣсь обнаруживается наклонность къ матеріализму, которую особенно поддерживаетъ наблюденіе, что люди ѣдятъ животныхъ. Одинъ маленькій мальчикъ — американецъ игралъ однажды, когда ему шель пятый годъ, съ головастикомъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не издохъ; остальные головастики тотчасъ же съѣли его, а ребенокъ расплакался. Его старшая сестра пыталась, съ самыми лучшими намѣреніями, успокоить его словами: „Не плачь, Вильямъ, головастикъ ушелъ въ лучшее мѣсто“. На это довольно несвоевременное увѣреніе ребенокъ скептически возразилъ: „Развѣ желудки его братьевъ и сестеръ — лучшее мѣсто?“

Переходя теперь къ представленіямъ о сверхъестественныхъ существахъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ этой области дѣти

не зависятъ исключительно отъ религіозныхъ и иныхъ поученій, которыя они слышатъ. Живость ихъ воображенія и господствующія въ нихъ чувства страха и довѣрія побуждаютъ ихъ къ самостоятельному созданію невидимыхъ существъ. Въ преслѣдовавшей мальчика К. вѣрѣ въ волка мы видимъ пережитокъ наклонности дикаря, который населялъ невидимый міръ чудовищами въ видѣ демоновъ. Другимъ маленькимъ мальчикомъ, которому было нѣсколько больше двухъ лѣтъ и которому не давалось никакихъ религіозныхъ наставленій, овладѣлъ подобный же страхъ передъ „пѣтушкомъ“ (такъ онъ называлъ пѣтуховъ и куръ, когда былъ въ деревнѣ). Онъ помѣщалъ это злое существо въ ванной комнатѣ и приписывалъ боли въ желудкѣ вредному вліянію „пѣтушка ¹⁾“. Страхъ, по словамъ Лукреція, создалъ боговъ и ребенокъ изъ современнаго культурнаго общества, придумывая злыхъ существъ, которыя желаютъ ему вредить, можетъ повторить тотъ процессъ, въ которомъ выразилось первое безпокойство человѣческаго ума, замѣтившаго дѣйствія какихъ-то невидимыхъ и сверхъестественныхъ силъ.

Съ другой стороны, мы находимъ, что стремленіе дѣтей искать себѣ поддержки приводитъ ихъ къ вѣрѣ и въ другія, болѣе благосклонныя существа. Твердая вѣра мальчика К. въ своихъ фей, которыя могутъ сдѣлать для него самыя удивительныя вещи, особенно же въ придуманнаго имъ бога дождя („Дождевика“) ясно свидѣтельствуетъ объ этой наклонности.

Конечно, и здѣсь даже, гдѣ мы можемъ различить вліяніе внутренней склонности самого ребенка, мы должны признать также и дѣйствіе обученія. Охраняющія божества К—а, феи, создались, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ сказокъ; но какъ онѣ, такъ и мнѣ о Дождевикѣ, показываютъ, что дѣятельный умъ ребенка перерабатываетъ намеки въ совершенно оригинальные образы. Такое оригинальное примѣненіе чужихъ словъ чаще всего встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ,

¹⁾ См. Mind т. XI. стр. 149.

когда религія болѣе или менѣе систематически преподается ребенку. Умный ребенокъ четырехъ или пяти лѣтъ самымъ причудливымъ образомъ пользуется представленіями о Богѣ и дьяволѣ. Любопытно было бы собрать, если бы только это было возможно, коллекцію всѣхъ страшныхъ, отвратительныхъ образовъ, посредствомъ которыхъ воображеніе ребенка старается уяснить себѣ представленіе о дьяволѣ. Не меньшимъ картиннымъ разнообразіемъ отличаются, кажется, и дѣтскія представленія о Богѣ ¹⁾.

Слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что религіозныя представленія, внушаемыя обученіемъ, переплетаются въ умѣ ребенка съ представленіями, заимствованными изъ сказокъ. Спенсеръ гдѣ-то осмѣялъ наше университетское воспитаніе съ его сопоставленіемъ классическаго политеизма и іудейскаго монотеизма. Быть можетъ, есть больше оснований смѣяться надъ тѣмъ, какъ при обученіи пятилѣтняго ребенка сказки смѣшиваются съ библейскими преданіями. Чтѣ удивительнаго, если въ маленькой головѣ перепутываются всѣ эти чудесные, невидимые образы, и Богъ является въ видѣ сердитаго или ласковаго стараго великана, ангелы въ видѣ фей и т. д.? Дѣтское стихотвореніе Жоржъ Зандъ „Согамбѣ“ показываетъ до чего можетъ дойти смѣшеніе представленій изъ двухъ различныхъ областей невидимаго міра.

Въ своихъ трогательныхъ усиліяхъ уловить смыслъ этихъ религіозныхъ наставленій ребенокъ, впрочемъ, примѣняетъ характерный для него практическій приѣмъ: онъ сводитъ непонятные символы на знакомыя данныя повседневнаго опыта. Ему надо понять, а понять онъ можетъ только посредствомъ уподобленія всего чуждаго обыкновеннымъ земнымъ фактамъ. Отсюда — откровенное матеріалистическое направленіе дѣтской теологіи. Согласно наблюденіямъ Стэнли Голля, одинъ ребенокъ представлялъ себѣ Бога, какъ необыкновенно большого

---

¹⁾ По словамъ профессора *Earl Barnes'a*, калифорнскія дѣти, повидному, не особенно интересуются дьяволомъ и адомъ. См. его интересную статью „*Theological Life of a Californian Child*“, *Pedagogical Seminary*, II, 3 стр. 442 и сл.

человѣка—большого синяго человѣка; другой—какъ огромное существо, члены котораго покрываютъ все небо; третій ребенокъ считалъ Бога такимъ невѣроятно высокимъ, что Онъ можетъ стоять одной ногой на землѣ и въ то же время касаться облаковъ; при этомъ Онъ силенъ, какъ гигантъ—Его прототипъ. Руководствуясь словами другихъ, дѣти обыкновенно считаютъ, что Богъ живетъ въ небесахъ, т.-е. непосредственно по ту сторону голубого и бѣлаго пола—неба. Онъ находится такъ близко отъ облаковъ, что послѣднiя, по мнѣнiю одного маленькаго мальчика (нашего знакомаго зоолога), являются чѣмъ-то въ родѣ парка съ холмами и деревьями, который Богъ создалъ, чтобы гулять въ немъ. Нѣкоторыя дѣти придумываютъ даже мѣстопробыванiе для Бога, считая, напримѣръ, что онъ живетъ въ одной изъ звѣздъ. Одинъ ребенокъ Кратца помѣщалъ Бога „на лунѣ“; эта мысль, вѣроятно, вызвана отчасти сходствомъ, которое подмѣчено между луной и человѣческимъ лицомъ. Мы замѣчаемъ также, что дѣти склонны приближать небо къ землѣ, можетъ быть, для того, чтобы въ своихъ объясненiяхъ непонятнаго пользоваться присутствiемъ и дѣятельностью Бога на землѣ. Такъ, одинъ ребенокъ Кратца говорилъ, что Богъ находится „на холмѣ“, а одна пятилѣтняя дѣвочка имѣла обыкновенiе влѣзать на старую яблоню, чтобы навѣстить Бога и передать Ему свои желанiя.

Въ этихъ представленiяхъ о жилищѣ Бога отражается, повидимому, различiе чувствованiй, какъ и различiе въ способахъ обученiя и въ степени природнаго ума. Дѣтскiй умъ, какъ мы видѣли, обыкновенно считаетъ Бога какимъ-то важнымъ господиномъ, у котораго есть свой домъ или дворецъ. Въ представленiяхъ объ этомъ жилищѣ обнаруживаются два различныхъ направленiя. Съ одной стороны, то чувство дѣтскаго уваженiя, которое побуждало одну семилетнюю дѣвочку-нѣмку обращаться къ Богу въ вѣжливой формѣ „Ich bitte Sie“, заставляеть считать жилище Бога очень красивымъ. По словамъ нѣкоторыхъ бостонскихъ дѣтей, вмѣстѣ съ Богомъ живутъ птицы, дѣти и Св. Николай. Дру-

гя дѣти думаютъ, что Богъ имѣеть большой паркъ или садъ съ деревьями, цвѣтами и птицами. Дѣти—это, можетъ быть, умершіе люди, которые впоследствии будутъ снова посланы на землю. Но подразумѣваются ли подъ птицами, которыхъ я постоянно встрѣчаю въ представленіяхъ о небѣ, мертвыя птицы, — этого я не могу съ увѣренностью сказать. Однако, рядомъ съ этимъ полу-поэтическимъ изукрашиваніемъ жилища Бога мы видимъ и склонность уподоблять его обыкновенному человѣческому дому. Это замѣчательнымъ образомъ сказывается въ слѣдующей молитвѣ одной семилѣтней дѣвочки, у которой недавно умеръ дѣдушка: „Прошу Тебя, Боже, дѣдушка ушелъ къ Тебѣ. Прошу Тебя, смотри хорошенько за нимъ. Прошу Тебя, всегда помни, чтобы дверь была закрыта, потому что онъ не можетъ переносить сквозняка“. Эту же склонность къ обычнымъ представленіямъ мы видимъ и въ вопросѣ одной четырехлѣтней дѣвочки, которая спрашивала: „А есть у Бога жена?“

Живя въ этихъ возвышенныхъ областяхъ, Богъ, по мнѣнію дѣтей, дѣлаетъ различныя вещи, и дѣлаетъ ихъ, разумѣется, для насъ, — напримѣръ, посылаетъ дождь и т. д. Самое сильное впечатлѣніе производитъ на дѣтей, особенно на мальчиковъ, кажется способность Бога создавать предметы. Богъ въ ихъ представленіяхъ является преимущественно механикомъ, строителемъ, который не только создалъ міръ, звѣзды и т. д., но теперь все еще усердно занимается нуждами людей. По словамъ бостонскихъ дѣтей, Богъ производитъ всевозможныя вещи, начиная съ младенцевъ и кончая деньгами, а ангелы помогаютъ Ему. Мальчикъ всегда удивляется всякому творцу, и нашъ маленькій зоологъ, когда ему было три года и десять мѣсяцевъ, разъ сильно поразилъ свою мать, спросивъ у нея при видѣ нѣсколькихъ рабочихъ, возвращающихся съ работы: „Мама, это боги?“, „Боги?“ возразила мать, „почему?“ „Потому что они дѣлаютъ дома и церкви, точь-въ-точь какъ Богъ дѣлаетъ солнца, и людей, и маленькихъ собачекъ“. Другой ребенокъ, видя, какъ человѣкъ исправляетъ телеграфную проволоку, прикрѣпленную къ боль-

шому шесту на крышѣ высокаго дома, спросилъ, не Богъ ли это. Такимъ образомъ ребенокъ обыкновенно представляетъ себѣ, что Богъ сходитъ на землю, чтобы дѣлать различныя вещи. И, дѣйствительно, дѣти въ своихъ молитвахъ, часто просятъ Бога, какъ нѣкотораго добраго генія, сдѣлать то, что трудно для нихъ самихъ. Одинъ мальчикъ четырехъ съ половиной лѣтъ былъ какъ-то на кухнѣ со своей матерью и все время пытался снять со стѣны ножи. Наконецъ, его мать сказала: „Л., ты отрѣжешь себѣ пальцы, и тогда они больше не вырастутъ“. Онъ подумалъ немного, а затѣмъ сказалъ тономъ глубокой увѣренности: „Но Богъ сдѣлалъ бы, чтобы они выросли. Онъ сдѣлалъ меня, значить Онъ можетъ починить мои пальцы; и если бы я отрѣзалъ концы у нихъ, я бы сказалъ: „Боже, Боже, возьмися за свою работу“, а Онъ сказалъ-бы: „Хорошо“¹⁾.

Однако, если такой взглядъ на Бога, какъ на работника, встрѣчается очень часто, то онъ все же встрѣчается не у всѣхъ дѣтей. Божество ребенка, подобно божеству человѣка (какъ показала Фейербахъ), есть сколокъ съ него самого. И какъ существуютъ лѣнивыя дѣти, точно такъ же есть и дѣтскія божества, которыя, подобно изнѣженнымъ людямъ, по цѣлымъ днямъ сидятъ въ удобномъ креслѣ, и вся работа которыхъ въ лучшемъ случаѣ заключается въ томъ, что они ночью выставляютъ на небѣ луну и звѣзды.

Это удивленіе передъ творческой силой Бога сопровождается, конечно, удивленіемъ передъ Его искусствомъ. Одинъ маленькій мальчикъ разъ сказалъ своей матери, что хотѣлъ бы пойти на небо, чтобы увидѣть Иисуса Христа. На вопросъ, почему онъ хотѣлъ бы этого, онъ отвѣтилъ: „О,

---

¹⁾ Судя по одному разсказу, за истинность котораго я не могу ручаться, дѣти иногда точно также прибѣгаютъ и къ помощи дьявола. Одна маленькая дѣвочка разъ написала письмо и затѣмъ зарыла его въ землю. Содержаніе письма было приблизительно слѣдующее: „Милый дьяволъ, пожалуйста, приди и возьми поскорѣ тетю—я не могу ее больше терпѣть“. Тотъ фактъ, что дѣвочка зарыла письмо въ землю, пока зываетъ, гдѣ, по ея мнѣнію, обитаетъ дьяволъ.

Онъ большой волшебникъ“. Ребенокъ незадолго передъ этимъ видѣлъ какого-то фокусника и тотчасъ же совершенно подѣтски воспользовался приобрѣтенными познаніями, чтобы съ новой точки зрѣнія смотрѣть на Чудотворца Новаго Завѣта.

Мысль о всевѣдѣніи Бога, цовидимому, кажется дѣтямъ вполне естественной, такъ какъ они считаютъ, что и взрослые обладаютъ безграничными познаніями. Вѣра мальчика К. во всезнаніе проповѣдника и вѣра его сестры во всезнаніе городского показываютъ, какъ легко дѣтскій умъ осваивается съ этой мыслью.

Съ другой стороны, мнѣ приходилось слышать, что догмать всевѣдѣнія Божія вызываетъ иногда скептическое отношеніе ребенка. Это, на мой взглядъ, обнаруживается въ слѣдующемъ довольно грубомъ замѣчаніи, которымъ одинъ четырехлѣтній мальчикъ прервалъ длинное воскресное правоученіе своей матери: „Мама, Богъ знаетъ, когда ты остановишься?“ Когда нашему хитроумному маленькому зоологу было пять лѣтъ и семь мѣсяцовъ, онъ разъ въ разговоръ съ матерью нечестиво пытался слѣдующимъ образомъ опровергнуть доктрину о всевѣдѣніи: „Я знаю немножко больше, чѣмъ кошка, а ты знаешь немножко больше, чѣмъ я; Богъ, я думаю, знаетъ немножко больше, чѣмъ ты, и тогда вѣдь Онъ не такъ ужъ много знаетъ“.

Другое свойство Божества должно, несомнѣнно, вызывать недоумѣніе въ ребенкѣ; я говорю о вездѣсущности Бога. Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, что такъ называемые наставники ребенка могутъ почти въ одно и то же время говорить ему, что Богъ живетъ на небѣ и что Онъ вездѣ присутствуетъ. Мнѣ кажется, что здѣсь наиболѣе ясно обнаруживается превосходство дѣтскаго ума надъ умомъ взрослого, именно, въ томъ отношеніи, что первый не даетъ противорѣчивымъ мыслямъ мирно лежать рядомъ, а противопоставляетъ ихъ другъ другу. Для ребенка Богъ, какъ мы видѣли, живетъ на небѣ, хотя Онъ и можетъ сойти на землю, когда захочетъ или когда Его усердно объ этомъ попросятъ. Поэтому ребенокъ отбрасываетъ мысль о Его присутствіи всюду.

Мысль, что Богъ можетъ вездѣ видѣть ребенка, которую обыкновенно рано пускаютъ въ ходъ въ качествѣ нравственно-воспитательнаго средства, — эта мысль особенно неприятна маленькому, чуткому, гордому существу, которому даже глаза портрета, всюду слѣдящаго за нимъ со стѣны, кажутся тягостными. Госпожа Шиннъ, американка, извѣстная своими тщательными наблюденіями надъ дѣтьми, убѣдительно писала объ отвращеніи, которое дѣтскій умъ питаетъ къ мысли о вѣчно слѣдящемъ окѣ ¹⁾. Мои наблюденія вполне подтверждаютъ эти выводы въ этой области. Госпожа Шиннъ рассказываетъ объ одной маленькой дѣвочкѣ, которая заявила, узнавъ объ этомъ постоянномъ надзорѣ за собой, что она „не желаетъ, чтобы ее такъ преслѣдовали“. Одинъ трехлѣтній англійскій мальчикъ узналъ отъ своей старшей сестры, что Богъ можетъ видѣть насъ и наблюдать за нами, хотя мы его не можемъ видѣть; подумавъ немного, онъ сказалъ, какъ бы извиняясь: „Мнѣ очень жаль, моя милая, но я не могу тебѣ повѣрить“. Что подумала объ этомъ его пятнадцатилѣтняя сестра, этого намъ не сообщаютъ. Одинъ пятилѣтній мальчикъ-американецъ заявилъ, услыхавъ, что Богъ находится въ комнатѣ и можетъ все видѣть даже при закрытыхъ ставняхъ: „Я знаю, это какой нибудь фокусъ“.

Если ребенокъ принимаетъ эту мысль о вездѣсущности, то онъ прибѣгаетъ къ очень причудливымъ выдумкамъ, чтобы сдѣлать ее понятной. Такъ, одинъ ребенокъ считалъ Бога очень маленькимъ существомъ, которое можетъ легко проходить сквозь замочную скважину. Представленіе объ огромной величинѣ Бога, на которое мы уже указывали, является, вѣроятно, результатомъ попытки наглядно вообразить понятіе вездѣсущности. Изъ этого предположенія иногда дѣлаются замѣчательные выводы. Такъ, одна маленькая дѣвочка трехъ лѣтъ и девяти мѣсяцевъ разъ по-дѣтски кратко сказала своей матери: „Господинъ К. (это былъ недавно

---

¹⁾ Overland Monthly, янв. 1894 г., стр. 12.

умершій знакомый господинъ) здѣсь въ комнатѣ“. Мать, нѣсколько испуганная, конечно отвѣтила: „Нѣтъ, этого не можетъ быть!“ На это ребенокъ возразилъ „Да; онъ здѣсь. Ты говорила мнѣ, что онъ у Бога, и ты говорила мнѣ, что Богъ вездѣ, такъ что, если господинъ К. у Бога, то онъ долженъ быть въ этой комнатѣ“. Съ помощью такой прямолинейной логики дѣтскій умъ разсѣкаетъ ту путаницу безсвязныхъ представлений, которую мы пытаемся выдать за методическое обученіе.

Многіе, вѣроятно, подумаютъ, что готовность, съ которой дѣти молятся Богу, несовмѣстима со всѣмъ сказаннымъ выше. Но мнѣ кажется, что здѣсь нѣтъ настоящей несовмѣстимости. Въ представленіи дѣтей молитва, вѣроятно, является отправкой посланія къ кому нибудь, находящемуся вдали. Это, повидимому, подтверждается тѣмъ, что многія молитвы, какъ легко замѣтить, имѣютъ форму письма ¹⁾). Я думаю, что по мнѣнію ребенка, его таинственный лепетъ какимъ-то непонятнымъ, ему одному извѣстнымъ способомъ, передается божественному уху.

Относительно вѣры ребенка въ доброту Бога нѣтъ надобности распространяться. Для этихъ маленькихъ поклонниковъ Богъ прежде всего является другомъ въ нуждѣ, который можетъ на тысячу ладовъ помочь имъ въ ихъ затрудненіяхъ. Нашъ маленькій зоологъ благодарилъ Бога за то, что Онъ создалъ „море, ямы, гдѣ живутъ раки, деревья, поля и цвѣты“, и очень жалѣлъ, что Богъ не пошелъ еще дальше и не сдѣлалъ тѣхъ животныхъ, которыхъ мы ѣдимъ, вареными. Какъ показываютъ молитвы дѣтей, Богъ всегда готовъ дѣлать имъ прекрасные подарки, начиная съ яснаго дня и кончая игрушечнымъ ружьемъ, и доставлять имъ всякое удовольствіе, если только они хорошо попросятъ Его. Счастливая эпоха безмятежнаго оптимизма! Но для многихъ дѣтей она, увы, слишкомъ непродолжительна; благодаря

---

¹⁾ Ср. приведенный выше рассказъ о письмѣ, адресованномъ дьяволу.

общей окраскѣ своей жизни, они теряютъ вѣру во всякую доброту и Богъ представляется имъ злымъ и даже жестокимъ.

Однимъ изъ дѣйствительно трудныхъ пунктовъ въ теологіи является для дѣтскаго ума ученіе о вѣчности Бога. Вначалѣ ребенокъ поражается фактомъ своего собственнаго рожденія, а вскорѣ послѣ этого его приводятъ въ недоумѣніе мыслью о томъ, что Богъ никогда не возникъ. У мальчика К. обнаружилась общая склонность дѣтскаго мышленія, когда онъ спрашивалъ, какимъ былъ Богъ въ своей молодости. Къ вопросу: „кто создалъ Бога?“ приходитъ на извѣстной ступени развитія, кажется, всякій пытливый ребенокъ. Метафизическая склонность ребенка прослѣживая обратно до безконечности цѣль событій встрѣчаетъ въ понятіи вѣчно-существующаго, неизмѣннаго Бога очень важную преграду. Ребенокъ хотѣлъ бы проникнуть за это „всегда былъ“, которое ему говорятъ о существованіи Бога, точно такъ же, какъ на болѣе ранней ступени развитія онъ хотѣлъ проникнуть за стѣну голубыхъ горъ. Эта черта удивительно проявилась въ разсужденіи одного ребенка, котораго наблюдалъ Эггеръ. Узнавъ отъ своей матери, что до сотворенія міра существовалъ только Богъ—Создатель, ребенокъ спросилъ: „А раньше Бога?“ Когда мать отвѣтила: „Ничего“, онъ тотчасъ же по своему истолковалъ ея отвѣтъ и сказалъ: „Нѣтъ, должно было существовать мѣсто (т.-е. пустое пространство), гдѣ находится Богъ“. Такъ рѣшительно дѣтскій умъ старается найти что нибудь, что было „раньше“, хотя бы это было только готовое мѣсто.

Въ дѣятельномъ маленькомъ мозгѣ разрѣшаются характернымъ образомъ и другія тайны, о которыхъ ребенку приходится слышать. Одинъ знакомый разсказывалъ мнѣ, что въ дѣтствѣ онъ былъ очень смущенъ ученіемъ о Троицествѣ. Такъ какъ онъ былъ у своихъ родителей единственнымъ ребенкомъ, то для истолкованія этого ученія онъ приравнялъ его къ представленію о своей семьѣ, при чемъ роль Св. Духа вышла на долю матери.

Я пытался показать, что дѣти стараются вложить какойнибудь смыслъ, и притомъ согласный смыслъ, въ тѣ разнородныя свѣдѣнія о невидимомъ мірѣ, которыя имъ обыкновенно сообщаются. Я согласенъ съ госпожей Шиннъ, что дѣти трехъ-четырехъ лѣтъ не имѣютъ склонности къ богословскимъ умозрѣніямъ, что они въ большинствѣ случаевъ просто приходятъ въ недоумѣніе отъ тѣхъ разсказовъ о Богѣ, которые имъ приходится слышать. Многія не особенно умныя дѣти могутъ спокойно относиться къ той смѣси представленій, имѣющихъ полу-миеологическій или поэтическій, полубогословскій характеръ, которую они воспринимаютъ этимъ путемъ. Такого рода дѣти нисколько не хуже многихъ взрослыхъ людей, которые обладаютъ удивительною способностью сохранять въ своемъ умѣ противорѣчивыя представленія, распредѣляя ихъ невредимыми по различнымъ ящичкамъ въ своемъ мозгу. Умное же, вдумчивое дитя пытается, по крайней мѣрѣ, примирить такія представленія и свести ихъ въ одно понятное цѣлое. Его умъ еще не привыкъ, подобно уму многихъ взрослыхъ, къ устройству непроницаемыхъ перегородокъ, которыя дѣлаютъ невозможнымъ просачиваніе какойнибудь мысли изъ одного отдѣленія въ другое. Отсюда — его удивленіе, его разспросы, его отважныя попытки замѣнить хаосъ порядкомъ. Мнѣ кажется, своевременно было бы подумать о томъ, разумно ли поступаютъ родители, увеличивая число вопросовъ, которые и безъ того смущаютъ умъ ребенка въ раннемъ дѣтствѣ.

Маленькій языковѣдъ.

Первый лепеть.

Ни одна сторона жизни ребенка, быть можетъ, не привлекаетъ насъ въ такой степени, какъ его первыя попытки пользоваться нашимъ языкомъ. Первыя усилія маленькаго человѣка въ этой области очаровываютъ насъ извѣстной прелестью и обнаруживающимся въ нихъ горячимъ стремленіемъ приблизиться къ намъ въ духовномъ отношеніи, воспользоваться всѣми благами человѣческаго общенія.

При этомъ тѣ трудности, которыя мы ставимъ юному существу, начинающему изучать нашъ языкъ, и тѣ приемы, посредствомъ которыхъ оно старается ихъ преодолѣть, придаютъ этой области дѣтской дѣятельности особенный, наполовину трогательный, наполовину комическій интересъ. Для ученаго же, изучающаго дѣтство, наблюденіе послѣдовательныхъ ступеней въ условіи языка, имѣетъ кромѣ того, очень важное значеніе. Рѣчь, это — звуки, отлитые въ опредѣленную форму и превращенные, такимъ образомъ, въ средство для передачи мыслей; и мы лучше всего можемъ прослѣдить развитіе мыслей у ребенка, присматриваясь къ тому, какъ этотъ ваятель словъ принимается за пластическій матеріалъ звуковъ и придаетъ ему живописное разнообразіе формъ.

Первыя попытки ребенка пользоваться словами представляютъ особенный биологическій и антропологическій интересъ. Рѣчь, это — наиболѣе очевидный признакъ, которымъ разумъ человѣка отличается отъ разума животныхъ. Въ нау-

къ о происхожденіи и первоначальномъ развитіи человѣка однимъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ является вопросъ о томъ, какимъ образомъ человѣкъ впервые приобрѣлъ способность пользоваться звуковыми знаками. Придерживаясь біологическаго принципа, по которому въ развитіи индивидуума повторяется, въ главныхъ чертахъ, ходъ развитія расы, мы можемъ ожидать, что при изученіи дѣтскаго употребленія языка найдемъ указанія на то, какъ наша раса приобрѣла этотъ неоцѣнимый даръ. Много ли основанія ожидать, что посредствомъ изученія дѣтской рѣчи вполне разъяснится тотъ процессъ, путемъ котораго человѣкъ сталъ „говорящимъ“ (*homo articulans*, владѣющій членораздѣльной рѣчью),—это будетъ видно ниже. Во всякомъ случаѣ, такое изученіе, несомнѣнно, имѣетъ извѣстную цѣнность уже по тому интересу, который оно возбуждаетъ.

Представляя, такимъ образомъ, особенный научный интересъ, первыя проявленія способности ребенка къ языку въ то же время чрезвычайно легко поддаются точному методическому наблюденію. Членораздѣльные звуки, это такіе объекты воспріятій, которые имѣютъ вполне опредѣленный характеръ и которые, при наличности у наблюдателя достаточно тонкаго слуха и значительной чуткости, могутъ быть безошибочно подмѣнены и описаны. Безъ сомнѣнія здѣсь встрѣчаются большія затрудненія; но это—затрудненія именно того рода, которыя подстрекаютъ любознательность истиннаго естествоиспытателя. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ наблюденіяхъ натуралиста надъ дѣтскою жизнью первыя членораздѣльные звуки занимаютъ очень важное мѣсто. Прейеръ, напримѣръ, посвящаетъ этому предмету одну изъ трехъ частей своего извѣстнаго сочиненія и даетъ намъ тщательно собранныя и разработанныя свѣдѣнія объ успѣхахъ ребенка въ произнесеніи звуковъ и въ пользованіи рѣчью до конца того періода, которымъ занимается авторъ (первыя три года).

Такъ какъ настоящія изслѣдованія посвящены, главнымъ образомъ, характернымъ чертамъ ребенка, уже умѣющаго

пользоваться языкомъ, то я не могу подробно вдаваться здѣсь въ исторію его зачаточной рѣчи. Но такъ какъ языкъ въ то же время является такой областью, въ которой дитя обнаруживаетъ цѣнные характерные признаки еще спустя много времени послѣ достиженія трехъ лѣтъ, то онъ заслуживаетъ отдѣльнаго очерка въ настоящей книгѣ.

Какъ извѣстно всякому, дитя произноситъ различные звуки еще за долго до того, какъ оно начинаетъ *говорить* въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Первыми изъ нихъ являются крики, не имѣющіе опредѣленности настоящихъ членораздѣльныхъ звуковъ. Эти крики выражаютъ смѣну чувствованій, напр., боли и удовольствія; они инстинктивны и являются результатомъ того врожденнаго устройства нервной системы, благодаря которому чувствованія оказываютъ вліянія на мышцы. Такіе крики постепенно расчлениются и служатъ очень разнообразными выраженіями голода, холода, боли, радости и т. д., выраженіями, которыя—это можно съ увѣренностью сказать—даже въ лучшемъ случаѣ очень недостаточно извѣстны большинству нянекъ и матерей.

Въ этихъ крикахъ съ самаго начала слышится членораздѣльный звукъ, приближающійся, по Прейеру, къ гласнымъ *у* и *э*. Этотъ членораздѣльный элементъ становится болѣе опредѣленнымъ и рѣче измѣняется въ позднѣйшихъ крикахъ и отчасти служитъ для различенія ихъ другъ отъ друга. Такъ, замѣчено, что не поддающееся описанію различіе оттѣнка въ звукѣ *а* отдѣляетъ крики, выражающіе боль, отъ криковъ, выражающихъ удовольствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда ребенокъ доволенъ, членораздѣльные звуки начинаютъ являться въ формѣ дѣтскаго лепета. Такъ, ребенокъ произноситъ цѣлый рядъ *а* и другихъ гласныхъ звуковъ. Въ этомъ дѣтскомъ щебетаніи нѣкоторые гласные звуки нашего языка слышатся болѣе отчетливо и иногда связываются другъ съ другомъ причудливымъ образомъ *аи-а-ау-э*. Прейеръ и другіе пытались указать точный порядокъ, въ которомъ появляются различные гласные звуки. Однако, нельзя было бы ожидать, что наблюдатели сойдутся въ своихъ выводахъ

относительно предмета, который такъ трудно уловить и описать,—и такъ оно оказывается на самомъ дѣлѣ ¹⁾. Весьма вѣроятно, однако, что если даже оставить въ сторонѣ различія, вытекающія изъ произношенія написаннаго, развитіе отдѣльныхъ дѣтей въ данномъ отношеніи бываетъ очень неодинаково. Это въ еще большей степени относится къ появленію согласныхъ звуковъ, которые задолго до конца шестого мѣсяца начинаютъ сочетаться съ гласными въ слоги, какъ *па, ма, мам* и т. д. Такъ, хотя губные звуки *б, п, м* въ большинствѣ случаевъ являются, кажется, первыми, однако ихъ иногда сопровождаютъ, или имъ даже предшествуютъ другіе, напримѣръ, гортанный звукъ *х* или (по словамъ Прейера и другихъ), при соотвѣтствующемъ гласномъ звукѣ, твердое *г*. Сходнымъ образомъ, такіе звуки, какъ *л* и *р*, обыкновенно являющіеся довольно поздно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ начинаютъ произноситься очень рано ²⁾. Нѣкоторые изслѣдователи пытались показать, что порядокъ появленія звуковъ соотвѣтствуетъ возрастающей трудности ихъ произнесенія или потребнымъ для ихъ произнесенія усилямъ мышцъ. Однако, независимо отъ только что указаннаго факта—что этотъ порядокъ не всегда одинаковъ—весьма сомнительно, зависитъ ли наиболѣе обычный порядокъ отъ такого простаго физиологическаго закона.

Этотъ первоначальный лепетъ удивительно богатъ и разнообразенъ. По словамъ Прейера, въ немъ содержится большинство звуковъ, если не всѣ, которые позднѣе употребляются въ рѣчи, и даже такіе, которые вполнѣдствіи представляютъ значительныя трудности. Благодаря удивительному пред-

¹⁾ См. *Preyer, Die Seele des Kindes*, гл. 20; ср. мысли, высказанныя De la Call'емъ, у *Перэ*, Первые три года жизни ребенка. Стэнли Голль замѣчаетъ, что первые звуки, произносимые ребенкомъ, едва ли возможно было бы классифицировать даже посредствомъ фонетическихъ знаковъ Белля или съ помощью фонографа (*Pedagogical Seminary*, I, стр. 132).

²⁾ Мальчикъ Прейера употреблялъ согласные звуки прежде всего въ слѣдующихъ сочетаніяхъ: *tahu, gō, örō* (*Die Seele des Kindes*, стр. 366; ср. гл. 21).

начертанію природы, дитя еще за нѣсколько мѣсяцевъ начинаетъ подготавливаться къ употребленію трудной членораздѣльной рѣчи. Это—испытаніе голосового инструмента во всѣхъ его регистрахъ.

Хотя няни и воображаютъ обыкновенно, что, лепеча такимъ образомъ, дитя разговариваетъ съ самимъ собою, однако нѣтъ никакого основанія думать, что этотъ лепетъ представляетъ даже зачатокъ настоящей рѣчи. Рѣчь, это—намѣренное употребленіе звуковъ въ качествѣ символовъ какой нибудь мысли. Но нельзя же предположить, что лепечущее пятимѣсячное дитя связываетъ всѣ эти случайные звуки съ какими-либо представленіями, если только вообще можно сказать, что оно имѣетъ опредѣленные представленія. Единственное значеніе, какое могутъ имѣть эти первоначальные звуки, заключается только въ томъ, что они выражаютъ извѣстное душевное состояніе. Какъ мы видѣли, они, несомнѣнно, возникаютъ изъ криковъ, имѣющихъ это же значеніе. Можно сказать, что даже счастливое бормотаніе ребенка, который лежитъ на спинѣ и захлебывается гласными звуками, выражаетъ его довольство, точно такъ же, какъ довольство выражаютъ сопровождающія это бормотаніе движенія рукъ и ногъ. Однако было бы преувеличеніемъ предположить, что умѣлое произнесеніе звуковъ имѣетъ только этотъ смыслъ, что всѣ разнообразныя и тонкія измѣненія звуковъ вызваны одной только смутной переменѣной чувствованій.

Въ дѣйствительности этотъ дѣтскій лепетъ, какъ и сопровождающія его движенія членовъ, вызывается, повидимому, извѣстными измѣненіями въ нервной системѣ. Когда голосовые центры достигаютъ нѣкотораго развитія, тогда двигательные импульсы начинаютъ вліять на мышцы гортани, затѣмъ на губы, языкъ и т. д. и такимъ образомъ производятъ все болѣе и болѣе разнообразныя звуки и сочетанія звуковъ. Такое произнесеніе звуковъ обыкновенно разсматриваютъ, какъ импульсивное. Оно инстинктивно, т.-е. усвоено не путемъ выучки, но зависитъ отъ природенной

связи между частями нервной системы, и о немъ въ лучшемъ случаѣ можно сказать только, что оно въ своей совокупности выражаетъ извѣстное настроеніе или относительно-устойчивое душевное состояніе.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія это импульсивное произнесеніе звуковъ осложняется ясно выраженнымъ элементомъ преднамѣренности. Дитя слышитъ произносимые имъ звуки, и они нравятся ему. Съ этого времени оно начинаетъ лепетать уже ради того удовольствія, которое лепетъ ему доставляетъ. Зародышъ такого лепета, цѣль котораго—доставлять удовольствіе, мы видимъ въ многократномъ повтореніи одного и того же звука. Первое удвоеніе и однообразное повтореніе звуковъ, *а—а, ма-ма*, вызывается, можетъ быть, физиологической инерціей, простой склонностью идти дальше по тому пути, на который мы разъ вступили,—той самой склонностью, которая заставляетъ скучнаго оратора повторяться. Въ то же время въ этомъ повтореніи звуковъ ребенкомъ, безъ сомнѣнія, заключается зачатокъ подражанія самому себѣ. Иными словами, дитя, произведя какой-нибудь звукъ, напиримѣръ *на* или *ам*, импульсивно повторяетъ свое дѣйствіе, чтобы снова получить тотъ же звуковой эффектъ. Можно предположить, что такой возобновленный импульсъ въ свою очередь приноситъ съ собой зачатокъ того удовольствія, которое доставляется повтореніемъ звука или созвучіемъ. Дальнѣйшимъ признакомъ того, что звукъ произносится ради удовольствія, служитъ приданіе ряду звуковъ ритмическаго характера. Въ этомъ дѣтскомъ лепетѣ мы, въ сущности, видимъ скорѣе зачатокъ пѣнія и музыки, чѣмъ начало членораздѣльной рѣчи. Грубая вокальная музыка дикарей состоитъ изъ такого же ритмическаго повторенія бессмысленныхъ звуковъ, въ которыхъ, какъ и въ этомъ дѣтскомъ пѣніи, отражается всякая переменна чувствованій. Мы можемъ поэтому лучше всего опредѣлить дѣтскій лепетъ, какъ игру голосомъ, какъ неумѣлое, самопроизвольное пѣніе, выражающее извѣстное настроеніе,—пѣніе, которому дитя предается ради собственного удовольствія и которое, благодаря цѣлесообразному

порядку въ природѣ, служить подготовительнымъ упражне-
ніемъ къ произнесенію членораздѣльныхъ звуковъ или къ
рѣчи.

Переходъ къ членораздѣльной рѣчи.

Попробуемъ теперь разобрать, какимъ образомъ эти не-
умышленные упражненія на голосовомъ инструментѣ пере-
ходятъ въ настоящее осмысленное произнесеніе членораз-
дѣльныхъ звуковъ, какъ эта протоплазма рѣчи развивается
въ тотъ организмъ, который мы называемъ языкомъ. Здѣсь
прежде всего возникаетъ вопросъ: стремится ли ребенокъ
самъ по себѣ употреблять усвоенные такимъ способомъ звуки
въ качествѣ символовъ, — независимо отъ вліянія, оказываемаго
воспитаніемъ, т. е. независимо отъ вліянія членораздѣльныхъ
звуковъ, которые произносятся другими и приковываютъ къ
себѣ его вниманіе, какъ символы? На этотъ вопросъ не
легко отвѣтить, такъ какъ склонность къ подражанію разви-
вается очень рано, а воспитаніе въ дѣтской непрерывно и
всеобъемлюще. Однако я все же попытаюсь дать нѣкоторый
отвѣтъ.

Что ребенокъ на извѣстной степени умственнаго развитія
окажется способнымъ пользоваться знаками совершенно неза-
висимо отъ чужихъ примѣровъ и отъ воспитанія, — этого
можно было бы ожидать. Кто наблюдалъ, какъ молодой коте-
нокъ, совершенно изолированный отъ постороннихъ вліяній и
примѣровъ, самъ доходитъ до того, что прикасается къ рукѣ
человѣка, сидящаго за ѣдой, и этимъ жестомъ проситъ себѣ
пищи, — тотъ не станетъ удивляться, что и ребенокъ въ
состояніи изобрѣтать различные знаки. Мы знаемъ также,
что глухонѣмые по собственному побужденію создаютъ въ
своей средѣ вполне разработанную систему пантомимныхъ
знаковъ, что они, далѣе, выражаютъ свои чувства и желанія
посредствомъ звуковъ, которые хотя и не слышны для нихъ
самихъ, однако могутъ быть понятны другимъ и могутъ,
такимъ образомъ, служить удовлетворительными знаками для

выраженія ихъ просьбъ и потребностей. У нормальнаго ребенка также обнаруживаются нѣкоторые зачатки самостоятельнаго созданія знаковъ, хотя могущественныя виѣшнія вліянія и заставляютъ его принять въ качествѣ знаковъ членораздѣльные звуки, употребляемые другими. Самыми ранними изъ такихъ самостоятельно изобрѣтенныхъ знаковъ являются простые жесты, напримѣръ протягиваніе рукъ, когда ребенокъ желаетъ, чтобы няня взяла его къ себѣ ¹⁾. Никто еще не предполагалъ, что эти жесты—плодъ подражанія. То же можно сказать и о другихъ обычныхъ условныхъ тѣлодвиженіяхъ, появляющихся около конца перваго года или нѣсколько позднѣе; напримѣръ, дитя совершенно такъ же, какъ и собака, тянетъ васъ за платье, если хочеть, чтобы вы пошли съ нимъ, или прикасается къ стулу, когда хочеть, чтобы вы сидѣли, или (какъ дѣлалъ ребенокъ Дарвина, когда ему минулъ годъ) беретъ клочекъ бумаги и указываетъ на огонь, выражая этимъ желаніе посмотрѣть, какъ бумага сгоритъ. Жестъ указыванія можетъ, вѣроятно, инстинктивно возникнуть изъ хватательнаго движенія, хотя его появленію, безъ сомнѣнія, обыкновенно способствуютъ примѣры другихъ.

Я замѣтилъ, что такіе пантомимные знаки играютъ болъшую роль у тѣхъ дѣтей, которыя отстали въ развитіи рѣчи, и по своему положенію приближаются, сдѣдовательно, къ глухонѣмымъ. Такъ, одна дама, приславшая мнѣ замѣтки о своихъ трехъ дѣтяхъ, говоритъ: что одинъ ея ребенокъ, особенно отставшій въ развитіи рѣчи, свободно пользовался пантомимными знаками. Когда ему было шестнадцать мѣсяцевъ, у него были общіе знаки этого рода; сошнѣніе означало у него цвѣтокъ, подражаніе поцѣлюю было знакомъ живыхъ существъ, т.-е. всевозможныхъ животныхъ ²⁾.

1) Природа жестовъ, ихъ отношеніе къ настоящему языку и ихъ преобладаніе въ дѣтствѣ, у слабоумныхъ дѣтей, глухонѣмыхъ и т. д.—эти вопросы рассмотрѣны у *Romanes*, *Mental Evolution in Man*, гл. VI.

2) Прелестный образчикъ пантомимныхъ жестовъ (маленькая дѣвочка описываетъ своему отцу первое куланье въ морѣ) приводитъ *Romanes* въ указ. соч., стр. 220.

Подобно тому, какъ движенія могутъ, такимъ образомъ, инстинктивно, т.-е. независимо отъ чужихъ примѣровъ, служить для выраженія простыхъ чувствованій и желаній или, какъ въ только что приведенномъ случаѣ, означать извѣстные представленія,—точно такъ же и самопроизвольно созданные звуки могутъ быть употребляемы въ качествѣ символовъ. Какъ было указано выше, первые членораздѣльные звуки, произносимые по собственному почину, находятся въ тѣсной связи съ чувствованіями, и мы замѣчаемъ во второй половинѣ перваго года, когда подготовительныя упражненія уже пройдены, что извѣстные звуки приобрѣтаютъ опредѣленный смыслъ. Такъ, одинъ маленькій мальчикъ, когда ему было восемь мѣсяцевъ, обыкновенно употреблялъ звуки „ма-ма“ въ угнетенномъ настроеніи, и „да-да“ въ случаѣ удовольствія. Среди этихъ инстинктивныхъ выразительныхъ звуковъ однимъ изъ самыхъ важныхъ является звукъ, означающій голодь. Я все больше убѣждаюсь, что для выраженія этой потребности, или какъ знакъ ея выдѣляется особый звукъ. Мы вскорѣ вернемся еще къ этому факту.

Звуки настоящей рѣчи, означающіе различные предметы, возникаютъ изъ такихъ самопроизвольныхъ звуковъ, выражающихъ чувствованія. Такъ, слово *да*, сопровождающее знакъ указыванія и часто съ легкими измѣненіями употребляемое какъ нѣмецкими, такъ и англійскими дѣтьми, вначалѣ, вѣроятно, есть простое междометіе, выражающее то слабое удивленіе, которое вызывается появившимся въ полѣ зрѣнія новымъ предметомъ. Но такъ какъ этимъ словомъ постоянно сопровождается жестъ указыванія, то оно само получаетъ этотъ смыслъ, и имъ обозначается присутствіе или появленіе какого нибудь предмета въ опредѣленномъ мѣстѣ или въ опредѣленномъ направленіи. Нѣчто сходное представляютъ собою и звуки *ата* или *тата*, означающіе уходъ или исчезновеніе предмета. Эти знаки, какъ показываетъ Прейеръ, созданы самостоятельно, а не путемъ подражанія, о чемъ свидѣтельствуетъ и ихъ значительное разнообразіе. Такъ, мальчикъ Прейера употреблялъ вмѣсто „вотъ“

(по-нѣмецки *da*) *да*, *нда*, *нта* и т. д., а вмѣсто „прочь“ (*fort*)— *атта*, *фту*, *туф* и т. д. Указывая на какой-нибудь предметъ, мальчикъ Тидемана произносилъ *a—a*, а одинъ изъ дѣтей Стэнли Голля — звукъ *э*. Отсюда мы можемъ заключить, что существуетъ непроизвольныя голосовыя реакціи, выражающія тѣ противоположныя духовныя состоянія, которыя соотвѣтствуютъ появленію или приходу и исчезновенію или уходу интереснаго, привлекающаго вниманіе предмета, и что, далѣе, эти реакціи, разъ другіе узнають ихъ, стремятся упрочиться въ качествѣ символовъ языка ¹⁾.

Какъ въ пантомимныхъ движеніяхъ, въ сонѣни, поцѣлуяхъ и т. д., такъ и въ звукахъ, произносимыхъ съ извѣстнымъ выраженіемъ, мы можемъ замѣтить тенденцію сдѣлаться настоящими знаками опредѣленныхъ мыслей. Одно изъ самыхъ отчетливыхъ проявленій этой тенденціи можно видѣть въ изобрѣтеніи словоподобныхъ звуковъ для обезпеченія съдобныхъ предметовъ. Я уже сказала, что состояніе голода и сопровождающее его специфическое страданіе очень рано начинаетъ обозначаться какимъ-нибудь отчетливымъ, выразительнымъ знакомъ. Позднѣе этотъ же или какой-нибудь другой звукъ сознательно употребляется въ смыслѣ *требованія* пищи. Мальчикъ Дарвина употреблялъ такимъ образомъ звукъ „мѣм“, другой англійскій ребенокъ — „нѣмби“, третій — „нини“; французскій ребенокъ, котораго наблюдалъ Тэнъ, пользовался звукомъ „гам“. Преобладаніе губного звука *м* указываетъ на раннее образованіе этихъ словоподобныхъ знаковъ и заставляетъ думать, что они развились изъ первоначальнаго, инстинктивнаго звука *м* ²⁾. Когда такіе

---

1) См. *Preyer Die Seele des Kindes*, стр. 353, 390, 391.

2) См. выписку изъ Либера у Тэнъ. „Объ умѣ и познаніи“, часть II, кн. IV, гл. I. Знакъ для выраженія „я хочу ѣсть“ въ нѣкоторыхъ случаяхъ создается такимъ образомъ, что какому-нибудь звуку, который предложенъ другими для обозначенія опредѣленнаго съдобнаго предмета, придается общее значеніе. Примѣры см. у *Preyer, Die Seele des Kindes*, стр. 362.

звуки становятся понятны нянѣ, они обыкновенно упрочи-
ваются въ качествѣ знаковъ для требованія пищи.

Повидимому, одинъ только шагъ отдѣляетъ просьбу „дай
мнѣ поѣсть“ отъ того, чтобы назвать предметъ — пищу.
Такой тонкій наблюдатель, какъ Дарвинъ, говоритъ, что его
мальчикъ употреблялъ звукъ „мѣм“ не только для того, что-
бы выразить просьбу или требованіе „дай мнѣ ѣсть“, но и
пользовался этимъ звукомъ, какъ существительнымъ „пища“
въ самомъ широкомъ смыслѣ. На этомъ существительномъ
онъ затѣмъ построилъ нѣкоторую зачаточную систему клас-
сификаціи; напримѣръ, сахаръ онъ называлъ „ша-мѣм“, а
лакрицу, расчлняя даже это подраздѣленіе, — „черный ша-
мѣмъ 1). Но это, насколько я могу судить, исключительный
случай. Въ словарѣ большинства дѣтей двухъ или трехъ
лѣтъ нѣтъ общаго обозначенія пищи, хотя есть названіе для
отдѣльныхъ видовъ пищи, напр., для молока, хлѣба. Это со-
отвѣтствуетъ общему порядку развитія знаковъ, обозначаю-
щихъ различныя мысли, такъ какъ и у отдѣльнаго чело-
вѣка, и у расы названія для легко различимыхъ видовыхъ
понятій являются раньше, чѣмъ названія для обширныхъ и
отвлеченныхъ родовыхъ понятій, каково, напримѣръ, поня-
тіе „пища“. Поэтому весьма вѣроятно, что подобные ранніе
знаки для обозначенія пищи не развиваются въ дѣйстви-
тельные символы мысли или въ имена. Они въ значительной
степени сохраняютъ свой первоначальный характеръ, какъ
выраженія желаній и, можетъ быть, волевыхъ состояній, со-
отвѣтствующихъ приказаніямъ. Это подтверждается тѣмъ фак-
томъ, что ребенокъ, о которомъ говоритъ Тэнъ, употреблялъ
звукъ „тем“, какъ повелительное склоненіе вообще, въ
смыслѣ „дай!“ „возьми!“ „смотри!“ и т. д. 2).

Другимъ раннимъ примѣромъ эмоціональнаго выраженія
перешедшаго въ зародышъ настоящаго знака, является знакъ,
вырывающійся при видѣ движущагося существа. Видъ такого

1) См. Mind, т. II, стр. 293.

2) См. Mind, т. II, стр. 255.

существа оказываетъ могущественное дѣйствіе на мозгъ ребенка и вызываетъ обыкновенно сильную мышечную реакцію — голосовую или какую либо иную. Одинъ маленькій мальчикъ двѣнадцати мѣсяцевъ и трехъ недѣль обыкновенно выражалъ свое волненіе звукомъ „до-бу-бу“ и въ теченіе десяти дней произносилъ этотъ звукъ при появленіи собаки, лошади, птицы и т. д. Здѣсь мы видимъ органической элементъ языка, называемый именемъ, въ зачаточномъ состояніи, изъ котораго ему не суждено перейти когда нибудь въ другое, болѣе высокое. Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ такихъ звуковъ, вырывающихся при видѣ животныхъ, образуются болѣе или менѣе прочные знаки, выражающіе узнаваніе.

При этомъ самостоятельномъ изобрѣтеніи словоподобныхъ звуковъ подражаніе играетъ значительную роль. Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что жесты въ большой степени возникаютъ путемъ подражанія. Такъ, посредствомъ сощѣнія и мимическихъ пощѣлуевъ, о которыхъ мы упоминали нѣсколько выше, ребенокъ всецѣло подражаетъ извѣстнымъ движеніямъ. Жестъ указыванія есть, можно сказать, также нѣкотораго рода подражаніе движеніямъ руки при доставаніи и схватываніи. Звукъ „до-бу-бу“, употреблявшійся при видѣ животнаго, вѣроятно, созданъ путемъ подражанія. По словамъ Прейера, звуки, вырывающіеся при видѣ движущихся предметовъ, напримѣръ, при видѣ катящагося шара или колеса, представляютъ собою подражаніе ¹⁾. Болѣе сомнительно, производятся ли звуки для обозначенія голода, напримѣръ „мѣм“, „нѣмби“, какимъ нибудь видоизмѣненіемъ тѣхъ движеній, которыя обыкновенно выполняются при сосаніи ²⁾.

Иногда подраженіе является единственнымъ источникомъ звука. При помощи тѣхъ приѣмовъ, которые мы называемъ звукоподражаніемъ, дитя старается копировать какой нибудь

¹⁾ Die Seele des Kindes, стр. 358.

²⁾ Противъ подражательности въ этомъ случаѣ какъ будто говорить тотъ фактъ, что одинъ семнадцатимѣсячный мальчикъ обозначалъ все съѣдобное звукомъ „диди“.

естественный звукъ, и такое подражаніе можетъ иногда явиться началомъ самостоятельнаго изобрѣтенія очень разнообразныхъ звуковъ. Одинъ мальчикъ, въ возрастѣ отъ девяти до десяти мѣсяцевъ, подражалъ крику молодыхъ пѣтуховъ, втягивая въ себя воздухъ, и этотъ звукъ (вѣрнѣе, шумъ) съ теченіемъ времени сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ названія для всѣхъ пернатыхъ существъ, включая и маленькихъ птичекъ. Обыкновенно же такіе продукты звукоподражанія служатъ знаками точнаго узнаванія отдѣльныхъ видовъ животныхъ; такъ „уа-уа“ или „вау-вау“ означаетъ собаку, „муму“—корову, „уак-уак“ или „квакъ“—утку, и т. д.

Можно, разумѣется, сказать, что эти подражательные звуки частью заимствуются изъ традиціоннаго дѣтскаго словаря, который няни очень усердно преподають ребенку. Но слѣдуетъ помнить, что и самый этотъ традиціонный дѣтскій языкъ въ значительной степени состоитъ изъ собственныхъ звуковъ ребенка. Кромѣ того, есть много доказательствъ иного рода, свидѣтельствующихъ, что дѣти—ревностные и неутомимые подражатели какъ тѣхъ движеній, которыя они видятъ, такъ и тѣхъ звуковъ, которые они слышатъ. Около конца первыхъ шести мѣсяцевъ и въ теченіе второго полугодя своей жизни ребенокъ обыкновенно старательно копируетъ всякій звукъ, который произносятъ передъ нимъ. У мальчика Прейера эта склонность повторять каждый услышанный звукъ развилась въ какую-то манію подражанія. Усвоеніе языка другихъ всецѣло зависитъ отъ наличности и силы этой склонности къ подражанію. И эта же склонность побуждаетъ ребенка не ограничиваться рабскимъ усвоеніемъ нашихъ условныхъ звуковъ, но и изобрѣтать новые, основанные на звукоподражаніи. Такъ, одно маленькое дитя придумало прелестный звукъ „тинь-тинь“, какъ обозначеніе колокольчика. Одна дѣвочка пользовалась, безъ всякаго внушенія со стороны, какимъ-то чирикающимъ звукомъ для обозначенія птицы, и издавала странный звукъ, похожій на стукъ, при видѣ изображенія лошади (безъ сомнѣнія, она подражала звуку лошадиныхъ копытъ); между тѣмъ одинъ

маленькій мальчикъ обозначалъ птицу легкимъ свистомъ, а лошадь звукомъ „клик-клик“. Иногда дѣти подражаютъ какому нибудь подражательному звуку, издаваемому взрослыми. Такъ, одинъ ребенокъ, приблизительно двухъ лѣтъ, употреблялъ звукъ „афта“, какъ названіе для питья и въ то же время для сосуда, изъ котораго пьютъ; „при этомъ онъ подражалъ тому звуку сосанія въ воздухѣ, который издавала его няня, *притворяясь, будто пьетъ*“¹⁾.

Въ этихъ же двухъ источникахъ самостоятельной дѣтской рѣчи—въ выраженіи чувствованій, желаній и т. д., и въ подражаніи—мы находимъ и оба общепризнанныхъ корня, изъ которыхъ выросла человѣческая рѣчь. Я не намѣренъ вдаваться здѣсь въ трудный вопросъ о томъ, какимъ образомъ человѣкъ впервые дошелъ до пользованія звуками, образующими языкъ. Какого бы взгляда ни держаться въ вопросѣ о происхожденіи человѣческой рѣчи,—несомнѣнно, что здѣсь играло извѣстную роль какъ выраженіе внутренняго состоянія посредствомъ крика, такъ и подражаніе звукамъ, встрѣчающимся въ природѣ. И въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что существуетъ извѣстный параллелизмъ въ начальномъ развитіи языка у индивидуума и у расы. Болѣе того, можно сказать, что наше изслѣдованіе этихъ попытокъ ребенка къ созданію языка подтверждаетъ заключенія филологіи и антропологіи, согласно которымъ рѣчь человѣческой рѣчи, вѣроятно образовалась,—по крайней мѣрѣ, въ главныхъ своихъ частяхъ—изъ этихъ двухъ притоковъ²⁾.

---

1) Приведено у *Romanes, Mental Evolution in Man*, стр. 143.

2) Noigée считаетъ, что звуки языка произошли изъ согласованныхъ криковъ при совместной работѣ; но такъ какъ при подобныхъ крикахъ сопутствующими и, вѣроятно, вспомогательными процессами являются опредѣленные фивіологическія функціи, то и эти крики надо, кажется, считать аналогичными эмоціональнымъ постольку, поскольку они обусловлены особымъ чувствованіемъ, именно, чувствомъ усилія. Съ другой стороны, въ качествѣ *согласованныхъ*, они относятся къ ряду подражательныхъ движеній. Насколько мнѣ извѣстно, у дѣтей мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго такимъ крикамъ.

Если звуки, очевидно, являющіеся выраженіемъ эмоцій или плодомъ подражанія, составляютъ главную часть изобрѣтеній нормальнаго ребенка, то ими эти изобрѣтенія все же еще не исчерпываются. Нѣкоторые изъ такихъ оригинальныхъ словоподобныхъ звуковъ довольно трудно объяснить. Я замѣчаю, напримѣръ, что дѣти обыкновенно изобрѣтаютъ для своихъ нянекъ, а иногда и для самихъ себя, такія имена, въ которыхъ, насколько я могу судить, нельзя найти никакого сходства со звуками, употребляемыми въ этихъ случаяхъ другими людьми. Такъ, та самая маленькая дѣвочка, которая придумала звукъ „нѣмби“ для обозначенія пищи и „афта“ для обозначенія питья, называла свою няню „Ли“, хотя никто не называлъ ее иначе, какъ только „няня“. Трудно предположить въ этомъ случаѣ, что дитя передѣлало на свой ладъ слово „няня“. Мальчикъ Прейера звалъ свою няню, которую всѣ называли Мари, „Вола“, и Прейеръ довольно натянута объясняетъ это перестановкой слоговъ въ часто слышанномъ „Ja wohl!“ („слушаю!“ „хорошо!“). Одна знакомая дама сообщаетъ мнѣ, что когда ея мальчику было тринадцать мѣсяцевъ, онъ называлъ себя „Бла-а“, хотя другіе всегда называли его Готфридъ, и что пристрастіе къ этому „Бла-а“ онъ сохранилъ въ теченіе шести мѣсяцевъ ¹⁾. Зачатокъ подражанія здѣсь можно, безъ сомнѣнія, замѣтить въ сохраненіи количества слоговъ въ словѣ. Но слѣдуетъ сказать, что особенно поразительны бываютъ измѣненія звуковъ у тѣхъ дѣтей, которыя обнаруживаютъ способность къ очень тонкому подражанію. Быть можетъ, ухо ребенка замѣчаетъ такое сходство между звуками, которое ускользаетъ отъ нашего, болѣе извращеннаго слуха. Во всякомъ случаѣ, это созданіе имени (инымъ способомъ, не основаннымъ на явномъ звукоподражаніи) заслуживаетъ полнаго вниманія.

Наконецъ, можно указать и на тотъ фактъ, что дѣти обнаруживаютъ способность къ созданію зачатковъ нѣкото-

¹⁾ Его братъ называлъ, когда ему былъ одинъ годъ, свою няню „Бѣр“, хотя ея настоящее имя было Модъ; это назначеніе было, вѣроятно, грубой передѣлкой слова „нѣръзъ“ (nurse, няня).

раго простого языка. Американскій профессоръ Горацио Гэль (Hale) занялся спеціальнымъ изслѣдованіемъ такихъ формъ самостоятельно созданнаго дѣтскаго языка. Въ одномъ изъ передаваемыхъ имъ случаевъ двое американскихъ мальчиковъ-близнецовъ употребляли, когда начали говорить, не англійскій языкъ, который они слышали вокругъ себя, а какой то другой, придуманный ими самими. Другой, болѣе замѣчательный случай касается одной маленькой дѣвочки, которая, когда ей было два года, не умѣла говорить такъ, какъ обыкновенно говорятъ дѣти въ этомъ возрастѣ, и употребляла только слова „папа“ и „мама“; въ то же время эта дѣвочка, вначалѣ безъ всякаго побужденія или поддержки со стороны какого нибудь товарища, стала изобрѣтать собственные слова и даже простыя формы для выраженія цѣлыхъ мыслей, къ употребленію которыхъ она затѣмъ побудила и своего старшаго брата. Хотя въ придуманныхъ ею словахъ обнаруживалось слабое сходство съ французскимъ языкомъ—на которомъ, однако, никогда не говорили ея родные—все-таки было очевидно, что они созданы совершенно произвольно, что подражаніемъ ихъ невозможно объяснить ¹⁾.

Мнѣ кажется, что собранные здѣсь факты свидѣтельствуютъ о самостоятельной работѣ ребенка въ области языка. Мнѣ могутъ сказать, что ни въ одномъ изъ приведенныхъ случаевъ влияніе воспитанія не отсутствовало вполне. Дитя, какъ всѣмъ извѣстно, узнаетъ названія предметовъ и дѣйствій гораздо раньше, чѣмъ оно умѣетъ произносить членораздѣльные звуки. Такъ, мальчикъ Дарвина зналъ имя своей няни за пять мѣсяцевъ до того, какъ онъ придумалъ слово „мѣм“.

Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дитя получаетъ нормальное воспитаніе, на его склонность къ созданію знаковъ оказываютъ влияніе примѣры другихъ. Въ то же время приведенные здѣсь факты показы-

---

¹⁾ Краткое изложеніе изслѣдованій профессора Гэля см. у *Romanes*, *Mental Evolution in Man*, стр. 138 и сл.

ваютъ, что дѣйствіе этой склонности можетъ, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ дѣтей, получить оригинальное, самостоятельное направленіе, независимое отъ непосредственнаго вліянія примѣровъ и воспитанія. Въ настоящее время необходимо было бы производить опыты съ какимъ нибудь умнымъ ребенкомъ, поощряя его къ придумыванію знаковъ, терпѣливо наблюдая и быстро улавливая его движенія; но при этомъ слѣдуетъ тщательно остерегаться, чтобы не дать ему какого нибудь указанія и даже не принять и не усвоить его первыхъ выраженій и тѣмъ самымъ не внести въ опытъ вліяніе подражанія. Мнѣ кажется, нельзя почти сомнѣваться, что, очутившись въ такомъ положеніи, дитя сумѣло бы развить зачатки языка. Но произвести такой опытъ было бы трудно, такъ какъ съ нимъ связана необходимость лишить ребенка на нѣкоторое время всѣхъ выгодъ воспитанія ¹⁾.

Первое копированіе рѣчи.

Усвоеніе ребенкомъ родного языка есть одна изъ самыхъ поучительныхъ и, можно прибавить, самыхъ занимательныхъ главъ въ исторіи его воспитанія. Добросовѣстные усилія, прилагаемыя къ тому, чтобы понять и подражать, характерныя и причудливыя заблужденія, часто возникающія отсюда, проблески оригинальности, нерѣдко встрѣчающіеся въ смѣлыхъ попыткахъ обогатить нашъ словарь и формы нашего языка, — все это можетъ вознаградить за свое серьезное изслѣдованіе и въ то же время доставить много удовольствія.

---

¹⁾ Разумѣется, установленные здѣсь факты, какъ говоритъ Макс Мюллеръ (The Science of Language, I, стр. 481 и сл.), не доказываютъ что „предоставленные самимъ себѣ дѣти изобрѣли бы языкъ“. Вліяніе примѣровъ, возбужденіе наклонности къ подражанію оказываетъ свое дѣйствіе раньше, чѣмъ является изобрѣтеніе. Но въ дѣтяхъ, мнѣ кажется, обнаруживается присутствіе инстинкта, побуждающаго ихъ создавать знаки, и они могутъ развить его до извѣстной степени даже въ томъ случаѣ, когда воспитательное вліяніе рѣчи другихъ устранено.

Какъ уже было указано выше, усвоеніе родного языка основано преимущественно на извѣстнаго рода подражаніи. Процессъ этого усвоенія происходитъ приблизительно слѣдующимъ образомъ. Дитя слышитъ опредѣленный звукъ, произносимый другими, и постепенно связываетъ этотъ звукъ съ тѣмъ предметомъ, обстоятельствомъ или положеніемъ, которое онъ постоянно сопровождаетъ. На этой ступени ребенокъ можетъ понимать слово, произносимое другими, хотя и не въ состояніи пока самъ его произнести. Позднѣе, черезъ довольно значительный промежутокъ времени, онъ научается связывать опредѣленный звукъ съ тѣмъ соответственнымъ дѣйствіемъ, которое требуется для его произнесенія. Какъ только такая связь создалась, ребенокъ, благодаря своей склонности дѣлать знаки, усваиваетъ этотъ звукъ путемъ подражанія, повторяя его въ обстоятельствахъ, сходныхъ съ тѣми, при которыхъ онъ слышалъ его отъ другихъ.

Копированіе членораздѣльныхъ звуковъ, произносимыхъ другими, начинается, какъ уже было замѣчено, очень рано и за долго до того, какъ ребенокъ, благодаря своей склонности дѣлать знаки, усваиваетъ эти звуки въ качествѣ настоящихъ словъ. Наклонность подражать движеніямъ другихъ является, повидимому, впервые около конца четвертаго мѣсяца; говорятъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ около этого же времени были замѣчены и слабыя подражательныя движенія рта, какъ будто произносящаго членораздѣленные звуки. Но лишь во второй половинѣ перваго года копированіе звуковъ становится вполнѣ отчетливымъ. Вначалѣ ребенокъ собственно копируетъ скорѣе тонъ, повышение и пониженіе голоса, распредѣленіе акцента или ударенія, чѣмъ самый членораздѣльный звукъ; но понемногу это подраженіе становится опредѣленнѣе и полнѣе ¹⁾).

---

¹⁾ У мальчика Прейера копированіе членораздѣльнаго звука въ первый разъ ясно обнаружилось на одиннадцатомъ мѣсяцѣ. Насколько я могу судить, это нѣсколько поздно сравнительно съ обычнымъ срокомъ.

Къ концу перваго года начинается, въ благопріятныхъ случаяхъ, настоящее подражаніе языку: звуки, заимствованные отъ другихъ, начинаютъ употребляться ребенкомъ въ качествѣ словъ. Такъ, одинъ десятимѣсячный мальчикъ безошибочно употреблялъ слова „мама“, „Адде“ (aunty, анте-тетушка), и „Мэгги“ (англ. уменьшит. отъ Маргарита) ¹⁾. Какъ уже было указано, это раздражительное воспроизведеніе звуковъ, произносимыхъ другими, совпадаетъ, по крайней мѣрѣ, приблизительно, съ копированіемъ тѣхъ звуковъ, которые встрѣчаются въ природѣ.

Преобразование нашихъ словъ.

Первая попытка ребенка пользоваться обычными формами языка бываютъ, какъ извѣстно, очень грубы. Воспроизводя звуки, дитя преобразовываетъ ихъ, и эти преобразованія часто бываютъ интересны и довольно загадочны.

Самая поразительная черта, которую ребенокъ вноситъ въ языкъ взрослыхъ, когда начинаетъ имъ пользоваться, это — упрощеніе. Упрощенію одинаково подвергаются всѣ слова. Оносложныя слова, состояція изъ многихъ звуковъ, обыкновенно сокращаются, напримѣръ „борщъ“ въ „бо“ ²⁾. Это ясно указываетъ на трудность извѣстныхъ сочетаній

---

¹⁾ *Тресси*, Психологія перваго дѣтства (Русск. пер., Спб. 1899) стр. 118.

²⁾ Чтобы не загромождать текста англійскими примѣрами, рядомъ съ которыми всегда было бы необходимо выписывать ихъ значеніе и произношеніе, а также произношеніе слова въ измѣненномъ видѣ (какъ его употребляетъ ребенокъ), мы замѣняли ихъ вездѣ, гдѣ было возможно, русскими словами. При этомъ мы точно передавали мысль автора, подыскивая, напр., въ русскихъ словахъ тѣ самыя фонетическія измѣненія, какія онъ хотѣлъ показать въ англійскихъ, или передавая буквально приводимыя имъ логическія и синтаксическія несообразности дѣтской рѣчи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда англійскіе примѣры не имѣютъ ничего аналогичнаго въ русскомъ языкѣ (напр., звукъ th и нѣкоторыя грамматическія формы), мы совершенно выпускали примѣры подлинника, не давая ничего взамѣнъ ихъ.

звуковъ; о ней мы вскорѣ будемъ говорить. Еще замѣчательнѣе обычное сокращеніе двусложныхъ и многосложныхъ словъ. Здѣсь мы замѣчаемъ, что дитя сосредоточиваетъ свои усилія на воспроизведеніи лишь части всего ряда слоговъ, при чемъ и эту часть онъ можетъ, конечно, воспроизводить только очень несовершенно. Сокращается обыкновенно длина слова, которое сводится къ какому-нибудь одному слогу. Такъ „бисквитъ“ превращается въ „бик“, Степанъ“ — въ „пан“, „свѣчка“—въ „вѣ“. Многосложныя слова иногда передѣлываются въ односложныя, напримѣръ, „велосипедъ“ въ „пет“, но чаще они обращаются въ двусложныя, такъ, „молочникъ“ сокращается въ „лочикъ“. Handkerihif (хэнкерчиф“, носовой платокъ)—трудное слово для англійскаго ребенка, которое онъ, однако, изъ вполне понятныхъ соображеній долженъ заучить. Въ одномъ семействѣ старшій ребенокъ сократилъ это слово въ hankish („хэнкиш“), двое слѣдующихъ дѣтей—hamfish („хэмфиш“), и двое послѣднихъ—въ hanku („хэнке“). Маленькая дѣвочка М. также сводила два послѣднихъ слога въ одинъ—fish и произносила hanfish („хэнфиш“).

Повидимому, не существуетъ простаго закона, которому подчиняется это сокращеніе сложныхъ словъ. Обыкновенно воспроизводится тотъ слогъ, на которомъ лежитъ удареніе и который поэтому возбуждаетъ большее вниманіе; такъ, изъ „одѣяло“ дѣлается „ало“. Въ длинныхъ словахъ положеніе слога въ началѣ или въ концѣ слова представляетъ, кажется, извѣстную выгоду при этомъ соперничествѣ звуковъ; начальный слогъ, какъ услышанный первымъ (ср. какъ мы замѣчаемъ и припоминаемъ первый звукъ какого нибудь слова ¹⁾, и заключительный слогъ—какъ услышанный послѣднимъ, запечатлѣвается и удерживается лучше остальныхъ. Неодинаковая трудность произнесенія различныхъ со-

¹⁾ Докторъ Postgate показалъ мнѣ, что второстепенное удареніе на первомъ слогѣ англійскихъ словъ, имѣющихъ болѣе, чемъ четыре слога (и въ нѣкоторыхъ четырехсложныхъ), можетъ способствовать запоминанію перваго слога.

четаній звуковъ, изъ которыхъ составляются слова, можетъ также оказывать вліяніе на этотъ безсознательный выборъ. Мнѣ не кажется невѣроятнымъ, что при этомъ играютъ извѣстную роль и зачатки нѣкотораго эстетическаго предпочтенія, отдаваемаго опредѣленнымъ звукамъ въ силу ихъ новизны или красоты, или въ силу вызываемаго ими удивленія ¹⁾.

Такое упрощеніе словъ вначалѣ задерживается, а съ теченіемъ времени и совершенно исчезаетъ, благодаря развитію того чувства, при помощи котораго улавливается общая форма словъ, опредѣленное количество слоговъ, изъ которыхъ они состоятъ, а также распредѣленіе удареній и всякое сопутствующее измѣненіе въ тонѣ голоса и его высотѣ. На раннее развитіе этого чувства указываютъ первыя попытки ребенка произнести слова „прощай“, „ушелъ“ и т. д., когда отъ характера самыхъ словъ едва ли сохраняется что нибудь кромѣ двухсложной формы, правильнаго ударенія, повышенія и пониженія голоса. Поэтому мы обыкновенно замѣчаемъ попытку воспроизвести только соответствующее число слоговъ и правильно распредѣлить ударенія. Такъ „пряникъ“, превращается въ „пачикъ“, „погребъ“ въ „побрикъ“, „скамейка“ въ „тимейка“, „Астрахань“ въ „аторо“, „кенгуру“ въ „когглегу“ и т. д. ²⁾.

Какъ уже было указано выше, рядомъ съ укорачиваніемъ словъ съ самаго начала идетъ и значительное измѣненіе отдѣльныхъ звуковъ, изъ которыхъ эти слова состоятъ. Глас-

---

1) Новѣйшіе психологическіе опыты показываютъ, что сходные моменты оказываютъ свое вліяніе и тогда, когда взрослый человѣкъ старается повторить длинный рядъ звуковъ, напримѣръ, десять или двѣнадцать бессмысленныхъ слоговъ. Положеніе въ началѣ или въ концѣ ряда, или удареніе можетъ благоприятствовать воспроизведенію какого нибудь члена этого ряда.

2) Здѣсь мы снова видимъ сходство между тѣмъ, какъ ребенокъ повторяетъ слышанное слово, и тѣмъ, какъ взрослый человѣкъ старается повторить длинный рядъ слоговъ. Въ послѣднемъ случаѣ также замѣчается общая склонность сохранить длину и ритмическую форму всего ряда.

ные звуки рѣдко опускаются, но они очень измѣняются, и эти измѣненія происходятъ съ достаточной регулярностью для того, чтобы вызвать предположеніе, что ребенку воспроизведеніе опредѣленныхъ оттѣнковъ гласныхъ кажется сравнительно труднымъ. Такъ, короткое *э* и долгое *ай* усваиваются, повидимому, лишь послѣ продолжительныхъ упражненій ¹⁾. Но самыя большія трудности доставляются согласными звуками. Многіе изъ нихъ, напримѣръ, шипящіе *с*, *ш*, различные оттѣнки звуковъ *л* и *р*, зубные, какъ *з*, гортанные *к* и твердое *г*, и нѣкоторые другіе часто даются въ началѣ того періода, когда дитя начинаетъ говорить, съ большимъ трудомъ. Сюда же слѣдуетъ отнести и такія сочетанія какъ *ст*, *стр*.

Во многихъ случаяхъ трудные звуки просто опускаются. Такъ, изъ „дверь“ можетъ сдѣлаться „ве“, изъ „лукъ“— „укъ“, изъ „Шура“—„ура“. Въ неудобныхъ сочетаніяхъ обыкновенно опускается только трудный звукъ, разумѣется, въ томъ случаѣ, если другой легко произнести отдѣльно. Такъ, „пальцы“ переходятъ въ „наци“, „пробка“ въ „побка“. Особенно часто опускаются звуки *е* и *ш* передъ другими согласными. Напримѣръ, изъ „столь“ дѣлается „толь“, изъ „снять“—„нять“, изъ „штыкъ“—„тыкъ“ и т. д.

Рядомъ съ такимъ неловкимъ опусканіемъ звуковъ мы встрѣчаемъ и требующую большаго усилія замѣну однихъ звуковъ другими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ существуетъ лишь очень слабое сходство между замѣняемымъ и замѣняющимъ звукомъ, или между тѣми дѣйствіями мышцъ, которыя необходимы для ихъ произнесенія. Особенно въ раннемъ возрастѣ почти всякому легко произносимому звуку приходится, кажется, отбывать повинность въ качествѣ замѣстителя. При этомъ рано усвоенные губные звуки, а также и звукъ *ф*, играютъ роль услужливыхъ „наемниковъ“. То,

---

¹⁾ Къ двугласной *ай* можно присоединить и другую *ой*, которую ребенокъ М. въ первый разъ сумѣлъ произнести, когда ему было два года и три мѣсяца.

что мы называемъ лепетомъ, дѣйствительно объясняется этого рода дѣтскими замѣнами. Зубные звуки *d* и *t* также пускаются въ ходъ при всякаго рода замѣнахъ. Я замѣтилъ, что вновь усвоенные звуки обыкновенно употребляются различнымъ образомъ. Иногда мы видимъ, какъ маленькій языковѣдъ старается приблизиться, насколько возможно, къ подлинному звуку, и такое приближеніе служитъ интереснымъ доказательствомъ его успѣховъ.

Измѣненія, которымъ ребенокъ подвергаетъ членораздѣльные звуки, напоминаютъ тѣ перемѣны, которыя претерпѣваютъ языки разныхъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что эти перемѣны происходятъ вслѣдствіе не вполне точнаго подражанія со стороны послѣдовательнаго ряда младшихъ обучающихся поколѣній ¹⁾. Поэтому нельзя удивляться, если иногда встрѣчается сходство между превращеніемъ словъ у ребенка и тѣми превращеніями, которыя происходятъ при развитіи языка. Воспроизводя услышанные звуки, дитя часто показываетъ намъ законъ, по которому совершаются фонетическія измѣненія у взрослыхъ. Такъ, измѣненія въ одной и той же группѣ звуковъ, напримѣръ, частое превращеніе слова „зимній“ въ „димній“, явно соответствуютъ тѣмъ измѣненіямъ, которыя установлены закономъ Гримма. Точно такъ же параллелью къ измѣненіямъ въ народномъ языкѣ служитъ обычная замѣна гортаннаго звука зубнымъ ²⁾. Далѣе переходъ *n* въ *m* передъ *f* напоминаетъ переходъ *ovv* въ *ovm* передъ *β* въ греческомъ языкѣ, и другія сходныя измѣненія. Филологи могутъ, вѣроятно, найти еще много такихъ параллелей. Одинъ изъ нихъ сообщаетъ мнѣ, что его дѣвочка, произносившая вмѣсто *u* гортанное *x*, повторяла ту перемѣну, которая произошла въ произношеніи испанцевъ. Этгеръ сравниваетъ передѣлку ребенкомъ слова *trop* (француз., слишкомъ) въ *crop* съ переходомъ латинскаго *tremere* (дрожать) въ *craindre* (франц., бояться).

¹⁾ См. *Sweet, History of English Sounds*, стр. 15.

²⁾ См. *Sievers, Phonetik*, стр. 230.

Я предположилъ здѣсь, что несовершенное воспроизведе-
ніе дѣтьми тѣхъ звуковъ, изъ которыхъ состоятъ наши слова,
обусловлено ихъ неспособностью произносить опредѣленные
звуки, а не тѣмъ, что ихъ ухо недостаточно различаетъ эти
звуки. Это противорѣчитъ утвержденію Прейера, будто ран-
ній импульсивный лепетъ содержитъ большую часть тѣхъ
звуковъ, которые требуются впоследствии для членораздѣль-
ной рѣчи. Мое мнѣніе можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ,
но мнѣ кажется несомнѣннымъ, что нѣкоторые звуки, на-
примѣръ *л* въ началѣ слова, часто встрѣчающіеся въ пер-
вомъ лепетѣ, не произносятся, когда начинается періодъ
членораздѣльной рѣчи. Такъ какъ эти звуки одинаково отсут-
ствуютъ у всѣхъ дѣтей, то отсюда, кажется, можно заклю-
чить, что для нихъ требуются трудныя мышечныя движенія
голосовыхъ органовъ. Но въ то же время нельзя, кажется,
сказать, какъ Шульце, что порядокъ усвоенія звуковъ соот-
вѣтствуетъ степени ихъ трудности. Значительное разнообразіе
этого порядка у различныхъ дѣтей показываетъ, что здѣсь
нѣтъ такого простого соотношенія ¹⁾).

Объяснить эти, производимые въ раннемъ дѣтствѣ, про-
пуски и измѣненія—дѣло, вѣроятно, довольно сложное.
Укажемъ прежде всего на то, что дѣтскіе органы рѣчи мо-
гутъ потерять извѣстныя способности, приобретаая другія,
противоположныя. Одинъ мой пріятель, фізіологъ, сообщаетъ
мнѣ, что его маленькій мальчикъ, умѣвшій, когда ему было
десять мѣсяцевъ, говорить „ма-ма“, разучился въ девятнад-
цать мѣсяцевъ произносить звукъ *м* и постепенно замѣнялъ
его звукомъ *б*. Этотъ пріятель предполагаетъ, что носовой
звукъ *м* легко произносится груднымъ младенцемъ, привык-
шимъ сжимать губы, но что этотъ звукъ становится труднымъ
впоследствии, когда ребенокъ усваиваетъ другіе звуки, для
произнесенія которыхъ необходимо раскрывать ротъ. Было
бы интересно изслѣдовать, не приложимо ли это объясненіе

---

¹⁾ Ср. *Pollock*, *Mind*, стр. 436, и *Preyer*, *Die Seele des Kindes*
стр. 434.

и къ другимъ подобнымъ случаямъ. Но этотъ вопросъ относится къ области фонетики.

Слѣдуетъ, далѣе, помнить, что есть разница между выполнениемъ какого нибудь движенія, сопровождающагося звукомъ, какъ его выполняетъ девятимѣсячный ребенокъ, т.-е. импульсивно, благодаря врожденной возбудимости соответственныхъ двигательныхъ центровъ, и между намереннымъ выполнениемъ этого же движенія, когда цѣль его—произвести желательный результатъ. Последнее означаетъ, что звуковой эффектъ движенія уже знакомъ, что представление о немъ приводится въ опредѣленную связь съ особымъ стремлениемъ, именно, съ стремлениемъ произвести требуемое движеніе; а это стремленіе, какъ теперь извѣстно, зависитъ отъ образованія опредѣленной связи между слуховой и двигательной областью центра рѣчи. Этотъ процессъ, очевидно, болѣе сложенъ, нежели первый инстинктивный лепетъ, и различныя условія могутъ ему благопріятствовать или задерживать его. Такъ, собственный самопроизвольный лепетъ ребенка могъ быть недостаточенъ для того, чтобы опредѣленный звукъ запечатлѣлся въ его памяти; въ такомъ случаѣ усвоенію этого звука будетъ способствовать (или наоборотъ) то обстоятельство, насколько часто ребенокъ слышитъ его отъ другихъ. Возможно, что вначалѣ играютъ извѣстную роль различія въ способѣ и въ точности произнесенія звуковъ няней и матерью. Быть можетъ, неодинаковая послѣдовательность въ усвоеніи звуковъ разными дѣтьми объясняется отчасти и этимъ обстоятельствомъ, а не только различіемъ въ устройствѣ органовъ рѣчи. Весьма вѣроятно также, что вниманіе дѣтей привлекается преимущественно нѣкоторыми звуками или группами звуковъ, потому ли, что эти звуки особенно нравятся имъ сами по себѣ, или потому, что въ нихъ, какъ въ употребительныхъ названіяхъ, чувствуется необходимость. Мать дѣвочки М. увѣряетъ меня, что эта дѣвочка, повидимому, не любила опредѣленныхъ звуковъ, напимѣръ звука *ж*, которые она умѣла произносить и иногда произносила, хотя обыкновенно предпочитала измѣ-

нять ихъ ¹⁾. Другая дама пишетъ, что ея мальчикъ удивилъ ее, когда ему было двадцать два мѣсяца, внезапно произнесъ трудное сочетаніе звуковъ scissors („сизѳрс“ ножницы). Онъ какъ разъ въ это время началъ употреблять ножницы для разрѣзыванія бумаги, и этотъ наборъ звуковъ получилъ, такимъ образомъ, для него практической интересъ.

Теперь мы можемъ перейти къ другому общепризнанному недостатку дѣтскаго произношенія, именно, къ перемѣщенію звуковъ (метатезисъ). Иногда перемѣщаются рядомъ стоящіе звуки, напримѣръ, вмѣсто „старый“ говорится „тсарый“, или вмѣсто „спой“ — „псой“, Здѣсь звуки, очевидно, перемѣщаются для того, чтобы сочетаніе ихъ стало легче. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ звуки перемѣщаются дальше отъ своего настоящаго мѣста. Преьеръ приводитъ случай перемѣщенія гласныхъ звуковъ въ словѣ *bitte* (нѣм., прошу), которое произносилось *beti* ²⁾. Здѣсь, повидимому, желаніе избѣжать труднаго сочетанія звуковъ не играетъ роли. Въ этихъ случаяхъ мы снова видимъ аналогію съ недостатками произношенія у взрослыхъ. Очень утомленный человѣкъ способенъ точно такъ же измѣнять порядокъ звуковъ. Причина этого явленія заключается, повидимому, въ томъ, что правильная группа звуковъ можетъ возникать въ сознаніи говорящаго безъ яснаго представленія объ ихъ послѣдовательности во времени. Быть можетъ, здѣсь играетъ извѣстную роль и нѣчто въ родѣ эстетическаго предпочтенія. Нѣкоторые дѣти, повидимому, предпочитаютъ порядокъ звуковъ *м-н* противоположному *н-м* и говорятъ, напримѣръ, „мѳнеръ“ вмѣсто „номеръ“, „поминать“ вмѣсто „понимать“ и т. д.

Другой интересной особенностью этой первоначальной дѣтской рѣчи является склонность къ удвоенію звуковъ, къ достиженію извѣстнаго эффекта — созвучія или риемы — посредствомъ повторенія звука или группы звуковъ. Первая

¹⁾ Эта дѣвочка иногда избѣгала, какъ будто капризная, звука *и* и говорила „эшъ“ вмѣсто „шь“, хотя обыкновенно замѣняла имъ звукъ *л*, говоря „йшшка“ вмѣсто „ложка“ и т. д.

²⁾ Die Seele des Kindes, стр. 397.

и простѣйшая форма такого удвоенія, это—удвоеніе всей группы звуковъ или слога, напримѣръ, въ обычномъ „ба-ба“, „но-но“, „ти-ти“. Нѣкоторыя дѣти часто удваиваютъ односложныя слова, говоря, напримѣръ, вмѣсто „слонъ“ — „ло-ло“ и т. д. Однако, удвоеніе чаще всего встрѣчается тогда, когда ребенокъ начинаетъ произносить двусложныя слова. Такъ, „гадкій“ превращается въ „га-га“, милый“ въ „ми-ми“ и т. д.: при этомъ второй слогъ замѣняется повтореннымъ первымъ, и такимъ образомъ, сохраняется сходство съ подлинной формой слова.

Такое удвоеніе слоговъ, очевидно, не отличается по существу отъ тѣхъ повтореній, которыя можно наблюдать въ болѣе раннемъ лепетѣ; оно возникаетъ изъ того же мотива, какъ и послѣдніе, изъ склонности продолжать начатое, изъ удовольствія, доставляемаго повтореніемъ и подражаніемъ самому себѣ. Извѣстно, что параллелью къ такимъ удвоеніямъ служатъ многія названія, употребляемыя дикими племенами ¹⁾.

Рядомъ съ этими удвоеніями звуковыхъ сочетаній встрѣчается и повтореніе отдѣльныхъ звуковъ, при чемъ повтореннымъ звукомъ замѣняется какой нибудь другой, чуждый звукъ. Такая подстановка соответствуетъ тому, что въ фонетикѣ называется „ассимиляціей“ ²⁾. Въ большинствѣ случаевъ ассимиляція бываетъ „прогрессивна“, т.-е. послѣдующій звукъ измѣняется подъ вліяніемъ предшествующаго. Примѣры—„Кока“ вмѣсто „Коля“, „Вава“ вмѣсто „Варя“. Во многихъ случаяхъ замѣна труднаго звука легкимъ отчасти обусловлена ассимиляціей, напримѣръ, когда вмѣсто „глаза“ говорится „га-га“ или вмѣсто gâteau (франц., пряникъ)—„ка-ко“. Но ассимиляція иногда дѣйствуетъ и „регрессивно“, напримѣръ, когда вмѣсто „щука“ говорится

¹⁾ См. *Тайлоръ*. Первобытная культура (Русск. пер., Спб., 1872) т. I, стр. 196, 197. О томъ, какъ подобныя удвоенія входятъ въ составъ языка, см. тамъ же, стр. 209. Ср. его же Антропологию, (Русск. пер., Спб. 1882) стр. 126.

²⁾ См. выше, стр. 161. *Sievers*, *Phonetik*, стр. 236.

„кука“, вмѣсто „бумага“— „мамага“ и вмѣсто tortue (франц. черепаха)—tu-tu; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ удвоенію способствуетъ частичное или полное измѣненіе гласнаго звука ¹⁾. Повидимому, бываютъ также случаи, которые можно назвать частичной ассимиляціей, и въ которыхъ обнаруживается склонность замѣнять одинъ звукъ другимъ, принадлежащимъ къ тому же роду, что и предшествующій. Такъ, одна мать пишетъ о своемъ мальчикѣ. „Если слово начиналось съ губнаго звука, то онъ обыкновенно и заканчивалъ его губнымъ, превращая, напримѣръ, „макъ“ въ „мапъ“. Но такіе случаи не могутъ, пожалуй, служить ясными примѣрами ассимиляціи.

Въ этихъ преобразованіяхъ, которымъ дѣти въ раннемъ возрастѣ подвергають произносимые нами звуки, особенно бросается въ глаза заботливость о сохраненіи размѣра и пренебрежительное отношеніе къ самимъ звукамъ. Число слоговъ, распредѣленіе удареній, а также повышеніе и пониженіе голоса прежде всего привлекають къ себѣ вниманіе и тщательно воспроизводятся, между тѣмъ какъ самые звуки замѣняются другими, часто совершенно несходными, и располагаются въ иномъ порядкѣ. Относительная точность въ передачѣ гласныхъ звуковъ свидѣтельствуетъ о преобладаніи въ дѣтской рѣчи метрическихъ или музыкальныхъ свойствъ. Это же доказывается и любовью дѣтей къ удвоеніямъ, къ эффектамъ созвучія и рѣимы.

Такъ какъ я довольно подробно остановился на недостаткахъ произношенія дѣтей, то я хотѣлъ бы прибавить, что продукты ихъ ранняго творчества не только не служатъ имъ къ стыду, но дѣлають имъ большую честь. Я, по крайней мѣрѣ, часто бывалъ пораженъ неожиданнымъ произнесеніемъ трудныхъ звуковыхъ сочетаній, которому не предшествовали никакія доступныя нашему слуху подготовительныя попытки и которое отличалось замѣчательной точностью. Дитя часто

---

¹⁾ Д-ръ Postgate полагаетъ, что употребительные термины „прогрессивный“ и „регрессивный“ лучше было бы замѣнить словами „ретроспективный“ и „проспективный“

умѣть произносить звуки гораздо лучше, чѣмъ оно обыкновенно ихъ произносить. Когда дѣвочкѣ М. было одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ, ее разъ, поддразнивая, просили сказать *mudder*; она со смѣхомъ вполнѣ точно сказала *mother* (мать)—но сказала въ одномъ только этомъ случаѣ. Точность, съ которой дѣти, даже на второмъ году, часто произносятъ наши слова, по истинѣ поразительна и напоминаетъ мнѣ удивительную тщательность, съ которой другіе чужестранцы, незнакомые съ нашимъ (англійскимъ) языкомъ, въ особенности, кажется, русскіе, заботятся о своемъ произношеніи, заставляя насъ краснѣть за наше небрежное отношеніе къ родному языку. Эта точность, достигнутая какъ будто безъ всякихъ предварительныхъ упражненій, по моему мнѣнію, указываетъ на долгое молчаливое повтореніе, на возникающую группировку мышечныхъ движеній, которыя пока еще недостаточно выработаны для того, чтобы съ ихъ помощью можно было произвести звукъ.

Постепенное развитіе способности ребенка къ членораздѣльной рѣчи, на которое указываетъ какъ все бѣльшая точность произносимыхъ звуковъ, такъ и ихъ расчлененіе и умноженіе,—это развитіе представляетъ большой интересъ. Вначалѣ, когда дитя умѣетъ воспроизводить лишь небольшіе отрывки словъ, дифференціація звуковъ, разумѣется, очень незначительна. Такъ, многіе наблюдатели замѣчали, что одинъ и тотъ же звукъ (по крайней мѣрѣ, насколько наше ухо въ состояніи различить) можетъ представлять собою нѣсколько различныхъ словесныхъ символовъ; у одного ребенка „бэ“ означало бѣлку и овцу (блеяніе), а „бу“ означало бумагу и бутылку. Понемногу звуки расчленяются и получаютъ болѣе опредѣленный и законченный характеръ; при этомъ любопытно наблюдать процессъ постепеннаго развитія, путемъ котораго первыя пеловкія попытки произнести настоящее слово становятся все удачлѣе и утонченлѣе. Въ примѣрѣ, который приводится Прейеромъ, слово *Grosspapa* (дѣдушка) прошло ступени *опа-ра*, затѣмъ *гропапа*, и затѣмъ лишь *grosspapa*. Въ другомъ случаѣ, на который указываетъ Шульце, слово *Wasser* (нѣм.

вода) прошло слѣдующія ступени: 1) wawaff, 2) fafaff, 3) waffaff, 4) wasse и 5) Wasser. Въ послѣднемъ случаѣ мы видимъ интересный примѣръ того, какъ борются между собой наклонность къ подражанію или къ точному воспроизведенію звука и наклонность къ удвоенію или повторенію звука; послѣдняя ясно обнаруживается во введеніи второго *w* и *ff* на первой ступени, и въ замѣнѣ звука *w* звукомъ *f* вслѣдствіе преобладающаго вліянія послѣдняго на второй ступени. Исслѣдователь раннихъ стадій развитія человѣческаго языка могъ бы, кажется, найти въ этихъ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ дѣтской рѣчи много интересныхъ параллелей.

Можно было бы измѣрять быстроту усвѣховъ въ произношеніи, тщательно отмѣчая увеличеніе того запаса словъ, который усваивается съ каждымъ мѣсяцемъ. Хотя Прейеръ и другіе дали намъ списки словъ, которые употреблялись дѣтьми въ опредѣленномъ возрастѣ, и хотя нѣкоторые родители прислали мнѣ подобные же списки, однако я не нашелъ ни одной методически составленной записи относительно постепеннаго расширенія области произносимыхъ словъ. Очевидно, что всѣ наблюденія въ этой области, за исключеніемъ тѣхъ, которыя относятся къ очень раннимъ періодамъ, по необходимости должны быть очень несовершенны. Какъ бы ни былъ внимателенъ наблюдатель говорливаго ребенка, онъ никогда не можетъ быть увѣренъ, что знаетъ всѣ произносимыя ребенкомъ слова. Слѣдуетъ также замѣтить, что дити, какъ мы видѣли выше, иногда обнаруживаетъ свою способность произносить какой нибудь звукъ и даже временно употребляетъ этотъ звукъ, но все же не удерживаетъ его, какъ постоянную часть своего основного звукового фонда ¹⁾.

---

1) Образцами наблюденій могутъ служить слѣдующія. Одинъ знакомый сообщаетъ мнѣ, что его мальчикъ въ возрастѣ одного года употреблялъ ровно 50 словъ. Въ этомъ отношеніи встрѣчаются, однако, большія различія. Одна американская дѣвочка двадцати двухъ мѣсяцевъ пользовалась 69 словами, между тѣмъ какъ другая дѣвочка въ этомъ же возрастѣ употребляла 136 словъ, т.-е. ровно въ два раза больше.

Логическая сторона дѣтскаго языка.

Теперь мы можемъ перейти отъ механической къ логической сторонѣ этого ранняго дѣтскаго языка, можемъ разсмотрѣть, какой смыслъ маленькій языковѣдъ придаетъ своимъ членораздѣльнымъ звукамъ и какимъ образомъ онъ измѣняетъ этотъ смыслъ. Развитие рѣчи ребенка означаетъ въ то же время успѣхи въ умѣннѣ владѣть формой слова и въ приобрѣтеніи новыхъ представленій. Каждый изъ этихъ двухъ факторовъ помогаетъ другому: успѣхи въ приобрѣтеніи представленій побуждаютъ ребенка къ новому употребленію звуковъ, а все большая легкость, съ которой онъ образуетъ слова, въ свою очередь оказываетъ сильное вліяніе на развитіе представленій, придаетъ имъ опредѣленные очертанія и устойчивый смыслъ. Я не намѣренъ здѣсь подробно описывать этотъ процессъ, а ограничусь только тѣмъ, что коснусь нѣкоторыхъ наиболѣе интересныхъ его сторонъ.

Дитя научается правильно употреблять слова, ассоціируя слышанный звукъ съ тѣмъ предметомъ, положеніемъ или дѣйствіемъ, въ связи съ которымъ этотъ звукъ, какъ оно замѣчаетъ, употребляется другими. Но первое копированіе словъ, еще не показываетъ, что ребенокъ уловилъ ихъ полный и точный смыслъ. Ясное и правильное пониманіе смысла возникаетъ очень медленно, только какъ результатъ многочисленныхъ трудныхъ процессовъ мышленія, сравненій и различеній.

При этихъ первыхъ попыткахъ пользоваться нашимъ языкомъ умъ ребенка еще не смущенъ грамматическими подраздѣленіями. Послѣднія возникаютъ изъ особеннаго употребленія словъ при построеніи предложеній, а о такомъ построеніи дитя еще не имѣетъ никакого представленія. Поэтому, если я, придерживаясь обычнаго словоупотребленія,

---

Прейеръ передаетъ, что одна восемнадцатимѣсячная нѣмецкая дѣвочка употребляла 119 словъ и въ теченіе слѣдующихъ шести мѣсяцевъ увеличила это число до 435. Мы вскорѣ займемся составомъ этихъ дѣтскихъ словарей.

говору, что ребенокъ двѣнадцати или пятнадцати мѣсяцевъ *называетъ* какойнибудь предметъ, то читатель не долженъ предполагать, будто я приписываю дѣтскому уму ясное пониманіе свойствъ того, что въ грамматикѣ называется существительнымъ. Такой оборотъ рѣчи означаетъ только, что первыя слова ребенка употребляются, главнымъ образомъ, какъ знаки, выражающіе узнаваніе. Зачатокъ такого называнія, по моему мнѣнію, съ самаго начала заключается даже въ жестѣ указыванія и сопровождающемъ его звукѣ „да!“

Услѣхи въ этомъ грубомъ узнаваніи, выражающіеся въ называніи или произнесеніи звуковъ, представляютъ большой интересъ. Прежде всего усваиваются либо личныя имена—тѣ, которыя мы называемъ собственными—напримѣръ, „мама“, „няня“, либо такія, которыя вначалѣ примѣняются къ одному опредѣленному предмету, напримѣръ, „ванна“, „вау -у“ Часто предполагали, что дитя употребляетъ эти слова какъ настоящія индивидуальныя имена и узнаетъ отдѣльный предметъ, какъ таковой. Но можно почти съ увѣренностью сказать, что это—ошибка. Дитя не въ состояніи въ достаточной мѣрѣ замѣчать различія или улавливать достаточное количество различныхъ признаковъ для того, чтобы узнавать опредѣленный предметъ, какъ таковой; оно при удобномъ случаѣ совершенно произвольно распространить данное имя и на другіе предметы, въ которыхъ какіянибудь интересныя и замѣчательныя черты окажутся общими съ первымъ. Такъ, хотя звуки „вау-вау“ вначалѣ относятся къ одной опредѣленной собакѣ, однако они, какъ извѣстно, въ то же время распространяются и на другихъ собакъ, на изображенія собакъ, нерѣдко также и на другіе предметы. Поэтому, если мы говоримъ, что дитя расширяетъ примѣненіе употребляемыхъ имъ словъ или обобщаетъ ихъ смыслъ, то этого не слѣдуетъ понимать такъ, какъ будто оно доходитъ до подобнаго обобщенія и расширенія, сравнивая различные предметы, раздѣльность которыхъ оно сознаетъ, и открывая въ нихъ извѣстное сходство; ребенокъ только ассимилируетъ или

узнаеть нѣчто сходное съ тѣмъ, что онъ видѣлъ раньше, и не затрудняетъ себя подмѣчаніемъ различій.

Это распространеніе именъ или процессъ обобщенія возникаетъ прежде всего и главнымъ образомъ въ силу того, что дитя чувствуетъ сходство предметовъ или общія имъ черты, хотя, какъ мы вскорѣ увидимъ, соотношенія этихъ предметовъ во времени и пространствѣ играютъ лишь второстепенную и подчиненную роль при такомъ расширеніи. Мы уже видѣли выше, что имя переносится съ одного предмета на другой благодаря подмѣченную сходству или путемъ ассимиляціи. Этотъ процессъ совершается вполне по-дѣтски и служитъ однимъ изъ самыхъ поразительныхъ и интересныхъ проявленій ранней самобытности ребенка. И если по тѣмъ приѣмамъ, которыя въ немъ примѣняются, онъ и не вполне обыченъ, то по существу онъ все же является работой мысли, связываніемъ сходнаго со сходнымъ, зачаточной группировкой предметовъ въ классы.

Эта склонность обозначать сходные предметы или положенія однимъ и тѣмъ же членораздѣльнымъ звукомъ обнаруживается уже въ раннемъ звукѣ указыванія „атта“ („ушель“). Ребенокъ Прейера пользовался имъ для того, чтобы указать не только на исчезновеніе какого нибудь предмета, но и на то, что пламя погасло, а позднѣе обозначалъ имъ и пустоту стакана или какого нибудь другого сосуда. Другой ребенокъ распространилъ этотъ же знакъ и на окончаніе музыки, на загираніе ящика и т. д. Однако, разнообразное употребленіе этого знака, вѣроятно, обусловлено скорѣе общимъ чувствомъ окончанія или отсутствія, нежели тѣмъ, что замѣчается объективное сходство положенія.

Переходя къ тѣмъ словамъ, которыя мы называемъ именами, мы замѣчаемъ, что дитя часто переноситъ знакъ узнаванія съ одного предмета на другой, на нашъ взглядъ совершенно несходный съ первымъ, отрывая между ними какую нибудь аналогію. Такое перенесеніе, совершаемое скорѣе по вдохновенію, чѣмъ на основаніи нашей логической классификаціи, обыкновенно имѣетъ причудливый метафори

ческий характеръ. Напримѣръ, звѣзду, которая, я думаю, кажется дитяти маленькимъ свѣтлымъ пятномъ, одинъ ребенокъ называлъ глазомъ. Дѣвочка М. называла матовый шаръ на зажженной лампѣ „мѣсяцемъ“. Другой ребенокъ обозначалъ словомъ „булавка“ крошку хлѣба, муху, гусеницу и, кажется, понималъ подъ нимъ нѣчто маленькое, что можно взять пальцами. Этотъ же ребенокъ употреблялъ звукъ „апа“ (шляпа) для обозначенія всего, что имѣетъ какое нибудь отношеніе къ головѣ, въ томъ числѣ и для обозначенія головной щетки. Другой ребенокъ обозначалъ словомъ „ключъ“ различные блестящіе металлическіе предметы, напримѣръ, монету. Ребенокъ Роменса называлъ словомъ „звѣзда“ всѣ вообще свѣтлые предметы, свѣчу, газовое пламя и т. д. Тѣмъ рассказываетъ, что одинъ годовалый ребенокъ вначалѣ примѣнялъ слово *fafer* (*chemin de fer*, желѣзная дорога) къ паровозамъ, а затѣмъ переносилъ его и на кипящій кофейникъ и на все, что шипитъ, дымитъ или производитъ шумъ. Въ послѣднихъ примѣрахъ мы видимъ ясныя зачатки процесса классификаціи. Такимъ образомъ всякая сходная черта, если только она достаточно интересна для того, чтобы возбудить вниманіе, можетъ служить основой дѣтской классификаціи.

Съ названіями дѣйствій дитя поступаетъ такъ же, какъ и съ именами предметовъ. Одинъ ребенокъ называлъ трескъ огня „лаемъ“, а другой ребенокъ называлъ лай собаки „кашлемъ“. Отсюда мы видимъ, что направленіе, котораго ребенокъ держится при распространеніи названій по аналогіи съ одного предмета на другой, зависитъ отъ природы тѣхъ первыхъ впечатлѣній и свѣдѣній, которыя служатъ для него точкой отправленія.

Подобная же самобытность обнаруживается и въ первыхъ неловкихъ попыткахъ понять и назвать отношенія между вещами. Ребенокъ К. называлъ обмакиваніе хлѣба въ соусъ „ва“ (ванна). Другой ребенокъ распространялъ названіе „дверь“ на „все, что закрывало какое нибудь отверстіе или препятствовало выходу, включая сюда пробку въ бутылкѣ и

маленькій столикъ, который удерживалъ его на его высокомъ стулѣ“.

Въ этомъ распространеніи названій мы видимъ склонность дѣтскаго ума выражать болѣе или менѣе отвлеченную мысль при помощи простаго конкретнаго представленія. Дѣти часто выражаютъ противоположность между большимъ и маленькимъ посредствомъ прелестнаго образа— „мама“ и „дитя“. Такъ, одинъ американскій ребенокъ называлъ маленькую монету *baby-dollar* (дѣточка-долларъ). Дѣвочка Роменса, которую звали Ильда, обозначала овцу на картинѣ словомъ „мама-бэ“, а ягнать словомъ „Ильда-бэ“. Нѣчто вродѣ этого же процесса происходитъ и тогда, когда ребенокъ расширяетъ смыслъ представленія „слишкомъ большой“ и дѣлаетъ это выраженіе замѣстителемъ отвлеченнаго понятія „слишкомъ трудный“ вообще.

При этомъ расширеніи границъ языка ребенкомъ мы можемъ рядомъ съ вліяніемъ того чувства, при помощи котораго подмѣчается сходство, различіе и дѣйствіе ассоціаціи. Это видно, на примѣръ, изъ слѣдующаго случая. Одинъ изъ внуковъ Дарвина, только что начавъ говорить, употреблялъ обычное „квак“ для обозначенія утки, затѣмъ распространилъ этотъ знакъ на воду, а затѣмъ, продолжая такое перенесеніе по ассоціаціи путемъ двойного процесса обобщенія, обратилъ этотъ звукъ въ названіе всѣхъ птицъ и насѣкомыхъ съ одной стороны, и въ названіе всѣхъ жидкихъ тѣлъ съ другой ¹⁾).

Перенесеніе названія „квак“ съ животнаго на воду служитъ поразительнымъ примѣромъ склонности дѣтскаго ума считать тѣ предметы, которые приходится видѣть вмѣстѣ, связанными другъ съ другомъ и какъ бы тождественными. Другой замѣчательный примѣръ этого рода приводится профессоромъ Минто. Одинъ ребенокъ, называвшій словомъ „ма“ свою кормилицу, перенесъ это названіе по ассоціаціи на ея швейную машину, затѣмъ, по аналогіи на шарманку, и далѣе, благодаря ассоціаціи шарманки съ обезьяной, на свою

¹⁾ Приведено у *Romanes*, *Mental Evolution in Man*, стр. 283.

резиновую обезьяну. Здѣсь мы видимъ цѣлый рядъ превращеній смысла одного слова, показывающей замѣчательно равномерное вліяніе ассимиляціи и ассоціаціи и обнимающей періодъ въ два года ¹⁾).

Существуетъ еще и другой способъ, которымъ дѣти, по словамъ наблюдателей, распространяютъ примѣненіе именъ, — способъ, нѣсколько сходный съ перенесеніемъ по ассимиляціи и ассоціаціи. Дѣти очень любятъ употреблять одно и то же слово для обозначенія противоположныхъ понятій или такихъ, между которыми существуютъ какой либо другой видъ соотношенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы можемъ видѣть, что это происходитъ только благодаря смутному различенію или полному отсутствію различенія. Если, напримѣръ, ребенокъ Прейера смѣшивалъ понятія „слишкомъ большой“ и „слишкомъ маленькій“, „вчера“ и „завтра“ и заходилъ даже такъ далеко, что образовывалъ составное понятіе „сегодня вчера“ которое должно было включать и то, и другое, ²⁾ то здѣсь легко видѣть, что дѣтскій умъ составилъ себѣ еще лишь смутное представленіе, въ первомъ случаѣ относительно количества, во второмъ — относительно времени. Немногимъ отличается и объясненіе другихъ случаевъ, въ которыхъ дитя смѣшиваетъ различныя соотношенія, напримѣръ, когда одинъ ребенокъ распространилъ значеніе слова, которымъ онъ просилъ поѣсть, на всякое предложеніе чегонибудь комунибудь другому, или когда мальчикъ К. говорилъ „тратить вмѣсто „стоять“, „брать взаймы“ вмѣсто „давать взаймы“ и „учиться“ вмѣсто „учить“. Ребенокъ можетъ усвоить представленіе объ отвлеченныхъ отношеніяхъ лишь медленно и постепенно. Такія слова, какъ *давать взаймы*, *учить*, вызываютъ первоначально образное представленіе о какомънибудь дѣйствіи, въ которомъ ребенокъ видѣлъ два участвующихъ лица. Но точныхъ свойствъ самаго отношенія, различія, которое зависитъ отъ того, будемъ ли мы смотрѣть на него съ одной

¹⁾ *Минто*, Логика (Русск. пер., 3-е изд., Москва, 1898), стр. 103.

²⁾ См. *Die Seele des Kindes*, стр. 420, а также стр. 414 и 418.

или съ другой стороны, онъ еще не понимаетъ. Такъ, можно предполагать, что ребенокъ, думающій о покупкѣ и расплатѣ, представляетъ себѣ это дѣйствіе, но нѣясно различаетъ роль того, кто покупаетъ и отдаетъ деньги, и того, кто требуетъ извѣстной платы или назначаетъ цѣну. Мы, можетъ быть, имѣемъ такого же рода смутное представленіе объ извѣстномъ соотношеніи, когда помогаемъ скрипачу настроить его инструментъ. Мы можемъ знать, что его нота и нота, взятая нами на фортепіано, не совпадаютъ, и можемъ въ то же время быть совершенно не въ состояніи опредѣлить точное отношеніе между ними, сказать, которая изъ нихъ выше, которая ниже.

Интересный видъ такого распространенія именъ на предметы, находящіеся въ извѣстномъ соотношеніи, представляетъ перенесеніе свойствъ дѣйствующей причины на предметъ подвергающійся дѣйствію, и наоборотъ. Такъ, одна маленькая четырехлѣтняя дѣвочка называла свой зонтикъ, когда вѣтеръ раздувалъ его, „вѣтрнымъ зонтикомъ“, а камень, поранившій ея руку, — „очень больнымъ камнемъ“. Одна маленькая дѣвочка-итальянка, принимавшая какое-то горькое лекарство, называла себя поэтомъ „гадкой дѣвочкой“¹⁾.

Въ этихъ измѣненіяхъ, которыя дѣтя вносятъ въ употребленіе словъ или въ ихъ значеніе, многое напоминаетъ подобныя же измѣненія, происходящія при развитіи языка отдѣльныхъ народовъ. Такъ, мы знаемъ, что метафорическое употребленіе словъ ребенкомъ, его обыкновеніе выражать отвлеченную мысль посредствомъ аналогичнаго конкретнаго образа соотвѣтствуетъ раннимъ ступенямъ въ развитіи чловѣческаго языка. Племена, не имѣющія знаковъ для отвлеченныхъ идей, пользуются метафорами совершенно такъ же какъ и дѣти. Нашъ собственный языкъ еще сохраняетъ нѣкоторые слѣды такого фигуральнаго употребленія словъ²⁾.

---

1) *Paola Lombroso, Saggi di Psicologia del Bambino, стр. 16.*

2) О поэзии въ словахъ см. *Trench, On the Study of Words, lect. VI.*

Далѣ, въ развитіи языковъ мы можемъ прослѣдить процессъ, соответствующій тому, посредствомъ котораго дѣти самопроизвольно расширяють, какъ говорится въ логикѣ, значеніе своихъ именъ. Слово „солнце“ еще совсѣмъ недавно претерпѣло такое расширение смысла, когда его стали примѣнять и къ другимъ центрамъ планетныхъ системъ, кромѣ нашего знакомаго солнца. Разнообразіе значеній нѣкоторыхъ словъ, напримѣръ „стволь“, „вѣтвь“, „прѣпасть“ указываетъ на тотъ двойной процессъ расширения смысла при помощи ассимиляціи и ассоціаціи, который мы видѣли выше въ употребленіи ребенкомъ слова „ма“.

Повторяю, параллель къ перенесенію слова ребенкомъ съ одного представленія на другое, стоящее въ нѣкоторомъ соотношеніи съ первымъ, встрѣчается и въ языкѣ взрослыхъ. Какъ показываетъ простонародное выраженіе: „Я тебя слушаю“, одно и то же слово можетъ означать оба понятія: „слушать“ и „слушаться“. Подобный же случай, когда одно и то же слово обозначаетъ и дѣйствующую силу, и предметъ, подвергающійся дѣйствию, мы видимъ, напримѣръ, въ „дѣйствительномъ“ и „страдательномъ“ значеніи латинскаго *penetrabilis* („проницающій“ и „проницаемый“), въ „объективномъ“ и „субъективномъ“ значеніи нѣмецкаго *angenehm* (пріятный) и въ другихъ сходныхъ словахъ. Мы говоримъ подобно упомянутой выше дѣвочкѣ, о „больномъ“ мѣстѣ. Наконецъ, та мысль, которая лежитъ въ основѣ выраженія маленькой дѣвочки-итальянки о „гадкомъ ребенкѣ“, повидимому родственна мысли дикарей, предполагающихъ, что они приобрѣтаютъ свойства съѣдаемыхъ ими вещей.

Указанныя здѣсь измѣненія относятся къ той области, которую филологи называютъ обобщеніемъ. Въ дополненіе къ нимъ, при развитіи какого нибудь народнаго языка происходитъ процессъ специализаціи; такъ англійское слово *physician*, означавшее первоначально человѣка, изучающаго природу, становится названіемъ человѣка, который изучилъ одну опредѣленную область естественныхъ наукъ и можетъ на практикѣ примѣнять свои познанія, именно — названіемъ врача.

При развитіи языка у ребенка мы видим нѣчто аналогичное въ постепенномъ ограниченіи смысла словъ, въ приложеніи ихъ къ болѣе тѣснымъ группамъ предметовъ или къ отдѣльнымъ предметамъ, — ограниченіи, которое является результатомъ извѣстныхъ выполненныхъ уже процессовъ сравненія и различенія. Такъ „ба-ба“, служащее первоначально обозначеніемъ для самыхъ разнообразныхъ четвероногихъ, покрытыхъ шерстью или волосами, получаетъ специальное значеніе, какъ названіе овцы, а часто подвергающееся злоупотребленіямъ слово „папа“ начинаетъ относиться только къ тому, кому оно по праву принадлежитъ.

Этотъ процессъ расчлененія и спеціализаціи принимаетъ интересную форму какъ у дѣтей, такъ и у дикарей, когда ихъ изобрѣтательность направляется на образованіе составныхъ словъ. Такія слова часто бываютъ настоящими метафорами. Такъ, о приведенномъ выше случаѣ, когда вѣко было названо глазнымъ занавѣсомъ, можно сказать, что ребенокъ прибѣгъ къ метафорическому приему для описанія вѣка. То же самое можно сказать о дѣвочкѣ М., которая, когда ей было годъ и девять мѣсяцевъ, придумала для серебряныхъ монетъ названіе „свѣтлая копѣйка“. Немногимъ отличается отъ этихъ примѣровъ и составное слово „ногакрыло“, придуманное мальчикомъ К. для обозначенія конечностей тюленя. Какъ дальнѣйшій образецъ такого образованія метафорическихъ выраженій, укажу еще на милое названіе „вѣтряной говорунъ“, которое одинъ мальчикъ четырехлѣтъ и восьми мѣсяцевъ изобрѣлъ для флюгера.

Въ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ одновременно совершается перенесеніе значенія слова по аналогіи (напримѣръ, съ занавѣса на вѣко) или процессъ обобщенія, и ограниченіе смысла посредствомъ прилагательнаго „глазной“, т.-е. процессъ спеціализаціи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ распространеніе именъ по аналогіи переходитъ въ то, что мы назвали бы классификаціей. Одинъ ребенокъ, напримѣръ, знавшій выраженіе „паровое судно“, но не знавшій выраженія „парусное судно“, придумалъ

маль для послѣдняго названіе „вѣтряное судно“. Когда дѣвочкѣ М. было годъ и девять мѣсяцевъ, она обнаруживала настоящую страсть къ классифицированію при помощи составныхъ словъ.

Съ логической точки зрѣнія можно было бы предположить, что при этихъ изобрѣтеніяхъ опредѣленіе должно, естественно, стоять позади опредѣляемаго слова, какъ во французскомъ *moulin à vent*, *eugne noir*. Я слышалъ, что одинъ ребенокъ охотнѣе употреблялъ выраженіе „мельница вѣтряная“, чѣмъ „вѣтряная мельница“, и предпочиталъ такой порядокъ словъ: „собака черная“ обычному „черная собака“. Стоило бы записывать всякій примѣръ этого рода.

Въ этихъ изобрѣтеніяхъ мы снова можемъ замѣтить близкое сходство между языкомъ дѣтей и языкомъ дикарей. Видя какой нибудь новый предметъ, дикарь ведетъ себя почти такъ же, какъ ребенокъ; онъ создаетъ новое названіе на основаніи другихъ, уже знакомыхъ ему и это названіе обыкновенно носить въ высокой степени метафорической характеръ. Такъ, ацтеки называли лодку „водянымъ домомъ“, а жители Ванкуверовыхъ острововъ, увидѣвъ винтовой пароходъ, назвали его *yetsch-yetsokleh* (т.-е. „толкатель“) ¹⁾.

Нѣсколько инымъ видомъ изобрѣтенія словъ является образованіе ребенкомъ новыхъ словъ по аналогіи съ уже извѣстными. Самый обыкновенный случай, это—образованіе существительныхъ изъ глаголовъ по образцу другихъ существительныхъ. Результаты такого изобрѣтенія часто бываютъ довольно причудливы. Иногда новымъ словомъ обозначается дѣйствующая сила; на примѣръ, мальчикъ К. говорилъ о „Дождевикѣ“, какъ о духѣ, который дѣлаетъ дождь; другой маленькій мальчикъ величалъ учителя „урокникомъ“. Иногда же новое слово обозначаетъ результатъ дѣйствія; такъ, тотъ же мальчикъ К. изобрѣлъ слово „думанье“, означавшее „мысль“, и это же слово придумала глухонѣмая Лаура Бриджмонъ. Сходнымъ образомъ одинъ трехлѣтній мальчикъ

---

1) *Тайлоръ*, Антропология, стр. 132.

называлъ ямы, которыя онъ выкопалъ въ саду, „копками“. Встрѣчается также и обратный процессъ образованія глаголовъ изъ существительныхъ. Такъ, одинъ ребенокъ изобрѣлъ слово „закинжалить“, означавшее „убить кинжаломъ“, а мальчикъ Прейера придумалъ форму „ножить“, означавшую „рѣзать“ и произведенную отъ существительнаго „ножь“. Вѣроятно, подобный же процессъ мысли совершился и въ дѣвочкѣ М., когда она (ей было тогда годъ и десять мѣсяцевъ), увидѣвъ неподвижнаго червяка и узнавъ, что онъ мертвъ, захотѣла посмотрѣть, какъ другой червякъ „мёртвѣеть“. Этотъ же ребенокъ придумалъ глаголь „разузливать“ (развязывать узелъ). Это искусство производить глаголы отъ существительныхъ и наоборотъ, которое такъ много разъ появляется въ развитіи языка, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ примитивной, естественной формой мышленія. Всякая вещь представляетъ какъ для ребенка, такъ и для первобытнаго человѣка величайшій интересъ, либо въ качествѣ дѣйствующей силы, либо какъ послѣдняя фаза дѣйствія или его результатъ.

По нѣкоторымъ изъ этихъ оригинальныхъ образованій мы можемъ замѣтить, какъ тонко ребенокъ чувствуетъ аналогію въ словахъ. Такъ, одинъ французскій мальчикъ, убивъ нѣсколькихъ слизняковъ (*limaces*), поѣдавшихъ растенія въ саду, гордо называлъ себя поэтому *limacier*; при этомъ его изобрѣтательностью, безъ сомнѣнія, руководила аналогія со словомъ *voiturier* (кучеръ), происходящаго отъ *voiture* (коляска) ¹⁾.

Въ другихъ видахъ словъ, придуманныхъ дѣтьми, трудно опредѣлить тотъ образецъ, которому они подражали. Синьорина Ломброзо приводитъ хорошій примѣръ этого рода. Одна маленькая дѣвочка двухъ съ половиной лѣтъ замѣтила, что ея мать, разрѣшая ей взять, съѣсть или выпить что-нибудь, говорила обыкновенно: *prendilo* (возьми), или *bevilo* (выпей),

¹⁾ *Компэре*, указ. соч., стр. 182; тамъ же приведены и другіе примѣры.

или mangialo (сѣшь). Изъ каждаго изъ этихъ словъ дѣвочка образовала нѣчто въ родѣ прилагательнаго или существительнаго и спрашивала: é prendilo? (это—возьми?) é bevilo? (это—выпей?) é mangialo? (это сѣшь?), когда хотѣла взять, выпить или сѣсть чтонибудь ¹⁾. Такими искусными приемами ребенокъ создаетъ тѣ слова, которыя ему необходимы.

Образование предложеній.

Мы можемъ послѣдовать теперь за ребенкомъ въ его дальнѣйшей работѣ въ области языка,—работѣ, съ которой связаны уже и большія притязанія. Переходъ въ эту высшую область обозначается употребленіемъ законченной формы выраженія мысли, именно формы предложенія.

Вначалѣ, какъ уже было указано, ребенокъ совсѣмъ не строитъ предложеній. Онъ начинаетъ говорить, употребляя только отдѣльные слова. Его лексиконъ состоитъ изъ тѣхъ словъ, которыя мы называемъ существительными, какъ „мама“, „няня“, „молоко“, немногихъ прилагательныхъ, какъ „горячій“, „милый“, „хорошій“, еще меньшаго количества нарѣчій, какъ „прочь“, „сверху“, „внизъ“, „вверхъ“, и одного или двухъ глаголовъ, повидимому, въ повелительномъ наклоненіи, напримѣръ, „иди“. Точный порядокъ, въ которомъ появляются эти слова, и численное отношеніе между различными родами ихъ въ какомънибудь опредѣленномъ возрастѣ, напримѣръ, въ два съ половиной или въ три года, повидимому, подвержены большимъ колебаніямъ. Слова, означающія какія-либо дѣйствія, вначалѣ очень немногочисленны, но позднѣе количество ихъ, кажется, становится значительнымъ ²⁾.

Называя эти слова существительными, прилагательными и т. д., я только пользуюсь обычными выраженіями. Нельзя

¹⁾ Указ. соч., стр. 12.

²⁾ Списки дѣтскихъ словъ и разборъ ихъ состава см. у *Preyer*, *Die Seele des Kindes*, стр. 372 и сл.; *Треси*, *Психологія перваго дѣтства*, стр. 129 и сл.

предполагать, что слова, употребляемые въ такой простой, отрывочной рѣчи, имѣютъ опредѣленное грамматическое значеніе. Вообще еще не всѣми признано, что состоящія изъ одного слова выраженія ребенка являются сокращенными предложениями, аналогичными тѣмъ краткимъ изреченіямъ, которыя встрѣчаются въ простѣйшихъ, извѣстныхъ намъ, оборотахъ рѣчи у взрослыхъ людей. Между тѣмъ, какъ у расы, такъ и у ребенка предложеніе предшествуетъ слову. Болѣе того, каждое изъ такъ называемыхъ словъ ребенка въ его отрывочной рѣчи замѣняетъ значительное число разнообразныхъ предложений. Такъ, тѣ слова дѣтскаго лексикона, которыя мы называемъ существительными, служатъ и глаголами и т. д. По замѣчанію Прейера, слово „стулъ“ означаетъ „нѣтъ стула“, „я хочу, чтобы меня посадили на стулъ“, „стулъ сломанъ“ и т. д. Сходнымъ образомъ слово „внизъ“ можетъ означать „ложка упала внизъ“, „я сошелъ внизъ“, „я хочу сойти внизъ“ и т. д. ¹⁾ На особый оттѣнокъ, который ребенокъ придаетъ значенію слова, указываетъ интонація голоса и сопровождающій жестъ.

Вначалѣ фразы строятся съ извѣстной робостью. Возрастъ, въ которомъ онѣ впервые появляются, очень различенъ. Въ большинствѣ случаевъ построеніе фразъ начинается около двадцати перваго мѣсяца, но нѣкоторые изъ моихъ корреспондентовъ, хорошіе наблюдатели, указываютъ и на болѣе ранній возрастъ въ восемнадцать съ половиной и девятнадцать мѣсяцевъ; а одинъ мой знакомый, профессоръ литературы, сообщаетъ мнѣ, что его мальчикъ образовывалъ простыя предложенія уже на пятнадцатомъ мѣсяцѣ. Вначалѣ ребенокъ обыкновенно составляетъ очень короткія фразы, образованныя изъ двухъ рядомъ поставленныхъ словъ. Онѣ состоятъ изъ слова, которое мы назвали бы прилагательнымъ, присоединеннаго къ существительному и опредѣляющаго его, таково, напримѣръ, простое выраженіе мальчика К.: „большая

---

¹⁾ См. *Preyer, Die Seele des Kindes*, стр. 361. *Romanes*, указ. соч., стр. 296 и сл.

птица“ или восклицаніе: „папа носъ“ т. д. („папинъ носъ“); или же онѣ могутъ возникнуть изъ сочетанія существительныхъ, какъ фраза, приводимая у Трэси, „папа бискитъ“, т. е. „у папы есть бисквитъ“, или какъ другая фраза, указываемая Прейеромъ; „тетя пряникъ“ вмѣсто „тетя дала мнѣ пряникъ“: Прейеръ приводитъ также нѣсколько иной примѣръ составнаго предложенія: „дома молоко“, которое было истолковано такъ: „Я хочу пойти домой и пить молоко“. Одинъ ребенокъ въ возрастѣ около двадцати трехъ мѣсяцевъ составлялъ большинство своихъ предложеній изъ двухъ словъ, при чемъ одно изъ нихъ обыкновенно бывало глаголомъ въ повелительномъ наклоненіи. Какъ показываетъ этотъ случай, любовь къ приказыванію, столь странная въ ребенкѣ, дѣлаетъ употребленіе повелительнаго наклоненія очень обычнымъ. Первая фраза, которую составила дѣвочка М. (ей было тогда восемнадцать съ половиной мѣсяцевъ), была: „Мама, застегни“, т. е. „застегни перчатки“.

Понемногу ребенокъ начинаетъ справляться съ болѣе длинными предложеніями, стараясь возможно полнѣе использовать тѣ средства, какія имѣются въ его распоряженіи; при этомъ онѣ нѣсколько не заботится о склоненіи или о томъ, чтобы при помощи предлоговъ точно указать отношеніе, которое онѣ имѣетъ въ виду, но предоставляетъ слушающему разгадать, какъ умѣетъ, смыслъ его словъ; и по истинѣ удивительно, какъ много ребенокъ можетъ выразить такимъ грубымъ образомъ. Одинъ мальчикъ девятнадцати съ половиной мѣсяцевъ отдалъ своему отцу слѣдующій категорическій приказъ: „Дада иди ноги ванна“, т. е. „папа долженъ пойти и опустить ноги въ ванну“. Маленькая дѣвочка Поллока въ своей первой попыткѣ составить фразу (эта попытка записана, когда дѣвочкѣ было двадцать одинъ съ половиной мѣсяцевъ) высказала слѣдующее милое противопоставленіе: „Кареты грязны, повозочка чиста“. Мальчикъ Прейера въ началѣ третьяго года разъ сказалъ: „Молоко вонъ коверъ папа фу“; это, повидимому, означало: „Молоко пролилось на коверъ, и папа сказалъ „фу“. Слѣдуетъ прибавить, что

трудность разгадыванія этихъ раннихъ фразъ еще увеличивается благодаря тому, что дѣти часто прибѣгаютъ къ соединенію двухъ словъ въ одно.

Замѣчательно расположеніе словъ въ этихъ первыхъ фразахъ. Иногда подлежащее ставится позади сказуемаго, какъ въ примѣрѣ, приводимомъ Поллокомъ: „Убѣжать человѣкъ“, т.-е. „человѣкъ убѣжалъ“, или въ еще болѣе странномъ примѣрѣ, на который указываетъ тотъ авторъ: „Вытащить дитя очки“, т.-е. „дитя вытащило“ или „хочетъ вытащить очки“. Сходнымъ образомъ, прилагательное, служащее сказуемымъ, можетъ предшествовать подлежащему, какъ въ примѣрахъ, которые приводитъ Mailet: Jolie la fleur (красивъ цвѣтокъ) и т. д. ¹⁾ Иногда же дополненіе стоитъ впереди глагола, какъ показываетъ слѣдующій примѣръ, приводимый госпожей Шиннъ: одна маленькая дѣвочка, обрадованная тѣмъ, что выйдетъ погулять и увидитъ луну, воскликнула: „Мѣсяць-небо, дитя видитъ“ ²⁾. Приведу еще одинъ забавный примѣръ перемѣщенія подлежащаго и дополненія. Мальчикъ двухъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ спросилъ: „Яблоко подавилось Сашей?“ вмѣсто „Саша подавился яблокомъ?“ Весьма вѣроятно, впрочемъ, что въ этомъ случаѣ играло роль непониманіе того, въ чемъ заключается явленіе, называемое „подавиться“. Другого рода перестановка словъ встрѣчается тогда, когда дѣти пытаются составлять болѣе сложныя фразы, на примѣръ, соединяя слово „мой“ съ какимъ нибудь прилагательнымъ. Такъ одинъ ребенокъ мило говорилъ: „Бѣдные мои друзья“; ³⁾ этотъ устарѣлый оборотъ рѣчи можно сравнить съ слѣдующимъ выраженіемъ, напоминающимъ галлицизмъ и употребленнымъ дѣвочкой М., когда ей было годъ и десять мѣсяцевъ: „Какъ Бабба (т.-е. она сама) ѣсть хорошо!“ Эта же дѣвочка перемѣщала вспомогательный глаголь, говоря: „Можетъ Бабба писать“, хотя здѣсь на нее, вѣроятно, влияло воспоминаніе о вопросительной формѣ фразы.

1) См. *Компэре*, указ. соч., стр. 148.

2) *Notes on the Development of a Child*, стр. 84.

3) *Canton, The Invisible Playmate*, стр. 32.

Такія измѣненія обычнаго порядка словъ наводятъ на нѣкоторыя размышленія. Они нѣсколько напоминаютъ интересное расположеніе знаковъ, которое мы встрѣчаемъ у глухонѣмыхъ. Такъ, одинъ глухонѣмой на вопросъ: „Кто создалъ Бога?“ отвѣтилъ. „Богъ создалъ ничего“, т.-е. „ничего не создало Бога“. Сходнымъ образомъ глухонѣмая Лаура Бриджмэнъ выражала просьбу: „Дай Лаурѣ хлѣба“ въ такой формѣ: „Лаурѣ хлѣбъ дай“¹⁾. Такая перестановка словъ допускается, какъ извѣстно, и часто встрѣчается въ нѣкоторыхъ языкахъ, напримѣръ, въ латинскомъ. Изученіе синтаксиса дѣтскаго языка и знаковъ глухонѣмыхъ могло бы навести на мысль, что расположеніе словъ въ нашемъ языкѣ не является наиболѣе естественнымъ.

Сходное нарушеніе того порядка, который намъ кажется правильнымъ, мы видимъ и въ первыхъ попыткахъ ребенка отрицать что нибудь. Мальчикъ К. на третьемъ году выражалъ ту мысль, что онъ не пошелъ въ море, слѣдующимъ образомъ: „К. (его собственное имя) идетъ въ воду, нѣтъ“. Точно такъ же ребенокъ Поллока показывалъ, что соглашается съ запрещеніемъ, говоря: „Дитя имѣетъ перецъ нѣтъ“, при чемъ „нѣтъ“ слѣдовало за предыдущимъ безъ всякаго перерыва. Такое же расположеніе словъ мы встрѣчаемъ и у французскихъ дѣтей, напримѣръ въ выраженіи „папа нѣтъ“ вмѣсто „это не папа“, и оно, повидимому, служитъ обычной, если не всеобщей, формой первыхъ полу-самостоятельно образуемыхъ фразъ. Здѣсь мы снова видимъ аналогію съ синтаксисомъ глухонѣмыхъ, которые, кажется, присоединяютъ знакъ отрицанія сходнымъ образомъ, напримѣръ, говоря: „Учитель я бить, обманывать, бранить нѣтъ“ вмѣсто: „и не долженъ бить, обманывать, бранить моего учителя“. Нѣчто сходное мы видимъ и въ языкѣ дикарей, у которыхъ, напримѣръ „глупый нѣтъ“ означаетъ „не глупый“. т.-е. мудрый²⁾. Когда

1) См. *Romanes*, указ. соч., 116; тамъ же и другіе примѣры этого рода.

2) Annual Report of the Bureau of Ethnology, 1879—80, стр. 391 и сл.

дѣти начинаютъ употреблять слово „не“, они обыкновенно помѣщаютъ его не въ надлежащемъ мѣстѣ; такъ, маленькая дѣвочка М. говорила: „Не Бабба смотрѣтъ“ (т.-е. „Бабба не будетъ смотрѣтъ“). ¹⁾

Другая характерная черта въ такихъ предложеніяхъ, составляемыхъ маленькими дѣтьми, это—любовь къ противоположеніямъ въ формѣ двухъ взаимно уравнивающихся утверждений. Ребенокъ часто противопоставляетъ утвердительному предложенію отрицательное для того, чтобы особенно подчеркнуть смыслъ перваго. Напримѣръ, мальчикъ К. обыкновенно говорилъ: „Это хорошій вау-вау, не гадкій вау-вау“. Маленькая дѣвочка М. говорила: „Бу (имя ея кошки) получила хвостъ; бѣдная Бабба не получала хвоста“; при этомъ она начинала искать хвостъ у себя подъ платьицемъ. Одинъ ребенокъ двухъ лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ усвоилъ себѣ привычку противопоставлять отрицательное предложеніе утвердительному и такимъ образомъ описывать все посредствомъ отрицаній. Такъ, апельсинъ онъ описывалъ словами: „Нѣтъ, это не яблоко“, а супъ—словами: „Нѣтъ, это не хлѣбъ съ молокомъ“. Интересно замѣтить, что глухонѣмые поступаютъ сходнымъ образомъ, противопоставляя положительнымъ предложеніямъ отрицательныя. Такъ, одинъ изъ нихъ выражалъ мысль: „Я долженъ любить и уважать своего учителя“ слѣдующимъ образомъ: „Учитель я бить, обманывать, бранить, нѣтъ!—Я любить, почитать да!“ ²⁾

Въ этихъ первыхъ попыткахъ построения фразъ проявляется то искусство, съ которымъ ребенокъ пополняетъ свой скудный лексиконъ, перенося при помощи метафоръ смыслъ

---

¹⁾ Слѣдуетъ прибавить, что эта дѣвочка постоянно употребляла отрицательную форму для выраженія цѣлой мысли и говорила, напримѣръ, „Бабба не должна войти“ вмѣсто „Бабба можетъ оставаться здѣсь“.

²⁾ Интересный примѣръ отрицательнаго противоположенія приводитъ *Пэре* въ указ. соч., стр. 196. Относительно другихъ случаевъ аналогіи между синтаксисомъ дѣтей и глухонѣмыхъ, см. *Компэре*, указ. соч., стр. 183 и сл.

однихъ словъ на другія. Тэнъ приводитъ милый образчикъ примѣненія этого приѣма. Одна маленькая дѣвочка восемнадцати мѣсяцевъ усвоила слово „ку-ку“, которое ея мать или няня употребляли, когда въ шутку прятались за дверью или за стуломъ, а также слово „горячо“, которымъ ее предупреждали, что ея обѣдъ слишкомъ горячъ или что она должна надѣть шляпу, чтобы уберечься отъ солнца. Однажды увидѣвъ, что солнце скрылось за горой, она воскликнула: „горячо ку-ку“ ¹⁾.

Опасный моментъ наступаетъ тогда, когда ребенокъ впервые дѣлаетъ попытку склонять и спрягать. Ребенокъ Поллока сдѣлалъ такую попытку, и притомъ успѣшно, когда ему было двадцать два мѣсяца. Эти опыты, вѣроятно, являются примѣрами чистаго подражанія, такъ какъ ребенокъ раньше слышалъ отъ другихъ правильныя употребительныя формы словъ. Поэтому, если такія попытки и свидѣлствуютъ о развитіи умственныхъ способностей, о томъ, что уже различаются отношенія числа и времени, то въ нихъ мы все-таки еще не видимъ настоящихъ грамматическихъ построеній. Послѣднія являются лишь тогда, когда ребенокъ пускаетъ въ ходъ свои познанія относительно различныхъ грамматическихъ формъ и примѣняетъ ихъ къ новымъ словамъ. Это показываетъ, что уже зарождается пониманіе того правила или основанія, въ силу котораго слова подвергаются измѣненіямъ. Развитіе этой чуткости къ общему характеру измѣненія словъ лежитъ въ основѣ всѣхъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ правильномъ пользованіи языкомъ.

Если маленькій изслѣдователь, пускающійся въ невѣдомую область языка, въ состояніи безопасно идти въ этомъ направленіи до извѣстнаго пункта, то онъ все-таки, какъ всѣмъ извѣстно, обыкновенно спотыкается отъ времени до времени, и мы не станемъ удивляться этому, если вспомнимъ тѣ трудности и неправильности, которыми изобилуетъ почти всякій языкъ.

---

¹⁾ Тэнъ, Объ умѣ и познаніи, ч. I, кн. I, гл. II отд. V.

Изученіе неправильностей дѣтской рѣчи, которыя почти всегда бываютъ забавны, а иногда и очень милы, полезно для матерей и молодыхъ учителей, такъ какъ оно показываетъ, сколько трудной умственной работы, сколько настоящихъ выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи догадокъ, заключено въ попыткахъ дѣтей начать говорить. Мы не должны удивляться, что дѣтямъ случается ошибиться; намъ скорѣе слѣдовало бы удивляться тому, что при всѣхъ трудностяхъ и западняхъ, которыми такъ богатъ языкъ взрослыхъ, они ошибаются такъ рѣдко. Собственно говоря, позднѣйшее и болѣе „правильное“ пользованіе языкомъ—правильное именно потому, что ребенокъ накопилъ большое количество словъ въ опредѣленныхъ формахъ и, слѣдовательно, можетъ гораздо больше подражать, ничего самъ не изобрѣтая—менѣе удивительно, чѣмъ первоначальное подражаніе, сопровождающееся изобрѣтеніями; ибо послѣднее не только отличается самобытностью, но въ немъ виденъ и зачатокъ настоящаго грамматическаго чутья, посредствомъ котораго распознаются общія черты или нормы языка.

Склоненіе существительныхъ доставляетъ ребенку, сравнительно, немного затрудненій. За то съ мѣстоименіями маленькому языковѣду обыкновенно приходится долго биться, какъ извѣстно всякой интеллигентной матери. Время, когда онъ начинаетъ владѣть формами „я“, „ты“, „меня“, „мое“ и т. д., составляетъ эпоху въ развитіи его способности къ рѣчи, а также и въ развитіи его умственныхъ способностей, которыя такъ тѣсно связаны съ первой. Поэтому слѣдуетъ вкратцѣ разсмотрѣть развитіе этой способности.

Извѣстно, что дѣти, начиная говорить, называютъ самихъ себя и тѣхъ, къ кому они обращаются, по именамъ, говоря, на примѣръ: „дита хорошее“, „мама идетъ“. Такіе обороты рѣчи иногда обозначаются, какъ разговоры „въ третьемъ лицѣ“, но это не совсѣмъ точно, такъ какъ мы видимъ, что въ дѣтской рѣчи лица вообще еще не различаются.

Первое употребленіе словъ „я“ и „ты“, въ возрастѣ отъ двухъ до трехъ лѣтъ, обыкновенно бываетъ ошибочно. Дитя

изъ подражанія начинаетъ говорить „я“ „меня“, „мой“ вмѣсто „ты“ и „твой“. Такъ, одинъ ребенокъ говорилъ: „Что я буду дѣлать?“ вмѣсто „Что ты будешь дѣлать?“ Въ этомъ случаѣ, очевидно, еще нѣтъ яснаго пониманія того, что мы называемъ подлежащимъ, или еще не понимается точное отношеніе между этимъ подлежащимъ и тѣмъ лицомъ, къ которому обращаются.

Однако рядомъ съ такимъ механическимъ употребленіемъ мѣстоименій мы видимъ и начало разумнаго примѣненія ихъ. Насколько я могу судить, большинство дѣтей раньше начинаетъ говорить „меня“ или „мое“, нежели употреблять мѣстоименіе „ты“. Но я встрѣтилъ и нѣсколько явныхъ исключеній изъ этого правила. Такъ, мальчикъ К. несомнѣнно усвоилъ форму второго лица раньше формы перваго лица; другой случай этого рода удостовѣряетъ одинъ изъ моихъ корреспондентовъ. Желательно было бы собрать больше наблюденій относительно этого пункта.

Точно опредѣлить тотъ возрастъ, когда начинается разумное употребленіе мѣстоименія перваго лица,—это дѣло болѣе трудное, чѣмъ кажется. Слово „я“ иногда является внезапно и затѣмъ снова исчезаетъ, какъ было у дѣвочки М., которая разъ, когда ей было девятнадцать мѣсяцевъ и три недѣли, сказала: „я сдѣлала“, но затѣмъ въ продолженіе нѣкотораго времени не употребляла слова „я“. Принимая во вниманіе эти трудности, можно съ извѣстной увѣренностью сказать, что великій переходъ отъ „дита“ къ „я“ совершается, въ благопріятныхъ случаяхъ, обыкновенно въ теченіе первой половины третьяго года. Такъ, у различныхъ наблюдателей я нахожу указаніе на слѣдующіе возрасты: двадцать четыре мѣсяца, двадцать пять мѣсяцевъ (случай, приводимые Прейеромъ), отъ двадцати пяти до двадцати шести мѣсяцевъ (Поллокъ), двадцать семь мѣсяцевъ (мальчикъ К.). Одна знакомая дама сообщаетъ мнѣ, что ея мальчикъ началъ употреблять слово „я“, когда ему было двадцать четыре мѣсяца. Нѣкоторые не по лѣтамъ развитыя дѣти доходятъ до этого въ болѣе раннемъ возрастѣ. Такъ,

Прейеръ приводитъ одинъ случай, когда въ первомъ лицѣ говорилъ двадцатимѣсячный ребенокъ. Шульце указываетъ на такой же случай съ девятнадцатимѣсячнымъ ребенкомъ. Одинъ изъ моихъ друзей, профессоръ англійской литературы, сообщаетъ, что его мальчикъ, очень рано обнаруживавшій способность къ образованію фразъ, употреблялъ формы „меня“ и „я“ на шестнадцатомъ мѣсяцѣ. Наоборотъ, мальчикъ Прейера, у котораго способность рѣчи, очевидно, развивалась довольно медленно, въ первый разъ употребилъ мѣстоименіе перваго лица въ формѣ „мнѣ“, когда ему было двадцать девять мѣсяцевъ.

Очень любопытна послѣдовательность, въ которой впервые появляются эти формы мѣстоименій. Многія дѣти употребляютъ раньше „меня“, чѣмъ „я“. Мальчикъ Прейера, повидимому, прежде всего употреблялъ форму „мнѣ“. Слово „мое“ обыкновенно является въ числѣ первыхъ формъ. Такими разнообразными путями дитя переходитъ въ новую и трудную область мѣстоименій.

Значеніе этого перехода обсуждалось уже очень много разъ. Прежде всего ясно, что дитя не можетъ усвоить эти формы такъ, какъ оно усваиваетъ слова „папа“, „няня“, т.-е. путемъ непосредственнаго и болѣе или менѣе механическаго подражанія. Подражая такимъ образомъ, оно, какъ мы видѣли, приходитъ къ нелѣпости и говорить о самомъ себѣ „ты“. Поэтому ребенокъ приблизительно въ теченіе года послѣ того, какъ онъ началъ говорить, не употребляетъ этихъ формъ. Онъ называетъ себя словомъ „дитя“ или какимъ нибудь другимъ равнозначущимъ именемъ, а окружающіе становятся на одинъ уровень съ нимъ и подають ему примѣръ.

Этотъ переходъ, повидимому, происходитъ отчасти, какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ, благодаря росту самосознанія, благодаря болѣе ясному выдѣленію своего „я“ въ качествѣ центра мыслей и дѣйствій, благодаря пониманію отношенія другихъ лицъ къ этому центру. Это самосознаніе не начинается вмѣстѣ съ употребленіемъ слова „я“. Дитя, безъ

сомнѣнія, обладаетъ нѣкоторымъ зачаточнымъ самосознаніемъ даже тогда, когда оно говоритъ о себѣ, какъ о чемъ-то постороннемъ; но въ употребленіи формъ „я“, „меня“ можно видѣть признакъ того, что представленіе о своемъ „я“ получило болъшую опредѣленность и относится уже не только къ тѣлесному предмету, который, подобно всѣмъ другимъ объектамъ чувственныхъ воспріятій, можно назвать какимъ нибудь именемъ, но къ чему то отличному отъ этихъ объектовъ и противоположному имъ, — къ тому, что мы называемъ „личностью“ или „я“.

Хотя мы и признаемъ, что эта замѣна собственнаго имени формами „я“ и „меня“ совершается благодаря самопроизвольному развитію умственныхъ способностей ребенка, однако возможно, что и воспитаніе оказываетъ при этомъ извѣстное вліяніе. Легко допустить, что по мѣрѣ того, какъ растутъ умственныя способности ребенка, окружающіе обыкновенно въ разговорахъ съ нимъ все чаще употребляютъ, сами того не замѣчая, выраженія „я“ и „ты“. Но я склоненъ думать, что руководящая роль при этомъ въ большинствѣ случаевъ принадлежитъ ребенку. Какъ бы то ни было, очевидно, что ростъ умственныхъ способностей, обуславливающей болъшій интересъ къ словамъ другихъ, вызываетъ и болъшее вниманіе къ этимъ формамъ мѣстоименій, употребляемыхъ другими. Такимъ образомъ, окружающіе вліяютъ на развивающійся умъ ребенка, побуждая его направлять свои мысли на тонкія отношенія между „моимъ“ и не „моимъ“; между „моимъ“ и „твоимъ“. Чѣмъ болѣе интеллигентна среда, тѣмъ сильнѣе будетъ и это вліяніе, и этимъ, по крайней мѣрѣ отчасти, объясняется различіе возрастовъ, въ которыхъ дѣти усваиваютъ новую форму рѣчи ¹⁾.

---

¹⁾ Прейеръ (Die Seele Kindes, гл. 22), повидимому, считаетъ, что дѣти имѣютъ ясное самосознаніе еще до того, какъ они пытаются употреблять формы „я“ и т. д., и что усвоеніе послѣднихъ происходитъ путемъ подражанія. Но онъ не объясняетъ, почему это подражаніе получаетъ такую силу на опредѣленной ступени развитія рѣчи.

Усвоеніе этихъ формъ мѣстоименій—медленная и скучная работа. Онѣ вводятся вначалѣ робко и наряду съ собственными именами; ребенокъ говоритъ, напримѣръ, иногда „дитя“ или „Ильда“, иногда „я“ или „меня“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обѣ формы употребляются одновременно и ставятся одна подлѣ другой. Кромѣ того формы „я“ и „меня“ первоначально примѣняются лишь въ немногихъ выраженіяхъ, какъ „я былъ“, „я пошелъ“ и т. д. Исчезновеніе старыхъ формъ совершается постепенно, какъ можно убѣдиться, взглянувъ, напримѣръ, въ методическій дневникъ Прейера.

Странныя ошибки встрѣчаются вначалѣ, когда ребенокъ только начинаетъ пользоваться этими мѣстоименіями. Какъ на болѣе ранней ступени употреблялись существительныя, такъ здѣсь употребляются мѣстоименія: одна и та же форма экономно примѣняется въ различномъ смыслѣ; такъ, мальчикъ К. говорилъ „меня“ вмѣсто „мое“ и „насъ“ вмѣсто „наше“. Здѣсь, вѣроятно, играетъ роль недостаточно полное различеніе. Для всѣхъ насъ связь между нашимъ „я“ и тѣмъ, что къ нему принадлежитъ, всегда является одной изъ самыхъ тѣсныхъ. Если двухлѣтній ребенокъ, у котораго собирались отнять его куклу, кричалъ: „Меня, меня!“, то не можемъ ли мы предположить, что кукла была имъ принята во внутреннюю сферу его „я“? ¹⁾

Правильное свободное употребленіе этихъ сбивчивыхъ формъ является лишь много позднѣе. Прейеръ рассказываетъ, что одна четырехлѣтняя дѣвочка, по имени Ольга, имѣла обыкновеніе говорить: „Она меня облила“; при этомъ она имѣла въ виду самое себя. Но это, быть можетъ, свидѣтельствуеетъ о той склонности раздѣлять свое „я“ на нѣсколько личностей, о которой мы упоминали въ одной изъ предыдущихъ главъ.

На третьемъ году, когда появляется этотъ новый важный элементъ—мѣстоименія, вводятся и другія тонкости. Такъ, мальчикъ Прейера началъ употреблять опредѣленный членъ

¹⁾ Ср. выше, стр. 54.

(*der, die, das*) на двадцать восьмомъ мѣсяцѣ, а одинъ англійскій мальчикъ—когда ему было два года и восемь мѣсяцевъ. Около этого же времени вводятся и предлоги. Такимъ образомъ, дѣтская рѣчь начинаетъ терять свой первоначальный отрывочный характеръ и становится раздѣльной и стройной ¹⁾). Но полное усвоеніе предлоговъ требуетъ времени. Чувство аналогіи вначалѣ легко сбиваетъ съ пути маленькаго изслѣдователя: такъ, дѣвочка М. говорила „далеко къ“ по образцу выраженія „близко къ“.

Въ теченіе всего этого періода изученія языка дитя продолжаетъ обнаруживать свою самобытность и изобрѣтательность. Оно рѣдко приходитъ въ смущеніе, и хотя пробѣлы въ его лексиконѣ и велики, оно очень искусно ихъ заполняетъ. Нашу бойкую маленькую лингвистку, дѣвочку М., когда ей было годъ и восемь съ половиной мѣсяцевъ, отецъ разъ покачалъ на рукахъ; она хотѣла попросить его сдѣлать то же самое и съ матерью, но, не зная слова „качать“, сказала: „Дѣлай маму высоко“. Одинъ мальчикъ двадцати семи мѣсяцевъ остроумно говорилъ „разоспаться“ вмѣсто „проснуться“. Иногда сочетаются и различныя формы; такъ, одинъ мальчикъ трехъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ говорилъ „мое отдѣльно“ вмѣсто „я самъ“ или „твое отдѣльно“ вмѣсто „ты самъ“. Одна дѣвочка двухъ лѣтъ и десяти мѣсяцевъ выражала мысль: „Осталась только одна картофелина“ слѣдующимъ образомъ: „Не два картофеля остались“. Плеоназмы встрѣчаются очень часто; такъ, одинъ двухлѣтній мальчикъ обыкновенно говорилъ: „Еще одинъ другой пряникъ“.

Слова получаютъ настоящее значеніе.

Я почти ничего не сказалъ объ одной сторонѣ этой работы, которую ребенокъ затрачиваетъ на изученіе нашего языка, именно, объ угадываніи содержанія словъ, объ угадываніи того смысла, который мы вкладываемъ или пытаемся

¹⁾ Болѣе подробный отчетъ объ этихъ успѣхахъ читатель можетъ найти у *Preyer, Die Seele des Kindes*, гл. 20 и 21.

вкладывать въ наши слова. Закончимъ настоящее изслѣдованіе о дѣтскомъ языкѣ краткимъ обзоромъ этой стороны разбираемаго вопроса.

Если мы сколько нибудь внимательно присмотримся къ тому, какимъ образомъ дитя научается говорить, то увидимъ, сколько въ высшей степени трудной работы ему приходится потратить, чтобы дойти до пониманія нашей рѣчи. Если судить по требуемымъ усиліямъ, то можно сказать, что ребенокъ тратитъ на пониманіе родного языка столько же труда, сколько студентъ, изучающій восточные языки, на разгадываніе системы іероглифовъ. Подумать только, какое множество тщательныхъ сравненій долженъ произвести маленькій дѣтскій умъ,—сравненій тѣхъ разнообразныхъ значеній, въ которыхъ другіе употребляютъ одно и то же слово въ различныхъ обстоятельствахъ,—прежде чѣмъ ему удастся составить себѣ хотя сколько нибудь ясное представленіе о смыслѣ даже такихъ простыхъ на видъ словъ, какъ „чистый“, „старый“ или „ловкій“. Привычка пытливыхъ дѣтей надобѣдать намъ вопросомъ: „Что значить такое-то слово?“ въ достаточной степени показываетъ, сколько умственной дѣятельности тратится на попытки понять смыслъ словъ. Эти затрудненія еще долго не исчезаютъ; они снова появляются въ новыхъ формахъ по мѣрѣ того, какъ ребенокъ вступаетъ на болѣе извилистые пути области языка. Они даютъ себя чувствовать, и притомъ довольно сильно, когда муки усвоенія членораздѣльной рѣчи большей частью уже миновали и забыты. Многіе изъ насъ могутъ припомнить, какъ извѣстныя слова преслѣдовали насъ, словно нѣчто таинственное, въ прирѣду чего мы усиленно, но тщетно старались проникнуть.

Эти трудности постоянно приводятъ ребенка къ неправильному пониманію словъ. Такое неправильное пониманіе иногда возникаетъ пассивнымъ путемъ, вслѣдствіе простой ассоціаціи; въ этихъ случаяхъ данное слово связывается преимущественно съ какой-нибудь бросающейся въ глаза чертою или съ какимъ-нибудь обстоятельствомъ, которое имѣется на лицѣ тогда, когда ребенку приходится слышать это

слово. Этимъ путемъ, благодаря включенію случайныхъ элементовъ, можетъ, на примѣръ, быть чрезвычайно суженъ смыслъ какого нибудь общаго выраженія. Иныя слова получаютъ новый комичный смыслъ, благодаря подобнымъ ассоціациямъ; такъ, одна маленькая дѣвочка, которой сказали, что какая-то вещь—секретъ, замѣтила: „Хорошо мама, ты можешь сказать мнѣ ее на ушко“. Какъ показываетъ этотъ примѣръ, дитя, со своимъ стремленіемъ къ конкретному, пытается изъ нашихъ названій сдѣлать реальные предметы. Одинъ шестилѣтній мальчикъ называетъ маску „гримасой“; это отвлеченное названіе означало въ его умѣ кривляющуюся физиономію. Подобная же склонность обнаруживается въ слѣдующемъ миломъ разсказѣ. Двухъ близнецовъ, мальчика и дѣвочку, постоянно одѣвали одинаково. Затѣмъ на мальчика надѣли костюмъ. Когда одна дама около этого времени спросила у дѣвочки, не близнецы ли они съ братомъ, дѣвочка отвѣтила: „Нѣтъ, мы *были* близнецами“. Понятіе, „близнецы“ было неразрывно связано въ ея умѣ со сходствомъ одежды. Сходное до нѣкоторой степени вліяніе ассоціаціи идей мы видимъ въ странномъ требованіи дѣвочки М., чтобы ея мать „понюхала“ пудингъ и такимъ образомъ остудила его. Приблизить лицо къ какому нибудь предмету, но не прикоснуться къ нему,—это дѣйствіе было связано въ ея умѣ съ понятіемъ „понюхать“. Точно такъ же неправильно понимаются и многія правоучительныя выраженія. Одна дѣвочка трехъ съ половиной лѣтъ, воображая, что ея мать—маленькая дѣвочка, говорила: „Ты ничего не должна дѣлать *умышленно*“. Обычное употребленіе этого оборота рѣчи (напр. „Вы сдѣлали это *умышленно*“) придало ему въ глазахъ ребенка смыслъ чего-то дурного.

Рядомъ съ этимъ фактомъ,—что слова теряютъ свой главный смыслъ, благодаря примѣшивающимся по ассоціаціи побочнымъ значеніямъ,—можно указать и на то, что въ очень многихъ случаяхъ дѣти вводятся въ заблужденіе двусмысленностью нашихъ словъ и выраженій, а также нашими сокращенными оборотами рѣчи. Такъ, одинъ американскій ребе-

нокъ, замѣтивъ, что въ какомъ-то театрѣ, „за дѣтей платятъ полцѣны“, просилъ свою мать купить ему ребенка, такъ какъ теперь они дешевы. ¹⁾ Съ этимъ рассказомъ можно сравнить и слѣдующій: Жанна Инджело передаетъ, что отлично помнитъ, какъ она была разъ огорчена своимъ отцомъ, который сказалъ ей, покачавъ ее на колѣняхъ, что она должна сойти, такъ какъ у него „нога заснула“. ²⁾ Многие случаи неправильнаго пониманія обусловлены нашими фигуральными выраженіями, которыя слушающій ребенокъ обыкновенно принимаетъ буквально. Интересно было бы узнать, какія причудливыя толкованія дѣтскій умъ давалъ выраженіямъ въ родѣ „прямолинейный человекъ“, „не въ своей тарелкѣ“ и т. д.

Кромѣ этихъ сравнительно пассивныхъ заблужденій существуютъ и другія, являющія плодомъ умственныхъ усилій, стараній проникнуть въ тайну какихъ нибудь новыхъ загадочныхъ словъ или выраженій. У многихъ изъ насъ были особенно страшныя слова, наши „черныя звѣри“, которые преслѣдовали насъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и лѣтъ. Я помню, какъ меня мучило выраженіе „отнять отъ груди“, которое мои наставники, конечно, вполне благоразумно, отказывались мнѣ объяснить, и при помощи какихъ причудливыхъ выдумокъ я старался вложить въ него какой нибудь смыслъ.

То же, что сказано о словахъ, относится и къ цѣлымъ выраженіямъ и оборотамъ рѣчи. Вполнѣ естественъ былъ ходъ дѣтскихъ мыслей у одной маленькой школьницы, которая на вопросъ инспектора: „Что такое среднее число?“ отвѣтила: „Это—сколько курица несетъ яицъ“. Она слышала, какъ ея мать говорила: „Курица несетъ каждую недѣлю „среднимъ числомъ“ столько-то яицъ“, и, безъ сомнѣнія, сочинила маленькій мифъ относительно этого „средняго числа“.

---

¹⁾ Вустерскій сборникъ, стр. 21.

²⁾ Ср. рассказъ Гольца о томъ, какъ онъ испугался въ дѣтствѣ услыхавъ, что его язычекъ „упалъ“ (указ. соч., стр. 261).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда наши слова достаточно просты, дѣтскій умъ все же находитъ тотъ смыслъ, который мы придаемъ имъ, несоотвѣтствующимъ и истолковываетъ ихъ по своему. Кантонъ рассказываетъ, что когда его маленькой героинѣ, знавшей стихи:

„Докторъ пришелъ, покачалъ головой

И далъ ему выпить горькій настой“,

сказали, что она простудится, она тотчасъ отвѣтила: „И докторъ придетъ и покачаетъ моей головой?“¹⁾ Очень естественно было предположить, что когда докторъ приходитъ и дѣлаетъ что нибудь, то онъ продѣлываетъ это именно надъ больнымъ.

Въ высшей степени поучительными являются въ этомъ отношеніи разговоры, которые дѣти ведутъ между собой о значеніи словъ. Они создаютъ при этомъ удивительныя теоріи относительно смысла словъ и отважно даютъ опредѣленія. Приведемъ слѣдующій примѣръ этого рода. Одинъ пятилѣтній мальчикъ объясняетъ своему товарищу непонятное слово *home-sick* (тоскующій по родинѣ) и дѣлаетъ это вполне научно. „Это, какъ *sea-sick* (страдающій отъ морской болѣзни), ты знаешь: ты бываешь *sea-sick* (*sea*—море, *sick*—больной), когда ты боленъ на морѣ, и точно такъ же ты *home-sick* (*home*—дома), когда ты боленъ дома“.

Въ такъ называемой игрѣ словъ у дѣтей, въ томъ, какъ они открываютъ удивительное родство звуковъ, въ ихъ островахъ выражается подобное же стремленіе проникнуть въ смыслъ словъ. Хотя во всемъ этомъ, безъ сомнѣнія, заключается извѣстная доля настоящей дѣтской шаловливости, однако здѣсь участвуетъ и нѣчто болѣе серьезное, именно—интересъ къ самимъ звукамъ словъ, любознательность относительно ихъ происхожденія и назначенія. Взрослому человеку трудно снова вызвать въ мысляхъ дѣтское отношеніе къ звукамъ словъ. Если дѣти обнаруживаютъ „невинность глазъ“ и видятъ цвѣта предметовъ такими, каковы они на

¹⁾ The Invisible Playmate, стр. 35.

самомъ дѣлѣ, а не такими, какими обыкновенно дѣлають ихъ наши привычки къ истолкованію, то они точно такъ же обнаруживаютъ и невинность уха: они схватываютъ подлинныя ощутимыя качества слова или группы словъ такимъ путемъ, какой для насъ уже сталъ недоступенъ.

Дитя идетъ даже еще далѣе и, пытаясь понять родовыя формы, создаетъ для нихъ объясненія мнѣя, въ которыхъ предметы олицетворяются и надѣляются опредѣленнымъ поломъ. Такъ, одинъ мальчикъ пяти лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ, котораго обучали нѣмецкому, итальянскому и англійскому языку, былъ очень заинтересованъ поломъ солнца и луны, и сталъ сочинять по этому поводу слѣдующій мнѣя: „Я полагаю, что люди ¹⁾ считаютъ солнце мужчиной, луну женщиной, всѣ звѣзды—маленькими дѣтьми, а Юпитерь—горничной“. Когда у одной шестилѣтней нѣмецкой дѣвочки учитель спросилъ: „Der относится къ мужскому роду, а что такое die и das?“, она мило отвѣтила: „Die — это дамское, а das—это дѣтское“. Эта склонность надѣлять названія различнымъ возрастомъ и поломъ, обнаруживающаяся въ послѣднихъ примѣрахъ, проявляется еще инымъ образомъ. Такъ, одинъ итальянскій ребенокъ спрашивалъ, почему „борода“ не называется „бородомъ“. Съ этимъ можно сравнить милую выдумку другого итальянскаго ребенка, который говорилъ, что „лодка“ — маленькая дѣвочка „лодочника“ ²⁾.

Слѣдуетъ коснуться еще одной характерной черты въ отношеніяхъ ребенка къ словамъ, такъ какъ она какъ будто противоположна только что описанной склонности дѣтей играть словами. Ребенокъ—большой поборникъ точности въ употребленіи всѣхъ обыденныхъ словъ. Родителямъ хорошо извѣстно усердіе, съ которымъ ребенокъ поправляетъ рѣчь другихъ, и тѣ забавныя ошибки, въ которыя онъ иногда

¹⁾ Т.-е., какъ я понимаю, большинство, именно, итальянцы и англичане.

²⁾ Оба эти примѣра приводятся Паолой Ломброзо въ ея указ. соч.

впадаетъ, отдаваясь этой педагогической дѣятельности. Иногда онъ оказывается при этомъ до нелѣпости педантичнымъ. „Почитать тебѣ изъ этой книги?“ спрашиваетъ мать у своего мальчика приблизительно двухъ съ половиной лѣтъ. „Нѣтъ“, отвѣчаетъ ребенокъ, „не изъ этой книги, а почитай что-нибудь въ ней“. Этотъ же маленькій подборникъ точныхъ выраженій, на вопросъ няни: „Будешь строить свои кирпичики?“,—торжественно отвѣчалъ: „Мы не строимъ кирпичиковъ, мы дѣлаемъ ихъ и затѣмъ строимъ изъ нихъ“.

Эти маленькіе защитники точныхъ выраженій, которые возстаютъ противъ всего фигуральнаго въ нашемъ языкѣ, которые, когда слышатъ, что человекъ „потерялъ голову“, принимаютъ это выраженіе буквально и которые больше всего любятъ связывать насъ точнымъ смысломъ нашихъ словъ,—предаются ли они сами „игрѣ словъ“ и создаютъ мнѣя относительно словъ, или въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ двумя различными типами дѣтскаго ума? Мои наблюденія недостаточны для того, чтобы я могъ дать какой-нибудь отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Въ этомъ очеркѣ я ограничился нѣкоторыми наиболѣе общими и элементарными чертами дѣтской рѣчи. Другія черты являются тогда, когда ребенокъ начинаетъ читать и когда новый, странный, безсмысленный на видъ символъ слова на отпечатанной страницѣ долженъ замѣнить для него живой звукъ, который, какъ мы видѣли, въ глазахъ ребенка принадлежитъ къ самому предмету и участвуетъ въ его жизни. Но этотъ вопросъ, какъ онъ ни заманчивъ, приходится оставить, точно такъ же какъ и разборъ тѣхъ специальныхъ трудностей и вопросовъ, которые возникаютъ для дѣтскаго ума при изученіи двухъ или нѣсколькихъ языковъ. Это—вопросы, которые, насколько мнѣ извѣстно, еще никогда не были изслѣдованы.

VI.

О страхѣ.

Чувствительность дѣтей.

Переходя отъ изученія дѣтскихъ представленій къ изслѣдованію чувствованій ребенка, мы вступаемъ, повидимому, въ область вопросовъ совершенно иного рода. Дитя имѣетъ зачаточныя представленія еще задолго до того, какъ оно можетъ выразить ихъ при помощи членораздѣльныхъ звуковъ; и ему приходится, какъ мы видѣли, вначалѣ напрягать свои умственные способности для того, чтобы понятнымъ образомъ сообщить тѣ мысли, которыя возникаютъ въ его головѣ. Для выраженія же чувствованій—наслажденія и страданія—сама природа надѣлила его соответствующими средствами. Неудовольствіе и удовольствіе ребенка, его печаль и веселье обнаруживаются съ такой ясностью и выразительностью, что ошибочно истолковать ихъ почти совершенно невозможно.

Такое полное, свободное проявленіе чувствованій связано преимущественно съ тѣми состояніями тѣлеснаго довольства или недомоганія, изъ которыхъ состоитъ первый грубый жизненный опытъ. Для сохраненія жизни ребенка необходимо, чтобы онъ былъ способенъ ясными знаками возвѣщать приближеніе своихъ желаній и страданій, и всѣ мы знаемъ, какъ хорошо природа позаботилась объ этой способности. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ дѣтской психологіи удѣлено такъ много мѣста этой первой главѣ—жизни чувствъ. Прейеръ, на примѣръ, даетъ полный и почти исчер-

пывающей очеркъ различныхъ оттѣнковъ дѣтскихъ наслажденій и страданій, возникающихъ изъ этихъ чувствованій и потребностей; онъ тщательно описалъ и сопровождающіе ихъ фізіологическіе процессы, а также ихъ признаки¹⁾.

Переходя отъ этихъ элементарныхъ формъ наслажденія и страданія къ зачаткамъ настоящихъ эмоцій, каковы муки страха, горести и радости любви, мы, безъ сомнѣнія, все еще имѣемъ дѣло съ такими проявленіями, которыя въ общемъ достаточно непосредственны и откровенны. Трехлѣтній ребенокъ, къ счастью, неспособенъ искусно подавлять свои эмоціи или притворно изображать ихъ, что такъ легко дается взрослому человѣку²⁾. Но какъ ни непринужденно и прозрачно первое инстинктивное проявленіе чувствованій, оно обыкновенно начинаетъ задерживаться въ раннемъ возрастѣ и уступаетъ мѣсто извѣстной скрытности. И ребенокъ шести лѣтъ, какъ показываютъ опубликованныя воспоминанія дѣтства, уже умѣетъ скрывать отъ недружелюбныхъ глазъ нѣкоторыя изъ своихъ наиболѣе глубокихъ чувствованій.

Эта робость дѣтскаго сердца, которое при встрѣчѣ съ непонятными для него чувствованіями старшихъ можетъ подвергаться насмѣшкамъ, если не чему-нибудь еще худшему, дѣлаетъ вопросъ о записываніи эмоціональныхъ колебаній болѣе труднымъ, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Въ сущности, мы все еще далеки отъ того, чтобы точно знать размѣры и глубину дѣтскихъ чувствованій. Это достаточно ясно сказывается въ тѣхъ противоположныхъ взглядахъ на дѣтскую чувствительность, которыхъ держатся различные изслѣдователи; одни утверждаютъ, что она ограничена и смутна, другіе — что она болѣзненно развита. Такое разно-

---

¹⁾ *Прейеръ*, Душа ребенка (Русскій пер. сокращеннаго нѣм. изд., Спб. 1891), стр. 165 и сл., 171 и сл. (Русское заглавіе означаетъ, что указанное мѣсто можно найти въ русскомъ изданіи. *Перев.*).

²⁾ Этого нельзя сказать о старшихъ дѣтяхъ. Какъ показываетъ „Дѣтство, Отрочество и Юность“ Толстого, двѣнадцатилѣтній мальчикъ можетъ очень жадно искать тѣхъ чувствъ, которыя, по его мнѣнію, ему слѣдуетъ испытать.

образіе взглядовъ, безъ сомнѣнія, вытекаетъ изъ различія области наблюденія, потому что, какъ извѣстно, дѣти пожалуй, не меньше взрослыхъ отличаются другъ отъ друга размѣрами и степенью своей эмоціональной возбудимости. Но эта противоположность взглядовъ указываетъ, по моему мнѣнію, также и на то, что мы все еще далеки отъ умѣнья изслѣдовать теченіе дѣтскихъ эмоцій при помощи точныхъ научныхъ приемовъ.

Поэтому стоитъ, мнѣ кажется, ближе разсмотрѣть этотъ вопросъ въ надеждѣ, что намъ удастся болѣе глубоко и полно изслѣдовать его; и чтобы сдѣлать шагъ въ этомъ направленіи, я предполагаю разсмотрѣть разнообразныя проявленія и причины одного изъ наиболѣе ясно выраженныхъ и наиболѣе характерныхъ дѣтскихъ чувствованій, именно—страха.

Нѣтъ надобности доказывать, что страхъ является однимъ изъ характерныхъ чувствованій ребенка. Этимъ маленькимъ, слабымъ существамъ свойственно, повидимому, трепетать при встрѣчѣ съ новымъ непонятнымъ міромъ. Они робки отъ природы, какъ робко все слабое и неопытное въ природѣ.

Я сказалъ, что страхъ ясно выражается въ ребенкѣ. Однако, хотя и вѣрно, что высшая степень страха или ужаса обнаруживается очевидными признаками, но существуетъ много случаевъ, въ которыхъ трудно сказать, испыталъ ли ребенокъ это чувство. Такъ, напримѣръ, сомнительно, служить ли дрожь и неправильность дыханія у новорожденнаго ребенка настоящимъ выраженіемъ страха, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели ¹⁾. Далѣе, рефлекторное вздрагиваніе ребенка, когда онъ слышитъ звукъ, едва ли доходитъ до степени настоящаго страха, хотя оно и родственно ему ²⁾. Дитяти можетъ какъ бы съ эстетической стороны не нра-

---

¹⁾ *Perez* видитъ въ этомъ признаки страха и показываетъ, что дрожь встрѣчается уже у зародыша (*L'Education dès le Berceau*, стр. 94).

²⁾ Описаніе этихъ рефлекторныхъ движеній смотри у *Прейера*, Душа ребенка, стр. 92 и сл.

виться некрасивая фигура или звукъ, и оно отвернется съ явнымъ отвращеніемъ, но все-таки оно можетъ не испытывать при этомъ страха въ полномъ смыслѣ слова. Настоящій страхъ выражается въ пристальномъ, серьезномъ взглядѣ и въ томъ, что дитя отворачивается и прячетъ свое лицо на плечи няни или матери, а иногда закрываетъ его ручками. Болѣе сильный страхъ вызываетъ дрожь и дикіе крики. Иногда мѣняется и цвѣтъ лица. Обыкновенно говорятъ, что сильный страхъ вызываетъ блѣдность; но, по словамъ одного изъ моихъ корреспондентовъ, человѣка, свѣдущаго въ данной области, это чувство можетъ обнаруживаться и въ томъ, что ребенокъ становится очень краснымъ. Страхъ, если онъ не чрезвычайно силенъ, вызываетъ произвольныя движенія; напримѣръ, ребенокъ отворачивается, или отталкиваетъ страшный предметъ, или убѣгаетъ. Напротивъ, очень сильный страхъ парализуетъ ребенка. Желательно было бы, чтобы родители тщательно наблюдали и записывали первые признаки страха у своихъ дѣтей ¹⁾.

Устрашающее дѣйствіе звуковъ.

Исслѣдованія о страхѣ, мнѣ кажется, удобно начать съ указанія на дѣйствіе испуга. Внезапный и громкій звукъ, напримѣръ, хлопанье дверью, какъ извѣстно, поражаетъ ребенка въ первыя недѣли его жизни и вызываетъ въ немъ чувство, которое если и не достигаетъ степени страха, то служить его предшественникомъ. Болѣе ясно это чувство обнаруживается тогда, когда новый и необычайный звукъ вызываетъ пристальный взглядъ, дрожаніе губъ, а иногда также и крики. Дарвинъ приводитъ превосходный примѣръ такого рода. Онъ, по его словамъ, имѣлъ обыкновеніе производить различнаго рода неожиданный шумъ передъ своимъ мальчикомъ, которому было четыре съ половиной мѣсяца и

¹⁾ Я не знаю ни одного хорошаго описанія проявленій страха у дѣтей. Наболѣе пригодной является въ этомъ отношеніи книга *Моссо*, Страхъ (Русск. пер., Спб. 1887), гл. V и сл.

который охотно слушалъ этотъ шумъ; но однажды, услышавъ новый звукъ — громкое храпѣнье, ребенокъ совершенно вышелъ изъ себя и разразился крикомъ ¹⁾).

Какъ показываетъ этотъ случай, не всякій новый звукъ такъ разстраиываетъ маленькаго пришельца. Неожиданные рѣзкіе звуки известнаго рода, напимѣрь, собачій лай, по-видимому, особенно не нравятся ребенку. Дѣвочка М. разразилась крикомъ, услышавъ въ первый разъ звукъ дѣтской погремушки; то же самое повторилось два мѣсяца спустя, когда она нечаянно позвонила колокольчикомъ. Масса одновременныхъ сильныхъ звуковъ обыкновенно также оказываетъ устрашающее дѣйствіе. Сильный шумъ фабрики, парохода, идущаго поѣзда — вотъ звуки, на которые мои корреспонденты указываютъ, какъ на причины испуга и безпокойства дѣтей. Однако маленькая девятимѣсячная дѣвочка, вообще любившая животныхъ, испугалась блеянія овцы и спрятала свое личико на плечѣ няни. Дѣйствіе неожиданности и силы звука такъ велико, что даже музыкальные звуки вначалѣ вызываютъ нѣкоторое безпокойство. „Онъ (четыремѣсячный мальчикъ) закричалъ, когда въ первый разъ услышалъ звукъ фортепіано“, пишетъ одна дама, и это — только одинъ образчикъ многочисленныхъ наблюдений. Одинъ ребенокъ пяти съ половиной мѣсяцевъ обнаруживалъ такой страхъ передъ гитарой, что начиналъ вопить, когда на ней играли и даже когда къ ней только прикасались. Мальчикъ Прейера на шестнадцатомъ мѣсяцѣ былъ явно встревоженъ, когда его отецъ сталъ тереть чайный стаканъ, чтобы позабавить его, и этимъ произвелъ звукъ, который намъ кажется вполне музыкальнымъ. Прейеръ замѣчаетъ, что этотъ же звукъ не оказывалъ никакого дурнаго дѣйствія на ребенка, когда ему было четыре мѣсяца ²⁾).

Послѣдній фактъ заставляетъ предположить, что такой страхъ передъ звуками можетъ развиваться въ сравнительно

¹⁾ Mind, т. II, стр. 288.

²⁾ Душа ребенка, стр. 192.

позднемъ возрастѣ. Эту мысль подтверждаютъ и другія наблюденія. „Начиная съ двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ“, пишетъ одна мать, „до настоящаго времени (два года и одиннадцать мѣсяцевъ) онъ обнаруживалъ признаки страха передъ музыкой. Когда ему было два года и пять мѣсяцевъ, онъ любилъ хоровое пѣніе; но если къ хору присоединялось новое лицо съ болѣе сильнымъ голосомъ, чѣмъ у остальныхъ, то онъ просилъ это лицо не пѣть. Вскорѣ послѣ этого онъ сталъ переносить такое пѣніе, если только ему позволяли стоять въ самомъ отдаленномъ углу комнаты“. Этотъ ребенокъ былъ около того же времени испуганъ звукомъ фортепіано и органа, на которомъ его мать играла въ церкви.

Замѣчательно, что животныя обнаруживаютъ подобный же страхъ передъ музыкальными звуками. Я посадилъ разъ молодого восьминедѣльнаго котенка къ себѣ на колѣни и взялъ нѣсколько негромкихъ аккордовъ на фортепіано. Котенокъ соскочилъ, безпокойно заметался изъ стороны въ сторону, затѣмъ прыгнулъ въ уголъ комнаты и какъ будто пытался влѣзть на стѣну. Собакъ, несомнѣнно, раздражаютъ звуки духового оркестра, хотя онѣ и не испытываютъ при этомъ страха.

Нѣкоторые изслѣдователи полагали, что это устрашающее дѣйствіе громкихъ звуковъ всецѣло вызывается нервнымъ разстройствомъ ¹⁾; но позднее развитіе этой антипатіи къ звукамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ показываетъ, что нервное разстройство не является здѣсь единственной причиной. Разумѣется, нервная организація ребенка можетъ, благодаря слабому здоровью, сдѣлаться болѣе чувствительной къ такимъ раздражающимъ вліяніямъ; и, какъ показываетъ біографія Шопена, нѣжная организація будущаго музыканта можетъ быть особенно подвержена потрясеніямъ этого рода. Но я предполагаю, что здѣсь играетъ роль смутная тревога передъ неожиданнымъ и неизвѣстнымъ. Для ребенка есть что-

---

¹⁾ Таковъ, повидимому, взглядъ *Паре* (Первые три года жизни ребенка).

то страшное въ томъ, что тихо лежащій предметъ вдругъ производитъ звукъ. Гитара, которая лежитъ неподвижно, безобидно, а затѣмъ неожиданно раздражается цѣлой гаммой звуковъ, можетъ совершенно перевернуть представленія ребенка о вещахъ. У одного десятимѣсячнаго ребенка страхъ былъ вызванъ во второй разъ въ жизни новой игрушкой, которая пищала, когда на нее надавливали ¹⁾. Этотъ случай также указываетъ, повидимому, на разстраивающее дѣйствіе неожиданности. Въ другихъ случаяхъ устрашающее дѣйствіе таинственнаго усиливается благодаря отсутствію всякой видимой причины. Одинъ двухлѣтній мальчикъ обыкновенно сильно пугался шума воды, сбѣгавшей въ колодезь, который находился по близости отъ его дѣтской. Этотъ ребенокъ въ то же время очень боялся грома и называлъ его „бѣгущая вода“.

Я нисколько не утверждаю, будто всѣ дѣти обнаруживаютъ такой страхъ передъ звуками. Миссъ Шиннъ говоритъ, что ея племянницѣ звуки фортепіано съ самаго начала доставляли удовольствіе, и то же самое, безъ сомнѣнія, бываетъ со многими дѣтьми. Громъ дѣйствуетъ на дѣтей очень различно: однихъ онъ приводитъ въ сильную тревогу, другія, напротивъ, скорѣе радуются ему. Напримѣръ, мальчикъ Прейера, такъ постыдно испугавшійся звука отъ тренія стакана, смѣялся во время грозы; извѣстно также, что Вальтеръ Скотта въ дѣтствѣ разъ нашли во время грозы на открытомъ воздухѣ, при чемъ онъ лежалъ на спинѣ, хлопалъ въ ладоши и при блескѣ молніи вскрикивалъ: „хорошо, хорошо!“ Возможно, что въ подобныхъ случаяхъ устрашающее дѣйствіе грома уничтожается веселящимъ вліяніемъ свѣта. По поводу этого вопроса необходимы дальнѣйшія наблюденія.

Полное объясненіе этой рано проявляющейся тревоги, вызываемой слуховыми ощущеніями, пока еще невозможно. Дѣти обнаруживаютъ странную антипатію къ нѣкоторымъ звукамъ, которую чрезвычайной трудно себѣ уяснить. У нихъ, какъ и у взрослыхъ людей, опредѣленные звуки, повидимому,

---

¹⁾ Наблюденіе *F. H. Champneys*, *Mind*, т. VI, стр. 106.

вызываютъ иногда особенное отвращеніе. Однако я думаю, что можно найти общее объясненіе этого факта.

Прежде всего, весьма вѣроятно, что во многихъ изъ этихъ случаевъ, особенно въ тѣхъ, которые встрѣчаются въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ, мы имѣемъ дѣло съ органическимъ явленіемъ, съ извѣстнаго рода потрясеніемъ нервной системы. Чтобы понять это, слѣдуетъ вспомнить, что ухо, по крайней мѣрѣ у человѣка, является тѣмъ органомъ чувствъ, посредствомъ котораго нервная система возбуждается сильнѣе всего и глубже всего. Звуки какъ будто проходятъ сквозь насъ, пронизываютъ, потрясаютъ, бьютъ и давятъ насъ. У ребенка четырехъ или шести мѣсяцевъ нервная организація еще слаба и неустойчива, и потому естественно было бы ожидать, что громкіе звуки дѣйствуютъ на нее разстраивающимъ образомъ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что звуки часто поражаютъ насъ своей неожиданностью и производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто они выходятъ изъ ничего; и эта ихъ особенность, какъ я выше указалъ, вполне можетъ вызвать смутную тревогу въ маленькихъ существахъ, которымъ все новое и непредвидѣнное обыкновенно кажется страшнымъ. Тотъ фактъ, что большинство дѣтей, привыкнувъ къ звукамъ, скоро избавляется отъ страха, повидимому, показываетъ, какую большую роль въ этомъ чувствѣ играетъ новизна и таинственность.

Имѣетъ ли здѣсь наслѣдственность какое-нибудь значеніе, на примѣръ, въ страхѣ передъ собачьимъ лаемъ или передъ другими звуками, которые издаются животными,—это кажется мнѣ въ высшей степени сомнительнымъ. Но этимъ вопросомъ мы займемся болѣе подробно, когда будемъ разсматривать страхъ дѣтей передъ животными.

Прежде чѣмъ изслѣдовать разнообразныя проявленія страха, вызываемаго зрительными ощущеніями, разсмотримъ мимоходомъ другой видъ рано обнаруживающейся тревоги, который представляетъ нѣкоторую аналогію съ устрашающимъ вліяніемъ извѣстныхъ звуковъ. Я имѣю въ виду чувство физи-

ческой неуверенности, возникающее очень рано въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенка неудобно держать или опускаютъ спиной книзу, а также позднѣе, когда онъ начинаетъ ходить. Одинъ ребенокъ на пятомъ мѣсяцѣ держался, какъ будто для безопасности, за платье няни, у которой онъ находился на рукахъ. Многіе наблюдатели замѣтили также, что дитя, когда его раскачиваютъ на рукахъ, обнаруживаетъ порывистыми движеніями чувство неудовольствія при опусканіи, т.-е. тогда, когда раскачивающія руки перестаютъ служить ему опорой ¹⁾. Белль, Прейеръ и другіе видятъ въ этомъ инстинктивную форму страха. Но такія проявленія могутъ служить просто результатами неожиданныхъ и грубыхъ нарушеній того чувства физическаго довольства, которымъ сопровождается привычное состояніе равновѣсія. Можно ожидать, что ребенокъ, привыкшій лежать въ постелькѣ, или на полу, или у кого-нибудь на колѣняхъ, будетъ очень испуганъ, если поддерживающая его масса значительно уменьшится, на примѣръ, когда его неудобно держать, или совсѣмъ исчезнетъ, какъ при быстромъ опусканіи его спиной внизъ. Слѣдуетъ замѣтить, что и боязнь паденія, которая обнаруживается при первыхъ попыткахъ стоять, является спутникомъ новаго и въ высшей степени страннаго положенія. Первые попытки пользоваться ногами въ качествѣ опоры вызываютъ, вѣроятно, глубокую перемѣну во всемъ самочувствіи ребенка,—перемѣну, которая разумѣется, можетъ сопровождаться чувствомъ тревоги. Эта тревога является также плодомъ значительнаго опыта, собраннаго путемъ частичныхъ паденій, на примѣръ, при попыткахъ перевернуться въ постелькѣ или вскарабкаться на стѣнки кровати и т. д., и цѣною болѣе непріятныхъ ушибовъ, когда уже достигнуть возраста ползанья. Этого опыта, я думаю, вполне достаточно, чтобы вызвать ту робость, которую мы замѣчаемъ въ ребенкѣ, дѣлающемъ смѣлыя попытки стоять ²⁾.

¹⁾ См. цитаты изъ Белля у *Перз.* Первые три года жизни ребенка.

²⁾ Прейеръ, повидимому, считаетъ эту робость инстинктивной. Душа ребенка, стр. 192.

Страхъ передъ видимыми предметами.

Зрительныя впечатлѣнія позднѣе начинаютъ вызывать страхъ, нежели звуки. Причина этого, кажется, довольно ясна. Зрительныя ощущенія не такъ сильно дѣйствуютъ на нервную систему, какъ слуховыя. Пусть кто-нибудь сравнить то сильное и глубокое потрясеніе, которое онъ испытываетъ, внезапно услышавъ громкій звукъ, съ легкимъ, поверхностнымъ возбужденіемъ, которое вызывается неожиданнымъ движеніемъ какого-нибудь предмета въ полѣ зрѣнія. Въ послѣднемъ случаѣ нервное потрясеніе гораздо меньше, но въ немъ есть больше признаковъ настоящаго страха, т.-е. представленія о какомъ-то злѣ. Поэтому слѣдовало бы ожидать, что страхъ передъ видимыми предметами можетъ обнаруживаться у ребенка лишь тогда, когда опытъ уже началъ оказывать свое воспитательное вліяніе ¹⁾.

Прежде всего слѣдуетъ, какъ мы сдѣлали, разсматривая страхъ передъ звуками, провести различіе между простымъ неудовольствіемъ, которое вызывается извѣстнымъ ощущеніемъ, и настоящимъ страхомъ. Мы увидимъ, что неудовольствіе, которое вызывается въ ребенкѣ извѣстными цвѣтами и которое носить какъ бы эстетическій характеръ, легко можетъ быть принято нами за страхъ.

Среди самыхъ раннихъ проявленій страха передъ видимыми предметами мы находимъ тѣ, которыя вызываются появленіемъ чего-то новаго и чуждаго, особенно если это новое приносить съ собой нарушеніе привычной обстановки. Хотя дѣти любятъ все новое и радуются ему, однако, благодаря своей предрасположенности къ страху, они обыкновенно

---

¹⁾ Пэре прибѣгаетъ здѣсь къ гипотезѣ эволюціи и предполагаетъ, что ребенокъ, въ отличіе отъ молодого животнаго, по своей организаціи больше приспособленъ остерегаться тѣхъ опасностей, которыя грозятъ ему вблизи (слуховыя впечатлѣнія), нежели тѣхъ, которыя грозятъ ему на разстояніи (зрительныя впечатлѣнія). Признаюсь, я нахожу, что этотъ остроумный писатель въ данномъ случаѣ разсуждаетъ не вполне убѣдительно.

венно приходять въ безпокойство, если не въ явную тревогу при видѣ новаго и страннаго предмета. Такой страхъ обнаруживается тогда, когда ребенокъ уже началъ привыкать къ опредѣленному положенію вещей.

Примѣромъ болѣе сильнаго разстраивающаго вліянія, которое вызывается рѣзкимъ нарушеніемъ обычнаго порядка, можетъ служить безпокойство вслѣдствіе перемѣны мѣста. Вначалѣ ребенокъ не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ страха, когда его вносятъ въ новое помѣщеніе. Но разъ онъ уже привыкъ къ опредѣленной комнатѣ, всякая другая покажется ему чуждой, и онъ съ явной боязливостью будетъ присматриваться къ ней. Ребенокъ очень рано начинаетъ чувствовать себя чужимъ въ незнакомой комнатѣ. Когда маленькую дѣвочку М., которой было четыре мѣсяца, внесли въ новую дѣтскую, она „осмотрѣлась кругомъ и затѣмъ разразилась плачемъ“. Это чувство безпокойства можетъ долго сохраняться въ ребенкѣ. Одинъ мальчикъ еще въ три года и восемь мѣсяцевъ боялся оставаться одинъ въ чужой гостиницѣ или квартирѣ. Однако это чувство возникаетъ далеко не всегда при входѣ въ новое помѣщеніе. Въ ребенкѣ можетъ при этомъ возбуждаться любопытство, или его можетъ забавлять странный видъ новыхъ предметовъ. Такъ, одинъ пятнадцатимѣсячный мальчикъ, котораго взяли въ чужой домъ и помѣстили въ простой маленькой комнатѣ, осмотрѣлся вкругъ и сталъ смѣяться надъ страннымъ ковромъ. У дѣтей даже одного и того же возраста страхъ и любопытство бываютъ при такихъ условіяхъ очень различны по своей силѣ.

Какъ различно можетъ быть отношеніе дѣтей ко всему новому и чуждому,—это видно изъ присланныхъ мнѣ одной матерью замѣтокъ о ея сынѣ. Этотъ ребенокъ, „хотя онъ едва ли когда-нибудь боялся незнакомаго человѣка или мѣста, въ дѣтствѣ очень пугался, *когда послѣ нѣкотораго промежутка времени видѣлъ знакомые предметы*“. Такъ, „когда ему было десять мѣсяцевъ, онъ сильно испугался, вернувшись въ свою дѣтскую послѣ мѣсячнаго отсутствія. По возвращеніи домой, онъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ

начиналъ неистово кричать, если няня отходила отъ него на мгновеніе, между тѣмъ какъ при помѣщеніи его въ чужой дѣтской онъ не выражалъ ни малѣйшаго неудовольствія“. Его мать прибавляетъ, что „на тринадцатомъ мѣсяцѣ, когда его память нѣсколько окрѣпла, онъ очень радовался возвращенію домой послѣ двухнедѣльнаго отсутствія“. Этотъ случай на первый взглядъ кажется довольно страннымъ и какъ будто противорѣчить законамъ дѣтской психологіи. Быть можетъ, однако, частичное узнаваніе сопровождалось у ребенка чувствомъ жуткости, подобнымъ тому, которое мы испытываемъ, когда какое-нибудь мѣсто кажется намъ знакомымъ, хотя мы не въ состояніи ясно припомнить, гдѣ мы видѣли его раньше.

Къ людямъ дитя относится такъ же, какъ и къ мѣстамъ; неожиданная перемѣна среди лицъ, окружающихъ его, вызванная появленіемъ новаго лица, обыкновенно приводитъ его въ безпокойство.

Вначалѣ всѣ лица кажутся ребенку одинаковыми. Позднѣе чужое лицо вызываетъ нѣчто въ родѣ серьезнаго, тщательнаго изслѣдованія. Но въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ мы не видимъ никакихъ ясныхъ признаковъ страха передъ чужими. Лишь позднѣе, когда уже развилась привязанность къ близкимъ людямъ, приближеніе чужого, особенно если этотъ чужой выражаетъ намѣреніе взять ребенка, вызываетъ ясные признаки неудовольствія, и ребенокъ начинаетъ жаться отъ страха. Прейеръ указываетъ на шестой или седьмой мѣсяць, какъ на тотъ возрастъ, когда его мальчикъ началъ кричать при видѣ чужого лица. Въ одной серіи присланныхъ мнѣ замѣтокъ сообщается, что ребенокъ четырехъ съ половиной мѣсяцевъ кричалъ, когда его нянчила чужой чело-вѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, уходъ со стороны чужого чело-вѣка означаетъ полный переворотъ въ мірѣ ребенка; и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ вызываетъ чувство изумленія и осиротѣлости.

Въ этомъ отношеніи вскорѣ начинаютъ обнаруживаться любопытныя различія, такъ какъ одни дѣти гораздо меньше

дичаться чужихъ людей, чѣмъ другія. Интересно было бы сравнить тотъ возрастъ, въ которомъ дѣти начинаютъ дружелюбно относиться къ чужимъ. Прейеръ сообщаетъ, что его мальчикъ преодолѣлъ свою робость на девятнадцатомъ мѣсяцѣ; но этотъ переломъ, вѣроятно, совершается у различныхъ дѣтей въ различномъ возрастѣ ¹⁾).

Слѣдуетъ замѣтить, что маленькій мальчикъ, на котораго я указывалъ выше, обнаруживалъ при видѣ, старыхъ знакомыхъ, отсутствовавшихъ нѣкоторое время, такіе же признаки безпокойства, какъ и при возвращеніи въ прежнюю обстановку. Когда ему было восемь мѣсяцевъ, „онъ какъ-то удивительно вздыхалъ при возвращеніи няни (которую онъ очень любилъ) изъ двухнедѣльнаго отпуска“. Однако въ этомъ случаѣ признаки страха были, кажется, не такъ очевидны, какъ при возвращеніи въ старую комнату. Трудно было бы дать правильное названіе этимъ вздохамъ.

Частичная перемѣна въ окружающей обстановкѣ нерѣдко вызываетъ подобное же безпокойство. Когда мальчику Прейера было годъ и пять мѣсяцевъ, онъ очень встревожился, увидѣвъ на своей матери черное платье. Дѣти, кажется, особенно не любятъ черной одежды. Жоржъ Зандъ описываетъ, какъ она боялась надѣть черные чулки, когда умеръ ея отецъ. Однако, ребенка приводитъ въ безпокойство всякая перемѣна въ цвѣтѣ платья. Мальчикъ К. въ раннемъ дѣтствѣ былъ до слезъ разстроенъ, увидѣвъ на своей матери платье новаго цвѣта и покроя. Это враждебное отношеніе къ перемѣнѣ платья подтверждается и другими наблюденіями. Одинъ ребенокъ въ возрастѣ отъ семи мѣсяцевъ до двухъ съ половиной лѣтъ обнаруживалъ сильнѣйшее отвращеніе къ новой одеждѣ, такъ что старшимъ стояло большого труда надѣвать ее на него. Весьма вѣроятно, что новое платье, надѣтое на ребенка, слишкомъ сильно нарушаетъ его чувство собственнаго „я“.

---

¹⁾ Этотъ дѣйствительный страхъ передъ чужими слѣдуетъ отличать отъ позднѣйшей робости, которая хотя и родственна съ нимъ, но является болѣе сложнымъ чувствомъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ видъ новыхъ явленій природы, отличающихся большими размѣрами и производящихъ сильное впечатлѣнiе, оказываетъ на ребенка такое же дѣйствiе, какъ будто они вносятъ очень рѣзкую перемѣну въ окружающую обстановку. Это лучше всего можно наблюдать на дѣтяхъ, которыя въ первый разъ видятъ море. Мальчикъ Прейера въ возрастѣ двадцати одного мѣсяца обнаруживалъ всѣ признаки страха, когда няня подносила его на рукахъ близко къ морю ¹⁾. Мальчикъ К., впервые приведенный къ морю, когда ему было два года, очень испугался его шума. Однако, хотя я знаю много достовѣрныхъ случаевъ такой инстинктивной антипатiи къ морю и чего-то въ родѣ страха передъ нимъ, я все-таки нахожу, что въ этомъ отношенiи далеко не всѣ дѣти поступаютъ одинаково. Одинъ маленькiй мальчикъ, въ первый разъ увидѣвшiй море, когда ему было тринадцать мѣсяцевъ, обнаружилъ признаки не страха, а удивленiя и радости, и мило протягивалъ свои ручки, какъ будто хотѣлъ пойти къ нему. Другой ребенокъ, впервые увидѣвшiй море въ этомъ же возрастѣ, сталъ ползти къ волнамъ. Третiй мальчикъ, увидѣвшiй море въ первый разъ на двадцатъ первомъ мѣсяцѣ, простиралъ къ нему руки, какъ будто хотѣлъ обнять его.

Эти наблюденiя показываютъ, что непонятные большiе предметы производятъ на дѣтей очень различное впечатлѣнiе. Мальчикъ К. особенно не любилъ шума, и эта черта, я полагаю, рано усилилась въ немъ благодаря тому, что онъ замѣтилъ ее и въ своемъ отцѣ. Этимъ, можетъ быть, объясняется и его враждебное отношенiе къ морю.

Возможно также, что обладающiя живымъ воображенiемъ дѣти, которыя отдаютъ себѣ нѣкоторый отчетъ въ безпредѣльности моря, болѣе предрасположены къ этому виду страха. Одна мать пишетъ мнѣ, что ея старшiй ребенокъ, дѣвочка, съ богатой фантазiей, даже теперь, когда ей шесть лѣтъ, все еще боится входить въ море, между тѣмъ какъ

¹⁾ Душа ребенка, стр. 192.

ея сестра, которая на годъ съ четвертью моложе и не обладает такимъ воображеніемъ, совершенно безстрашна. Мать прибавляетъ, что на воображеніе старшей дѣвочки, очевидно, дѣйствуетъ такъ сильно величина моря.

Далѣе, дѣти съ богатой фантазіей обыкновенно надѣляются большіе, движущіеся и производящіе шумъ предметы жизнью и приписываютъ имъ опредѣленныя цѣли. Это мы видимъ изъ превосходнаго разсказа Пьера Лоти о томъ впечатлѣніи, которое произвело на него море, когда онъ въ дѣтствѣ впервые увидѣлъ его въ сумеркахъ. „Оно было темно-зеленое, почти черное; оно казалось неугомоннымъ, вѣроломнымъ, готовымъ поглотить; оно кипѣло и поднималось въ одно и то же время со всѣхъ сторонъ и глядѣло зло и коварно“¹⁾.

Вполнѣ понятно, что безконечная водяная пустыня можетъ вызывать въ ребенкѣ страхъ и ужасъ. Поэтому нѣтъ нужды слѣдовать за Лоти въ его разсужденіяхъ объ унаслѣдованномъ страхѣ передъ моремъ. Онъ строитъ свои разсужденія, кажется, на томъ фактѣ, что онъ при первомъ взглядѣ ясно узналъ море. Но это узнаваніе могло означать простое восприняніе въ дѣйствительномъ мірѣ того, что было, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе подробно описано ему его матерью и теткой и что образно представлялось его воображенію.

Примѣромъ противоположнаго отношенія къ морю, которое встрѣчается у дѣтей, совершенно лишенныхъ фантазіи, можетъ служить разсказъ о маленькой двухлѣтней дѣвочкѣ, которая воскликнула, когда ей въ первый разъ показали море: „Мама, посмотри-ка на эту мыльную воду“. Вся устрашающая тайна вѣчно движущейся воды не существовала для этого ребенка: она была скрыта отъ него знакомой подробностью — „мыльной“ прибрежной полосой.

Въ природѣ нѣтъ, вѣроятно, ничего, что производило бы на дѣтское воображеніе такое устрашающее дѣйствіе, какъ водное чудовище. Быть можетъ, ужасъ, который, по

---

1) Le Roman d'un Enfant.

словамъ одной моей корреспондентки, былъ вызванъ въ ней въ дѣтствѣ внезапно открывшимся видомъ горы, имѣетъ въ себѣ нѣчто родственное со страхомъ, который возбуждаетъ море.

Перейдемъ теперь къ другой группѣ явленій, вызывающихъ страхъ, именно, къ нѣкоторымъ предметамъ, отличающимся странной формой и движеніями.

Тѣсная связь между эстетическимъ неудовольствіемъ и страхомъ обнаруживается въ ясно выраженномъ отвращеніи, съ которымъ дѣти относятся къ страннымъ, страшнымъ на видъ кукламъ. Когда дѣвочкѣ М. минуло ровно шесть мѣсяцевъ, она такъ испугалась японской куклы, что послѣднюю пришлось вынести въ другую комнату. Другой ребенокъ тринадцати мѣсяцевъ очень испугался при видѣ безобразной куклы. Эта кукла, судя по описанію, была чернаго цвѣта, съ курчавыми волосами, выпученными глазами и красными губами. Такое чудовище вполне способно нагнать ужасъ даже на самое безстрашное дитя. Одинъ маленькій мальчикъ двухъ лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ былъ очень разстроенъ видомъ куклы съ разбитымъ лицомъ. Его мать говоритъ, что въ немъ былъ замѣтенъ при этомъ страхъ, огорченіе и изумленіе. Его робость не исчезла и тогда, когда спустя нѣсколько часовъ кукла, выславшись въ спальнѣ его матери, явилась съ новымъ лицомъ.

Въ такихъ случаяхъ чувство боязни вызывается, очевидно, именно извращеніемъ чего-то особенно знакомаго и милаго. Гримасы, т. е. искаженіе обычнаго знакомаго лица, могутъ, какъ говорятъ, разстраивать даже двухмѣсячнаго ребенка ¹⁾ Приблизительно тѣмъ же объясняется и случай съ дѣвочкой М., которая въ возрастѣ тринадцати мѣсяцевъ и трехъ недѣль испугалась и расплакалась, когда одна дама пристально посмотрѣла на нее съвозъ синія очки; между тѣмъ къ обыкновеннымъ очкамъ дѣвочка вполне привыкла. Такія перемѣны въ

---

1) Приведено у *Трзеи*, указ., стр. 43. Но это наблюденіе, мнѣ кажется, еще нуждается въ подтвержденіи.

родномъ лицѣ, которое обыкновенно дѣйствуетъ успокоительно, не только кажутся ребенку безобразными, но и сбиваютъ его съ толку, а все то, что таинственно и непонятно, наводитъ страхъ на ребенка. Играютъ ли при этомъ какую-нибудь роль „врожденные ассоціаціи“, благодаря которымъ дитя узнаетъ *значеніе* такихъ искаженій,—въ этомъ я нисколько не увѣренъ.

Дѣти, подобно животнымъ, иногда обнаруживаютъ страхъ передъ такими вещами, которыя кажутся намъ совершенно безобидными. Пугливая лошадь—загадка для своего всадника: ея страха невозможно предугадать. Сходнымъ образомъ и у боязливаго ребенка почти все необычайное и выходящее изъ ряда вонъ по своему цвѣту, формѣ или движенію можетъ вызвать нѣкоторую робость. Такъ, одна маленькая дѣвочка одного года и десяти мѣсяцевъ обнаруживала признаки страха, когда ея возили вдоль ряда сѣрыхъ ясеней, посаженныхъ около дороги. Именно такого рода предметы могли бы испугать и лошадь.

Какъ у животныхъ, такъ и у дѣтей, всякое безпричинное на видъ движеніе обыкновенно вызываетъ чувство тревоги. Подобно тому, какъ собака убѣгаетъ отъ листа, несомаго вѣтромъ, точно такъ же ребенокъ обыкновенно боится странныхъ и совершенно неправильныхъ движеній пера, скользящаго по полу или поднимающагося въ воздухѣ. Одна маленькая трехлѣтняя дѣвочка такъ испугалась при видѣ летающаго въ воздухѣ пера, которое она, стоя у постели своей больной матери, нечаянно выдернула изъ перины, что въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ дней не хотѣла подойти къ кровати¹⁾.

Можно полагать, что въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ суевѣрнымъ страхомъ, который обыкновенно обусловленъ появленіемъ чего-нибудь исключительнаго и наводящаго ужасъ, т.-е. чего-то непонятнаго и потому кажущагося сверхъестественнымъ. Страхъ передъ черьями, какъ

1) См. The Pedagogical Seminary, I, № 22, стр. 20.

тайственными предметами, играет, насколько мнѣ извѣстно, значительную роль въ народныхъ повѣрьяхъ. Такого рода самопроизвольныя на видъ движенія, столь естественно вызывающія представленія о жизненности, легко могутъ возбудить мысль о присутствіи какой нибудь таинственной силы, которою одержимъ движущійся предметъ, и могутъ, такимъ образомъ, привести къ вѣрѣ въ сверхъестественныя причины.

Немногимъ отличается отъ этого и страхъ, вызываемый другого рода неожиданными и таинственными движеніями. Одинъ мальчикъ одного года и одиннадцати мѣсяцевъ испугался, увидѣвъ въ домѣ одной знакомой дамы слона, который качалъ головой. Тотъ же ребенокъ, по словамъ его матери, „былъ сильно испуганъ, когда ему было годъ и семь мѣсяцевъ, игрушечной коровой, которая очень натурально мычала, когда кто нибудь шевелилъ ея головой. Эта корова была подарена ребенку, когда ему было приблизительно два года и три мѣсяца. Онъ все еще боялся ея, но вскорѣ привыкъ къ ней и вначалѣ позволялъ другимъ вызывать ея мычанье, если онъ находился при этомъ на достаточномъ разстояніи а затѣмъ и самъ сталъ заставлять ее мычать“.

Возможно, что здѣсь мы видимъ зачатки страха передъ животными; я полагаю однако, что главную роль въ такихъ случаяхъ играетъ чувство безпокойства, вызываемое тѣмъ, что вдругъ обнаруживаются неожиданные, и потому имѣющіе характеръ чего-то страшнаго признаки жизни (движеніе и звукъ). Если предметъ, который извѣстенъ намъ, какъ не живой, начинаетъ вдругъ казаться живымъ, то это одинаково устрашающимъ образомъ дѣйствуетъ на ребенка и на взрослого. Ребенокъ надѣляется игрушки жизнью въ своемъ воображеніи но онъ не переноситъ, чтобы онѣ на самомъ дѣлѣ вполне уподоблялись дѣйствительности. Въ этомъ смыслѣ онъ—прирожденный идеалистъ, а не реалистъ. Желательно было бы собрать побольше тщательныхъ наблюденій относительно этого любопытнаго вида дѣтскаго страха.

Страхъ передъ тѣнью очень близко подходитъ къ страху передъ движущимися игрушками.—Тѣни — это какія-то по-

добія, хотя и страшно изуродованныя, которыя обыкновенно движутся съ ужасающей быстротой. Тайнственная поднимающаяся тѣнь, которая слѣдуетъ за ребенкомъ, когда онъ ночью взбирается по лѣстницѣ, приводится писателями, какъ одно изъ явленій, которыя наводятъ леденящій ужасъ на дѣтей. Стивисонъ пишетъ:

„Мое маленькое сердечко колотится, какъ барабанъ,
И на своихъ волосахъ я чувствую дыханье духовъ;
Вокругъ свѣчи собираются безобразныя тѣни
И тихо поднимаются по лѣстницѣ;
Тѣнь отъ периль и тѣнь отъ лампы,
Тѣнь ребенка, который ложится въ постель,—
Всѣ эти злыя тѣни приходятъ одна за другой,
А надъ ними, надо всѣми—темная ночь“.

Я видѣлъ, какъ молодой котенокъ — тотъ самый, который обнаружилъ такой страхъ передъ звуками фортепіано, — слѣдилъ за своей собственной тѣнью, прыгавшей по стѣнѣ, и слѣдилъ, мнѣ кажется, взглядомъ, полнымъ страха.

Страхъ передъ животными.

Я намѣренно оставилъ въ сторонѣ два вида дѣтскаго страха, чтобы посвятить имъ отдѣльныя изслѣдованія, именно страхъ передъ животными и боязнь темноты. Такъ какъ первый, несомнѣнно, обнаруживается раньше второй, то и я прежде разсмотрю его.

Странно, что тѣ существа, которыя впоследствии становятся товарищами и друзьями дѣтей и однимъ изъ главныхъ источниковъ ихъ наслажденія, вначалѣ, при своемъ первомъ появленіи, вызываютъ въ нихъ такую тревогу. Между тѣмъ, это дѣйствительно такъ. По крайней мѣрѣ, многія дѣти вначалѣ сильно пугаются совершенно безобидныхъ представителей животнаго царства. Однако мы должны при этомъ тщательно различать простое нервное потрясеніе и неудовольствіе съ одной стороны и настоящій страхъ съ другой. Такъ,

одна моя знакомая, хорошая наблюдательница, сообщает мнѣ, что хотя на нервы ея мальчика, когда ему было пятнадцать мѣсяцевъ, очень сильно дѣйствоваль громкій собачій лай, однако онъ въ дѣйствительности не боялся собакъ. Этому можно противопоставить другой случай, также сообщенный хорошимъ наблюдателемъ: онъ особенно подчеркиваетъ, что отвращеніе къ звукамъ собачьяго лая развилось у ребенка поздно и сопровождалось настоящимъ страхомъ.

Далѣе, что нибудь эстетически непріятное также можетъ вызвать нѣкоторое подобіе страха, хотя, какъ извѣстно, маленькія дѣти, въ этомъ отношеніи, не имѣютъ такихъ антипатій, какъ взрослые. Такъ, мальчикъ К. не могъ понять испуга своей матери, вызваннаго сползавшею гусеницей. Нѣчто въ родѣ эстетическаго отвращенія, кажется, обнаруживается иногда по отношенію къ животнымъ опредѣленнаго вида и цвѣта. Черное животное, напимѣръ, овца или корова, повидимому, особенно часто не нравится дѣтямъ.

На первый взглядъ кажется совершенно непонятнымъ, почему ребенокъ на четырнадцатой недѣлѣ пугается кошки ¹⁾. Такой испугъ, насколько я могу судить, не обычное явленіе въ этомъ возрастѣ, и интересно было бы подробно разспросить у матери, при какихъ условіяхъ ребенокъ въ первый разъ столкнулся съ домашнимъ любимцемъ. Такой рано обнаруживающійся страхъ передъ животными можно, вѣроятно, объяснить, — поскольку вообще возможно обсуждать этотъ вопросъ, — ихъ внезапными, неожиданными движеніями, которыхъ, разумѣется, вполне достаточно, чтобы испугать неопытнаго ребенка, привыкшаго къ сравнительно спокойной обстановкѣ.

Это подтверждается и другимъ примѣромъ, который также приведенъ у Прейера. Одна дѣвочка на четвертомъ мѣсяцѣ, и точно такъ же на одиннадцатомъ, до того боялась голубей, что не могла заставить себя погладить ихъ. Ми-

---

¹⁾ Приведено у *Прейера*, Душа ребенка, стр. 189. Онъ употребляетъ при этомъ слово scheuen.

ловидность голубя, если не кошки, должна бы, кажется, обеспечить ему благосклонность дѣтей; поэтому приходится остановиться на предположеніи, что непонятный, подвижный животный міръ вначалѣ дѣйствуетъ разстраивающимъ образомъ на дѣтскій умъ.

Въ позднѣйшихъ отношеніяхъ ребенка къ животнымъ обнаруживается больше настоящаго страха. Иногда указывалось, будто дѣти унаслѣдовали отъ своихъ предковъ страхъ передъ опредѣленными животными. Такъ, Дарвинъ замѣтилъ, что его мальчикъ, когда ему было два года и три мѣсяца, въ Зоологическомъ саду боялся большихъ, посаженныхъ въ клѣтки животныхъ, видъ которыхъ былъ ему незнакомъ (львовъ, тигровъ и т. д.); Дарвинъ заключаетъ отсюда, что этотъ страхъ переданъ ребенку отъ его предковъ - дикарей, которыхъ жизненные условія заставляли избѣгать этихъ страшныхъ звѣрей. Однако Компаре удачно показалъ ¹⁾, что здѣсь нѣтъ надобности прибѣгать къ этой гипотезѣ. Необычайный видъ животныхъ, ихъ величина, а также устрашающее дѣйствіе клѣтки,—всего этого вполне достаточно, чтобы вызвать смутное чувство опасности.

Насколько я могу судить, факты совершенно противорѣчатъ теоріи унаслѣдованнаго страха передъ животными. Какъ въ первые мѣсяцы ребенокъ обнаруживаетъ нѣчто въ родѣ отвращенія къ милому и совершенно безвредному голубю, точно такъ же и позднѣе страхъ проявляется у него въ самыхъ неподходящихъ случаяхъ. Въ Книгѣ *The Invisible Playmate* („Невидимый товарищъ“) намъ рассказываютъ объ одной дѣвчкѣ, которая впервые, испугалась, увидѣвъ воробья, спустившагося на траву около нея; въ то же время она нисколько не боялась большихъ предметовъ, и даже тогда, когда она въ первый разъ слышала лай собаки, сидѣвшей въ конурѣ, она съ легкимъ смѣхомъ и изумленіемъ сказала: „О, кашляетъ“. О сходномъ случаѣ сообщаетъ мнѣ одна знакомая дама. Однажды она замѣтила, что ея дочь, кото-

---

¹⁾ Умственное и нравственное развитіе ребенка, стр. 72.

рой было около четырех лѣтъ, стоитъ съ широко раскрытыми и полными слезъ глазами; руки дѣвочки были протянуты впередъ, какъ бы ища помощи, и вся она была — воплощенный ужасъ. Оказалось, что по направленію къ ней медленно ползла мокрица. На слѣдующій день ее въ первый разъ повели въ Зоологическій садъ, и мать, предвидя, что она испугается, взяла ее за руку. Но въ этомъ не было надобности. Будучи безстрашна вообще, она оставила руку матери, какъ только увидѣла слона, и поскакала къ этому чудовищу. Еслибы наследственность играла существенную роль въ страхѣ ребенка передъ животными, то слѣдовало бы ожидать, что факты будутъ прямо противоположны, т.-е. что страхъ будетъ вызванъ слономъ, а не безобиднымъ насѣкомымъ.

Судя по моимъ собственнымъ наблюденіямъ, дѣти обнаруживаютъ между собой лишь незначительное сходство въ отношеніи страха передъ животными. То, что пугаетъ одного ребенка, можетъ забавлять другого въ этомъ же возрастѣ. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ обнаруживается наклонность къ страху передъ опредѣленными животными, особенно передъ волкомъ, и въ этомъ страхѣ, какъ показываютъ народныя повѣрья, отражается поведеніе суевѣрныхъ взрослыхъ. Однако весьма вѣроятно, что страхъ передъ волкомъ, какъ мы видимъ у мальчика К., возникаетъ изъ страха передъ собакой—самымъ страшнымъ изъ домашнихъ животныхъ—и затѣмъ уже укрѣпляется благодаря сказкамъ.

Впрочемъ страхъ передъ животными у дѣтей отличается почти такую же непоследовательностью, какъ и у взрослыхъ. Въ странныхъ проявленіяхъ дѣтскаго страха нѣтъ ничего дѣйствительно непонятнаго, болѣе непонятнаго, чѣмъ въ испугѣ лошади, который невозможно предсказать. Если бы мы знали всю исторію лошади и могли составить полную скалу колебаній ея самочувствія, то мы могли бы понимать всякій ея испугъ. Точно такъ же и съ ребенкомъ. Всѣ причуды въ его антипатіи къ животнымъ были бы ясны, если бы могли видѣть скрытую дѣятельность его ума и измѣрять колеблющуюся высоту его смѣлости.

Что подобное рано обнаруживающееся беспокойство при видѣ странныхъ животныхъ въ нѣкоторой степени обусловлено дѣятельностью ума, — это видно изъ того, какъ велъ себя мальчикъ Прейера, когда ему было двадцать мѣсяцевъ, при видѣ маленькихъ поросятъ. Мальчикъ сначала смотрѣлъ серьезно, но какъ только молодыя животныя стали сосать у своей матери, онъ разразился крикомъ и отвернулся отъ этого зрѣлища со всѣми признаками страха. Позднѣе оказалось, что ребенокъ испугался, предположивъ, что поросята кусаютъ свою мать; этотъ случай вызывалъ у него на четвертомъ и пятомъ году неоднократные ночные припадки страха передъ кусающимися поросятами ¹⁾. У ребенка, надѣленнаго живымъ воображеніемъ и очень предрасположеннаго къ страху, все, что наводитъ на мысль о какомъ нибудь злѣ, можетъ вызвать нѣкоторый трепеть. Ребенку не нужно непосредственно испытать силу большого животнаго, чтобы чувствовать смутную тревогу вблизи его. Его собственные раннія умозаключенія о соотношеніи между величиной и силой, подкрѣпленныя, какъ обыкновенно бываетъ, свѣдѣніями, полученными отъ другихъ, вполне достаточны для этой цѣли. Грубая, мохнатая шерсть собаки, ея зубы, которые, какъ говорятъ, могутъ кусать, ея быстрыя движенія и, что хуже всего, ея страшный лай,—всего этого предостаточно, чтобы испугать робкаго ребенка. Даже быстро слетѣвшій воробей можетъ испугать боязливаго малыша, вызвавъ въ немъ мысль о нападеніи; и четырехлѣтняя дѣвочка можетъ быть вполне способна прійти въ ужасъ отъ представленія о неприятномъ нашествіи на ея нѣжную особу маленькой мокрицы, которая, хотя и медленно, все же ползетъ по направленію къ ней.

Мнѣ кажется, нельзя отрицать, что дѣти, обладающія живымъ воображеніемъ, способны приходить въ настоящій ужасъ при мысли о животномъ мірѣ, особенно когда они нездоровы и предрасположены къ страху. Огромные размѣры этого

---

¹⁾ См. *Прейеръ*, Душа ребенка, стр. 191.

міра, безконечное разнообразіе встрѣчающихся въ немъ страшныхъ и дикихъ на видъ формъ, которыя часто кажутся искаженными человѣческими лицами и фигурами,—все это, извѣстное изъ книжекъ съ картинами, можетъ вызвать смутную, но сильную тревогу. Народныя сказанія показываютъ намъ, какъ вліяютъ на воображеніе простыхъ людей опасности, связанные съ животнымъ міромъ, и мы не должны поэтому удивляться, если онѣ заставляютъ трепетать сердце маленькаго, слабаго ребенка. Однако страхъ ребенка передъ животными менѣе силенъ, чѣмъ тотъ импульсъ, который влечетъ его къ нимъ. Маленькія дѣти одинаково часто обнаруживаютъ склонность бѣгать за утками или другими животными и бояться ихъ. Быть можетъ, въ дѣтской жизни нѣтъ ничего болѣе прелестнаго, чѣмъ поза и взглядъ маленькаго человѣка, который преодолеваетъ свой страхъ при приближеніи большой чужой собаки и „сводитъ дружбу“ съ этимъ мохнатымъ чудовищемъ. Сильная любовь, которую дѣти въ глубинѣ своей души питаютъ къ своимъ товарищамъ-животнымъ, скоро изгоняетъ всякій страхъ. И когда примиреніе уже достигнуто, тогда требуется много горькаго опыта для того, чтобы ребенокъ снова научился постоянно помнить объ опасности.

Боязнь темноты.

Боязнь темноты, т.-е. страхъ, вызванный пребываніемъ въ темнотѣ или мыслью о такомъ пребываніи, особенно въ *одиночествѣ*, и связанная съ этимъ боязнь темныхъ мѣстъ, напримеръ чулановъ и погребовъ, безъ сомнѣнія, очень распространена среди дѣтей и служить, кажется, одною изъ ихъ общепризнанныхъ характерныхъ чертъ. Однако ни въ какомъ случаѣ нельзя съ увѣренностью сказать, что она „естественна“, т.-е. развивается сама собою во всѣхъ дѣтяхъ.

Несомнѣнно, что дѣти въ началѣ своей жизни не испытываютъ такого страха. Если ребенокъ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ привыкъ къ свѣту, то онъ, весьма вѣроятно, при-

дѣть въ безпокойство при отсутствіи свѣта; но это безпокойство еще совсѣмъ не то, что боязнь темноты ¹⁾.

Боязнь темноты возникаетъ, повидимому, тогда, когда умственныя способности достигаютъ извѣстной степени развитія. Она принимаетъ различныя формы. У нѣкоторыхъ дѣтей она является въ видѣ смутнаго безпокойства, у другихъ—въ видѣ болѣе опредѣленной тревоги. Эта боязнь обыкновенно бываетъ связана съ дѣятельностью воображенія, которое населяетъ темноту разными страшными животными, такъ что страхъ передъ животными и боязнь темноты находятся въ тѣсной связи. Такъ, въ одномъ изъ сообщенныхъ мнѣ случаевъ, мальчикъ въ возрастѣ отъ двухъ до шести лѣтъ видѣлъ по ночамъ „сверкающіе глаза львовъ и тигровъ, которые ходили вокругъ комнаты“. Мальчикъ К. видѣлъ въ темныхъ мѣстахъ своего „чернаго звѣря“, волка. Стивнсъ (Stevens), говоря о представленіяхъ своего мальчика относительно всего сверхъестественнаго, замѣчаетъ, что въ возрастѣ одного года и десяти мѣсяцевъ, когда его начало преслѣдовать видѣніе „пѣтушка“, имъ по временамъ овладѣвала боязнь темноты ²⁾. Важно замѣтить, что даже тѣ дѣти, которыхъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ приучили ложиться спать въ темнотѣ, могутъ впоследствии начать бояться ея.

Однако не всѣ дѣти подвержены страху передъ темнотой. Одна дама, за точность словъ которой я могу ручаться, увѣряетъ меня, что ея мальчикъ, которому теперь четыре

---

¹⁾ Одна мать сообщила мнѣ интересное наблюденіе по этому поводу. Она несла одного изъ своихъ дѣтей, которому было четыре мѣсяца, по лѣстницѣ, въ темнотѣ. Выйдя къ свѣту, она замѣтила, что лицо ребенка мрачно, ручки сжаты въ кулаки, глаза выкатились. Увидѣвъ свѣтъ, ребенокъ вздохнулъ и снова принялъ свой обычный видъ. Это былъ вообще крѣпкій и смѣлый ребенокъ, и онъ никогда больше не обнаруживалъ подобнаго страха. Это, безъ сомнѣнія, любопытное наблюденіе; интересно было бы знать, замѣчены ли другіе сходные случаи явнаго страха у дѣтей, когда ихъ несутъ въ темнотѣ.

²⁾ Mind, XI, стр. 149.

года, никогда не обнаруживалъ этого чувства. То же самое утверждаетъ о своихъ дѣтяхъ и другой внимательный наблюдатель, профессоръ Сикорскій ¹⁾. Возможно, повидимому, прожить дѣтство, не познакомившись со страхомъ, и приобрести его въ послѣдующей жизни. Я знаю одну даму, которая начала бояться только въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ. „Странное дѣло (пишетъ она), я въ дѣтствѣ никогда не боялась темноты; но въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ я не могу оставаться одна въ темнотѣ, и если мнѣ приходится войти въ темную комнату, напримѣръ, въ свой кабинетъ, который находится далеко отъ комнаты прислуги, то я чувствую замѣтное сердцебіеніе и тороплюсь зажечь свѣчу или какъ можно скорѣе сойти внизъ“.

По разсказамъ Чарльза Ламба и другихъ писателей о видѣніяхъ, которыя преслѣдовали ихъ по ночамъ, мы можемъ лишь слабо догадываться о томъ, въ какой подавляющей, леденящей ужасъ иногда переходитъ этотъ страхъ передъ темнотой. Поэтому неудивительно, что поэты пытались дать живое и полное описаніе его. Напримѣръ, Викторъ Гюго, описывая въ своихъ „Отверженныхъ“ чувства маленькой Козетты, посланной ночью въ лѣсъ, чтобы принести воды изъ ключа, говоритъ, что она „чувствовала, какъ ее охватываетъ мрачная безпредѣльность природы. Ею овладѣлъ не только ужасъ, но нѣчто еще болѣе ужасное, чѣмъ ужасъ“.

Этотъ страхъ пытались объяснить различнымъ образомъ. Локкъ, который въ своихъ педагогическихъ сочиненіяхъ довольно сурово относится къ нянямъ и слугамъ, приписываетъ весь страхъ вліянію этихъ вредныхъ людей, „обычный пріемъ которыхъ—пугать дѣтей и держать ихъ въ послушаніи разсказами о букахъ, упыряхъ и т. п. страшныхъ и злыхъ существахъ, которыхъ дѣти должны бояться, когда остаются одни. и особенно въ темнотѣ“ ²⁾. Напротивъ, Руссо объясняетъ

¹⁾ Приведено у *Компэре*, въ указ. соч., стр., 71. Ср. *Perez*, *L'Education dès le Verseau*, стр. 103.

²⁾ *Локкъ*, Мысли о воспитаніи (русск. пер., Москва, 1896), стр. 152.

страхъ естественными причинами. „Если я привыкъ издали замѣчать предметы и заранѣе предвидѣть получаемыя отъ нихъ впечатлѣнія, то, не видя ничего вокругъ себя, могу ли я не вообразить себѣ тысячи существъ, тысячи движеній, которыя могутъ повредить мнѣ и отъ которыхъ невозможно мнѣ уберечься“ ¹⁾?

Руссо здѣсь дополняетъ и поправляетъ Локка. Прежде всего, я убѣдился на своемъ собственномъ ребенкѣ, а также и на чужихъ дѣтяхъ, что боязнь темноты возникаетъ даже тогда, когда вредное вліяніе няни совершенно устранено, Локкъ забываетъ, что дѣти могутъ узнавать разные страшные вымыслы отъ другихъ дѣтей или создавать ихъ на основаніи тѣхъ мыслей, на которыя наводятъ ихъ своими словами, сами того не замѣчая, вполне почтенные взрослые люди. Кромѣ того, онъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ, почему дѣти, оставаясь одни въ темнотѣ, скорѣе останавливаются на страшныхъ картинахъ, чѣмъ на свѣтлыхъ и пріятныхъ, которыя вѣдь имъ также знакомы. Стивнсонъ показалъ намъ, какъ ребенокъ умѣетъ ночью развлекаться такими пріятными образами. Однако слѣдуетъ признать, что темнота, повидимому, болѣе благопріятствуетъ фантазированію о чемъ-то заколдованномъ и страшномъ. Какъ объяснить это? Руссо пытается отвѣтить на этотъ вопросъ, указывая (насколько я понимаю его), что темнота порождаетъ чувство небезопасности. Но я не думаю, чтобы именно непріятность пребыванія въ темнотѣ вызвала страхъ; я представляю себѣ, что ребенокъ можетъ начать бояться темнаго мѣста, никогда не извѣдавъ его непріятныхъ свойствъ.

Я сильно подозреваю, что боязнь темноты обусловлена извѣстными чувственными воспріятіями и возникаетъ изъ нѣкотораго рода физической непріятности. Всѣ ощущенія, отличающіяся очень незначительной интенсивностью, напри- мѣръ, очень тихіе звуки голоса, имѣютъ оттѣнокъ грусти, печали, и это особенно можно замѣтить въ зрительныхъ

---

¹⁾ Руссо Эмилъ (русск. пер., Москва, 1896), стр. 157.

ощущеніяхъ, когда передъ глазами находится темное пространство или, что то же, черная ровная поверхность. Символизированіе темноты и черноты, напримѣръ, когда мы говоримъ о „мрачныхъ“ мысляхъ или уподобляемъ заботу „черной тучѣ“, основано, повидимому, на этомъ вліяніи грусти.

Но ощущеніе темноты не только тягостно само по себѣ; къ нему примѣшивается не всегда легко отдѣлимая отъ него жажда привычнаго свѣта, жажда тѣхъ интересовъ и радостей, которыми сопровождается видѣніе. Когда глаза и мозгъ не утомлены, т.-е. когда мы бодрствуемъ, такое страданіе глазъ можетъ доставлять значительныя мученія; и весьма вѣроятно, что дѣти чувствуютъ это лишеніе сильнѣе, чѣмъ взрослые, какъ вслѣдствіе большой роли, которую играетъ у нихъ дѣятельность зрѣнія, такъ и благодаря сравнительно скудному запасу своихъ мыслей. Къ этому надо прибавить, что темнота, скрывая видимый міръ, вызываетъ въ робкомъ ребенкѣ, который привыкъ къ своей обычной домашней обстановкѣ, особенно острое чувство чуждости и одиночества, удаленности отъ всего того, что онъ знаетъ и любитъ. Воспоминанія объ этомъ чувствѣ, записанныя въ позднѣйшей жизни, показываютъ, что ребенка въ темной комнатѣ давитъ именно чувство одиночества ¹⁾.

Всего этого, мнѣ кажется, достаточно, чтобы сдѣлать заключеніе въ темной комнатѣ неприятнымъ и угнетающимъ для бодрствующаго ребенка, даже если онъ лежитъ въ постели и его тѣлесная дѣятельность ничѣмъ не стѣснена. Но это еще не объясняетъ намъ чрезвычайнаго страха передъ темнотой. Мнѣ кажется въ высшей степени вѣроятнымъ, что ребенокъ двухъ или трехъ мѣсяцевъ можетъ испытывать эту смутную угнетенность и даже эту потребность въ картинѣ привычной обстановки, особенно сейчасъ же послѣ того, какъ устраненъ свѣтъ; но такой ребенокъ, какъ мы видѣли, ничѣмъ ясно не обнаруживаетъ своего страха.

---

¹⁾ См. въ особенности *James Rayn, Gleams of Memory*, стр. 3, 4.

Боязнь темноты возникает вслѣдствіе развитія воображенія ребенка и можетъ, мнѣ кажется, возникнуть независимо отъ вліянія няни или другихъ дѣтей, которыя наводили бы ребенка на мысль о присутствіи нечистой силы въ комнатѣ. Темнота больше всего благоприятствуетъ живому воображенію; скрывая видимый міръ, она посредствомъ контраста дѣлаетъ внутренній міръ фантазіи живымъ и отчетливымъ. Развѣ всѣ мы не закрываемъ обыкновенно глазъ, когда пытаемся особенно ясно „увидѣть“ или представить себѣ что-нибудь? Эта усиленная дѣятельность воображенія въ соединеніи съ тѣмъ фактомъ, который подчеркиваетъ Руссо, — именно, что въ темнотѣ ребенокъ уже не различаетъ отчетливо тѣхъ предметовъ, которые въ дѣйствительности находятся передъ нимъ, — помогаетъ намъ понять, почему дѣти постоянно помѣщаютъ продукты своего воображенія въ невидимое темное пространство. Болѣе того: смутнаго чувства удрученности, которымъ сопровождается ощущеніе темноты, можетъ быть достаточно, — и этого, повидимому, не замѣтилъ Руссо, — чтобы придать образамъ, созданнымъ такимъ путемъ, мрачный и таинственный оттѣнокъ.

Однако я склоненъ думать, что въ этомъ дѣтскомъ страхѣ есть еще и другой элементъ. Я сказалъ, что темнота вызываетъ положительное ощущеніе; мы *видимъ* ее, и это ощущеніе, если оставить въ сторонѣ различіе значеній, которыя мы позднѣе научаемся придавать ему, принадлежитъ къ тому же роду, какъ и ощущеніе, получаемое отъ взгляда на ровную черную поверхность. Для ребенка различіе между чернымъ предметомъ и темнымъ, неосвѣщеннымъ пространствомъ, еще не ясно, и можно, я думаю, убѣдиться, что ребенокъ склоненъ материализовать или овеществлять темноту. Напримѣръ, въ словахъ одной изъ моихъ корреспондентокъ, что въ дѣтствѣ она считала темноту „разрушительной силой“, видны, мнѣ кажется, слѣды этого дѣтскаго чувства. Я, кажется, и самъ могу припомнить испытанное мною въ дѣтствѣ ощущеніе чего-то огромнаго чернаго, когда внезапно просыпаюсь и открываю глаза въ очень темной комнатѣ.

По поводу этого ощущенія темноты слѣдуетъ замѣтить еще одно обстоятельство. Темное поле зрѣнія не бываетъ однообразно; нѣкоторыя части его кажутся менѣ темными, чѣмъ другія, и грубыя, неясныя очертанія сравнительно свѣтлыхъ и темныхъ мѣстъ непрерывно измѣняются; иногда болѣе отчетливыя свѣтлыя пятна соединяются въ одномъ мѣстѣ. Эти измѣненія темнаго поля зрѣнія, повидимому, объясняются измѣнчивой дѣятельностью сѣтчатой оболочки. Однако, можетъ естественно спросить мой читатель, что общаго между всѣмъ этимъ и страхомъ дѣтей передъ темнотой? — Если читатель вспомнить, что было сказано о томъ, какъ легко ребенку увидѣть человѣческія лица или фигуры животныхъ въ трещинахъ потолка или въ жилахъ мрамора, то онъ, вѣроятно, пойметъ цѣль моихъ замѣчаній. Эти слабыя и мгновенныя измѣненія черноты, эти мимолетныя зачатки формъ могутъ служить чувственной основой для фантастическихъ образовъ; ребенокъ съ очень возбужденнымъ воображеніемъ видитъ опредѣленныя формы въ этихъ слабыхъ слѣдахъ черной, безформенной пустыни. Такими формами, разумѣется, будутъ тѣ, которыя ему наиболѣе знакомы, а такъ какъ его фантазія въ это время имѣетъ грустный оттѣнокъ, то и формы эти будутъ мрачны и страшны. Поэтому неудивительно, если дѣти рассказываютъ, что видятъ въ темнотѣ разныя страшныя живыя существа.

Приведу слѣдующій особенно поучительный случай этого рода. Одинъ четырехлѣтній мальчикъ нѣкоторое время боялся темноты, и родители позволяли, чтобы на ночь около него оставалась зажженная свѣча. Услыхавъ, что Хрустальный дворецъ сгорѣлъ, онъ въ первый разъ попросилъ, чтобы отъ него убрали свѣтъ, такъ какъ боязнь темноты была теперь заглушена болѣе сильнымъ страхомъ передъ огнемъ. Спустя нѣкоторое время, онъ самъ захотѣлъ объяснить своему отцу свой прежній страхъ. „Знаешь“, спросилъ онъ, „какъ я думалъ, что такое темнота? Что-то большое и живое, чернаго цвѣта, со ртомъ и глазами“. Здѣсь мы видимъ „овеществленіе“ темноты, а также, вѣроятно, и вліяніе сравнительно

свѣтлыхъ пятенъ, которое выразилось въ надѣленіи чудовища глазами и которое еще яснѣе сказалось въ приведенномъ выше примѣрѣ, гдѣ ребенокъ видѣлъ сверкающіе глаза львовъ и тигровъ, ходившихъ вокругъ комнаты. Другой интересный примѣръ этого рода приводится у Компэре; ребенокъ на вопросъ, почему онъ не любитъ быть въ темномъ мѣстѣ, отвѣтилъ: „Я не люблю трубочистовъ“ ¹⁾. Здѣсь чернота вмѣстѣ со слабыми, болѣе свѣтлыми пятнами вызвала образъ чернаго трубочиста съ его бѣлымъ сверкающимъ ртомъ и глазами ²⁾. Я хотѣлъ бы кстати замѣтить здѣсь, что намъ необходимо еще узнать отъ самихъ дѣтей, какъ они смотрятъ на темноту; для этого слѣдуетъ разговаривать съ ними, вызывая ихъ на откровенность, когда въ нихъ въ первый разъ замѣчается боязнь темноты.

Если воображеніе становится ненормально дѣятельнымъ и ребенка преслѣдуютъ тревожные образы, то послѣдніе, возвращаясь съ особенной силой въ тишинѣ и темнотѣ ночи, еще больше укрѣпляютъ страшныя ассоціаціи, связанныя съ темнотой. Мы видимъ это у мальчика Стивенса, котораго преслѣдовалъ по ночамъ призракъ „пѣтушка“. Сны, особенно тѣ, которые родственны ужасному кошмару и которымъ подвержены нервныя дѣти, — такіе сны могутъ связать съ темнотой новый видъ страха. Ребенку, который внезапно просыпается и съ открытыми глазами видитъ на черномъ фонѣ призрачное видѣніе своего сна, можно простить, если онъ начинаетъ бояться темноты. Быть можетъ, этимъ объясняется, почему въ приведенномъ нами случаѣ мальчикъ не хотѣлъ спать въ опредѣленной комнатѣ, такъ какъ въ ней находится много сновъ.

---

¹⁾ Указ. соч., стр. 71.

²⁾ Весьма вѣроятно, что раздраженія сѣтчатки, которыми вызываются субъективныя свѣтотыя ощущенія, напримѣръ, хорошо извѣстныя маленькіе, свѣтлые движущіея круги, могутъ способствовать возникновенію у нервныхъ дѣтей представленія о сверкающихъ глазахъ.

Если наше объясненіе дѣтскаго страха передъ темнотою правильно, то средство, предлагаемое Руссо для его устраненія, оказывается недостаточнымъ. Можно побуждать дѣтей изслѣдовать темныя комнаты и ощупывать, не видя, различные предметы; такимъ образомъ они могутъ освоиться съ тѣмъ фактомъ, что вещи остаются неизмѣнными даже тогда, когда они окутаны темнотою, и что темнота есть лишь наша временная неспособность видѣть предметы; этимъ, безъ сомнѣнія, можно до нѣкоторой степени сдерживать страхъ, если спокойное размышленіе уже стало возможно. Но радикальное лѣченіе должно идти дальше, его цѣлью должно быть задерживаніе дѣятельности болѣзненнаго воображенія, — здѣсь именно слѣдуетъ имѣть въ виду то, что Локкъ говоритъ о вліяніи страшныхъ сказокъ, рассказываемыхъ няней, — и, въ крайнихъ случаяхъ, укрѣпленіе потрясенныхъ нервовъ.

Страхъ и средства для его облегченія.

Я, кажется, достаточно подробно разсмотрѣлъ первые страхи дѣтей. Не пытаясь исчерпать этотъ предметъ, я показалъ, надѣюсь, что ясно выраженный и сильный страхъ является общей чертой у дѣтей въ первые годы ихъ жизни и принимаетъ самыя разнообразныя формы.

Разумѣется, многое еще предстоитъ сдѣлать путемъ методическаго наблюденія и, въ особенности, путемъ статистическихъ изслѣдованій по вопросу о томъ, какъ часто встрѣчаются различные виды страха, въ какомъ возрастѣ они обыкновенно начинаютъ обнаруживаться и т. д., прежде чѣмъ мы будемъ въ состояніи создать теорію этого предмета. Однако уже и теперь можно рѣшиться высказать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Быть можетъ, наиболѣе поразительно въ этомъ рано обнаруживающемся страхѣ то обстоятельство, какъ мало онъ связанъ съ воспоминаніями объ испытанномъ злѣ. Дитя неопытно, и если съ нимъ человѣчно обращаются, оно не много знаетъ о тяжелыхъ формахъ людскихъ страданій. Оно какъ

будто боится не потому, что опытъ научилъ его бояться зла, а потому, что оно по своему сложенію и по инстинкту слабонервно и одержимо чувствомъ неувѣренности. Это чувство слабости и неувѣренности всплываетъ наружу при наличности чего нибудь неизвѣстнаго, если умъ ребенка можетъ привести это неизвѣстное въ связь со своимъ благополученіемъ, такъ дѣйствуетъ, на примѣръ, непріятный шумъ и движеніе предметовъ, особенно, если они, повидимому, приближаются. То же самое обнаруживается, какъ мы видѣли, и въ страхѣ передъ темнотой. Сходнымъ образомъ объясняются и прочія обычныя формы страха, особенно вызваннаго угрозами другихъ; таковъ страхъ передъ городовымъ или ужасъ маленькой Жоржъ Зандъ, въ который она пришла при мысли о томъ, чтобы провести цѣлую ночь взаперти въ „стеклянной тюрьмѣ“ фонаря. Тотъ фактъ, что страхъ дѣтей не есть непосредственный продуктъ опыта, иногда выражаютъ и другимъ образомъ, говоря, что онъ — плодъ воображенія. Ребенокъ обыкновенно боится потому, что онъ воображаетъ себѣ различныя вещи, и статистическія изслѣдованія, вѣроятно, покажутъ, что дѣти, надѣленные наиболѣе сильнымъ воображеніемъ (при прочихъ равныхъ условіяхъ), въ то же время наиболѣе подвержены страху.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ страхъ дѣтей подобенъ страху животныхъ. У тѣхъ и другихъ страхъ одинаково является скорѣе инстинктивнымъ отвращеніемъ къ неизвѣстному, чѣмъ сознаниемъ знакомаго зла. Объ этомъ свидѣтельствуетъ пугливость лошади, явный страхъ собаки передъ извѣстнаго рода шумомъ, а также, вѣроятно, и страхъ, вызываемый въ животныхъ видомъ и шумомъ огня, — страхъ, такъ удачно описанный Киплингомъ у лѣсныхъ звѣрей. Животныя, повидимому, также испытываютъ чувство смутнаго ужаса, когда совершается что нибудь явно безпричинное; такъ, на примѣръ, Роменсъ вызывалъ въ собакѣ страхъ тѣмъ, что привязывалъ къ кости тонкую нитку и, дергая ее незамѣтно, сообщалъ кости самопроизвольное на видъ движеніе. Эта же собака пугалась мыльных пузырей. Собаки, по словамъ Роменса, бо-

ятся портретовъ. Слѣдуетъ прибавить, что у нѣкоторыхъ животныхъ можно ясно различить вліяніе наслѣдственности, которое въ страхѣ дѣтей, по моему мнѣнію, является сомнительнымъ. Это различіе обнаруживается въ томъ фактѣ, что дитя не пугается огня, который дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ на многихъ животныхъ ¹⁾.

Другимъ поучительнымъ сравненіемъ является сравненіе страха дѣтей со страхомъ дикарей. И тѣ, и другіе отличаются одинаковымъ чувствомъ неувѣренности, и присутствіе чего нибудь большого и неизвѣстнаго наводитъ на нихъ инстинктивный страхъ. Особенно въ области суевѣрнаго страха мы видимъ, какъ у тѣхъ и другихъ мрачная фантазія опережаетъ знаніе и надѣляетъ все новое и неизвѣданное страшными чертами.

Наконецъ, различные виды дѣтскаго страха представляютъ нѣкоторое сходство съ извѣстными формами умственнаго расстройства. Идіоты, которые по развитію своихъ умственныхъ способностей такъ приближаются къ нормальнымъ дѣтямъ, ясно обнаруживаютъ страхъ передъ чужими. Однако для насъ въ настоящую минуту представляетъ большій интересъ тотъ чрезвычайный страхъ дѣтей передъ новыми предметами, который проявляется и при извѣстныхъ видахъ душевнаго расстройства. Это настоящая боязнь новизны, неофобія, вполне подобная, напримѣръ, водобоязни ²⁾.

Однако, если страхъ дѣтей и характеризуется преимущественно этими чертами, то все же не только ими одними. Опытъ съ перваго мгновенія оказываетъ вліяніе на инстинктивную склонность къ страху. Трудно сказать, насколько значительную роль онъ играетъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ жизни. Въ отвращеніи, которое дитя питаетъ къ своей рюмочкѣ съ лѣкарствомъ или къ своей холодной ваннѣ, можно

1) См. *Perez*, *L'Education dès le Berceau*, стр. 96—99. Относительно страха у животныхъ см. далѣе, *Раменсъ*, *Умъ животныхъ* (русск. пер., Спб. 1888). *Прейеръ*, *Душа ребенка*, стр. 189 и сл. *Пэре*, *Первые три года жизни ребенка*, стр. 33 и сл.

2) См. *Комтэре*, указ. соч., стр. 70.

видѣть скорѣе грубый зачатокъ сильнаго неудовольствія или гнѣва, чѣмъ проявленіе страха. Мнѣ кажется, необходимы тщательныя наблюденія для выясненія вопроса о томъ, въ какомъ именно возрастѣ начинаютъ обнаруживаться въ ребенкѣ признаки страха, возникающаго благодаря испытаннымъ страданіямъ. Нѣкоторые дѣти обладаютъ удивительной способностью не обращать вниманія даже на значительныя физическія страданія; они быстро забываютъ боль, причиненную паденіемъ, ударомъ, порѣзомъ и т. д. Повидимому, очень сомнительно, безусловно ли правильна старая поговорка, будто „обжегшееся дитя боится огня“. По крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ требуется значительная доля страданія для того, чтобы вызвать настоящій страхъ въ маленькомъ ребенкѣ ¹⁾. Эта склонность не особенно считается съ болью, я полагаю, знакома каждому воспитателю маленькихъ мальчиковъ. Весьма возможно, что опредѣленное и точное воспоминаніе о боли, причиненной царапиной или даже не очень сильнымъ ожогомъ, не приводитъ къ развитію настоящаго страха и что если страхъ и является здѣсь во всемъ своемъ могуществѣ, то онъ въ сущности сводится къ страху передъ неизвѣстнымъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, повидимому, и тотъ фактъ, что дѣти гораздо сильнѣе пугаются, когда впервые испытываютъ боль, особенно, если при этомъ они видятъ рану и льющуюся кровь, чѣмъ впоследствии при мысли, что такое несчастіе можетъ повториться. Развѣ не то же самое, въ сущности, относится и къ страху взрослыхъ? Развѣ мы боялись бы выдергиванья зуба, если бы очень часто испытывали эту операцію и если бы имѣли настолько отчетливое представленіе о ней, что могли бы точно опредѣлить силу и продолжительность боли?

---

¹⁾ Нѣсколько превосходныхъ наблюденій по этому поводу сдѣлала миссъ Шиннъ, которая показываетъ, что физическая боль, если она не слишкомъ сильна, обыкновенно забывается, благодаря тому новому чувству собственнаго значенія, которое ею вызывается (Notes on the Development of a Child, ч. II, стр. 144 и сл.).

Почти то же самое мы видимъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда страхъ ясно возникаетъ въ силу опыта и ассоціаціи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ страхъ несомнѣнно вызывается воспоминаніемъ о перенесенномъ страданіи. Ребенокъ, который сильно обжегся, будетъ, безъ сомнѣнія, бояться слишкомъ близкаго сосѣдства съ раскаленной до-красна кочергой. Но во многихъ случаяхъ, когда страхъ возникаетъ въ силу ассоціаціи, опасеніе въ дѣйствительности относится, кажется, къ самому чувству страха, который уже былъ испытанъ. Такъ, ребенокъ, испуганный собакой, будетъ обнаруживать признаки страха при видѣ собачьей конуры, при видѣ нарисованной собаки и т. д. Упомянутый выше маленькій мальчикъ, который боялся игрушечнаго слона, качавшаго головой, обнаружилъ признаки страха двѣ недѣли спустя, когда встрѣтилъ въ книгѣ съ картинками изображеніе слона. Такимъ образомъ, страхъ вызывается въ робкомъ маленькомъ сердечкѣ страхомъ.

Нельзя оставить вопроса о страхѣ дѣтей, не коснувшись другого вопроса, тѣсно съ нимъ связаннаго, именно вопроса о счастьѣ дѣтей. Спрашивать, является ли дѣтство счастливымъ или даже самымъ счастливымъ временемъ,—значить, пожалуй, задавать неразумный и неразрѣшимый вопросъ. Позднѣйшія воспоминанія въ этомъ случаѣ являются, кажется, особенно недостоверными. Сами дѣти имѣютъ, безъ сомнѣнія, вполне опредѣленные взгляды на этотъ предметъ. Дети способны съ ясными признаками глубокаго убѣжденія говорить вамъ о томъ, какъ оно несчастно. Но въ сущности дѣти очень мало знаютъ о злѣ, какъ ни парадоксально можетъ показаться это утвержденіе. Въ лучшемъ случаѣ они способны рассказать вамъ, какъ они чувствуютъ себя въ извѣстныя минуты. Такимъ образомъ, исканіе точнаго и удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса оказывается бесполезнымъ. Здѣсь возможны только грубыя сравненія между дѣтствомъ и болѣе зрѣлымъ возрастомъ.

При всякомъ такомъ сравненіи страхи первыхъ лѣтъ, безъ сомнѣнія, требуютъ тщательнаго изслѣдованія. Есть,

повидимому, люди, которые не имѣютъ никакого представленія о томъ, какъ мучителенъ бываетъ дѣтскій ужасъ. Между тѣмъ, такъ какъ страхъ вызывается у дѣтей неизвѣстнымъ, а неизвѣстно имъ почти все, то и возможность страданій, вытекающихъ изъ этого источника, довольно велика.

„Какъ зло, такъ и добро поражаетъ твои взоры

И пробуждаетъ жгучее чувство мучительнаго страха“.

Жоржъ Зандъ едва ли впадаетъ въ преувеличеніе, говоря: „Я думаю, что страхъ—величайшее нравственное страданіе дѣтей“. Слабымъ, нервнымъ и надѣленнымъ богатой фантазіей дѣтямъ эта чувствительность къ страху можетъ доставлять особенно много мучительныхъ дней и еще болѣе мучительныхъ ночей.

Однако здѣсь легко впасть изъ одной крайности въ другую, перейти отъ грубаго равнодушія къ чрезмѣрной сентиментальности. Дѣтскія страданія страшны лишь въ то время, пока они длятся, но къ счастью они обыкновенно непродолжительны. Жестокій припадокъ страха проходитъ, и маленькое личико снова принимаетъ свой прежній, свѣтлый видъ. Слѣдуетъ также помнить, что если дѣти бываютъ жалки своимъ страхомъ, то они въ то же время бываютъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ маленькаго Вальтера Скотта, и восхитительно безстрашны, если мѣрять ихъ нашей мѣркой. Какъ удивительно уживаются рядомъ страхъ и безстрашіе—это видно изъ слѣдующаго присланнаго мнѣ разсказа. Одинъ маленькій мальчикъ упалъ въ ручей. Когда мать вытащила его оттуда, его четырехлѣтняя сестра спросила у него: „Видѣлъ ты крокодиловъ?“ „Нѣтъ“, отвѣтилъ мальчикъ, „я не успѣлъ, я пробылъ тамъ слишкомъ мало времени“. Отсутствіе страха передъ водой въ этомъ случаѣ такъ же характерно, какъ и наличность страха передъ крокодиломъ.

Пріятно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда старшіе дѣлаютъ все возможное, чтобы вызвать ужасъ въ ребенкѣ, послѣдній все же избѣгаетъ грозящихъ ему страданій. Профессоръ Барнсъ (Barnes) сообщаетъ, что у калифорни-

скихъ дѣтей вѣра въ сверхъестественное носить веселый характеръ, такъ какъ главное мѣсто въ ней занимаетъ небо съ его деревьями, птицами и другими прекрасными вещами; на адъ же съ его ужасами они обращаютъ очень мало вниманія ¹⁾. Въ мѣстностяхъ, гдѣ солнце свѣтитъ не такъ ярко, какъ въ Калифоніи, дѣти, быть можетъ, не являются такими оптимистами, и весьма вѣроятно, что образное описаніе адскаго пламени много разъ вызывало содроганіе въ нѣжныхъ нервахъ ребенка. Но дѣти гораздо меньше боятся огня, нежели животныя, и надо сказать, что, благодаря этому счастливому обстоятельству, муки, при помощи которыхъ обыкновенно изображается вѣчное наказаніе, не такъ сильно дѣйствуютъ на дѣтское воображеніе, какъ можно было бы ожидать. Авторъ сочиненія *The Uninitiated* изображаетъ подлинную дѣтскую черту, заставляя свою маленькую героиню думать, что адъ—это мѣсто, гдѣ дурно *пахнетъ* (благодаря сѣрѣ) ²⁾. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что видъ смерти или мысли о ней вообще не вызываютъ особеннаго страха въ дѣтяхъ. Мальчикъ К. одно время боялся быть похороненнымъ, но его молодое, полное надеждъ сердце отказывалось вѣрить въ это отдаленное бѣдствіе. Я нахожу, что другія дѣти не любятъ мысли о смерти, такъ какъ видятъ въ ней угрозу лишиться матери. Быть можетъ, имъ легче представить себѣ чью угодно смерть, чѣмъ свою собственную. Эта сравнительная недоступность ихъ для страха смерти значительно уменьшаетъ тягость дѣтскаго страха.

Кромѣ того природа снабдила робкаго маленькаго человѣчка, подверженнаго страху, еще и другими инстинктами, которые направлены къ смягченію и даже къ уничтоженію страха. Къ счастью для дѣтей, то обстоятельство, которое чаще всего вызываетъ страхъ,—именно появленіе чего-нибудь новаго и непонятнаго,—въ то же время вызываетъ и другое чувство—чувство любопытства съ сопровождающимъ его

---

¹⁾ *Pedagogical Review*, II, 3, стр. 445.

²⁾ Стр. 43.

стремленіемъ разглядывать и изслѣдовать. Даже животныя, видя что-нибудь странное, иногда колеблются между страхомъ и любопытствомъ ¹⁾, а между тѣмъ любопытство у дѣтей гораздо сильнѣе, чѣмъ у животныхъ. Совсѣмъ маленький ребенокъ, впервые познакомившійся съ какимъ-нибудь видомъ физической боли, напримѣръ, съ ударомъ по головѣ, станетъ осторожно повторять опытъ и ударять обо что-нибудь головой, какъ бы экспериментируя и наблюдая дѣйствіе эксперимента. Болѣе ясный примѣръ того, какъ страхъ преодолевается любопытствомъ, мы видимъ въ томъ случаѣ, когда ребенокъ, потянувшій изъ куста кошку за хвостъ и оцарапанный ею, все-таки старается снова залѣзть въ кустъ ²⁾. Еще болѣе интересенъ постепенный переходъ отъ дѣйствительнаго страха передъ новымъ и страннымъ предметомъ къ смѣлому изслѣдованію. Ребенокъ, который испугался японской куклы, требовалъ, чтобы ему показывали ее каждый день. Поведеніе такого маленькаго человѣчка при появленіи въ домѣ чужой собаки, или страшнаго незнакомца, или вообще чего-нибудь новаго и поражающаго, представляетъ милое и забавное зрѣлище. Первоначально овладѣвающій ребенкомъ страхъ, исканіе убѣжища на груди матери, сопровождается любопытными взглядами, а затѣмъ болѣе смѣлымъ вытягиваніемъ головы и рукъ,—вотъ признаки той борьбы, въ которой любопытство и интересъ постепенно побѣждаютъ страхъ и въ концѣ-концовъ оставляютъ его далеко позади себя. Какъ извѣстно, маленькія, робкія существа очень скоро обращаются въ смѣлыхъ искателей приключеній. Они дѣлаютъ своими игрушками страшныхъ звѣрей, а также страшныя тѣни ³⁾. Позднѣе они, быть можетъ, сильнѣе всего любятъ изслѣдовать страшную тайну пороха.

1) Нѣкоторые примѣры приведены у *Прейера*. Душа ребенка, стр. 196 и сл.

2) Миссъ *Шиннъ*, указ. соч., стр. 150.

3) *Стивнсонъ*, который описалъ ужасъ, вызываемый движущимися тѣнями, показываетъ, какъ ребенокъ можетъ играть со своей тѣнью. (*A Child's Garden of Verses*, XVIII).

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ средствѣ, смягчающемъ дѣтскій страхъ, именно объ инстинктѣ, который побуждаетъ ребенка укрываться или искать убѣжища. Первые проявленія того, что мы называемъ общественнымъ инстинктомъ дѣтей, едва ли представляютъ собою нѣчто большее, чѣмъ оборотную сторону ихъ боязливости. Дитя перестаетъ кричать ночью, услыхавъ знакомый голосъ матери или няни, потому что тягостное состояніе одиночества въ темнотѣ уничтожается смутнымъ чувствомъ общенія съ людьми. Испуганный ребенокъ, вѣроятно, испытываетъ высшее блаженство, переходя въ охраняющія объятія матери. Даже самый робкій ребенокъ никогда не испытываетъ настоящаго страха, пока онъ находится на достаточно близкомъ разстояніи отъ надежной базы, съ которой онъ предпринимаетъ свои рекогносцировки,—отъ подола матери. Счастливы тѣ дѣти, около которыхъ всегда находятся любящія объятія; въ волшебномъ кругу этихъ объятій приближеніе жестокаго припадка страха мгновенно задерживается и замѣняется чувствомъ сладкаго покоя.

Какъ несчастны должны быть тѣ дѣти, которыя, будучи робки отъ природы, лишены подобнаго убѣжища, которымъ приходится самимъ бороться, какъ умѣютъ, со своими страхами, которыхъ грубо отталкиваютъ, когда они прибѣгаютъ къ кому-нибудь со своей тревогой,—этого я не рѣшаюсь даже описать. Еще меньше намѣренъ я указывать на то, что переносятъ несчастныя дѣти, которыя въ минуты страха находятъ въ окружающихъ не помощь, не успокоеніе и поддержку, но худшій источникъ своихъ страховъ. Быть жестокимъ къ этимъ маленькимъ, нѣжнымъ существамъ, испытывать ихъ страхъ, забавляться, вызывая у нихъ дикіе взоры и еще болѣе дикіе крики ужаса,—все это такія непонятныя явленія, которыя заставляютъ человѣка повѣрить въ старое ученье, будто дьяволъ можетъ входить въ мужчинъ и женщинъ. Ибо здѣсь мы видимъ форму жестокости, которая такъ утончена и такъ противорѣчитъ древнѣйшему изъ инстинктовъ, что даже для дикарей и низшихъ животныхъ бу-

детъ оскорбительно, если мы попытаемся приписать ее на-
слѣдственности.

Однако, останавливаясь на подобныхъ явленіяхъ, мы вер-
нулись бы къ пессимистическому взгляду на дѣтство. Нельзя
отрицать, что дѣти подвергаются величайшему несчастію,
если они отданы въ руки жестокаго наставника. Но можно
надѣяться, что подобнаго рода лица составляютъ исключеніе,
котораго мы не въ состояніи объяснить, если не предпо-
ложить, что отъ времени до времени природа для забавы про-
изводитъ чудовище, какъ бы желая показать, что она могла
бы сдѣлать, если бы не предпочитала болѣе мудро и благо-
склонно дѣйствовать въ границахъ установленнаго ею типа.

VII.

Основные элементы нравственности.

Первоначальный эгоизмъ.

Относительно нравственныхъ свойствъ ребенка создано, быть можетъ, больше скороспѣлыхъ теорій, чѣмъ относительно любой другой стороны его природы. Уже тотъ фактъ, что по этому поводу были высказаны самыя противоположныя взгляды, указываетъ на эту скороспѣлость. Нѣкоторые теологи и другіе ученые изображали дѣтскую нравственность самыя темныя красками. По словамъ Компэре, самыя худшія вещи о дѣтяхъ были высказаны холостякомъ Ла-Брюйеромъ и епископомъ Дюпанлу; родители или учителя, которые желаютъ посмотрѣть, какъ дурно это худшее, могутъ обратиться къ книгѣ Компэре ¹⁾. Съ другой стороны, Руссо и его послѣдователи надѣляли ребенка незапятнанной чистотой. По словамъ Руссо, дитя выходитъ изъ рукъ Творца какъ совершеннѣйшее произведеніе искусства, которое заблуждающійся человѣкъ тотчасъ же начинаетъ портить. Отсутствіе человѣческихъ пороковъ у ребенка служило обычной темой для поэтовъ; Абу уподоблялъ невинность дѣтей чистому снѣгу Юнгфрау. Другіе, напримѣръ, Уордсвортъ, шли еще дальше и приписывали дитяти положительныя достоинства, отблески болѣе высокой нравственности чѣмъ наша, божественныя воззрѣнія, принесенныя изъ жизни до рожденія.

¹⁾ Уместное и нравственное развитіе ребенка, стр. 226.

Такіе противоположныя взгляды на нравственное состояніе и нравственную цѣнность ребенка должны быть плодомъ предубѣжденія; они объясняются тѣмъ, что случайнымъ даннымъ личнаго опыта приписывается слишкомъ большое значеніе. Отъ богослова, поддерживающаго ученіе о прирочденной испорченности, или отъ холостяка, который знаетъ дѣтей, главнымъ образомъ, какъ маленькихъ мучителей, можно ожидать, что они станутъ рисовать дѣтство темными красками. Съ другой стороны, поэтъ, привлекаемый прелестью дѣтства, легко можетъ, какъ мы видѣли, начать идеализировать его нравственныя стороны.

Во всѣхъ подобныхъ попыткахъ установить нравственную цѣнность ребенка насъ прежде всего поражаетъ неправильность точки зрѣнія. Дитя по своей природѣ способно сдѣлаться нравственнымъ или безнравственнымъ, но оно пока еще не есть нравственное существо, и въ попыткахъ насильно подвести его подъ разряды хорошаго и дурного, чистаго и испорченнаго, заключается извѣстная несообразность.

Поэтому, если мы желаемъ знать, что такое „нравственная“ природа ребенка, то мы должны тщательно различать понятія. Подъ „нравственной“ мы должны понимать ту часть его природы, его чувствованій и стремленій, которая имѣетъ въ нашихъ глазахъ нравственное значеніе, т.-е. служить сырымъ матеріаломъ, изъ котораго воспитаніе разовьетъ добродѣтельныя склонности или который является враждебной силой, препятствующей этому развитію. Можно было бы назвать первыя склонности, благопріятныя для добродѣтели, про-моральными, вторыя, неблагопріятныя для добродѣтели, — контра-моральными. Такимъ образомъ, наше изслѣдованіе должно заключаться въ слѣдующемъ вопросѣ: въ какомъ отношеніи и въ какихъ размѣрахъ дитя отъ природы, независимо отъ всего того, что понимается подъ воспитаніемъ, оказывается склоннымъ къ нравственности или къ безнравственности, т.-е. насколько хорошо или дурно оно приспособлено къ тому, чтобы сдѣлаться членомъ благоустроеннаго общества и выполнять такъ называемыя нравственныя функціи?

Мы попытаемся здѣсь, если возможно, изслѣдовать природныя задатки, изучить ребенка въ его первоначальной наготѣ; мы будемъ искать въ немъ тѣхъ инстинктивныхъ наклонностей, которыя, по словамъ современной науки, лишь, немногимъ менѣе ясно проявляются въ дѣтенышѣ нашего рода, чѣмъ въ щенкѣ или цыпленкѣ.

Но здѣсь мы, очевидно, наталкиваемся на затрудненіе. Какъ можемъ мы ожидать, — спросять, пожалуй, нѣкоторые читатели, — что мы найдемъ въ ребенкѣ какія-нибудь черты, которыя имѣютъ нравственное значеніе и которыя не были бы развиты социальными вліяніями и воспитаніемъ? Особенно въ области нравственныхъ наклонностей, каковы доброта или правдивость, мы не можемъ ожидать, что намъ удастся выдѣлить результаты личнаго вліянія и наставленій матери, которыя составляютъ сущность всего воспитанія. И даже разсматривая безнравственныя черты, напримѣръ, грубость или лживость, мы не можемъ не видѣть, что примѣръ часто является однимъ изъ многихъ совмѣстно вліяющихъ факторовъ.

Это затрудненіе, безъ сомнѣнія, существенно, и мы не можемъ вполне избѣжать его. Мы не въ состояніи совершенно устранить вліяніе обыденной жизни, въ которой, можно сказать, одинаково лежатъ корни хорошихъ и дурныхъ наклонностей. Но мы умѣемъ различать. Такъ, мы можемъ искать самыхъ раннихъ самопроизвольныхъ и, какъ ихъ можно назвать, самобытныхъ проявленій такихъ наклонностей, какъ любовь и правдивость, чтобы этимъ путемъ исключить *непосредственное* дѣйствіе обученія и примѣра и свести вліяніе общественной среды на ребенка до возможно меньшихъ размѣровъ. Сходнымъ же образомъ, разсматривая грубость и другія отрицательныя наклонности, мы можемъ, при извѣстномъ стараніи, выдѣлить вліяніе дурныхъ примѣровъ.

Посмотримъ, насколько справедливы обвиненія, взводимыя на ребенка. Обнаруживаютъ ли дѣти сами по себѣ зачатки порочныхъ наклонностей? и если да, то въ какихъ размѣрахъ? Здѣсь, какъ я указывалъ, мы должны быть особенно осто-

рожны, чтобы не вложить невѣрнаго смысла въ то, что мы видимъ. Нельзя, напримѣръ, сказать, что дѣти—рожденные воры, хотя вначалѣ они проявляютъ полнѣйшее равнодушіе къ различію между „моимъ“ и „твоимъ“, склонны присвоивать себѣ игрушки другихъ дѣтей и т. д. Повторяю, намъ надлежитъ только изслѣдовать, являются ли дѣти по своимъ инстинктивнымъ наклонностямъ безнравственными, т.-е. предрасположены ли они къ тому, что мы, при наличности размышленія, называемъ безнравственностью или порокомъ.

Здѣсь намъ удобнѣе всего коснуться той группы чувствованій и наклонностей, которыя наиболѣе правильно можно было бы назвать противообщественными, такъ какъ они направлены ко вреду другихъ: сюда относятся гнѣвъ, зависть и жестокость.

Самое слабое знакомство съ первыми годами человѣческой жизни показываетъ намъ, что у маленькихъ дѣтей есть много общаго съ низшими животными. Ихъ характерныя желанія и стремленія сосредоточены на ихъ собственномъ „я“ и на удовлетвореніи его потребностей. Какая черта, напримѣръ, болѣе рѣзко выражена въ ребенкѣ, чѣмъ его безграничная жадность, его страстное желаніе овладѣть и пользоваться всѣмъ, что находится передъ нимъ, и нежеланіе, чтобы другіе пользовались тѣмъ же самымъ? Въ теченіе нѣкотораго времени послѣ рожденія дитя представляетъ собою почти одно воплощенное желаніе ѣсть, которое не знаетъ никакихъ задержекъ и уступаетъ только ослабляющей его силѣ насыщенія.

Вступленіе ребенка въ общественную жизнь, совершающееся благодаря тому, что онъ начинаетъ все болѣе сознавать существованіе другихъ, характеризуется ожесточеннымъ сопротивленіемъ чужимъ желаніямъ. Жадность ребенка, которая вначалѣ была только выраженіемъ могущественнаго позыва къ ѣдѣ, получаетъ теперь болѣе безнравственный характеръ. Отнятіе соски раньше, чѣмъ дитя вполне удовлетворено, даетъ, какъ извѣстно, поводъ ребенку чрезвычайно ясно выразить свое „желаніе жить“ и свое недовольство тѣми

препятствіями, которыми люди стѣсняють его прирожденныя склонности. Въ такомъ взрывѣ мы видимъ первый грубый зачатокъ той вражды къ надзору и власти, о которой мнѣ вскорѣ придется говорить болѣе подробно.

Развитіе дѣтскаго сознанія, совершающееся путемъ признанія другихъ, расширяетъ область жадности и еще инымъ образомъ: гадкая зависть обыкновенно возникаетъ тогда, когда дитя видитъ, какъ другой ребенокъ поѣдаетъ вкусныя лакомства.

Здѣсь мы, очевидно, все еще находимся на уровнѣ животныхъ. Собака такъ же страстно жадна, какъ и ребенокъ; она свирѣпо негодуетъ противъ всего, что препятствуетъ удовлетворенію ея аппетита, и завидуетъ другому животному, которое находится въ болѣе счастливомъ положеніи.

Почти такое же себялюбіе и недовольство, если у другихъ есть что-нибудь, что ребенокъ самъ желаетъ имѣть, обнаруживается и по поводу игрушекъ или иныхъ интересныхъ предметовъ обладанія. Дитя обыкновенно не только свободно распоряжается игрушками другого ребенка, но и обнаруживаетъ сильнѣйшее недовольство, если кто-нибудь другой поступаетъ точно такъ же; въ немъ часто сказывается духъ „собаки на сѣнѣ“, когда оно отказывается одолжить то, что ему самому не нужно. Болѣе того, оно обыкновенно даже недовольно, если у другого ребенка есть собственные игрушки. Такая зависть, вызываемая имуществомъ другихъ дѣтей, часто бываетъ велика и глубока.

Когда социальныя интересы начинаютъ играть настолько значительную роль, что ласки и другіе признаки любви становятся источниками удовольствія, тогда еще болѣе расширяется область зависти и ея продукта — ревности. Какъ извѣстно, дитя бываетъ очень недовольно, если его мать беретъ на руку другого ребенка.

И здѣсь мы снова находимся на уровнѣ низшихъ животныхъ. Они такъ же способны, какъ показываютъ намъ наши собаки и кошки, испытывать зависть не только по поводу пищи, но и по поводу человѣческой ласки или даже какого

нибудь предмета обладанія; послѣднее доказывается поведеніемъ друхъ собакъ при видѣ брошенной въ воду палки.

Намъ нѣтъ надобности приводить много примѣровъ, чтобы показать проявленія этихъ чертъ ранняго дѣтства. Они хорошо знакомы каждому изъ насъ. Паре и другіе собрали достаточное количество такихъ примѣровъ ¹⁾.

Побуждаемое своей безудержною жадностью и своими желаніями, дитя грубо сталкивается съ потребностями, желаніями и намѣреніями другихъ, и изъ этого у него возникаетъ всеѣмъ извѣстная страстность, припадки гнѣва, сварливость. Эти взрывы гнѣва или раздраженія являются одною изъ самыхъ любопытныхъ чертъ дѣтства и заслуживаютъ гораздо болѣе тщательнаго изученія, чѣмъ то, которое до сихъ поръ выпадало имъ на долю.

Взрывъ бѣшенства, вызванный тѣмъ, что деспотическая воля ребенка неожиданно встрѣчаетъ сопротивленіе, имѣетъ въ себѣ, несмотря на свою комичность, нѣчто внушительное. Удары направо и налево, бросанье вещей на полъ и разрушеніе ихъ, ревъ, дикія, взволнованныя движенія рукъ и всего туловища — вотъ въ чемъ выражаются припадки бѣшенства у ребенка. Прейеръ наблюдалъ одну изъ вспышекъ этого рода у своего мальчика на семнадцатомъ мѣсяцѣ. Суть такого припадка обыкновенно заключается въ нападеніи на обидчика, хотя бы этимъ обидчикомъ была сама любимая мама. Когда мальчику Дарвина было два года и три мѣсяца, онъ умѣлъ очень искусно бросать книги, палки и т. д. во всякаго, кто обижалъ его ²⁾. Однако объектомъ нападенія можетъ служить почти всякая вещь. Одинъ четырехлѣтній ребенокъ, встрѣчая противодѣйствіе, начиналъ

---

¹⁾ См. *Паре*, Первые три года жизни ребенка; *его же*, *L'Education dès le Verseau*.

²⁾ Дарвинъ замѣчаетъ, что все его мальчики поступали подобнымъ образомъ, чего онъ не можетъ сказать о дѣвочкахъ. (*Mind*, II, ст. 288). Это подтверждается и моими собственными наблюденіями. Маленькій мальчикъ болѣе склоненъ къ дикому нападенію, чѣмъ маленькая дѣвочка.

бить свой стулъ, а затѣмъ вымѣщаль свое неудовольствіе на безобидномъ игрушечномъ львѣ тѣмъ, что билъ его, прыгаль по немъ и даже угрожалъ, что оставитъ его безъ обѣда. Битье иногда дополняется кусаньемъ. Мальчикъ К. одно время жестоко кусался въ припадкахъ гнѣва. Другой маленькій мальчикъ въ этихъ случаяхъ обыкновенно кусаль коверъ.

Здѣсь мы видимъ выразительныя движенія, которыя отличаются явной грубостью и дѣлають разсерженнаго ребенка похожимъ на разъяренное животное. Всѣ его внѣшнія дѣйствія сводятся къ неистовому безудержному нападенію. Говорять, что и безумные обнаруживаютъ подобную же дикость въ нападеніи во время припадковъ гнѣва: они разбиваютъ окна и т. д. и бьютъ всякаго, кто случайно оказывается вблизи ихъ.

Однако не этимъ однимъ проявляется дѣтскій гнѣвъ; онъ имѣетъ и свою печальную сторону. Противодѣйствіе желаніямъ и намѣреніямъ ребенка доставляетъ ему сильное страданіе. Одинъ маленькій мальчикъ, которому было нѣсколько больше года, обыкновенно бросался на полъ, если встрѣчалъ противорѣчіе, и билъ себя по темени; его братъ, на четырнадцатомъ мѣсяцѣ, подобнымъ же образомъ бросался на полъ, билъ себя по темени и кусаль коверъ, какъ мы упоминали нѣсколько выше. Такой пріемъ (бросаться на полъ), очень обычный въ этомъ возрастѣ и являющійся, повидимому, совершенно инстинктивнымъ, служить выраженіемъ крайняго упадка духа въ несчастіи. Поведеніе мальчика К., когда онъ, встрѣчая сопротивленіе, свертывался въ клубокъ на полу, достаточно краснорѣчиво говоритъ объ этомъ дѣтскомъ отчаяніи. Такія страданія являются непосредственнымъ результатомъ неудавшагося намѣренія, и ихъ слѣдуетъ различать отъ нравственнаго чувства стыда, которымъ они часто сопровождаются.

Такіе бурные припадки, безъ сомнѣнія, бываютъ очень различны у отдѣльныхъ дѣтей. Такъ, сестра мальчика К. въ минуты гнѣва не кусалась и не каталась по полу, а танцо-

вала и топала ногами. Нѣкоторыя дѣти обнаруживаютъ мало такой дикой ярости или даже вовсе не обнаруживаютъ ея. У тѣхъ же дѣтей, у которыхъ она проявляется, она часто бываетъ лишь временнымъ явленіемъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ гнѣвъ вызывается препятствіемъ, и онъ обнаруживался бы въ нѣкоторой степени даже безъ всякаго вмѣшательства старшихъ. Такъ, ребенокъ можетъ разсердиться, стать злымъ и до отчаянія несчастнымъ, если другой ребенокъ обладаетъ чѣмъ нибудь, что онъ самъ хотѣлъ бы имѣть. Однако, какъ мы дальше увидимъ, не подлежитъ сомнѣнію, что эти маленькія бури чаще всего вызываются приказаніями старшихъ и служатъ проявленіями того, что мы называемъ непослушаніемъ.

Этого небольшого изслѣдованія можетъ быть достаточно для того, чтобы показать, что желанія и ихъ удовлетвореніе составляютъ для ребенка центръ его существованія, ось, вокругъ которой вращаются всѣ его дѣйствія. Я не забываю при этомъ существенныхъ и поразительныхъ различій: особенно грубой формы гнѣва у мальчиковъ по сравненію съ дѣвочками, частичнаго исчезновенія нѣкоторыхъ изъ этихъ наклонностей, на примѣръ ревности, у болѣе мягкихъ и нѣжныхъ дѣтей. Но не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что эти наклонности являются самыми обычными, наиболѣе ясно выраженными чертами ранняго дѣтства.

Эволюціонная теорія, безъ сомнѣнія, поможетъ намъ понять многое изъ сказаннаго. Если ходъ развитія у индивидуума является краткимъ повтореніемъ развитія расы, то мы должны ожидать, что въ ребенкѣ обнаружится по крайней мѣрѣ зачатокъ той страстности и сварливости, которая характеризуетъ животное и дикаря, прежде чѣмъ проявятся нравственныя свойства, присущія цивилизованному человѣку. Если ребенокъ часто обнаруживаетъ такое близкое сходство съ дикаремъ и животнымъ, то это показываетъ, какъ мало—въ смыслѣ ослабленія древнихъ и тщательно передававшихся инстинктовъ—достигнуто цѣлыми вѣками культурной жизни, подавляющей въ человѣкѣ дикія наклонности. Поэтому можно

сказать, что дитя при рожденіи и спустя еще долгое время является представителемъ дикой, неукротенной природы, которую воспитанію надлежитъ покорить и преобразовать въ нѣчто высшее и лучшее.

Но дитя въ то же время представляетъ и нѣчто большее. При первомъ столкновеніи его воли съ волей другого оно испытываетъ не одну только чувственную ярость животнаго. Оно страдаетъ сознательно, оно начинаетъ понимать противоположность между собой и внѣшнимъ міромъ. Весьма вѣроятно, какъ я выше указалъ, что даже благодаря физическому препятствію, вызывающему боль,—напримѣръ, когда ребенокъ ударяется головой объ стѣну,—можетъ развиваться это сознаніе противоположности, между „я“ и „не-я“. Это сознаніе достигаетъ высшей ступени, когда противоположная сила ясно воспринимается въ качествѣ воли другого. Самочувствіе, зачатокъ чувства „собственной цѣнности“ является элементомъ этой дѣтской страстности и отличаетъ ее отъ простаго животнаго бѣшенства. Полный упадокъ духа послѣ дѣтскаго гнѣва выражаетъ, мнѣ кажется, острое сознаніе грубаго отказа, обиды.

Поэтому, хотя такія проявленія дикаго инстинкта, безъ сомнѣнія, безобразны и по своему направленію безнравственны, изъ-за нихъ все-таки не слѣдуетъ сейчасъ же объявлять дѣтей совершенно дурными и порочными. Называть ихъ порочными въ полномъ смыслѣ слова—значитъ забывать, что такія вспышки—лишь быстрыя инстинктивные реакціи, въ которыхъ совершенно не участвуетъ размышленіе или разсужденіе. Между разсерженнымъ ребенкомъ, срывающимъ свою злость посредствомъ какого нибудь дико-жестokaго поступка, и человѣкомъ, который сознательно, съ согласія своей воли, мститъ и ненавидитъ, есть огромная разница. Совершенно мимолетный характеръ вспышки, быстрое угасаніе страсти, переходъ къ другому настроенію показываютъ, что у ребенка нѣтъ настоящаго злого умысла. Такіе инстинкты, если они не укрощены, безъ сомнѣнія, позднѣе разовьются въ дѣйствительно порочныя наклонности; но, во

всякомъ случаѣ, важно признать, что они еще не доказываютъ полной нравственной испорченности.

Съ другой стороны, мы видѣли, что мы относимся къ этимъ раннимъ проявленіямъ страстнаго гнѣва не вполне справедливо, когда ставимъ ихъ рядомъ съ проявленіями гнѣва у животныхъ. Хотя въ теченіе первыхъ лѣтъ дитя еще не является полнымъ человѣкомъ, такъ какъ оно не различаетъ ясно своихъ дурныхъ поступковъ,—оно все же уже человѣкъ въ томъ смыслѣ, что страдаетъ отъ сознанія несправедливости, совершенной по отношенію къ нему. Этотъ разсудочный элементъ еще не является нравственнымъ; чувство обиды можетъ постепенно перейти въ постоянную ненависть. Но въ немъ заключена и возможность чего-то высшаго. Однако объ этомъ мы будемъ говорить подробнѣе, когда рассмотримъ отношеніе ребенка къ наставникамъ.

Говорять, будто то же преобладаніе своего „я“, то же сходство съ необщественнымъ животнымъ, которое обнаруживается въ этихъ зачаткахъ злости, проявляется и въ безчувственности дѣтей. Самое обычное обвиненіе, выставляемое противъ дѣтей тѣми, кто не находится съ ними въ задушевныхъ отношеніяхъ, и, къ сожалѣнію, поддерживаемое иногда также и людьми, которые близки съ дѣтьми, заключается въ томъ, что дѣти безсердечны и жестоки.

Что дѣти часто кажутся взрослому безчувственными, какъ камень,—этого, я думаю, нельзя отрицать. Заботы, которыми терзается и мучается мать, нисколько не трогаютъ ея маленькаго питомца. Онъ либо продолжаетъ такъ же весело играть, либо обнаруживаетъ мимолетное любопытство относительно какого нибудь обстоятельства, связаннаго съ причиною горя матери, и такое любопытство бываетъ еще хуже, нежели поглощенность игрой, такъ какъ въ немъ сказывается недостатокъ дѣйствительнаго чувства, больно задѣвающій материнское сердце. У ребенка можетъ быть боленъ братъ или сестра, и если это оказываетъ на него какое нибудь дѣйствіе, то развѣ только какъ лишеніе товарища по игрѣ; однако и это лишеніе можетъ быть болѣе чѣмъ возмѣщено

извѣстными преимуществами одиночества. Если мать больна, то это событіе представляетъ для ребенка интересъ постольку, поскольку съ нимъ связаны нѣкоторые новыя удовольствія. Одинъ четырехлѣтній мальчикъ, пробывъ полчаса въ комнатѣ своей больной матери, спокойно говорилъ нянѣ: „Мнѣ было очень весело, мама больна“. Самый порядокъ этихъ двухъ фразъ прекрасно характеризуетъ отношеніе ребенка къ страданіямъ другихъ. Если у его вѣрной няни обязано лицо, то интересъ къ ея страданіямъ не идетъ дальше замѣчанія о томъ, какой у нея „смѣшной“ видъ.

Этотъ недостатокъ сочувствія еще яснѣе сказывается въ отношеніи къ болѣе серьезнымъ человѣческимъ страданіямъ. Ничто въ дѣтяхъ не поражаетъ такъ взрослога наблюдателя, какъ ихъ равнодушіе и безучастность въ присутствіи смерти. Когда весь домъ объятъ печалью по поводу потери любимаго существа, ребенокъ обыкновенно сохраняетъ свою ясность и бываетъ пораженъ развѣ только чувствомъ страха передъ какой-то великой тайной. Даже видъ мертваго тѣла не всегда вызываетъ печаль. Въ интересныхъ воспоминаніяхъ дѣтства госпожи Бернетъ мы находимъ превосходное описаніе чувствъ нѣжнаго и чуткаго ребенка, впервые столкнувшагося со смертью. Въ одномъ случаѣ ею овладѣло сильное, смѣшанное со страхомъ желаніе прикоснуться къ мертвому тѣлу, чтобы узнать, что означаетъ „холодный какъ смерть“; въ другомъ случаѣ, когда умерла прелестная трехлѣтняя дѣвочка съ ясными карими глазами и красивыми темнорусыми локонами, на нее произвела сильное впечатлѣніе красота всей обстановки, такъ какъ спальня ребенка была вся убрана въ бѣлое и украшена бѣлыми цвѣтами ¹⁾. Даже въ томъ случаѣ, гдѣ возникло такое сильное чувство, сожалѣнія объ умершей подругѣ, по видимому, почти совсѣмъ не было ²⁾.

Никто, я полагаю, не станетъ сомнѣваться, что дѣти, если судить ихъ съ нашей точки зрѣнія, часто оказываются

---

1) The One I Knew Best, гл. X.

2) Ср. Paola Lombroso, указ. соч., стр. 84 и сл.

глубоко и оскорбительно безчувственными. Но и здѣсь также возникаетъ вопросъ, правы ли мы, если прилагаемъ къ нимъ мѣрку взрослыхъ. Большая разница есть между равнодушіемъ человѣка, который вполне знаетъ, что такое страданіе, и равнодушіемъ, съ которымъ, напримѣръ, кошка смотритъ, какъ вы упали или обожгли себѣ палець. Мы обыкновенно полагаемъ, что дѣти инстинктивно знаютъ наши страданія или, по крайней мѣрѣ, всегда могутъ вникнуть въ нихъ, разъ они ясно выражены. Но это предположеніе совершенно не выдерживаетъ критики. Значительная часть проявленій человѣческихъ страданій непонятна маленькому ребенку. Его не смущаютъ ни наши заботы, ни наши печали, именно потому, что онѣ въ значительной степени лежатъ за предѣлами его сочувственнаго пониманія.

Мы должны также помнить, что бываютъ состоянія духа, благопріятствующія или неблагопріятствующія сочувствію. Никто изъ насъ не бываетъ постоянно и равномерно сострадателенъ, а дѣти часто находятся въ такомъ состоянія, которое совершенно исключаетъ это чувство. Ихъ изобильная нервная энергія побуждаетъ ихъ къ дикой, шумной дѣятельности, они страстно поглощены своей игрой, имъ хочется все узнать о множествѣ новыхъ вещей, которыя имъ приходится видѣть и слышать. Эти преобладающія наклонности приводятъ ихъ въ такое душевное состояніе, при которомъ видъ чужихъ страданій не производитъ никакого впечатлѣнія.

Далѣе, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ребенкѣ вызывается серьезное отношеніе къ данному явленію, онъ обыкновенно отыскиваетъ въ немъ какую нибудь другую сторону, кромѣ печальной. Маленькая дѣвочка, о которой мы упоминали выше, замѣтила скорѣе красоту, чѣмъ печальный характеръ комнаты, гдѣ находился умершій ребенокъ. Одна учительница разъ сообщила своему классу о смерти одной изъ ученицъ. При этомъ, разумѣется, воцарилось необыкновенное молчаніе, которое вдругъ было нарушено громкимъ смѣхомъ одной маленькой дѣвочки. Ребенокъ этотъ, какъ говорятъ, вовсе не

былъ безчувственнымъ, и смѣхъ его не былъ „нервнымъ“ смѣхомъ. Необычайное явленіе—внезапное молчаніе во всемъ классѣ — подѣйствовало на чувства ребенка сильнѣе, чѣмъ печальная вѣсть.

Прибавимъ здѣсь мимоходомъ еще одно замѣчаніе. Совершенно невѣрно, будто на дѣтей никогда не дѣйствуетъ печальныя и тяжелыя явленія жизни. Мы знаемъ изъ нѣкоторыхъ недавно опубликованныхъ воспоминаній, что первое знакомство со смертью иногда повергало все существо ребенка въ безграничное, неизъяснимое горе ¹⁾.

Ребенокъ,—говорить ненавистникъ дѣтей,—не только оказывается безчувственнымъ тогда, когда мы ожидаемъ отъ него сочувствія и доброты,—онъ положительно не добръ, и отсутствіе доброты въ немъ доходитъ до жестокости. Мы называемъ въ ребенкѣ животнымъ именно эту жестокость. Подъ жестокостью здѣсь понимается хладнокровное причиненіе боли. „Этотъ возрастъ“, писалъ Лафонтэнъ о дѣтствѣ, „не знаетъ милосердія“. Представленіе, будто дѣти, особенно мальчики, отличаются жестокостью въ этомъ смыслѣ, мнѣ кажется очень распространено.

Эта жестокость иногда проявляется и въ отношеніяхъ къ другимъ дѣтямъ. Одно изъ самыхъ тяжелыхъ положеній какія встрѣчаются въ дѣтствѣ, это—оказаться вытѣсненнымъ, благодаря прибытію новаго ребенка. Есть, кажется, основаніе думать, что дѣти при такихъ условіяхъ способны питать чувство ужасающе близкое къ ненависти. Я слышалъ, что одна маленькая дѣвочка почувствовала такую сильную антипатію къ младенцу, который ей казался въ высшей степени безобразнымъ, что сдѣлала даже попытку разбить ему голову, какъ она попыталась бы разбить куклу, которая перестала ей нравиться. Къ счастью, эта ранняя вспышка на-

¹⁾ См., напримѣръ, рассказы о томъ впечатлѣніи, которое произвела смерть одного изъ родителей, у *Steele*, въ журналѣ *Tatler*, и у Жоржъ Зандъ, въ ея автобіографіи. Какъ показываютъ воспоминанія Толстого, къ такой дѣтской печали можетъ примѣшиваться немало погони за сильными ощущеніями и ненужной рисовкой.

клонности къ дѣтоубійству не причинила младенцу дѣйствительнаго вреда,—быть можетъ потому, что ударъ былъ главнымъ образомъ „для виду“,—и маленькая дѣвочка съ тѣхъ поръ превратилась въ добрую женщину.

Такое жестокое по внѣшности обращеніе съ меньшими дѣтьми встрѣчается, вѣроятно, рѣдко. Жестокость ребенка чаще проявляется въ его обращеніи съ животными. Это мы, собственно говоря, преимущественно и имѣемъ въ виду, когда говоримъ о жестокости ребенка.

Злой умыселъ ребенка въ его обращеніи съ животными на первый взглядъ кажется совершенно очевиднымъ. Когда маленькой дѣвочкѣ М. минуло ровно годъ, она разъ схватила двухъ котятъ за шею и пыталась топтать ихъ ногой. Маленькая дѣвочка, которую описываетъ миссъ Шиннъ, подбѣжала, когда ей было два года, къ собакѣ и тянула ее за ухо до тѣхъ поръ, пока послѣдняя не оскалилась на нее; въ другомъ случаѣ она отважно просовывала свою руку въ кустъ, чтобы схватить кошку, не обращая вниманія на царянины ¹⁾. Не служить ли это битью животныхъ, не прекращающееся даже тогда, когда оно доставляетъ боль самому ребенку, доказательствомъ укоренившейся склонности къ мучительству и жестокаго удовольствія, получаемаго отъ этого мучительства?

Вопросъ о дѣйствительной природѣ человѣческой жестокости слишкомъ труденъ для того, чтобы мы могли разбить его здѣсь. Скажу только, что чѣмъ бы ни была жестокость взрослыхъ,—такъ называемая жестокость дѣтей по отношенію къ животнымъ очень далека отъ дѣйствительнаго наслажденія видомъ страданій. Мученія, которымъ дитя подвергаетъ долготерпѣливаго кота, обусловлены, я думаю, не яснымъ намѣреніемъ причинить боль, а стремленіемъ ребенка владѣть любимымъ животнымъ и вполнѣ господствовать надъ нимъ. Ребенокъ хочетъ овладѣть своимъ любимцемъ, чего бы ему это ни стоило; о томъ, чего это стоитъ его жертвѣ, онъ не думаетъ. Возможно, что топтаніе котятъ было

---

¹⁾ Notes on the Development of a Child, ч. II, стр. 149 и сл.

только дѣтскимъ способомъ удержать ихъ покрѣпче. Въ такихъ дѣйствіяхъ проявляется то странное смѣшеніе общительности и любви къ власти, въ которомъ заключается сущность привязанности ребенка къ низшимъ животнымъ.

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ разрушительная жестокость проявляющаяся, на примѣръ, у мальчика, который давить муху. Приведу примѣръ этого рода, замѣченный хорошимъ наблюдателемъ. Одинъ маленькій мальчикъ двухъ лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ, „почти убившій муху на оконномъ стеклѣ, былъ, повидимому, очень удивленъ и встревоженъ этимъ; онъ смотрѣлъ кругомъ, ища объясненія, и наконецъ далъ его самъ: „Госпожа муха легла бай-бай“. Однако онъ не хотѣлъ еще разъ прикоснуться къ ней или къ другой мухѣ; въ немъ, очевидно, оставалось сомнѣніе, которое продолжало его безпокоить“. Здѣсь, мнѣ кажется, мы видимъ инстинктивное отношеніе ребенка къ результату его разрушительной наклонности. Эта наклонность, которая, какъ извѣстно, получаетъ болѣе ясный разрушительный характеръ тогда, когда ребенокъ уже знакомъ изъ опыта съ ея послѣдствіями, не связана непременно съ жестокостью въ томъ смыслѣ, что въ нее входитъ представленіе о страданіяхъ животного. Движенія животныхъ, въ особенности маленькихъ, имѣютъ въ себѣ что-то возбуждающее и вызывающее. Жажда дѣятельности самого ребенка и связанная съ ней любовь къ власти побуждаютъ его останавливать движенія маленькихъ, смирныхъ животныхъ. Этимъ, я думаю, объясняется очарованіе, которое производитъ муха на оконномъ стеклѣ и маленькія ползущія существа, въ особенности, пожалуй, извивающійся червякъ съ его запутанными движеніями. Если кошка растягиваетъ свою охоту за мышью — охоту, въ которой, какъ мы видѣли, есть что-то актерское, — то объясняется это, вѣроятно, подобнымъ же удовольствіемъ, которое она получаетъ отъ проявленія своей власти.

Рядомъ съ этой любовью къ власти въ ребенкѣ часто живетъ пылкое, неукротимое любопытство. Одинъ четырехлѣтній мальчикъ замѣтилъ, что его мать испугалась выражен-

наго имъ желанія посмотрѣть голубя, котораго только что убила собака; онъ спросилъ: „Развѣ это дурно посмотрѣть на мертваго голубя? Я хотѣлъ бы видѣть, гдѣ его кровь“. Я склоненъ думать, что убиваніе мухъ и мотыльковъ, разрыванье червяковъ на части и т. д. вызывается любопытствомъ. Ребенокъ хочетъ знать, гдѣ находится кровь, какой видъ имѣютъ кости, какъ прикрѣплены крылья и т. д. Пѣре рассказываетъ, что одинъ маленькій мальчикъ, впоследствии сдѣлавшійся художникомъ, давилъ мухъ между листами книги ради причудливыхъ рисунковъ, которые отъ этого получались ¹⁾. Благодаря такимъ разнообразнымъ видамъ сосредоточенной дѣятельности, дѣтскій умъ не замѣчаетъ причиняемыхъ имъ страданій.

Сходнымъ смѣшеніемъ любви къ власти и любопытства объясняются, повидимому, и другіе виды разрушительной дѣятельности дѣтей, напримѣръ, разламываніе игрушекъ и разрываніе цвѣтовъ на части. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ у мальчика К., уничтожившаго садъ съ міонами, любовь къ власти или къ эффекту, можетъ превысить и заглушить любопытство и сдѣлается чѣмъ-то въ родѣ разрушительной ярости ²⁾.

Я полагаю, поэтому, что намъ слѣдуетъ истолковывать сомнѣнія въ пользу ребенка и не объяснять его грубаго обращенія съ чувствующими существами желаніемъ причинить боль или даже равнодушіемъ къ страданіямъ, которыя ему вполне извѣстны. Безудержная жажда дѣятельности, любознательность экспериментатора, удовольствіе отъ проявленія своей власти или отъ вызыванія эффекта—все эта, кажется, достаточно объясняетъ болѣшую часть общепризнанной жестокости маленькихъ дѣтей.

---

1) L'Art et la poésie chez l'enfant, стр. 60.

2) Рескинъ говоритъ, что въ дѣтствѣ онъ разрывалъ цвѣты на части „не изъ болѣзненнаго любопытства, а отъ восторга и удивленія“ (Prae-terita, 88). Гете забавно рассказываетъ, какъ онъ выбрасывалъ міоже-ство посуды изъ окна; при этомъ онъ съ наслажденіемъ наблюдалъ какъ смѣшно вещи разбиваются о мостовую.

Вѣроятно, все сказанное можно примѣнить и къ менѣе жестокимъ формамъ непріятностей, которыя дѣти обыкновенно причиняють другимъ людямъ, а также и животнымъ. Что въ дѣтяхъ рано развивается положительная любовь къ „мучительству“—это, я думаю, не подлежитъ сомнѣнію. Но это дѣтское мучительство,—производится ли оно словами или дѣйствіями, главнымъ образомъ является, повидимому, плодомъ любви къ власти, плодомъ стремленія подчинить другія существа своей волѣ. Мы должны помнить, что эти маленькіе человѣчки настолько сильно чувствуютъ себя во власти другихъ, что у нихъ вполне естественно возникаетъ стремленія воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы сбросить съ себя оковы и самимъ проявлять хотя какое нибудь могущество. Тамъ, гдѣ является настоящая жестокость, т.-е. склонность причинять боль, она развивается позднѣе, и хотя ея корни и лежатъ въ той любви къ власти, но ее все-таки надо различать отъ послѣдней.

Мы разсмотрѣли теперь одну изъ темныхъ сторонъ ребенка и нашли, что она хотя и несимпатична, но все же не такъ ужасна, какъ ее обыкновенно изображаютъ. Дѣти, безъ сомнѣнія, бываютъ страстны, дики въ своемъ гнѣвѣ и очень невнимательны къ другимъ; однако утѣшительно замѣтить, что ихъ дикость не вполне подобна дикости животного и что ихъ себлюбіе и жестокость очень далеки отъ сознательнаго, обдуманнаго эгоизма.

Зачатки альтруизма.

Намъ остается теперь показать, что есть и другая сторона, служащая противовѣсомъ только-что разсмотрѣнной. Если у ребенка бываютъ вспышки раздражительности, то у него бываютъ и порывы нѣжности. Если иногда онъ бываетъ глухъ къ чужимъ страданіямъ, то въ другое время онъ обнаруживаетъ трогательную заботливость о благополучіи другихъ. Чтобы быть справедливымъ къ нему, мы должны признавать обѣ стороны.

Не слѣдуетъ забывать, что дѣти по инстинкту привязчивы и общительны, т.-е. что они въ теченіе первыхъ недѣль привыкають къ присутствію людей, становятся зависимыми отъ него и въ одиночествѣ чувствуютъ себя несчастными. Это доказывается тѣмъ, что дитя перестаетъ кричать ночью, услышавъ знакомый голосъ матери или няни.

Въ этотъ инстинктъ общительности входитъ элементъ смутной, неопредѣленной симпатіи. Если о привязчивой собакѣ можно сказать, что она имѣетъ смутное чувство единства со своимъ господиномъ, то же самое можно сказать и о ребенкѣ. Это чувство единства сильнѣе проявляется какъ у собаки, такъ и у ребенка, послѣ разлуки. Дикіе, выражающіе ласку, прыжки четвероногаго вполне подобны нѣжнымъ обятіямъ маленькаго двуногаго. Но при этомъ мы видимъ въ ребенкѣ слѣды и болѣе глубокаго человѣческаго сознанія. Одна тринадцатимѣсячная дѣвочка была разлучена съ своей матерью въ теченіе шести недѣль. При возвращеніи матери она лишилась голоса и въ теченіе нѣкотораго времени не могла ни на мгновеніе оставить своего возвращеннаго друга. Маленькая дѣвочка М., когда ей было около семнадцати мѣсяцевъ, встрѣтила своего отца послѣ пятидневнаго отсутствія со всѣми признаками особенной нѣжности: она бросилась къ нему, ласкала и гладила его лицо и принесла къ нему въ комнату всѣ свои игрушки.

Это чувство связи между существованіемъ одного лица и существованіемъ другого еще не есть сочувствіе въ его высшей формѣ, т.-е. сознательное вниканіе въ чувства другого; но оно все же есть извѣстный родъ сочувствія, которое можетъ развиваться въ нѣчто болѣе возвышенное. Это мы можемъ видѣть изъ того, какъ дѣтское сердце успокаивается послѣ отчужденности вызванной непослушаніемъ. Развѣ рѣзвѣ, размягченіе, слѣдующее за вспышкой, и примиреніе послѣ наказанія не являются такими опытами, которые помогаютъ смутной животной симпатіи первыхъ мѣсяцевъ развиваться въ настоящее человѣческое чувство общенія? Однако эта сторона развитія сочувствія относится къ другой главѣ.

Говорятъ, что сочувствіе есть извѣстнаго рода подражаніе и это ясно видно по его начальнымъ формамъ. Собака жалостно воетъ въ отвѣтъ на вой другой собаки; совершенно такъ же одинъ ребенокъ девяти съ половиною мѣсяцевъ заливался слезами, какъ мнѣ передаютъ, когда его мать или отецъ притворялись, что плачутъ.

Любопытное проявленіе этого ранняго подражательнаго сочувствія мы видимъ въ наклонности дѣлать то же, что дѣлаетъ мать, и быть похожимъ на нее. Эта наклонность обнаруживается и во многихъ играхъ, основанныхъ на подражаніи. Это—нѣчто большее, чѣмъ холодное, поверхностное копированіе дѣйствій другого, въ этомъ подражаніи есть много теплой привязанности, и оно служитъ началомъ сближенія съ предметомъ привязанности. Изъ него вытекаетъ также зачатокъ высшей формы сочувствія. Напомнимъ, что Лаура Бриджмэнъ обвязывала глаза своей куклы точно такъ же, какъ были обвязаны ея собственные глаза. Раздѣляя такимъ образомъ ея участь, кукла въ большей степени становилась частью ея „я“. Наоборотъ, дитя, замѣчая, что у его матери болить голова, начинаетъ притворяться, что и само испытываетъ боль въ головѣ. Сочувствіе основано на общности испытаннаго, и замѣчателенъ тотъ фактъ, что дитя, еще прежде чѣмъ оно можетъ вполне сочувствовать горестямъ другого и симпатически раздѣлять ихъ, пытается такими дѣтскими поступками создать эту общность испытаннаго.

Отъ такого подражанія горестямъ другого и притворнаго участія въ нихъ остается только одинъ шагъ къ непосредственному сочувственному пониманію этихъ горестей. Въ какомъ возрастѣ начинаетъ обнаруживаться настоящее участіе къ страданіямъ другихъ,—этого почти невозможно сказать. Въ этомъ отношеніи дѣти, вѣроятно, очень разнятся другъ отъ друга. Я приведу однако одинъ въ высшей степени любопытный случай, который, замѣчу кстати, дошелъ до меня изъ вполне достовѣрнаго источника.

Одинъ ребенокъ одного года и двухъ мѣсяцевъ ползаль по полу. Его старшая сестра, шестилѣтняя Катерина, рабо-

тала надъ шерстянымъ одѣяломъ, и такъ какъ работа у нея не спорилась, то она начала плакать. Ребенокъ посмотрѣлъ на нее, пробормоталъ „на! на!“ и сталъ водить пальцами по своимъ собственнымъ щекамъ. Тогда тетка указала Катеринѣ на ребенка, но это вызвало только новый потокъ слезъ; между тѣмъ ребенокъ подползъ къ Катеринѣ, продолжая бормотать и продѣлывать свои подражательныя движенія пальцами. Катерина, растроганная этимъ, взяла ребенка къ себѣ и улыбнулась; тогда ребенокъ захопалъ ручками и сталъ радостно кричать, провозжая въ то же время пальчикомъ слезы, которыя текли по щекамъ его сестры.

Въ этой прелестной картинкѣ мы, кажется, ясно видимъ зачатокъ настоящаго сочувствія. Точно такъ же трудно не видѣть признаковъ искренняго участія въ томъ, что двухлѣтній ребенокъ самъ бѣжитъ поцѣловать у кого нибудь ушибленное мѣсто, хотя не подлежитъ сомнѣнью, что этотъ милый поступокъ вызванъ подражаніемъ.

Сладостны и священны для матери первые ясные признаки заботливости ребенка о ней. Такіе признаки проявляются рѣдко, въ отдѣльные моменты, и иногда какъ будто по капризу. Болѣзнь и временное сочувствіе—вотъ обычные поводы для появленія въ дѣтскомъ сердцѣ болѣе глубокой нѣжности. Одинъ маленький трехлѣтній мальчикъ самъ принесъ свою книгу со сказками своей матери, когда она, больная, лежала въ постели; послѣ ея выздоровленія этотъ ребенокъ слѣдовалъ за ней со всею преданностью маленькаго рыцаря.

Цѣнны и интересны также первыя попытки ребенка утѣшить кого нибудь. Одна маленькая нѣмецкая дѣвочка двухъ съ половиною лѣтъ, только что потерявшая брата, казалась въ теченіе нѣсколькихъ дней совершенно равнодушной. Затѣмъ она стала размышлять и спрашивать о товарищѣ своихъ игръ. Видя горе своей матери, она чисто по-дѣтски стала ее утѣшать: „Ничего, мама, ты получишь лучшаго мальчика. Онъ былъ негодяй“. Характерно здѣсь соединеніе

почти варварскаго равнодушія къ умершему брату съ теплымъ сочувствіемъ къ живой матери ¹⁾).

Болѣе глубокое и осмысленное сочувствіе является съ годами и съ развитіемъ мыслительныхъ способностей. Оно вызывается иногда мыслью о грозящемъ несчастіи—о смерти. „Ты уже стара, мама?“ спросилъ разъ одинъ пятилѣтній мальчикъ. „Почему ты спрашиваешь объ этомъ?“ возразила мать. „Потому что,—продолжалъ ребенокъ,—чѣмъ ты старѣе, тѣмъ скорѣе ты умрешь“. Этотъ же ребенокъ какъ-то раньше выразилъ надежду, что его мать не умретъ до него; это заставляетъ думать, что онъ представлялъ себѣ, какъ ему будетъ плохо житья безъ матери; однако можно надѣяться, что здѣсь играло нѣкоторую роль также и безкорыстное сочувствіе ²⁾).

Эта дѣтская заботливость часто проявляется въ практической формѣ помощи. Дитя больше всего любитъ помогать въ мелкихъ занятіяхъ по хозяйству; и хотя потребность въ дѣятельности и удовольствіе отъ подражанія играютъ во многихъ подобныхъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, значительную роль, однако ихъ можно, я думаю, отчасти приписать и желанію быть полезнымъ. Это предположеніе подтверждается тѣмъ фактомъ, что такая практическая помощь не всегда сводится къ подражанію. Одинъ маленькій мальчикъ двухъ лѣтъ и одного мѣсяца какъ-то услышалъ, что его няня сказала про себя: „Какъ-бы Анна не забыла наполнить котель въ дѣтской“. Ребенокъ прислушался и тотчасъ же убѣжалъ; найдя Анну въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ, онъ сталъ тянуть ее за передникъ и приговаривать: „Нанна, Нанна!“ („иди къ нянѣ“). Удивленная и не понимая, въ чемъ дѣло, Анна пошла за тащившимъ ее ребенкомъ, который, приведя ее въ дѣтскую, указалъ на котель и прибавилъ: „иди, иди“; тогда дѣвушка поняла его и исполнила приказаніе“.

---

¹⁾ Прелестный примѣръ такого дѣтскаго утѣшенія приведенъ у П. Ломброзо, указ. соч., стр. 94.

²⁾ Ср. П. Ломброзо, указ. соч., стр. 87.

Рядомъ съ этимъ практическимъ, „утилитарнымъ“ сочувствіемъ мы видимъ въ ребенкѣ трогательное желаніе доставлять удовольствіе и инымъ образомъ. Одна маленькая дѣвочка очень любила, когда ей было ровно годъ, предлагать всякому свои игрушки, цвѣты и другія милыя вещицы. Великодушіе—это такая же несомнѣнная склонность дѣтей, какъ и жадность, и странно наблюдать, какъ временами преобладаетъ то одна, то другая. Уже въ раннемъ возрастѣ дитя старается угодить другимъ прелестной, утонченной вѣжливостью. Одна маленькая дѣвочка трехъ съ четвертью лѣтъ обратилась къ своей матери съ просьбой въ слѣдующей формѣ: „Пожалуйста, мама, ты приколешь это съ большимъ удовольствіемъ?“ Заботливость о чувствахъ другого навѣрное никогда не была выражена болѣе трогательно, чѣмъ въ этой просьбѣ, чтобы оказывающій маленькую услугу былъ не только готовъ, но и радъ оказать ее.

Если такіе порывы любовной заботливости и желанія нравиться иногда проявляются относительно матери и другихъ людей, то и къ животнымъ часто обнаруживается такое же дружеское отношеніе. Обвиненіе въ жестокости, взводимое на маленькихъ дѣтей, окажется въ сущности грубой клеветой, если мы станемъ разсматривать въ цѣломъ ихъ отношеніе къ животному міру.

Выше я коснулся той смутной тревоги, которая вызывается въ маленькихъ дѣтяхъ этимъ животнымъ міромъ. И мы будемъ только справедливы къ дѣтямъ, если скажемъ, что эта тревога имѣетъ большею частью преходящій характеръ и смѣняется интересомъ, привязанностью и чувствомъ товарищества. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что дѣти принадлежать къ обществу животныхъ, какъ показываетъ прелестный рассказъ Киплинга о дремучемъ лѣсѣ. И дѣйствительно, развѣ ребенокъ вначалѣ не имѣетъ больше общаго съ собакой, или съ кошкою, или съ кроликомъ, чѣмъ съ обществомъ взрослыхъ людей, которые обыкновенно заняты непонятными для него вещами и имѣютъ, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, такой непривѣтливый видъ? Мы

должны также помнить, что дѣти обыкновенно ничего не знаютъ о тѣхъ предразсудкахъ и о томъ отвращеніи, благодаря которымъ взрослые такъ далеки отъ животныхъ. Мальчикъ К. не понималъ страха своей матери передъ гусеницей. Мнѣ передавали также, что одинъ ребенокъ по собственному побужденію назвалъ червяка „красивымъ“.

Какъ только ребенокъ преодолѣлъ свой первоначальный страхъ передъ всѣмъ чуждымъ, онъ начинаетъ заниматься животными. Одинъ маленькій мальчикъ пятнадцати мѣсяцевъ скоро превозмогъ свой страхъ передъ лаемъ собаки, которая принадлежала его дѣдушкѣ, и началъ дѣлиться съ ней своими пряниками, давать ей нюхать цвѣты и бросать камни для ея развлечения. Эта побѣда привязанности надъ страхомъ принимаетъ болѣе возвышенный характеръ позднѣе, когда ребенокъ остается вѣренъ своему нѣмому товарищу, даже испытавъ на себѣ случайныя вспышки его гнѣва. Рескинъ приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ поразительный примѣръ такой побѣды привязанности надъ страхомъ. Онъ рассказываетъ, что, когда ему было пять лѣтъ, слуга разъ взялъ его въ сарай, чтобы показать ему любимую ньюфаундлендскую собаку. Здѣсь слуга по глупости позволилъ ребенку исполнить свое желаніе—поцѣловать собаку, и опустил его на землю такъ, что лицо мальчика пришлось около морды животнаго. Собака, которая какъ разъ въ это время ѣла и была недовольна помѣхой, откусила у мальчика часть губы. Послѣ этого ребенокъ боялся только одного—какъ бы собаку не отослали куда нибудь ¹⁾.

Далѣе, дѣти уже въ очень раннемъ возрастѣ проявляютъ чисто человѣческое отношеніе къ животнымъ. Тотъ самый маленькій мальчикъ, который храбро преодолѣлъ свой страхъ передъ лаемъ собаки, началъ плакать, увидѣвъ, какъ на улицѣ упала лошадь (ему было тогда девятнадцать мѣсяцевъ). Болѣе сильные порывы состраданія встрѣчаются позднѣе.

---

¹⁾ Praeterita, стр. 105, 106.

У одного мальчика пяти лѣтъ и десяти мѣсяцевъ былъ котенокъ, котораго онъ очень любилъ. Разъ этотъ котенокъ вернулся домой послѣ двухъ или трехъ дней отсутствія съ искалѣченной распухшей ногой; онъ очевидно, былъ уже недалекъ отъ смерти. „Увидѣвъ котенка, — пишетъ мать мальчика, — ребенокъ разразился неудержимымъ плачемъ; я никогда не видѣла его такимъ разстроеннымъ. Котенка унесли и утопили, и съ тѣхъ поръ (уже мѣсяць) мальчикъ обнаруживаетъ сильнѣйшее нежеланіе говорить о немъ; онъ упоминаетъ о котенкѣ только при тѣхъ, кто зналъ его живымъ, и говорить, что слишкомъ печально о немъ рассказывать“. Когда мальчику К. было всего четыре года, онъ былъ въ величайшемъ горѣ, увидѣвъ мертвую собаку, которую вытаскивали изъ пруда.

Негодованіе дѣтей противъ дѣйствій мясника, охотника и т. п. показываетъ, какъ глубоко коренится въ ихъ сердцахъ состраданіе къ животнымъ. Это — одно изъ самыхъ поразительныхъ проявленій лучшей стороны дѣтской природы, и оно заслуживаетъ разсмотрѣнія въ отдѣльной главѣ.

Иногда приходится слышать вопросъ, почему дѣти такъ сильно любятъ животныхъ и расточаютъ на нихъ столько симпатій. Легко понять, почему дѣти дѣлаютъ животнымъ, въ особенности молодыхъ, своими товарищами по игрѣ и въ то же время иногда бываютъ въ своихъ неистовыхъ забавахъ безжалостно невнимательны къ нимъ. Но почему дѣтей такъ трогаютъ страданія животныхъ, почему они такъ рѣшительно вступаются за права послѣднихъ? Я думаю, что отвѣтъ не трудно найти. Симпатія и любовь, съ которою ребенокъ относится къ животнымъ, возникаетъ изъ какого-то слѣпого, стаднаго инстинкта, а корни послѣдняго въ свою очередь лежатъ, кажется, въ сходствѣ положенія и потребностей. Компаре удачно говоритъ по этому поводу: „Онъ (ребенокъ) естественно симпатизируетъ существамъ, которыя сходны съ нимъ въ столь многихъ отношеніяхъ, у которыхъ онъ находитъ потребности, сходныя съ его собственными: ту же жадность, то же стремленіе двигаться, то же желаніе ласки. Быть

похожимъ—уже значить любить“¹⁾). Однако я думаю, что здѣсь съ самаго начала играетъ роль и болѣе глубокое чувство, которое укрѣпляется, когда ребенокъ слышитъ объ обращеніи людей съ животными; я имѣю въ виду чувство общей опасности и одинаковой беспомощности передъ „великаномъ“ человѣкомъ. Сильная привязанность ребенка къ животному является продуктомъ очень распространеннаго инстинкта, побуждающаго баззащитныя существа соединяться. Одна мать разъ замѣтила своему сыну, которому шелъ шестой годъ: „Однако, Р., я думаю, что ты больше любишь животныхъ, чѣмъ меня“. „Можетъ быть,—отвѣтилъ мальчикъ,—ты видишь, они не такъ счастливы, какъ ты“. Развѣ не можетъ быть подобнаго же чувства связи и взаимной защиты также и у животнаго? Эта мысль покажется не такой нелѣпой, если мы вспомнимъ, какъ самоотверженна, какъ терпѣлива бываетъ собака къ маленькому ребенку, какъ она всегда готова его защищать. Тотъ же инстинктъ, который побуждаетъ вступаться за беспомощныя низшія существа, проявляется у дѣтей и въ отношеніи къ прислугѣ, когда ее бранять и особенно когда ее увольняютъ²⁾).

Тѣ же признаки любви мы видимъ и въ обращеніи дѣтей съ куклами и игрушечными животными. Если оставить въ сторонѣ случайныя вспышки гнѣва и жестокости, то и въ обращеніи ребенка съ куклой или игрушечной лошадкой сказывается поразительная любовная заботливость; эта заботливость въ одно и то же время отличается нѣжностью и наставительнымъ тономъ; по своей устойчивости она родственна материнскому инстинкту. Всякій, кто наблюдалъ, какъ заботливо ребенокъ относится къ куклѣ, сколько усилій онъ прилагаетъ къ тому, чтобы ей было хорошо, чтобы она красиво выглядѣла и вела себя прилично, и кто замѣчалъ горе ребенка, у котораго нѣтъ куклы, тотъ не можетъ не признать, что на этой игрушкѣ,

---

1) Указ. соч., стр. 76.

2) Примѣры приведены у П. Ломброзо, въ указ. соч., стр. 96 и сл.

очеловѣченной дѣтскимъ воображеніемъ и связанной, благодаря ежедневному общенію, тѣснѣйшей дружбой съ ребенкомъ, сосредоточиваются всѣ нѣжныя наклонности послѣдняго.

Наконецъ, читатель долженъ вспомнить, что дружелюбіе и состраданіе дѣтей распространяется даже на такіе предметы бездушнаго міра, которые этого на нашъ взглядъ еще меньше заслуживаютъ. Состраданіе къ падающимъ листьямъ и къ камнямъ, осужденнымъ постоянно лежать на одномъ и томъ же мѣстѣ, показываетъ, какъ живо дѣтское чутье умѣетъ открывать печальную сторону въ вещахъ. Нѣкоторыя дѣти употребляютъ выражающее состраданіе слово „бѣдный“ даже относительно разорванной бумажной фигуры и относительно согнутой булавки. Можно, кажется, не безъ основанія предположить, что и здѣсь также нѣжное сердце ребенка находитъ поводы для состраданія.

Достоинно вниманія, что горе причиняемое ребенку чужими страданіями, иногда бываетъ такъ сильно, что онъ избѣгаетъ даже художественныхъ изображеній, которыя содержатъ что-нибудь, „жестокое“. Одинъ маленькій мальчикъ, которому еще нѣтъ четырехъ лѣтъ, „негодуетъ (пишетъ его мать) на всякій рисунокъ, гдѣ изображены страданія животныхъ. Онъ забросилъ даже нѣкоторыя свои любимыя картинки, потому что онѣ „жестоки“; на одной изъ нихъ, напримѣръ, медвѣдя ведутъ домой съ пробочникомъ въ носу“. Крайнее проявленіе отвращенія ко всему, въ чемъ изображаются страданія животныхъ или людей, это—антипатія къ „печальнымъ сказкамъ“. Неиспорченное нѣжное сердце ребенка не можетъ находить удовольствіе въ тѣхъ ужасахъ, которые, по видимому, доставляютъ высшее наслажденіе многимъ взрослымъ читателямъ.

Однако, здѣсь мы, очевидно, касаемся уже предѣловъ сентиментальнаго состраданія. Слѣдуетъ замѣтить, что надѣленные богатымъ воображеніемъ дѣти проливаютъ больше всего слезъ именно надъ такими вымышленными страданіями. На дѣтей же болѣе трезвыхъ и съ болѣе практическимъ складомъ ума такія страданія производятъ менѣе сильное впе-

чатлѣніе. Такъ, одна мать пишетъ о своихъ двухъ дѣвочкахъ: „На М., надѣленную очень богатымъ воображеніемъ, печальныя сказки производятъ и всегда производили сильное впечатлѣніе, особенно если ихъ читаютъ съ драматическимъ выраженіемъ. Начиная съ двухлѣтняго возраста, она всегда ударялась въ слезы, слушая ихъ, между тѣмъ какъ Н., которая въ дѣйствительности отличается болѣе нѣжнымъ и любвеобильнымъ сердцемъ, но обладаетъ меньшимъ воображеніемъ, никогда не плачетъ надъ печальными сказками; она объяснила мнѣ, когда ей было четыре года, что не обращаетъ на нихъ вниманія, такъ какъ знаетъ, что ничего подобнаго въ дѣйствительности не было“.

Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что въ этомъ самобытномъ выраженіи чувства товарищества по отношенію къ другимъ существамъ, людямъ и животнымъ, дитя обнаруживаетъ настоящее нравственное свойство. Энергическая и настойчивая защита лондонскихъ лошадей мальчикомъ К. противъ мучительной для нихъ уздечки была обусловлена справедливымъ негодованіемъ. Умъ ребенка былъ въ это время занятъ страданіями животныхъ, и этотъ фактъ заставляетъ думать, что его сочувствіе къ животнымъ вызвало первый рѣшительный протестъ противъ несправедливости, царящей въ мірѣ. De Quincey въ дѣтствѣ въ первый разъ почувствовалъ существованіе нравственнаго зла, когда жалѣлъ свою сестру, которая, какъ говоритъ, подвергалась грубому обращенію со стороны служанки. Онъ говоритъ, что не могъ переносить вида этой женщины. И это не было гнѣвомъ. „Чувство, охватившее меня, было—ужасъ и содроганіе, какъ бы вызванные впервые блеснувшей мнѣ истиной, что я нахожусь въ мірѣ зла и борьбы“¹⁾.

Лживость дѣтей.

Мы можемъ теперь обратиться къ другому взводимому на дѣтей обвиненію—къ обвиненію въ лживости. Многие

1) Autobiographical Sketches, гл. 1.

утверждаютъ, что дѣти вообще настоящіе маленькіе лжецы, рожденные съ этимъ свойствомъ и такіе же искусные въ этомъ отношеніи, какъ и изолгавшіеся дикари. Даже нѣкоторые изъ тѣхъ авторовъ, которые писали о дѣтствѣ безъ всякаго предубѣжденія, склонны видѣть въ лживости всеобщую и, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, врожденную черту дѣтей ¹⁾.

Здѣсь, безспорно, необходимы извѣстныя различенія. Подъ ложью понимается или должно пониматься утвержденіе, высказанное съ полнымъ сознаниемъ его неправильности и съ цѣлью ввести кого-нибудь въ заблужденіе. Весьма сомнительно, различаютъ ли маленькія дѣти то, что мы называемъ истиной и ложью, настолько ясно, чтобы ихъ можно было назвать лжецами въ полномъ смыслѣ слова. Многое изъ того, что непріятно поражаетъ взрослога человѣка, неспособнаго стать на уровень ума и чувства ребенка, въ сущности, вѣроятно, не имѣетъ особенно большого значенія. Пріятно отмѣтить, что въ настоящее время замѣчается наклонность къ болѣе мягкимъ и разумнымъ взглядамъ на дѣтскую ложь; въ дальнѣйшемъ изложеніи я могу только держаться превосходныхъ новыхъ изслѣдованій Стэнли Голля и Компэре ²⁾.

Желательно было бы нѣсколько подробнѣе изслѣдовать разнообразныя формы дѣтской лживости. Начать съ того, что маленькіе обманы и притворства, которые, по словамъ Пэре, появляются у нѣкоторыхъ дѣтей съ самой колыбели, трудно подвести подъ разрядъ настоящей лжи. Если, на примѣръ, дитя, желающее овладѣть какой-нибудь вещью, прячетъ ее и затѣмъ, спрошенное о ней, показываетъ пустыя руки, то такое дѣйствіе трудно назвать ложью, хотя въ немъ и есть зачатокъ обмана. Мы должны помнить, что у дѣтей рано развивается инстинктивная страсть прятать вещи, и небольшія притворства въ подобныхъ дѣйствіяхъ могутъ быть

1) См. выдержки изъ Монтэня и Пэре, приведенныя у Компэре, въ указ. соч., стр. 229 и сл.

2) *Stanley Hall*, Children's Lies въ „*Americ. Journal of Psychology*“, 1890; Компэре, указ. соч., стр. 229 и сл.

только продуктами этой наклонности и сопровождающаго ея желанія, чтобы другіе не нашли спрятаннаго предмета. То же самое проявляется и въ отказахъ ребенка выдать тайну. Когда ребенка раздражаютъ, тогда онъ больше всего старается не выдать того, что ему сказали или изъ чего его воображеніе сдѣлало тайну. Маленькія хитрости или „обманы дѣйствиємъ“, которые я теперь имѣю въ виду, являются, на мой взглядъ, въ худшемъ случаѣ попытками замести слѣды въ той области, которая считается чисто личнымъ дѣломъ, и содержать ничтожную долю намѣренной лжи. Госпожа Ггу правильно указала, что эта страсть дѣтей скрывать вещи можетъ послужить источникомъ позднѣйшей и болѣе серьезной лживости ¹⁾.

Яснѣе лживость обнаруживается тогда, когда ребенокъ начинаетъ говорить и утверждаетъ такія вещи, которыя онъ, подумавши, самъ могъ бы признать невѣрными. Можно легко предположить, что никакой ребенокъ, достаточно разумный для того, чтобы дѣлать какія бы то ни было утверженія, не можетъ утверждать чего-нибудь невѣрнаго, не сознавая въ душѣ, что его утверженіе ложно. Но при этомъ, мнѣ кажется, мы судимъ очень грубо, прилагая мѣрку взрослыхъ тамъ, гдѣ она, собственно говоря, непримѣнима. Всякій, кто наблюдалъ игры и драматическія рѣчи дѣтей, кто знаетъ, какъ легко и полно они способны воображать себѣ что-нибудь несуществующее, теряя при этомъ изъ виду дѣйствительность, — тотъ будетъ, говоря о нихъ, болѣе скупо употреблять слово „ложь“. Быть можетъ, есть такіе суровые ревнители истины, которые возмущаются, слыша, какъ ребенокъ во время игры говоритъ: „Я кучеръ“, „кукла плачетъ“ и т. д. Но разсудительный человекъ не видитъ здѣсь никакого повода возмущаться, какъ не видитъ его и въ томъ случаѣ, напримѣръ, когда дѣвочка двухъ съ половиной лѣтъ, проговоривъ длинный рядъ совершенно безсмысленныхъ словъ, заявляетъ: Это потому, что ты не понимаешь меня,

---

¹⁾ Uninitiated („A Discovery in Morals“).

папа“. Здѣсь пристрастіе ко всему таинственному, усиленное склонностью къ драматическому дѣйствию, обратило безмысленную рѣчь въ настоящую. Маленькое существо, безъ сомнѣнія, чувствовало свое превосходство, когда говорило на языкѣ, непонятномъ для всезнающаго папы.

Въ такой же мѣрѣ безнравственны и нѣкоторыя уклоненія отъ истины, на примѣръ, когда ребенокъ говоритъ не то, что ему сказано, а прямо противоположное, и выворачиваетъ на изнанку слова старшихъ. Компаре заимствуетъ у Гюйо любопытный примѣръ этого рода. Маленькій мальчикъ Гюйо (возрастъ его не указанъ) какъ-то бормоталъ про себя: „Папа говоритъ дурно, онъ сказалъ *саветка*, баба говоритъ хорошо, онъ говоритъ *салфетка*“. Такія искаженія истины также являются извѣстнаго рода игрой; ребенку вполне естественно надобно слышать, что онъ не правъ; поэтому онъ иногда воображаетъ себѣ, что онъ правъ, а старшіе не правы, и эта мысль доставляетъ ему огромное удовольствіе.

Болѣе серьезный случай представляется тогда, когда ребенокъ говоритъ „неправду“, отвѣчая на вопросъ. Когда мать спросила у мальчика К., кто сказалъ ему что-то, онъ отвѣтилъ: „Кукла“. „Ложь, сознательная ложь“, скажутъ многіе, особенно когда узнаютъ, что негодный мальчишка тотчасъ же засмѣялся. Однако приемотримся къ этому случаю нѣсколько ближе. Вопросъ матери вызвалъ въ умѣ мальчика мысль, что кто-нибудь сказалъ ему что-то. Это—процессъ внушенія, которое, какъ мы вскорѣ увидимъ, такъ же вліяетъ на умъ ребенка, какъ и на умъ загнипнотизированнаго взрослого человѣка. Въ непосредственной близости къ ребенку находилась кукла, а въ его забавахъ общеніе съ ней, какъ извѣстно, играетъ большую роль. Что же можетъ быть естественнѣе, чѣмъ моментальное возникновеніе въ умѣ ребенка высказанной имъ мысли?—Но смѣхъ? Дѣйствительно, я готовъ признать, что здѣсь была нѣкоторая шутливая насмѣшка, нѣкоторое дѣтское плутовство. Выраженіе лица матери показало ребенку, что его смѣлая, нелѣпая выдумка произвела

полу-поражающее, полу-забавляющее дѣйствіе; а нашъ маленькій актеръ больше всего любитъ именно такой поражающій эффектъ. Болѣе того, ему въ это же мгновеніе блеснула мысль о томъ, какова съ внѣшней стороны его выдумка, мысль о несоотвѣтствіи неправды съ дѣйствительностью; и смѣхъ, вѣроятно, выражалъ удовольствіе маленькаго бунтаря, коварнаго плутишки, который любитъ иногда посмѣяться надъ закономъ.

Живое воображеніе и дѣтская страсть разыгрывать какуюнибудь роль, подкрѣпленная сильной склонностью удивлять другихъ и въ шутку бунтовать,—всѣмъ этимъ, мнѣ кажется, достаточно объясняется какъ приведенное ложное утвержденіе ребенка, такъ и другія заявленія подобнаго рода. Дѣти, безспорно, имѣютъ нѣкоторыя дурныя наклонности; но содержитъ ли именно такая шутливая ложь что-нибудь дѣйствительно дурное? Развѣ она не далека, какъ небо отъ земли, отъ настоящей наглої лжи? Я тѣмъ болѣе увѣренно говорю о мальчикѣ К., что знаю его обыкновеніе быть въ серьезныхъ случаяхъ чрезвычайно, можно почти сказать, педантически правдивымъ.

Нѣсколько иной случай мы видимъ тогда, когда можно предположить, что въ основѣ невѣрнаго утвержденія лежитъ живая фантазія, приводящая къ нѣкоторому самообману. Напримѣръ, когда ребенокъ желаетъ, чтобы его несли на рукахъ и говорить: „У меня ноги болятъ, я не могу идти, не могу, не могу“¹⁾, то весьма возможно, что онъ вскорѣ начинаетъ чувствовать усталость, которую вначалѣ только полупритворно изображалъ. Въ Вустерскомъ сборникѣ приведенъ примѣръ этого рода. „Одинъ разъ, когда я давалъ ребенку сиропъ противъ кашля, дѣвочка Е. (трехъ лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ) подбѣжала ко мнѣ и сказала: „Я тоже больна, я тоже хочу лѣкарства“. При этомъ она пыталась кашлять. И всегда, когда она видѣла, что я беру бутылку съ сиропомъ, она начинала кашлять. Сиропъ былъ очень сладокъ“. Это

---

¹⁾ См. П. Домброзо, указ. соч., стр. 74.

уже прямо-таки страшная ложь. Но что, если ребенокъ обладалъ настолько живымъ воображеніемъ, что видъ сирота, который давали больному ребенку, вызывалъ въ немъ болѣе или менѣе полную иллюзію, будто онъ самъ боленъ,— иллюзію достаточно сильную для того, чтобы вызвать раздраженіе и кашель? Эта мысль можетъ показаться натянутой, но въ нее слѣдуетъ вникнуть, прежде чѣмъ клеймить ребенка названіемъ лжеца.

Живая реализація вымысла воображеніемъ, въ данномъ примѣрѣ усиленная любовью къ сладостямъ, во многихъ случаяхъ вызывается другими, позднѣе развившимися чувствами. Какъ много невѣрныхъ утвержденій—и не только у маленькихъ дѣтей—обусловлены преувеличеніемъ и желаніемъ произвести сильный эффектъ. Когда, на примѣръ, четырехлѣтній малышъ вытягивается во весь свой ростъ и, ликуя, восклицаетъ: „Смотри, мама, какой я большой, какъ скоро я расту, я скоро буду великаномъ“, или хвастается своей силой и рассказываетъ о невозможныхъ вещахъ, которыя онъ намѣренъ совершить, то здѣсь элементъ хвастовства, конечно, на лицо и никого не обманетъ.

Безъ сомнѣнія, хотя эти наклонности и не доходятъ до настоящей лжи на той ступени развитія, о которой мы теперь говоримъ, онѣ могутъ перейти въ лживость позднѣе, если не будутъ своевременно задержаны. Безудержная фантазія и сильная любовь къ эффекту побуждаютъ большого ребенка сказать что-нибудь такое, что онъ и самъ, по крайней мѣрѣ смутно, въ глубинѣ души считаетъ ложнымъ, лишь бы только поразить и одурачить другихъ. Усиленные до такой степени обычныя наклонности составляютъ, очевидно, ненормальное явленіе; объ этомъ свидѣтельствуетъ ихъ сходство съ тѣмъ состояніемъ, которое наблюдается у душевнобольныхъ. То же самое можно сказать и о наклонности къ тщеславію или ко всему показному, какъ видно изъ случаевъ, приводимыхъ Стэнли Голлемъ. Этотъ авторъ указываетъ, на примѣръ, что дѣти, переходя въ новый городъ или въ новую школу, начинаютъ разыгрывать изъ себя совершенно

новыхъ людей и съ трудомъ удерживаются въ своей роли при помощи частаго притворства ¹⁾).

Обильнымъ источникомъ дѣтской неправды, особенно у дѣвочекъ, является желаніе нравиться. Здѣсь мы видимъ очень разнообразныя случаи. Маленькая, легко возбуждающаяся дѣвочка, которая въ порывѣ нѣжности къ матери, теткѣ или учительницѣ восклицаетъ: „Ахъ, какъ я люблю тебя“, или: „Какіе у тебя красивые глаза“, или говоритъ какую нибудь другую льстивую фразу, — такая дѣвочка можетъ въ данный моментъ быть искренней, а ея восклицаніе — плодомъ внезапно вспыхнувшаго чувства. Больше притворства и хитрости содержится въ той лести, которая обусловлена обдуманнѣмъ желаніемъ сказать что-нибудь пріятное. Я полагаю, что нѣкоторые дѣти умѣютъ очень искусно говорить такія любезности, и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ эта склонность сильна и играетъ преобладающую роль, становятся, вѣроятно, позднѣе желанными людьми въ обществѣ. Во всякомъ дѣтскомъ притворствѣ и преувеличеніи такого рода заключены зачатки, которые могутъ развиваться въ великое нравственное зло—въ неискренность, т. е. въ лживость по отношенію къ тому, что прекрасно и что должно бы быть священнымъ. Но такая дѣтская лесть, хотя въ ней, безъ сомнѣнія, и заключена нѣкоторая лживость, все же прелестна по своимъ мотивамъ,—разумѣется, пока мы будемъ предполагать, что этими мотивами служить чистое желаніе нравиться, не связанное ни съ какой задней мыслью, съ надеждой извлечь какую-нибудь выгоду изъ предмета поклоненія. Быть можетъ, изъ всѣхъ дѣтскихъ недостатковъ труднѣе всего бороться именно съ этимъ—уже по одному тому, что, искореняя его, мы лишаемъ самихъ себя величайшаго удовольствія, которое доставляется намъ дѣтствомъ.

Оборотной стороной этого желанія нравиться является боязнь обидѣть другого, и этой боязнью, я думаю, часто обусловлено искаженіе истины дѣтьми. Если, напримѣръ, у ре-

¹⁾ Статья „Children's Lies“, стр. 67.

бенка спрашиваютъ, любить ли онъ что-нибудь или удивляется ли онъ этому, то онъ чувствуетъ, что спрашивающій ожидаетъ отъ него отвѣта „да“, и это чувство дѣлаетъ для него очень труднымъ сказать „нѣтъ“. Госпожа Бернетъ приводитъ случай такого рода изъ своего дѣтства. Когда ей еще не было трехъ лѣтъ, пишетъ она, одна гостья, подруга ея матери, узнавъ, что ея новую сестричку зовутъ Юдиною, замѣтила: „Это милое имя. Мою дѣвочку зовутъ Элеонорой. Правда, это тоже красивое имя“? При этомъ вопросѣ дѣвочка почувствовала себя въ очень затруднительномъ положеніи; слово „Элеонора“ ей не нравилось, но она боялась сдѣлать грубость, признавшись при этомъ. Она нашла выходъ изъ этого положенія, сказавъ, что имя „Элеонора“ ей не такъ нравится, какъ „Юдиѣ“.

Такая борьба и такія искушенія, которыя могутъ запомниться на всю жизнь, показываютъ, какъ сильно желанія и ожиданія старшихъ людей вліяютъ на душу ребенка. Весьма возможно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то родственнымъ „внушенію“, которое вызываетъ такія изумительныя явленія въ загнинотизированномъ человѣкѣ и, какъ извѣстно, столь могущественно вліяетъ въ хорошую и дурную сторону на дѣтскую душу. Направляющій вопросъ въ такой формѣ: „Развѣ это не мило“? „Развѣ ты меня не любишь?“—легко можетъ на мгновеніе подавить собственное убѣжденіе ребенка, подчинивъ его убѣжденію болѣе сильнаго ума. Подобное пассивное выраженіе, исходящее отъ ума, сбитаго съ толку чужимъ авторитетомъ, не должно быть смѣшиваемо съ сознательной ложью.

Такое внушеніе часто бываетъ соединено съ другими силами. Приведу слѣдующій хорошій примѣръ этого рода. Одна маленькая дѣвочка—американка была послана въ дубовую рощу, чтобы набрать листьевъ; тамъ она увидала змѣю, которая такъ испугала ее, что она побѣжала домой съ пустыми руками. Злой рокъ хотѣлъ, чтобы она встрѣтилась со своими братьями и сказала имъ, что видѣла удава. „Они пишутъ дама, сообщающая это воспоминаніе своего дѣтства),

знали отличительные признаки и привычки различных змѣй и какъ настоящіе мальчишки, захотѣли подразнить меня. Для этого они сказали: „Это не былъ удавъ, у него не было краснаго кольца вокругъ шеи,—или было“? Какъ только они сказали это, мое разгоряченное воображеніе увидѣло именно такую змѣю, и я объявила, что у нея было красное кольцо вокругъ шеи“. Такимъ же образомъ мальчишки заставили ее сказать, что у змѣи были и рубцы, и маленькій колокольчикъ на шеѣ; въ концѣ-концовъ они справедливо обозвали ее „лгуньей“ ¹⁾. Здѣсь мы видимъ случай „иллюзіи памяти“ — иллюзіи, вызванной посредствомъ внушенія въ душѣ дѣвочки, которая стала ненормально чувствительной отъ еще не совсѣмъ изгладившагося страха. Если въ этомъ случаѣ и былъ нѣкоторый зачатокъ лживости, то его источникомъ послужилъ страхъ передъ насмѣшками братьевъ, нежеланіе показаться совершенно невѣжественной въ области мальчишескихъ интересовъ, въ вопросѣ о змѣяхъ. Но кто станетъ утверждать, что такія быстрыя, неуловимыя колебанія чувства, совершающіяся на туманномъ заднемъ фонѣ сознанія, дѣлають отвѣты ребенка ложью въ полномъ смыслѣ этого слова?

Мнѣ кажется, не подлежитъ сомнѣнію, какъ это ни парадоксально, что значительная часть дѣтской лжи обусловлена нравственнымъ воздѣйствіемъ старшихъ и налагаемой послѣдними дисциплиной. Ниже мы увидимъ, что неискверканная натура ребенка очень склонна становиться въ положеніе самозащиты по отношенію къ тѣмъ, кто устанавливаетъ для нея законы и налагаетъ наказанія. Очень маленькія дѣти, наталкиваясь на запрещеніе и наказаніе, пытаются пускать въ ходъ различныя уловки. Приведу нѣсколько примѣровъ этого рода изъ замѣтокъ о дѣвочкѣ М. Когда ей было семнадцать съ половиной мѣсяцевъ, она разъ во время прогулки выбросила изъ коляски на землю свои перчатки. Мать подняла ихъ и сказала, чтобы она ихъ больше не бросала. Сначала она повиновалась, затѣмъ какъ будто что-то обду-

---

1) *Sara E. Wiltshire. The Christian Union, т. XI, № 26.*

мывала и, наконецъ, воскликнула: „Мама, Буббо“ (собака). Когда мать оглянулась, маленькая шалунья со смѣхомъ снова выбросила свои перчатки; разумѣется, никакой собаки тамъ не было. Выдумка о собакѣ составляла часть маленькой дѣтской комедіи. Около двухъ мѣсяцевъ спустя она уронила и разбила свою чайную посуду; когда вошла ея мать, дѣвочка сказала: „Мама побила посуду— бить маму“, и начала бить ее. Въ такихъ маленькихъ дѣтскихъ комедіяхъ не можетъ быть и рѣчи объ обманѣ. Онѣ являются плодомъ дѣтскаго инстинкта, который побуждаетъ ребенка маленькой шуткой разрушить серьезность наставника.

Маленькая военная хитрость получаетъ болѣе серьезное значеніе, когда ребенокъ становится достаточно искуснымъ, чтобы сбить мать съ толку ложнымъ утвержденіемъ. Такъ, одна трехлѣтняя дѣвочка въ припадкѣ гнѣва назвала свою мать „обезьяной“; когда ее спросили, что она сказала, она отвѣтила: „Я сказала, что я обезьяна“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ребенокъ не дожидается вопроса. Одна маленькая дѣвочка, о которой рассказываетъ Компэре, разсерженная чѣмъ-то, что сказала или сдѣлала ея мать, крикнула: „Гадкая!“ и затѣмъ, послѣ многозначительнаго молчанія, поправилась: „Кукла гадкая“. Искусство, съ которымъ былъ сдѣланъ этотъ переходъ безъ всякаго насилія надъ грамматической формой, свидѣтельствуетъ о рано развившейся хитрости ¹⁾.

Наша нравственная дисциплина можетъ развивать лживость еще инымъ путемъ. Когда наставникъ наложилъ наказаніе и затѣмъ, чтобы смягчить свою суровость, спрашиваетъ: „Ты сердился“? или: „Ты не сердился“? то болѣе чѣмъ вѣроятно, что отвѣтъ будетъ „Нѣтъ“, хотя бы этотъ отвѣтъ и былъ въ извѣстномъ смыслѣ неправдой. Такая ложь изъ упрямства бываетъ болѣе очевидна въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенка запираютъ и оставляютъ безъ пищи. На во-

¹⁾ Пэре приводитъ подобный же рассказъ; только въ немъ слово „гадкій“ было отнесено къ водѣ. *F'Education dès le berceau*, стр. 53.

прось: „Ты голоденъ“? дерзкій маленькій грѣшникъ, подавля свои чувства, храбро отвѣчаетъ „нѣтъ“ даже тогда, когда его слабый, печальный голосъ не свидѣтельствуеетъ объ особенной рѣшимости.

Я пытался показать здѣсь, что ложь дѣтей часто бываетъ сказана только „въ шутку“; что въ серьезныхъ утвержденіяхъ, не соотвѣствующихъ истинѣ, можетъ быть значительная доля самообмана; что даже сознательная ложь можетъ быть обусловлена вполне извинительными обстоятельствами и чувствованіями. Настаивая на всемъ этомъ, я вовсе не отрицаю того факта, что дѣти иногда сознательно лгутъ изъ низменныхъ побужденій; такъ одна трехлѣтняя дѣвочка, видя, какъ мать ласкаетъ ея маленькаго брата, и чувствуя себя покинутой, сочинила сказку, будто Генрихъ жестоко обошелся съ попугаемъ¹⁾. Однако я склоненъ смотрѣть на такую низкую ложь, какъ на нѣчто исключительное или даже ненормальное.

Еще много работы необходимо для того, чтобы выяснитъ тѣ процессы, путемъ которыхъ возникаетъ дѣтская ложь. Какъ живо умѣетъ, на примѣръ, дитя распознать простыхъ, добродушныхъ людей, служанку или садовника, которые станутъ выслушивать его рассказы и льстить ему, притворяясь, что принимаютъ каждое его слово за непреложную истину. Болѣе характеренъ тотъ фактъ, что ребенокъ намѣренно обманываетъ только извѣстныхъ людей. Многіе школьники не считаютъ безчестнымъ обманывать тѣхъ, кто имъ не нравится, особенно, если это приводитъ послѣднихъ въ затрудненіе; между тѣмъ они чувствуютъ, что лгать своему отцу и матери — дурно и низко и что неблагородно обманывать учителя. Подобныя различенія обнаруживаются и на болѣе ранней ступени и являются еще однимъ признакомъ сходства между ребенкомъ и дикаремъ; такъ какъ у послѣдняго вѣрность означаетъ только вѣрность по отношенію къ своимъ. Эта сторона вопроса достойна болѣе подобнаго изслѣдованія.

¹⁾ Perez, L'Education dès le berceau, стр. 54.

Другою, также мало изслѣдованною стороною этого вопроса является вліяніе привычки въ области лжи и образованіе устойчивыхъ, постоянныхъ обмановъ. Отстаивать разъ высказанную ложь,—это чисто-человѣческая наклонность, и у дѣтей она еще усиливается боязнью, что неправда можетъ быть раскрыта. Это относится не только къ тѣмъ обманамъ, которые преподносятся наставникамъ, но и къ тѣмъ, при помощи которыхъ бойкіе мальчики и дѣвочки съ наслажденіемъ одурачиваютъ другихъ, менѣе остроумныхъ дѣтей. Такъ возникаютъ среди дѣтей традиціонныя сказки и легенды, въ которыя свято вѣрятъ простоватыя дѣти. Подобныя выдумки отчасти являются продуктами „игры воображенія“. Но весьма вѣроятно, что ихъ часто поддерживает не только желаніе произвести эффектъ, но и любовь къ власти, проявляющаяся у дѣтей, не надѣленныхъ физической силой, обыкновенно въ обманываніи и одурачиваніи другихъ.

Съ устойчивостью лжи тѣсно связана ея заразительность. Распространеніе лживости обыкновенно способствуютъ извѣстное боязливое удивленіе передъ дерзостью обмана и тѣ бунтовщическія наклонности, которыя никогда не бываютъ вполнѣ усыплены даже въ самомъ послушномъ ребенкѣ. Я полагаю, однако, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ значительную роль играетъ сила внушенія. Дерзко сказанная ложь обыкновенно плѣняетъ умъ и держитъ его въ извѣстнаго рода очарованіи.

Это дѣйствіе внушенія, какъ источника лжи, особенно ясно обнаруживается въ тѣхъ болѣзненныхъ или полуболѣзненныхъ случаяхъ, когда дѣтей побуждаютъ давать ложныя показанія. Мы знаемъ теперь, что у нѣкоторыхъ дѣтей въ возрастѣ отъ шести до пятнадцати лѣтъ вполнѣ возможно вызвать иллюзію памяти посредствомъ простого утвержденія чего нибудь въ ихъ присутствіи,—безразлично, будутъ ли они при этомъ бодрствовать или спать; послѣ такого внушенія ребенокъ готовъ увѣрять, что онъ дѣйствительно видѣлъ совершеніе того, о чемъ при немъ только говорилось ¹⁾).

¹⁾ *Motet* одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на силу дѣтскаго воображенія и на то, какъ внушеніе дѣйствуетъ на показанія дѣтей.

Вот что можно сказать о различных видах дѣтской лжи и объ ея условіяхъ. Чтобы еще лучше понять ея значеніе, чтобы разобрать, сколько въ ней заключено сознательной лжи, намъ слѣдуетъ вскользь рассмотреть и другое тѣсно связанное съ нею явленіе, именно — ту тревогу, которая иногда сопровождаетъ ее и слѣдуетъ за ней.

Не подлежитъ сомнѣнію, что многія дѣти, сказавъ неправду, испытываютъ угрызения совѣсти. Это доказывается тѣми уловками, которыми дѣтскій умъ надѣется смягчить ложь; такъ, дѣти, говоря завѣдомую ложь, мысленно прибавляютъ: „я не думаю, что“, или „въ моей головѣ“, или что нибудь въ этомъ родѣ¹⁾. Подобныя увертки доказываютъ извѣстную чувствительность, — потому что закоренѣлый лжець пренебрегъ бы такими приѣмами, — и служатъ любопытными проявленіями совѣсти ребенка и его врожденныхъ способностей къ казуистикѣ.

Угрызения совѣсти, которыя иногда слѣдуютъ за ложью, особенно за первой ложью, и которыя очень терзаютъ ребенка, припоминаются многими въ позднѣйшей жизни. Приведу слѣдующій примѣръ этого рода. Одна моя знакомая помнитъ, что въ дѣтствѣ ей приходилось носить козырекъ надъ глазами. Однажды, гуляя съ матерью, она, какъ ребенокъ, глядѣла по сторонамъ вмѣсто того, чтобы смотрѣть впередъ, и едва не наткнулась на фонарный столбъ. Мать побранила ее, но тотчасъ же, вспомнивъ о ея глазахъ, сказала: „Бѣдное дитя, ты не можешь хорошо видѣть“. Дѣвочка знала, что причина не въ томъ, но ничего не сказала, и ее еще долгое время спустя мучило чувство, что она солгала. Миссъ Wiltshire, со словъ которой мы привели рассказъ о миѣической змѣѣ, сообщаетъ и другое воспитаніе, свидѣтельствующее о томъ, какое острое чувство страданія испытываетъ ребенокъ, когда вполнѣ сознаетъ, что сказалъ не-

---

Les faux témoignages des enfants devant la justice, 1887. Этотъ вопросъ былъ далѣе разработанъ докторомъ Берильономъ (Bérillon).

1) См. *Стэнли Голль*, указ. соч., стр. 86 и сл.

правду. Названная дама въ дѣтствѣ очень любила совѣмъ маленькихъ дѣтей, и мать позволила ей ходить къ теткѣ, если послѣдняя звала ее, и нянчить тамъ маленькаго двоюроднаго брата. Однажды, когда ей очень хотѣлось пойти туда, хотя ее не звали, она смѣло сказала матери, что тетка занята и просила ее побыть нѣсколько времени съ ребенкомъ. „Но я не пошла къ ребенку (прибавляетъ она), а пробралась на гумно своего отца и спряталась за большія ворота, которыя я притянула къ себѣ, какъ только могла, тщетно желая, чтобы гумно и скирды сѣна покрыли меня; затѣмъ я плакала и вздыхала, не знаю сколько времени, и вечеромъ, когда я ложилась спать, я съ рыданіями произносила свои молитвы, отказываясь сказать своей матери, почему я плачу“¹⁾.

Такіе примѣры угрызенія совѣсти доказываютъ, что ребенокъ способенъ ясно различать сознательную ложь. Это ясно видно изъ обоихъ воспоминаній госпожи Wiltshire; она прямо говоритъ, что въ томъ случаѣ, когда она съ увѣренностью утверждала, будто видѣла воображаемую змѣю съ кольцомъ и колокольчикомъ, она не чувствовала никакихъ угрызеній совѣсти и не сознавала, что сказала неправду²⁾. Но подобнаго рода страданія указываютъ и на нѣчто другое — именно на чувство собственной испорченности, на мучающее ребенка сознание, что онъ поступилъ дурно по отношенію ко всему хорошему и святому. Можно спросить, почему дѣти, сказавъ неправду, такъ сильно чувствуютъ себя нравственно уничтоженными?

Здѣсь передъ нами встаетъ вопросъ, на который можно отвѣтить, только собравши болѣе обильный матеріалъ. Мы знаемъ, что изъ всѣхъ дѣтскихъ проступковъ ложь больше всего клеймится богословскими авторитетами. Тѣлесныя муки, которыми грозятъ „живому языку“, вполне могутъ вызвать страхъ въ робкомъ сердцѣ ребенка. Я думаю также, что боязнь лжи связана у ребенка съ представленіемъ о все-

¹⁾ Указ. соч.

²⁾ Ср., что говорить по этому поводу госпожа Fry, Uninitiated (A discovery in morals).

видящемъ Богѣ, Котораго нельзя обмануть и Который знаетъ, когда мы лжемъ. Быть можетъ, смягчающія слова, неслышно присоединяемая къ высказываемой неправдѣ, являются неловкими дѣтскими приѣмами для оправданія говорящаго передъ все слышащимъ Богомъ.

Однако здѣсь необходимы дальнѣйшія изслѣдованія. Возникаетъ ли въ дѣтяхъ отвращеніе ко лжи, если имъ незнакомы религиозные страхи? Есть ли въ душѣ самого ребенка что-нибудь такое, благодаря чему ему послѣ первой неправды показалось бы, что весь прочный міръ разрушается надъ его головой? Слѣдовало бы, чтобы родители сообщали намъ объ этомъ побольше фактовъ.

Тѣмъ не менѣе я осмѣлюсь высказать нѣкоторое предположеніе, которое охотно возьму обратно, какъ только оно будетъ опровергнуто.

Насколько я могу судить по своимъ собственнымъ изслѣдованіямъ, я не нахожу, чтобы дѣти, воспитанныя дома и предохраненныя отъ заразительныхъ дурныхъ примѣровъ, всѣ одинаково обнаруживали склонность ко лжи. Нѣкоторыя матери увѣряютъ меня, что ихъ дѣти никогда не говорили серьезно неправды. Я могу сказать то же самое относительно двухъ дѣтей, которыхъ специально наблюдали съ этой цѣлью¹⁾.

Если это вѣрно, то я рѣшительно встаю противъ утвержденія, будто ложь инстинктивна, т.-е. будто ребенокъ, даже воспитанный среди людей, всегда говорящихъ правду, обнаруживаетъ врожденную склонность говорить завѣдомую ложь. Разумѣется, сильная склонность къ подражанію можетъ очень рано приучить ребенка ко лжи, если онъ слышитъ ее отъ окружающихъ взрослыхъ²⁾.

---

1) Стэнли Голль, говоря объ извѣстныхъ видахъ лжи, какъ преобладающихъ среди дѣтей, подчеркиваетъ, что онъ имѣетъ при этомъ въ виду дѣтей *въ школѣ*, гдѣ заразительнымъ примѣрамъ представляется полный просторъ.

2) Мнѣ кажется, что я нахожу признаки подражанія во многихъ изъ тѣхъ случаевъ неоспоримо сознательной лжи, которые приводятся у Пэре, П. Ломброзо и др.

Я пойду еще далѣе и укажу, что въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ воспитанъ нормально, т.-е. въ обществѣ, гдѣ постоянно говорятъ правду, онъ склоненъ, совершенно независимо отъ нравственныхъ наставленій, получить известное уваженіе къ истинѣ, какъ къ чему-то обычному. Вспомнимъ, какъ усердно умъ ребенка въ теченіе первыхъ періодовъ рѣчи пытается проникнуть въ смыслъ словъ, какъ онъ согласовываетъ представленія со словами, стараясь понять другихъ, и слова съ представленіями, пытаюсь выразить свои собственные мысли,—и тогда мы увидимъ, что все это должно служить къ тому, чтобы сдѣлать для дѣтскаго ума истину, т.-е. соотвѣтствіе между утвержденіемъ и дѣйствительностью, чѣмъ-то, что само собою разумѣется и не подлежитъ никакому сомнѣнію; она—законъ обыденной жизни, изъ повиновенія которому дитя никогда не думаетъ выходить. Мы можемъ видѣть, что дѣти, привыкшія къ правдѣ, бываютъ глубоко поражены, встрѣчаясь съ такими утвержденіями, которыя, какъ они видятъ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Мальчикъ К. былъ очень возмущенъ, услыхавъ отъ своей матери, что люди говорятъ о лошадяхъ и другихъ интересныхъ предметахъ такія вещи, которыя онъ считалъ неправдой; онъ еще больше возмутился, когда встрѣтилъ такую неправду въ одной изъ своихъ книгъ, къ которымъ онъ относился со всѣмъ почтеніемъ ребенка. Мысль о томъ, чтобы сказать завѣдомую ложь, является, насколько я могу судить, прямо чудовищной для ребенка, привыкшаго говорить только правду. И когда случайное стеченіе обстоятельствъ заставляетъ ребенка выйти изъ предѣловъ истины, то развѣ не естественно, что онъ испытываетъ потрясеніе, и ужасъ, и мучительное чувство, что онъ нарушилъ законъ,—законъ, установленный не только приказаніемъ матери, но коренящийся въ самихъ свойствахъ общественной жизни? Я думаю, что эта мысль вполне достойна разсмотрѣнія.

Наше изслѣдованіе привело насъ къ необходимости признать, что въ отношеніи жестокости и лживости дѣти очень далеки отъ нравственнаго совершенства; мы видѣли, что у

нихъ есть наклонности, которыя не встрѣчая противодѣйствія или задержки со стороны другихъ, развиваются въ настоящую жестокость и настоящую лживость. Съ другой стороны, наше изслѣдованіе показало, что эти наклонности—не единственны. У ребенка бываютъ порывы доброты, которые смѣняются, часто какъ будто по капризу, необдуманнѣмъ желаніемъ дразнить и мучить, и я настаиваю, что рядомъ съ наклонностями, которыя обусловлены подражаніемъ и т. д. и которыя благопріятствуютъ развитію лживости, у него есть и инстинктивные зачатки уваженія къ истинѣ. Эти наклонности не обладаютъ одинаковой относительной силой и не проявляются одинаково часто у всѣхъ дѣтей; у однихъ, напримѣръ, обнаруживаются преимущественно наклонности, способствующія развитію правдивости, у другихъ—противоположныя. Но и тѣ, и другія можно, вѣроятно, подмѣтить у всѣхъ дѣтей.

Я ограничился изслѣдованіемъ двухъ нравственныхъ чертъ дѣтства. Если бы у насъ было время рассмотреть и другія черты, напримѣръ, дѣтское тщеславіе то и тамъ, я думаю, мы нашли бы нѣчто подобное. Тщеславіе дѣтей, какъ и дикарей, послужило уже темой для многихъ разсужденій, и оно, правда, безмѣрно до нелѣпости. Однако рядомъ съ этой наклонностью разукрашивать себя, хвастаться и т. д. существуетъ и трогательное дѣтское чистосердечіе, которое если и не вполне подходитъ подъ то, что мы называемъ скромностью, то является, быть можетъ, чѣмъ-то лучшимъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ, кажется, сдѣлать тотъ выводъ, что дѣтская натура съ нравственной стороны не отличается постоянствомъ и единообразіемъ. Одна—область полуразвившихся зачатковъ, между которыми идетъ непрерывная борьба и изъ которыхъ одни благопріятны, другіе неблагопріятны для нравственности. И дѣло воспитанія—привести всѣ эти разрозненные наклонности въ такую систему, гдѣ наклонности къ добру заняли бы мѣсто высшихъ и руководящихъ принциповъ.

VIII.

О подчиненіи.

Борьба съ порядкомъ.

Въ послѣдней главѣ мы пытались разобрать тѣ наклонности дѣтской природы, которыя хотя и имѣютъ нѣкоторое нравственное значеніе, но все же могутъ быть названы въ извѣстномъ смыслѣ самопроизвольными и независящими отъ нравственныхъ вліяній воспитанія. Теперь мы рассмотримъ отношеніе ребенка къ тому нравственному воздѣйствію, съ которымъ ему приходится столкнуться.

Въ этомъ вопросѣ мы также встрѣчаемъ совершенно противоположныя взгляды. Одни утверждаютъ, что основная черта дѣтей—непослушаніе и нарушеніе приказаній. По ихъ словамъ, дитя—рожденный бунтовщикъ, которому ничто не доставляетъ такого удовольствія, какъ уклоненіе отъ предписаній, установленныхъ для него другими.

Другой взглядъ, согласно которому дѣти инстинктивно склонны повиноваться и исполнять приказанія, мнѣ кажется, еще не находилъ особенно ревностныхъ поборниковъ. По крайней мѣрѣ, какой-нибудь послѣдователь Руссо, который видитъ въ нашихъ попыткахъ руководить дѣтьми только грубое вмѣшательство въ ходъ естественнаго развитія,—такой послѣдователь скажетъ, конечно, что дѣтская натура должна противостоять искусственной и стѣснительной системѣ, которая проводится воспитателемъ.

Однако, нѣкоторые лица, повидимому, допускають, что есть извѣстное число податливыхъ дѣтей, склонныхъ подчиняться требованіямъ воспитателя. По словамъ этихъ лицъ, дѣти бываютъ либо послушны, либо непослушны. Быть можетъ таковъ взглядъ многихъ матерей и педагоговъ.

Весьма вѣроятно, что и здѣсь также мы пытаемся слишкомъ упростить природу. Даже послѣдній взглядъ, въ которомъ какъ будто выражается намѣреніе проводить извѣстныя различія, не считается съ многосторонностью ребенка, съ безконечнымъ разнообразіемъ тѣхъ формъ, въ которыхъ могутъ проявляться инстинкты дѣтской природы.

Но слѣдуетъ спросить, поддавались ли бы дѣти вообще какому нибудь нравственному воздѣйствію, если бы она отъ природы были предрасположены враждебно относиться ко всякому авторитету. Разумѣется, физически справиться съ ними и нравственно запугать ихъ вполне возможно; но между такимъ воздѣйствіемъ и развитіемъ въ нихъ привычки къ повиновенію, къ подчиненію указаніямъ старшихъ, существуетъ большая разница.

Приступая къ изслѣдованію этого вопроса, мы должны прежде всего провести различіе между отношеніемъ ребенка къ воспитателю, родителямъ или другимъ наставникамъ и его отношеніемъ къ самимъ приказаніямъ. Первое нисколько не совпадаетъ со вторымъ, и это различіе начинаетъ обнаруживаться уже у ребенка трехъ или четырехъ лѣтъ. Намъ можетъ казаться, что ребенокъ непокоренъ, что онъ возстааетъ противъ самой мысли о подчиненіи, между тѣмъ какъ онъ возстааетъ только противъ извѣстнаго лица и противъ того порядка (или, какъ сказалъ бы ребенокъ, безпорядка), которому его заставляютъ подчиняться.

Присмотримся ближе къ своеволію и непокорству дѣтей. Мы видѣли, что ихъ живость и обиліе сильныхъ наклонностей приводитъ ихъ въ столкновеніе съ волею другихъ. Въ особенности наставникъ является величайшимъ и постояннымъ источникомъ помѣхъ и запретовъ. У ребенка есть свои естественныя желанія и наклонности. Въ немъ много веселости

ему нравятся разныя безобидныя продѣлки, и матери приходится серьезно говорить ему о томъ, что онъ дурень. Можно ли удивляться, что онъ не любитъ стѣсненій? У него есть не мало склонностей, неудобныхъ для другихъ, наиримѣръ, склонность приводить вещи въ беспорядокъ, играть водой и т. д. Всѣмъ извѣстно, что онъ, подобно уткѣ, питаетъ пристрастіе къ грязнымъ лужамъ. Цивилизація, требующая, чтобы ребенокъ былъ чистъ и опрятно одѣтъ, тотчасъ же вмѣшивается въ лицѣ няни и прекращаетъ такого рода развлеченія. Если новичекъ, не привыкшій повиноваться, здоровъ тѣломъ и душой, то онъ возстаетъ противъ такого стѣсненія, вопить, бьетъ няню и т. д.

Такія столкновенія въ теченіе первыхъ лѣтъ жизни вполнѣ нормальны, и намъ не за чѣмъ заботиться, чтобы ребенокъ подчинялся приказаніямъ другого, не обнаруживая при этомъ никакого сопротивленія. Насколько часто и съ какою силой происходятъ подобныя стычки,—это зависитъ отъ здоровья и крѣпости ребенка. Самыя лучшія дѣти, лучшія съ біологической точки зрѣнія, имѣютъ, я думаю, больше всего бунтовщическихъ склонностей. Сопротивленіе воли ребенка волѣ взрослого нерѣдко сопровождается и болѣе выразительнымъ протестомъ въ формѣ ударовъ, толчковъ и даже укусовъ. Но комическое неравенство тѣлесныхъ силъ предохраняетъ или должно бы предохранять такое состязаніе отъ перехода въ серьезную физическую борьбу. Тамъ, гдѣ примѣняется большая сила,—тамъ сопротивленіе должно выражаться только въ безсильномъ протестѣ, въ напрасныхъ крикахъ или другихъ проявленіяхъ задержаннаго, подавленнаго стремленія.

Если власть проявляется не въ видѣ физическаго принужденія, а въ формѣ очень неприятнаго приказанія, то дитя, у котораго послушаніе еще не перешло въ привычку, будетъ очень склонно не повиноваться. Если няня, вмѣсто того, чтобы оттащить ребенка отъ лужи, приказываетъ ему отойти, то онъ, вѣроятно, отвѣтитъ краснорѣчивымъ: „я не хочу“, или менѣе рѣзко: „я еще не могу пойти“. Если лужа ему очень нравится и самъ онъ достаточно безстрашенъ, то онъ,

вѣроятно, начнетъ перебранку, въ которой за „я не хочу“ послѣдуетъ „ты долженъ!“, при чемъ няня въ концѣ концовъ отказывается отъ „нравственнаго“ воздѣйствія и прибѣгаетъ къ физическому насилию.

Нашъ образцовый ребенокъ еще не пошелъ такъ далеко, чтобы признать чистоплотность общимъ правиломъ и подчиниться этому правилу. Поэтому можно сказать, что сопротивление обращено противъ няни, какъ лица, которое отдаетъ ему извѣстное приказаніе, — и приказаніе въ данный моментъ особенно неприятное. Онъ сопротивляется еще не предписаніямъ вообще, а скорѣе опредѣленному вмѣшательству чужой воли.

Въ то же время мы можемъ замѣтить въ этомъ рано проявляющемся сопротивленіи черты настоящей бунтовщической природы, т.-е. любовь къ безначалію и что, пожалуй, хуже, упорную безпечность нарушителя законовъ. На это указываетъ самое поведеніе ребенка въ тѣхъ случаяхъ, когда чужая воля задерживаетъ его дѣятельность и препятствуетъ ей. Развѣ вопли и другія беспорядочныя дѣйствія не выражаютъ гнѣва бунтовщика или буйна? И далѣе, неистовое упорство въ непослушаніи во время выговора и дикая, порочная рѣшимость перенести все, что угодно, только не повиноваться, — развѣ все это не указываетъ на почти демоническую необдуманность возмущенія. Совершенно испорченный ребенокъ не дорожитъ ничѣмъ. Такъ, одинъ маленькій четырехлѣтній грѣшникъ, которому его сестра (бывшая двумя годами старше) напомнила, что онъ не попадетъ на небо: кощунственно отвѣтилъ: „И не надо“; затѣмъ онъ прибавилъ, „Дядя не пойдетъ туда, и я останусь съ нимъ“¹⁾.

Такое неистовое и шумное выраженіе гнѣва, приводящаго къ неповиновенію и сопротивленію приказамъ, производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Но это — не единственное выраженіе гнѣва. Наблюдая такихъ дѣтей, которыя въ общемъ

---

¹⁾ Мой корреспондентъ, быть можетъ изъ скромности, не сообщаетъ, почему дядя тоже попалъ въ число отверженныхъ.

обнаруживаютъ вѣдшее подчиненіе старшимъ, мы можемъ замѣтить признаки скрытаго недовольствія и сопротивленія. Конфликтъ съ предписаніемъ еще не совсѣмъ прекратился, а только получилъ другую форму: физическое нападеніе и вызывающіе буйные крики замѣнились словесными атаками.

Интересную главу въ той психологіи ребенка, которой еще только предстоитъ быть написанной, составить описаніе разнообразныхъ уловокъ, при помощи которыхъ маленькій хитрецъ, принуждаемый нести на себѣ ярмо подчиненія, старается сгладить его раздражающія шероховатости.

Одной изъ простѣйшихъ и наиболѣе прозрачныхъ уловокъ этого рода является придумываніе экспромтомъ какого-нибудь довода для того, чтобы въ данный моментъ не исполнить извѣстнаго приказанія. Ребенокъ скоро замѣчаетъ, что отвѣтить: „Я не хочу“, когда ему приказываютъ что-нибудь, такъ же неблагоприятно, какъ и грубо. Онъ желаетъ поступать по своему, не прибѣгая къ грубому нарушенію приличій, и потому онъ отвѣчаетъ вкрадчиво: „Мнѣ очень жаль, но я слишкомъ занятъ“, или какой-нибудь другой подобной фразой. Надѣленный воображеніемъ ребенокъ можетъ часто примѣнять свои способности въ области такихъ выдумокъ. Одинъ маленькій мальчикъ трехъ лѣтъ и девяти мѣсяцевъ, услыхавъ обычное приказаніе няни: „Поди сюда!“, тотчасъ же отвѣтилъ: „Не могу, няня, я ищу блоху“, и сталъ притворяться, что онъ всецѣло поглощенъ этимъ важнымъ дѣломъ — охотой за названною дичью на своемъ одѣялѣ ¹⁾. Маленькій плутъ такъ любитъ шутки, что въ подобномъ случаѣ почти навѣрное обнаружитъ какъ-нибудь свою хитрость, и нашъ маленький охотникъ за блохами, какъ говорятъ, лукаво смѣялся, высказывая свое извиненіе. Подобныя хитрыя выдумки, пожалуй, такъ же дурны, какъ и глупыя извиненія тупого, надутаго ребенка, только онѣ не такъ легко выводятъ насъ изъ себя.

---

1) Ср. извиненіе, которое, привела одна трехлѣтняя дѣвочка, когда бабушка позвала ее: „Я не могу пойти, я кормлю ребенка“ (куклу). *П. Ломброзо*, указ. соч., стр. 126.

Въ этихъ извиненіяхъ часто обнаруживается значительная изобрѣтательность. Какъ разнообразны, напримѣръ, тѣ болѣе или менѣе вымышленные доводы, которые умѣетъ приводить, чтобы только не послушаться, мальчикъ, получившій приказаніе поменьше шумѣть. Здѣсь въ видѣ неодолимой помѣхи между запретомъ и его выполненіемъ становятся важные интересы изъ міра игръ, напримѣръ, необходимость погонять лошадку, отдавать приказанія солдатамъ и т. д., и неповиновеніе получаетъ достаточно оправданій. Въдѣ для ребенка міръ его игръ, хотя и созданный до извѣстной степени по образцу дѣйствительнаго міра, все же отдѣленъ отъ послѣдняго и священенъ; и обычныя стѣсненія, какъ приказаніе не шумѣть и т. д.,—стѣсненія, заимствованныя изъ будничнаго міра, кажутся поэтому ребенку совершенно неумѣстными въ этой свободной, ему лично принадлежащей области.

Всѣмъ извѣстно то искусство, съ которымъ ребенокъ умѣетъ „облегчать“ тягость приказаній и запрещеній. Если, напримѣръ, ему велятъ сидѣть совсѣмъ тихо, такъ какъ мать или отецъ хочетъ спать, то онъ мило выговариваетъ себѣ позволеніе хоть едва слышно шептать. Если ему приказываютъ не просить ничего изъ того, что находится на столѣ, то онъ прибѣгаетъ къ хитрымъ косвеннымъ напоминаніямъ о своемъ желаніи; такъ, одинъ мальчикъ пяти съ половиной лѣтъ въ подобномъ случаѣ довольно громко проспешталъ: „Надѣюсь, что кто-нибудь дастъ мнѣ еще немного супу“; одна дѣвочка трехъ съ половиной лѣтъ, глядя, какъ взрослые ѣдятъ пирожное, съ еще большимъ дѣтскимъ тактомъ замѣтила: „Я не прошу“. Послѣдній случай можно сравнить съ разсказомъ Руссо объ одной шестилѣтней дѣвочкѣ; эта дѣвочка получила за столомъ всѣ кушанья, кромѣ одного, и искусно намекнула на это обстоятельство, указывая по-очереди на всѣ блюда и приговаривая: „Это я ѣла“, но тщательно обходя неотвѣданное кушанье ¹⁾. Когда

¹⁾ Эмиль, кн. V, приведено у *Perez, L'art et la poésie chez l'enfant*, стр. 127. Руссо хочетъ этимъ разсказомъ показать, что дѣвочки хитрѣ мальчиковъ.

на ребенка возлагают болѣе тяжелыя обязанности и приказываютъ ему, еще мало знакомому съ высокой нравственностью, считаться съ удобствомъ другихъ и даже жертвовать для этого удобства своимъ собственнымъ, то онъ обнаруживаетъ большое умѣнье согласовывать такіе совѣты, направленные къ его совершенствованію, со своей дѣтской слабостью. Приведу забавный примѣръ этого рода. Одинъ маленький мальчикъ пяти лѣтъ и девяти мѣсяцевъ, по имени Эдгаръ, былъ разъ приглашенъ къ чаю въ общество маленькихъ дѣвочекъ. Его мать, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, наказывала ему, какъ вести себя, и сказала при этомъ: „Не забудь уступать имъ мѣсто, какъ папа уступаетъ мнѣ“. Послѣ минутнаго раздумья Эдгаръ отвѣтилъ: „Да, но не сразу. Ты должна раньше уговаривать его“.

Подобная же хитрость обнаруживается и тогда, когда ребенку приходится защищаться противъ обвиненія. Разнообразіе приемовъ, при помощи которыхъ ребенокъ старается уклониться отъ главнаго вопроса, поистинѣ изумительно, и здѣсь проявляются всѣ способности дѣтскаго ума.

Иногда ребенокъ не обращаетъ вниманія на скучныя обвинительныя рѣчи, произносимыя суровымъ тономъ и содержащія обычную жалобу: „Какъ можешь ты быть такимъ дурнымъ?“ Сохраняя въ теченіе нѣкотораго времени внѣшнимъ образомъ полное вниманіе, маленький подсудимый затѣмъ переводитъ разговоръ какъ можно безыскусственнѣе на что-нибудь болѣе пріятное. Это тяжело, но это еще не самое худшее. Величайшее униженіе испытываетъ мать, когда въ отвѣтъ на тщательно приготовленную и торжественно произнесенную проповѣдь она получаетъ замѣчаніе о какой-нибудь мелочи, которая показалась ребенку странной. Это испытала, напримѣръ, одна мать, которая, прочитавъ серьезную нотацию своему маленькому сыну по поводу какого-то проступка, услышала слѣдующій отвѣтъ: „Мама, когда ты говоришь, ты не двигаешь верхней челюстью“.

Разумѣется, трудно сказать, въ какой мѣрѣ тѣ приемы, при помощи которыхъ ребенокъ во время выговора преры-

ваетъ разговоръ или какъ будто пытается переимѣнить его являются плодомъ сознательнаго умысла. Мы знаемъ, что трудно приковать мысли ребенка надолго къ одному предмету, а нотация предъявляетъ въ этомъ отношеніи слишкомъ большія требованія, да и ея тема кажется обыкновенно скучной живому дѣтскому уму. Поэтому мысль ребенка непременно начинаетъ блуждать, и грубо перерывающія рѣчь замѣчанія и уклоненія отъ темы могутъ объясняться вполне естественной работой дѣтскаго ума. Однако, я боюсь, что умыселъ все-таки часто играетъ при этомъ значительную роль. Уклоненіе, которому поддался слабый наставникъ, могло на первый разъ быть плодомъ самопроизвольнаго теченія дѣтскихъ мыслей; но успѣхъ этого уклоненія можетъ побудить наблюдательнаго ребенка къ новымъ попыткамъ въ этомъ родѣ, и притомъ уже съ коварною цѣлью.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ не пытается оставить обвиненіе безъ вниманія, маленькій хитрецъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы найти смягчающія и оправдывающія обстоятельства. Здѣсь мы видимъ много уловокъ, часто довольно грубыхъ, при помощи которыхъ маленькій подсудимый старается сложить съ себя нравственную отвѣтственность и доказать, что не онъ сдѣлалъ то, въ чемъ его обвиняютъ. Вина сваливается на кого-нибудь или на что-нибудь. Если ребенокъ разбилъ что-нибудь, напримѣръ, чашку, и его бранятъ за это, то онъ выгораживаетъ себя объясненіемъ, что она была недостаточно прочна или что горничная поставила ее слишкомъ близко къ краю стола. Въ такомъ отрицаніи есть ясныя признаки фаталистическаго образа мыслей. Все сложилось такъ, что ребенокъ не могъ не сдѣлать того, что онъ сдѣлалъ. Этотъ фатализмъ проявляется и въ тѣхъ уже указанныхъ нами дѣтскихъ уловкахъ, при помощи которыхъ самъ ребенокъ пытается кое-какъ скрыть свою роль, сваливая отвѣтственность на физическіе факторы. На такую уловку дѣти иногда набредаютъ очень рано. Одинъ крохотный двухлѣтній ребенокъ, которому не велѣли плакать, съ трудомъ пробормоталъ: „Эльза плакать — не Эльза плакать —

слезы плакать — гадкія слезы!“ Слѣдуетъ признать, что это оправданіе болѣе удовлетворительно, нежели неудачная попытка мальчика сложить отвѣтственность за какой-то дурной поступокъ съ себя на свои руки, потому что наши слезы какъ будто не зависятъ отъ насъ и въ теченіе первыхъ лѣтъ совершенно не подчиняются нашей волѣ.

Фаталистическую форму оправданія мы встрѣчаемъ позднѣе и въ обычной фразѣ: „Богъ сдѣлалъ меня такимъ“. Когда одного трехлѣтняго мальчика упрекнули, что онъ оставляетъ корки хлѣба, между тѣмъ какъ отецъ его доѣдаетъ ихъ, этотъ скороспѣлый метафизикъ замѣтилъ: „Да, но ты видишь, папа, что Богъ создалъ тебя и меня неодинаковыми“.

Такое отрицаніе своей вины встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенка обвиняютъ въ чѣмъ-нибудь, и онъ не имѣетъ никакихъ ясныхъ оправданій. Часто проникательный умъ ребенка, который никогда не бываетъ такъ остеръ, какъ именно при такой самозащитѣ, находитъ доводы въ пользу оправданія. Въ этихъ случаяхъ его поведение бываетъ очень различно. Онъ уже не поднимаетъ безпомощно рукъ, какъ несправедливо обвиняемый, но смѣло и твердо смотритъ, какъ человѣкъ, который готовъ защищать свой поступокъ.

Иногда такія оправданія являются только образцами жалкаго крючкотворства. Одинъ мальчикъ, на примѣръ, грубо обошелся со своимъ маленькимъ братомъ. Мать побранила его, указывая на то, что онъ могъ повредить ребенку. Тогда онъ спросилъ: „Развѣ это не мой собственный братъ“, и когда мать признала этотъ неоспоримый фактъ, онъ, торжествуя, воскликнулъ: „Хорошо, ты сама сказала, что я могу дѣлать со *своими собственными* вещами, что хочу“. Мысль о томъ, что драгоценный ребенокъ можетъ принадлежать мальчику, который имѣетъ право дѣлать съ нимъ, что хочетъ, — эта мысль такъ не соотвѣтствуетъ представленіямъ взрослыхъ, что намъ кажется невозможнымъ оправдывать мальчика непониманіемъ. Быть можетъ, намъ слѣдуетъ смотрѣть на него, какъ на испорченнаго маленькаго софиста, которому суждено... впрочемъ предсказанія, къ счастью, не наше дѣло.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія оправданія какъ будто придуманы заднимъ числомъ именно для самозащиты и пускаются въ ходъ, какъ сознательная ложь. Но здѣсь необходимо строгое различеніе. Возьмемъ для примѣра слѣдующій рассказъ изъ Вустерскаго сборника. Одному трехлѣтнему мальчику мать велѣла оставаться въ комнатѣ и присмотрѣть за маленькой сестричкой, пока она сама сходитъ внизъ. Возвращаясь черезъ нѣсколько времени наверхъ, она встрѣтила мальчика на лѣстницѣ. На вопросъ, почему онъ оставилъ ребенка, мальчикъ отвѣтилъ, что въ комнату влетѣлъ шмель и что онъ боялся, какъ бы шмель не ужалилъ его, если онъ останется тамъ. Когда же мать спросила, не боялся ли онъ, что шмель ужалилъ его маленькую сестру, онъ отвѣтилъ, что боялся, но прибавилъ, что если бы онъ остался въ комнатѣ, то шмель могъ бы ужалить ихъ обоихъ, и тогда мать имѣла бы двойныя хлопоты. При всемъ желаніи быть снисходительнымъ, я не могу все же повѣрить, что маленький мальчикъ дѣйствительно руководился этимъ тонкимъ соображеніемъ безкорыстнаго разчета, когда оставлялъ комнату изъ-за шмеля, — если только тамъ въ самомъ дѣлѣ находился шмель. Быть пойманнымъ на мѣстѣ преступленія и тутъ же подвергнуться допросу, — это, мнѣ кажется, положеніе, въ которомъ особенно часто предумысливается благовидная ложь.

Мы должны коснуться еще одного вида этой искусной дѣтской діалектики, которая обнаруживается тогда, когда ребенокъ стоитъ съ обвинителемъ лицомъ къ лицу. Эти маленькіе проницательные плутишки умѣютъ съ ловкостью, въ которой есть что-то адвокатское, находить въ обвиненіи различные изъяны. Всякое преувеличеніе, въ которое впадаетъ возбужденный негодованіемъ обвинитель, немедленно подхватывается. Если, на примѣръ, ребенка бранятъ за то, что онъ тянулъ кошку за уши и заставилъ ее кричать, то для маленькаго поборника точности достаточно, если онъ можетъ сказать: „Я не тянулъ кошку за *уши*, я тянулъ ее только за *одно ухо*“. Эта способность отрицать обвиненіе въ его первоначальной формѣ доставляетъ ребенку большое преимуще-

ство и въ значительной степени лишаетъ силы обвиненіе въ его исправленномъ видѣ. Отсюда, замѣтимъ мимоходомъ, можно сдѣлать тотъ выводъ, что разумность воспитательной системы ни въ чемъ такъ не проявляется, какъ и въ точномъ, до мелочности, употребленіи словъ.

Рядомъ съ этими отдѣльными случаями возмущенія противъ различныхъ пунктовъ повседневной дисциплины мы видимъ иногда и болѣе смѣлое дѣйствіе въ формѣ общаго протеста противъ суровости этой дисциплины. Есть дѣти, которыя утверждаютъ, что налагаемая на нихъ наказанія не дѣйствительны; и хотя ихъ мнѣніе въ подобныхъ вопросахъ едва ли безпристрастно, оно все же бываетъ иногда довольно правильнымъ. Одинъ американскій мальчикъ пяти лѣтъ и десяти мѣсяцевъ началъ кричать, потому что ему запретили пойти во дворъ играть, и когда мать пригрозила ему розгами, онъ замѣтилъ: „Что же, мама, отъ этого я только буду кричать еще больше“.

На такіе дѣтскіе протесты, какъ извѣстно, обыкновенно отвѣчаютъ общими мѣстами о томъ, что кто любитъ, тотъ и наказываетъ. Но ребенку трудно согласиться съ этими тонкостями. Для него любовь — это любовь, выражающаяся въ ласкѣ, въ заботахъ о томъ, чтобы въ данный моментъ доставить ему какое-нибудь удовольствіе; а между тѣмъ его мать, которая говоритъ, что любитъ его, и часто поступаетъ такъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ любитъ,—эта мать вдругъ превращается въ чудовище, которое мучаетъ его и дѣлаетъ его несчастнымъ. Онъ можетъ повѣрить ей, что она бранить и наказываетъ его именно потому, что она—хорошая мать, но онъ готовъ желать, чтобы она была немного менѣе хорошей. Одинъ четырехлѣтній мальчикъ долженъ былъ развѣ наказаніе за свои шалости оставаться въ постели до десяти часовъ утра. Лежа въ постели, онъ обратился къ своей матери со слѣдующимъ заявленіемъ: „Если бы у меня были маленькія дѣти, я былъ бы гораздо худшею матерью, чѣмъ ты,—я былъ бы совсѣмъ гадкою матерью; я бы позволялъ дѣтямъ вставать во всякомъ случаѣ сейчасъ же послѣ того,

какъ я выпью свой утренній чай“. Если же мать, какъ на причину запрещенія, указываетъ на свое собственное удобство, то она можетъ получить слѣдующаго рода отвѣтъ: „Я хотѣлъ бы, чтобы ты была немножко менѣ эгоистична и позволила мнѣ шумѣть“.

Я сказалъ достаточно, чтобы показать, какими средствами неисковерканный ребенокъ борется противъ всякаго стѣсненія, задерживающаго его свободную дѣятельность. Онъ съ самаго начала является открытымъ врагомъ власти. Еще долгое время спустя онъ, выказывая извѣстное наружное подчиненіе, сохраняетъ въ своей груди частицу мятежнаго духа. Онъ дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы обойти самые непріятные пункты установленныхъ для него правилъ, и обнаруживаетъ поразительную изобрѣтательность въ придумываніи оправданій для случаевъ явнаго неповиновенія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда допускается откровенность, ребенокъ склоненъ чрезвычайно рѣзко критиковать ту систему, которой ему приходится подчиняться.

Однако все это, повидимому, показываетъ, что ребенокъ возстаетъ не только противъ тѣхъ частныхъ порядковъ, съ которыми онъ долженъ согласовать свою жизнь, но и противъ всего обязательнаго, такъ какъ оно приноситъ съ собой стѣсненіе его свободной дѣятельности. Такъ, съ точки зрѣнія ребенка, насколько мы изучили ее пока, наказанія собственно не должно бы существовать.

Это враждебное отношеніе ко всему обязательному и къ связаннымъ съ обязанностью стѣсненіямъ такъ сильно и глубоко, что страстное желаніе ребенка быть „большимъ“ основано, я думаю, на ожиданіи свободы. Быть большимъ—это значить для ребенка прежде всего быть свободнымъ отъ всякаго принужденія и приказанія, имѣть возможность дѣлать все, что нравится, не встрѣчая препятствій со стороны другихъ. Такое желаніе можетъ достигнуть значительной силы даже у совсѣмъ маленькаго ребенка. „Знаешь“, спрашивалъ одинъ четырехлѣтній малышъ, „что я сдѣлаю, когда буду большимъ? Я пойду въ лавку, куплю пирогъ и выберу изъ

него весь изюм“. Этот забавный рассказ удачно характеризует направление дѣтских желаній. Даже такое ничтожное запрещеніе, какъ запрещеніе выбирать изюмъ изъ пирога, можетъ болѣзненно раздражать чувствительность ребенка.

Дитя, какъ сторонникъ порядка.

Присматриваясь ближе, мы замѣтимъ, однако, что этой враждебностью обусловлено не все поведеніе ребенка, что она, быть можетъ, не составляетъ даже основной его черты. Прежде всего очевидно, что значительная доля этого критическаго отношенія ребенка къ приказаніямъ родителей не только не заключаетъ въ себѣ отрицанія всякаго правила вообще, но, наоборотъ, ясно указываетъ на согласіе съ нимъ. Нѣкоторые изъ самыхъ раннихъ и самыхъ горькихъ протестовъ ребенка противъ посторонняго вмѣшательства направлены на то, что кажется ему неправильнымъ, противорѣчащимъ установленному порядку. Если, на примѣръ, ребенку позволили нѣкоторое время играть ножницами, а затѣмъ вдругъ отнимаютъ ихъ у него,—такъ какъ мать теперь только поняла, что ножницы—неподходящая игрушка,—то его страстный гнѣвъ и долгій горькій протестъ свидѣтельствуетъ о чувствѣ несправедливости, о нарушеніи обычая и неписанаго закона. Далѣе, пылкія и страстные возраженія противъ всего, что въ приказаніяхъ родителей напоминаетъ несправедливость или пристрастіе, показываютъ, что ребенокъ ревниво охраняетъ единообразіе и ненарушимость закона. Даже и указанное выше критическое отношеніе въ значительной степени свидѣтельствуетъ о томъ, что ребенокъ признаетъ законъ—по крайней мѣрѣ въ цѣляхъ доказательства. Самая попытка защищаться или оправдываться является, можно сказать, молчаливымъ признаніемъ того, что данный поступокъ, *если бы* онъ былъ совершенъ такъ, какъ утверждаютъ, былъ бы дурень и заслуживалъ бы наказанія. Въ дѣйствительности возраженія ребенка противъ того, какъ примѣняются установленныя матерью правила, явно вытекаютъ,—именно по-

тому, что они часто бывают нравственны въ настоящемъ смыслѣ этого слова,—изъ признаванія правилъ и изъ различенія, которое проводится между тѣмъ, что справедливо и что несправедливо.

Это само по себѣ показываетъ, что ребенокъ одинаково склоненъ какъ подчиняться, такъ и не подчиняться закону и старшимъ, пока они держатся въ границахъ этого закона. Теперь мы можемъ перейти къ другимъ сторонамъ поведенія ребенка, которыя помогутъ намъ выяснитъ существованіе такихъ наклонностей къ подчиненію закону.

Начнемъ съ тѣхъ проявленій чего-то похожего на раскаяніе, которыми часто сопровождается въ раннемъ, нѣжномъ возрастѣ неповиновеніе и наказаніе. Такія проявленія вначалѣ, быть можетъ, лишь немногимъ отличаются отъ простыхъ физическихъ реакцій, вызванныхъ истощеніемъ послѣ страстной вспышки. Но въ нихъ скоро начинаютъ обнаруживаться признаки новыхъ чувствъ. Еще не имѣя яснаго нравственнаго чувства стыда, ребенокъ, на котораго сердятся, страдаетъ отъ чувства отчужденности, заброшенности, одиночества. Если обычныя отношенія между матерью и ребенкомъ носятъ любовный, счастливый характеръ, то такое положеніе становится особенно мучительнымъ. Несмотря на свою гордость и упрямство, маленькій преступникъ чувствуетъ, что у него отнята бѣльшая половина его жизни, что его прекрасный мѣръ разрушенъ. Тотъ самый маленькій мальчикъ, который говорилъ: „Я былъ бы дурною матерью“, замѣтилъ своей матери нѣсколько мѣсяцевъ спустя, что еслибы онъ могъ сказать Богу то, что хочетъ, онъ сказалъ бы: „Люби меня тогда, когда я дурень“. Мнѣ кажется, нельзя представить себѣ болѣе краснорѣчиваго свидѣтельства тѣхъ страданій, которыя испытываетъ одинокій, лишенный любви, наказанный ребенокъ.

Существуетъ ли какое нибудь сходство между нашими угрызениями совѣсти и этими дѣтскими страданіями? Вопросъ объ инстинктивномъ нравственномъ чувствѣ дѣтей очень сложенъ, и я не намѣренъ обсуждать его здѣсь. Рѣшуь только

высказать предположеніе, что въ этихъ мучительныхъ горестяхъ ребенка есть признаки, указывающіе на сознаніе оскорбленнаго инстинкта. Такого рода боль испытываетъ любящее сердце при воспоминаніи о дурномъ поступкѣ. Болѣе того, ребенокъ четырехъ или пяти лѣтъ вполне способенъ, я думаю, въ подобномъ состояніи размышлять о томъ, что во время припадковъ злости онъ порываетъ со своимъ нормальнымъ „я“, подвергаетъ поруганію то, что онъ обыкновенно почитаетъ и чему повинуется.

Но какіе это инстинкты?—спросять, быть можетъ, нѣкоторые читатели. Мнѣ кажется, что въ самой ранней своей формѣ они являются уваженіемъ къ правилу, къ законосообразнымъ дѣйствіямъ, которыя противопоставляются незаконосообразнымъ. Ребенокъ, насколько я понимаю этого маленькаго сфинкса, является въ одно и то же время лицомъ съ вѣчно измѣняющимся капризами, въ силу которыхъ онъ и любитъ такъ посмѣяться надъ правиломъ и порядкомъ,—и почитателемъ всего обычнаго, установленнаго, согласнаго съ правиломъ. И я думаю, что послѣднее чувство болѣе сильно и болѣе глубоко, что ему принадлежитъ перевѣсъ въ минуты серьезности.

Если этотъ взглядъ правиленъ, то страданія дурныхъ дѣтей являются результатомъ не только внѣшнихъ сторонъ дисциплины, какъ говорятъ нѣкоторые, результатомъ наказанія и лишенія тѣхъ пріятныхъ вещей, которыми награждается хорошее поведеніе,—хотя все это и составляетъ обыкновенно одинъ изъ элементовъ страданія; послѣднее обусловлено и не только чувствомъ одиночества и окружающаго холода, хотя это чувство, вѣроятно, играетъ очень значительную роль. Въ такихъ страданіяхъ содержится зачатокъ чего-то болѣе близкаго къ настоящимъ угрызениямъ совѣсти, именно—смутное сознаніе, что нормальныя чувства и склонности подверглись насилію и поруганію.

Можно спросить, существуютъ ли другія доказательства этого уваженія къ порядку и законности кромѣ тѣхъ, кото-

рыя мы находимъ въ дѣтскихъ протестахъ противъ явной непослѣдовательности въ примѣненіи дисциплины.

Вальтеръ Бэгехотъ (Bagehot) говоритъ, что при первоначальномъ образованіи обществъ одна изъ величайшихъ трудностей заключалась въ установленіи обычаявъ. Вѣрно ли это относительно первобытныхъ обществъ или нѣтъ, но мнѣ кажется несомнѣннымъ, что у ребенка, выросшаго при нормальныхъ условіяхъ, можно ясно замѣтить инстинктъ, побуждающій его согласовать свои дѣйствія съ обычными дѣйствіями окружающихъ.

Это уваженіе къ обычаю находится въ связи съ раздражительными инстинктами ребенка. Онъ дѣлаетъ то, что на его глазахъ дѣлають другіе, и старается согласовать съ ихъ образомъ жизни свой собственный. Всѣмъ извѣстно, что дѣти руководствуются въ вопросахъ о томъ, что дозволено, примѣрами старшихъ, и этимъ объясняется трудность нравственнаго воспитанія. Одинъ мальчикъ двухъ лѣтъ и одного мѣсяца разъ случайно увидѣлъ, какъ его мать разорвала кусокъ коленкору. На слѣдующій день (его поймали на томъ, какъ онъ снялъ съ постели простыню и сдѣлалъ въ ней дыру. Когда его стали бранить, онъ по-дѣтски отвѣтилъ: „Мама рветъ“. Хорошо еще, если подобное неудачное вліяніе „примѣра“ имѣетъ такіа ничтожныя послѣдствія, какъ въ этомъ случаѣ.

Но примѣръ другихъ дѣлаетъ извѣстные поступки не только позволительными въ глазахъ ребенка; регулярное повтореніе нѣкоторыхъ дѣйствій придаетъ имъ для него даже какую-то обязательность. Такова сила „обычая“ въ полномъ смыслѣ это слова, — сила, на которой основаны всѣ представленія ребенка о „правѣ“. Несмотря на всѣ трудности нравственнаго воспитанія и приученія дѣтей къ опредѣленнымъ порядкамъ, — я этого нисколько не упускаю изъ виду, — можно съ увѣренностью сказать, что у нихъ есть врожденное уваженіе ко всему, что обычно и что носитъ характеръ жизненнаго правила. Но это уваженіе, я думаю, не есть только отблескъ благонравнаго поведенія другихъ, образовавшійся

путемъ подражанія, отраженіе той системы правилъ, которой ребенку приходится подчиняться. Я вполнѣ готовъ признать, что весь строй общественной жизни, регулярное теченіе повседневной жизни, вмѣстѣ съ установленной родителями дисциплиной, въ значительной степени способствуютъ укрѣпленію въ дѣтскомъ умѣ представленія о порядкѣ и правильности. Но я думаю, что факты указываютъ также и на врожденную склонность дѣтей держаться всего обычнаго и установленнаго; эта склонность, мнѣ кажется, предшествуетъ воспитанію и является одною изъ тѣхъ силъ, которыми воспитаніе можетъ воспользоваться. Ея корни лежатъ въ привычкѣ, которая, очевидно, является закономъ всякой жизни, но она — не одно только слѣпое влеченіе привычки, такъ какъ въ нее входитъ размышленіе и рассужденіе, и такъ какъ она включаетъ въ себя признаваніе мірового порядка.

Первое грубое проявленіе этой склонности создавать правила, придавать жизни извѣстный смыслъ, подчиняя ее опредѣленному порядку, мы видимъ въ тѣхъ поступкахъ, которые объясняются почти исключительно дѣйствіемъ привычки; таково, на примѣръ, требованіе, чтобы точно соблюдался обычный порядокъ за столомъ, и т. д. Одна мать пишетъ, что ея мальчикъ, когда ему было пять лѣтъ, очень настаивалъ на пунктуальной точности въ подобныхъ вопросахъ. Его чашка и ложка всегда должны были стоять аккуратно на опредѣленномъ мѣстѣ, и такъ же строго долженъ былъ соблюдать порядокъ дня—занятія передъ прогулкой, прогулка передъ сномъ и т. д. Всякое нарушеніе обычнаго порядка возмущало его, какъ будто оно было какимъ-то беззаконіемъ. Это, быть можетъ, крайній примѣръ, но мои собственные наблюденія заставляютъ меня сказать, что подобная щепетильность встрѣчается не особенно рѣдко. Болѣе того, мнѣ приходилось видѣть, какъ она развивалась даже въ тѣхъ случаяхъ, когда родители въ своей воспитательной системѣ нисколько не требовали такого тщательнаго, мелочнаго соблюденія порядка. И это какъ будто показываетъ, что такую щепетильность нельзя объяснить однимъ только вліяніемъ

воспитанія. Она является, на мой взгляд, скорѣе самостоятельнымъ расширеніемъ области правила или закона.

Это стремленіе расширить примѣненіе правила полнѣе проявляется въ томъ, какъ дѣти соблюдаютъ многія изъ мелкихъ подробностей этикета. Уваженіе къ правилу трогательно выражается въ отношеніяхъ къ животнымъ, кукламъ и другимъ любимцамъ. Не только послѣдніе должны вести себя благонаравно и соблюдать извѣстное приличіе,—даже и старшіе обязаны относиться къ этимъ любимцамъ съ должнымъ почтеніемъ.

„Каждый вечеръ“,—пишетъ одна мать о своемъ мальчикѣ двухъ лѣтъ и семи мѣсяцевъ,—„послѣ того, какъ я поцѣлую его и пожму его руку, я должна поцѣловать его „мальчика“, т.-е. куклу, которая спитъ съ нимъ, и пожавъ ея обѣ руки, а также пожавъ всѣ четыре копыта маленькой лошадки, которая лежитъ около его постели. Когда все это сдѣлано, онъ приподнимается и проситъ: „Еще, мама, пожалуйста, еще мама“, т.-е. поцѣлуй меня еще и скажи мнѣ еще разъ „покойной ночи“. Обычай, относящійся къ поцѣлуямъ, придуманы имъ самимъ: онъ цѣлуетъ своего „мальчика“ (куклу), а также изображенія лошадей, собакъ, пѣтуховъ и куриць, и подставляетъ намъ свою голову, *чтобы мы его поцѣловали*; взрослымъ чужимъ людямъ онъ только пожимаетъ руку, но не цѣлуетъ ихъ; поцѣлуй онъ берегаетъ для тѣхъ существъ, которыя, повидимому, кажутся ему низшими. Мы цѣлуемъ своего мальчика, онъ—своего; но онъ настаиваетъ все-таки на томъ, чтобы ему подавали руку. Когда къ нему приходятъ другія дѣти, онъ даетъ имъ игрушки, съ удовольствіемъ слѣдить за ними, пытается посадить ихъ верхомъ на свою лошадку, но не цѣлуетъ ихъ; онъ гладитъ ихъ волосы, но не возвращаетъ имъ поцѣлуевъ. Мнѣ кажется, что онъ считаетъ поцѣлуй такимъ дѣйствіемъ, которое должно быть сохранено для низшихъ существъ“.

Я такъ подробно привелъ это тщательное наблюденіе матери, потому что оно, мнѣ кажется, ясно указываетъ на самостоятельное распространеніе обычая. Тотъ фактъ, что мать

и отецъ цѣлуютъ ребенка, здѣсь обобщенъ въ правило обращенія со всѣми низшими.

Это реальное отношеніе къ этикету и къ благонаправности мы видимъ у тѣхъ дѣтей, которыя придаютъ правиламъ вѣжливости больше силы и распространяютъ ихъ на большую область, чѣмъ имѣлось въ виду родителями. Мнѣ самому пришлось видѣть забавный примѣръ этого рода во время прогулки въ одномъ изъ лондонскихъ садовъ. Это было въ ясный весенній день, когда большія почки каштановъ покрывались роскошными зелеными перышками. Двѣ красиво одѣтыхъ „барышни“, приблизительно, я думаю, девяти и одиннадцати лѣтъ, совершали свою обычную утреннюю прогулку. Старшая обратила вниманіе младшей на одно изъ деревьевъ, указавъ на него пальцемъ. Но младшая возмущеннымъ тономъ воскликнула: „Ахъ, Матильда, вѣдь ты знаешь, что нельзя указывать пальцами!“ Эта мысль о невѣжливомъ обращеніи съ каштановымъ деревомъ была довольно комична. Но этотъ случай очень поучителенъ, такъ какъ онъ показываетъ наклонность дѣтей распространять и обобщать правила до крайнихъ предѣловъ.

Дѣти не только увеличиваютъ такимъ образомъ область и значеніе правила, они обнаруживаютъ также наклонность сами создавать правила для себя. Если ребенку велѣли сдѣлать что-нибудь въ опредѣленномъ случаѣ, а онъ повторяетъ это дѣйствіе и въ другихъ случаяхъ, то это свидѣтельствуетъ, повидимому, о зачаткѣ склонности къ созданію законовъ. Одному маленькому мальчику двухъ лѣтъ и одного мѣсяца разъ сказали, чтобы онъ отдалъ часть своихъ старыхъ игрушекъ дѣтямъ садовника. Нѣсколько времени спустя, получивъ новыя игрушки, онъ снова отложилъ старыя для менѣ счастливыхъ дѣтей. Всякій, кто тщательно наблюдалъ дѣтей, знаетъ, что они часто поступаютъ такимъ образомъ, превращая какое-нибудь случайное дѣйствіе или указаніе въ руководящій принципъ. Эта склонность сообщаетъ дѣтскимъ поступкамъ нѣкоторую забавную педантичность.

Мнѣ кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что это уваженіе къ приличному и благонравному поведенію, къ обычаю и общему правилу составляетъ существенный элементъ въ подчиненіи ребенка приказаніямъ родителей. Обращая вниманіе преимущественно на случаи неповиновенія и безпорядочности, мы обыкновенно упускаемъ изъ виду то обстоятельство, какъ легко и свободно нормальные дѣти, если только они хорошо воспитаны, принимаютъ большую часть ихъ обычаевъ и правилъ.

Что инстинктъ порядка способствуетъ нравственной дисциплинѣ,—это можно видѣть изъ того, что дѣти часто относятся къ нашимъ правиламъ съ величайшимъ уваженіемъ. Въ этомъ лучше всего можно убѣдиться, прислушиваясь къ разговорамъ дѣтей между собой, къ тому ударенію, съ которымъ они произносятъ слова „долженъ“ и „не долженъ“. Въ дѣйствительности, дѣти глубоко вѣрятъ въ законъ; правило обыкновенно представляется ихъ воображенію чѣмъ-то въ высшей степени священнымъ и страшнымъ, передъ чѣмъ они должны преклониться.

Это признаніе абсолютной обязательности правила, установленнаго признаннымъ авторитетомъ, проявляется въ настоятельныхъ требованіяхъ дѣтей, чтобы правило соблюдалось какъ ими самими, такъ и другими людьми. Прейеръ замѣтилъ, что ребенокъ двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ повинуется запрещеніямъ матери даже тогда, когда онъ находится въ другихъ рукахъ; такъ, напримѣръ, онъ энергично протестуетъ противъ того, чтобы няня за столомъ дала ему ножъ, такъ какъ мать этого не позволяетъ. Очень благонравныя дѣти любятъ поучать своихъ тетокъ и другихъ несвѣдущихъ лицъ, какъ слѣдуетъ правильно обращаться съ ними, и радуются случаю поправить ихъ даже тогда, когда съ этимъ связано собственное лишеніе. Самоотверженное заявленіе: „Мама не позволяетъ мнѣ ѣсть много сладостей“—несколько не превышаетъ силъ такого ребенка. Въ этомъ можно, безъ сомнѣнія, видѣть признаки дѣтскаго чувства собственнаго значенія, чувство того, что пристало высокому достоинству

окруженнаго заботами маленькаго властелина. Однако, помимо всѣхъ подобныхъ элементовъ, въ этомъ поведеніи, мнѣ кажется, есть нѣкоторая доля врожденнаго уваженія къ родительскому закону.

Это исполненіе приказаній родителей въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ находится въ другихъ рукахъ, очень поучительно, такъ какъ оно заставляетъ думать, что ребенокъ чувствуетъ обязательность приказанія даже въ отсутствіе самого приказывающаго, который могъ бы поддержать его. Быть можетъ, болѣе яснымъ доказательствомъ уваженія къ самому закону, независимо отъ подкрѣпленія его родительской властью, служитъ тотъ фактъ, какъ дѣти распространяютъ на другихъ правила, установленныя для ихъ собственнаго поведенія. Мы уже видѣли это въ наклонности дѣтей придавать всеобщее значеніе правиламъ вѣжливости и т.-д. Никакая черта не проявляется въ нормальномъ ребенкѣ лучше, чѣмъ это стремленіе подчинить другихъ той дисциплинѣ, которая установлена для него. И дѣйствительно, дѣти большей частью являются очень требовательными защитниками дисциплины. Съ какою забавной суровостью устанавливаютъ они обыкновенно законы для своихъ куколъ и товарищей-животныхъ, подвергая ихъ тѣмъ самымъ запрещеніямъ и наказаніямъ, которыя налагаются на нихъсамихъ! Но этимъ они не ограничиваются. Они съ такою же смѣлостью распространяютъ эти обязанности и на старшихъ людей. Одинъ восемнадцатимѣсячный малышъ подошелъ къ своей старшей сестрѣ, которая въ это время плакала, и, поразительно подражая манерѣ няни, сказала: „Тс, тс! папа“, указывая при этомъ на дверь. Когда дѣвочкѣ М. было двадцать два мѣсяца, она была разъ очень разочарована тѣмъ, что одинъ знакомый, господинъ Г., не пришелъ. Вечеромъ она сказала: „Господинъ Г. не пришелъ—гадкій, господина Г. надо побить“. Ребенку кажется естественнымъ и неизбежнымъ, что та система запретовъ, выговоровъ, наказаній, которой онъ самъ подчиненъ, имѣетъ силу для всѣхъ людей.

Эта судейская склонность ребенка очень любопытна и часто развивается въ педантическое пристрастіе наставлять другихъ на истинный путь. Маленькимъ мальчикамъ приходится много терпѣть въ этомъ отношеніи отъ своихъ нѣсколько старшихъ сестеръ, которыя очень свѣдущи въ области разныхъ порядковъ и очень любятъ читать наставленія. Но иногда и дѣвочкамъ случается поскользнуться, и тогда на улицѣ маленькихъ мальчиковъ — праздникъ. Въ такихъ случаяхъ и они умѣютъ быть педантами, если не прямо-таки лицемѣрами. Одинъ маленькій мальчикъ поссорился со своей сестрой, по имени Муріель, непосредственно передъ тѣмъ, какъ имъ надо было ложиться спать. Раздѣвшись, мальчикъ сталъ на колѣни, чтобы прочесть молитву, а Муріель сидѣла по близости и слушала; тогда онъ сталъ молиться (довольно громко) слѣдующимъ образомъ: „Пожалуйста, Боже сдѣлай Муріель хорошей дѣвочкой“; затѣмъ онъ взглянулъ на нее и сердитымъ голосомъ спросилъ: „Слышишь, Муріель?“ и послѣ этого отступленія продолжалъ свою молитву.

Эта страсть поправлять проявляется даже и въ отношеніи къ старшимъ. Собраніе выговоровъ и толкованій нравственныхъ правилъ, которыя заблуждающимся родителямъ приходится выслушать отъ своихъ дѣтей, — такое собраніе было бы очень забавно и поучительно. Выше мы уже видѣли, что ребенокъ умѣетъ очень искусно замѣчать ошибки, въ которыя впадаютъ иногда воспитатели, пользуясь своей властью. Приведемъ еще одинъ примѣръ этого рода, показывающій, какъ рано дѣти начинаютъ давать наставленія своимъ старшимъ. Одинъ двухлѣтній мальчикъ не хотѣлъ ложиться спать, когда отецъ и мать ему приказывали. Въ концѣ-концовъ, отецъ, потерявъ терпѣніе, обратился къ нему съ чисто-мужской суровостью. Такого рода увѣщаніе нисколько не испугало ребенка, а только оскорбило его чувство благопристойности, такъ какъ онъ отвѣтилъ: „Ты не долженъ кричать, Аруръ (имя отца), ты долженъ говорить вѣжливо“.

Теперь мы можемъ обратиться къ тѣмъ явленіямъ, въ которыхъ мои читатели, вѣроятно, увидятъ еще болѣе ясное доказательство инстинктивнаго уваженія дѣтей къ закону, именно — къ ихъ добровольному подчиненію приказаніямъ. Мы склонны думать, что дѣти поступаютъ хорошо только въ силу вишняго принужденія. Однако, хотя ребенокъ четырехъ лѣтъ и не достигаетъ того состоянія „свободной воли“, о которомъ говорятъ философы, онъ все-таки можетъ обнаруживать наклонность къ добровольному подчиненію законамъ. Возможно, что первые слабые признаки этой наклонности мы видимъ въ томъ, какъ маленькій ребенокъ отдаетъ самому себѣ приказанія, дѣлаетъ себѣ выговоръ или хвалитъ себя. Когда маленькую дѣвочку М. въ двѣнадцатимѣсячномъ возрастѣ мать оставляла одну въ комнатѣ, дѣвочка обыкновенно говорила самой себѣ: „Будь здѣсь“. Около этого же времени, каждый разъ, когда она шалила и пищала „какъ паровозный свистокъ“, она говорила низкимъ голосомъ: „Будь хорошей дѣвочкой, Бабба“. Когда ей было двадцать два мѣсяца, она разъ гуляла въ саду и при этомъ, несмотря на запрещеніе, топтала цвѣты, такъ что мать должна была унести ее. Сознавшись въ своей винѣ, она попросила, чтобы ее снова повели въ садъ, и общала: „Бабба не будетъ больше гадкой“. Придя въ садъ, она посмотрѣла на грядки и сказала: „Если ты еще разъ сдѣлаешь это, Бабба, то я должна буду взять тебя въ комнату“. Здѣсь мы, безъ сомнѣнія, видимъ забавное подражаніе чужому надзору, но мнѣ кажется, что этотъ случай свидѣтельствуетъ и о наклонности къ надзору за самимъ собой.

Очень поучительно при этомъ наблюдать, какъ дѣти начинаютъ добровольно подчиняться нашей дисциплинѣ. Когда дѣвочкѣ М. еще не было двухъ лѣтъ, она имѣла обыкновеніе приходитъ къ своей матери и признаваться въ какой-нибудь шалости, намекая на заслуженное наказаніе. У одного маленькаго мальчика двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ отняли карандашъ въ четвергъ и сказали, что не возвратятъ его до воскресенья въ наказаніе за то, что онъ испачкалъ

обои. Но это наказаніе было смягчено разрѣшеніемъ рисовать только въ нижнихъ комнатахъ. Въ субботу онъ нарисовалъ что-то, что ему очень нравилось. Когда няня пришла за нимъ, она захотѣла посмотрѣть его рисунокъ, но ребенокъ рѣшительно воспротивился этому, говоря: „Няня не смотрѣть до воскресенья“. И дѣйствительно, когда наступило воскресенье, и карандашъ былъ ему возвращенъ, онъ тотчасъ же показалъ нянѣ свой рисунокъ. Этотъ превосходный примѣръ ясно показываетъ, какъ работаетъ дѣтскій умъ. Онъ показываетъ, повидимому, между прочимъ, что ребенокъ смотрѣлъ въ теченіе этихъ трехъ дней на дѣтскую и на все, что къ ней принадлежитъ, въ томъ числѣ и на няню, какъ на опасную область, въ которой художникъ не имѣетъ никакихъ правъ. Ему было разрѣшено, въ видѣ милости, рисовать внизу, но онъ не имѣлъ права показывать своего искусства нянѣ, такъ какъ послѣдняя въ его умѣ была неразрывно связана съ дѣтской, гдѣ рисованіе было ему запрещено. Такъ процессъ настоящаго дѣтскаго мышленія привелъ къ добровольному расширенію наказанія.

Мѣсяць спустя этотъ ребенокъ „сорвалъ одну картину въ дѣтской со стѣны“,—эти стѣны, повидимому, оказывали на него сильное притягивающее вліяніе, — „взобравшись на диванъ и дергая картину до тѣхъ поръ, пока не разорвалась проволока. Онъ находился въ это время одинъ въ комнатѣ и очень испугался, хотя не ушибся. Его успокоили и велѣли на будущее время оставить картины въ покоѣ, но не сдѣлали ему никакого выговора. Однако онъ, повидимому, считалъ наказаніе необходимымъ; когда онъ нѣсколько времени спустя спросилъ, можно ли ему надѣть послѣ обѣда новое платье, и ему отвѣтили „нѣтъ“ (такъ какъ была дурная погода или по какой-то другой причинѣ въ этомъ родѣ), онъ тотчасъ же сказалъ: „Потому что я сорвалъ картину?“ Здѣсь, по моему мнѣнію, мы ясно видимъ, что ребенокъ ожидаетъ наказанія, какъ справедливаго и естественнаго послѣдствія такого поступка, въ которомъ,—хотя онъ и не вполне походитъ на другія дѣйствія, уже раньше признанныя дурны-

ми,—, все же смутно чувствуется что-то недозволенное и дурное.

Но дѣти не только ожидаютъ наказанія; намъ извѣстны случаи, когда они въ самомъ дѣлѣ наказывали самихъ себя. Мнѣ кажется, довольно часто бываетъ, что ребенокъ, чувствующій за собою какую-нибудь вину, отказывается за столомъ отъ вкусныхъ вещей, такъ какъ раньше въ подобныхъ случаяхъ онъ бывалъ ихъ лишень. Но самымъ любопытнымъ изъ встрѣченныхъ мной примѣровъ такой нравственной строгости къ себѣ является слѣдующій. Одна девятилѣтняя дѣвочка была очень огорчена какимъ-то дурнымъ поступкомъ, который она совершила. На урокъ она пришла, прихрамывая, и замѣтила, что чувствуетъ себя очень дурно. Когда учительница спросила у нея, въ чемъ дѣло, она сказала: „Съ моей стороны было очень гадко, что я не послушалась васъ, и потому я надѣла правый башмакъ на лѣвую ногу, а лѣвый башмакъ на правую ногу“.

Вкратцѣ приведенные здѣсь факты показываютъ, по моему мнѣнью, что у ребенка съ самаго начала есть склонность подчиняться приказаніямъ. И эта склонность является силой, которая имѣетъ для воспитателя величайшее значеніе. Благодаря ей, ребенокъ становится на сторону своего благоразумнаго воспитателя и его приказаній. Она обезпечиваетъ охотное подчиненіе многимъ изъ установленныхъ правилъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда склонность къ своеволю слишкомъ сильна и изъ нея вытекаетъ неповиновеніе, тотъ же инстинктъ побуждаетъ къ порядку и хорошему поведенію, вызывая страданія, которыя являются началомъ настоящихъ угрызений совѣсти.

Мало-по-малу въ этомъ же направленіи начинаютъ дѣйствовать и другія силы. Любящій ребенокъ начинаетъ размышлять о тѣхъ страданіяхъ, которыя причиняетъ матери его непослушаніе. Одинъ мальчикъ четырехъ лѣтъ и девяти мѣсяцевъ, вѣроятно, думалъ именно объ этомъ, когда спросилъ у своей матери: „Ты сама захотѣла быть матерью? Я думаю, это должно сильно надоѣдать“. Тотъ день, когда ре-

бенокъ становится способнымъ поставить себя хотя бы на мгновеніе въ положеніе матери и представить себѣ, сколько огорченій онъ ей доставляетъ,—этотъ день имѣетъ величайшее значеніе въ его нравственномъ развитіи.

Мудрый законодатель.

Какъ показали приведенные нами примѣры и какъ извѣстно всѣмъ мыслящимъ родителямъ, вопросъ о нравственномъ воспитаніи въ теченіе первыхъ лѣтъ представляетъ много трудностей. Но наше изслѣдованіе, конечно, показало что это дѣло не такъ безнадежно, какъ мы, по своей слабости, иногда склонны думать. Быть можетъ, умѣстно будетъ нѣсколькими словами по этому поводу закончить настоящій очеркъ.

Я охотно готовъ признать, что трудность, съ какой удается приучить дѣтей къ ласковому и добровольному повиновенію, отчасти обусловлена ихъ натурой. Есть неподатливыя дѣти, какъ есть неподатливыя собаки, которыя воютъ и причиняютъ всевозможныя неприятели безъ всякой видимой причины, просто въ силу своей „испорченности“. Я не сомнѣваюсь, что есть добросовѣстныя, старательныя матери, которыя потерпѣли пораженіе въ попыткахъ управлять тѣмъ, что, повидимому, совершенно не поддается управленію.

Однако мнѣ кажется, что мы не должны слишкомъ поспѣшно объявлять ребенка неподдающимся управленію. Я отлично знаю, что у этихъ маленькихъ развивающихся существъ бываютъ различнаго рода скрытыя физическія измѣненія, которыя вызываютъ капризы, портятъ настроеніе и дѣлаютъ ихъ совершенно непослушными. Безспорно, съ раздражительнымъ ребенкомъ, который не хочетъ ничего слышать и никому повиноваться, трудно имѣть дѣло. Но разсудительная мать распознаетъ такую сварливость и раздражительность, вытекающую изъ тѣлеснаго недомоганія, и не станетъ употреблять суровыхъ мѣръ по отношенію къ нездоровому ребенку. Но оставляя въ сторонѣ эти разстраи-

вающія вліянія, я долженъ сказать, что значительная часть, и во всякомъ случаѣ больше половины трудностей, связанныхъ съ воспитаніемъ дѣтей, обусловлены нашими грубыми, неуклюжими приемами въ этомъ дѣлѣ.

Разумные люди знаютъ, что есть хорошій и дурной путь, которымъ можно подойти къ ребенку. Дурныхъ способовъ для того, чтобы заставить ребенка повиноваться, къ сожалѣнію, очень много. Я не пишу „совѣтовъ для родителей“ и потому не призванъ заниматься уже много разъ обсуждавшимся вопросомъ о томъ, разумны или неразумны тѣлесныя наказанія. Шлепки могутъ быть необходимы въ раннемъ возрастѣ, хотя бы они и приводили къ небольшимъ столкновеніямъ. Одна мать увѣряетъ меня, что всѣ стычки этого рода съ нѣсколькими ея дѣтьми происходили, когда имъ было отъ шестнадцати мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. Однако понятно, что ихъ можно совершенно избѣжать; но мужчинѣ слѣдуетъ остерегаться разсуждать объ этомъ щекотливомъ предметѣ.

Несомнѣнно, что небрежная дисциплина, — если ее можно еще назвать дисциплиной, — которая заключается въ чередованіи чрезмѣрной ласки и почти дикой жестокости или въ припадкахъ воспитательнаго рвенія, перемежающихся съ долгими періодами небрежности и равнодушія, — что именно такая дисциплина развиваетъ бунтовщическія наклонности и неповиновеніе приказаніямъ. Но дисциплина можетъ быть дурной даже и тогда, когда она не отличается бессмысленной притязательностью. Всякая непослѣдовательность, — на примѣръ, если одинъ разъ ребенку говорятъ одно, а въ другой разъ другое, или если съ однимъ ребенкомъ обращаются такъ, а съ другимъ иначе, — подрываетъ значеніе авторитета. Ребенокъ очень хорошо умѣетъ подмѣчать такія противорѣчія, и они очень больно задѣваютъ его. Поразительно, до чего небрежны могутъ оказываться воспитатели передъ этими маленькими, пронизательными критиками. Очень часто дѣтямъ говорятъ, чтобы они вели себя такъ, какъ взрослые, и при этомъ забываютъ, что это правило, если только

оно вообще является правиломъ, можетъ быть примѣнимо лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Приведу хорошій примѣръ этого рода, сообщенный мнѣ одной матерью и показывающей дѣйствіе подобныхъ наставленій. „Когда моей дѣвочкѣ было три съ половиной года, ей разъ сказали, чтобы она не разговаривала за столомъ въ присутствіи гостей. „Почему я не должна разговаривать? Папа разговариваетъ“. — „Да, но папа большой, а ты еще маленькая дѣвочка, ты не можешь все дѣлать такъ, какъ взрослые“. Нѣкоторое время она сидѣла молча, но когда я, спустя десять минутъ, сказала ей, чтобы она держала руки смирно на колѣняхъ какъ ея двоюродныя сестры, она отвѣтила съ лукавой усмѣшкой: „Я не могу такъ сидѣть, какъ большіе: я еще маленькая дѣвочка“.

Мы можемъ ошибаться и потерять довѣріе дѣтей, чрезмерно возвеличивая свою роль и слишкомъ настаивая на своемъ авторитетѣ. Отъ дѣтей, которыя находятся въ слишкомъ большомъ подчиненіи, которыя не испытали свободы и возможности дѣлать то, что нравиться, едва ли можно ожидать добровольнаго подчиненія. Родители заходятъ въ своемъ контролѣ слишкомъ далеко еще и инымъ образомъ, требуя проявленія такихъ добродѣтелей, которыя превосходятъ нравственные силы ребенка. Одна дама сообщаетъ мнѣ слѣдующее воспоминаніе изъ своего дѣтства. Ей обѣщали дать шесть пенсовъ, когда она сумѣетъ играть свои гаммы безъ ошибокъ, и этотъ подвигъ ей удался въ день рожденія, когда ей минуло шесть лѣтъ. Шесть пенсовъ были ей даны, но вскорѣ послѣ этого мать замѣтила, что дѣвочкѣ слѣдовало бы отдать свои деньги на покупку фруктовъ для одной больной—подруги матери. Этимъ было оскорблено у ребенка чувство справедливости, потому что изъ всего, что ребенокъ называетъ своимъ собственнымъ, онъ наиболѣе ревниво относится къ наградѣ, которую заслужилъ; это было въ то же время глупой попыткой вызвать великодушіе тамъ, гдѣ оно было совсѣмъ неумѣстно. Еще худшій примѣръ этого рода приводитъ Рёскинъ; отъ него разъ въ дѣтствѣ

потребовали, чтобы онъ сошелъ къ столу и кололъ орѣхи для старшихъ, но въ то же время ему строго запретили взять себѣ хотя бы одинъ. Такая утонченная жестокость въ воспитаніи заслуживаетъ полной неудачи. Значительная часть нашихъ плохихъ успѣховъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, вѣроятно, объясняется неблагоразуміемъ задаваемыхъ уроковъ и въ особенности такими требованіями, которыя задѣваютъ въ дѣтскомъ сердцѣ очень нѣжную струну—чувство справедливости.

Мнѣ кажется, родители часто забываютъ, что великодушіе и другія добродѣтели цѣнны только тогда, когда онѣ проявляются по собственному побужденію. Ихъ можно вызывать и поддерживать, но ихъ нельзя требовать. Съ другой стороны, родители не могутъ сдѣлать большей глупости, чѣмъ подавляя самопроизвольное проявленіе хорошей наклонности, какъ будто хорошо только то, что вытекаетъ изъ духа повиненія. Въ прелестномъ и трогательномъ маленькомъ американскомъ произведеніи „Beckonings from Little Hands“ авторъ описываетъ раскаяніе одного отца, который вспомнилъ послѣ смерти своего ребенка, какъ этотъ малышъ въ первый разъ неловко попытался услужить ему, принеся топлива, и какъ онъ на эту попытку, увы, отвѣтилъ чѣмъ-то въ родѣ выговора.

Трудно изложить въ нѣсколькихъ словахъ правильную систему воспитанія, которая развивала бы и усиливала бы инстинктъ повиненія путемъ укрѣпляющихъ упражненій, потому что такая система—плодъ высочайшей мудрости. Мы позволимъ себѣ, однако, указать на нѣкоторыя изъ ея основныхъ чертъ.

Обладая съ самаго начала тонкимъ нравственнымъ чутьемъ и понимая въ силу своего пракческаго такта, чего можно ожидать отъ ребенка, разумная мать прежде всего старается придать своимъ правиламъ видъ чего-то, что такъ же само собою разумѣется, какъ и повседневное теченіе домашней жизни, что является неоспоримымъ закономъ поведенія; она достигаетъ этой цѣли не тѣмъ, что бессмысленно—сурово

твердить ребенку правила, но тѣмъ, что спокойно и искусно влетаетъ ихъ въ его обычный мѣръ. Ожидать хорошаго поступка, какъ будто дурной совершенно невозможенъ, а не указывать постоянно на дурное и грозить его послѣдствіями: стараться, чтобы всѣ собственные слова и дѣйствія поддерживали этотъ взглядъ на непоколебимость закона; встрѣчать всякое проявленіе духа непокорства вначалѣ непониманіемъ, а затѣмъ ужасомъ,—таковы первыя и основныя правила въ этой области.

Дѣйствительность этой воспитательной системы зависитъ отъ простаго психологическаго закона, по которому трудныя поступки становятся легче выполнимыми по мѣрѣ того, какъ представленіе о нихъ дѣлается болѣе яснымъ и устойчивымъ. Побуждайте ребенка постоянно продѣлывать въ мысляхъ какой нибудь поступокъ, который ему противенъ,—и вы уже больше чѣмъ на половину побѣдили его отвращеніе. Спокойное ежедневное настаиваніе на разумномъ правилѣ вызываетъ и поддерживаетъ представленіе объ обязательности извѣстнаго дѣйствія и исключаетъ мысль о неповиновеніи.

Недавно было указано, что такое нравственное воздѣйствіе на ребенка путемъ наведенія его на правильныя поступки представляетъ собою близкую аналогію съ внушеніемъ чего нибудь загниготизированному человѣку. Настоящая мать имѣетъ удивительное вліяніе на своего ребенка; она внушаетъ ему представленія объ извѣстныхъ поступкахъ и придаетъ этимъ представленіямъ такую силу и устойчивость, что они овладѣваютъ дѣтскимъ умомъ и переходятъ въ дѣйствіе, когда для этого является подходящій случай.

Для того, чтобы правильное представленіе вполнѣ овладѣло сознаніемъ, необходимы извѣстныя предосторожности. Какъ извѣстно наблюдательнымъ родителямъ, запрещеніе можетъ побудить ребенка сдѣлать именно то, что ему запрещено. Мы видѣли, какъ легко дѣтскій умъ переходитъ отъ утвержденія къ отрицанію и наоборотъ. Въ склонности ребенка къ противорѣчію, въ его страсти утверждать противоположное тому, что говорить другой, проявляется эта же

странная дѣятельность дѣтскаго ума. Желаніе дѣлать то, что запрещено, является также результатомъ этого „отрицательнаго внушенія“, которому способствуетъ, разумѣется, и ненависть ребенка ко всякому принужденію ¹⁾). Если мы желаемъ избѣжать этого дѣйствія внушенія и обезпечить его непосредственное дѣйствіе, — то мы должны прежде всего проникнуть въ тайну того личнаго вліянія и господства, которое не отталкиваетъ, а привлекаетъ; затѣмъ мы должны возможно меньше пользоваться запрещеніями съ ихъ отрицательнымъ внушеніемъ.

Дѣйствіе этого какъ-бы гипнотическаго внушенія въ воспитаніи становится болѣе яснымъ при наличности какихъ нибудь трудностей, напримѣръ, когда приходится распознать и побороть упорное сопротивленіе или когда необходимо приучить ребенка къ какому нибудь новому и сравнительно трудному виду повиновенія. И я замѣчаю, что здѣсь разумныя матери умѣютъ пользоваться такими приѣмами, которые очень походятъ на приемы гипнотизеровъ. „Когда Р. бываетъ непослушенъ и раздражителенъ, — пишетъ одна дама о своемъ мальчикѣ трехъ съ половиной лѣтъ, — то мнѣ достаточно сказать ему, что онъ — кто нибудь другой, напримѣръ, какой нибудь знакомый мальчикъ; онъ тотчасъ же принимаетъ эту мысль и притворяется, что онъ другой ребенокъ, но въ концѣ-концовъ онъ уходитъ и приводитъ обратно самого себя, теперь уже хорошаго мальчика“. Этотъ видъ внушенія, который помогаетъ высшему „я“ освободиться отъ низшаго и господствовать надъ нимъ, можетъ, вѣроятно, быть гораздо шире примѣняемъ въ нравственномъ воспитаніи дѣтей. Внушеніе можетъ дѣйствовать и посредствомъ чувства. Достаточно сказать: „Мама хотѣла бы, чтобы ты это сдѣлалъ“, чтобы, благодаря содѣйствію силы любви, вызвать въ сознаніи ребенка извѣстное представленіе. „Если, — пишетъ одна

---

¹⁾ О сущности этого „отрицательнаго внушенія“ см. *Baldwin, Mental Development in the Child and the Race*, стр. 145 и сл.

дама,—Лили особенно сильно не хочет сдѣлать чего нибудь, то его матери надо только сказать: „Доббинь (обогащаемая игрушечная лошадка, о которой мы уже упоминали) хотѣлъ бы, чтобы ты сдѣлала это“,—и ребенокъ безропотно повируется“.

Другую аналогію съ гипнотическимъ внушеніемъ мы видимъ въ томъ, какъ мать заблаговременно подготавливаетъ своего ребенка къ какой нибудь трудной обязанности, выражая надежду, что онъ выполнитъ ее. Одна мать пишетъ, что ее мальчикъ, особенно когда ему было около двухъ съ половиной лѣтъ, былъ предрасположенъ къ сильнымъ, но короткимъ припадкамъ плача. „Я замѣтила (говоритъ она), что эти припадки часто прекращались, если ему говорили, чего отъ него ожидаютъ, и если отъ него требовали обѣщанія, что онъ будетъ охотно дѣлать то, что нужно. Я видѣла, какъ онъ краснѣлъ, готовый уже заплакать, но вспоминалъ о своемъ обѣщаніи и овладевалъ собой“. Это очень напоминаетъ тѣ приказанія гипнотизера, которыя, согласно его внушенію, должны быть выполнены уже послѣ пробужденія. Можно было бы, пожалуй, достигать гораздо большихъ результатовъ въ этомъ направленіи, если выбирать соответствующій моментъ для того, чтобы вызывать въ сознаніи ребенка устойчивыя представленія. Я знаю одну даму, которая усвоила обыкновеніе давать своей нѣсколько упрямой дѣвчкѣ нравственныя наставленія вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ ребенокъ засыпаетъ, и которая нашла, что этотъ способъ вполнѣ дѣйствителенъ. Возможно, что этотъ методъ подготовительнаго и предохранительнаго внушенія могъ бы дать новые и поразительные результаты въ приложеніи къ упрямымъ и непокорнымъ дѣтямъ ¹⁾.

---

¹⁾ Вопросъ объ отношеніи между (гипнотическимъ) внушеніемъ и нравственнымъ воспитаніемъ рассмотренъ у *Гюйо*. Воспитаніе и нравственность, гл. I (Русск. пер. въ собраніи сочиненій. Спб. 1899, т. IV). Ср. также *Preyer*, *Die Seele des Kindes*, стр. 267, и *Компаре*, указ. соч., стр. 130.

Другой способъ, которымъ разумная мать можетъ склонить ребенка къ исполненію обязанностей, заключается въ томъ, что она развиваетъ въ немъ сознание свободы и силы. Одна мать, писательница, извѣстная своими сочиненіями для дѣтей, говоритъ въ замѣткахъ о своихъ дѣтяхъ, что когда одна изъ ея маленькихъ дѣвочекъ не хотѣла ея послушаться, она обыкновенно говорила: „Я думаю, что если ты вспомнишь, какъ пріятно доставлять другимъ удовольствіе, ты сдѣлаешь, это“. — „Я подумаю объ этомъ, мама“, смѣясь отвѣчала дѣвочка и прятала голову подъ подушку дивана (это мѣсто она называла „угломъ думъ“). Черезъ полминуты она возвращалась и говорила: „Да, мама, я подумала объ этомъ и сдѣлаю такъ“. Меня поражаетъ здѣсь удивительное сочетаніе направляющаго внушенія съ упражненіемъ дѣтской воли въ вопросахъ, гдѣ требуется нравственная рѣшимость. У ребенка получалось сознание, что онъ поступаетъ по собственной волѣ, и въ то же время онъ въ достаточной мѣрѣ оставался подъ руководствомъ и контролемъ матери.

По мѣрѣ того, какъ развивается нравственное сознание и возникаютъ новые вопросы, открываются и новые пути для такого руководства посредствомъ внушенія. Какъ цѣнно ободреніе матери для слабаго ребенка, которы отстываетъ передъ какимъ нибудь труднымъ поступкомъ, связаннымъ съ лишеніемъ для него самого, на примѣръ, когда мать воодушевляющимъ голосомъ говоритъ: „Ты можешь сдѣлать это, если попытаешься“. Такъ, подобно лодману, выводитъ она маленькаго пловца въ открытое море долга, гдѣ ему придется самому управлять собой.

Я пытался показать, что нравственное воспитаніе дѣтей не превосходить человѣческихъ силъ. Большой поддержкой для него является самая натура ребенка, которая обезпечиваетъ успѣхъ воспитателю, если онъ будетъ поступать благородно и держаться опредѣленной системы. Я не говорю, что задача воспитателя легка. Я нисколько не думаю этого и, наоборотъ, считаю, что та мать, которая бодро прини-

мается за это задачу, не предоставляя капризную волю ея собственнымъ прихотямъ и не передавая, — что, пожалуй, еще хуже, — дѣло воспитанія наемному замѣстителю, но которая путемъ обдуманнхъ и настойчивыхъ усилій приближается къ указанному совершенству, гдѣ мудрый наставникъ соединяется съ нѣжной и ласковой матерью, — что такая мать принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ членамъ человѣческаго рода, которые имѣютъ право на его уваженіе.

IX.

Дитя какъ художникъ.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ и, быть можетъ, самыхъ поучительныхъ моментовъ дѣтской жизни является начало художественной дѣятельности. Это доказано однимъ изъ наиболее извѣстныхъ работниковъ въ области психологіи дѣтей, Бернаромъ Пэре, который посвятилъ этому предмету очень интересный трудъ ¹⁾. Въ настоящемъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія, какъ и въ главѣ о языкѣ, мы найдемъ любопытныя точки соприкосновенія съ явленіями первобытной культуры.

Склонность дѣтей къ искусству очень хорошо поддается наблюденію. Разумѣется, и здѣсь, какъ мы увидимъ ниже, для наблюдателя возникаетъ немало трудностей. Иногда бываетъ очень спорно, принадлежитъ ли какой нибудь поступокъ ребенка къ области настоящей художественной дѣятельности; но это затрудненіе не кажется мнѣ существеннымъ. Съ другой стороны, наклонность къ искусству, — тамъ, гдѣ она есть, — обнаруживается непосредственно и въ большинствѣ случаевъ такими объективными признаками, что намъ особенно легко изслѣдовать ея черты.

Взятое въ узкомъ смыслѣ, какъ особый инстинктъ, побуждающій своего обладателя посвящать себя опредѣленной дѣятельности, напимѣръ, художественному рисованію или

---

¹⁾ L' Art et Poésie chez l'Enfant.

простому музыкальному творчеству, — стремление къ искусству является въ дѣтяхъ чрезвычайно измѣнчивой чертой. Нѣкоторыя дѣти, впоследствии серьезно занимающіяся какой нибудь отраслью искусства, обнаруживаютъ врожденную склонность очень рано отдаваться именно этому роду дѣятельности. Но у меня есть основанія полагать, что многія дѣти обладаютъ мимолетнымъ пристрастіемъ къ какой нибудь опредѣленной формѣ художественной дѣятельности. Съ другой стороны, есть и такія дѣти, у которыхъ мы видимъ не только почти полное отсутствіе склонности къ художественному творчеству, но и отсутствіе вообще всякаго эстетическаго чутья. Проявленія этого зачаточнаго искусства у дѣтей такъ неопредѣленны и такъ отрывочны, что отсюда легко можно заключить, будто художественную дѣятельность не слѣдуетъ причислять къ ихъ обычнымъ чертамъ.

Но такое заключеніе было бы ошибочно, такъ какъ оно сдѣлано съ точки зрѣнія взрослыхъ. Обыкновенно признаютъ, что искусство и игра тѣсно связаны между собой. Весьма вѣроятно, что грубое искусство первобытнаго человѣка или, по крайней мѣрѣ, извѣстныя направленія его возникли изъ дѣятельности, напоминающей игру, и во всякомъ случаѣ сходство между первымъ и второю не подлежитъ сомнѣнію. Я надѣюсь показать это въ настоящемъ изслѣдованіи. Если же это справедливо, то мы, я думаю, имѣемъ право говорить о склонности къ искусству, какъ объ общей чертѣ дѣтей.

Хотя мы найдемъ много интересныхъ аналогій между грубымъ искусствомъ ребенка и примитивнымъ искусствомъ расы, однако намъ не слѣдуетъ, какъ было сказано выше, ожидать полного параллелизма между ними. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, на примѣръ, въ рисованіи или въ совмѣстной пляскѣ, у взрослыхъ обнаружится превосходство опыта, силы и ловкости, такъ что сравненіе окажется невыгоднымъ для ребенка. Съ другой стороны, развитіе эстетическихъ склонностей ребенка значительно измѣняется благодаря дѣйствию воспитанія. Вкусы ребенка отклоняются отъ своего первоначальнаго направленія.

чальнаго направленія и принимаютъ то же направленіе, какое имѣютъ вкусы взрослыхъ.

Это дѣйствіе воспитанія особенно сильно обнаруживается въ одномъ отношеніи. Есть основанія полагать, что въ развитіи расы ростъ чувства красоты шель рядомъ съ ростомъ склонности къ искусству,—склонности украшать себя, собирать перья и другіе красивые предметы. Не то мы видимъ у ребенка. Здѣсь мы замѣчаемъ, что любовь къ красивымъ вещамъ развивается раньше, чѣмъ успѣла проявиться самостоятельная склонность къ искусству. Большая часть дѣтей, имѣющихъ образованную мать или воспитательницу, приобрѣтаютъ кое-какія познанія о томъ, что старшіе считаютъ красивымъ, раньше чѣмъ сами умѣютъ дѣлать что нибудь въ области искусства. Мы даримъ имъ игрушки и картинки, поемъ имъ пѣсенки, быть можетъ, даже беремъ ихъ въ театръ и, такимъ образомъ, дѣлаемъ все, что можемъ, чтобы привить имъ наши представленія о красотѣ. Поэтому-то такъ трудно распознать, что предпочитаетъ ребенокъ, предоставленный самому себѣ. Между тѣмъ такое предпочтеніе въ области искусства обнаруживается очень рано, и потому желательнo изслѣдовать его, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію активной стороны дѣтскаго искусства. Мы попытаемся, насколько сумѣемъ, разобраться въ первыхъ проявленіяхъ подлиннаго дѣтскаго вкуса.

Первыя впечатлѣнія отъ красоты въ природѣ.

Въ самомъ началѣ, прежде чѣмъ воспитаніе успѣло оказать какое нибудь дѣйствіе, мы можемъ подмѣтить въ дѣтяхъ нѣкоторыя черты этого quasi-эстетическаго чувства. Направленіе вниманія ребенка и хватательныя движенія его рукъ довольно ясно показываютъ намъ, какіе предметы привлекаютъ его и нравятся ему.

Въ домашней обстановкѣ такими предметами является все блестящее—огонь, лампа, солнечный лучъ, играющій на кусочкѣ стекла или на позолоченной рамѣ; видъ дома первые

намеки на красоту міра пробуждающееся сознание получаетъ отъ сверкающей воды, отъ луга, покрытаго маргаритками, отъ бѣлаго снѣжнаго покрова, далѣе отъ луны и звѣздъ. Свѣтъ, сильный блескъ и т. д. (безразлично, попадаютъ ли при этомъ лучи непосредственно въ глазъ или отражаются отъ блестящей поверхности)—вотъ первые источники удовольствія для глаза, которые навсегда остаются и главными источниками жизнерадостности.

Цвѣтотыя ощущенія являются лишь позднѣе. Первое удовольствіе отъ цвѣтнаго предмета едва ли можно отдѣлить отъ первоначальнаго удовольствія доставляемаго свѣтомъ. Этимъ можно объяснить признаки удовлетворенія, съ которыми мальчикъ Прейера на двадцать третій день своей жизни глядѣлъ на ярко освѣщенный розовый занавѣсъ, и этимъ же объясняются и позднѣйшія проявленія подобнаго удовольствія. Такъ, Прейеръ, производя со своимъ мальчикомъ около конца второго года его жизни опыты различенія цвѣтовъ, нашелъ, что рѣшительное предпочтеніе отдавалось яркимъ и свѣтлымъ цвѣтамъ—красному и желтому ¹⁾. То же самое замѣчаетъ и госпожа Шиннъ въ своемъ интересномъ изслѣдованіи о развитіи цвѣтовыхъ ощущеній у ея племянницы ²⁾. На двадцать восьмомъ мѣсяцѣ ребенокъ обнаруживалъ особенное пристрастіе къ нарцисамъ, яркій цвѣтъ которыхъ такъ нравится и многимъ старшимъ дѣвушкамъ. Около этого же времени ребенку очень нравилось желтое платье его тетки, и онъ энергично протестовалъ противъ того, чтобы оно было замѣнено коричневымъ. Среди другихъ цвѣтныхъ предметовъ, которые привлекали взоры этой маленькой дѣвочки, былъ пучекъ бѣлыхъ цвѣтовъ вишни и красное небо при заходѣ солнца. Число подобныхъ наблюденій легко можно было бы увеличить. Слѣдуетъ замѣтить, что бѣлизна и нѣкоторые другіе яркіе цвѣта, какъ и можно было ожидать, прежде всего начинаютъ нравиться ребенку ³⁾.

1) *Прейеръ*, Душа ребенка, стр. 29 и сл.

2) *Notes on the Development of a Child*, стр. 91 и сл.

3) *Ср. Perez, L'Art et la Poésie chez l'Enfant*, стр. 41 и сл.

Трудно сказать, въ какомъ возрастѣ дитя начинаетъ различать цвѣта, именно какъ цвѣта, и когда ему начинаетъ нравиться синій или красный цвѣтъ самъ по себѣ, независимо отъ своей яркости. Изъ опытовъ Прейера, Бинэ, Больдуина и другихъ относительно различенія цвѣтовъ едва ли можно вывести какія-нибудь заключенія о томъ, что больше нравится дѣтямъ, хотя способъ Больдуина, который побуждалъ ребенка схватывать окрашенные предметы, и проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ. По Больдуину, однимъ изъ первыхъ выдѣляемыхъ цвѣтовъ является синій; но Больдуинъ не сообщаетъ, насколько свѣтлы были употребляемые имъ цвѣта (среди которыхъ, къ сожалѣнiю не доставало желтаго, любимаго, по словамъ другихъ изслѣдователей, цвѣта дѣтей) ¹⁾.

Безъ сомнѣнiя, ребенокъ трехъ или четырехъ лѣтъ можетъ получить особенное пристрастiе къ определенному цвѣту, который онъ обыкновенно присвоиваетъ себѣ, называя его „мой цвѣтъ“. Для изученiя того, какъ вначалѣ воспринимаются цвѣта, желательно было бы имѣть побольше свѣдѣнiй о такихъ случаяхъ самостоятельнаго предпочтенiя. При этомъ слѣдуетъ тщательно выдѣлять влiянiе ассоциаций и ненамѣренное дѣйствiе примѣра и авторитета, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ любитъ извѣстный цвѣтъ, потому что это— „маминъ цвѣтъ“, т.-е. тотъ, который она предпочитаетъ въ своей одеждѣ, и т. д.

Оцѣнка различныхъ цвѣтовъ находится, вѣроятно, въ тѣсной зависимости отъ цвѣтовыхъ контрастовъ. Во многихъ случаяхъ любовь трехлѣтняго ребенка къ извѣстнымъ цвѣткамъ, птицамъ, платьямъ и т. д., очевидно обусловлена тѣмъ, что цвѣтовые контрасты доставляютъ ему все большее удовольствiе. И здѣсь мы также должны различать дѣйствiе цвѣта отъ простаго дѣйствiя свѣта. Темносинее небо, проглядывающее между разорванными бѣлыми облаками и такъ нра-

---

¹⁾ См. двѣ статьи Больдуина: „A New Method of Child-study“ въ *Science*, апрѣль 1893, и его сочиненiе „Mental Development in the Child and the Race“.

вившееся племянницѣ госпожи Шиннъ, было, пожалуй, обязано своей привлекательностью контрасту между свѣтлымъ и темнымъ. Интересно было бы произвести нѣкоторые опыты надъ трехлѣтними дѣтьми, чтобы опредѣлить, нравится ли имъ, и притомъ въ какой степени, цвѣтовой контрастъ самъ по себѣ, если онъ не сопровождается контрастомъ между свѣтлымъ и темнымъ.

У меня есть основанія полагать, что дѣти, какъ и не особенно интеллигентные взрослые, предпочитаютъ сочетаніе такихъ цвѣтовъ, которые отстоятъ въ спектрѣ далеко другъ отъ друга, напримѣръ, синяго съ краснымъ или синяго съ желтымъ. По словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, практика и исторія живописи показываютъ, что красный и синій цвѣтъ даютъ болѣе пріятное сочетаніе, нежели дополнительные цвѣта: синій и желтый. Любопытно было бы изслѣдовать въ этомъ отношеніи чувство дѣтей. При такомъ изслѣдованіи необходимо было бы имѣть въ виду, чтобы ребенокъ не выбралъ для сочетанія опредѣленный цвѣтъ, напримѣръ синій или желтый, только потому, что этотъ цвѣтъ ему нравится, независимо отъ того, нравится ли ему получаемое сочетаніе, — а это условіе не легко выполнить. Далѣе, слѣдовало бы тщательно устранять вліяніе авторитета, который оказываетъ извѣстное дѣйствіе не только тѣмъ, что поучаетъ ребенка относительно достоинства различныхъ сочетаній, но и тѣмъ, что устанавливаетъ образцы сочетаній, напримѣръ, въ одеждѣ и т. д. Этому условію, вѣроятно, также не легко было бы удовлетворить ¹⁾).

Я остановился довольно подробно на первыхъ зачаткахъ различенія цвѣтовъ, потому что только эта сторона эстетическаго чувства ребенка до сихъ поръ подвергалась точному экспериментальному изслѣдованію. Къ совершенно инымъ результатамъ мы приходимъ, когда обращаемся къ вопросу о томъ, что нравится дѣтямъ въ области формъ. Что малень-

¹⁾ Такое вліяніе авторитета особенно ясно сказывается при выборѣ гармонирующихъ оттѣнковъ для платья и т. д. Ср. *Miss Shinn*, указ. соч., стр. 95.

кія дѣти отдають предпочтеніе извѣстнымъ формамъ, — это кажется мнѣ неоспоримымъ, но ихъ вкусъ не совпадаетъ здѣсь со вкусомъ образованнаго взрослого человѣка. Совсѣмъ маленькій ребенокъ удивляется кривизнѣ радуги или округлости формъ котенка, но въ этихъ примѣрахъ удовольствіе вызывается далеко не одною только формой. Яснѣе выражается удовольствіе, доставляемое прелестными, граціозными движеніями, на примѣръ, прыжками котенка. Быть можетъ, прелесть формъ впервые становится доступна ребенку въ связи съ удовольствіемъ отъ прелести движеній, — удовольствіемъ, которое вначалѣ является смѣшаннымъ чувствомъ, включающимъ уже указанный нами интересъ ко всякому движенію какъ къ намеку на жизнь. Не склонны ли, въ самомъ дѣлѣ, мы всѣ сводить наши впечатлѣнія отъ неподвижныхъ формъ къ этимъ первоначальнымъ впечатлѣніямъ отъ различныхъ видовъ движенія?

Разсматривая, какія формы прежде всего кажутся ребенку привлекательными, нельзя не замѣтить, что онъ отдаетъ предпочтеніе маленькимъ вещамъ. Пристрастіе къ птицамъ, насѣкомымъ, раковинамъ и другимъ маленькимъ предметамъ встрѣчающимся въ природѣ, а также выдающееся значеніе въ дѣтскомъ лексиконѣ такихъ словъ, какъ „маленькій“, „малюсенькій“, „милая крошка“, свидѣтельствуютъ объ этомъ раннемъ направленіи вкуса. И это чувство также смѣшано, потому что интересъ дѣтей къ очень маленькимъ, хрупкимъ на видъ вещамъ включаетъ въ себѣ элементъ ласкающей нѣжности, въ которой въ свою очередь, содержится нѣкоторое чувство товарищества. Это служитъ доказательствомъ того общаго закона эстетическаго развитія какъ личности, такъ и расы, по которому чисто-созерцательное наслажденіе видомъ какого-нибудь предмета только по степени отличается отъ сложнаго чувства.

Переходя къ высшимъ свойствамъ формы, къ правильности контура, къ симметріи и пропорціональности, мы наталкиваемся на новую трудность. Многія дѣти приобрѣтають очень рано, еще до начала настоящаго воспитанія, извѣстное

чувство равномерности и симметричности. Но является ли это чувство результатом одного лишь наблюдения формъ въ природѣ и вообще вокругъ себя? Въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣетъ обстановка ребенка. Онъ живетъ среди людей, которые требуютъ регулярности и симметричности въ своей повседневной жизни. Въ томъ, напримѣръ, какъ кладется скатерть на столъ, ребенокъ видитъ равномерное раздѣленіе пространства, возведенное на степень закона. Всякій разъ, когда его одѣваютъ или когда онъ видитъ, какъ одѣвается его мать, онъ получаетъ наглядный урокъ симметрическаго распредѣленія вещей. И эти черты становятся, такимъ образомъ, для него какъ бы этическими нормами, раньше чѣмъ онъ начинаетъ понимать ихъ эстетическую цѣнность. Что касается чувства пропорціональности между размѣрами или частями какой-нибудь формы, то оно требуетъ такой степени умственного развитія, какой не достигаютъ и многіе взрослые; принявъ это во вниманіе, мы не станемъ ожидать, что найдемъ его у маленькаго ребенка. Ниже, рассматривая первые опыты ребенка въ рисованіи, мы найдемъ еще доказательства, говоряція въ пользу этого предположенія.

Можно сказать, что это элементарное удовольствіе, вызываемое свѣтомъ, цвѣтомъ и нѣкоторыми простѣйшими формами, служитъ основой для грубаго воспріятія красоты въ природѣ и въ продуктахъ человѣческаго труда. Совсѣмъ маленькій ребенокъ способенъ прійти въ настоящій восторгъ при видѣ прекрасной дамы; при этомъ значительную роль играетъ блескъ, цвѣтъ, изящное движеніе, роскошное платье, а также ласковые глаза и пріятный, веселый голосъ. Такой восторгъ не является чисто-эстетическимъ чувствомъ; въ него можетъ входить и благоговѣніе, и смутное пониманіе общественнаго значенія одежды¹⁾, и, возможно, страстное желаніе получить поцѣлуй отъ очаровательной особы; но основой этого чувства все же является настоящее удивленіе, вы-

---

1) О томъ, какъ дѣти чувствуютъ значенія платья см. *Perez. L'Art et la Poésie chez l'Enfant.*

званное именно видомъ красоты. Въ другихъ случаяхъ дѣтскаго удивленія, на примѣръ, въ восторженномъ обожаніи маленькой дѣвочкой вновь появившагося ребенка, мы видимъ настоящее эстетическое чувство, которое здѣсь смѣшано съ такими „корыстными“ чувствами, какъ чувство личнаго обогащенія и семейной гордости, и которое стремится, такъ сказать, отдѣлаться отъ этихъ примѣсей. Въ склонности къ животнымъ, которая часто принимаетъ причудливыя, на нашъ взглядъ, и странныя направленія, мы также можемъ видѣть зачатки эстетическаго воспріятія, которое на половину скрыто надъ живымъ чувствомъ неограниченнаго господства, смягченнаго любовью.

Къ чисто-эстетическому наслажденію, быть можетъ, больше всего приближается среди этихъ раннихъ чувствъ любовь къ цвѣтамъ. Эти маленькіе, круглые, кажущіеся чудомъ предметы съ ихъ таинственной мягкой окраской вполне способны очаровать глаза ребенка. Я полагаю, что большинство тѣхъ дѣтей, которыя живутъ среди цвѣтовъ или имѣютъ доступъ къ нимъ, получаютъ какое-то чувство этого рода, — чувство удивленія передъ прекрасными вещами, къ которому обыкновенно примѣшивается какая-то нѣмая дѣтская симпатія. Безъ сомнѣнія, дѣти въ этомъ отношеніи очень различаются другъ отъ друга. Есть дѣти, которыя интересуются цвѣтами исключительно или главнымъ образомъ влѣдствіе ихъ запаха, и сильная чувствительность органа обонянія играетъ, повидимому, большую роль въ дѣтской любви къ цвѣтамъ и въ разныхъ предразсудкахъ, имѣющихъ отношеніе къ нимъ ¹⁾. Другія дѣти любятъ цвѣты, главнымъ образомъ, какъ средство для украшенія; но я склоненъ думать, что это нѣсколько корыстное пристрастіе у дѣтей встрѣчается рѣже, чѣмъ у многихъ взрослыхъ. Иногда утверждаютъ, что любовь къ цвѣтамъ составляетъ исключительную черту дѣвочекъ. Но я думаю, что различіе въ этомъ отношеніи окажется очень незначительнымъ, если мы возьмемъ малень-

---

¹⁾ См. *Perez*, указ. соч. стр. 90 и сл.

кихъ дѣтей, у которыхъ еще не успѣло развиться подѣвліемъ воспитанія сознаніе своего пола и того, что ему приличествуетъ. Маленькіе мальчики лѣтъ четырехъ или около того часто проявляютъ живое чувство удивленія передъ этими жемчужинами растительнаго міра.

Во многихъ изъ этихъ дѣтскихъ выраженій эстетическаго чувства мы находимъ сходство съ первыми проявленіями вкуса расы. Удовольствіе отъ свѣтлыхъ, блестящихъ предметовъ, отъ веселыхъ красокъ и рѣзкихъ цвѣтовыхъ контрастовъ, а также отъ извѣстныхъ формъ движенія, — напримеръ, отъ движенія перьевъ, служащихъ любимѣйшимъ украшеніемъ, — вотъ чѣмъ, какъ извѣстно, характеризуется вкусъ дикарей, и вотъ что придаетъ этому вкусу въ глазахъ цивилизованнаго человѣка видъ чего-то дѣтскаго. Съ другой стороны, сомнительно, чувствуютъ ли дикари когда-нибудь красоту цвѣтовъ такъ, какъ дѣти. Благодаря нашей культурной обстановкѣ, лугамъ и садамъ, а также благодаря непрерывному воспитательному дѣйствию примѣровъ, ребенокъ въ этомъ отношеніи скоро оставляетъ дикаря позади себя.

Въ какой мѣрѣ можно приписать дѣтямъ зачатокъ чуткости къ природѣ или, — чтобы воспользоваться болѣе понятнымъ современнымъ выраженіемъ, — зачатокъ мірового чувства? Всѣмъ извѣстно, что у нихъ нѣтъ способности обнять множество предметовъ въ одномъ актѣ созерцанія. Поэтому для нихъ не представляетъ прелести ландшафтъ, какъ гармоническое цѣлое, состоящее изъ живописно-разнообразныхъ частей. Когда ихъ берутъ, чтобы показать имъ какой-нибудь „видъ“, ихъ взоръ не пытается охватить цѣлое, какъ желали бы любящіе родители, а вмѣсто того обиднымъ образомъ устремляется на какую-нибудь одну интересную черту, часто имѣющую съ эстетической точки зрѣнія лишь ничтожную цѣнность. Люди поступаютъ очень неблагоприятно, когда берутъ дѣтей съ собой „полюбоваться видами“ и когда предполагаютъ, что дѣти вынесутъ такія же впечатлѣнія, какъ и взрослые. Пэре рассказываетъ, что нѣсколько дѣтей, приведенныя на Pic du Midi, получили наибольшее удовольствіе отъ того,

что вскарабкивались на вершину и говорили, что сидят на ослахъ ¹⁾. Одна только величественность или обширность вида ничего не говорить ребенку, потому что чувство возвышеннаго возникает лишь изъ сложной работы воображенія, — работы, которая превосходить дѣтскія силы. Если безконечность, напримѣръ, видъ моря, оказываетъ на него какое бы то ни было дѣйствіе, то она вызываетъ въ немъ, повидимому, только страхъ передъ неизвѣстнымъ; и хотя это чувство и родственно до извѣстной степени чувству возвышеннаго, однако оно все же отличается отъ послѣдняго. Въ немъ нѣтъ того пріятнаго сознанія безпредѣльности, которое входитъ въ составъ послѣдняго чувства. Ребенокъ эстетически воспримчивъ только къ извѣстнымъ ограниченнымъ предметамъ и чертамъ природы. Ему знакома прелесть золотистаго луга весной, обаяніе освѣщеннаго солнцемъ ручья, страшная таинственность лѣса, а можетъ быть, отчасти, и умиротворяющая красота безпредѣльнаго голубого неба. Иными словами, у него есть много маленькихъ корней, которые, когда срастутся, дадутъ ему чуткость къ природѣ.

Здѣсь снова вполне очевидна аналогія между ребенкомъ и некультурнымъ, первобытнымъ человѣкомъ. Въ дикарѣ природа, въ ея цѣломъ, не возбуждаетъ никакого эстетическаго чувства, хотя онъ можетъ чувствовать обаяніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ея чертъ, напримѣръ, рѣки, горы, усѣяннаго звѣздами неба, хотя на него можетъ иногда дѣйствовать устрашающій видъ ея измѣнчивой фізіономіи. Развѣ мы не знаемъ, что истинно-эстетическая оцѣнка живописнаго разнообразія природы — чарующей прелести дикихъ мѣстъ и возвышеннаго обаянія страшныхъ и отталкивающихъ горъ — является лишь позднимъ приобрѣтеніемъ въ исторіи нашей расы? ²⁾

¹⁾ Указ. соч., стр. 103.

²⁾ Превосходный очеркъ развитія въ насъ чуткости къ романтической и возвышенной красотѣ горъ данъ въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ сочиненій *Leslie Stephen'a*, *The Playground of Europe*.

Отношеніе ребенка къ искусству.

Мы можемъ теперь разсмотрѣть отношеніе ребенка къ тѣмъ предметамъ и процессамъ человѣческаго искусства, которые онъ съ самаго начала видитъ вокругъ себя и которые оказываютъ воспитательное вліяніе на его чувства; здѣсь мы можемъ начать съ тѣхъ простыхъ музыкальныхъ эффектовъ, которыми сопровождаются извѣстныя впечатлѣнія, производимыя міромъ природы.

Мы уже показали, что звуки составляютъ главный источникъ первыхъ страховъ для дѣтскаго сердечка. Но какъ только первоначальное устрашающее дѣйствіе звуковъ, какъ чего-то непонятнаго, прошло, эта бывшая причина частаго беспокойства становится главнымъ источникомъ интереса и удовольствія. Нѣкоторые звуки въ природѣ, напримѣръ, шумъ текущей воды или шумъ вѣтра, рано поражаютъ ухо ребенка и вызываютъ удивленіе и любопытство. Госпожа Шиниъ превосходно показываетъ, какъ у ея племянницы интересъ къ звукамъ развивался въ теченіе первыхъ лѣтъ ¹⁾. Прислушиваться къ звукамъ и отыскивать ихъ причины—въ этихъ занятіяхъ дитя проводитъ большую часть своего времени.

Эстетическое наслажденіе звуками начинать выдѣляться изъ этого общаго интереса тогда, когда ребенокъ научается сравнивать различныя качества и однимъ отдаетъ предпочтеніе передъ другими. Такъ, звукъ металла (когда по немъ ударяютъ) предпочитается звуку дерева или камня. Такимъ образомъ проявляется зарождающееся различеніе музыкальныхъ качествъ, которое, вѣроятно, часто играетъ роль въ расположеніи ребенка къ опредѣленнымъ лицамъ; извѣстной высотѣ звуковъ, какъ, напримѣръ, высотѣ женскаго голоса, а можетъ быть также и извѣстному тѣмбру, отдается предпочтеніе передъ другими.

Почти въ то же самое время проявляется и нѣкоторое грубое пристрастіе къ ритму. Признано, что удовольствіе, кото-

---

¹⁾ Указ. соч., стр. 115 и сл.

рое вызываютъ въ насъ равномерно повторяющіеся звуки, инстинктивно и обусловлено всею нашей нервной организаціей. Намъ удобнѣе слушать, если звуки слѣдуютъ другъ за другомъ съ равномерными промежутками, и движенія, вызываемыя ими, легче выполняются въ равномерной послѣдовательности. Дитя показываетъ намъ это своимъ извѣстнымъ пристрастіемъ къ отчетливому ритму пѣсенъ, которыя онъ сопровождаетъ соответственными движеніями рукъ, головы и т. д.

Первое удовольствіе, получаемое отъ музыкальныхъ произведеній, основано на этомъ инстинктивномъ чувствѣ ритма. Простыя пѣсни съ ихъ отчетливымъ, легко уловимымъ раздѣленіемъ времени прежде всего привлекаютъ воображеніе ребенка, и онъ знаетъ успокаивающія или возбуждающія свойства различныхъ ритмовъ и темповъ. Тамъ, гдѣ ритмъ не вполне отчетливъ или слишкомъ сложенъ, такъ что сопровождающія движенія становятся расплывчатыми, тамъ удовольствіе и интересъ дѣлаются слабѣе. И изъ стиховъ ребенокъ любитъ только тѣ, которые отличаются простымъ построеніемъ, звучнымъ ритмомъ и краткостью стошъ.

Переходя теперь къ изобразительному искусству, мы находимъ, что эстетическая оцѣнка у ребенка слѣдуетъ за развитіемъ его умственныхъ способностей, что она обусловлена пониманіемъ противоположности между художественнымъ воспроизведеніемъ и непосредственно данной дѣйствительностью.

Мы уже коснулись выше вопроса о томъ, какъ развивается у дѣтей пониманіе зрительныхъ образовъ или изображеній различныхъ предметовъ. Пѣре показалъ, что первые уроки въ этой отрасли знанія даетъ отраженіе въ зеркалѣ, и мы видѣли, что ребенокъ вначалѣ принимаетъ это отраженіе за дѣйствительный предметъ, но вскорѣ начинаетъ понимать, что въ немъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ ничего осязательнаго. Зеркало является самымъ лучшимъ средствомъ для уясненія ребенку того, что такое изображеніе или картина, именно потому, что здѣсь изображеніе находится въ непосредственной

близости съ оригиналомъ, и сравненіе между ними, такимъ образомъ, напрашивается само собой.

Съ картинами такое непосредственное сравненіе невозможно, и потому естественно ожидать, что въ этомъ случаѣ смыслъ изображенія не такъ скоро станетъ понятенъ. Однако, мы видимъ, что дѣти уже очень рано начинаютъ понимать значеніе сходства между картиной и дѣйствительнымъ предметомъ, такъ какъ видъ первой производитъ на нихъ приблизительно, такое же дѣйствіе, какъ и видъ послѣдняго. Одинъ маленькій мальчикъ, какъ замѣтили его окружающіе, разговаривалъ съ картинами, когда ему было около восьми мѣсяцевъ. Но это, пожалуй, едва ли доказываетъ, что онъ узнавалъ изображеніе. Поллокъ говоритъ, что его дѣвочка „въ общемъ понимала“ значеніе рисунковъ, когда ей было тринадцать мѣсяцевъ¹⁾. Госпожа Шиннъ передаетъ, что ея племянница, когда ей было сорокъ двѣ недѣли, приходила въ одинаковое возбужденіе при видѣ изображенія кошки въ натуральную величину и при видѣ настоящихъ кошекъ²⁾. Одна дама указываетъ также на десятимѣсячный возрастъ, какъ на тотъ, въ которомъ ея мальчикъ сталъ узнавать изображенія животныхъ и называть ихъ, безъ всякаго побужденія со стороны, „вау-вау“, „міау“ и т. д.

Это узнаваніе картинъ въ раннемъ возрастѣ, безспорно, достойно вниманія, хотя зачатки его мы встрѣчаемъ и у животныхъ. Въ разсказахъ о томъ, какъ птицы узнавали изображенія птицъ и собаки узнавали портреты людей, рѣчь идетъ о довольно большихъ и хорошо исполненныхъ рисункахъ³⁾. Между тѣмъ, ребенокъ узнаетъ предметы и на маленькихъ, грубо сдѣланныхъ рисункахъ. Онъ превосходитъ, повидимому, въ этомъ отношеніи и дикарей, изъ которыхъ многіе, какъ говорятъ, очень медленно узнаютъ сходство между картиной и

1) Mind, III, стр. 393.

2) Notes on the Development of a Child, I, стр. 71 и сл.

3) См. Роменсъ, Умъ животныхъ, стр. 460. Единственное исключеніе — это фотографическій портретъ, о которомъ говорится, что онъ былъ „большой“, стр. 460.

дѣйствительнымъ предметомъ. Эта способность, для которой требуется тонкое наблюденіе формы и большая чуткость въ подмѣчаніи сходства, лучше всего проявляется въ узнаваніи портретовъ опредѣленныхъ людей. Племянница госпожи Шиннъ узнала на четырнадцатомъ мѣсяцѣ своей жизни лицо своего отца въ группѣ изъ девяти человѣкъ, гдѣ это лицо имѣло въ діаметрѣ всего около четверти дюйма¹⁾. Такое же тонкое узнаваніе я замѣчалъ и у своихъ собственныхъ дѣтей.

Одна сторона этой способности дѣтей настолько любопытна, что заслуживаетъ особаго упоминанія. Одинъ изъ моихъ друзей, по специальности психологъ, пишетъ мнѣ, что его маленькая дѣвочка трехъ съ половиной лѣтъ „не различаетъ, держать ли она рисунокъ передъ собой правильно или неправильно; она почти одинаково безошибочно показываетъ все, что спрашиваютъ,—глаза, ноги, руки, хвостъ и т. д., въ какомъ бы положеніи ни лежалъ рисунокъ, и никогда не проситъ положить картинку правильно, чтобы она могла лучше ее видѣть“. Эта же черта была подмѣчена и у другихъ дѣтей этого семейства, и мать говорила мнѣ, что ея мать наблюдала эту черту у своихъ дѣтей. Дальнѣйшій примѣръ такого безразличія къ положенію рисунка я нашелъ у двухъ дѣтей другого изъ моихъ друзей. Профессоръ Петри (Petrie) сообщаетъ мнѣ, что онъ разъ наблюдалъ за однимъ мальчикомъ-арабомъ, разсматривавшимъ книгу съ картинками. Одна изъ картинокъ, изображавшая карету съ лошадьми, была вклеена иначе, чѣмъ остальные, такъ что лошади, если книга оставалась въ прежнемъ положеніи, какъ будто бѣжали вверхъ; но мальчикъ нисколько этимъ не затруднился и, не трогая книгу съ мѣста, безъ труда разобралъ картинку. Эти факты очень любопытны и свидѣтельствуютъ объ искусствѣ, съ которымъ глаза ребенка разбираются въ томъ, что видятъ. Быть можетъ, они показываютъ также, что то, что мы называемъ *положеніемъ*,—т.-е. отношеніе данной формы къ вертикаль-

---

1) Указ. соч., стр. 74.

ной линіи,—есть болѣе или менѣе искусственное понятіе, съ которымъ ребенокъ мало или даже нисколько не считается. Онъ способенъ такъ сосредоточивать свое вниманіе на самой формѣ, что для него безразлично, какъ эта форма расположена. Но по этому поводу необходимы еще дальнѣйшія изслѣдованія ¹⁾.

Здѣсь возникаетъ еще и другой вопросъ: входитъ ли въ это „узнаваніе“ рисунковъ дѣтьми около конца перваго года непременно представленіе о рисункѣ, какъ о воспроизведеніи или копіи какого-либо предмета? Первые реакціи ребенка при видѣ отраженія въ зеркалѣ или при видѣ картины, напримѣръ улыбка и т. д., повидимому не указываютъ на это, но показываютъ только, что подобное изображеніе производитъ на ребенка такое же впечатлѣніе, какое произвелъ бы видъ настоящаго предмета, или въ лучшемъ случаѣ, что онъ считаетъ и изображеніе извѣстнаго рода предметомъ. Мнѣ кажется, то же самое можно сказать и объ узнаваніи картинъ животными.

Доказательствомъ того, что дѣти вначалѣ не понимаютъ значенія картинъ и вообще изображеній, служитъ тотъ извѣстный фактъ, что они стараются прикоснуться къ нимъ, напримѣръ, хватаютъ тѣни и вообще обращаются съ ними, какъ съ настоящими предметами. Такъ, дѣвочка Поллока пыталась понюхать деревья на картинѣ и притворялась, что кормитъ нарисованныхъ собакъ.

Трудно сказать, когда ребенокъ начинаетъ ясно понимать значеніе изображеній. Госпожа Шиннъ полагаетъ, что ея племянница „вполнѣ понимала смыслъ картинъ“ на сорокъ пятой недѣлѣ своей жизни. Такой выводъ она дѣлаетъ изъ того факта, что въ этомъ возрастѣ ребенокъ въ отвѣтъ на вопросъ: „Гдѣ цвѣты?“ наклонился впередъ и прикоснулся къ цвѣтамъ, изображеннымъ на платѣ тетקי, а затѣмъ смотрѣлъ

---

¹⁾ Профессоръ Петри замѣчаетъ, что подобное же безразличіе къ положенію наблюдается и въ размѣщеніи буквъ въ древнѣйшихъ греческихъ и финикійскихъ записяхъ.

въ садъ съ крикомъ, выразавшимъ желаніе пойти туда ¹⁾. Но этотъ выводъ кажется мнѣ очень рискованнымъ. Поведеніе ребенка свидѣтельствуесть только о томъ, что онъ соединялъ настоящіе и нарисованные цвѣты въ одну группу, причемъ признавалъ превосходство первыхъ, какъ доступныхъ осязанію и, вѣроятно, какъ обладающихъ пріятнымъ запахомъ. Самымъ сильнымъ доказательствомъ того, что дѣти понимаютъ смыслъ изображенія, служить, по моему мнѣнію, ихъ способность узнавать портреты опредѣленныхъ лицъ. Но и этого еще не вполне достаточно. Можно, по крайней мѣрѣ, допустить, что ребенокъ смотритъ на портретъ своего отца, какъ на нѣкотораго рода „двойникъ“. Мальчикъ К. вполне серьезно принималъ свой портретъ за другого мальчика К. Разсказъ объ одной собакѣ, которая дрожала и лаяла при видѣ портрета своей умершей госпожи ²⁾, мнѣ кажется, подтверждаетъ это предположеніе. Нелѣпо было бы утверждать, будто дѣйствія этого животнаго,—какой бы смыслъ они ни имѣли,—доказываютъ, что оно считало портретъ за изображеніе, которое должно ему напоминать объ его умершей госпожѣ.

Мы очень склонны забывать, насколько трудно и отвлеченно понятіе художественнаго произведенія, какъ трудно смотрѣть на какой-нибудь предметъ, какъ на нѣчто только кажущееся, не имѣющее никакой собственной цѣнности и служащее лишь замѣной чего-нибудь другого. Здѣсь мы видимъ, что ребенокъ такъ же медленно схватываетъ смыслъ самаго знака, какъ и при изученіи словесныхъ символовъ. И еще очень поздно ребенокъ обнаруживаетъ склонность превращать изображеніе въ дѣйствительность, особенно если его чувства возбуждены и воображеніе чрезвычайно дѣятельно. Сама же госпожа Шиннъ сообщаетъ, что ея племянница, бывшая, повидимому, очень живымъ ребенкомъ, еще на двадцать пятомъ мѣсяцѣ своей жизни была охваче-

¹⁾ Указ. соч., I, стр. 72.

²⁾ *Роменъ*, указ. соч. стр. 460.

на состраданіемъ при видѣ картины, гдѣ изображенъ былъ ягненокъ, застрявшій въ кустахъ, и что она попыталась приподнять нарисованную вѣтку, которая преграждала путь ягненку. На тридцать пятomъ мѣсяцѣ, разсматривая картину, на которой была изображена серна, защищающая своего дѣтеныша отъ орла, „она спросила, прогнать ли мать орла, и тотчасъ же совершенно просто и бессознательно положила свою маленькую ручку на картину такъ, чтобы защитить ею серну отъ орла¹⁾. Подобное смѣшеніе картины съ дѣйствительностью встрѣчается на четвертомъ году и еще позднѣе. Одинъ мальчикъ, которому было около пяти лѣтъ, однажды билъ различныя фигуры, нарисованныя на картинѣ, и восклицалъ при этомъ: „Я не могу ихъ сломать“. Въ Вустерскомъ сборникѣ мы находимъ слѣдующій образецъ такого смутнаго представленія о картинахъ. Однажды Ф., мальчикъ четырехъ лѣтъ, зашелъ къ одной знакомой, которая только что получила картину, изображавшую зимній пейзажъ и людей, направляющихся въ церковь пѣшкомъ и на саняхъ. Ф.—у сказали, что люди эти идутъ въ церковь. На слѣдующій день онъ снова пришелъ, разсматривалъ картину и затѣмъ, глядя то на нее, то на хозяйку, сказалъ: „Почему же эти люди все еще не пришли туда?“.

Все это, мнѣ кажется, указываетъ на медленное и постепенное возникновеніе понятія о томъ, что такое сходство и изображеніе. Если ребенокъ способенъ въ минуты особенно сильной работы воображенія принимать свою разбитую куклу за живое существо, то отъ него можно ожидать подобнаго же отношенія и къ картинѣ, которая представляетъ больше сходства съ дѣйствительностью. Живое воображеніе побуждаетъ ребенка, какъ и дикаря и, въ сущности, какъ cadaго изъ насъ, надѣлять изображеніе нѣкоторой реальностью. Но мы способны контролировать эту склонность къ иллюзіямъ и удерживать ее въ границахъ эстетической полу-иллюзіи, между тѣмъ какъ для ребенка это невозможно.

---

¹⁾ Указ. соч., II, стр. 104.

Развѣ слишкомъ неправдоподобно предположеніе, что психологическимъ мотивомъ для вѣры дикаря въ посѣщеніе идола настоящимъ духомъ-божествомъ служить та же склонность, которая вѣчно побуждаетъ ребенка отождествлять игрушки и даже картинки съ тѣми дѣйствительными предметами, которые на нихъ изображены?

Эта склонность смѣшивать воспроизведеніе съ воспроизводимой дѣйствительностью очень ясно сказывается, какъ и можно было бы ожидать, въ отношеніи ребенка къ первымъ драматическимъ представленіямъ, какія ему приходится видѣть. Если вы одѣнетесь рождественскимъ Дѣдомъ, то ваше дитя едва ли будетъ въ состояніи сопротивляться сильной иллюзіи, вызванной вашимъ нарядомъ, хотя бы ему и сказали, что вы—его отецъ. Кювье рассказываетъ, что одинъ десятилѣтній мальчикъ, смотрѣвшій какую-то пьесу, въ которой на сцену выходитъ войско, разразился громкими протестами противъ актера, игравшаго роль генерала, и сталъ говорить ему, что артиллерія неправильно разставлена и т. д.¹⁾ Это напоминаетъ рассказъ о матросахъ, которые разъ въ театрѣ видѣли изображеніе бунта на кораблѣ и пришли въ такое возбужденіе, что бросились на сцену и стали помогать начальству усмирять бунтовщиковъ.

Я думаю, что эта же склонность принимать художественное воспроизведеніе за дѣйствительность обнаруживается и въ отношеніи дѣтей къ сказкамъ. Сказка, благодаря своей повѣствовательной формѣ, кажется рассказомъ о дѣйствительныхъ событіяхъ, и дѣти, какъ извѣстно, твердо вѣрятъ, что ихъ сказки—истина. Мнѣ кажется, что я подмѣтилъ въ надѣленныхъ воображеніемъ дѣтяхъ склонность идти еще дальше и сообщать описываемымъ сценамъ и событіямъ реальность въ настоящемъ. И этому нельзя удивляться, если принять во вниманіе, что взрослые люди, знакомые со всѣми приемами подражанія въ искусствѣ, иногда готовы впасть въ подобное же заблужденіе. Лишь нѣсколько дней тому на-

---

¹⁾ Приведено у *Perez*, указ. соч., стр. 216.

задъ я читалъ разсказъ одного изъ своихъ друзей о какомъ-то опасномъ переходѣ при восхожденіи на Альпы, совершенномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и поймалъ себя на намѣреніи крикнуть, чтобы удержать его отъ дальнѣйшаго риска. Благодаря живости воображенія данное положеніе сдѣлалось въ этотъ моментъ для меня настоящей дѣйствительностью.

Тщательныя наблюденія по поводу того, какъ дѣти вначалѣ относятся къ избирательному искусству, въ высшей степени необходимы. Въ поведеніи дѣтей мы, вѣроятно, найдемъ значительныя различія, и указаніемъ на присутствіе настоящей чуткости къ искусству могло бы служить особенное живое пониманіе того, что искусство, это—воспроизведеніе дѣйствительности.

Наблюдая, какъ дѣйствуютъ на дѣтскую душу первыя художественныя впечатлѣнія, мы можемъ изучать и другіе виды эстетическихъ наклонностей. Очень причудливъ и любопытенъ строгій реализмъ въ первыхъ дѣтскихъ оцѣнкахъ. Дитя требуетъ обыкновенно полного и точнаго воспроизведенія знакомой дѣйствительности. И здѣсь часто можно убѣдиться въ тонкой наблюдательности маленькихъ дѣтей. Прислушайтесь къ рѣчамъ маленькаго критика, разсматривающаго нарисованную лошадь или желѣзнодорожный поѣздъ, и вы будете поражены тѣмъ, какъ тщательно и подробно онъ изучилъ форму предметовъ. То же самое можно сказать и о другихъ видахъ изобразительнаго искусства. Пѣре разсказываетъ по этому поводу забавный случай. Одинъ четырехлѣтній мальчикъ, взятый въ театръ, былъ возмущенъ, увидѣвъ, какъ на сценѣ горничная чокнулась со своимъ хозяиномъ по случаю какого-то праздника. „У насъ дома“,—воскликнулъ маленькій педантъ къ великому удовольствію своихъ сосѣдей, — „мы не позволяемъ нянѣ такъ пить“¹⁾. Точно такъ же ребенокъ относится и къ сказкамъ. Дѣти способны почувствовать сильное нравственное оскорбленіе, если

¹⁾ Указ. соч., стр. 215, 216.

что-нибудь описывается значительно иначе, чѣмъ оно обыкновенно совершается. Они еще смѣшиваютъ эстетически-правильное съ нравственно-правильнымъ или благопристойнымъ, уваженіе къ чему, какъ мы видѣли, инстинктивно поддерживается въ дѣтской душѣ уваженіемъ къ обычаю.

Тщательныя наблюденія раскроютъ въ этихъ первыхъ, свободно выражающихся впечатлѣніяхъ, особыя направленія дѣтскаго вкуса. Замѣтивъ, какимъ книгамъ съ картинками четырехлѣтній мальчикъ отдаетъ предпочтеніе, мы будемъ знать, что представляетъ для него особенный интересъ, какіе предметы онъ находитъ красивыми, сколько настоящихъ эстетическихъ способностей можетъ развиться въ немъ позднѣе. И здѣсь также открывается обширное поле для тщательныхъ изслѣдованій относительно первыхъ проявленій чистаго удовольствія, доставляемаго красивыми предметами, которые очаровываютъ въ одно и то же время и чувства, и воображеніе.

Первыя проявленія того сложнаго интереса къ жизни и личности, который занимаетъ такое видное мѣсто среди нашихъ эстетическихъ наслажденій, лучше всего можно наблюдать въ отношеніи ребенка къ драматическому представленію и къ сказкѣ. Восторженное удовольствіе, съ которымъ ребенокъ способенъ привѣтствовать все, что своими движеніями напоминаетъ жизнь и дѣятельность, это—такое чувство, на которое иные изъ насъ, подобно Гёте, могутъ указать, какъ на одно изъ самыхъ раннихъ своихъ воспоминаній. Какимъ радостнымъ удивленіемъ наполняли дѣтское сердце маріонетки или старомодныя движущіяся „тѣневыя картины“, для которыхъ роскошныя, но лишеныя движенія картины волшебнаго фонаря служатъ лишь бѣдной замѣной. А что касается восторженнаго, захватывающаго удовольствія, получаемаго отъ сказки, то его достаточно пытались намъ описать Теккерей и другіе.

Особенный интересъ среди этихъ раннихъ проявленій художественнаго чутья представляютъ двѣ эмоціи, обнаруживающіяся въ грубой формѣ, на возбужденіе которыхъ расчи-

тано всякое воспроизведеніе жизни и различныхъ характеровъ; этими эмоціями являются чувство комизма и чувство трагизма. Заблужденіе взрослыхъ, склонныхъ судить о дѣтяхъ по себѣ самимъ, часто обнаруживается въ томъ, что отъ дѣтей они ожидаютъ смѣха въ тѣхъ случаяхъ, которые имъ самимъ кажутся смѣшными. Я помню, какъ неудачно я поступилъ, предложивъ одному маленькому мальчику, отлично улавливавшему все смѣшное, забавныя книги „Томъ Соуэръ“ и „Геккельбери Финнъ“¹⁾, и какое униженіе я испыталъ, замѣтивъ, что онѣ не произвели никакого впечатлѣнія. То, что дѣтямъ кажется смѣшнымъ, должно носить очень элементарный характеръ. Мнѣ кажется, что имъ больше всего нравится какое-нибудь нарушеніе обычаевъ, ниспроверженіе установленныхъ различій между людьми разнаго общественнаго положенія. Одежда, какъ мы видѣли, имѣетъ чрезвычайно важное символическое значеніе для ребенка, и всякое нарушеніе въ этой области можетъ служить особенно сильнымъ толчкомъ, вызывающимъ смѣхъ. Одинъ ребенокъ, которому шелъ четвертый годъ, затрясся отъ смѣху, увидѣвъ дѣтскій нагрудникъ на шеѣ своего бородатаго отца.

Когда дѣти начинаютъ вполнѣ серьезно относиться къ театральнымъ представленіямъ, тогда интересно замѣчать, какъ уживаются въ нихъ обѣ наклонности—реалистическое требованіе точности и неудержимая веселость при видѣ какаго-либо безпорядка. По этому поводу необходимо собрать побольше фактовъ. Весьма вѣроятно, что здѣсь играетъ извѣстную роль коренное различіе темпераментовъ. Есть серьезные, трезвыя дѣти, выносящія непріятное впечатлѣніе отъ такихъ рассказовъ и спектаклей, которые доставили бы безграничное удовольствіе ребенку съ болѣе гибкимъ и склоннымъ къ шуткѣ умомъ. Но, оставляя въ сторонѣ различія между прирожденными наклонностями, я полагаю, что въ

---

¹⁾ Обѣ эти превосходныя книги Марка Твена переведены на русскій языкъ, подъ названіемъ: „Приключенія Тома“ и „Приключенія Финна Геккельбери“.

общемъ способность видѣть смѣшную сторону въ вещахъ, радоваться, если что-нибудь идетъ вверхъ дномъ, обыкновенно развивается позднѣе, чѣмъ серьезное реалистическое отношеніе, о которомъ мы уже говорили. И здѣсь, вѣроятно, развитіе отдѣльной личности идетъ тѣмъ же путемъ, какъ и развитіе расы; торжественность обычаевъ и обрядовъ вначалѣ такъ сильно подавляетъ умъ дикаря, что для беззаботнаго смѣха не остается мѣста. Какъ бы то ни было, большинство маленькихъ дѣтей, повидимому, неспособны оцѣнить истинную комедію, въ которой что-нибудь несообразное существуетъ рядомъ съ вполне серьезной обстановкой, и которая своей забавностью на половину обязана именно этому сочетанію. Ихъ смѣхъ сильнѣе всего вызываютъ грубоватыя фарсы, въ которыхъ ниспровергнуты всѣ обычные правила жизни.

Въ этомъ отношеніи ребенка къ художественному воспроизведенію человѣческихъ характеровъ и дѣйствій не меньшій интересъ представляютъ и первыя проявленія чуткости къ трагической сторонѣ жизни. Ребенокъ четырехъ или шести лѣтъ не представляетъ себѣ божественной необходимости, которая господствуетъ надъ жизнью смертныхъ. Но у него проявляется какое-то смутное чувство, когда онъ видитъ ужасающее положеніе или слышитъ о страшномъ приключеніи; онъ обнаруживаетъ также нѣкоторый сочувственный интересъ къ горестямъ смертныхъ, какъ четвероногихъ, такъ и двуногихъ. Драматическое дѣйствіе или положеніе легко можетъ сдѣлаться слишкомъ мучительнымъ для ребенка, надѣленнаго сильнымъ воображеніемъ и склоннаго принимать всякое воспроизведеніе за дѣйствительность; но захватывающій интересъ къ не слишкомъ печальнымъ дѣйствіямъ свидѣтельствуетъ о раннемъ развитіи того всеобщаго чувства роковой необходимости, которымъ проникнуты всѣ фантастическія произведенія, отъ самыхъ возвышенныхъ до грошевыхъ „кровавыхъ романовъ“.

Начало художественнаго творчества.

Мы попытались уловить первыя слабыя проявленія эстетическаго чувства въ отношеніяхъ дѣтей къ естественнымъ предметамъ и къ произведеніямъ искусства. Перейдемъ теперь къ еще болѣе интересному отдѣлу дѣтской эстетики, къ первымъ неловкимъ попыткамъ художественнаго творчества. Мы говоримъ, обыкновенно, что дѣти — художники въ зародышѣ, что въ ихъ игрѣ и во всей ихъ дѣятельности проявляются зачатки склонности къ искусству. Для того, чтобы разсмотрѣть, насколько правильна эта мысль, мы должны начать съ яснаго опредѣленія того, что мы понимаемъ подъ художественной дѣятельностью.

Я назвалъ бы художественной такую дѣятельность, которая включаетъ въ себя всѣ дѣтскіе поступки, сознательно направленные на какой-нибудь внѣшній результатъ, признанный красивымъ или непосредственно пріятнымъ для чувствъ и для воображенія. Такъ, жестъ или интонація голоса, обусловленные тѣмъ, что они кажутся „красивыми“ или „милыми“, относятся къ художественной дѣятельности, точно такъ же, какъ и болѣе долговѣчный эстетическій объектъ на примѣръ, рисунокъ.

Однако, присматриваясь къ дѣятельности дѣтей, мы замѣчаемъ, что значительная часть ея, хотя и требуетъ нѣкотораго зачатка эстетическаго чувства, все же не является чисто-художественной дѣятельностью. На примѣръ, въ любви къ украшеніямъ мы видимъ, что у дѣтей, какъ и у дикарей, эстетическій мотивъ подчиненъ другому, корыстному чувству, именно, тщеславію или желанію вызывать удивленіе. Съ другой стороны, и въ игрѣ дѣтей, которая, несомнѣнно, родственна искусству, мы видимъ, что эстетическій мотивъ, желаніе произвести что-нибудь красивое, отступаетъ далеко на задній планъ. Поэтому необходимо изслѣдовать эти первоначальныя формы дѣятельности, чтобы выдѣлить изъ нихъ настоящій элементъ искусства.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ видовъ этой ранней и какъ будто художественной дѣятельности является разукрашиваніе самого себя. Склонность заботиться о своемъ внѣшнемъ видѣ, повидимому, очень широко распространена въ животномъ мірѣ. Заботливость животного о своей наружности поддерживается двумя инстинктами: во-первыхъ, стремленіемъ пугать или держать въ страхѣ другихъ, особенно настоящихъ или кажущихся враговъ, для чего перья или волосы ощетииваются такъ, что величина животного кажется больше; во-вторыхъ стремленіемъ привлекать, на которомъ, вѣроятно, основана привычка птицъ и четвероногихъ чистить свои перья или свою шкуру. Эти же стремленія составляютъ, какъ говорятъ, основу изысканнаго искусства украшать себя, которое очень развито у дикарей. Антропологъ подраздѣляетъ такія украшенія на „привлекающія“ и „устрашающія“ ¹⁾.

Говоря о вниманіи дѣтей къ своему внѣшнему виду, нельзя и думать о томъ, чтобы прослѣдить дѣятельность чистаго инстинкта. Забота о своей личности прежде всего привита имъ и усилена въ нихъ другими, и она, въ сущности, составляетъ главную часть первоначальнаго воспитанія. Матери ребенокъ, вполне естественно, представляется самымъ лучшимъ украшеніемъ дома, которое слѣдуетъ содержать чистымъ и незапятнаннымъ съ еще большей заботливостью, чѣмъ всѣ остальные красивые предметы. Эта ранняя муштровка, повидимому, очень непріятна. Многія дѣти возстаютъ вначалѣ не только противъ мыла, воды и безжалостной гребенки, но даже и противъ новаго платья. Украшенія навязываются ребенку раньше, чѣмъ инстинктъ успѣлъ развиться въ немъ, и способы разукрашиванія не всегда бываютъ согласованы съ прирожденными склонностями дѣтскихъ глазъ. Этимъ объясняется тотъ обычный фактъ, что у дѣтей заботливость о своемъ внѣшнемъ видѣ, разъ она уже развилась, принимаетъ характеръ уваженія передъ извѣстнымъ закономъ.

---

¹⁾ См. *Эристъ Гроссе*. Происхожденіе искусства (русск. пер., Москва, 1899) стр. 103, 104.

Она болѣе чѣмъ на половину—нравственное чувство, въ силу котораго ребенку кажется оскорбленіемъ, если нарушается какой-нибудь обычай, съ самаго начала внушенный при помощи примѣровъ и наставленій.

Кромѣ того, инстинктъ, побуждающій украшать себя, часто сдерживается у ребенка другими наклонностями. Я уже упоминалъ о маленькомъ ребенкѣ, который испытывалъ безпокойство, видя на своей матери новое платье. Подобный же страхъ обнаруживается и по отношенію къ собственной одеждѣ. Многія маленькія дѣти обнаруживаютъ явную антипатію къ новому платью. Какъ я выше замѣтилъ, переѣмна одежды, вѣроятно, нарушаетъ и дѣлаетъ смутнымъ ихъ чувство собственнаго „я“.

Однако, несмотря на эти и другія усложняющія обстоятельства, я полагаю, что въ дѣтяхъ можно наблюдать инстинктивное стремленіе украшать себя. Они любятъ какое нибудь украшеніе въ видѣ ожерелья изъ бусъ или маргаритокъ, перо для шляпы, кусочекъ ярко окрашенной ленты для банта на платьѣ и т. д. Подражаніе играетъ здѣсь, несомнѣнно, значительную роль, но я полагаю, что несмотря на это, возможно все-таки открыть въ любви къ нарядамъ сходство между ребенкомъ и дикаремъ. Быть можетъ, мы сумѣемъ различить въ этомъ стремленіи украшать себя вліяніе обѣихъ наклонностей, указанныхъ выше, именно, наклонности привлекать и устрашать. Несмотря на различіе умственныхъ способностей, пола и т. д., мы можемъ сказать, что дѣти проявляютъ зачатки инстинкта, который побуждаетъ ихъ украшать себя какъ для того, чтобы вызвать удивленіе, такъ и для того, чтобы устрашать другихъ. Доказательствомъ послѣдняго можетъ служить радость маленькаго мальчика, который надѣваетъ высокую шляпу своего отца, чтобы увеличить свой ростъ и придать себѣ болѣе страшный видъ.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, является ли у дѣтей любовь къ нарядамъ—черта очень измѣнчивая, какъ показалъ Пэре и другіе—всецѣло продуктомъ тщеславія. Я хочу только замѣтить, что ребенокъ, погруженный передъ зеркаломъ въ со-

зерцаніе самого себя, одѣтаго въ новое платье, можетъ нисколько не тщеславиться въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ это слово. Въ подобныя минуты простое дѣтское удивленіе передъ тѣмъ, что ново и таинственно, можетъ пересилить остальные чувства и привести ребенка въ такое душевное состояніе, которое похоже на сонъ.

Такъ какъ дѣтямъ предоставлено очень мало свободы украшать себя, то трудно, разумѣется изучать, развитіе эстетическаго вкуса въ этой области ихъ полу-художественной дѣятельности. Но странныя попытки ребенка улучшить свой внѣшній видъ все же проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на интересный вопросъ о томъ, чему онъ въ эстетическомъ отношеніи отдаетъ предпочтеніе. Въ глубинѣ души онъ такой же любитель блестящихъ предметовъ и веселыхъ красокъ, какъ и его прототипъ дикарь. Несмотря на эту общую грубость вкуса, индивидуальныя различія скоро начинаютъ обнаруживаться, а въ ребенкѣ развивается явная склонность ко всему скромному, тонкому и изящному, или къ яркому и показному, при чемъ склонность эта иногда идетъ совершенно въ разрѣзъ со всѣми домашними вліяніями ¹⁾.

Другая область дѣтской дѣятельности, тѣсно связанная съ только что описанной и родственная искусству, это—изящныя и милыя поступки. Многія красивыя движенія, жесты, интонація голоса и т. д. могутъ быть у маленькаго ребенка безсознательными и могутъ въ такой же мѣрѣ являться результатами физическаго благополучія, какъ и прелестныя прыжки котенка. Но у изящныхъ дѣтей можно обыкновенно подмѣтить зачатокъ эстетическаго чутья, которое указываетъ имъ, что красиво, а также зачатокъ инстинкта, побуждающаго нравиться. Въ первыхъ поступкахъ и манерахъ ребенка, покуда тупая условность еще не внесла въ нихъ всевозможныхъ мѣшающихъ задержекъ, есть какое-то сходство съ простымъ изяществомъ и достоинствомъ нѣкоторыхъ при-

---

¹⁾ Весь вопросъ объ отношеніи ребенка къ одеждѣ и къ украшеніямъ прекрасно разработанъ у *Perez*, указ. соч., гл. 1.

вѣтливыхъ дикарей; это мы видимъ, напримѣръ, въ привычкѣ маленькой дѣвочки М. посылать воздушный поцѣлуй другимъ дѣтямъ при встрѣчѣ съ ними на улицѣ, — привычкѣ, которую она усвоила самопроизвольно, безъ всякаго побужденія извнѣ. Правда, чутье къ изяществу движеній, рѣчи и т. д. еще не служить яснымъ доказательствомъ особой художественной склонности; но оно свидѣтельствуетъ о наличности зачаточной оцѣнки всего красиваго и, слѣдовательно, о стремленіи производить это красивое.

Въ указанныхъ формахъ дѣтской дѣятельности мы видимъ проявленія смѣшанныхъ наклонностей, среди которыхъ настоящій элементъ искусства представленъ лишь очень несовершенно. Мы видимъ здѣсь любовь къ красивымъ эффектамъ и стараніе произвести ихъ, но эти эффекты цѣнятся не сами по себѣ, а отчасти какъ средства вызвать у другихъ улыбку одобренія. Настоящая склонность къ искусству характеризуется пристрастіемъ дѣлать красивыя вещи ради нихъ самихъ, способностью всецѣло отдаваться процессу творчества, въ которомъ не играетъ роли никакое соображеніе о выгодѣ для себя, и почти такъ же мало значенія имѣеть и соображеніе о пользѣ для другихъ. Въ дѣятельности дѣтей есть одна область, которая именно такимъ образомъ поглощаетъ всѣ ихъ мысли и стремленія, и эта область — игра.

Игра подобна искусству, — эта фраза уже почти сдѣлалась общимъ мѣстомъ. Всякій можетъ замѣтить, что во время игры дѣти увлечены тѣмъ, что дѣлаютъ, что они не думаютъ ни о какомъ полезномъ результатѣ, но только объ удовольствіи, которое имъ доставляетъ самая дѣятельность. Они строятъ себѣ дворцы изъ песку, изображаютъ лавочника, принимаютъ гостей и т. д. ради того удовольствія, которое они отъ всего этого получаютъ. Этимъ ясно доказывается извѣстное родство ихъ съ художникомъ, какъ какъ поэтъ поетъ, а живописецъ пишетъ только потому, что это ему пріятно. Далѣе, изъ того, что было выше сказано объ участіи воображенія въ игрѣ, вполне очевидно, что у нея есть и еще одна

общая черта съ художественнымъ творчествомъ, именно — воплощеніе духовнаго образа въ какой-нибудь внѣшней формѣ. Болѣе того, для игры требуется способность различать подражаніе отъ изобрѣтенія, — реалистическое и идеалистическое направленіе въ искусствѣ, — и по своимъ формамъ игра удивительно приближается къ главнѣйшимъ отраслямъ художественнаго творчества. Такимъ образомъ, игра вполнѣ заслуживаетъ нашего изученія, какъ область, въ которой мы можемъ подмѣтить первые проблески художественныхъ наклонностей у дѣтей.

Если подъ игрой мы будемъ понимать всю ту самопроизвольную дѣятельность, къ которой побуждаетъ доставляемое ею удовольствіе, то зачатки ея мы найдемъ въ тѣхъ безцѣльныхъ движеніяхъ и звукахъ, которые являются у ребенка естественнымъ выраженіемъ жизнерадостности. Подобнаго рода результаты простого благоденствія носятъ какъ бы эстетическій характеръ постольку, поскольку въ нихъ соблюдается законъ ритмичности всякаго дѣйствія. Когда игра становится общественнымъ дѣйствіемъ, т. е. совмѣстной дѣятельностью многихъ лицъ, тогда мы видимъ въ ней близкое сходство съ тѣмъ гармоническимъ сочетаніемъ движеній и звуковъ, которое, какъ полагаютъ, послужило въ первобытной культурѣ чело-вѣчества общимъ началомъ первой грубой музыки, поэзіи и драматическаго дѣйствія.

Такая наивная игра получаетъ большее эстетическое значеніе тогда, когда она начинаетъ выражать или воспроизводить какое-либо настоящее дѣйствіе; и это направленіе она принимаетъ у ребенка очень рано. Склонность подражать дѣйствіямъ другихъ, повидимому, развивается до истеченія перваго полугодя жизни ¹⁾. Въ своей первоначальной, грубой формѣ эта наклонность участвуетъ во всякой совмѣстной игрѣ въ видѣ воспроизведенія извѣстнаго жеста или зву-

---

¹⁾ По Прейеру первое подражательное движеніе появляется на четвертомъ мѣсяцѣ (*Die Seele des Kindes*, гл. 12). Больдуинъ же говоритъ, что первое несомнѣнное движеніе этого рода у его дѣвочки появилось на девятомъ мѣсяцѣ (*Mental Development*, стр. 131).

ка, который только что был подмѣченъ у другого лица. Многимъ дѣтямъ дается легко и естественно гармоническое выполненіе цѣлаго ряда танцевъ или другихъ движеній, напримѣръ, игръ въ дѣтскомъ саду, потому что склонность подражать другому, слѣдовать за нимъ въ одно и то же время возбуждаетъ ихъ и предохраняетъ отъ ошибки.

Болѣе высокое и болѣе осмысленное подражаніе мы видимъ въ томъ случаѣ, когда ребенокъ припоминаетъ и воспроизводитъ какое-нибудь видѣнное имъ дѣйствіе другихъ. Такое подражаніе часто бываетъ вызвано мыслями, на которыя наталкиваютъ ребенка случайно попавшіеся ему на глаза предметы; такъ, ребенокъ видитъ пустую чашку и притворяется, что пьетъ, или смотритъ въ книгу и какъ будто читаетъ, или видитъ ножницы и подражаетъ движеніямъ человѣка, который рѣжетъ что-нибудь. Въ другихъ случаяхъ подражаніе имѣетъ болѣе самостоятельный характеръ, напримѣръ, когда ребенокъ принимаетъ и повторяетъ какое-нибудь смѣшное выраженіе, которое онъ слышалъ.

Эти подражательныя дѣйствія становятся понемногу болѣе сложными и могутъ, такимъ образомъ, перейти въ довольно продолжительное разыгрываніе какой-нибудь роли. Въ этомъ случаѣ мы получаемъ, очевидно, нѣчто очень сходное съ драматическимъ дѣйствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, изображеніе ребенкомъ посредствомъ пантомимы какого-нибудь смѣшного дѣйствія въ очень значительной степени приближается къ мимическому искусству актера.

Въ то же время въ ребенкѣ развивается и другая форма подражанія, именно, склонность создавать подобія различныхъ предметовъ. Наклонность къ такому подражанію рано проявляется, напримѣръ, въ томъ, что дитя дѣлаетъ рѣку изъ соуса на тарелкѣ или мнетъ кусочки хлѣба до тѣхъ поръ, пока они не стануть похожими на какой-нибудь знакомый предметъ. Одинъ трехлѣтній ребенокъ разъ забавлялся за столомъ тѣмъ, что превратилъ свою тарелку въ часы, при чемъ его ножъ (или ложка) и вилка должны были замѣнять стрѣлки, а вишневая косточка, положенная вдоль края та-

релки, обозначали часы. Подобное препровождение времени за столомъ знакомо всѣмъ, кто наблюдалъ дѣтей, и было прелестно описано Стивнсономъ ¹⁾.

Такия попытки къ творчеству вначалѣ довольно грубы, такъ какъ преобразование совершается, какъ мы видѣли, въ гораздо большей степени алхимическими средствами фантази ребенка, чѣмъ искусствомъ его рукъ. Но хотя эти попытки и довольно грубы, хотя въ нихъ случай играетъ почти не меньшую роль, чѣмъ умысль, онѣ все же служатъ проявленіемъ той самой склонности къ творчеству, того самого стремленія создавать образы или подобія вещей, которымъ охваченъ скульпторъ и художникъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы видимъ духъ, поглощенный опредѣленной идеей и старающійся воплотить ее въ тѣлесной формѣ. Болѣе сложныя игры, какъ постройка зданій изъ песку и кирпичиковъ, а также первые опыты самостоятельнаго рисованія являются непосредственными продуктами этой грубой творческой дѣятельности. Занятія въ дѣтскомъ саду, преимущественно лѣпка фигуръ изъ глины, сильнѣе всего заставляютъ проявиться въ ребенкѣ эту полухудожественную склонность къ пластикѣ.

Въ этой игрѣ, основанной на подражаніи, мы съ самаго начала видимъ наклонность выставлять на показъ самыя характерныя черты изображаемыхъ предметовъ. Такъ, при разыгрываніи сцены въ дѣтской няня, кучеръ и т. д. изображаются нѣсколькими крупными штрихами, на примѣръ, няня—тѣмъ, что держитъ склянку съ лѣкарствомъ или какое-нибудь ея подобіе, а кучеръ—кнуромъ и, пожалуй, какой-нибудь особой манерой говорить. Такимъ образомъ, въ игрѣ дѣтей, какъ и въ первобытномъ искусствѣ, проявляется какая-то бессознательная разборчивость. Въ обоихъ случаяхъ изображаются, хотя, разумѣется, и очень несовершенно, только постоянныя и типическія черты. Такое же отбирание вполне отчетливыхъ чертъ мы видимъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда изображается

---

¹⁾ *Virginibus Puerisque*, „Child's Play“.

опредѣленная личность, и точно такая же наклонность къ сохраненію типическихъ контуровъ обнаруживается въ первыхъ грубыхъ попыткахъ ребенка копировать различные предметы. Мы вполне убѣдимся въ этомъ, когда перейдемъ къ изслѣдованію приемовъ дѣтскаго рисованія.

По мѣрѣ того, какъ наблюденія становятся шире и точнѣе, произведенія ребенка, вначалѣ неясныя и расплывчатая, дѣлаются болѣе полными и болѣе близкими къ жизни. Въ нихъ входитъ теперь большее число отчетливыхъ чертъ. Такъ, рѣчь кучера становится богаче, въ ней встрѣчается больше упоминаній о конюшнѣ и т. д., и драматическая картина получаетъ опредѣленную окраску. Совершенно сходный процессъ развитія мы замѣчаемъ и въ томъ, какъ ребенокъ дѣлаетъ изображенія различныхъ предметовъ. Первые грубыя попытки изобразить домъ или дворецъ понемногу дѣлаются удачнѣе, и изображеніе становится все богаче характерными подробностями, все болѣе похожимъ на дѣйствительность. И здѣсь мы еще разъ можемъ отмѣтить параллелизмъ между развитіемъ игры и развитіемъ первобытнаго искусства.

Для этого перехода отъ простаго символическаго намека къ конкретному, картинному изображенію необходима наклонность къ индивидуализаціи, т. е. наклонность придавать игрѣ или созданному образцу сходство съ дѣйствительностью, и именно—съ какой нибудь опредѣленной дѣйствительностью. Такой опредѣленности можно достигнуть путемъ механическаго воспроизведенія извѣстнаго дѣйствія или сцены изъ дѣйствительной жизни, и дѣти въ своихъ играхъ нерѣдко пытаются буквально повторять или копировать что-нибудь. Подобное точное, ни въ чемъ не отступающее отъ подлинника подражаніе иногда проявляется въ попыткахъ разыграть какую-нибудь сказку. Но у бойкихъ, надѣленныхъ живой фантазіей дѣтей стремленіе придать игрѣ жизнь и окраску рѣдко ограничивается этимъ. Свѣжесть, живость, опредѣленность въ игрѣ лучше всего достигаются при помощи какого-нибудь изобрѣтенія, благодаря которому возникаетъ новая сцена, или новое положеніе, или новая группировка дѣйствующихъ лицъ.

Въ дѣтскихъ играхъ ничто, съ эстетической точки зрѣнія, не представляетъ такого большого интереса, какъ первый случай, когда въ область подражательнаго воспроизведенія осторожно вторгается это стремленіе изобрѣтать, желаніе замѣнить старое и обычное чѣмъ-нибудь новымъ и свѣжимъ. Возможно также, что ни въ какихъ другихъ дѣтскихъ играхъ не обнаруживаются такъ ясно и не имѣютъ такого большого значенія индивидуальныя различія между дѣтьми. Ребенокъ со смѣлой изобрѣтательной фантазіей обыкновенно неприятно дѣйствуетъ на своихъ товарищей, по мнѣнію которыхъ игра собственно должна заключаться только въ рабски-точномъ воспроизведеніи сценъ и дѣйствій изъ обыденной жизни. Однако, никто, вѣроятно, не станетъ отрицать, что первый имѣетъ въ себѣ больше задатковъ, изъ которыхъ создается художникъ.

Такъ какъ всякое подобное изобрѣтеніе направлено къ обезпеченію какого-нибудь особенно сильнаго и захватывающаго эффекта, то на немъ отразится, конечно, общая склонность дѣтей къ преувеличеніямъ. Подъ этимъ я понимаю самобытное умѣнье придавать какому-нибудь описанію или воспроизведенію больше жизни и силы путемъ присоединенія все новыхъ и новыхъ чертъ. Въ игрѣ эта любовь къ яркости и сильнымъ эффектамъ проявляется то въ подборѣ всего красиваго, роскошнаго или чудеснаго, напримѣръ, при попыткахъ разыграть какую-нибудь особенно нравящуюся сцену изъ сказки или изобразить какую-нибудь торжественную церемонію, то въ соединеніи различныхъ комическихъ или трагическихъ событій, посредствомъ чего усиливается чувство веселости или печали, вызываемое игрой. Во всемъ этомъ (чему въ развитіи искусства вообще соотвѣтствуютъ первыя грубыя попытки разбить тѣсныя оковы рабскаго подражанія) мы видимъ, по мнѣнію, зачатки той наклонности, которая въ нашемъ болѣе развитомъ искусствѣ называется наклонностью къ идеализаціи.

Я сказалъ, кажется, достаточно для того, чтобы показать, что игра дѣтей во многихъ отношеніяхъ аналогична простѣй-

шему виду искусства, что она содержитъ въ себѣ тѣ самыя черты, которыми характеризуются главныя направленія въ ходѣ развитія искусства ¹⁾).

Однако, хотя эта игра и похожа на искусство, она все же не есть настоящее искусство. Я сказалъ бы, что во время игры ребенокъ слишкомъ поглощенъ собой. Разыгрывая какую-нибудь сцену или дѣлая подобіе какого-нибудь предмета, ребенокъ заботится не объ объективной цѣнности своихъ произведеній, но старается, главнымъ образомъ, внести что-нибудь новое въ свою обстановку. Своеобразность всякой игры, основанной на воображеніи, дѣлающая эту игру такой непонятной для взрослыхъ, заключается въ томъ, что играющій ребенокъ вполнѣ доволенъ своей уединенностью. Мысль, будто ребенокъ „играетъ“ въ томъ смыслѣ, какъ это говорятъ объ актерѣ, т.-е. играетъ, чтобы занимать другихъ, — эта мысль основана просто на противорѣчивомъ выраженіи. Удовольствіе ребенка при разыгрываніи какой-нибудь „драматической“ роли совершенно независимо, какъ я выше замѣтилъ, отъ того, видитъ ли его игру кто-нибудь, кто могъ бы ее оцѣнить. „Я помню“, — пишетъ Стивнсонъ, „какъ будто это было вчера, какимъ чувствомъ удовлетворенія, собственнаго достоинства и довѣрія къ себѣ наполнили меня нарисованные жженой пробкой усы, даже когда некому было ихъ видѣть“ ²⁾. То же можно сказать и о совмѣстной игрѣ. Нѣсколько дѣтей, играющихъ, напримѣръ, въ индѣйцевъ, не разыгрываютъ роли другъ для друга. Слова „представлять“, „играть роль“ и т. д. здѣсь, повидимому, совершенно неумѣстны. Въ дѣйствительности, всѣ одинаково видятъ передъ собою новый міръ, одинаково живутъ въ воображеніи новой жизнью.

Это различіе между игрой и искусствомъ иногда опредѣляли тѣмъ, что корни искусства будто бы лежатъ въ обще-

¹⁾ Рассказываніе сказокъ другимъ дѣтямъ не подходитъ, мнѣ кажется, подъ данное мною опредѣленіе игры. Это — дѣтское искусство въ собственномъ смыслѣ слова.

²⁾ *Virginibus Puerisque* „Child's Play“.

ственныхъ наклонностяхъ, въ желаніи правиться ¹⁾. Но такое утверженіе, мнѣ кажется, слишкомъ упрощаетъ вопросъ. Искусство, безъ сомнѣнія, есть явленіе общественное, какъ показалъ Гюйо и другіе. Совершенно справедливо было сказано, что „вполнѣ индивидуальное искусство—въ самомъ строгомъ смыслѣ слова,—если бы даже было мыслимо, не могло бы нигдѣ быть констатировано“ ²⁾. Иными словами, художникъ становится художникомъ въ силу того, что онъ принимаетъ участіе въ сознательной жизни своего общества, что его творческія стремленія провѣряются и направляются сознаниемъ общихъ или объективныхъ цѣнностей. Но сказать, что искусство вытекаетъ изъ инстинктивнаго желанія правиться или привлекать, значило бы проглядѣть большую долю его значенія. Вѣчныя утвержденія художниковъ объ „искусствѣ для искусства“ показываютъ, что они, по крайней мѣрѣ, видятъ въ своей художественной дѣятельности нѣчто самопроизвольное, какъ будто служащее выраженіемъ ихъ собственной натуры, воплощеніемъ ихъ самихъ,—нѣчто родственное игрѣ ребенка.

Развѣ мы не можемъ поэтому сказать, что основы дѣятельности художника лежатъ въ счастливой, полусознательной дѣятельности играющаго ребенка, во всеобъемлющемъ усилии „выразить“ какую-нибудь идею, т.-е. дать ей жизнь и внѣшнюю форму,—что стремленіе къ игрѣ переходитъ въ стремленіе къ искусству (въ томъ случаѣ, конечно, если оно становится болѣе яснымъ, благодаря увеличивающемуся участію въ общественномъ сознаниіи и благодаря пониманію общественной цѣнности вещей, иными словами, когда оно начинаетъ сознавать себя, какъ силу, умѣющую создавать такія изображенія, которыя имѣютъ цѣнность для глазъ или ушей другихъ, которыя могутъ доставлять признаніе и славу? Или,

---

¹⁾ *H. Rutgers Marshall* утверждаетъ, что художественная дѣятельность возникаетъ изъ инстинктивнаго желанія привлечь другихъ (*Pain, Pleasure and Aesthetics*)

²⁾ *Гроссе*, происхожденіе искусства, стр. 47.

чтобы выразить эту мысль нѣсколько иначе, развѣ не можемъ мы сказать, что оба корня, изъ которыхъ вырастаетъ искусство, заключаются въ обоихъ разсмотрѣнныхъ нами видахъ дѣтской дѣятельности—въ желаніи нравиться, поскольку оно выражается заботливымъ отношеніемъ къ одеждѣ, изящными движеніями и т. д., и въ поглощающемъ влеченіи къ уединенной игрѣ? Какъ бы мы ни выразили это отношеніе, я вполне убѣжденъ, что игра въ нѣкоторомъ смыслѣ является началомъ искусства. Изученіе искусства дикарей, особенно, быть можетъ, изображеній охоты и борьбы въ ихъ пантомимныхъ танцахъ, показываетъ, повидимому, что игра и искусство составляютъ одну непрерывную цѣпь.

Наставать на органической связи между игрой и искусствомъ, — это не значитъ еще утверждать, что всякій живо играющій ребенокъ способенъ сдѣлаться жрецомъ искусства. Дарованіе художника требуетъ слишкомъ рѣдкаго стеченія обстоятельствъ, чтобы мы были въ состояніи на основаніи подобныхъ данныхъ предсказать его появленіе. Однако можно посоветовать излѣдователю, который занимается первыми проявленіями художественнаго таланта, обратить побольше вниманія на игры, основанныя на воображеніи. Быть можетъ, онъ найдетъ, что оригинальный ребенокъ, играющій безъ шума и грохота и нисколько не склонный присоединяться къ другимъ дѣтямъ въ ихъ времяпрепровожденіи, имѣетъ свой собственный родъ игръ, который выдѣляетъ его изъ среды другихъ дѣтей и указываетъ на его предрасположеніе грезить о далекихъ вещахъ и приближать ихъ къ себѣ посредствомъ иллюзорнаго внѣшняго изображенія, — черта, которою въ большей или меньшей степени характеризуется всякое искусство.

Я не оставилъ себѣ мѣста, чтобы говорить о первыхъ опытахъ ребенка въ области искусства, понимаемаго въ нашемъ смыслѣ. Нѣкоторыя стороны этой художественной дѣятельности, въ особенности раннее придумываніе сказокъ, настолько своеобразны, что вполне заслуживаютъ особаго

изслѣдованія. Я собралъ небольшое количество такихъ сказокъ, и нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ достаточно интереса для того, чтобы привести ихъ здѣсь. Слѣдующая сказка является страннымъ примѣромъ прихрамывающаго творчества ребенка двухъ съ половиной лѣтъ, который пытается удалиться отъ знакомыхъ образцовъ: „Три маленькихъ медвѣдя пошли гулять, и нашли кусокъ дерева, и разгребли имъ огонь, и разгребли огонь, и потомъ пошли гулять“. Вскорѣ однако фантазія ребенка становится смѣлѣе, и тогда мы получаемъ какой-нибудь милый рассказъ. Одинъ мальчикъ пяти лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ, жившій на морскомъ берегу, придумалъ слѣдующую исторію. Онъ рассказывалъ, „что разъ онъ поплылъ въ море на спасательной лодкѣ, и вдругъ увидѣлъ большого кита, и выскочилъ изъ лодки, чтобы поймать его, но китъ былъ такой большой, что онъ влѣзъ на него и поѣхалъ на немъ верхомъ по водѣ, а всѣ маленькія рыбки хохотали кругомъ“.

Съ этимъ комическимъ рассказомъ можно сравнить другой—болѣе серьезный, чтобы не сказать трагическій, записанный со словъ одной дѣвочки, которая была мѣсяцемъ моложе и питала почти такое же пристрастіе ко всему чудесному. „Одинъ человекъ хотѣлъ пойти на небо раньше, чѣмъ онъ умретъ. Онъ сказалъ: „Я не хочу умереть, но я хочу видѣть небо!“ Иисусъ Христосъ сказалъ ему, что онъ долженъ имѣть терпѣніе, какъ другіе люди. Тогда онъ очень разсердился, и закричалъ такъ громко, какъ только могъ, и брыкнулъ ногами такъ высоко, какъ только могъ, и поналъ каблуками въ небо, и небо упало внизъ и разбило всю землю на кусочки. Онъ просилъ Иисуса Христа починить землю, но Онъ не хотѣлъ, и это было для него хорошимъ наказаніемъ“. Этотъ рассказъ, сочиненный ребенкомъ, который теперь уже сдѣлался взрослой женщиной и больше не рассказываетъ сказокъ, представляетъ интересъ во многихъ отношеніяхъ. Желаніе пойти на небо, не умирая, какъ мнѣ извѣстно, часто встрѣчается у дѣтей. Проявленія неудовольствія могли, вѣроятно, быть такъ описаны только тѣмъ, кто по собственному

опыту знаетъ дѣтское неистовство. Не менѣе поучительны и наивныя представленія о небѣ и землѣ, а также и нравоученіе, выведенное изъ разсказа.

Эти примѣры показываютъ, что въ разсказахъ дѣтей, нисколько не выдающихся по своимъ дарованіямъ, мы видимъ интересныя особенности дѣтской души и можемъ изучать нѣкоторыя характерныя тенденціи юнаго и первобытнаго искусства ¹⁾. О болѣе позднихъ попыткахъ подражать искусству старшихъ, напримѣръ, о стихосложеніи, мнѣ кажется, нельзя сказать того же. Стихи дѣтей, насколько я знакомъ съ ними, бѣдны и ходульны; въ нихъ мы видимъ подавляющее вліяніе образцовъ и правилъ, къ которымъ ребенокъ не въ состояніи примѣниться, и полное отсутствіе настоящаго дѣтскаго вдохновенія. Безъ сомнѣнія, даже и въ такихъ неудобныхъ условіяхъ иногда можетъ проявиться дѣтское чувство. Первые сочиненія въ прозѣ—и прежде всего письма, если ихъ можно отнести къ области искусства, — даютъ большій просторъ выраженію чувствъ ребенка и движенію его мысли и они вполнѣ заслуживали бы подробнаго изслѣдованія ²⁾.

Есть и еще одна область дѣтскаго искусства, достойная тщательнаго изученія, именно—рисованіе. Она достойна вниманія потому, что рисованіе не есть продуктъ только нашего вліянія и воспитанія; въ своихъ основныхъ чертахъ оно оказывается самопроизвольной дѣятельностью, которая основана на собственныхъ мысляхъ ребенка и возникаетъ изъ стремленія къ игрѣ. Эта дѣятельность составитъ предметъ слѣдующей главы.

---

1) Продолжающаяся въ этихъ примѣрахъ чуткость ребенка ко всему сильному видна и изъ прелестнаго разсказа, приведеннаго у госпожи *Shinn*, но, къ сожалѣнію, слишкомъ длиннаго для того, чтобы мы могли выписать его здѣсь. См. *Overland Monthly*, т. XXIII, стр. 19.

2) *Пэре* изслѣдуетъ литературныя произведенія дѣтей въ указ. соч., гл. IX. Ср. *Paola Lombroso*, указ. соч., гл. VIII и IX.

X.

Маленькій рисовальщикъ.

Первые опыты рисованія.

Первые опыты ребенка въ области рисованія еще не имѣютъ ничего общаго съ искусствомъ; они являются извѣстнаго рода игрой и обусловлены той инстинктивной склонностью находить сходство и создавать подобія вещей, которую мы разсмотрѣли въ предыдущей главѣ. Сидя за столомъ и исписывая каракульками листъ бумаги, ребенокъ вполне поглощенъ собой, онъ „забавляется“, какъ мы говоримъ, и нисколько не заботится о томъ, чтобы создать какія-нибудь „объективныя цѣнности“.

Но даже въ этихъ первыхъ опытахъ рисованія общественный элементъ искусства проявляется въ желаніи маленькаго рисовальщика, чтобы его рисунокъ имѣлъ какой-нибудь смыслъ въ глазахъ другихъ; такъ, на примѣръ, онъ требуетъ, чтобы мать посмотрѣла на „человѣка“, на „лошадку“ и т. д., которые, по его мнѣнію, изображены на его рисункѣ¹⁾. И хотя эти рисунки еще очень грубы и могутъ оскорбить сво-

¹⁾ Извѣстно, что такое назначеніе рисунковъ, какъ средствъ для указанія или сообщенія чего-нибудь, играло большую роль въ раннихъ періодахъ человѣческой исторіи. Современные дикари пользуются рисунками на пескѣ, какъ средствомъ сообщить другимъ какія-либо свѣдѣнія, на примѣръ, о присутствіи рыбы въ извѣстномъ озерѣ. См. *Von den Steinen Unter den Naturvölkern Brasiliens*, гл. X, стр. 243 и сл.

ей невзрачностью эстетическое чувство зрѣлаго художника, они все-таки тѣсно связаны съ искусствомъ и въ сущности составляютъ какъ бы подготовительную ступень къ художественному изображенію.

Поэтому дѣтское рисованіе слѣдуетъ изучать какъ грубое, зачаточное искусство. При этомъ нашей главной задачей будетъ описать и объяснить характерныя черты ребенка, а эта задача, въ свою очередь, заставитъ насъ до извѣстной степени вникнуть въ первоначальныя формы наблюденія и воображенія. Мнѣ кажется, мы найдемъ, что первые грубые рисунки имѣютъ для насъ извѣстную цѣнность потому, что они проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на духовную дѣятельность ребенка. Въ самомъ дѣлѣ, возможно, что для психолога эти самопроизвольныя усилія дѣтей изобразить какой-либо предметъ окажутся выраженіемъ всей дѣтской натуры, и притомъ едва ли менѣе поучительнымъ, чѣмъ дѣтская рѣчь.

При изслѣдованіи дѣтскаго рисованія намъ придется довольно подробно справляться съ родственными ему явленіями—съ рисованіемъ современныхъ дикарей и съ первобытнымъ искусствомъ. Ибо хотя между первымъ и послѣдними обнаруживаются значительныя различія, однако и черты сходства настолько существенны, что сравненіе оказывается не только выгоднымъ, но даже почти необходимымъ.

Мнѣ казалось полезнымъ ограничить свое изслѣдованіе изображеніями фигуры человѣка и животныхъ, въ особенности лошади. Это любимыя темы дѣтскихъ рисунковъ, и образцы ихъ не трудно получить.

Насколько было возможно, я старался собрать самостоятельныя рисунки совсѣмъ маленькихъ дѣтей отъ двухъ до шести лѣтъ¹⁾. Строго говоря, никакой ребенокъ, конечно, не рисуетъ вполнѣ самостоятельно и независимо отъ внѣшняго побужденія и руководства. Въ первыхъ попыткахъ владѣть карандашомъ ему большей частью помогаетъ мать, ко-

---

¹⁾ Я включилъ лишь небольшое число рисунковъ, сдѣланныхъ дѣтьми старше семи лѣтъ.

торая, кромѣ того, имѣть обыкновеніе нарисовать ему что нибудь для образца и, что еще важнѣе въ этомъ раннемъ возрастѣ, показываетъ, какъ надо водить всей рукой и кистью руки. Въ большинствѣ случаевъ она дѣлаетъ также нѣкоторыя незначительныя критическія замѣчанія, спрашивая, на примѣръ: „Гдѣ папикъ носъ?“ „Гдѣ хвостъ собачки?“ Но въ полной самостоятельности, даже если бы ея и можно было добиться, здѣсь не представляется необходимости. Въ изображеніяхъ людей и четвероногихъ, сдѣланныхъ ребенкомъ пяти-шести лѣтъ, достаточно ясно сказываются его собственныя представленія, хотя бы ребенокъ и получилъ нѣкоторыя элементарныя наставленія. Поэтому я безъ колебаній воспользовался тѣми рисунками, которые были мнѣ присланы учителями дѣтскихъ садовъ. Прибавлю, что я пользовался преимущественно рисунками воспитанниковъ начальныхъ школъ, такъ какъ на этихъ рисункахъ, повидимому, меньше отражается вліяніе родителей, и они даютъ лучшее представленіе о дѣтскихъ пріемахъ, чѣмъ рисунки дѣтей изъ интеллигентныхъ семействъ.

Рисованіе дѣтей начинается съ того, что они свободно и безцѣльно водятъ карандашомъ взадъ и впередъ, начерчивая такимъ образомъ беспорядочную массу слегка искривленныхъ линий. Эти движенія совершенно самопроизвольны или же, когда они бывають вызваны подражаніемъ, воспроизводятъ съ значительными отступленіями движенія карандаша въ рукѣ матери ¹⁾. Какой-нибудь смыслъ они могутъ получить двоякимъ способомъ. Прежде всего, измѣняя колебательное движеніе руки, ребенокъ можетъ случайно начертить что-нибудь, что наталкиваетъ его на опредѣленное представленіе, благодаря отдаленному сходству съ какимъ-либо предметомъ. Одинъ маленькій мальчикъ двухъ лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ разъ игралъ такимъ образомъ карандашемъ и, случайно нарисо-

---

¹⁾ *E. Соок* приводитъ примѣры этого рода въ своихъ интересныхъ статьяхъ „Art-teaching and Child-nature“, напечатанныхъ въ *Journal of Education*, декабрь 1885 г. и январь 1886 г.

вавъ нѣкоторое подобіе спирали, воскликнулъ съ восторгомъ: „Пуфъ, пуфъ!“, т.-е. „дымъ“. Затѣмъ онъ нарисовалъ еще нѣсколько завитковъ, чтобы уяснить свою мысль. Точно такъ же ребенокъ, случайно сомкнувъ кривую линію и получивъ нѣчто въ родѣ круга, видитъ въ ней слабое сходство съ круглой человѣческой головой и восклицаетъ „мама!“ или „дядя!“.

Но намѣренное рисованіе не всегда начинается такимъ образомъ. Ребенокъ можетъ начать рисовать и притворяться, что рисуетъ что-нибудь, между тѣмъ какъ онъ просто пишетъ каракули. Въ этомъ случаѣ мы видимъ игру, которая въ значительной степени сводится къ копированію движеній чужой руки. Прейеръ рассказываетъ, что одинъ маленькій мальчикъ на второмъ году разъ водилъ карандашомъ по бумагѣ и на вопросъ, что онъ дѣлаетъ, отвѣтилъ. „Пишу дома“. Онъ, очевидно, полагалъ, что нарисованная имъ путаница линій изображаетъ дома ¹⁾. Почти всѣ каракули могутъ въ этомъ раннемъ возрастѣ получить какой-нибудь смыслъ, благодаря игрѣ сильнаго дѣтскаго воображенія.

Ту же игру воображенія мы видимъ и въ первыхъ попыткахъ ребенка нарисовать что-нибудь на память, когда его объ этомъ просятъ. Такъ, указанная Кукомъ маленькая дѣвочка, которой шелъ четвертый годъ, начертила, когда ее просили нарисовать кошку, длинную неправильно искривленную линію, пересѣченную множествомъ короткихъ линій; и это странное произведеніе своего искусства она любезно удостоила названія „кошки“, у которой стала показывать усы, лапы, хвостъ (фиг. 1 а; ср. нѣсколько болѣе подробный рисунокъ 1 б) ²⁾.

Фиг. 1 а. Фиг. 1 б.

¹⁾ *Preyer, Die Seele des Kindes, стр. 47.*

²⁾ Взято изъ указанныхъ выше статей Кука, рисунки 19 и 20.

Здѣсь мы, очевидно, имѣемъ передъ собою такую фазу дѣтскаго рисованія, когда оно очень сходно съ символизмомъ языка. Для выраженія чего-нибудь произвольно выбирается символъ, а не подобіе. Этотъ элементъ неподражательнаго или символическаго изображенія можно найти во всѣхъ дѣтскихъ рисункахъ.

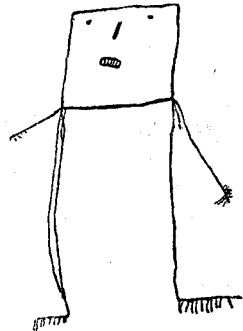
Даже въ этихъ хаотическихъ каракуляхъ зачаточная способность создавать опредѣленную форму почти съ самаго начала сказывается не только въ расположеніи основныхъ линій, но даже въ закругленіяхъ и рѣзкихъ перемѣнахъ направленія, т.-е. углахъ. Вскорѣ возникаетъ и склонность очерчивать грубыми изгибами контуръ предмета, и такимъ образомъ ребенокъ начинаетъ давать приблизительно вѣрныя изображенія. Госпожа Шиннъ приводитъ хорошій примѣръ этого рода: ея племянница нарисовала какую-то яйцевидную фигуру на сто девятой недѣлѣ своей жизни. Благодаря упражненію, ребенокъ на второмъ или третьемъ году научается всѣмъ обычнымъ приѣмамъ юнаго рисовальщика и умѣетъ рисовать нѣчто въ родѣ прямыхъ линій, кривыя линіи, грубое подобіе круга или овала, точки и даже линіи, пересѣкающіяся подъ угломъ¹⁾. Когда ребенокъ уже дошелъ до этого, тогда мы видимъ у него первыя попытки дать настоящія, хотя и грубыя изображенія людей, лошадей и т. д. Эти первыя попытки являются одними изъ самыхъ любопытныхъ продуктовъ дѣтскаго ума. Въ нихъ ребенокъ держится своихъ собственныхъ точекъ зрѣнія и собственныхъ методовъ, которые могутъ окрѣпнуть и опредѣлить его настоящую манеру, сохраняющуюся иног-

¹⁾ Я очень обязанъ г. Куку за то, что онъ доставилъ мнѣ возможность рассмотреть цѣлый рядъ каракулекъ, нарисованныхъ въ раннемъ дѣтствѣ его маленькою дѣвочкою. *Болдуинъ* (Указ. соч., гл. V) приводитъ нѣсколько хорошихъ образцовъ дѣтскихъ чертежей. По словамъ Болдуина, углы или зигзаги рано являются въ рисункахъ дѣтей и объясняются, вѣроятно, судорожными движеніями, свойственными этому возрасту. Мнѣ кажется, Прейеръ ошибается, утверждая, что дѣти до конца третьяго года не умѣютъ начертить линіи, похожей на кругъ (*Die Seele des Kindes*, стр. 47). Большая часть дѣтей, которые рисуютъ вообще, умѣютъ начертить петлю или замкнутую кривую еще до этого возраста.

да даже въ зрѣломъ возрастѣ. Они обнаруживаютъ, рядомъ съ извѣстными индивидуальными различіями, замѣчательное единообразіе, и ихъ параллелью служатъ первые грубые рисунки дикарей.

Первыя изображенія человѣческой фигуры.

Одинъ итальянскій писатель остроумно замѣтилъ, что дѣти въ своей художественной дѣятельности держатся не того порядка, въ которомъ былъ сотворенъ міръ, а прямо противоположнаго: они не кончаютъ человѣкомъ, а начинаютъ съ него ¹⁾. Можно прибавить, что они начинаютъ съ самой почтенной части этого вѣнца творенія, именно—съ человѣческой головы. Первыя попытки ребенка изобразить человѣка начинаются, по моимъ наблюденіямъ, съ того, что онъ рисуешь переднюю сторону головы. Для этого начерчивается грубое подобіе круга, въ которомъ ставится нѣсколько точекъ, обозначающихъ черты лица вообще. Къ этой головѣ, для ея поддержки, могутъ быть приставлены двѣ черты, замѣняющія въ одно и то же время и туловище, и ноги. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ форма головы бываетъ, какъ мнѣ кажется, круглая или овальная. Четырехугольная голова встрѣчается въ моей коллекціи очень рѣдко и только въ рисункахъ школьниковъ, которыхъ, вѣроятно, учили чертить горизонтальныя и вертикальныя лініи. Прилагаемый образецъ (фиг. 2)—рисунокъ одной пятилѣтней дѣвочки съ Ямайки, любезно присланный мнѣ учителемъ.

Фиг. 2.

Въ этой первой попыткѣ очертить человѣческую фигуру мы видимъ, безспорно, много чисто-произвольнаго символиз-

¹⁾ *Corrado Ricci, L'Arte dei Bambini (1887). стр. 6.*

ма. Примѣненіе грубаго подобія круга для изображенія человѣческой головы напоминаетъ намъ, что нѣкоторые современные племена дикарей употребляютъ эту же форму, какъ символъ дома (хижины?), вѣнка и т. д. ¹⁾). Но даже въ этихъ туманныхъ символахъ есть извѣстная доля сходства съ изображаемыми предметами; кругъ нѣсколько напоминаетъ очертанія головы, а четырехугольникъ или квадратъ приближаются, хотя и менѣе явственно, къ той формѣ, которую она получаетъ, когда округлость ея контура нарушается волосами, бородой и горизонтальной чертой шляпы.

Но дѣти чертятъ не только контуръ лица; они рисуютъ кружокъ и внутри его — отдѣльныя черты. Последнія, хотя и грубо намѣченныя, являются составной частью схемы лица. Это мы видимъ, напримеръ, изъ того, что въ коллекціи рисунковъ дикарей, собранной генераломъ Питтъ-Риверсомъ, находится одинъ рисунокъ, сдѣланный взрослымъ негромъ изъ Уганды, въ которомъ контуръ совершенно отсутствуетъ и человѣческая голова изображена просто группой темныхъ пятенъ и кружковъ, замѣняющихъ глаза, уши и т. д. (фиг. 3) ²⁾).

Фиг. 3.

Переходя къ изображенію отдѣльных чертъ лица, мы замѣчаемъ уже въ очень раннихъ схематическихъ рисункахъ этого рода попытку расчленять и индивидуализировать черты, выражающуюся не только въ опредѣленномъ размѣщеніи ихъ, но и въ грубомъ копированіи ихъ формъ. Такъ, носъ обозначается вертикальной линіей, ротъ горизонтальной, а точки или кружки изображаютъ округлый контуръ глазъ, т.-е. очертанія радужной оболочки, или видимой части глазного

¹⁾ См. *Von den Steinen*, указ. соч., стр. 247.

²⁾ Эти рисунки, представляющіе величайшій интересъ какъ для изслѣдователя дѣтскаго искусства, такъ и для антрополога, находятся въ музеѣ генерала въ городѣ Farnham (Dorset), залъ 7.

яблока, или глазной впадины. Точно такую же схему лица мы находимъ въ рисункахъ дикарей ¹⁾.

Вначалѣ ребенокъ относится совершенно безразлично къ тому, обозначены ли всѣ черты лица на его рисункѣ. Даже „два глаза, носъ и ротъ“ часто бываютъ изображены очень несовершенно. Такъ, когда ребенокъ изображаетъ черты лица точками, онъ можетъ поставить ихъ одну или больше, по словамъ Пэре, уже до пяти ²⁾. Употребленіе одной точки для обозначенія всѣхъ чертъ лица вообще встрѣчается и въ рисункахъ дикарей ³⁾. Но чаще всего, мнѣ кажется, встрѣчаются три точки, расположенныя треугольникомъ и изображающія, вѣроятно, два глаза и ротъ; этотъ приемъ также въ употребленіи и въ искусствѣ дикихъ племенъ ⁴⁾. Даже научившись различать отдѣльныя черты, маленькій рисовальщикъ часто все еще относится очень небрежно къ тому, чтобы всѣ онѣ были нарисованы. Такъ, одна черта можетъ быть совсѣмъ опущена. Довольно забавно, что этой участи чаще всего подвергается та черта, которая намъ, взрослымъ, представляется самой важной и самой чуткой къ оскорбленію, именно—носъ. Такія луноподобныя лица съ двумя глазами и ртомъ очень часто встрѣчаются среди первыхъ рисунковъ ребенка. Напротивъ, ротъ отсутствуетъ гораздо рѣже. То же самое явленіе наблюдается, кажется, и въ рисункахъ дикарей ⁵⁾. Отсутствіе глазъ встрѣчается очень рѣдко, такъ какъ „глазомъ“

---

¹⁾ *Schoolcraft* даетъ хорошій образецъ такой схемы лица въ изображеніи стрѣляющаго челоуѣка (*The Indian Tribes of the United States*, I, табл. 48).

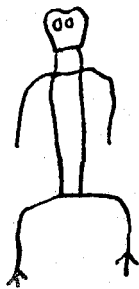
²⁾ *L'Art et la Poésie chez l'Enfant*, стр. 186.

³⁾ Примѣръ см. у *Andree*, *Ethnographische Parallelen und Vergleiche*, табл. 3, фиг. 19.

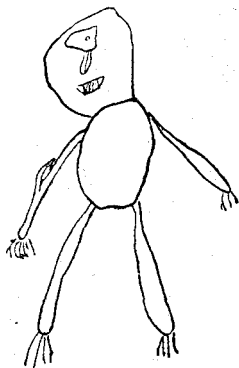
⁴⁾ Примѣръ см. у *Schoolcraft*, IV табл. 18.

⁵⁾ По словамъ Стэнли Гоули, носъ появляется позднѣе, нежели ротъ. Быть можетъ, это вѣрно относительно большинства случаевъ, но существуютъ явныя исключенія этого правила. По поводу рисованія дикарей см. образцы рисунковъ изъ австралійскихъ пещеръ у *Andree*, указ. соч. стр. 159. Ср. рисунки бразильскихъ племенъ, табл. III, 15. Въ нѣкото-

можетъ, пожалуй, служить даже простая точка. Въ нѣкоторыхъ рисункахъ дикарей изъ всѣхъ чертъ лица изображены

Фиг. 4 а.

Фиг. 4 б.

одни только глаза, какъ въ примѣрѣ, помѣщенномъ рядомъ и взятомъ изъ третьей таблицы у Andree (фиг. 4 а). Наоборотъ, ребенокъ, какъ мы видѣли, иногда довольствуется однимъ глазомъ. Это бываетъ не только тогда, когда онъ ставитъ вмѣсто глазъ точки, но даже и въ тѣхъ случаяхъ,

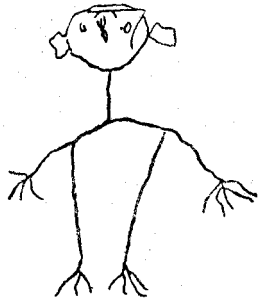
когда глазъ изображается чѣмъ-то въ родѣ кружка, какъ въ рядомъ стоящемъ рисункѣ одной семилѣтней дѣвочки съ Ямайки (фиг. 4 б).

Въ этихъ первыхъ попыткахъ нарисовать человѣческое лицо мы замѣчаемъ полное отсутствіе чувства пропорциональности, которое подсказывало бы ребенку, какъ слѣдуетъ располагать отдѣльныя части. Поразительно, до какого нелѣпаго размѣщенія частей можетъ дойти ребенокъ при изображеніи человѣка или животныхъ. Маленькая дѣвочка, о которой упоминаетъ Кукъ, пытаясь срисовать кошку, помѣстила кружечки, изображавшіе глаза, внѣ головы. Съ этимъ можно сравнить у Фонъ-денъ Штейна рисунки бразильскихъ индѣйцевъ, въ которыхъ то, что рисовавшій прямо называлъ усами, не разъ было помѣщено выше глазъ (фиг. 4 с). Когда въ схемѣ, состоящей изъ линій, начинаютъ помѣщаться точки, онѣ вначалѣ обыкновенно бываютъ расположены, какъ

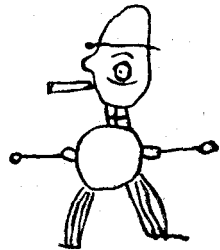
рыхъ случаяхъ предпочтеніе, повидимому, отдается носу; такъ, въ нѣкоторыхъ бразильскихъ рисункахъ всѣ черты лица изображены просто одной вертикальной чертой.

попало. Я нахожу, что оба глаза, если только они вообще изображены, могут помѣщаться одинъ надъ другимъ или одинъ подлѣ другого, при чемъ то и другое расположеніе встрѣчается въ рисункахъ одного и того же ребенка. И еще гораздо позднѣе, когда ребенокъ обращаетъ уже больше вниманія на расположеніе частей, мы замѣчаемъ общую наклонность помѣщать всѣ черты слишкомъ высоко, т.-е. дѣлать лобъ слишкомъ маленькимъ по сравненію съ подбородкомъ (ср. выше фиг. 2 на стр. 377) ¹⁾.

Фиг. 4. с.—Усы—горизонтальная линия надъ дугой, изображающей шапку.

Недостатокъ пропорціональности еще яснѣе виденъ въ изображеніи отдѣльныхъ чертъ. Глазъ, какъ мы уже замѣтили, бываетъ до нелѣпости великъ. Въ упомянутомъ выше рисункѣ маленькой дѣвочки Кука, глазъ былъ больше головы, внѣ которой онъ находился. Такіе же большіе размѣры глаза часто встрѣчаются и въ позднѣйшихъ рисункахъ, особенно тогда, когда человекъ надѣляется только однимъ глазомъ, какъ въ рядомъ стоящемъ рисункѣ одного семилѣтняго мальчика (фиг. 5 а; ср. выше фиг. 4 b). Ротъ бываетъ еще болѣе непропорціоналенъ, ребенку какъ будто нравится дѣлать эту страшную черту чрезмѣрно большой, какъ въ слѣдующихъ рисункахъ (фиг. 5 b и 5 c), сдѣланныхъ двумя пятилѣтними мальчиками. Ухо, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно изображается,

Фиг. 5 а.

¹⁾ Passy указываетъ на это въ своей интересной статьѣ о рисункахъ дѣтей, *Revue Philosophique*, 1891, стр. 614 и сл. Однако я нахожу, что хотя эта ошибка очень распространена, она все же встрѣчается не у всѣхъ дѣтей.

бываетъ огромно, и вообще новыя подробности, вводимыя въ рисунокъ, напримѣръ уши, волосы, кисти рукъ, обыкновенно выдѣляются своими необычайными размѣрами.

Фиг. 5 b.

Фиг. 5 c.

Очень интересно постепенное художественное развитіе отдѣльныхъ чертъ. Какъ и въ ходѣ органическаго развитія, здѣсь происходитъ процессъ спеціализаціи, въ которомъ первоначальныя неопредѣленныя черты становятся болѣе сложными и отчетливыми.

Въ изображеніи глаза, напримѣръ, мы часто можемъ прослѣдить постепенное развитіе: точка замѣняется маленькимъ кружкомъ или оваломъ, а послѣдній дополняется вторымъ кружкомъ, обведеннымъ вокругъ него ¹⁾; иногда надъ кружкомъ проводится маленькая дуга, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ—двѣ дуги, одна надъ глазомъ, другая подъ нимъ. Но такіе рисунки все-таки остаются смутно очерченными или схематическими, такъ какъ въ нихъ мы не видимъ никакой попытки точно начертить линіи — напримѣръ, края вѣкъ — или обозначить различіе между свѣтомъ и тѣнью; послѣднее встрѣчается только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ центрѣ глаза помѣщена точка. Въ этомъ схематическомъ изображеніи такая поражающая и любопытная черта, какъ рѣсницы, встрѣчается лишь очень рѣдко. Подобное же схематическое изображеніе глаза въ видѣ точки, или точки и кружка, или въ видѣ двухъ кружковъ можно найти въ рисункахъ дикарей, а также въ египетскихъ и иныхъ древнихъ памятникахъ искусства ²⁾.

1) Въ одномъ случаѣ я нашелъ любопытный приемъ изображенія глаза какъ у человѣка, такъ и у животныхъ; глазъ изображенъ двумя точками или маленькими кружками, помѣщенными одинъ надъ другимъ и заключенными въ большій кружокъ.

2) Образецъ такого кружка въ кружкѣ мы находимъ въ рисункѣ одного зулуса, находящемся въ коллекціи генерала Питтъ-Риверса.

Развитіе рта представляет особенный интерес. Вначалѣ ротъ обыкновенно изображается горизонтальной чертой (или чертой, которая, повидимому, принимается за таковую), нерѣдко правильно пересекающею кружокъ-лицо. Но вскорѣ изображение становится болѣе отчетливымъ. Это совершается вполне естественно, благодаря введенію характерной и интересной подробности—зубовъ. При этомъ, по словамъ Пэре, можетъ сохраниться изображение рта въ видѣ линіи; въ такомъ случаѣ зубы обозначаются точками, расположенными вдоль горизонтальной черты. Во всѣхъ случаяхъ, которые мнѣ пришлось наблюдать, зубы были изображены болѣе реалистическимъ образомъ, въ связи съ контуромъ рта, напомиавшимъ разжатыя губы. Контуръ, въ особенности круглый или овальный, иногда бываетъ нарисованъ одинъ, безъ зубовъ, но зубы, повидимому, скоро бываютъ къ нему присоединены. Обычная форма рта, которую мнѣ приходилось

Фиг. 6 а.

Фиг. 6 б.

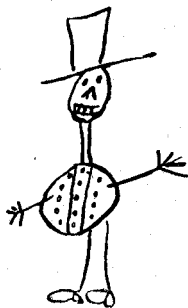
Фиг. 6 с.

встрѣчать, это—узкая прямоугольная или веретенообразная щель, въ которой зубы изображены при помощи вертикальных черточекъ (см. рисунки одного шестилѣтняго и одного пятилѣтняго мальчика — фиг. 6 а и 6 б). Эти двѣ формы совершенствуются и получаютъ больше сходства со ртомъ благодаря тому, что линіи, которыми изображаются зубы, становятся короче, какъ на фиг. 5 с. Съ этимъ можно срав-

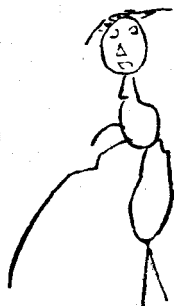

нить рисунокъ одного пятилѣтняго мальчика (фиг. 6 с), свидѣтельствующій объ уклоненіи отъ реализма въ сторону болѣе свободнаго художественнаго творчества.

До нѣкоторой степени сходный процессъ развитія можно замѣтить и въ изображеніи носа, хотя въ этомъ случаѣ развитіе вскорѣ прекращается. Такъ, вертикальная линія уступаетъ мѣсто углу, который иногда бываетъ обращенъ въ

Фиг. 7 б.

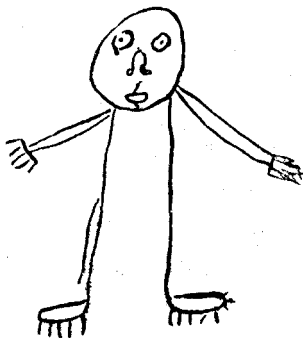
Фиг. 7 с.

Фиг. 7 а.

Фиг. 7 д.

Фиг. 7 е.

сторону, какъ на рисунокѣ одного трехлѣтняго деревенскаго мальчика (фиг. 7 а), но чаще, мнѣ кажется, обращенъ кверху какъ на рисунокѣ одного шестилѣтняго мальчика (фиг. 7 б). Уголь, въ свою очередь, превращается въ равнобедренный треугольникъ съ острымъ угломъ при вершинѣ, какъ на рисунокѣ одного шестилѣтняго мальчика (фиг. 7 с). Въ немногихъ

случаяхъ носъ изображается въ видѣ продолговатой веретенообразной или прямоугольной фигуры, напоминающей изображеніе рта, какъ на рисункѣ одного нервнаго шестилѣтняго ребенка (фиг. 7 *a*). Иногда въ рисунокъ вводятся нѣкоторыя тонкости, напримѣръ, при попыткѣ изобразить ноздри, какъ въ любопытномъ рисункѣ одной семилѣтней дѣвочки съ Ямайки (фиг. 7 *e*)¹).

Введеніе другихъ чертъ, въ особенности ушей и волосъ, слѣдуетъ, согласно моимъ наблюденіямъ, разсматривать, какъ случайное явленіе, свидѣтельствующее о переходѣ къ болѣе сходнымъ съ дѣйствительностью изображеніямъ. И здѣсь также встрѣчаются различія рисунка. Такъ, уши, которыя обыкновенно бываютъ безобразно велики, помѣщаются иногда внутри кружка, иногда внѣ его. Волосы изображаются то въ видѣ темной шапки изъ горизонтальныхъ линій, то въ видѣ жалкой бахромы, то въ видѣ связки или пучка на одной сторонѣ головы, — связки, которая можетъ либо быть наклонена въ сторону, либо торчать кверху (см. выше фиг. 7 *d* и рядомъ стоящій рисунокъ одной четырехлѣтней дѣвочки, фиг. 8*a*). Иногда эти способы изображенія замѣняются болѣе совершеннымъ приѣмомъ, и волосы изображаются волнистой или

Фиг. 8 *a*.

Фиг. 8 *b*.

спиральной линіей, напоминающей дымъ на рисункахъ дѣтей (см. прилагаемый рисунокъ одной семилѣтней дѣвочки, фиг. 8*b*).

Наше изслѣдованіе того, какъ изображаются черты лица, показываетъ, что однообразіе условныхъ приѣмовъ рисованія

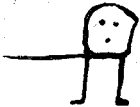
¹) Возможно, что на этомъ рисункѣ двѣ коротенькихъ черточки около рта свидѣлствуютъ объ оригинальной попыткѣ изобразить зубы.

въ значительной степени смягчается различіемъ рисунковъ. Однимъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ смѣлой оригинальности можетъ, пожалуй, служить попытка одной четырехлѣтней дѣвочки, учившейся рисованію, дать отдѣльное изображеніе подбородка (фиг. 9). Этотъ рисунокъ можно сравнить съ попыткой негра изъ Уганды символически обозначить щеки (см. выше, стр. 378, фиг. 3).

Фиг. 9.

Какъ я уже замѣтилъ, для ребенка, желающаго изобразить „человѣка“, вначалѣ на первомъ планѣ стоятъ голова или лицо, и нѣкоторые дѣтскіе рисунки ограничиваются одною этою частью тѣла. Но, обыкновенно, голова снабжается какой-нибудь подпоркой. Простѣйшимъ приемомъ въ этомъ случаѣ является присоединеніе къ головѣ двухъ поддерживающихъ ее линій, которыя замѣняютъ въ одно и то же время туловище и ноги. Эти линіи бываютъ большей частью параллельны (см. выше, стр. 377, фиг. 2), но иногда онѣ

Фиг. 10.

соединяются наверху и образуютъ фигуру въ родѣ мишени. такое же изображеніе головы, помѣщенной на двухъ вертикальныхъ линіяхъ, встрѣчается и въ грубыхъ рисункахъ дикарей, какъ показываетъ помѣщенный рядомъ рисунокъ (фиг. 10), снятый Шулкрафтомъ съ одной скалы ¹⁾.

Относительное равнодушіе ребенка къ туловищу видно изъ того, какъ упорно онъ держится своей простой схемы — головы и ногъ, при чемъ по обѣ стороны головы онъ часто помѣщаетъ еще двѣ руки. Ребенокъ дополняетъ изображеніе головы волосами или шляпой и даже присоединяетъ къ нему ноги и руки, прежде чѣмъ позаботится изобразить туловище (см. выше, стр. 377, фиг. 2, и стр. 384, фиг. 7 *d*, а также рисунокъ одного шестилѣтняго мальчика фиг. 11 *a* на слѣд. стр.). Съ этимъ пренебреженіемъ дѣтей къ туловищу можно

¹⁾ *Schoolcraft*, указ. соч. IV, табл. 18.

сравнить отсутствіе его (какъ будто оно—нѣчто запрещенное) на одномъ изъ рисунковъ генерала Питтъ-Риверса, сдѣланнымъ зулусской женщиной (фиг. 11 б).

Существуетъ одно значительное отклоненіе отъ этого обычнаго вида изображеній, въ которыхъ голова насажена на двѣ вилообразныя или вертикальныя ноги. Очертаніе головы иногда остается незаконченнымъ, и верхняя, затылочная часть кривой образуетъ линіи ногъ, какъ въ рисункѣ одной семилѣтней дѣвочки съ Ямайки (фиг. 12). Я не встрѣтилъ ни одного подобнаго рисунка у англійскихъ дѣтей.

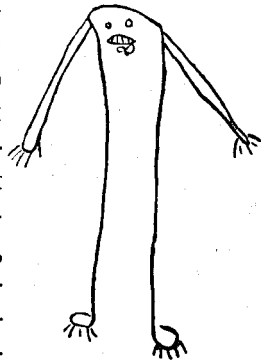

Фиг. 11 а.

Фиг. 11 б.

Изображеніе туловища можетъ возникнуть двумя путями. У англійскихъ дѣтей оно, кажется, часто появляется благодаря расширенію или продолженію контура головы, какъ показываютъ помѣщенные на слѣд. стр. рисунки, изображающіе челоуѣка спереди и сбоку (фиг. 13 а) и 13 б) ¹⁾. Другой способъ заключается въ томъ, что поперекъ ногъ проводится горизонтальная черта, образующая прямоугольникъ, какъ въ рисункѣ одного шестилѣтняго мальчика (фиг. 13 с), или въ томъ, что верхняя часть пространства подъ головой затушевывается, какъ въ сосѣднемъ рисункѣ, сдѣланномъ одной пятилѣтней дѣвочкой (фиг. 13 д). Любопытное примѣненіе второго изъ этихъ пріемовъ мы находимъ въ бразильскихъ

Фиг. 12.

¹⁾ Приводимый у *Andrée* (въ указ. соч., табл. II, II) рисунокъ свидѣтельствуетъ, мнѣ кажется, о нѣскольکو сходной попыткѣ образовать туловище изъ головы.

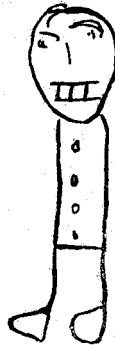
рисунках Фонъ-денъ-Штейнена, гдѣ линіи ногъ либо нарисованы вначалѣ параллельно, а затѣмъ расходятся въ сто-

Фиг. 13 а.

Фиг. 13 б.

Фиг. 13 с.

Фиг. 13 d.

роны, либо сходятся книзу и образуютъ то, что можно назвать тазомъ, хотя онѣ и не смыкаются вполнѣ (фиг. 13 e и 13 f).

Фиг. 13 e.

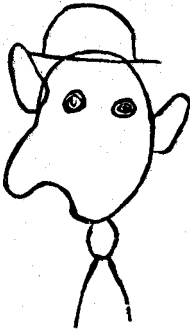
Фиг. 13 f.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда туловище ясно обозначено, оно обыкновенно остается очень маленькимъ сравнительно съ головой, какъ на слѣдующихъ рисункахъ двухъ пятилѣтнихъ мальчиковъ (фиг. 14 a и 14 b). Что касается его формы, то она большей частью бываетъ круглой или

овальной, какъ и форма головы. Но иногда встрѣчается также и четырехугольная или прямоугольная форма туловища, и у нѣкоторыхъ дѣтей несомнѣнно установлено, что это — позднѣйшая форма. Изрѣдка мы находимъ треугольную форму, напоминающую плащъ, какъ на рисункѣ одного шестилѣтняго мальчика (фиг. 14c)¹⁾. Форма туловища часто бываетъ различна на рисункахъ одного и того же ребенка.

¹⁾ Противоположное положеніе треугольника вершиной книзу встрѣчается въ нѣкоторыхъ рисункахъ дикарей.

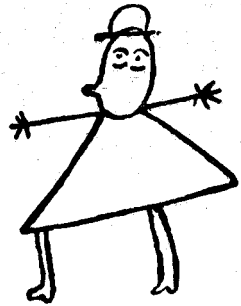
Въ этомъ періодѣ мы не замѣчаемъ попытокъ соединить голову съ туловищемъ при помощи шеи. Овалъ головы по-

Фиг. 14 а.

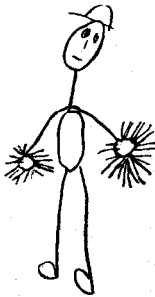

Фиг. 14 б.

Фиг. 14 с.

саженъ непосредственно на овалъ туловища или, что чаще встрѣчается, отсѣкаетъ верхнюю часть послѣдняго. Когда шея въ первый разъ является на рисункѣ, она обыкновенно имѣетъ совершенно каррикатурный видъ. Она изоб-

Фиг. 15 а.

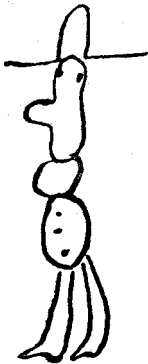

Фиг. 15 б.

ражается либо одной чертой, либо парой параллельныхъ черточекъ, либо маленькимъ оваломъ или кружкомъ, какъ на прилагаемыхъ рисункахъ одной шестилѣтней дѣвочки и пятилѣтняго мальчика (фиг. 15а и 15б; ср. выше, стр. 384, фиг. 7б).

Замѣчательно, что иногда мы находимъ на рисункѣ двойное туловище въ видѣ двухъ оваловъ, расположенныхъ одинъ

надъ другимъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это очень похоже на удлиненіе шеи, какъ въ помѣщенномъ ниже рисункѣ (фиг. 15a) того самаго мальчика, который изображалъ шею въ видѣ кружка. Въ другихъ случаяхъ расположеніе частей ясно указываетъ, что здѣсь не имѣлось въ виду отдѣленіе шеи, такъ какъ эта часть изображена сама по себѣ (фиг. 16b). Возможно, что здѣсь мы видимъ грубую попытку отдѣлить верхнюю половину туловища отъ талии, какъ она на самомъ дѣлѣ отдѣляется въ женскихъ нарядахъ; на это указываетъ прилагаемый рисунокъ, въ которомъ точки, изображающія пуговицы, помѣще-

Фиг. 16 a.

Фиг. 16 b.

Фиг. 16 c.

ны въ обоихъ овалахъ (фиг. 16c; ср. выше, стр. 384, фиг. 7c) ¹⁾. Эти точки, вмѣстѣ съ треугольной формой туловища, напоминающей плащъ, являются почти единственными данными, въ которыхъ сказывается вліяніе одежды на изображеніе ребенкомъ человѣческой фигуры. Вообще это примитивное искусство имѣетъ дѣло съ природой въ томъ смыслѣ, что ему неизвѣстны искусственные придатки въ родѣ платья, и оно воспроизводитъ,—хотя, безъ сомнѣнія, и довольно грубо,—округлыя формы тѣла.

¹⁾ Я нахожу, однако, что точки, изображающія пуговицы, иногда отсутствуютъ въ нижнемъ овалѣ.

Переходя къ изображенію рукъ, мы находимъ, что онѣ вводятся въ рисунокъ очень нерегулярно. Для ребенка, какъ и для дикаря, руки, — это, по выраженію нѣмцевъ, *Nebensache*, мелочь, которая въ большинствѣ случаевъ опускается. Въ концѣ-концовъ божественная часть тѣла, голова, можетъ отлично держаться и безъ ихъ помощи.

Такъ какъ руки и ноги являются тонкими и длинными членами, то ихъ обыкновенно изображаютъ просто линіями. То же самое мы находимъ и въ рисункахъ дикарей¹⁾. Если фигура изображена спереди, то руки являются въ видѣ двухъ горизонтально вытянутыхъ или, во всякомъ случаѣ, торчащихъ въ стороны линій; онѣ всегда придаютъ фигурѣ извѣстную живость и самодовольную веселость, выражающуюся въ жестѣ, который какъ будто говоритъ: „А вотъ и я“ (см. выше, стр. 381, фиг. 5а и рядомъ стоящій рисунокъ одного шестилѣтняго мальчика фиг. 17).

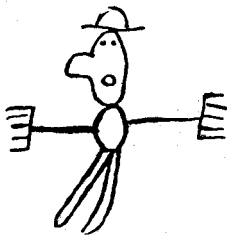
Фиг. 17.

Въ формѣ и строеніи рукъ можно подмѣтить нѣкоторый процессъ развитія. Иногда схематическое изображеніе посредствомъ линіи замѣняется нѣкоторымъ контуромъ, и руки на рисункѣ получаютъ извѣстную толщину. Но я нахожу, что руки часто изображаются посредствомъ линій даже послѣ того, какъ ноги уже получили извѣстныя очертанія, и это служить, вѣроятно, еще однимъ доказательствомъ того пренебреженія, съ которымъ ребенокъ относится къ рукамъ; это мы видимъ, на примѣръ, въ помѣщенномъ ниже рисункѣ одного пятилѣтняго мальчика (фиг. 18а). Вначалѣ прямыя и негибавшіяся руки позднѣе получаютъ видъ болѣе свободнаго органа. Такъ, въ рисункахъ двухъ пятилѣтнихъ мальчиковъ (фиг. 18b и 18c) мы видимъ попытку изобразить протянутыя впередъ руки посредствомъ кривыхъ линій. Въ

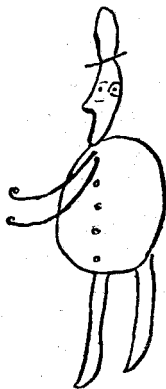
1) Примѣры см. у *Andrée*, указ. соч. табл. 3. Ср. бразильскіе рисунки у Фонъ-денъ-Штейнена.

другихъ случаяхъ слегка намѣчается изгибъ локтя. Последній появляется въ дѣтскихъ рисункахъ сравнительно поздно,

Фиг. 18 а.

Фиг. 18 б.

Фиг. 18 с.—Рудокопъ.

и въ этомъ отношеніи они остаются позади самыхъ грубыхъ набросковъ, сдѣланныхъ дикарями.

Замѣчательнъ способъ, которымъ вводятся или прикрѣпляются руки. Въ тѣхъ случаяхъ, когда на рисунокѣ туловище еще отсутствуетъ, онѣ какъ будто выходятъ изъ головы, по обѣ стороны ея, какъ на рядомъ стоящемъ рисунокѣ одного мальчика двухъ съ половиной лѣтъ (фиг. 19) или изъ точекъ, въ которыхъ ноги соединяются съ головой (см. выше стр. 384, фиг. 7d и 7c). Въ рисункахъ дикарей,

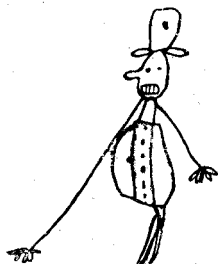
Фиг. 19.

на которыхъ отсутствуетъ туловище, руки точно такъ же вставляются въ эти точки соединенія ногъ съ головой (см. выше, стр. 386, 388, фиг. 10 и 13f) ¹⁾.

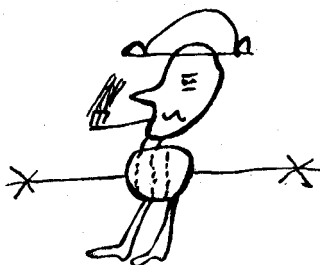
¹⁾ Относительно изображенія рукъ на рисункахъ дикарей см. кромѣ уже указанныхъ авторовъ The Annual Report of the Bureau of Ethnology, 1883—4, стр. 42 и сл.

Послѣ того какъ на рисункахъ начинается появляться туловище, способы прикрѣпленія рукъ становятся еще разнообразнѣе. Въ довольно многихъ случаяхъ руки выходятъ изъ нижней части круга - головы, а иногда даже изъ ея средней части, какъ до появленія туловища (ср. выше, стр. 389, фиг. 14*b*). Въ послѣднемъ случаѣ встрѣчается самое странное расположеніе частей, какъ будто руки могутъ выходить изъ любой точки поверхности ¹⁾. Однако, въ большинствѣ случаевъ и въ безспорно лучшихъ рисункахъ руки выходятъ изъ обѣихъ сторонъ туловища, около середины его (ср. выше, стр. 383, фиг. 6*a*).

Длина рукъ часто бываетъ преувеличена. Это придаетъ нарисованнымъ человѣчкамъ еще болѣе веселый и самодо-

Фиг. 20 *a*.

Фиг. 20 *b*.

вольный видъ, какъ показываютъ слѣдующіе рисунки двухъ мальчиковъ пяти и шести лѣтъ (фиг. 20*a* и 20*b*).

Такое положеніе рукъ, прямо вытянутыхъ въ стороны или, что встрѣчается рѣже, указывающихъ въ косомъ направленіи вверхъ или внизъ, сохраняется до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не станетъ достаточно смѣлымъ, чтобы начать изображать какое-нибудь дѣйствіе. Когда же ребенокъ

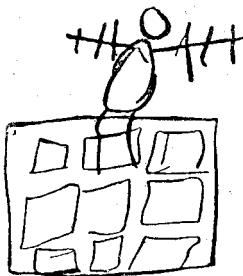
---

¹⁾ Замѣчательна проявляющаяся во многихъ дѣтскихъ рисункахъ склонность помѣщать правую руку ниже лѣвой, хотя я не въ состояніи ничѣмъ объяснить эту склонность.

уже дошелъ до этой ступени, тогда форма и длина рукъ, а также ихъ положеніе существенно измѣняется ¹⁾.

Къ рукъ на этихъ дѣтскихъ рисункахъ вскорѣ присоеди- няется любопытный придатокъ — кисть. Подобно всеѣмъ дру- гимъ чертамъ, она вначалѣ бываетъ очень забавна и бро- сается въ глаза какъ своей необычайной величиной, такъ и толщиной изображающихъ ее линій.

Въ изображеніи кисти мы видимъ процессъ художествен- наго развитія, переходъ отъ смѣлаго символизма къ рисун- ку, болѣе напоминающему дѣйствительность. Такъ, одинъ изъ самыхъ раннихъ и самыхъ грубыхъ встрѣченныхъ мною при- емовъ—встрѣченныхъ, правда, лишь въ немногихъ случаяхъ— заключается въ томъ, что поперекъ линіи руки проводятся не-

Фиг. 21 а.

Фиг. 21 б.

большія черточки, символически изображающія пальцы. Здѣсь мы видимъ только неловкую попытку выразить отвлеченное представленіе развѣтвленія или раздвоенія. Эти поперечныя черточки обыкновенно бываютъ продолжены кверху, такъ что вся видимая часть руки становится похожей на дерево. Важ- нымъ шагомъ впередъ является переходъ отъ такого рисунка къ вѣткообразнымъ линіямъ, пересѣкающимся съ линіей руки (фиг. 21а и 21б).

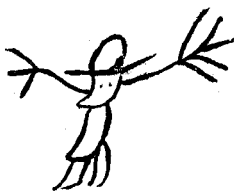
¹⁾ Относительно изображенія рукъ см. *Perez*, указ. соч., стр. 190; ср. *Ricci*, указ. соч., стр. 6—8. Я не встрѣтилъ ни одного рисунка, на которомъ руки были бы присоединены къ ногамъ, какъ говоритъ *Stanly Hall*, *Contents of Children's Minds*, стр. 267.

Еще болѣе замѣтный успѣхъ мы видимъ тогда, когда развѣтвленія, изображающія пальцы, помѣщаются правильно, т.-е. сходятся въ видѣ пучка около конца линіи руки. И здѣсь также мы находимъ очень разнообразныя рисунки, обозначающіе различныя ступени въ развитіи художника.

Простѣйшій приѣмъ заключается, повидимому, въ томъ, что къ концу линіи руки съ каждой стороны присоединяется короткая черточка, такъ что въ общемъ получается фигура, напоминающая ногу птицы. Это достигается просто тѣмъ, что проводится черта подъ прямымъ угломъ поперекъ линіи руки или, лучше, двѣ отдѣльныя черточки, которыя образуютъ съ ней острые углы. Эти два приѣма представляютъ упрощеніе обоихъ уже упомянутыхъ нами способовъ изображать разрозненные пальцы. И та, и другая форма встрѣчается въ дѣтскихъ рисункахъ. Ихъ можно найти также и въ рисункахъ дикарей ¹⁾.

Фиг. 22 а.

Фиг. 22 б.

При такомъ изображеніи кисти руки число пальцевъ бываетъ очень различно; въ тѣхъ случаяхъ, которые мнѣ приходилось наблюдать, оно часто равнялось четыремъ и пяти, но иногда доходило даже до десяти. Оно бываетъ очень различно на рисункахъ одного и того же ребенка, иногда даже на обѣихъ рукахъ въ одномъ и томъ же рисункѣ; это показываетъ, что на число не обращается вниманія, какъ можно видѣть по прилагаемымъ рисункамъ, сдѣланнымъ двумя пятилѣтними мальчиками (фиг. 22а и 22б). Ребенокъ, повидимому, желаетъ просто изобразить много пальцевъ, а много

¹⁾ См. *Andree*, указ. соч. II, II.

здѣсь, кажется, означаетъ три или больше. Такой же способъ изображенія кисти руки въ видѣ трехъ или больше когтей встрѣчается и въ рисункахъ дикарей (ср. выше, стр. 381, фиг. 4с) ¹).

Значительное улучшеніе этихъ грубыхъ приемовъ мы видимъ въ попыткахъ обозначить самую кисть и отношеніе пальцевъ къ ней. Вначалѣ рукѣ при этомъ обыкновенно придается форма вилки или граблей. Черта, пересекающая линію руки подь прямымъ угломъ, символически изображаетъ кисть, а пальцы имѣютъ видъ зубьевъ (ср. выше, стр. 383, фиг. 6а, и стр. 392, фиг. 18а). На число здѣсь обращается такъ же мало вниманія, какъ и при радіальномъ расположеніи пальцевъ. Слѣдуетъ замѣтить, что такая схема, повидимому, очень распространена среди дѣтей различныхъ національностей и встрѣчается въ рисункахъ неинтеллигентныхъ взрослыхъ. Но я не нашелъ ее ни на одномъ рисункѣ дикарей.

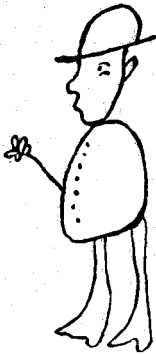
Другой способъ изображать кисть съ пальцами заключается въ томъ, что на концѣ руки дѣлается черное пятно. Такое пятно нерѣдко встрѣчается безъ пальцевъ, какъ символъ, когда къ нему присоединяются линіи пальцевъ въ видѣ расходящихся изъ него лучей (см. выше, стр. 389, фиг. 15а).

Дальнѣйшій процессъ художественнаго развитія заключается въ томъ, что пальцы получаютъ извѣстные очертанія. Это придаетъ кисти руки видъ вѣточки съ листьями. Такая напоминающая листья форма кисти бываетъ очень различна; иногда она получаетъ видъ цвѣтка, при чемъ пальцы кажутся лепестками, какъ на рисункахъ двухъ шестилѣтнихъ мальчиковъ (слѣд. стр., фиг. 23а и 23б; ср. выше, стр. 393, фиг. 20а).

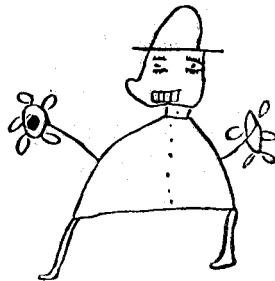
---

¹) Примѣры можно найти у Andree, Catlin, Schoolcraft, Von den Steinen и др., а также и среди рисунковъ въ музеѣ Питтъ-Риверса. Фонъ-денъ - Штейненъ сообщаетъ объ изображеніи руки съ семью пальцами.

Довольно часто встрѣчается любопытная форма утолщенныхъ рукъ, переходящихъ въ вѣрообразныя кисти. Она представляетъ интересъ съ зоологической точки зрѣнія, такъ какъ является грубымъ изображеніемъ той основной типической

Фиг. 23 а.

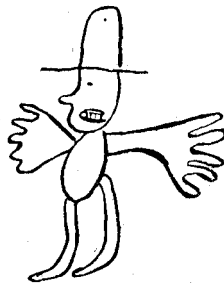

Фиг. 24 б.

формы, изъ которой, какъ можно предположить, развились рука, плавникъ и крыло. При этомъ рука теряетъ всякое значеніе, такъ какъ весь этотъ членъ принимаетъ видъ удлиненной кисти; исключеніе составляетъ только тотъ случай, когда художникъ изображаетъ двойной такой органъ проходящимъ черезъ все тѣло (фиг. 24а и 24б).

Фиг. 24 а.

Фиг. 24 б.

Изображенія ногъ бываютъ почти такъ же разнообразны, какъ и изображенія рукъ. Простая прямая черта и здѣсь,

какъ уже было замѣчено выше, вскорѣ замѣняется двойной линіей, которая показываетъ толщину ноги. Линіи ногъ большей частью бывають параллельны и нарисованы на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, хотя иногда мы видимъ слабую склонность придать человѣческой фигурѣ видъ „виллообразнаго двуногаго“ (ср. выше, стр. 384, фиг. 7c). Во многихъ случаяхъ ноги имѣють нѣсколько наклонное положеніе, какъ вся фигура, которая какъ будто падаетъ назадъ (см. выше, стр. 382 и 395, фиг. 5c и 22b). Нерѣдко одна нога— при изображеніи фигуры какъ спереди, такъ и сбоку,—бываетъ нарисована подъ туловищемъ такъ, что для другой не остается мѣста, и вторая нога поэтому присоединяется сзади и получаетъ видъ хвоста (см. выше, стр. 395, фиг. 22b).

Фиг. 25.

Обѣ ноги обыкновенно бывають одинаково видны при изображеніи, какъ спереди, такъ и сбоку. Но даже и въ этомъ простѣйшемъ случаѣ на число бываетъ обращено мало вниманія. Среди собранныхъ мною рисунковъ есть одинъ, сдѣланный пятилѣтнимъ мальчикомъ и изображающій чудовище—трехногое „двуногое“ (фиг. 25) ¹⁾.

Форма ногъ бываетъ очень различна. Нѣкоторыя дѣти рисуютъ ихъ короткими и толстыми. Известная кривизна ногъ появляется гораздо раньше, чѣмъ колѣнный изгибъ. И этого слѣдовало ожидать, такъ какъ для фигуры, изображенной въ стоячемъ положеніи, требуются въ видѣ подпоры прямыя или почти прямыя ноги. Когда въ рисунокъ вводится колѣнный суставъ, онъ обыкновенно бываетъ слишкомъ рѣзко обозначенъ (ср. выше, фиг. 24b). Это становится еще болѣе замѣтно впоследствии, когда ребенокъ пытается изобразить какое-либо дѣйствіе, напримѣръ, бѣгъ.

Въ изображеніи ступней мы видимъ такой же процессъ развитія, какъ и въ изображеніи кистей рукъ. Вначалѣ мы

¹⁾ Если только здѣсь въ шутку не нарисованъ хвостъ.

замѣчаемъ только слабый намекъ на ступню, напримѣръ, въ видѣ короткой черточки, пересекающей окончаніе линіи ноги. Иногда ее замѣняетъ контуръ ступни, обыкновенно въ формѣ кружка или пятна. Очень любопытно различіе рисунка въ зависимости отъ того, изображена ли обутая или босая нога. Дѣти, выросшія въ культурной средѣ, напримѣръ въ Англіи, иногда изображаютъ босую ногу (см. стр. 384, фиг. 7 *d*, гдѣ принята была форма ногтей), но они болѣе склонны, разумѣется, придавать ногѣ форму ботинки. На рисункахъ ямайскихъ дѣтей, которымъ, вѣроятно, болѣе знакомъ видъ босой ноги, я нахожу изображеніе ступни какъ въ видѣ вилки и лучеиспускающаго кружка, такъ и въ видѣ вѣтки или лапы съ когтями (см. выше, стр. 377, 380, 387, фиг. 2, 4*b* и 12). Ногу въ видѣ вилки мы встрѣчаемъ и на рисункахъ дикарей въ коллекціи генерала Питтъ-Риверса. Въ видѣ птичьихъ лапъ ступни часто изображаются тамъ, гдѣ сходнымъ образомъ изображены и кисти рукъ такіе рисунки встрѣчаются въ письмахъ дикихъ племенъ и у бразильцевъ Фонъ-дерь-Штейнена (см. выше, стр. 380, 381, фиг. 4*a* и 4*c*).

Попытку изобразить обутую ногу можно, кажется, видѣть въ примѣненіи треугольной формы ступни, какъ на рядомъ стоящемъ рисункѣ одного маленькаго пятилѣтняго художника (фиг. 26*a*)¹). Очень любопытенъ тотъ способъ, которымъ ребенокъ старается обозначить главныя части ботинки, раздѣленіе ея

Фиг. 26 *a*.

Фиг. 26 *b*.

Фиг. 26 *c*.

¹) Этотъ примѣръ едва ли убѣдителенъ, такъ какъ я нахожу треугольную форму ступни и на изображеніи четвероногаго — вѣроятно, лошади.

на носокъ и каблукъ. Для этого линия ноги часто бываетъ продолжена и изогнута такъ, что ступня получаетъ видъ простой или двойной петли, какъ на помѣщенныхъ выше рисункахъ (фиг. 26*b* и 26*c*; ср. выше, стр. 384, фиг. 7*b*). Иногда мы видимъ попытку дать болѣе точное и близкое къ дѣйствительности изображеніе (см. выше стр. 397, фиг. 24*a* и 24*b*). Слѣдуетъ прибавить, что выемка между носкомъ и каблукомъ бываетъ почти всегда чрезмѣрно велика. Это можно видѣть на фиг. 17 и 22*a* (стр. 391 и 395), а также на рисункѣ одного молодого зулуса въ коллекціи генерала Питтъ-Риверса.

Человѣческая фигура спереди и въ профиль.

До сихъ поръ я занимался только изображеніемъ человѣческаго лица и фигуры спереди. Когда ребенокъ пытается нарисовать это изображеніе въ профиль, тогда мы видимъ новыя и въ высшей степени интересныя черты. Но эти попытки являются значительно позднѣе, нежели лунообразное изображеніе всего лица.

Дѣти еще болѣе, чѣмъ взрослые, интересуются всѣмъ лицомъ съ его двумя блестящими и очаровывающими глазами. „Если“, пишетъ одна опытная учительница дѣтскаго сада, „нарисовать очень маленькимъ дѣтямъ лицо въ профиль, то они не удовлетворяются, когда не видятъ обоихъ глазъ; иногда они перевертываютъ рисунокъ, чтобы посмотрѣть другую сторону его“. Это напоминаетъ рассказъ Кэтлина объ одномъ предводителѣ индѣйскаго племени, который такъ разсердился, увидѣвъ свой портретъ въ профиль, что несчастный художникъ опасался за свою жизнь.

Въ то же время дѣти не довольствуются и изображеніемъ спереди. Мнѣ кажется, есть много основаній сказать, что они, совершенно независимо отъ обученія, сами находятъ новый способъ изображать человѣческое лицо и фигуру; и хотя такое изображеніе и нельзя назвать рисункомъ въ профиль, оно все же содержитъ нѣкоторые признаки того, что понимаемъ подъ этимъ выраженіемъ.

Первымъ яснымъ указаніемъ на попытку изобразить лицо въ профиль служитъ появленіе кривой линіи, намѣчающей боковой контуръ носа. Маленькій наблюдатель скоро замѣчаетъ характерное, ясно обозначенное очертаніе носа, если смотрѣть на него сбоку; и такъ какъ онъ не можетъ изобразить этотъ органъ спереди, то онъ, естественно, начинаетъ уже въ раннемъ возрастѣ, обыкновенно не позднѣе пяти лѣтъ, измѣнять схему лунообразнаго кружка, въ лучшемъ случаѣ прерывающагося изображеніемъ ушей, и вводитъ въ нее изгибъ, соответствующій контуру носа въ профиль.

Такая переменна иногда вносится одна, безъ всакой другой, и тогда мы получаемъ такъ называемую смѣшанную схему, въ которой глаза и ротъ сохраняютъ прежнее положеніе, т.-е. изображены спереди. По моимъ наблюденіямъ, такая схема очень часто встрѣчается въ рисункахъ пятилѣтнихъ дѣтей. Ее можно найти — даже въ фигурахъ безъ туловища — одновременно со ртомъ, изображеннымъ при помощи линіи (см. выше, стр. 328, фиг. 5с и слѣдующія, а также фиг. 11а). Нечего и говорить, что линія носа проводится очень непринужденно. При этомъ размѣры носа обыкновенно бываютъ чрезмѣрно велики. Иногда носъ, имѣющій форму веретена, приставляется къ полному кружку головы (фиг. 27; ср. выше, стр. 328, фиг. 5с).

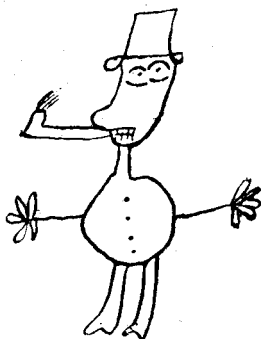
Фиг. 27.

Намъ можетъ казаться непонятнымъ, какимъ образомъ нормальный ребенокъ пяти или шести лѣтъ способенъ испытывать удовлетвореніе, нарисовавъ такое нелѣпое и несуразное изображеніе человѣческой головы. Ниже мы увидимъ, что можно привести въ объясненіе этого факта. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ несуразность доходитъ до того, что носъ изображается двойнымъ, т.-е. въ рисунокъ вводится новая интересная черта — носъ въ профиль, но въ то же время удерживается и старая привычка изображать носъ въ видѣ вертикальной линіи между обоими глазами (см. выше стр. 392, фиг. 18с).

Дальнѣйшее обособленіе изображенія въ профиль отъ первоначальнаго рисунка—круглаго лица, происходитъ отчасти путемъ введенія въ контуръ головы другихъ чертъ, кромѣ носа. Такъ, ниже очертаній носа иногда встрѣчается углубленіе рта (фиг. 28a), хотя при этомъ все еще можетъ сохраниться страшный видъ лица спереди. Борода, особенно такъ называемая эспаньолка, выдающаяся, подобно носу, если смотрѣть на лицо сбоку, также помогаетъ обозначить профиль ¹⁾. На задней сторонѣ головы иногда изображаются уши

Фиг. 28 а.

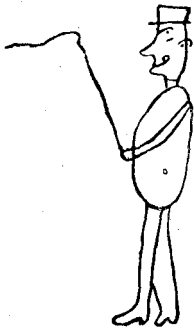
Фиг. 28 б.

и въ очень рѣдкихъ случаяхъ волосы, и этимъ также поддерживается впечатлѣніе профиля. Для этой же цѣли иногда служатъ и нѣкоторыя мелкія принадлежности, въ особенности трубка и изрѣдка козырекъ шапки, какъ въ помѣщенномъ выше рисункѣ одного шестилѣтняго мальчика (фиг. 28b); ср. выше фиг. 6a, 18c и 24b, стр. 383, 392, 397) ²⁾.

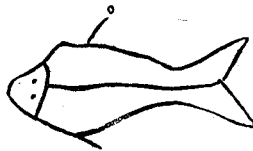
¹⁾ Мнѣ кажется, что длинная черта на фиг. 27 изображаетъ бороду.

²⁾ Изрѣдка трубка выходитъ изъ стороны круглаго лица, очевидно изображеннаго спереди. *Schoolcraft* указываетъ примѣръ этого рода также и въ индѣйскихъ рисункахъ (указ. соч., ч. II. табл. 41).

Въ это же время нѣсколько измѣняются и черты лица, изображаемаго спереди. Огромный, страшный ротъ исчезаетъ такъ же, какъ и одинъ глазъ. Это совершается у различныхъ дѣтей, повидимому, неодинаково. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ изображеніе рта спереди явно исчезаетъ одновременно съ грубой попыткой изобразить углубленіе рта сбоку, между тѣмъ какъ въ рисункѣ еще сохраняются оба глаза; я нашелъ пережитокъ второго глаза въ одномъ рисункѣ, который безъ этого былъ бы вѣрнымъ изображеніемъ головы и фигуры въ профиль (фиг. 29а; ср. выше, стр. 392, фиг. 18b). Такое сохраненіе двухъ глазъ замѣчается и въ рисункахъ некультурныхъ взрослыхъ. Одинъ изъ африканскихъ мальчиковъ

фиг. 29 а.

Фиг. 29 б,

Фиг. 29 с.

Питтъ-Риверса помѣстилъ два глаза на рисунокѣ, изображавшемъ челоуѣка въ профиль. Бразильцы Фояъ-денъ-Штейнена рисовали преимущественно лицо спереди, такъ что мы не въ состояніи судить о томъ, какъ они изобразили бы лицо въ профиль. Но любопытно замѣтить, что въ рисунокѣ, очевидно изображающемъ рыбу въ профиль, одинъ изъ этихъ бразильцевъ помѣстилъ два глаза (фиг. 29b). По словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, такое изображеніе двухъ глазъ никогда не встрѣчается на рисункахъ дикарей, сдѣланныхъ на камнѣ

кожѣ и т. д. ¹⁾). Однако мнѣ пришлось встрѣтить ясный, на мой взглядъ, примѣръ такого рода въ довольно хорошемъ наброскѣ человѣческой фигуры въ профиль, сдѣланномъ на индѣйской вазѣ (фиг. 29с) ²⁾). Но хотя такое долгое сохраненіе двухъ глазъ при изображеніи въ профиль и составляетъ общее правило, мы все же встрѣчаемъ исключенія изъ него. Такъ, я нашелъ одного ребенка, на рисункахъ котораго былъ уже всего одинъ глазъ, но сохранялся вмѣстѣ съ тѣмъ большой ротъ, изображенный спереди.

Слѣдуетъ прибавить, что дѣти на опредѣленной ступени развитія отдають предпочтеніе какому нибудь одному виду изображеній; напримѣръ, носъ и ротъ изображаются въ профиль, а два глаза спереди, и такая форма рисунка становится обычной, хотя иногда можно наблюдать и извѣстныя отступленія отъ нея. Различія между рисунками отдѣльных дѣтей заставляютъ думать, что не всѣ дѣти проходятъ однѣ и тѣ же ступени развитія. Такъ, нѣкоторыя могутъ совершенно миновать ту ступень, когда лицо изображается въ профиль, но съ двумя глазами, или могутъ скоро пойти дальше, между тѣмъ какъ другія остаются на этой ступени болѣе продолжительное время ³⁾.

Любопытныя различія можно замѣтить далѣе и въ смѣшеніи несоотвѣтственныхъ чертъ. Въ этомъ обнаруживаются между прочимъ и различія умственныхъ способностей. Такъ, одинъ ребенокъ, во всѣхъ рисункахъ котораго какъ будто просвѣчивало извѣстное слабоуміе, дошелъ до того, что на одномъ рисункѣ изобразилъ двойной носъ, хотя это не оправдывалось даже присутствіемъ двухъ глазъ (фиг. 30). Такимъ причудливымъ образомъ удерживаются привычныя приемы.

¹⁾ Мнѣ кажется, что къ этому сводятся замѣчанія *Ricci*, указ. соч., стр. 25.

²⁾ Взято изъ *The Annual Report of the Bureau of Ethnology, 1880—1*, стр. 406.

³⁾ *Ricci* говоритъ, что изъ ста дѣтей семьдесятъ помѣщаютъ два глаза на своихъ первыхъ рисункахъ, изображающихъ лицо въ профиль (указ. соч., стр. 17). Но это, кажется, довольно шаткое утвержденіе.

Насколько трудно ребенку изобразить лицо въ профили,— это видно изъ страннаго положенія, придаваемого глазамъ. Глаза бываютъ помѣщены либо очень высоко, либо одинъ надъ другимъ, и даже, что замѣчательнѣе всего, совсѣмъ въ сторонѣ, около линіи контура (см. выше, фиг. 29a). Въ помѣщенномъ ниже рисункѣ одного пятилѣтняго мальчика одинъ глазъ, можно сказать, находится на этой линіи (фиг. 31a). Въ коллекціи генерала Питтъ-Риверса мы находимъ еще болѣе поразительный примѣръ этого рода: на рисункѣ одного один-

Фиг. 30.

Фиг. 31 a.

Фиг. 31 b.

надцатилѣтняго мальчика второй глазъ, повидимому, намѣренно помѣщенъ внѣ контура, какъ будто для того, чтобы показать, что его можно увидѣть, только посмотрѣвъ на другую сторону лица (фиг. 31b). Иногда встрѣчаются любопытныя различія рисунка, напримѣръ, когда оба глаза помѣщены между одной и той же парой кривыхъ, какъ на фиг. 20b (стр. 393), или когда двѣ пары точекъ или маленькихъ кружковъ заключены въ два большихъ кружка, какъ на фиг. 14b и 22a (стр. 389 и 395) (оба эти рисунка сдѣланы однимъ и тѣмъ же мальчикомъ) ¹⁾.

Можно прибавить, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нарисовать только одинъ глазъ, его форма напоминаетъ преж-

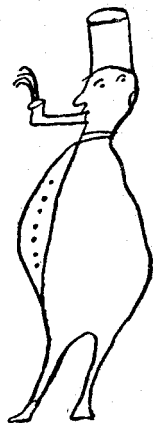
¹⁾ Я полагаю, что этимъ онъ хотѣлъ изобразить два глаза; но весь рисунокъ не легко объяснить.

нія изображенія: онъ имѣетъ круглую или веретенообразную форму, какъ будто изображенъ спереди. Иными словами, глазъ на рисунокѣ, сдѣланномъ какъ въ профиль, такъ и спереди смотритъ прямо на зрителя, такъ что профиль съ однимъ глазомъ въ извѣстномъ смыслѣ является изображеніемъ спереди (см. фиг. 5а, стр. 381). Рисунки дикарей и памятники искусства, сохранившіеся отъ древнихъ цивилизованныхъ народовъ, включая даже такой высоко-культурный народъ, какъ египтяне, свидѣтельствуютъ о склонности изображать профиль такимъ же образомъ, хотя мы и не можемъ замѣтить въ нихъ тенденціи къ изображенію двухъ глазъ.

Такая же спутанность или недостатокъ различенія замѣчается и въ изображеніи другихъ чертъ въ профиль. Мы уже упоминали, что огромное ухо на задней сторонѣ головы иногда служитъ вспомогательнымъ средствомъ, указывающимъ, что изображеніе сдѣлано въ профиль (см. выше, стр. 383, фиг. 6а). Но желаніе помѣстить въ изображеніи всѣ черты лица—желаніе, выражающееся въ упорномъ сохраненіи двухъ глазъ—проявляется также и относительно ушей. Такъ, на нѣкоторыхъ рисункахъ случается видѣть два уха, какъ при изображеніи спереди (см. выше, стр. 389, фиг. 14а, гдѣ лицо изображено скорѣе спереди, чѣмъ въ профиль), иногда же, по словамъ Пасси, оба уха помѣщены съ одной и той же стороны, какъ будто очертанія носа мѣшаютъ расположить ихъ по одному съ каждой стороны. Когда въ рисунокъ вводится изображеніе усовъ, то оно согласуется съ изображеніемъ рта. Эта внушительная черта должна быть, конечно, выставлена во всемъ своемъ великолѣпнн — спереди (см. выше, стр. 393, фиг. 20b).

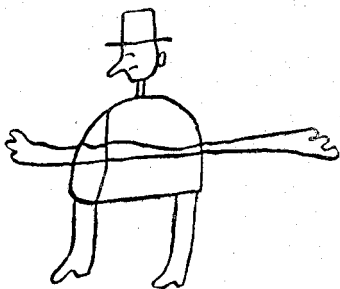
Другія любопытныя особенности этихъ грубыхъ попытокъ дать изображеніе въ профиль обнаруживаются въ томъ, какъ очерчиваются туловище и отдѣльные члены. Я встрѣтилъ очень немного рисунковъ, на которыхъ голова была бы изображена въ профиль, хотя туловище еще отсутствуетъ, какъ на фиг. 28а (стр. 402). Въ огромномъ большинствѣ случаевъ туловище получаетъ и сохраняетъ круглую или овальную форму, какъ на

первоначальныхъ изображенiяхъ спереди. Когда на рисункѣ, — что бываетъ очень часто—появляется представляющей такой большой интересъ рядъ пуговицъ, то онъ бываетъ обыкновенно помѣщенъ посрединѣ, и это придаетъ фигурѣ еще болѣе опредѣленный видъ изображенiя спереди. Совмѣщенiе такого ряда съ головой, повернутой налѣво, нисколько не смущаетъ юного рисовальщика послѣ всѣхъ тѣхъ несообразностей, съ которыми онъ такъ легко мирился при изображенiи самого лица (см. выше, стр. 389, фиг. 15*b*). Однако въ рѣдкихъ случаяхъ можно замѣтить, что пуговицы явно помѣщены сбоку. Я нашелъ одинъ примѣръ такого рода въ рисункѣ, который былъ бы удовлетворительнымъ изображенiемъ въ профиль, если бы второй глазъ и расположенiе ногъ и ступеней не напоминали изображенiя спереди (фиг. 32).

Фиг. 32.

Еще болѣшiя несообразности возможны при размѣщенiи рукъ. Изображенiе ихъ въ профиль представляетъ, естественно, для маленькаго художника болѣшiя трудности, которыя онъ иногда обходитъ, изображая руки по прежнему — простертыми въ обѣ стороны. Такой приѣмъ обыкновенно встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда указанiемъ, что изображенiе сдѣлано въ профиль, служить только введенный въ очертанiя лица боковой контуръ носа или трубка (см. напримѣръ, фиг. 24*a* и 28*b*, стр. 397, 402).

Фиг. 33.

Болѣе замѣчательно то обстоятельство, что въ рѣдкихъ случаяхъ такое расположенiе рукъ встрѣчается въ рисункахъ, которые безъ этого были бы удовлетворительными наброс-

ками человеческой фигуры на профиль (фиг. 33; во всѣхъ чертахъ законченныхъ рисункахъ этого ребенка руки изображены такимъ образомъ—спереди).

Но и видъ человѣка сбоку съ обѣими протянутыми впередъ руками, повидимому, рано запечатлѣвается въ воображеніи ребенка, который вскорѣ пытается изобразить это поражающее его положеніе. Протянутыя впередъ руки въ значительной степени помогаютъ придать фигурѣ видъ изображенія въ профиль (см. выше, стр. 392, фиг. 18*b*).

Протянутыя впередъ руки встрѣчаются главнымъ образомъ, тогда, когда ребенокъ желаетъ изобразить какое-ни-

Фиг. 34.

будь дѣйствіе; такъ, на приведенномъ выше (стр. 384, фиг. 7*c*) рисунокѣ одного шестилѣтняго мальчика изображена няня, которая, повидимому, идетъ за ребенкомъ; рядомъ стоящій рисунокъ мальчика восьми съ половиной лѣтъ (фиг. 34) изображаетъ

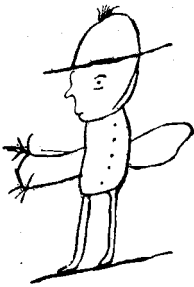
ирландца, который бьетъ по головѣ человѣка, сидящаго въ палаткѣ.

Самый грубый приѣмъ для изображенія сбоку рукъ, протянутыхъ впередъ, заключается въ томъ, что линіи рукъ приставляются къ общему контуру тѣла, какъ фиг. 35*a*. Трудности начинаются тогда, когда линіи рукъ пересѣкаютъ туловище. Очень часто обѣ руки бываютъ изображены такимъ образомъ, какъ на фиг. 35*b*. Между этимъ приѣмомъ и помещеніемъ обѣихъ глазъ при изображеніи въ профиль существуетъ извѣстная аналогія, такъ какъ въ томъ и въ другомъ случаѣ мы видимъ на рисунокѣ вторую черту, невидимую въ подлинникѣ ¹⁾.

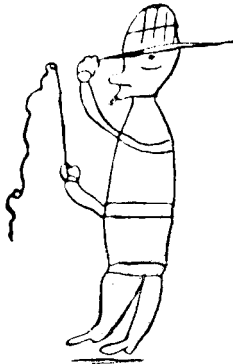
Когда въ рисунокъ уже введены обѣ руки, то положеніе ихъ бываетъ очень различно, смотря по тому, начинаются ли

¹⁾ По словамъ Риччи, предполагается, что вторая рука видна сквозь туловище.

онѣ у контура тѣла или проходятъ черезъ туловище. Онѣ могутъ находиться въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга (какъ на фиг. 35*b*) или быть нарисованы очень близко одна къ другой. Въ свою очередь, общая точка, изъ которой выходятъ обѣ руки, можетъ быть помѣщена высоко, при пересѣченіи подбородка съ туловищемъ, какъ на помѣщенномъ ниже рисункѣ одного пятилѣтняго мальчика (фиг. 36), или въ любомъ мѣстѣ ниже этой точки.

Фиг. 35 а.

Фиг. 35 б.

Фиг. 36.

Въ тѣхъ рисункахъ, которые мнѣ приходилось изслѣдовать, введеніе обѣихъ рукъ при изображеніи въ профиль, встрѣчалось только въ видѣ исключенія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда изображается какое-либо дѣйствіе, мы чаще видимъ всего одну руку, которая можетъ начинаться у передней поверхности тѣла или, какъ мы видѣли, выходитъ изъ задней поверхности, пересѣкая все туловище (см. выше, стр. 397, 399, фиг. 23*a* и 26*c*). Въ большинствѣ случаевъ, когда не изображено какого-нибудь дѣйствія въ родѣ ходьбы или держанія палки, обѣ руки совершенно отсутствуютъ. Наличие рукъ въ этомъ случаѣ почти такъ же нерегулярна, какъ и при изображеніи спереди.

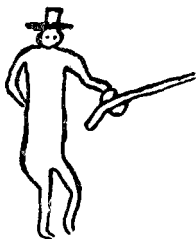
Что касается ногъ, то обѣ онѣ бываютъ одинаково помѣщены какъ на изображеніяхъ, сдѣланныхъ спереди, такъ

и на изображеніяхъ въ профиль. Обыкновенный ребенокъ еще менѣе можетъ нарисовать въ профиль челоуѣка, у котораго была бы видна всего одна нога, чѣмъ изобразить его съ однимъ глазомъ. Можно высказать, какъ общее правило, что до тѣхъ поръ, пока ребенокъ руководствуется только своимъ умомъ, онъ никогда не пытается нарисовать одну ногу надъ другой, при чемъ первая закрывала бы часть второй; онъ всегда рисуетъ обѣ ноги и помѣщаетъ ихъ на достаточномъ разстояніи другъ отъ друга. Утонченный приѣмъ изображенія второй ноги, ступни и вся нижняя часть которой выглядываетъ изъ-за первой ноги, какъ на фиг. 29а (стр. 403) и, можетъ быть, также на фигурѣ 18с (стр. 392),—такой приѣмъ свидѣтельствуетъ либо объ исключительномъ художественномъ дарованіи, либо о вліяніи наставника.

Любопытно изображеніе ступней на дѣтскихъ рисункахъ. Весьма вѣроятно, что вначалѣ не проводится никакого различія между изображеніемъ ихъ спереди и сбоку. Между тѣмъ, ступню надо показать, и такъ какъ юный художникъ не имѣетъ никакого представленія о перспективѣ и объ укорачиваніи частей рисунка, а также не былъ бы удовлетворенъ такого рода изображеніемъ, если бы даже могъ его выполнить, то онъ, вполне естественно, прибѣгаетъ къ тому, что изображаетъ ступню въ видѣ черты, помѣщенной подъ прямымъ угломъ къ линіи ноги. Это производится двумя способами, которые соотвѣтствуютъ тому, что мы назвали бы изображеніемъ спереди и сбоку, т.е. ступни обращены врозь, въ разныя стороны, или же обѣ въ одну и ту же сторону. Я думаю, что вначалѣ этому положенію не придается никакого значенія. Такъ, на нѣкоторыхъ рисункахъ одной дѣвочки четырехъ съ половиной лѣтъ я нахожу, что первоначальное изображеніе головы спереди сочетается какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ положеніемъ ступней. Точно такъ же и среди рисунковъ старшихъ дѣтей шести и болѣе лѣтъ я встрѣчалъ такіе, на которыхъ голова и туловище изображены въ профиль, а обѣ ступни поставлены врозь, или такіе, гдѣ ступни

были изображены сбоку, а лицо—спереди (см. фиг. 5а и 13с, стр. 381, 388). Такое расположение лица при изображении всей ноги и ступни сбоку я нахожу среди рисунковъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ (фиг. 37); это заставляетъ думать, что человѣку, не учившемуся рисовать, легче изобразить фигуру въ профиль съ обращенными въ одну сторону ступнями.

Правильное и явно-разумное присоединеніе ступней, изображенныхъ сбоку, къ грубому дѣтскому рисунку придаетъ послѣднему гораздо большую опредѣленность. Я нахожу, что при изображеніи фигуры въ профиль ступни, какъ и голова,

Фиг. 37.

Фиг. 38.

очень часто изображаются сбоку, а туловище—спереди (см. выше, фиг. 35а и фиг. 36). Разумѣется впечатлѣніе усиливается въ томъ случаѣ, когда ноги изображены сбоку согнутыми (см. фиг. 38 и ср. съ ней фиг. 37). Подобное же расположение частей я нахожу также и въ рисункахъ не учившихся взрослыхъ. Примѣромъ этого рода можетъ служить рисунокъ одного англійскаго плотника въ музеѣ генерала Питтъ-Риверса. Среди знаковъ, которыми сѣверо-американскіе индѣйцы пользуются для письма, мы встрѣчаемъ подобныя же изображенія ¹⁾. Среди рисунковъ на гробницахъ египетскихъ мумій въ Британскомъ Музеѣ также находятся об-

¹⁾ Annual Report of the Bureau of Ethnology, 1882—3, стр. 160.

разцы совершенно сходныхъ изображеній. Въ нихъ мы видимъ, кажется, извѣстнаго рода переходъ отъ первыхъ невозможныхъ набросковъ къ болѣе правильнымъ и точнымъ изображеніямъ. Этотъ поворотъ тѣла не кажется совершенно невозможнымъ и не поражаетъ глазъ такъ, какъ первоначальные промахи въ искусствѣ; наоборотъ въ немъ проявляются многія характерныя и очень интересныя формы человѣческаго тѣла ¹⁾.

Одна особенность этихъ дѣтскихъ рисунковъ въ профиль заслуживаетъ особаго упоминанія, именно, — что въ огромномъ большинствѣ случаевъ нарисованная фигура смотритъ влѣво отъ зрителя. Въ изслѣдованныхъ мною рисункахъ это является общимъ правиломъ, исключенія изъ котораго встрѣчаются развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ желаетъ изобразить двухъ обращенныхъ другъ къ другу людей, которые дерутся или здороваются. Изъ того, какъ въ этихъ случаяхъ изображается фигура въ новомъ положеніи, мы видимъ, что новая форма рисунка нисколько не пугаетъ дѣтей и не кажется имъ непреодолимо трудной. Подобная же наклонность проявляется у нихъ и при изображеніи животныхъ, которыя почти всегда смотрятъ влѣво. Можно прибавить, что это же мы обыкновенно видимъ и въ рисункахъ не учившихся взрослыхъ, напримѣръ, въ знакахъ письма у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Объясненіе этого факта, какъ и другіе, относящіеся сюда выводы, будетъ дано нами ниже.

Я полагаю, что въ изображеніяхъ человѣческой фигуры, сдѣланныхъ дѣтьми въ возрастъ отъ трехъ-четырехъ до восьми лѣтъ, проявляется нѣкоторый процессъ развитія, для котораго требуется извѣстное различеніе и спеціализація. Въ-сто того, чтобы вести къ болѣе полному и подробному изображенію спереди, этотъ процессъ приводитъ къ новому виду

---

¹⁾ Профессоръ Петри указалъ мнѣ на то, что современный египтянинъ, отличающійся гибкостью тѣла, легко можетъ принять такое положеніе.

изображеній, сдѣланныхъ какъ бы въ профиль, хотя лишь немногія дѣти достигаютъ умѣнья нарисовать отчетливый и соответствующій дѣйствительности профиль. Различныя дѣти, повидимому, очень неодинаково соединяютъ въ одномъ и томъ же рисункѣ изображеніе однѣхъ частей спереди, другихъ — сбоку; одни дѣлаютъ это поразительно грубо, другія нѣсколько лучше, въ зависимости отъ степени своихъ врожденныхъ умственныхъ способностей и, вѣроятно, въ зависимости отъ того, насколько хороши образцы, которыми служатъ для нихъ картинки въ книгахъ и рисунки, сдѣланные для нихъ матерью или кѣмъ-нибудь изъ старшихъ.

Я встрѣтилъ лишь немного примѣровъ, чтобы ребенокъ умѣлъ различать и рисовать въ одно и то же время изображеніе какъ спереди, такъ и въ профиль. Изрѣдка удается, правда, встрѣтить такой случай, когда первоначальная лунообразная форма сохраняется на ряду съ болѣе обычной смѣшанной схемой; но такіе рѣдкіе пережитки первоначальной формы нисколько не свидѣтельствуютъ о ясномъ различеніи. Я зналъ одного пятилѣтняго мальчика, который ясно различалъ обѣ эти формы, но этотъ ребенокъ происходилъ изъ интеллигентной семьи и, вѣроятно, получалъ дома какія-нибудь наставленія. Относительно же простыхъ и не учившихся дѣтей можно сказать, какъ общее правило, что юный художникъ пріучается къ одному способу изображать человѣческое лицо и фигуру и примѣняетъ этотъ способъ во всѣхъ своихъ рисункахъ съ тою только разницею, что нѣкоторые изъ нихъ онъ дѣлаетъ болѣе полными, присоединяя къ нимъ ротъ, руки и т. д. Даже то обстоятельство, что ребенокъ въ данное время изображаетъ на своихъ рисункахъ то одинъ, то два глаза, не указываетъ, по моему мнѣнію, что онъ ясно различаетъ изображеніе спереди отъ изображенія въ профиль. Въ такихъ случаяхъ отсутствіе одного глаза скорѣе объясняется случайнымъ утомленіемъ или небрежностью, а иногда недостаткомъ мѣста; кромѣ того, это можетъ еще указывать на переходъ отъ первоначальной, грубой формы изображенія въ профиль къ позднѣйшему, болѣе полному виду ри-

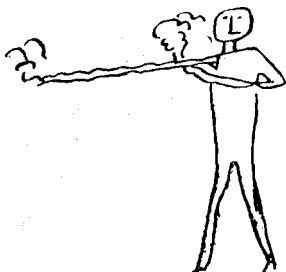
сунка. Это предположеніе подтверждается и тѣмъ фактомъ, что ребенокъ шести-семи лѣтъ, которому предлагаютъ срисовать человѣка съ натуры, изображаетъ одну и ту же фигуру — безразлично, будетъ ли его модель ему видна спереди или въ профиль. Пасси наблюдалъ это на изображеніяхъ, сдѣланныхъ его собственными дѣтьми, а генераль Питтъ-Риверсъ — на рисункахъ необразованныхъ взрослыхъ. Поэтому можно сказать, что каждый ребенокъ, предоставленный самому себѣ, склоненъ усвоить какой-нибудь одинъ стереотипный приемъ для изображенія человѣческой фигуры, который случайно ему понравился ¹⁾.

Эти наивные дѣтскіе рисунки въ профиль на первый взглядъ кажутся совершенно несходными съ рисунками некультурныхъ людей. Безъ сомнѣнія, рисунки дикарей, найденные въ Сѣверной Америкѣ, въ Африкѣ и въ Австраліи, въ техническомъ отношеніи, какъ увѣряетъ Гроссе, значительно выше чѣмъ грубыя, совершенно несуразныя изображенія, сдѣланныя дѣтьми. Однако мы находимъ въ нихъ и общія черты. Если сѣвероамериканскій индѣецъ неспособенъ нарисовать такую нелѣ-

---

¹⁾ Эти выводы, повидимому, расходятся съ выводами Пасси или профессора Барнеса. Пасси различаетъ въ дѣтскихъ рисункахъ изображеніе спереди и изображеніе сбоку; по его мнѣнію, и то, и другое встрѣчается у одного и того же ребенка въ одно и то же время. Первое состоитъ изъ носа и рта въ профиль и двухъ глазъ и ушей, нарисованныхъ спереди, послѣднее — изъ носа и рта въ профиль, одного глаза и одного уха. Иными словами, разница заключается только въ числѣ глазъ и ушей *Revue Philosophique*, 1891, стр. 614 и сл.). Интересно было бы знать, насколько обширны были тѣ изслѣдованія, на которыхъ построено это обобщеніе. Какъ показано выше, случайное отсутствіе второго глаза и уха, когда ребенокъ обыкновенно изображаетъ оба глаза и уха, можетъ быть объяснено и безъ помощи предположенія, что онъ различаетъ профиль отъ изображенія спереди. Профессоръ Барнесъ заходитъ такъ далеко, что устанавливаетъ точное числовое отношеніе между рисунками, сдѣланными въ профиль и спереди въ различномъ возрастѣ. Однако онъ не дѣлаетъ никакой серьезной попытки разъяснить тотъ критерій, съ помощью котораго онъ различаетъ оба вида изображеній (см. его статью въ *Pedagogical Seminary*, II, стр. 455 и слѣд.).

пость, какъ сочетаніе рта, изображеннаго спереди, и носа, изображеннаго сбоку, то онъ можетъ иногда, какъ мы видѣли подвергнуться искушенію помѣстить оба глаза на рисунокѣ, сдѣланномъ въ профиль. Мы можемъ также видѣть, къ какимъ удивительнымъ результатамъ приводитъ неучившагося человѣка попытка изобразить какое-нибудь дѣйствіе, когда ему приходится нарисовать сбоку тотъ членъ, которымъ это дѣйствіе производится; примѣромъ можетъ служить помѣщенный здѣсь рисунокъ, сдѣланный сѣверо-американскимъ индѣйцемъ и изображающій стрѣляющаго человѣка (фиг. 30а) ¹⁾

Фиг. 39 а.

Фиг. 39 б.

Съ нимъ можно сравнить рядомъ стоящій египетскій рисунокъ (фиг. 39b) ²⁾.

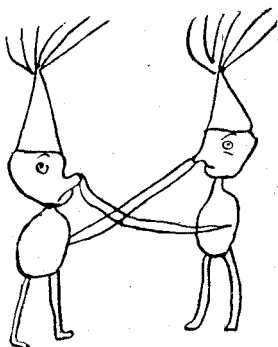
Я уже упоминалъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя вводятся въ рисунки дѣтей, изображающіе человѣческую фигуру, когда скульптурно-спокойное положеніе ея замѣняется какимъ либо дѣйствіемъ. Такой переходъ къ изображенію дѣйствій свидѣтельствуетъ о замѣнѣ первоначальнаго, символически-туманнаго рисунка новымъ, болѣе близкимъ къ дѣйствительности. Приемы, которыми ребенокъ пользуется при этомъ, иногда бывають очень забавны. Какъ показала Риччи, рукамъ иногда придается искривленная форма для того, чтобы

1) Взято у *Scholcraft* т. I, табл. 48.

2) Изъ *Maspero*, *Dawn of Civilisation*, стр. 469.

онѣ достигали, на примѣръ, лица противника (фиг. 40а). Подобнаго же рода кривизну мы видимъ и на рисункѣ, снятомъ съ одной надписи на скальпѣ (фиг. 40b). Въ нѣкоторыхъ

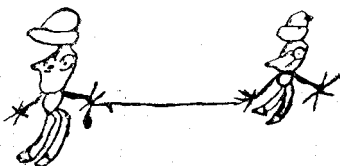

Фиг. 40 а.

Фиг. 40 б.

случаяхъ встрѣчаются любопытные символическіе приемы, какъ бы возмѣщающіе недостатокъ техническихъ средствъ

Фиг. 40 с.

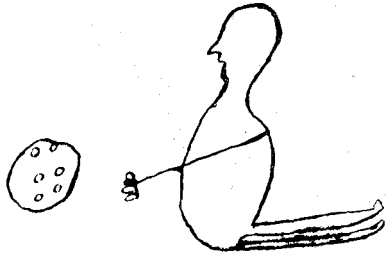

Фиг. 40 д.

художника; это мы видимъ, на примѣръ, въ рисункѣ одного пятилѣтняго мальчика, который, желая изобразить соединенныя руки двухъ людей, провелъ между ними прямую черту (фиг. 40с) ¹⁾. Съ этимъ можно сравнить обычный приемъ,

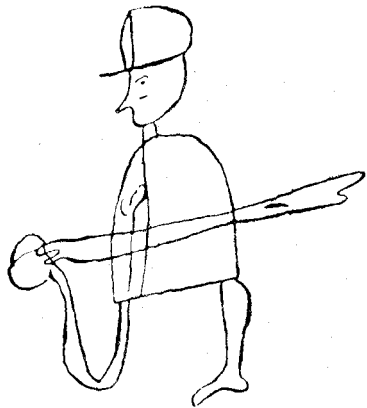
1) Я полагаю, что таковъ смыслъ этого страннаго рисунка.

которымъ обозначается направленіе взгляда: соединеніе глаза и разсматриваемаго предмета прямой линіи¹⁾. Совершенно невозможны положенія встрѣчаются тогда, когда ребенокъ пытается изобразить ноги въ какомъ нибудь новомъ видѣ, какъ на рисункахъ, изображающихъ бѣгущаго человѣка (фиг. 40*d*), мальчика, который сталъ на колѣни, чтобы играть шариками (фиг. 40*e*), и человѣка, подбрасывающаго мячъ ногой (фиг. 40*f*).

Фиг. 40 e.

Прежде чѣмъ оставить изображенія человеческой фигуры, мы должны коснуться еще одного пункта, именно—изображенія различныхъ ея аксессуаровъ. какъ было указано выше, ребенокъ, предоставленный самому себѣ, большей частью забываетъ о платьѣ, хотя треугольную, напоминающую плащъ, форму туловища можно разсматривать, какъ грубую попытку

Фиг. 40 f.

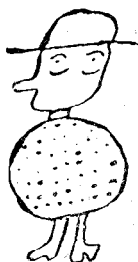
изобразить одѣтаго человѣка. Вообще же ребенокъ заботится только о томъ, чтобы увѣнчать нарисованную имъ фигуру шляпой—признакомъ достоинства—и украсить туловище рядомъ пуговиць. Даже становясь болѣе искуснымъ и пытаясь изобразить платье, онъ обнаруживаетъ все то же уваженіе передъ естественной формой тѣла. Одинъ извѣстный антро-

1) Ср. *Barnes*, указ. соч.

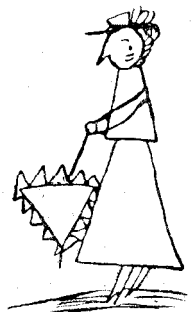
положь передаетъ мнѣ, что его маленькій мальчикъ, наблюдавшій, какъ мать рисуетъ женскую фигуру, настаивалъ, чтобы сперва были нарисованы ноги, а затѣмъ уже платье. Въ коллекціи генерала Питтъ-Риверса находится рисунокъ одного десятилѣтняго мальчика, который, надѣливъ фигуру одеждой, все же наивно намѣчаетъ подъ ней отдѣльные члены (фиг. 41). Это соответствуетъ разсказу Фонъ-денъ-Штейнена о томъ, какъ бразильскіе индѣйцы изображали его и его товарищей.

Фиг. 41.

Фиг. 42 а.

Фиг. 42 б.

Но обученіе, которое обыкновенно получаютъ дѣти въ высшихъ классахъ цивилизованнаго общества, рано развиваетъ въ нихъ уваженіе къ одеждѣ, и это уваженіе отражается на ихъ рисункахъ. Раннее появленіе пуговицъ уже было нами отмѣчено выше. Одинъ шестилѣтній мальчикъ питалъ такое пристрастіе къ пуговицамъ, что покрывалъ ими все туловище (фиг. 42а). Дѣвочки обыкновенно придаютъ очень большое значеніе дамской шляпѣ съ перьями и зонтику, какъ показываетъ рисунокъ одной шестилѣтней дѣвочки (фиг. 42б). Уже на первыхъ ступеняхъ дѣтскаго искусства мы видимъ желаніе обозначить при помощи такого изображенія одежды полъ, званіе и родъ занятій; напริมѣръ,

мужчина надѣляется шляпой, солдатъ — военной фуражкой и т. д. Это относится, разумѣется, и къ такимъ часто встрѣчающимся принадлежностямъ, какъ палка (или, рѣже, кнутъ, какъ на фиг. 35*b*, стр. 409) и трубка, назначеніе которыхъ — придать фигурѣ какъ можно болѣе мужественный видъ. Можно прибавить, что трубка фигурируетъ также и на портретѣ европейца, сдѣланномъ однимъ изъ бразильцевъ Фонъ-денъ-Штейнена.

Первыя изображенія животныхъ.

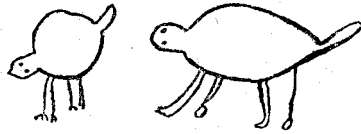
Многія изъ тѣхъ особенностей, которыя наблюдаются при изображеніи ребенкомъ человѣческой фигуры, встрѣчаются также и въ его рисункахъ, изображающихъ животныхъ. Въ эту область искусства ребенокъ переходитъ очень скоро. Интересъ къ животнымъ, особенно къ четвероногимъ, рано побуждаетъ дѣтей рисовать ихъ. Кромѣ того, среди образцовъ, предлагаемыхъ дѣтямъ для срисовыванія, кошка и утка, кажется, занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Образецъ такой ранней попытки нарисовать животное былъ данъ выше (стр. 375, фиг. 1).

Первыя грубыя попытки изобразить какое-нибудь животное, начинающія въ возрастѣ трехъ-четырехъ лѣтъ, свидѣтельствуютъ о недостаткѣ сообразительности и объ отсутствіи того чувства, которое помогло бы схватывать положеніе и относительную величину частей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, нарисована голова, но нѣтъ туловища, — если только первая не смѣшивается со вторымъ; въ другихъ случаяхъ, когда голова уже обособлена отъ туловища, она не нарисована отдѣльно отъ него; если же сдѣлана такая попытка отдѣлить голову отъ туловища, то нѣтъ яснаго указанія на то, какъ она съ нимъ соединена (см., напримѣръ, фиг. 43*a* на слѣд. стр.). Изображая животныхъ, дѣти, по вполне понятнымъ причинамъ, съ самаго начала рисуютъ ихъ сбоку. Но нечего и говорить, что при этомъ не бываетъ яснаго профиля головы. Голова на этихъ рисункахъ обыкновенно

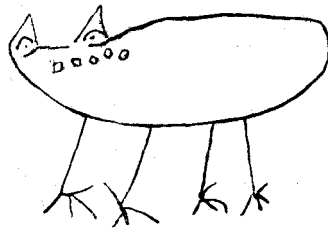
изображена спереди, по крайней мѣрѣ въ ней помѣщены оба глаза. Оба глаза мы видимъ на приводимыхъ Кукомъ рисункахъ дѣтей трехъ-четырехъ лѣтъ, гдѣ изображены кошки (фиг. 43c). два глаза обыкновенно помѣщены также и на изображеніяхъ лошадей. Положеніе глазъ часто бываетъ довольно странно; такъ, на рисункѣ одного пятилѣтняго мальчика они помѣщены въ ушахъ (фиг. 43c) ¹⁾. Изображеніе головы

Фиг. 43 а.—Утка.

Фиг. 43 б.—двѣ кошки.

Фиг. 43 с.—Лошадь.

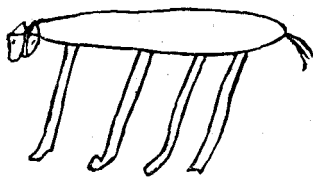
животнаго спереди, а туловища сбоку, иногда встрѣчается также и на рисункахъ дикарей ²⁾. На нѣкоторыхъ дѣтскихъ рисункахъ мы видимъ признаки смѣшанной схемы. Такъ, у меня есть рисунокъ одного пятилѣтняго мальчика, въ которомъ изображеніе спереди создано какъ бы изъ двойного профиля (фиг. 43d на слѣд. стр.).

Быть можетъ, замѣчательнѣе всего имѣющійся у меня рисунокъ, на которомъ ясно изображено человеческое лицо, причемъ всѣ черты его—глаза, носъ и ротъ—помѣщены гори-

¹⁾ Мистеръ Кукъ любезно сообщаетъ мнѣ, что на одномъ древнегреческомъ рисункѣ, въ первомъ залѣ вазъ Британскаго музея, глазъ рыбы помѣщенъ въ задней части рта.

²⁾ Примѣръ этого рода приведенъ у *Schoolcraft*, указ. соч., ч. IV, таб. 18.

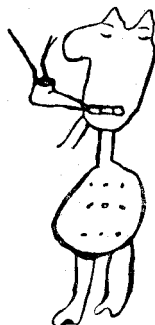
горизонтально, соответственно съ новыми условіями (фиг. 44а). Съ этимъ можно сравнить помѣщенный рядомъ рисунокъ, гдѣ человѣческой фигурѣ приданы уши животного, хотя весь этотъ рисунокъ, а въ особенности изображеніе трубки, заставляетъ думать, что это — просто шутка маленькаго художника (фиг. 44b).

Фиг. 43 d.—Лошадь.

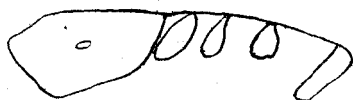

Фиг. 44 а.—Лошадь.

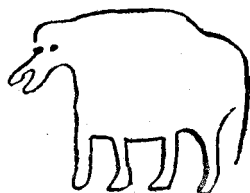

Фиг. 44 b.

Форма какъ головы, такъ и туловища, бываетъ очень различна. Лишь въ немногихъ рисункахъ я встрѣтилъ про-

Фиг. 44 с.—Собака.

Фиг. 44 d.

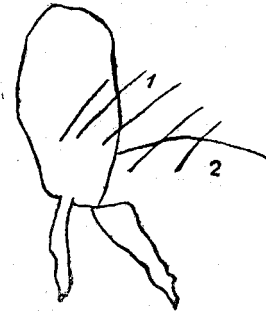
стѣйшее изображеніе туловища посредствомъ одной линіи; при изображеніи человѣческой фигуры, насколько я могъ замѣтить, такъ изображаются только шея и отдѣльные члены. Такой приемъ мы видимъ въ изображеніи собаки, сдѣланномъ одной дѣвочкой пяти съ лишнимъ лѣтъ (фиг. 44с)¹).

¹) Изображенія животныхъ, какъ и людей, сдѣланныя простыми линіями, найдены и среди рисунковъ дикарей; см., напримѣръ, *Schoolcraft*,

Съ другой стороны, мы видимъ иногда наклонность изображать туловище чрезмѣрно толстымъ, какъ будто образцомъ служила деревянная игрушечная лошадь; таковъ, напримѣръ, помѣщенный выше рисунокъ одного пятилѣтняго мальчика

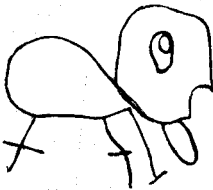

Фиг. 44e.—Лошадь.

Фиг. 45 a.—Кошка.
1. Усы.—2. Хвостъ.

(фиг. 44d). Иногда вмѣсто округлыхъ формъ встрѣчаются прямолинейныя, и тогда голова часто имѣетъ видъ треугольника; такія прямолинейныя очертанія, вѣроятно, вначалѣ были показаны ребенку учителемъ (см. фиг. 44e).

Фиг. 45 b.—Птица.

Фиг. 45 c.—Четвероногое.

Ноги, разумѣется, изображаются всѣ, но къ числу ихъ ребенокъ относится очень невнимательно. Мы видѣли, что ребенокъ, начиная свое рисованіе каракулями, изобра-

---

указ. соч., ч. IV, табл. 18. Кукъ приводитъ сходные примѣры изъ троянскихъ рисунковъ. Онъ заключаетъ отсюда, что изображенія посредствомъ простыхъ линій являются первоначальнымъ видомъ рисунковъ.

жають ноги безпорядочнымъ множествомъ линій (см. выше стр. 375, фиг. 1). Одна дѣвочка трехъ лѣтъ съ небольшимъ надѣляла кошку двумя ногами, а птицъ тремя (см. фиг. 45a и 45b).¹⁾ Одинъ мальчикъ на шестомъ году нарисовалъ четвероногое съ десятью ногами (фиг. 45c). Последнія часто раздѣщаются самымъ нелѣпымъ образомъ. Нерѣдко все онѣ сбиты въ кучу около задней части туловища; это мы видимъ на изображеніи какого-то четвероногаго, сдѣланномъ тою самою дѣвочкой, которая рисовала кошку и птицу (фиг. 45d), и на изо-

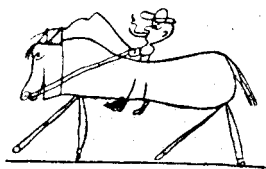

Фиг. 45 d.—Какое-то четвероногое.

Фиг. 45 e.—Мышь.

браженіи мыши, сдѣланномъ другимъ ребенкомъ этого же возраста, т.-е. трехъ съ половиной лѣтъ (фиг. 45e). Ноги обыкновенно бываютъ приблизительно параллельны и разставлены на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Но эта простая схема вскорѣ измѣняется; вначалѣ увеличивается разстояніе между передними и задними ногами, а затѣмъ и самое положеніе ногъ измѣняется такъ, чтобы рисунокъ напоминалъ движущееся животное. Это проще всего достигается тѣмъ, что переднія и заднія ноги изображаются расходящимися книзу, какъ на фиг. 43b и 43c (стр. 420). Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ такимъ образомъ, т.-е. расходящимися книзу, изображаются ноги каждой отдѣльной пары—передней и задней (фиг. 45f). Изгибъ колѣна вводится рано,

Фиг 45. f.

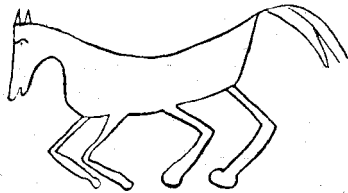
¹⁾ Такъ объясняетъ эти два рисунка Кукъ, который мнѣ ихъ прислалъ. Клювъ (?) на фиг. 45b приставленъ къ контуры головы такъ, какъ иногда бываетъ приставленъ носъ въ изображеніи человѣческой фигуры.

какъ средство обозначить движеніе. При этомъ иногда всѣ ноги бываютъ согнуты назадъ, какъ на фиг. 45g (ср. выше, фиг. 44e), иногда же, какъ будто въ силу извращеннаго чувства симметріи, каждая пара согнута внутрь, какъ на

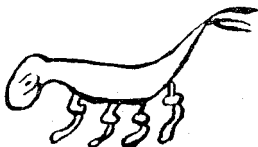

Фиг. 45 g.

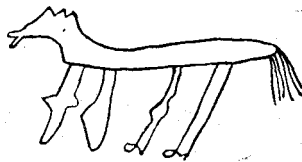

Фиг. 45 h.

фиг. 45h. Форма ногъ часто бываетъ довольно необычайна; нерѣдко онѣ изображаются неестественно толстыми, а коленный изгибъ иногда получаетъ такой удивительный видъ, какъ будто маленькій художникъ только-что прослушалъ

Фиг. 45 i.

Фиг. 45 j.

курсъ анатоміи. Копыта изображаются еще болѣе непринужденно самымъ различнымъ образомъ—то въ видѣ птичьей лапы, то въ видѣ кружка, то въ видѣ петли, подобно человѣческой ногѣ (фиг. 45i и 45j; ср. фиг. 43c и 44a, стр. 420, 421).

Въ этихъ неловкихъ попыткахъ изобразить животныхъ ребенокъ оказывается далеко позади дикаря. Изображенія животныхъ, сдѣланныя сѣверо-американскими индѣйцами, африканцами и т. д., вызывали заслуженныя похвалы своимъ художественнымъ совершенствомъ. Во многихъ случаяхъ мы видимъ въ нихъ точное воспроизведеніе формъ:

однѣ части правильно закрыты другими, и движеніе ясно обозначено. Такимъ образомъ, хотя ребенокъ и любитъ животныхъ, онъ по сравненію съ некультурнымъ взрослымъ все-же оказывается совершенно невѣжественнымъ относительно своихъ любимцевъ.

Человѣкъ верхомъ и т. д.

Рисованіе дѣтей, подобно діалектическому развитію Гегелевской мысли, идетъ отъ различенія и антитезы къ синтезу или единству, въ которомъ заключено различеніе. Вначалѣ ребенокъ изображаетъ человѣка—двуногое въ противоположность четвероногому, а затѣмъ переходитъ къ сочетанію ихъ въ болѣе высокому, художественному единствѣ, въ видѣ человѣка, сидящаго верхомъ. Особенный интересъ этой области дѣтскаго рисованія обусловленъ новыми и оригинальными приѣмами, которыми пользуется ребенокъ для такихъ сочетаній. Соединить человѣка и лошадь въ одно цѣлое—это совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ нарисовать ихъ порознь.

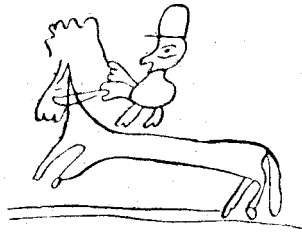
Вначалѣ связь между человѣкомъ и лошадью очень слаба. Мы не видимъ никакого намека на составное животное, какимъ могъ представляться пылкому воображенію грековъ центавръ. Человѣческая фигура посажена на четвероногое самымъ безцеремоннымъ образомъ. Такъ, во многихъ случаяхъ не дѣлается даже попытки согласовать изображеніе обѣихъ фигуръ: лошадь, на примѣръ, бываетъ нарисована въ профиль, а человѣкъ спереди (если оставить безъ вниманія наростъ, соотвѣтствующій носу), какъ на рисункѣ одного пятилѣтняго мальчика (фиг. 46 на слѣд. стр.).

Рядомъ съ этой небрежностью въ согласованіи изображеній мы замѣчаемъ поразительную небрежность въ способѣ посадки человѣка на животное. — безразлично, нарисована ли фигура спереди или сбоку. Во многихъ случаяхъ ребенокъ не дѣлаетъ никакой попытки обозначить, какъ соединены обѣ фигуры: человѣкъ нарисованъ непосредственно надъ животнымъ—и только. Повидимому, только отъ случая зависитъ,

соединятся ли обѣ фигуры, будетъ ли человѣкъ стоять на спинѣ лошади на манеръ наѣздниковъ въ циркѣ, будетъ ли его фигура возвышаться надъ животнымъ, и если будетъ, то насколько. Самыя разнообразныя сочетанія встрѣчаются на

Фиг. 46.

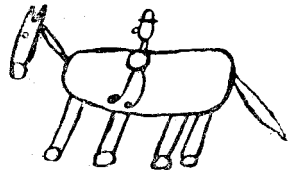

Фиг. 47 а.

одномъ и томъ же листѣ дѣтскихъ рисунковъ (см. фиг. 47а, 47b и 47с).

Фиг. 47 b.

Фиг. 47 с.

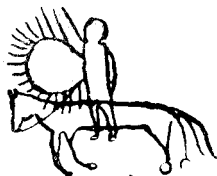
Тотъ фактъ, что часть всадника закрывается туловищемъ животнаго, нисколько не вліяетъ на изображеніе человѣка. Его рисуютъ съ двумя ногами, какъ будто онъ находится передъ лошадыю; и такое расположеніе можетъ сохраняться даже тогда, когда ребенокъ уже умѣетъ рисовать нѣкоторое подобіе лошади и знаетъ, на какой высотѣ надо помѣстить всадника. Мысль о томъ, что одинъ предметъ покрывается другимъ, кажется маленькому художнику такой трудной, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ знаетъ, что двѣ ноги всадника не

могутъ быть видны, онъ приходитъ въ замѣшательство и уничтожаетъ обѣ (см. выше, стр. 423, фиг. 45f) ¹⁾.

Дикарь въ общемъ превосходитъ ребенка въ умѣніи изображать какъ лошадь, такъ и всадника. Но и въ рисункахъ дикарей мы замѣчаемъ подобнаго же рода несообразности. Фонъ-денъ-Штейненъ, говоритъ, что его бразильцы изображали всадника съ обѣими ногами. Андрэ приводитъ образецъ изъ надписи, высѣченной на камнѣ дикарями, гдѣ человѣческая фигура безъ ногъ изображена спереди сидящею на лошади (фиг. 48a) ²⁾. Даже на рисункахъ сѣверо-

Фиг. 48 a.

Фиг. 48 b.

американскихъ индѣйцевъ, которые такъ хорошо умѣютъ изображать лошадь, иногда встрѣчаются несообразности, напоминающія рисунки дѣтей. Такъ Шулькрафтъ приводитъ рисунокъ, сдѣланный на кожѣ буйвола, гдѣ надъ фигурой лошади, изображенной въ профиль, помѣщенъ изображенный спереди человекъ, у котораго руки протянуты въ стороны, а ноги совершенно отсутствуютъ ³⁾. Еще болѣе явную несообразность мы видимъ на помѣщенномъ выше рисунокѣ одного сѣверо-американскаго индѣйца, гдѣ очертанія туловища лошади пересѣкаютъ ноги всадника (фиг. 48b) ⁴⁾.

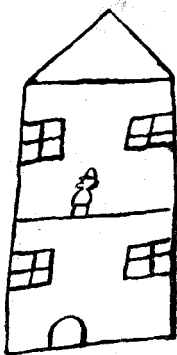
¹⁾ Ср. Ricci, указ. соч. фиг. 21 (стр. 27).

²⁾ Указ. соч., табл. 2; ср. табл. 6, гдѣ приведенъ сибирскій рисунокъ, сдѣланный подобнымъ же образомъ.

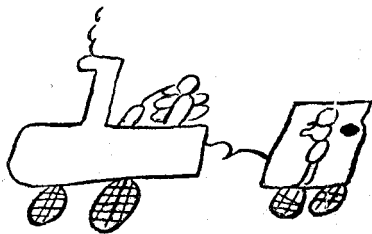
³⁾ Указ. соч., ч. IV, табл. 31 (стр. 251).

⁴⁾ Изъ Annual Report of the Bureau of Ethnology, 1882—3, стр. 206. Я полагаю, что обыкновенно встрѣчающееся на рисункахъ индѣйцевъ изображеніе обѣихъ ногъ означаетъ, что всадникъ сидитъ на одной сторонѣ лошади.

Ту же склонность изображать всего человека, когда на самомъ дѣлѣ часть его не можетъ быть видна, мы замѣчаемъ и въ дѣтскихъ рисункахъ, изображающихъ человека въ лодкѣ, въ желѣзнодорожномъ вагонѣ и т. д. Риччи показалъ, что способы, какъ маленькій художникъ помѣщаетъ человѣческую фигуру въ лодкѣ, такъ же многочисленны, какъ и тѣ приемы, при помощи которыхъ онъ сажаетъ ее на лошадь. Фигура можетъ стоять надъ лодкой или закрывать ее; въ послѣднемъ случаѣ линия палубы можетъ пересѣкать человѣческую фигуру, нижняя часть которой остается на виду. Иногда вся фигура бываетъ помѣщена подъ палубой или на половину погружена въ воду. Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ пытается приблизиться къ дѣйствительности, фигура

Фиг. 49 а.

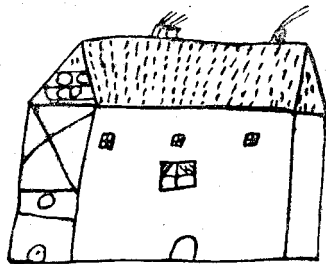

Фиг. 49 б.

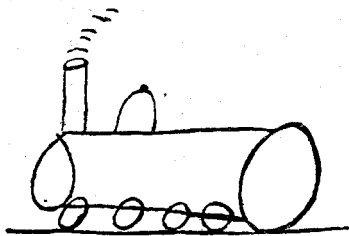
бываетъ укорочена, при чемъ туловище видно сквозь стѣнки лодки, а ноги совершенно отсутствуют¹⁾. Человека, сидящій въ домѣ или въ желѣзнодорожномъ вагонѣ, бываетъ видѣнъ весь (фиг. 49а и 49б). Почти то же самое мы видимъ, когда ребенокъ изображаетъ на плоскости домъ или какой-нибудь другой предметъ такъ, что на виду оказываются три стороны его, изъ которыхъ одна на самомъ дѣлѣ не можетъ

1) См. Ricci, указ. соч., стр. 17—23.

быть видна (фиг. 49c и 49d). Съ этими дѣтскими приѣмами можно сравнить приемы дикарей. Стремленіе помѣстить на картинѣ все, даже то, что не можетъ быть видно, проявляется и въ помѣщенномъ ниже рисункѣ одного индѣйца, изображающемъ пѣвца въ хижинѣ (фиг. 49e)¹). Даже при

Фиг. 49 c.

Фиг. 49 d.

употребленія красокъ, когда одинъ предметъ долженъ быть закрытъ другимъ, художникъ-дикарь подобно ребенку упорно изображаетъ оба пѣликомъ. Любопытный образецъ этого рода мы видимъ въ изображеніи двухъ змѣй, какъ его дѣлаютъ посредствомъ сухихъ цвѣтныхъ порошковъ сѣверо-американскіе „огненные плясуны“ (fire-dancers). Эти змѣи нарисованы одна поперекъ другой, и художникъ долженъ пѣликомъ нарисовать сперва одну, частью закрытую, а затѣмъ другую, которая пересѣкаетъ первую²).

Фиг. 49 e.

Изображенія домовъ на дѣтскихъ рисункахъ менѣ замѣчательны, чѣмъ изображенія человѣка и четвероногихъ, но все же представляютъ извѣстный интересъ. Они не только служатъ доказательствомъ склонности помѣщать на ри-

¹ Андрэ замѣтилъ, что на австралійскихъ рисункахъ предметы, помѣщающіеся одинъ позади другого, изображаются одинъ надъ другимъ, какъ на рисункахъ, относящихся къ извѣстной эпохѣ египетскаго искусства (указ. соч., стр. 172).

² Annual Report of the Bureau of Ethnology, 1883 — 84, стр. 444 и сл.

сункъ то, чего въ дѣйствительности не видно, но и свидѣтельствуя о любопытномъ отношеніи ребенка къ расположенію и пропорціональности частей. Мнѣ пришлось видѣть рисунокъ одной шестилѣтней дѣвочки, которая, желая показать размѣры дома, помѣстила столъ между печными трубами. Помѣщенный ниже рисунокъ (фиг. 50), сдѣланный мальчикомъ К., когда ему было пять лѣтъ и пять мѣсяцевъ, свидѣтельствуешь о томъ пренебреженіи, съ которымъ дѣти

Фиг. 50.

относятся къ пропорціональности частей. Любопытна въ этихъ изображеніяхъ домовъ тщательность, съ которой дѣти вычерчиваютъ нѣкоторыя подробности, въ особенности окна. Это—еще болѣе характерная черта, чѣмъ даже дымъ, вьющійся изъ трубъ. Нѣкоторыя дѣти съ особенной любовью и старательностью рисуютъ окна, изображая ихъ съ занавѣсками, цвѣтами и т. д.

Сводка фактовъ.

Теперь мы можемъ подвести нѣкоторые итоги своимъ изслѣдованіямъ. Въ рисункахъ не учившихся дѣтей въ возрастѣ отъ трехъ до восьми или девяти лѣтъ мы находимъ любопытныя приемы для изображенія самыхъ обычныхъ формъ. Ни на одной ступени дѣтскаго искусства мы не видимъ ничего такого, что въ нашихъ глазахъ имѣло бы зачатки ху-

дожественной цѣнности; но это искусство все же имѣетъ одну своеобразную и замѣчательную сторону.

Прежде всего насъ поражаетъ здѣсь то обстоятельство, что въ этихъ дѣтскихъ рисункахъ, при всей ихъ грубости и несуразности, проявляется нѣкоторый процессъ развитія. Мы видимъ на первой ступени бессмысленныя и безформенныя каракульки, на второй—первоначальный рисунокъ, типическую форму котораго я назвалъ лунообразной схемой человѣческаго лица, на третьей—болѣе искусное изображеніе фигуры человѣка и животныхъ.

Поразительныя аналогіи къ этому процессу развитія искусства мы находимъ въ процессѣ органическаго развитія. Онъ является ясно выраженнымъ движеніемъ отъ смутнаго или неопредѣленнаго къ опредѣленному, — процессомъ постепенной спеціализаціи. Болѣе того, мы замѣчаемъ, что онъ начинается съ изображенія круглыхъ или овальныхъ очертаній, которыя, кажется, являются основной формой животныхъ организмовъ, и продолжается, какъ и процессъ органическаго развитія, путемъ постепеннаго расчлененія „однородной“ массы и присоединенія обособленныхъ частей или органовъ. Эти органы, въ свою очередь, постепенно принимаютъ свои характерныя формы. Быть можетъ, достойно вниманія, что нѣкоторыя сдѣланныя дѣтьми изображенія животныхъ очень напоминаютъ формы зародышей (ср., напримѣръ, фиг. 45*b* и 45*d*).

Если мы будемъ смотрѣть на эти дѣтскіе рисунки, какъ на изображенія различныхъ предметовъ, то найдемъ ихъ очень грубыми и несовершенными. Вначалѣ они состоятъ изъ однихъ только очертаній предмета, къ которымъ присоединены лишь немногія детали. Ни форма цѣлаго, ни форма частей не передана правильно. Такъ, при изображеніи ступни ребенокъ довольствуется тѣмъ, что намѣчаетъ уголь; направленіе ступни для него, сравнительно, безразлично. Въ этомъ отношеніи рисунокъ ребенка сильно отличается отъ истинно-художественнаго наброска, въ которомъ немногими штрихами совершенно точно намѣчается изображаемый

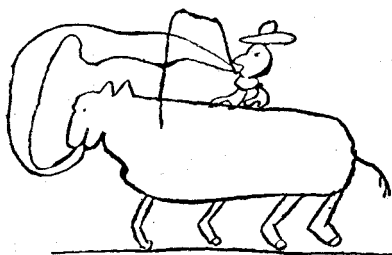

предметъ. Ребенокъ довольствуется схематическимъ изображеніемъ, которое замѣтно и даже значительно отличается отъ дѣйствительности. Такъ, первоначальное луноподобное изображеніе человѣческаго лица, очевидно, является скорѣе діаграмматической схемой, чѣмъ настоящимъ воспроизведеніемъ дѣйствительной формы.

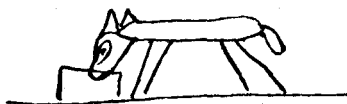
Въ этихъ не воспроизводящихъ, а только намѣчающихъ изображеніяхъ встрѣчаются всевозможные техническіе недостатки. Форма извращается ужаснѣйшимъ образомъ, какъ при изображеніи круглаго туловища, продолговатаго рта, когтеподобной ступни и т. д. На отношеніе величины отдѣльных частей, даже въ простѣйшемъ случаѣ равенства, часто не обращается никакого вниманія (ср. ноги четвероногаго и птицы на фиг. 45а, 45b и 45с, стр. 422). Не менѣе важно и то, что распределеніе пространства и относительное расположеніе частей, которое является, очевидно, существеннымъ даже и въ діаграмматической схемѣ, нерѣдко остаются незамѣченными, какъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда черты лица помѣщаются слишкомъ высоко, или руки приставляются къ головѣ и т. д. Даже на число не обращается вниманія, и притомъ въ такихъ простыхъ случаяхъ, какъ при изображеніи ногъ животнаго.

Одна изъ любопытнѣйшихъ чертъ этихъ неудачныхъ изображеній появляется на третьей ступени, когда рисунки дѣлаются уже болѣе искусно. Это — помѣщеніе на рисунокѣ того, что въ дѣйствительности не видно. Эта ошибка, въ свою очередь, принимаетъ съ одной стороны болѣе мягкую, съ другой — болѣе грубую форму, такъ какъ отдѣльныя черты являются въ изображеніи болѣе отчетливыми и полными, чѣмъ у самаго предмета, но въ то же время въ рисунокъ вводятся такія черты, для которыхъ въ самомъ предметѣ нѣтъ мѣста. Примѣромъ перваго рода является изображеніе носа въ видѣ угла, когда вся голова нарисована спереди, раздѣльность четырехъ ногъ лошади по всей ихъ длинѣ и такіе странные приемы, какъ отдѣленіе вожжей отъ лошади (фиг. 51а на слѣд. стр.). Примѣры второго рода многочисленны и

разнообразны. Сюда относится прежде всего введеніе въ рисунокъ такихъ чертъ предмета, которыя находятся на противоположной отъ зрителя сторонѣ и, слѣдовательно, не видны, какъ второй глазъ и вторая рука на изображеніяхъ, въ общемъ сдѣланныхъ въ профиль. Рядомъ съ этимъ можно поставить попытки нарисовать три стороны дома. Этимъ же непониманіемъ перспективы обусловлены и тѣ рисунки, на которыхъ изображены предметы или части предметовъ, въ дѣйствительности закрытые другими. Возможно, что изображеніе торчащихъ въ стороны рукъ соотвѣтствуетъ дѣтскому представленію объ анатоміи, — представленію, будто руки проходятъ черезъ все туловище и соединяются внутри его.

Фиг. 51 а.

Фиг. 51 б.

Болѣе ясную попытку изобразить то, что на самомъ дѣлѣ скрыто, представляютъ рисунки, на которыхъ видна вся фигура человѣка, сидящаго въ лодкѣ, въ домѣ или въ вагонѣ. Съ этимъ можно сравнить рисунокъ одного пятилѣтняго мальчика (фиг. 51b), гдѣ мы видимъ всю голову пьющей лошади, и рисунки, на которыхъ голова человѣка видна сквозь его шляпу (см. выше, стр. 393, фиг. 20b), а члены—сквозь платье (фиг. 41, стр. 418).

Другой родъ несообразностей, имѣющихъ извѣстное сходство съ только-что указанными, создается благодаря тому, что одному предмету придаются нѣкоторыя черты другого; напримѣръ, человѣкъ или четвероногое надѣляется ногами птицы (фиг. 7d и 43c, стр. 384, 420), или четвероногому придается человѣческое лицо и наоборотъ (фиг. 44a и 44b, стр. 421).

Несообразности послѣдняго рода ясно свидѣтельствуютъ о склонности держаться извѣстныхъ условныхъ пріемовъ, — склонности, которая, какъ я уже замѣтилъ, сказывается во всѣхъ самостоятельныхъ дѣтскихъ рисункахъ. Это свободно-условное изображеніе естественныхъ формъ мы видѣли въ обычномъ рисункѣ рта и глазъ и, еще яснѣе, въ рисункѣ рукъ и ногъ.

Какъ ни парадоксально это можетъ показаться, но такіе рисунки, въ общемъ бѣдные и не считающіеся съ подробностями, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ свидѣтельствуютъ объ очень забавномъ вниманіи къ подробностямъ. Такъ, мы уже на очень ранней ступени находимъ въ рисункахъ извѣстныя детали, напримѣръ, трубку, которой придается, очевидно, очень большое значеніе; нѣсколько позднѣе мы можемъ замѣтить по искусному изображенію волосъ, пуговицъ, зонтика и т. д. что ребенокъ старается особенно выдѣлать и болѣе или менѣе полно нарисовать тѣ черты, которымъ онъ придаетъ извѣстную цѣнность.

Дѣтское искусство есть самостоятельное явленіе, котораго не слѣдуетъ необдуманно смѣшивать съ грубымъ искусствомъ невѣжественныхъ взрослыхъ. Своими познаніями и техническими пріемами послѣдніе превосходятъ ребенка, какъ показываютъ, напримѣръ, точныя изображенія животныхъ, сдѣланныя африканскими и иными дикарями ¹⁾. Въ то же время, принимая во вниманіе эти различія, нельзя, мнѣ кажется, не признать, что многія характерныя черты дѣтскихъ рисунковъ встрѣчаются и въ рисункахъ невѣжественныхъ дикарей.

---

1) Склонность отождествлять рисунки дѣтей съ рисунками дикарей ввела въ забавное заблужденіе нѣкаго Abbé Domenech, который въ 1860 году выпустилъ книгу, озаглавленную: *Livre des Sauvages*. Въ ней содержались, по словамъ автора, письменные знаки и рисунки сѣверо-американскихъ аптекковъ, оказавшіеся въ дѣйствительности каракулями одного нѣмецкаго мальчика. Эти рисунки въ высшей степени грубы и показываютъ, что юный художникъ имѣлъ гораздо болѣе испорченный умъ, чѣмъ художники-дикари.

Объясненіе фактовъ.

Посмотримъ теперь, чѣмъ можно объяснить указанныя особенности дѣтскихъ рисунковъ. Для этой цѣли мы должны постараться понять тотъ процессъ, который совершается въ душѣ ребенка во время рисованія, и сравнить его съ тѣмъ, что происходитъ въ душѣ взрослого художника. Очевидно, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ рисованіемъ по памяти или изъ головы, такъ какъ даже и въ томъ случаѣ, когда ребенокъ начинаетъ рисовать съ образцовъ, онъ вырабатываетъ свои особенныя приемы совершенно независимо отъ послѣднихъ.

Для того, чтобы можно было нарисовать по памяти какой либо предметъ, очевидно, необходимы два условія. Мы должны съ самаго начала имѣть представленіе о той формѣ, которую желаемъ изобразить, и этотъ зрительный образъ долженъ какимъ-либо путемъ переходить въ рядъ такихъ движеній руки, которыя соотвѣтствовали бы различнымъ его частямъ. Иными словами, для такого рисованія необходимо какъ начальное представленіе, такъ и соотвѣтственный процессъ выполненія.

На языкѣ психологовъ это соотношеніе или координація между представленіемъ о формѣ и выполненіемъ необходимыхъ движеній руки выражается такъ: зрительный образъ, напримѣръ, кривая, соотвѣтствующая круглому контуру лица, ассоціируется съ представленіемъ о движеніи руки. Последнее, въ свою очередь, можетъ означать либо зрительный образъ руки, выполняющей требуемыя движенія, либо представленіе о мышечныхъ ощущеніяхъ, испытываемыхъ во время требуемыхъ движеній руки, либо и то, и другое.

Процессъ изображенія какой нибудь цѣлой формы, разумѣется, болѣе сложенъ, такъ какъ каждый шагъ при этомъ долженъ быть согласованъ со всѣми предшествующими. Нельзя съ увѣренностью сказать, въ какой степени движенія руки рисовальщика опредѣляются зрительнымъ образомъ той формы, которая все время носится передъ нимъ, и въ какой сте-

пени они обусловлены вниманіемъ къ тому, что уже нарисовано. Основываясь на своемъ личномъ опытѣ, я описалъ бы этотъ процессъ приблизительно слѣдующимъ образомъ. Рисуя человеческое лицо, мы вначалѣ имѣемъ зрительный образъ цѣлаго, лишенный многихъ подробностей, но въ общемъ воспроизводящій величину и форму контура. Этотъ образъ набрасывается, правда, неясно и неувѣренно, на листъ бумаги, и онъ уже регулируетъ затѣмъ весь дальнѣйшій процессъ. Но по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся впередъ, мы все больше сосредоточиваемъ вниманіе на зрительныхъ впечатлѣніяхъ, доставляемыхъ уже выполненной частью рисунка, и съ нѣкоторой ясностью представляемъ себѣ только ту часть нашего зрительнаго образа, которую въ данный моментъ собираемся нарисовать.

Очевидно, что для выполнения такой продолжительной работы необходима строгая связь между дѣйствіями глаза мозга и руки, потому что значительная часть движеній руки совершается мгновенно и бессознательно. Въ то же время этотъ процессъ свидѣтельствуетъ объ очень сильномъ контролѣ или концентраціи воли. Какъ только мы перестанемъ удерживать передъ глазами оригиналь, съ котораго мы рисуемъ, и непрерывно соображать отношеніе между выполненной и невыполненной частью рисунка, мы непременно начнемъ дѣлать ошибки.

Разумѣется, иавыкъ ведетъ къ уменьшенію сознательной части этого процесса. У человѣка, привыкшаго рисовать контуръ человеческой головы, кошки и т. д., это дѣйствіе въ очень значительной степени выполняется при помощи памяти руки, и зрительный образъ играетъ лишь слабую роль. Движенія слѣдуютъ другъ за другомъ безъ вмѣшательства ясныхъ зрительныхъ образовъ, въ которыхъ воспроизводились бы форма предмета или движенія руки. Подобнымъ же образомъ, когда мы въ письмѣ выставляемъ текущій годъ, наша рука просто слѣдуетъ усвоенной привычкѣ.

Но ребенку еще надо приобрѣсти описанныя здѣсь вкратцѣ координаціи. Онъ можетъ имѣть зрительный образъ человеческого лица или лошади, которую онъ желаетъ нари-

совать. Эта способность вызвать въ себѣ зрительные образы обнаруживается различными путями; въ ея наличности можно убѣдиться, предложивъ ребенку описать словами данный предметъ. Но ребенокъ не имѣетъ еще никакого понятія о томъ, какъ воспроизвести этотъ образъ. Что эта неспособность его обусловлена вначалѣ недостаткомъ координаціи,— это видно изъ того факта, что на первыхъ ступеняхъ онъ не умѣетъ рисовать даже тогда, когда модель находится у него передъ глазами.

Процессъ, которымъ ребенокъ научается рисовать, очень похожъ на тотъ процессъ, путемъ котораго онъ учится говорить. Требуемая движенія должны быть какимъ нибудь образомъ выполнены и связаны въ умѣ съ тѣми результатами, которые, какъ оказывается, они производятъ. Подобно тому, какъ ребенокъ вначалѣ производитъ звуки частью инстинктивно или самопроизвольно, частью подражая замѣченнымъ движеніямъ губъ другихъ и т. д., точно такъ же онъ рисуетъ первыя линіи, просто играя карандашомъ или подражая движеніямъ руки другого лица. Наклонность къ подражанію можно замѣтить въ первыхъ чертежахъ ребенка, имѣющихъ форму петель, а также, пожалуй, и въ рѣзкихъ поворотахъ линій, которые придаютъ его раннимъ рисункамъ видъ зигзаговъ.

Въ этомъ раннемъ періодѣ мы видимъ явный недостатокъ контроля. Каждое усиліе очень непродолжительно и какъ будто судорожно; маленькій художникъ тотчасъ же переходитъ къ бессмысленнымъ каракулямъ. Недостатокъ контроля проявляется также въ склонности дѣлать линіи чрезмѣрно длинными и повторять ихъ множество разъ въ силу того, что первоначальныя движенія, которыя ребенокъ производитъ, играя, въ значительной степени подчинены вліянію инерціи или привычки, т.-е. стремленію повторять или продолжать начатое дѣйствіе. Ограничительное дѣйствіе естественныхъ условій на двигательный аппаратъ проявляется не только въ слегка искривленной формѣ этихъ первыхъ каракулекъ, но и въ томъ, что линіи, проводимыя ребенкомъ, всѣ имѣютъ нѣсколько наклонное положеніе; ибо очевидно, что рукѣ, помѣ-

щенной передъ туловищемъ, легче провести черту, слегка поднимающуюся слѣва направо (или въ обратномъ направленіи), чѣмъ идущую горизонтально. Неспособность ребенка контролировать свои впечатлѣнія посредствомъ устойчиваго зрительнаго образа доказывается также тѣмъ, что онъ никогда не пытается держаться какого-нибудь плана, использовать все находящееся въ его распоряженіи пространство и соблюсти пропорціональность частей.

Можно было бы предположить, что ребенокъ, еще неопытный и неспособный точно изобразить форму какого-нибудь знакомаго предмета, все-таки тотчасъ же замѣтитъ неточности уже сдѣланнаго рисунка. Безъ сомнѣнія, онъ замѣтилъ бы ихъ, если бы относился къ рисунку, какъ хладнокровный критикъ; и дѣйствительно, какъ показали Кукъ и другіе, онъ видитъ нелѣпности своего произведенія, какъ только онѣ указаны ему кѣмъ-нибудь другимъ. Но во время рисованія онъ настроенъ совсѣмъ иначе, и его настроеніе приближается къ тому мечтательному состоянію, въ которомъ трещины въ штукатуркѣ потолка или буквы азбуки принимаютъ въ его глазахъ самыя фантастическія формы. Онъ считаетъ, что рисуешь человѣка или лошадь, и безформенная путанница линій становится въ его воображеніи похожей на человѣка или лошадь. Такимъ образомъ, его первые рисунки въ извѣстномъ смыслѣ являются игрушками, которыя, подобно разбитому остову куклы, исправляются и дополняются его воображеніемъ.

Благодаря повтореніямъ, а также благодаря надзору и руководству, которое получаетъ отъ кого-нибудь почти всякій ребенокъ, берущій карандашъ въ руки, онъ начинаетъ замѣчать настоящій характеръ проводимыхъ имъ линій и связываетъ представленіе объ ихъ формахъ съ тѣми движеніями, которыя ихъ производятъ. Онъ начинаетъ различать прямую горизонтальную черту, кривую замкнутую линію и т. д. и начинаетъ связывать ихъ съ соответствующими движеніями руки.

Перейдемъ теперь ко второй ступени, на которой уже

дѣйствительно воспроизводится форма предметовъ, какъ въ первыхъ схематическихъ изображеніяхъ человѣческаго лица и фигуры.

Здѣсь мы съ самаго начала наталкиваемся на вопросъ, самостоятельно ли дѣти открываютъ этотъ способъ воспроизведенія, и если да, то насколько самостоятельно? Какъ въ развитіи дѣтской рѣчи, такъ и здѣсь, традиція и примѣръ, безъ сомнѣнія, играютъ нѣкоторую роль. Ктонибудь изъ родителей или старшій братъ и сестра, рисуя для ребенка первую модель, почти всегда воспользуется для этой цѣли простѣйшей схемой въ родѣ лунообразнаго лица; и даже въ томъ случаѣ, когда ребенокъ не получаетъ никакого обученія, онъ скоро начинаетъ перенимать у другихъ дѣтей ихъ манеру рисованія. Но этимъ нисколько не опровергается утвержденіе, что эта манера рисовать есть манера чисто дѣтская, т.-е. такая, до которой ребенокъ легко самъ доходить, — точно такъ же, какъ тѣмъ обстоятельствомъ, что няня въ разговорахъ съ ребенкомъ называетъ лошадь „но-но“, не опровергается утвержденіе, что „но-но“ есть чисто дѣтское слово.

Бѣдный, едва намѣченный рисунокъ, напримѣръ, кружокъ съ двумя точками, одной вертикальной и одной горизонтальной черточкой въ срединѣ, показываетъ, что ребенокъ не дѣлаетъ серьезной попытки точно и полно воспроизвести изображаемый предметъ. Нельзя предполагать, что ребенокъ трехъ или четырехъ лѣтъ представляетъ себѣ человѣческое лицо не лучше, чѣмъ изображаетъ его; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что тогда, когда онъ рисуетъ человѣка безъ волосъ, ушей, туловища или рукъ, его искусство остается далеко позади его познаній. Чѣмъ это слѣдуетъ объяснить? По моему мнѣнію, объясненіе заключается въ томъ, что маленькій художникъ скорѣе символистъ, чѣмъ реалистъ, что онъ нисколько не заботится о полнотѣ и точности сходства, но довольствуется едва достаточнымъ намекомъ. Эта бѣдность рисунка, вытекающая изъ недостаточности художественнаго замысла, разумѣется, усиливается еще благодаря ограниченности техническихъ приѣмовъ ребенка. Лунообразное лицо съ

двумя подпорками—это ребенокъ легко и удобно можетъ нарисовать. Нашъ маленькій артистъ гораздо больше, чѣмъ его старшіе собратья, подчиненъ закону художественной экономіи; онъ долженъ создавать свои эффекты съ наименьшей затратой труда и долженъ использовать каждую свою черточку.

Ошибки въ выполненіи и недостатокъ искусства ясно обнаруживаются и въ другихъ чертахъ. Обычное наклонное положеніе ногъ свидѣтельствуетъ о томъ, что для движенія руки ребенокъ бессознательно выбираетъ самое легкое направленіе ¹⁾. Чрезмѣрная длина рукъ и ногъ, а также большое количество ногъ, особенно у четвероногихъ, показываетъ намъ вліяніе мышечной инерціи. Мы видимъ также недостатокъ способности измѣрять и использовать имѣющееся въ распоряженіи пространство; иногда одинъ глазъ изображается такимъ большимъ, что для другого уже не остается мѣста; иногда же, когда ребенокъ, изображая черты лица, начинаетъ сверху, онъ помѣщаетъ глаза такъ близко къ линіи черепа, что все лицо оказывается слишкомъ высоко. Этимъ же недостаткомъ способности размѣрять пространство, быть можетъ, обусловлена привычка дѣтей рисовать туловище такимъ безобразно маленькимъ по сравненію съ головой; ребенокъ начинаетъ свой рисунокъ съ головы и, сдѣлавъ ее слишкомъ большой, затѣмъ замѣчаетъ, что онъ не оставилъ достаточнаго мѣста для туловища.

Замѣчательно въ этихъ рисункахъ вліяніе привычки. Подъ привычкой я здѣсь понимаю память руки или склонность согласовывать движенія разъ усвоеннымъ способомъ, хотя, какъ мы ниже увидимъ, этой склонности обыкновенно способствуетъ „ассоціація представленій“. Такъ ребенокъ усваиваетъ одинъ стереотипный способъ изображенія чловѣческаго лица и фигуры; одна линія слѣдуетъ за другой въ привычномъ порядкѣ; единственная переменна, которая

---

¹⁾ У дѣтей, которыя начали уже писать перомъ, этому способствуетъ писаніе съ прописей.

при этомъ встрѣчается, заключается въ томъ, что вводятся или выпускаются носъ, уши или руки; эти неточности обусловлены неравномѣрной энергіей и сосредоточенностью. Дѣтское искусство, по своему непоколебимому единообразію, служитъ поразительнымъ примѣромъ устойчивой условности. Ребенокъ привыкаетъ къ своимъ фигурамъ и считаетъ ихъ правильными, обращая все меньше и меньше вниманія на ихъ отношеніе къ дѣйствительности. Привычка проявляется еще и инымъ образомъ. Ребенокъ, который только началъ вводить въ свой рисунокъ туловище человѣка, по усвоенной привычкѣ приставляетъ все-таки руки къ головѣ. Такая привычка усвоена не только рукой, но и глазомъ. Благодаря частымъ повтореніямъ, ребенокъ начинаетъ считать руки на рисунокѣ принадлежностью головы.

Переходя къ третьей ступени дѣтскаго рисованія, начинающейся приблизительно на шестомъ году жизни и характеризующейся уже большимъ искусствомъ, мы прежде всего замѣчаемъ извѣстное приближеніе къ дѣйствительности: глаза, ротъ и носъ уже обозначены, ребенокъ уже пытается изобразить трудные придатки — руки и ноги и умѣетъ уже рисовать человѣка въ профилѣ. Ребенку, какъ нѣкогда человѣку вообще, надобно жадкій первоначальный символизмъ, и онъ старается придать своимъ фигурамъ больше сходства съ дѣйствительностью, больше жизни. Но эта первая попытка не приводитъ къ продолжительному прогрессу; она останавливается на новыхъ пріемахъ, которые все еще довольно грубы и произвольны, и только замѣняетъ первый видъ топорной условности вторымъ.

Этотъ переходъ указываетъ на нѣкоторые техническіе успѣхи. Съ этого времени мы находимъ въ рисункахъ нѣсколько болѣе смѣлые и свободные пріемы, на примѣръ, изображеніе носа въ видѣ ножницъ, а также удивительныя изображенія рукъ и ногъ, которыя могутъ быть въ одно и то же время преувеличены, на примѣръ, въ видѣ большихъ кружковъ съ радіальными лучами, и вполнѣ условны, какъ изображеніе кистей рукъ въ видѣ листьевъ, а ступней — въ видѣ петель.

Но хотя въ этихъ болѣе свободныхъ рисункахъ обнаруживаются извѣстные техническіе успѣхи, въ нихъ все-таки сказывается и ограниченность способности ребенка выполнить задуманное. Такъ, новыя фигуры, частью нарисованныя въ профиль, обыкновенно имѣютъ наклонное положеніе, какъ будто опѣ падаютъ на спину. Весьма вѣроятно, что широко распространенная склонность изображать лицо въ профиль преимущественно такъ, чтобы оно смотрѣло влѣво, а не вправо отъ зрителя, обусловлена тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этомъ случаѣ глазу гораздо удобнѣе слѣдить за карандашомъ и контролировать его движенія. Въ противномъ же случаѣ рука мѣшаетъ видѣть проводимую линію, особенно когда пальцы находятся очень близко отъ заостреннаго конца карандаша.

Птица.

Человѣкъ.

Фиг. 52.

Привычка и теперь сохраняетъ свое господство. Даже среди англійскихъ дѣтей можно иногда замѣтить склонность изображать ступни такимъ же образомъ, какъ кисти рукъ. Далѣе, привычкой объясняется склонность надѣлять животное нѣкоторыми чертами человѣка или, — если ребенокъ, благодаря обученію, раньше научается рисовать животныхъ, чѣмъ человѣка, — наоборотъ; такъ, кошка иногда изображается съ двумя ногами, лошадь — съ человѣческимъ лицомъ, а человекъ — съ ушами лошади или ногами птицы. Съ этимъ можно сравнить фигуру 45i (стр. 424), гдѣ четвероногому приданы

туловище и хвостъ, напоминающіе птицу. Помѣщенные на предыдущей стр. рисунки одного шестилѣтняго ребенка (фиг. 52) показываютъ, насколько сходнымъ образомъ иногда изображаются человѣкъ и животное.

Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей этихъ болѣе позднихъ и болѣе искусныхъ рисунковъ является изображеніе такихъ чертъ, которыя не видны на оригиналѣ, на примѣръ, двухъ глазъ на лицѣ, нарисованномъ въ профиль, двухъ ногъ у всадника и т. д. Въ этомъ мы все еще можемъ видѣть вліяніе привычки и недостатокъ техники. Вліяніе послѣдняго обстоятельства сказывается, на примѣръ, въ томъ, что ребенокъ очерчиваетъ весь контуръ головы до или послѣ того, какъ нарисовалъ шляпу, потому что онъ не знаетъ какъ начать линію, изображающую видимую часть головы. Въ этомъ можно замѣтить также и вліяніе привычки. Ребенокъ, научившійся прежде всего рисовать глазъ спереди или два глаза и двѣ ноги, отдѣленные другъ отъ друга, склоненъ, частью благодаря извѣстному навыку руки, частью въ силу „ассоціаціи представленій“, держаться усвоенныхъ приѣмовъ даже тогда, когда рисуетъ лицо въ профиль. Особенно яснымъ доказательствомъ вліянія привычки служитъ введеніе изображеннаго спереди носа въ смѣшанную схему лица. То же самое мы видимъ на египетскихъ рисункахъ. Гдѣ одно плечо бываетъ изображено спереди, а другое—сбоку (см. выше, стр. 415 фиг. 39b). Однако не все при этомъ объясняется привычкой. Ею нельзя, на примѣръ, объяснить, почему ребенокъ рисуетъ три стороны дома. Недостатокъ технического искусства у маленькаго рисовальщика, отсутствіе серьезныхъ художественныхъ намѣреній, повидимому, не могутъ служить источникомъ такихъ несообразностей. Послѣднія, намъ кажется, обусловлены извѣстными особенностями дѣтскихъ представленій, и потому намъ необходимо нѣсколько ближе разсмотрѣть, какъ дѣти наблюдаютъ и воспроизводятъ въ умѣ различные предметы.

Мы думаемъ обыкновенно, что дѣти, рассматривая предметы, тщательно изслѣдуютъ ихъ и затѣмъ ясно предста-

вляють себѣ то, что видѣли. Но это предположеніе едва ли справедливо. Безъ сомнѣнія, дѣти часто поражаютъ насъ своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ мелкимъ, несущественнымъ подробностямъ, особенно если эти подробности для нихъ новы и имѣють странный видъ. Но отсюда еще очень далеко до тщательнаго, методическаго изслѣдованія предметовъ. Наблюденія дѣтей большею частью ограничиваются какой нибудь одной стороною предмета, выбранной случайно, по прихоти. Дѣти замѣчаютъ одну или двѣ поразившихъ ихъ или особенно интересныхъ черты и не замѣчаютъ всего остального. Это вполне подтверждается поразительнымъ невѣжествомъ, которое обнаруживаетъ обыкновенный нормальный ребенокъ, когда его спрашиваютъ о самыхъ знакомыхъ предметахъ. Едва ли надо прибавлять, что самостоятельныя наблюденія дѣтей очень отличаются отъ внимательнаго анализа формъ и ихъ взаимныхъ отношеній, составляющаго основу того процесса, путемъ котораго отчетливо схватывается направленіе отдѣльныхъ линій, расположеніе и относительная величина частей какой нибудь фигуры.

Въ такомъ случаѣ можно сказать, что въ рисункахъ дѣтей на каждой ступени отражаются недостатки ихъ наблюденій. Такъ, первоначальная простая схема человѣческаго лица соотвѣтствуетъ первымъ неполнымъ наблюденіямъ и вытекающему изъ нихъ неполному представленію, а также недостатку художественнаго замысла и техническаго искусства. Я не могу съ увѣренностью сказать, насколько неполны наблюденія въ этомъ первомъ періодѣ. По этому вопросу необходимы еще дальнѣйшія экспериментальныя изслѣдованія. Я склоненъ думать, какъ уже замѣтилъ выше, что въ этомъ періодѣ нарисованное изображеніе гораздо хуже, нежели зрительный образъ.

Когда ребенокъ начинаетъ изображать предметъ съ различныхъ сторонъ, тогда недостатки его зрительныхъ образовъ проявляются еще гораздо рѣзче. Мы должны помнить, что ребенокъ скоро выходитъ изъ того періода, когда онъ

припоминаетъ и представляетъ себѣ только одинъ опредѣленный видъ предмета, напримѣръ, лицо своей матери спереди или фасадъ своего дома. Какъ только онъ начинаетъ понимать рѣчь другихъ и подражать ей, онъ начинаетъ соединять различные зрительные образы одного и того же предмета въ одно цѣлое, которое мы называемъ представленіемъ объ этомъ предметѣ. Думая о своемъ отцѣ или домѣ, ребенокъ четырехъ-пяти лѣтъ, вѣроятно, смутно припоминаетъ разрозненные и несоотвѣтственные зрительные образы, при чемъ видъ спереди, въ общемъ запечатлѣвающійся лучше всего, играетъ господствующую роль; но и поражающія черты вида сбоку также могутъ въ это время входить въ сознаніе. Рядомъ съ этимъ процессомъ соединенія отдѣльныхъ представлений въ одно цѣлое, называемое предметомъ, происходитъ и дальнѣйшій процессъ, въ которомъ представленія объ отдѣльныхъ предметахъ соединяются въ видовые или типическіе образы, соотвѣтствующіе человѣку, лошади, дому вообще. Ребенокъ пяти-шести лѣтъ не только не поглощенъ индивидуальными образами и конкретными предметами, какъ часто предполагаютъ, но уже выполняетъ значительныя обобщенія, главнымъ образомъ при помощи языка. Такъ, „человѣкъ“, сведенный на зрительные образы, означаетъ для него (согласно его извѣстной словесной формулѣ) нѣчто съ головой, двумя глазами и т. д. Поэтому ребенку нѣтъ нужды представлять себѣ въ умѣ этотъ образъ, черты котораго связаны въ его памяти словесными выраженіями.

Когда ребенокъ рисуетъ, онъ не представляетъ себѣ, подобно художнику, яснаго образа подлиннаго предмета, которымъ онъ могъ бы при этомъ руководствоваться. Имъ руководить не живой и ясный чувственный образъ, а масса обобщенныхъ свѣдѣній, воплощенныхъ въ словахъ—въ логической формѣ опредѣленія или описанія. Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключается главная причина той беззаботности, съ которой ребенокъ помѣщаетъ въ одномъ и томъ же рисункѣ черты лица, изображенныя какъ спереди, такъ и въ профиль. Набрасывая свою схему, онъ не старается

нарисовать или точно воспроизвести чтонибудь, а скорее желает перечислить при помощи новаго средства—карандаша—то, что онъ знаетъ о какомънибудь предметѣ. Стремясь изобразить посредствомъ линій знакомые предметы, онъ нисколько не смущается законами оптическихъ явленій и, не обращая вниманія на перспективу, заставляя зрителя видѣть заднюю сторону предмета, видѣть одинъ предметъ сквозь другой и т. д.

Изъ того, что въ этомъ періодѣ ребенокъ при рисованіи руководствуется своими познаніями о вещахъ, взятыхъ въ цѣломъ, а не представленіями объ ихъ дѣйствительномъ внѣшнемъ видѣ, мы можемъ понять, почему юный художникъ не замѣчаетъ несообразностей своихъ рисунковъ. Ему нѣтъ нужды сравнивать свой рисунокъ съ настоящимъ предметомъ: въ качествѣ описанія рисунокъ совершенно правиленъ. Мы уже указывали, какое господствующее мѣсто эта мысль занимаетъ въ воззрѣніяхъ ребенка на рисунки. Точное изображеніе въ профиль онъ считаетъ неправильнымъ описаніемъ предмета; видя рисунокъ, на которомъ изображена задняя часть лошади, входящей въ конюшню, онъ возмущается и спрашиваетъ: „А гдѣ ея голова?“ Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что теперь дѣтская логика приводитъ къ тому же, къ чему раньше, во время игры, приводило живое воображеніе: она мѣшаетъ художнику видѣть, какъ выглядятъ на самомъ дѣлѣ созданія его карандаша.

Вскорѣ привычка присоединяетъ еще и свою волшебную силу, и самыя невозможныя сочетанія—два глаза, помѣщенные съ одной стороны нарисованнаго въ профиль носа, обѣ ноги всадника, которымъ нисколько не мѣшаетъ объемистое туловище животнаго, цѣликомъ видимый человекъ, сидящій въ лодкѣ или въ вагонѣ,—такія сочетанія становятся постоянными у ребенка и кажутся ему вполне правильной формой рисунка.

Все это показываетъ, что глазъ ребенка уже очень рано теряетъ свою „невинность“ и начинаетъ видѣть не то, что дѣйствительно находится передъ нимъ, а то, что—какъ го-

ворять ему его познанія и логика—должно находиться передь нимъ. Другими словами, его чувственные воспріятія уже извращены для цѣлей искусства, благодаря слишкомъ большой примѣси разсудочности. Эта извращенность вполне сходна съ той, которой подвергаемся всѣ мы, когда теряемъ первоначальную способность видѣть цвѣта, когда присоединяемъ къ своимъ „зрительнымъ воспріятіямъ“, какъ мы ихъ называемъ, элементы памяти и логическія умозаключенія. Такъ, когда мы говоримъ, что склонъ отдаленной горы имѣетъ „зеленый“ цвѣтъ, то наше утвержденіе основано только на догадкѣ, что онъ покрытъ травой, и на знаніи, что трава, разсматриваемая вблизи, имѣетъ зеленый цвѣтъ.

Я удѣлил много мѣста тѣмъ особенностямъ дѣтскихъ рисунковъ, которыя мы съ нашей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія взрослыхъ людей, должны назвать недостатками. Но, заканчивая настоящій очеркъ, мы по всей справедливости должны замѣтить, что у этихъ рисунковъ есть и лучшія качества, которыя вполне заслуживаютъ признанія. Какъ ни грубы и ошибочны рисунки дѣтей, какъ ни противорѣчатъ они иногда самимъ себѣ, они все же не вполне лишены художественныхъ достоинствъ. Даже схематическій набросокъ, несмотря на всю свою несообразность, относится къ области настоящаго искусства, которое, въ сущности, также скорѣе выбираетъ и намѣчаетъ, чѣмъ дѣйствительно воспроизводитъ. Даже въ этихъ грубыхъ наброскахъ мы можемъ подмѣтить зарождающееся чувство цѣнности, умѣнье выбирать характерныя черты. Объ этомъ свидѣтельствуетъ даже первоначальное изображеніе лишенной туловища человѣческой фигуры; ибо, хотя, какъ мы видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ, туловище играетъ важную роль въ развитіи представленія о собственномъ „я“, оно для художественныхъ цѣлей представляетъ меньшій интересъ и имѣетъ меньше значенія, чѣмъ голова. Во всякомъ случаѣ ясно, что, благодаря именно этой склонности выбирать только характерныя черты на позднѣйшихъ рисункахъ появляются пуговицы, трубка, палка, зонтикъ и т. д..

Замѣтимъ еще, что даже въ этихъ неумѣлыхъ рисункахъ, гдѣ условность и традиція играютъ такую большую роль, мы уже находимъ нѣкоторые слабыя указанія на болѣе свободную личную инициативу. Объ этомъ свидѣлствуютъ, напримѣръ, различныя изображенія волосъ, рукъ и ногъ. Мы можемъ поэтому сказать, что даже грубыя дѣти, которыя учатся въ начальныхъ школахъ и, вѣроятно, никогда не разовьютъ въ себѣ художественныхъ талантовъ, обнаруживаютъ зачатки художественнаго чутья. Простая справедливость заставляетъ насъ признать, что ихъ грубые и топорные рисунки, несмотря на всю свою ограниченность, выражаютъ извѣстное индивидуальное чувство и намѣреніе, что они, какъ настоящія художественныя произведенія, передаютъ личное настроеніе. Эти черты яснѣе всего проявляются въ тѣхъ рисункахъ, на которыхъ изображены какія нибудь дѣйствія, но онѣ не совсѣмъ отсутствуютъ и въ болѣе раннихъ неподвижныхъ фигурахъ. Сравнимъ, напримѣръ, выраженія смѣлости и силы въ фиг. 5а (стр. 381), оскаленную, безстыдную физиономію въ фиг. 6а (стр. 383), вызывающій видъ въ фиг. 20b (стр. 393), фанфарона въ фиг. 32 (стр. 407), пьяную веселость въ фиг. 17 (стр. 391), нелѣпый испугъ въ фиг. 24b (стр. 397), безмысленный порывъ въ фиг. 26а (стр. 399), веселость ирландца, не покидающую его даже тогда, когда онъ собирается кого нибудь убить, въ фиг. 34 (стр. 408), желѣзную рѣшимость въ фиг. 29а (стр. 403), низкое лукавство въ фиг. 38 (стр. 411) и сдержанную простоту въ фиг. 26с (стр. 399); замѣтимъ также забавное разнообразіе въ характерѣ лошадей въ фиг. 45f (стр. 423) и сл.

Когда у ребенка развивается болѣе тонкое эстетическое чутье, тогда первоначальные, грубо описательные рисунки теряютъ для него свою привлекательность. Одинъ изъ моихъ друзей, извѣстный психологъ, замѣтилъ, что его дѣти, желая нарисовать что нибудь красивое, напримѣръ, красивую даму, отступаютъ отъ своихъ обычныхъ пріемовъ, тщательно присматриваются къ сдѣланному ими рисунку и признаютъ его дурнымъ. Это наблюденіе кажется мнѣ очень важнымъ. Именно

чувство красоты заставляет ребенка внимательно относиться къ внѣшнему виду предметовъ, и болѣе тонкое наблюдение формъ обыкновенно возникаетъ изъ этого зарождающагося чувства красоты. И развѣ нельзя сказать, что только тогда, когда появляется зачатокъ эстетическаго чувства красоты, когда ребенку начинаетъ нравиться самый видъ извѣстныхъ предметовъ, — что только тогда можетъ начаться настоящее художественное творчество, сознательная попытка изобразить на бумагѣ видъ того, что нравится глазамъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ УКАЗАНІЯ.

Общія сочиненія по психологiи ребенка.

D. Tiedemann. Memoiren (замѣтки о его двухлѣтнемъ сынѣ, въ послѣдствіи извѣстномъ біологѣ Ф. Тидеманнѣ, рожд. въ 1781 г.). Франц. пер. сдѣланъ *Perez* подъ заглавіемъ. *Th. Tiedemann et la Science de l'Enfant*, 1881.

J. E. Löbisch. Entwicklungsgeschichte der Seele des Kindes, 1851.

B. Sigismund. Kind und Welt, 1856. Русск. пер. *Сигизмундъ*, Дитя и міръ. Спб. 1866.

C. Darwin. Biographical Sketch of an Infant, въ *Mind*, II, 1877, стр. 285—294.

B. Perez. Les trois premières Années de l'Enfant, 1878. Русск. пер. *Перез*. Первые три года жизни ребенка, Спб. 1879.

Его же. L'Education morale dès le Berceau, 3-е éd., 1891.

Его же. L'Education intellectuelle dès le Berceau, 1896. Русск. пер. Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели, Москва, 1897.

Его же. L'Enfant de trois à sept ans, 1886.

W. Preyer. Die Seele des Kindes, 4 Aufl. 1895. Русск. пер. сокращеннаго нѣмецкаго изданія: *Прейеръ*. Душа ребенка, Спб. 1891.

E. Tracy. The Psychology of Childhood, 2 ed. Boston. U. S., 1894. Русск. пер. *Трэйси*. Психологія перваго дѣтства, Спб. 1899.

G. Compaillé. L'Evolution intellectuelle et morale de l'Enfant, 1893. Русск. пер. *Компэре*. Умственное и нравственное развитіе ребенка, Спб. 1896.

M. W. Shinn. Notes on the Development of a Child, Berkeley, U. S. 1893—94.

Paola Lombroso. Saggi di Psicologia del Bambino (Roma, 1894).

J. M. Baldwin. Mental Development in the Child and the Race, 1895.

Сочиненія по отдѣльнымъ вопросамъ.

Воображеніе и игра.

J. Klüber. Das Märchen und die kindliche Phantasie, 1866.

F. Queyrat. L'Imagination et ses Variétés chez l'Enfant, 1893. Русск. пер. *Кейра*. Воображеніе и память. 2-е изд. Спб. 1898.

Слѣдуетъ указать также на названныя выше сочиненія Пэре и Компэре, на книгу г-жи *Necker*, *L'Education progressive*, на автобиографію Жоржъ Зандъ (*Histoire de ma vie*), на сочиненія Фребеля и его послѣдователей о сущности игры.

Мысли и разсужденія.

E. Egger. Observations et Reflexions sur le Developpement de l'Intelligence et du Langage chez les Enfants, 1881.

Thoughts and Reasonings of Children. Classified by *H. W. Brown*, перепечатано изъ *Pedagogical Seminary*, vol. II, № 3 (Worcester, U. S.).

См. также указанныя сочиненія Прейера, Пэре и Компэре.

Слѣдуетъ указать еще на нѣкоторыя изслѣдованія нѣмецкихъ и иныхъ ученыхъ по вопросу о дѣтскомъ мышленіи: *Bartholmai*. Psychologische Statistik въ *Stoy's Allgemeine Schulzeitung*, 1871; *Lange*. Der Vorstellungskreis unserer sechsjährigen Kleinen въ *Stoy's Allgem. Schulzeitung*, 1879; *Hartmann*. Analyse des kindlichen Gedankenkreises, 2-е изд. 1890; *Stanly Hall*. Contents of Children's Minds въ *Princeton Review*, New Series, т. II. 1883, стр. 249 и въ *Pedagogical Seminary*, т. I, № 2.

Рѣчь.

A. Keber. Zur Philosophie der Kindersprache, 2-е изд. 1890.

H. Taine. De l'Acquisition du Langage chez les Enfants, 1877.

Sir E. Pollock. An Infant's Progress in Language, *Mind*, III, 1878, стр. 392—401.

F. Schultze. Die Sprache des Kindes, 1880.

E. Egger. Observations et Reflexions sur le Developpement de l'Intelligence et du Langage chez les Enfants, 1881.

L. Treitel. Der Sprachstörung und Sprachentwicklung, Berlin, 1892.

H. Gutzmann. Des Kindes Sprache und Sprachfehler, 1894.

J. Dewey. The Psychology of Infant Language въ *Psychological Review*, 1894.

Другія сочиненія въ этой области указаны у *Preyer*, *Die Seele des Kindes*, ч. III, гл. VI, гдѣ вопросъ изслѣдованъ исчерпывающимъ образомъ.

Страхъ.

Здѣсь слѣдуетъ указать *Locke*, *Thoughts on Education*, русск. пер. *Локкъ*. Мысли о воспитаніи, Москва, 1896. *Rousseau*, *Emile*, русск. пер. *Руссо*, Эмиль, Москва, 1896, а также поименованныя выше сочиненія госпожи Неккеръ, Жоржъ Зандъ, Прейера, Пэре и Компэре.

Нравственныя особенности.

О нихъ говорятъ въ своихъ произведеніяхъ Локкъ, Руссо, г-жа Неккеръ, Пэре и Компэре, а также большинство авторовъ, писавшихъ о воспитаніи. См. также *Perez*, *Le Caractère de l'Enfant à l'Homme*, Вопросъ о дѣтской лжи наиболѣе полно изслѣдованъ *Stanly Hall* емъ въ *The American Journal of Psychology*, т. III, и въ *The Pedagogical Seminary*, т. I, и *Компэре*, Умственное и нравственное развитіе ребенка, гл. XIV.

Искусство.

B. Perez. L'Art et la Poésie chez l'Enfant, 1888.

Рисование.

Corrado Ricci. L'arte dei Bambini (Bologna, 1887).

J. Passy. Note sur les Dessins d'Enfants въ Revue Philosophique, 1891.

Earl Barnes. A Study of Children's Drawings въ Pedagogical Seminary, т. II, № 3, стр. 455 и сл.

Указанія на другія книги по психологiи дѣтства можно найти у *Тресси*. Психологiя перваго дѣтства, въ Handbook of the Illinois Society for Child Study, 1895, въ статьѣ *B. Hartmann'a* Alterstypen въ Rein's Encyclop. Handbuch der Pädagogik, т. I, стр. 49, и въ очеркѣ *C. Schubert'a* Elternfragen въ Rein's Aus dem pädag. Universitätsseminar zu Jena, 1894.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	3
I. Введеніе	5
II. Возрастъ, когда господствуетъ воображеніе	33
Почему мы приписываемъ дѣтямъ богатое воображеніе	33
Переработка предметовъ воображеніемъ	37
Воображеніе и игра	45
Свободное созданіе фантастическихъ образовъ	63
Воображеніе и сказочная страна	66
III. Разсвѣтъ разума	77
Процессъ мышленія	77
Періодъ вопросовъ	89
IV. Продукты дѣтской мысли	108
Мысли ребенка о природѣ	108
Психологическія представленія	129
Богословскія представленія	142
V. Маленькій языковѣдъ	156
Первый лепетъ	156
Переходъ къ членораздѣльной рѣчи	162
Первое копированіе рѣчи	172
Преобразованіе нашихъ словъ	174
Логическая сторона дѣтскаго языка	186
Образованіе предложеній	197
Слова получаютъ настоящее значеніе	209
VI. О страхахъ	216
Чувствительность дѣтей	216
Устрашающее дѣйствіе звуковъ	219
Страхъ передъ видимыми предметами	225
Страхъ передъ животными	234
Боязнь темноты	239
Страхъ и средства для его облегченія	247

VII. Основные элементы нравственности	257
Первоначальный эгоизмъ	257
✓ Зачатки альтруизма	273
✓ Лживость дѣтей	283
VIII. О подчиненіи	300
Борьба съ порядкомъ	300
✓ Дитя, какъ сторонникъ порядка	312
Мудрый законодатель	325
IX. Дитя, какъ художникъ	334
Первыя впечатлѣнія отъ красоты въ природѣ	336
Отношеніе ребенка къ искусству	345
Начало художественнаго творчества	357
X. Маленькій рисовальщикъ	372
Первые опыты рисованія	372
Первыя изображенія человѣческой фигуры	377
Человѣческая фигура спереди и въ профиль	400
Первыя изображенія животныхъ	419
Человѣкъ верхомъ и т. д.	425
Сводка фактовъ	430
Объясненіе фактовъ	435

Библиографическія указанія.

7371

НБ ПНУС

7371